

ОБЪЕДИНЕНИЕ
ПРАВОСЛАВНЫХ
УЧЕНЫХ

СЕРИЯ ТРУДОВ

Книга 7

С. И. Сулимов, И. В. Черниговских, В. Д. Черных

ВАРВАРСТВО И ЦИВИЛИЗАЦИЯ: СПЕЦИФИКА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

2022

Межрегиональная просветительская общественная организация
«Объединение православных учёных»

С. И. Сулимов, И. В. Черниговских, В. Д. Черных

ВАРВАРСТВО И ЦИВИЛИЗАЦИЯ: СПЕЦИФИКА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Монография

Воронеж
Издательско-полиграфический центр
«Научная книга»
2022

УДК 316.722

ББК 71.122

С89

А в т о р ы:

канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры истории философии и культуры
Воронежского государственного университета

С. И. Сулимов;

канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии и истории
Воронежского государственного университета инженерных технологий

И. В. Черниговских;

канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры философии и истории
Воронежского государственного университета инженерных технологий

В. Д. Черных

Р е ц е н з е н т ы:

д-р филос. наук, проф. *А. В. Арапов;*

д-р филос. наук, проф. *Б. В. Васильев*

Сулимов, С. И.

С89 Варварство и цивилизация: специфика межкультурного взаимодействия : монография / [С. И. Сулимов, И. В. Черниговских, В. Д. Черных]. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2022. – 526 с., [20] с. ил. – ISBN 978-5-4446-1657-4. – Текст : непосредственный.

Данная работа посвящена социально-философской и культурологической интерпретации взаимодействий между варварским и цивилизованным обществами. Опираясь на исторические факты, авторы выделяют универсальные черты варварской культуры и прослеживают военно-политический и духовный аспекты соседства цивилизации и варварства. В заключительной части работы исследуется взаимодействие с варварами современной евро-американской цивилизации.

Монография предназначена для студентов и преподавателей гуманитарных факультетов, а также для широкого круга читателей, интересующихся социально-философской, культурологической и исторической проблематикой.

УДК 316.722

ББК 71.122

© Сулимов С. И., Черниговских И. В.,
Черных В. Д., 2022

© МПО ОО «Объединение
православных учёных», 2022

© Оформление.

Издательско-полиграфический центр
«Научная книга», 2022

ISBN 978-5-4446-1657-4

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1: Понятие варварства.....	8
1.1. Цивилизация и внешние варвары.....	8
1.2. Особенности варварской культуры.....	42
1.3. Цивилизация и внутренние варвары.....	67
Глава 2: Политическое соседство варварства и цивилизации.....	103
2.1. Военно-политическое противостояние молодой цивилизации и варваров.....	103
2.2. Военно-политическое противостояние эпохи зрелости и распада цивилизаций.....	141
2.3. Фортификация – лимес или фронтир?.....	210
Глава 3: Духовное соседство варварства и цивилизации.....	250
3.1. Светские попытки ассимиляции варваров.....	250
3.2. Религиозный прозелитизм и варварская паства...	294
3.3. Противостояние варваров религиозной экспансии цивилизованного общества.....	368
Глава 4: Варвары наших дней.....	410
4.1. Особенности внутреннего и внешнего варварства в США.....	410
4.2. Специфика современного варварства в Западной Европе.....	455
Заключение.....	507
Список использованной литературы.....	509

Введение

На протяжении всего исторического процесса наблюдается своеобразное противостояние между варварством и цивилизацией. Причём, ни одна из противоборствующих сторон ни разу не смогла добиться окончательной победы над противником. Речь идёт не только и не столько о военной конфронтации, сколько о проникающем влиянии, которое по замыслу участников должно закончиться социальной и духовной ассимиляцией противоположной стороны. Маятник доминирующего влияния раскачивается от цивилизации к варварам и обратно, до наших дней не создав ещё ситуации, в ходе которой одна сторона полностью поглотила бы другую. Сначала цивилизованное общество теснит и «окультуривает» своих варварских соседей, затем между обеими сторонами устанавливается равновесие, которое вскоре сменяется возрастающим давлением варваров на цивилизованное общество, которое чаще всего терпит политический крах под этим напором. Причём, среди цивилизованных граждан всегда встречается немало коллаборационистов, оказывающих варварам тайную и явную поддержку. Не в последнюю очередь благодаря этим людям политические структуры цивилизации оказываются разрушены внешним врагом. Однако варвары не уничтожают наследие поверженного высокоразвитого соседа и нередко даже пытаются возродить его в доступных своему пониманию формах. Таким образом, на месте прошедшей битвы между варварами и их цивилизованными соседями возникает молодое общество – уже не варварское, ещё не цивилизованное и никогда не повторяющее формы и исторический путь поверженной цивилизации.

Исторические примеры данного процесса найти очень легко: они встречаются во всех эпохах и регионах, где существовали или существуют развитые цивилизации. Античная цивилизация планомерно и до поры неудержимо наступала на варварский мир по двум направлениям: греки и македонцы осваивали и приобщали к своей культуре восточные регионы, а римляне насильственно романизировали Западную и Центральную Европу. В начале н.э. импульс античной экспансии угас, и цивилизованное общество перешло к обороне своих границ, по-прежнему взаимодейст-

вую с варварами, но больше не пытаюсь их покорить в политическом отношении. Более того, государство, претендующее на роль мировой империи, принялось отгораживаться от менее сильных в военном отношении соседей колоссальными фортификационными сооружениями, вошедшими в историю как *лимес*. И эта защитная мера не помогла: в IV в. н.э. варвары-германцы всё-таки прорвали имперскую оборону, почти не встречая сопротивления, оккупировали наиболее приглянувшиеся им римские провинции и уничтожили в Западном Средиземноморье императорскую власть, заменив её на собственные княжества и королевства. Однако уже в VI в. н.э. почти каждый варварский вождь исповедовал не религию своих предков, а заимствованное у римлян христианство, оказывал Церкви знаки внимания и стремился походить на свергнутых его недалёкими предками римских патрициев. Более того, суровые победители даже унаследовали от побеждённых их письменность.

Аналогичным образом звучит и ритм китайской истории в древности и Средневековье: степные варвары-кочевники раз за разом подвергались экономическому и политическому влиянию китайской монархии, затем на северных границах Поднебесной устанавливалось равновесие, которое императорские династии пытались усилить при помощи системы лимесов, вошедших в историю как Великая китайская стена. И, как и в античности, данные меры оказывались тщетны: кочевники раз за разом врываются в Китай, свергают его правителей, и престол оказывался в их руках. Однако раз за разом степные победители быстро проникались культурой побежденного, но не уничтоженного цивилизованного общества и превращались в его защитников от собственных соплеменников, живших за пределами лимеса.

Мы можем обнаружить подобный исторический цикл везде, где существовали цивилизации, имевшие письменность и поэтому фиксирующие происходящие события. Так, варварские нашествия были знакомы городам-государствам древней Месопотамии, средневековым мусульманским государствам Ближнего Востока, индийским княжествам и даже развитым цивилизациям древней Мексики.

Современная цивилизация претендует на глобальность и негласно стремится нивелировать различия между всеми существующими народами и культурами, превратив мир в огромный рынок. Однако, приблизительно, таким образом рассуждали и древние римляне, пытавшиеся создать *раха гомана* («римский мир»), и средневековые мусульманские халифы, стремившиеся сделать мир исламским, и китайские императоры, считавшие всех людей своими подданными. Поэтому полагать, что в наши дни ритм противостояния варварства и цивилизации более не актуален, по меньшей мере, наивно.

В данной работе мы проанализируем политический и духовный аспекты соседства цивилизованного и варварского обществ, уделяя первостепенное внимание процессу межкультурного взаимодействия, понимаемому как обмен между обществами. Ведь обмен ударами является таким же обменом, как и любой другой. В качестве фактического материала мы намеренно будем использовать примеры не только из античной практики. В частности, для каждой особенности межкультурного диалога между варварством и цивилизацией мы будем искать аналогии не только в греко-римской, но и китайской, ближневосточной или русской истории.

Книга состоит из четырёх глав (одиннадцати параграфов). В первой главе мы определим понятия варварства и цивилизации, и, тем самым, придаём работе концептуальную строгость. Во второй главе рассмотрим особенности и этапы политического взаимодействия варварского и цивилизованного обществ, уделяя внимание их военному противостоянию на различных этапах развития цивилизации. Третья глава посвящена духовному воздействию цивилизации на варварство и универсальным следствиям этого процесса: на примерах импорта светского образования и религиозного прозелитизма, осуществляемого цивилизацией в адрес варварских соседей, мы обнаружим наиболее действенное средство мирной интеграции варваров в сферу цивилизации. В четвертой же главе мы рассмотрим взаимодействие евро-американской (западной) цивилизации и варварства в современном глобальном мире, уделив внимание состоянию цивилизован-

ного и варварского обществ в Северной Америке и Западной Европе. Заключение обобщает итоги проделанной нами работы.

Мы выражаем искреннюю благодарность старшим научным сотрудникам Института востоковедения РАН Виктору Михайловичу Немчинову и Дарье Владимировне Жигульской, познакомившим нас с увлекательными сюжетами ближневосточного Средневековья; профессору Московского педагогического государственного университета Анне Александровне Шевцовой, во время написания этой книги неустанно поддерживавшей наш интерес к китайской истории; старшему научному сотруднику ИНИОН РАН Динаре Дмитриевне Трегубовой, любезно предоставившей нам текст «Хэй да ши люэ»; профессору Виктору Павловичу Римскому, доценту Сергею Васильевичу Резнику и старшему преподавателю Виталию Николаевичу Медведеву из Белгородского государственного университета, поделившимся с нами своими исследованиями феномена европейского ислама; и учителю истории Землянской средней общеобразовательной школы с углубленным изучением отдельных предметов Никите Владимировичу Плеханову, подсказавшему нам мысль о сравнении Рейнского лимеса и Белгородской засечной черты. Также мы признательны главе Объединения православных учёных протоиерею Геннадию (Заридзе) и сотрудникам Воронежской областной универсальной научной библиотеки им. И. С. Никитина, без помощи которых эта книга не была бы написана. А ещё мы сердечно благодарны нашим студентам, потому что без вопросов со стороны этих почемучек мы вряд ли взяли бы за данное исследование.

*С. И. Сулимов
И. В. Черниговских
В. Д. Черных*

Глава 1. Понятие варварства.

1.1. Цивилизация и внешние варвары.

Размышляя о феномене варварства, исследователь сталкивается с парадоксальным фактом. Ведь являясь активным действующим фактором мировой истории, варвары никогда не позиционируют себя как варвары. Например, многие варварские вожди осуществляли разрушительные вторжения в земли цивилизованных народов, но ни один из них не объявлял себя носителем какого-то иного, отличного от цивилизации культурного начала. Более того, если летописцы, хронисты и политики того или иного цивилизованного общества чётко различают цивилизацию и варварство, относясь к представителям других, даже враждебных цивилизаций с уважением, то варвары не ощущают своего родства с другими варварами. Проще говоря, варвары не считают себя варварами, и их обобщенный образ во многом создан цивилизованными исследователями. Отечественный историк В. П. Буданова остроумно заметила: «Как известно, у германцев не было ни своего Гомера, ни Тита Ливия, ни Прокопия. Всё, что мы о них знаем, принадлежит, в основном, перу греко-римских историков, язык сочинений которых не всегда адекватен явлениям германской действительности»¹. То есть, как мы неоднократно увидим ниже, образ варвара создан цивилизованным наблюдателем и далеко не всегда отражает суть данного явления. Ведь при таком ракурсе зритель всегда проецирует на объект осмотра некоторые свои черты, а незнакомые особенности, наоборот, порой не замечает. Поэтому прежде, чем говорить о варварстве, нужно сначала уточнить суть явления цивилизации, потому что именно её представители сформулировали понятие варварства и противопоставили данный феномен своему обществу.

Существует множество подходов к пониманию цивилизации, и даже простое их перечисление увело бы нас слишком далеко от темы исследования. Поэтому для того, чтобы кратко обозначить

¹ Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е. Великое переселение народов. Этнополитические и социальные аспекты. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2011. – С. 8.

основные черты данного явления, мы обратимся к работе отечественного автора Н. В. Мотрошиловой. Она определяет цивилизацию как усложняющееся взаимодействие влияющих на общество природно-биологических факторов с социально-историческими регулятивами, возрастающее значение последних в развитии человеческого рода¹. То есть во взаимодействии природно-биологических и социально-исторических факторов, которое неизбежно присутствует в любом обществе, в цивилизации доминируют социально-исторические факторы. Природа (например, экологическая ситуация) не отменяют своих требований к людям, но цивилизованное общество осмысливает эти проблемы и решает их различными методами, а нецивилизованное – реагирует лишь первичным способом. Например, цивилизованные общества древних Египта и Месопотамии буквально приручили засушливый ландшафт, создавая искусные ирригационные системы, а нецивилизованные гунны попросту мигрировали от засухи. Однако, как мы увидим ниже, нецивилизованный народ вовсе не является полной противоположностью народу цивилизованному.

Н. В. Мотрошилова выделяет девять признаков цивилизованного общества, некоторые из которых звучат довольно спорно. Например, она полагает, что для цивилизованного общества характерно стремление к ненасильственному решению проблем. Но ведь именно цивилизованное общество создало целую индустрию вооружений и современный тип войны, при котором мирное население страдает не в меньшей или даже в большей мере, чем комбатанты. Поэтому мы обратимся к более точной характеристике цивилизованного общества, данной тем же исследователем. Так, Н. В. Мотрошилова обнаруживает три черты, характерные для любого цивилизованного человека, к какой бы цивилизации он ни принадлежал. Вот эти особенности: трудолюбие, правосознание и стремление к материальному комфорту. По мысли исследователя, лишь сумма этих черт формирует личный и обществен-

¹ Мотрошилова Н. В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. – Москва : ИФРАН, 2010. – 2-е изд., расширенное и справ. – С. 22.

ный характер, стремящийся преобразовать природу и устроить социум так, чтобы каждому индивиду в нём было комфортно.

Мы полагаем, что указанные черты действительно характерны для цивилизованных людей и обществ, но выглядят и функционируют они не столь прямолинейно. Так, трудолюбие и стремление к материальному комфорту в сумме порождают стремление к нарастающей рационализации труда, которая позволяет всё меньшему числу людей участвовать в выполнении грязных и тяжелых работ. В этом смысле классическое рабство является таким же порождением цивилизации, как и промышленный переворот XVIII в. Развитое правосознание позволяет не только понятным и доходчивым образом регламентировать отношения между гражданами цивилизованного общества, но и в юридических терминах объяснить, кто гражданином точно не является и никаких прав не имеет. Именно благодаря правосознанию, рационализации труда и стремлению к материальному комфорту возникли классическое рабство античности и плантационное рабство Нового времени. По аналогичному пути пошла и рационализация военного дела, позволившая цивилизованным обществам создать профессиональные армии, избавившие рядовых граждан от необходимости участвовать в сражениях, но этот же процесс рационализации ратного труда создал такие виды оружия и методы ведения войны, при которых сами понятия «воин» и «воинская честь» превратились в архаизм. К примеру, пилот бомбардировщика за один боевой вылет уносит столько жизней, сколько ни один варварский берсерк не смог бы отнять на протяжении всей своей воинской карьеры. Тем более, что цивилизованная война ведётся вдали от глаз обывателя и поэтому не осуждается большинством граждан. Таким образом, цивилизованное общество действительно имеет ряд важных признаков, отличающих его от обществ нецивилизованных, но взаимодействуют эти черты между собой далеко не всегда благотворно. В разделе, посвященном внутреннему варварству, мы увидим, как цивилизованное общество создаёт собственных разрушителей и могильщиков.

Говоря о цивилизованном обществе, нам необходимо как-то разграничить понятия культуры и цивилизации. Существует немало мнений относительно того, являются ли эти слова синони-

мами или они противоположны друг другу по значению. Чтобы не углублять путаницу, мы будем опираться на определении культуры, данное Н. В. Мотрошиловой: «Полагаю, что слово «культура» – в случае теоретической заботы о понятийных пояснениях, а не чисто беллетристического отношения к делу – целесообразно зарезервировать именно за указанной специальной работой над целями, ценностями, сущностями, нормами, смыслами (религиозными, нравственными, правовыми, художественными, научными, философскими и т.д.)»¹. То есть культура – это та часть цивилизации, которая подчинена поиску и формированию духовных ориентиров, духовный базис цивилизации.

Сразу же возникает вопрос: неужели жизнь обществ, которые исследователи именуют варварскими, полностью детерминирована природно-биологическими факторами? Неужели им ни в малейшей степени не свойственны ни трудолюбие, ни правосознание? А главное – неужели варварским обществам не свойственна культура ни в каком её виде? Даже при самом поверхностном взгляде становится заметно, что нецивилизированные общества всегда располагают религиозными представлениями различной степени сложности, искусством оригинальных стилей (хотя бы декоративно-прикладным), нравственными представлениями (нередко более прочными, чем их цивилизованные аналоги) и, конечно же, обычным правом. Правовые нормы варварского общества типа судебных поединков, ordeals и уплаты виры нередко кажутся цивилизованным наблюдателям дикими, но они всё же имеют социальное, а не природное происхождение. К примеру, германский правовой механизм, благодаря которому преступник-убийца может сохранить себе жизнь и свободу, уплатив штраф за совершенное преступление, представляет собой не менее фундаментальное достижение человеческого разума, нежели принятая в античном мире система адвокатской защиты.

Точно также нельзя считать варваров чуждыми техническому творчеству. К примеру, отечественный исследователь С. С. Ах-

¹ Мотрошилова Н. В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. – Москва : ИФРАН, 2010. – 2-е изд., расширенное и справ. – С. 42.

матнуров обоснованно отмечает: «Археологическая школа последователей Э. Салина и А. Франс-Ланора показала техническое превосходство варваров в металлургии и оружейном деле в сравнении с таковым у римлян. Варвары довели до совершенства ремесленные технологии в области изготовления сплавов металлов, закалки,ковки, сварки. Они изготавливали специальную сталь для лезвий мечей и топоров, которая оставалась непревзойдённой вплоть до XIX в. и превосходила всё то, что могло дать серийное производство на мануфактурах поздней Римской империи. Слоёные клинки из полос, наклеенных одна на другую, обладали в три раза лучшим сопротивлением на изгиб, чем простые»¹. Конечно же, организация производства древнегерманских оружейников во многом уступала аналогичной организации античных мануфактур, но, невзирая на это, некоторые изделия варварских ремесленников ценились представителями цивилизованного общества. Другое фундаментальное изобретение варваров, ставшее достоянием цивилизованного человечества – расположенная в доме печь-каменка, созданная и распространившаяся благодаря усилиям варваров-славян, вторгшихся на византийские территории в VI в. н.э.². Третье важнейшее варварское изобретение – стремя – было придумано кочевниками и заимствовано у них цивилизованными народами.

Поэтому Н. В. Мотрошилова не отказывает варварскому социуму в праве называться обществом, но отмечает его отсталость по многим параметрам от общества цивилизованного: «Варварство – как человеческая (всё же) история – уже подразумевает и определенную степень свободы индивида, и социальное взаимодействие индивидов и социальных групп. Но принципиальные отличия варваров от людей цивилизации – опора на подчинение грубой силой, коварство в отношении к «близким» и «далёким», незнание правовых и нравственных норм или, уже при их наличии, нежелание, неумение соблюдать их, подчинение им не иначе как

¹ Ахматнуров С. С. Кочевники Евразии: от ариев до Золотой Орды. – Москва : Родина, 2019. – С. 99-100.

² Аноним Г. После Рима. 430-800 по Рождеству. От «солдатских императоров» до Карла Великого. Книга вторая. – Москва : Изд-во Acta Diurna, 2020. – С. 195

при постоянном сохранении силы, насилия, надзора (без сознательной и внутренней потребности самостоятельно действовать в качестве правовых и нравственных субъектов)»¹.

Мы видим, что все эти критерии – относительные. Например, «опора на подчинение грубой силе» разнится в различных варварских обществах: скандинавский ярл или степной нойон нередко подкреплял свои приказы личным авторитетом и даже угрозой расправы, но ни один такой вождь не окружал себя тайной полицией или многочисленными гвардейцами хотя бы потому, что материальные возможности его дружины не позволяли этого сделать. Точно также неписанные нормы варварских «правд» могут выполняться людьми только добровольно, ведь племя или племенной союз не располагает органами уголовного сыска или карательными подразделениями. Бесспорно, привыкшим к государственной вертикали и письменному законодательству древним грекам или китайцам такие отношения казались дикими, но если сравнить древних германцев или средневековых евразийских кочевников с аборигенами Новой Гвинеи до их знакомства с европейцами, то варвары Евразии покажутся образцом цивилизованности.

Таким образом, варварство представляет собой относительное явление, то есть общество может считаться варварским лишь на фоне другого общества, считающегося цивилизованным. Причём, критерий демаркации варварства и цивилизации формулируют именно цивилизованные люди, потому что варвары сами себя варварами не считают и цивилизации не противопоставляют. Поэтому нам придётся совершить экскурс в историю понятия «варвар» и выяснить, какие цивилизации его использовали и кого этим словом называли. Ведь отказывая кому-либо в принадлежности к цивилизованному обществу, наблюдатели, тем самым, очерчивали культурные особенности, которые, на их взгляд, с цивилизацией несовместимы. А поскольку цивилизованные общества различных эпох и регионов неоднородны, то каждое из

¹ Мотрошилова Н. В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. – Москва : ИФРАН, 2010. – 2-е изд., расширенное и справ. – С. 122.

них рисует портрет «своего» варвара. Американский исследователь У. Р. Джоунс отметил по этому поводу: «В значительной мере представление о «варварстве» в каждом отдельном обществе было различным: с изменением понятия «цивилизация» менялась и концепция «варварства». Однако несмотря на то, что общепринятым признаком «варварских» обществ являлась, по-видимому, их полная или частичная принадлежность к экономике кочевого скотоводства, «варвар» как таковой был скорее не исторической реальностью, а мифическим образом, выражением гордыни и предвзятости цивилизованного человека. Таким образом, то, как различные общества определяли «варварство», даёт представление о них самих и об их идеалах»¹.

Отечественный исследователь Ю. А. Виноградов, размышляя о взаимоотношениях греков с кочевниками Северного Причерноморья, очень удачно выделил античный концепт варвара и обнаружил, что такие представления в той или иной модификации свойственны для всех развитых цивилизаций: «Временно отвлекаясь от истории греческих колоний Северного Причерноморья, хочется заметить, что само слово «варвар» вошло в современные языки именно из древнегреческого, хотя понятия «варвар» и «варварство» появились гораздо раньше – с возникновением первых цивилизаций на Древнем Востоке, тогда же возникло и противопоставление «цивилизация» – «варварство». Принадлежность к «варварам» определялась не какими-то расовыми особенностями, а, скорее, образом жизни, при этом для большей части Евразийского континента концентрированным выражением такого понимания стали кочевники Центральной Азии. Понятно, что вторжения этих народов были очень опасны для цивилизованного мира, в самом слове «варвар», как казалось, была скрыта немалая угроза. Совсем не удивительно, что у защитников цивилизации на такой почве сложилось предвзятое, высокомерное отношение к культурам «дикарей», отличие которых от культур цивилизованных государств стало считаться абсолютным. Борьба против «варварства» была декларирована как одна из задач, стоящих пе-

¹ Джоунс У. Р. «Варвары» в мировой истории: миф и реальность // *Cultures*. – 1977. – №2. – С. 157.

ред «цивилизацией»»¹. Если сосредоточить внимание на греках, то они изначально именовали варварами без разбора всех чужеземцев, язык и образ жизни которых не был эллинам понятен. Ярлык варваров одинаково навешивался как на кочевников-скифов, так и на земледельцев-кельтов и даже высокоразвитых персов и египтян. Изначально греки не противопоставляли себя варварам и лишь констатировали факт, что эллин и варвар друг другу – чужие. Но, как отмечает отечественный историк Л. П. Маринович, победа в греко-персидских войнах создала у эллинов ложное представление, будто варвары не просто чужие, но заведомо враждебные к цивилизации и уступающие ей в военном отношении². Среди греческих мыслителей даже озвучивались мнения, что варвары и эллины представляют собой два несходных антропологических типа, у которых различно всё – от анатомии до модели семьи. И, разумеется, варвары представляют собой заведомо неполноценный тип человека. К примеру, Аристотель так характеризовал социальную сущность варваров: «У варваров женщина и раб занимают одно и то же положение, и объясняется это тем, что у них отсутствует элемент, предназначенный по природе своей к властвованию. У них бывает только одна форма общения – общение раба и рабыни. Поэтому и говорит поэт: «Прилично властвовать над варварами грекам»; варвар и раб по природе своей понятия тождественные»³.

Справедливости ради отметим, что античные греки не были расистами, и их ксенофобия по отношению к варварам иссякала в тот момент, когда варвар выучивал греческий язык и пытался интегрироваться в эллинское общество. К примеру, практически во всех греческих колониях практиковались смешанные браки, а в полисах Крыма даже сформировалась общественная группа *каллипидов*, состоявшая из метисов и эллинизированных скифов.

¹ Виноградов Ю. А. Счастливый город в войне. Военная история Ольвии Понтийской (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2006. – С. 49-50.

² Маринович Л. П. Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // Античная цивилизация и варвары. – Москва : Наука, 2006. – С. 11.

³ Аристотель. Политика. – Москва : АСТ, 2010. – С. 23.

Примечательно, что, хотя каллипиды не являлись полноправными гражданами (в частности, им предписывалось жить за пределами городских стен), всё-таки греки считали их частью своего общества и охотно отводили им земли в сельской округе полисов¹. Также важно отметить, что древние греки не отрицали возможность ассимиляции варваров и приобщения их к античной культуре. Такое развитие событий виделось грекам не только возможным, но даже желательным. В частности, живший во II в. н.э. Лукиан из Самосаты, греческий писатель сирийского происхождения, так описывал встречу в Афинах двух скифов, один из которых, Анахарсис, только что приехал, а второй, Токсарид, уже давно жил в греческом городе: «Как человек приезжий, и притом варвар, Анахарсис, конечно, на первых порах испытывал немалое смятение мыслей, ничего не понимая, робея при всяком шуме, не зная, что с собою делать, так как он замечал, что возбуждает в прохожих смех своей одеждой; скиф не встречал никого, кто понимал бы его язык, и вообще уже раскисал в своём путешествии и имел твёрдое намерение, лишь взглянув на Афины, тотчас же начать осторожное отступление, сесть на корабль и плыть в Скифию. В таком положении находился Анахарсис, и вдруг уже в «горшечной» части города встречается ему, поистине точно какое-то доброе божество, этот самый Токсарид. Сначала одежда привлекла внимание Токсарида своим отечественным покроем; затем, конечно, без труда должен был он узнать и самого Анахарсиса, поскольку тот бы знатнейшего рода и находился среди важнейших из скифов. Но как было Анахарсису признать соплеменника в этом человеке, одетом по-эллински, с выбритым подбородком, без пояса и железного меча, со свободно льющейся греческой речью, в этом одном из чистокровных уроженцев самой Аттики? До такой степени Токсарида переделало время»².

В эпоху наибольшего блеска греко-македонского оружия, когда царь Александр совершил серию победоносных походов че-

¹ Болтунова А. И. О культе женского божества в Танаисе // Античный мир и варвары Евразии. – Москва : Наука, 1991. – С. 46.

² Лукиан Самосатский. Скиф, или друг на чужбине / Лукиан Самосатский. Сочинения в 2 т. – Санкт-Петербург : Алетей, 2001. – Т. 1. – С. 67.

рез мир восточных варваров до Ферганы и Индии, греки окончательно уверились в абсолютном превосходстве своей цивилизации над любой другой и были готовы «записать» в разряд варваров весь остальной, неэллинский мир. На их взгляд, завоевание эллинами какой-нибудь варварской страны является не агрессией, а едва ли не заботой о её населении, приобщении его к цивилизованной жизни. Например, Плутарх совершенно серьёзно описывал восточные походы Александра Македонского как цивилизаторскую миссию, за которую местные жители должны быть царю благодарны: «Если же мы обратимся к делам Александра, то увидим, что он воспитал гирканцев для браков, научил арахосийцев земледелию, согдианцев убедил не убивать отцов, а питать их, персов – почитать матерей, а не жениться на них. Изумление вызывает философия, благодаря которой индийцы поклоняются греческим богам, скифы хоронят умерших, а не съедают их. (...) Платон, написав единственное «Государство», никого не убедил воспользоваться этой книгой по причине её чрезвычайной суровости, Александр же, основав свыше семидесяти городов среди варварских племён и посеяв в Азии греческие нравы, победил там дикий и звероподобный образ жизни»¹. Но военная экспансия не была типичной для античного греческого общества, и поэтому, единожды расширив свой кругозор, эллины продолжали сохранять представления об окружающих обществах как об аморфном варварстве вплоть до исторической смерти Эллады.

Античные римляне, в отличие от греков пытавшиеся завоевать известный им мир и навязать ему один-единственный социально-политический порядок, быстро заметили, что их «цивилизаторская миссия» не везде удаётся одинаково. Например, кельтские народы (бритты, галлы) подвергались романизации довольно быстро, хотя и не всегда глубоко, в Германии политика романизации потерпела фиаско, а восточные народы оказались способны к культурному диалогу и благотворному межкультурному обмену. В частности, римляне даже не пытались навязывать свою культуру грекам и туземцам Леванта и ограничивались политиче-

¹ Плутарх. О судьбе и доблести Александра / Плутарх. Застольные беседы. – Москва : Эксмо, 2008. – С. 440.

ским и финансовым контролем над этим регионом. Поэтому цивилизованным завоевателям хотя бы в практических целях требовалось каким-то образом дифференцировать варварские народы. Так, Гай Юлий Цезарь, завоевав Трансальпийскую Галлию и не сумев сделать того же с Западной Германией, попросту изобрёл народ «германцев», причислив к нему те рейнские племена, которые не покорил. Как удачно отметил британский историк Дж. Хоус, в качестве «этнографической границы» Цезарь выбрал реку Рейн только потому, что на ней остановились его легионы. В своих отчетах Цезарь описывал побеждённых кельтов почти как цивилизованных людей, а непобеждённых германцев – как неисправимых и диких варваров¹. Причём, сами германцы ещё не знали о том, что они – германцы, а галльские кельты и вовсе считали представителей германских племён своими родственниками². Чуть позже, познакомившись с парфянами и персами, римляне отказались считать их варварами и, что любопытно, известные позднеантичные историки Требеллий Поллион и Флавий Вописк Сиракузянин подробно описывают императорские походы III в. на Восток, но ограничиваются лишь общими фразами о действительно важных для страны войнах с германцами на Рейне и Дунае. То есть в то время, когда судьба империи решалась на берегах Дуная, внимание историков было приковано к вялотекущему противостоянию античной и персидской цивилизаций в долине Евфрата, которое, в отличие от готского вторжения на Балканы, не угрожало существованию страны. Вероятно, большинство образованных римлян не считали германских варваров реальным политическим фактором, зато корона персидского шаха казалась им понятной по аналогии с диадемой императора.

Поскольку римляне, в отличие от греков, имели тесные контакты с представителями самых разных варварских народов, то необходимо выяснить, какие варварские черты они считали самыми яркими и характерными. Ниже мы ещё не раз вернёмся к образу варвара, созданному цивилизованными исследователями,

¹ Хоус Дж. Краткая история Германии. – Москва : Азбука-Аттикус, 2018. – С. 19.

² Брюно Ж.-Л. Галлы. – Москва : Вече, 2011. – С. 207.

а пока же обратимся к впечатлениям Цезаря (100-44 гг. до н.э.), Тацита (55-120 гг. н.э.) и Аммиана Марцеллина (330-400 гг. н.э.), которые жили в разные эпохи, но живо интересовались северными соседями империи. *Цезарь* после короткого знакомства с германским племенем свебов так описал их образ жизни: «Питаются они сравнительно мало хлебом, а главным образом молоком и мясом своего скота. Кроме того, они проводят много времени на охоте. Она развивает их физические силы и сообщает им огромный рост, благодаря особой пище, ежедневным упражнениям и полной свободе, так как их с самого детства не приучают к повиновению и дисциплине, и они делают только то, что им нравится. В конце концов они так себя закалили, что даже в самых холодных местностях надевают на себя только короткие шкуры, оставляя значительную часть тела открытой, и купаются в реках. Купцов они допускают к себе больше для продажи военной добычи, чем из желания получить какие-либо привозные товары»¹.

Живший и писавший на рубеже I в. до н.э. – I в. н.э. *Публий Корнелий Тацит* знал о германцах гораздо больше благодаря тому, что императоры Август и Тиберий совершили в земли за Рейном ряд победоносных походов, и Германия перестала быть *terra incognita*. В частности, Тацит различает германские племена и признаёт за каждым из них те или иные особенности, однако для всех германцев историк считает характерной нелюбовь к земледелию: «Пашни они меняют раз в год, и у них всё-таки ещё остаётся земля, так как они не состязаются трудом с плодородием и большим размером своей земли для того, чтобы сажать плодовые деревья, выделять луга или орошать сады: они требуют от земли одной жатвы хлеба. Поэтому они и года самого не делят на столько же частей (как мы): они знают и имеют названия для зимы, весны и лета; но осени они не знают, как по имени, так и по дарам её»². На взгляд цивилизованного, знающего толк в огородничестве, садоводстве и ландшафтном дизайне римлянина гер-

¹ Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / Гай Юлия Цезарь. – Москва : АСТ, 2007. – С. 65.

² Тацит П. К. Сочинения в 2-т. Т. 1. – Санкт-Петербург : Изд-во Л. Ф. Пантелеева, 1886. – С. 54.

манские варвары настолько ленивы и невежественны, что даже не имеют сельскохозяйственного календаря!

Аммиан Марцеллин имел дело с кочевниками-гуннами, которых он воспринимал как очередных северных варваров и не пытался отличить их от беспокоивших империю германцев. Однако в его полном неприязненного изумления описании кочевников звучат практически те же слова, что и у Цезаря и Тацита в адрес германцев: «Никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи. Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь; там жены ткут им их жалкие одежды, соединяются с мужьями, рожают, кормят детей до возмужалости»¹. Таким образом, варвары в описании Марцеллина – это всё те же нищие и ленивые дикари, своевольные, не признающие никакого порядка, выходящего за пределы межличностных и семейных отношений.

Таковыми представляли себе варваров римляне и поэтому считали своей естественной задачей либо вытеснять эти народы из Ойкумены, либо романизировать их. Современный исследователь кратко и красноречиво описал римское восприятие варваров: «Для римлянина уничтожение варваров и варварства означало утверждение незыблемости римского порядка, который всегда берёт верх над дикостью и хаосом. Римляне с одобрением смотрели на гибель варваров в цирках, а зарезанных гладиаторов-варваров никто не считал, как и пленников, убитых в ходе триумфов на потеху публике. Варвары – существа даже не второго и не третьего сорта. Скорее, это лишь некие человекоподобные твари, жалеть которых – себя, римлянина, не уважать»². Интересно, что к народам Северной Африки римляне не питали такого отвращения, вероятно, потому, что североафриканские туземцы легко шли на контакт с империей, многие из них охотно брали себе латинские имена, а кочевые вожди обеспечивали безопас-

¹ Аммиан Марцеллин. Римская история. – Москва : АСТ, 2005. – С. 539.

² Аноним Г. После Рима. 192-430 по Рождеству. От «солдатских императоров» до Карла Великого. Книга первая. – Москва : Acta Diurna, 2019. – С. 33.

ную и бесперебойную торговлю в Сахаре. Когда тот или иной берберский вождь поднимал антиримское восстание, то попадал в летописи не как сепаратист или бунтовщик, а всего лишь как разбойник.

Таким образом, античная цивилизация создавала свой образ варвара, ориентируясь на германцев и затем распространяя получившееся клише на других воинственных северян (например, на евразийских кочевников). При этом римляне, как и греки, считали варваров чуждыми именно в культурном, а не этническом отношении: в легионах позднего Рима служило немало не только солдат, но и офицеров кельтского и германского происхождения, некоторые из которых впоследствии занимали высшие командные и даже придворные должности. Нельзя сказать, что сама по себе такая система была неэффективной, ведь варвары не противопоставляли себя римлянам, так как не осознавали своего единства. Римский полководец знал, сколько под его знамёнами служит варваров-наемников, но каждый из этих наёмников отождествлял себя лишь со своими земляками и соплеменниками, а вовсе не со всеми бойцами неримского происхождения. По крайней мере, германцы не осознавали своего культурного единства и фундаментального отличия от римлян до самого конца V в. н.э.¹

До сих пор мы говорили об образе варвара, созданном представителями античной, то есть средиземноморской цивилизации. Но ведь Средиземноморье не является ни центром мира, ни единственным очагом цивилизованной жизни. Например, индийское общество зародилось и добилось успехов в политике и культуре без помощи древних греков и римлян. И, как бы удивительно это не звучало, индийская цивилизация создала собственный образ варвара, который не очень сильно отличается от античного. Если для античного мира было характерно представление о мире как Ойкумене, то индийцы имели свой вариант, именовавшийся Арьяварта (Страна Ариев), в который помимо полуострова Индостан входил также Индокитай. Каждый индийский раджа в тайне мечтал стать повелителем всей Арьяварты, но никому из местных

¹ Мюссе Л. Варварские нашествия на Европу: германский натиск. – Санкт-Петербург : Евразия, 2006. – С. 198.

владык ни разу не удалось осуществить этот замысел. Разумеется, Арьяварта была населена множеством народов, которые даже в наши дни говорят на разных языках. Однако это не мешало индийским правителям от Инда до Цейлона жить в одной культурной картине мира, основными категориями которой были теологическая доктрина «Вед» и кастовое общество. В различных регионах субконтинента эти учения и институты понимались и функционировали по-разному, но, в общем и целом, индийцы жили в одном культурном пространстве. Именно это позволило им создать образ варвара как человека, не соответствующего их традиционному стилю жизни, незваного чужака. Тем более, что в силу изолированного положения Индии чужак мог быть только непрошенным и очень упорным. Ведь с севера и северо-востока Индию блокируют Гималаи, с запада – Гиндукуш и пустыня Тар, а со всех остальных сторон – океан. Иноземцы могли появиться в регионе только в том случае, если надеялись возместить колоссальные путевые издержки за счёт местных жителей. Поэтому образ варвара, созданный индийцами, довольно похож на античный. Вот как характеризует его британский историк Д. Кей: «В индийских источниках мусульман, пришедших с первыми набегами, иногда называют яванами (греками), турусками (тюрками) или таджиками и персами. В любом случае они были млечча. Это слово означало чужеземцев, которые не умели правильно говорить, выходили за рамки кастовой системы, а самое главное – не почитали закон Дхармы. Мусульмане, как и все млечча, представлялись индусам очень злобными и несущими разрушение, вроде гуннов»¹. То есть млечча, как и античный варвар, вторгается в земли цивилизованного общества и разрушает овеянные традициями порядки, которые он не в силах понять и о которых он не может говорить из-за примитивизма собственного языка. В силу ряда политических и социальных причин индийская цивилизация ни разу не смогла дать варварам победный отпор, и поэтому индийцы, в отличие от греков и римлян, не считали варваров заведомо более слабыми в военном отношении, чем цивилизованные народы, и поэтому не пытались брать на себя

¹ Кей Д. История Индии. – Москва : Астрель, 2011. – С. 257.

цивилизаторскую миссию. Более того, почти все господствующие социальные группы традиционного индийского социума изначально были именно млечча и смогли занять в кастовом обществе привилегированное положение исключительно благодаря грубой силе и настойчивости. В надлежащем разделе нашей работы мы проанализируем причины, которые сделали индийскую цивилизацию незащищенной перед варварскими завоевателями, а пока лишь скажем, что военные поражения и чужеземное господство всё-таки не заставили индийцев признать варваров равными себе. На протяжении всей своей длинной истории индийская цивилизация хоть и терпела удары чужаков и варварские анклавы на своей территории, но жила всё-таки по собственным правилам, которые все иноземные победители были вынуждены учитывать.

Китайское представление о варварстве формировалось динамично и претерпело ряд трансформаций. На заре своей истории, ещё до появления единого государства, китайцы воспринимали варваров почти также, как индийцы, то есть считали варварами любые народы и племена, ведущие отличный от них образ жизни (не признающие культ предков и одухотворяющую роль добродетели). Уже в начале I тысячелетия до н.э. цари и князья различных китайских государств позиционировали себя как защитников Китая от варваров «четырёх морей». Если верить летописям той эпохи, то варварские племена постоянно атаковали то одно, то другое княжество и угрожали самому существованию цивилизованного общества. Однако считать этих варваров пришельцами откуда-нибудь издалека было бы неправильно. Французский исследователь М. Гране характеризует их следующим образом: «Заметим, эти постоянно и повсюду возникающие варвары отнюдь не всадники, совершающие стремительные набеги. С китайцами, воюющими на колесницах, они сражаются пешими. Так действуют жуны Севера, в 713 г. (до н.э. – С.С., И.Ч., В.Ч.) напавшие на Чжэн, и ди, с которыми приходится с 540 г. иметь дело княжеству Цзинь в центральной части Шаньси. Последние были горцами, другие же варвары, как, например, из Хуай, жили на болотах. Несомненно, ни те, ни другие, возникавшие столь внезапно, не приходили издалека. Если варварам четырёх морей было так легко вмешиваться в дела срединных княжеств, значит, по

всей видимости, вдоль болот и лесов им были известны тропы, удобные для неожиданных переходов; кроме того, на необрабатываемых землях, разделяющих, словно островки, нависшие над склонами плато и холмов княжества, они находили места отдыха и опорные пункты в занимаемых дикарями поселениях. Эти поселения в самом сердце Китая были многочисленны. (...) Очевидно, что, как ни далеко следовало бы искать идеальные границы Китая, «Четыре моря» варваров плескались у ворот царского города»¹. Эти варварские племена жили в самом Китае и отличались от носителей цивилизации только тем, что не разделяли систему ценностей, на которой основывалась социальная, политическая и духовная жизнь княжеств. После того как Китай стал единым государством в III в. до н.э. императоры довольно быстро покончили с варварской угрозой на территории страны, но политическая концепция осталась прежней: монарх правит цивилизованным миром и защищает его от варваров, враждебных цивилизации. Такая модель автоматически приравнивала любых правителей, не признававших над собой суверенитет китайского императора, к мятежным варварским вождям.

В силу географических и политических причин Китайская империя не имела у своих границ цивилизованных соседей, равных ей по силе, которые могли бы угрожать китайской культуре ниспровержением, а китайцам – ассимиляцией. Поэтому император и его советники без колебаний навешивали ярлык варваров как на кочевников-гуннов, так и на высококультурных японцев. Причём, такое положение дел сохранялось до середины XIX в. В частности, британский историк К. Пирс с иронией описывает дипломатические коллизии, произошедшие во время мирных переговоров между китайским императором из династии Мин и японским сёгуном Хидэёси Тоётоми после войны в Корее (1592–1596 гг.): «...китайцы были не в состоянии смириться с идеей, что к «варварским» правителям можно относиться как к равным. Хидэёси мог рассчитывать на раздел Кореи и, возможно, на руку принцессы Мин, но всё, что китайцы были готовы ему предложить, это признание его правителем Японии (которым он уже

¹ Гране М. Китайская цивилизация. – Москва : Алгоритм, 2016. – С. 82.

фактически являлся), предполагая, что он признает статус вассала и согласится никогда больше не вторгаться на материк»¹. Разумеется, японский правитель не принял таких условий, потому что не считал ни себя, ни свой политический режим зависимыми от Китая.

Однако политические контакты и конфликты Китайской империи с цивилизованными обществами вроде арабов, японцев и русских были крайне редки и поэтому не получали адекватного осмысления. Зато соседство со степными кочевниками, предельно отличными от китайских представлений о цивилизованных людях, внесло в китайский образ варвара немалые коррективы. Можно сказать, что китайское представление о варварах настолько же списано с кочевников, насколько римское представление – с германцев. Вот, к примеру, как описывал кочевников средневековый китайский летописец Фан Сюаньлин в своей работе «Цзинь-шу»: «В древности правители Поднебесной породили странный тип [людей], но ведь Шунь-вэй был потомком правителя Юя, поэтому разве они относятся к иному, чем мы, типу? Ходят с распушенными, свисающими волосами, одеваются в кожи, едят вонючую баранину, пьют кислое молоко и тем не менее подвергают в трепет расположенные в центре земли Срединного государства, причём так продолжается с древности. Поскольку Небо не скупилось ниспосылать [на Срединное государство] беды, численность этих племён всё более увеличивалась. Обычаи их порочны и лукавы, разум заставляет бросаться вперёд, и о них подробно записано в предыдущих историях»². То есть, как мы видим из этой характеристики, для китайского летописца сам факт человеческой природы степных варваров неочевиден и нуждается в доказательствах. Однако, описывая степняков как омерзительных оборванцев, Фан Сюаньлин всё-таки отмечает, что они обладают хорошими боевыми качествами и вполне могут доставить империи немало хлопот. Но, судя по приведенному

¹ Пирс К. Воины Китая. Под знаменем небесного дракона. 1500 г. до н.э. – 1840 г. н.э. – Москва : Эксмо, 2008. – С. 196.

² Сюаньлин Фан. Цзинь-шу // Материалы по истории кочевых народов в Китае III-V вв. в 4 выпусках. Вып. 1: Сюнну. – Москва : Наука, 1989. – С. 19.

нами фрагменту, автор «Цзинь-шу» рассматривает кочевников не как противника Китайской империи, а в качестве стихийного бедствия наподобие наводнения или нашествия саранчи. Природу такого бедствия сложно понять, его невозможно поставить под контроль и, разумеется, стихийные бедствия необходимо своевременно прогнозировать. Именно так относились к кочевникам китайские интеллектуалы и политики древности и Средневековья.

Любопытно, что китайский дипломат и разведчик Пэн Да-я, побывавший при дворе монгольских ханов, делит татар на «белых» и «чёрных», разумеется, называя «белыми» те татарские роды, которые были знакомы с земледелием и поэтому понятны китайцам. А «чёрными» считались кочевники, не обрабатывавшие землю и поэтому казавшиеся китайцам едва ли не другим антропологическим типом. Вот как описывает питание кочевых варваров Пэн Да-я, как будто списывая характеристику, данную Цезарем свебам: «Их пища – мясо, а не хлеб. На охоте они добывают зайцев, оленей, кабанов, сусликов, диких баранов, [из позвоночных костей которых можно делать ложки], антилоп, [у которых желтые спины, а хвост величиной с веер], диких лошадей, [которые по виду похожи на ослов], рыбу из рек и ручьёв, [которую можно ловить, только когда земля замерзает]»¹. Такой рассказ как бы подчеркивает, что кочевники не приспособлены для цивилизованной сельской и городской жизни, и поэтому приглашать или даже допускать в Китай их совсем необязательно. Но ведь и Юлий Цезарь создавал образ германцев именно для того, чтобы дифференцировать побежденных и принужденных к лояльности варваров-кельтов от непобеждённых и враждебных варваров, живущих за Рейном. Вполне возможно, что китайские летописцы создали немало похожих конструкций, описывая быт и нравы степняков. Однако, как мы расскажем ниже, китайская цивилизация жила с кочевыми варварами бок о бок дольше, чем какое-либо иное общество, и не была уничтожена ими, хотя многие

¹ «Хэй да ши люэ»: источник по истории монголов XIII в. / Отв. ред. А. Ш. Хадырбаев. – Москва : Наука – Восточная литература, 2016. – С. 254-255.

варварские владыки были совсем не против сделать это. Китайский удачный и неудачный опыт противостояния варварству мы рассмотрим в последующих главах, а пока обратим внимание ещё на две цивилизации.

Говоря о цивилизованном мире, понимаемом как совокупность отстоящих друг от друга во времени и пространстве локальных цивилизаций, нельзя обойти вниманием доисламскую Персию и государства Месоамерики. К сожалению, об их представлениях о варварстве и взаимоотношениях с варварским миром мы не можем сказать много в силу специфических особенностей обоих обществ. Персия, безусловно, поддерживала с миром евразийских и аравийских кочевников самые разнообразные отношения – от торговых до военных, но персидская политическая картина мира, окончательно оформившаяся в эпоху Сасанидов, препятствовала дифференцированному изучению варваров. Отечественный исследователь В. А. Дмитриев так описывает мир, каким его видели персидские шахи: «...как следует из среднеперсидских зороастрийских сочинений «Дадестан и меног и храд» («Суждения Духа разума») и «Бундахишн» («Сотворение основы»), а также из эпической поэмы «Шахнаме», составленной Фирдоуси на основе сасанидских исторических текстов, персы полагали, что в глубокой древности весь мир (точнее, его центральная и наибольшая часть – Хванирах) управлялся иранскими владыками. Впоследствии один из них, Фредон, разделил принадлежавшие ему земли между своими тремя сыновьями, в результате чего земли к западу от Ирана («Запад и Рум») перешли к Салму, старшему из братьев, восток («Туран и Чин») – к Туру, среднему сыну Фредона, а в Иране остался править младший из сыновей – Эрадж. Вскоре Салм и Тур, движимые завистью к Эраджу, пошли на него войной, во время которой Эрадж был убит. Так началась вековая вражда между Ираном и соседними с ним Румом и Тураном. В связи с этим имперские амбиции Сасанидов (а, следовательно, и ведшиеся ими захватнические войны) обосновывались необходимостью вернуть Ирану его исконные территории и тем самым восстановить историческую справедлив-

вость»¹. Подобно китайскому императору, шах претендовал на власть над всем миром, считая её своим законным наследственным правом. Любые другие правители, в какой бы стране они не властвовали, не воспринимались персидским владыкой как равные. Неслучайно его титул звучал как «шахиншах», то есть «царь царей». Персы действительно пытались заставить иноземцев признавать верховенство шаха и встречали закономерное сопротивление. Однако самыми упорными их противниками были не степные или пустынные кочевники, а высокоразвитые римляне. Гипотетически приравнивая всех своих врагов друг к другу, персы воспринимали их не как далёкую от цивилизации варварскую массу, а как враждебную античную цивилизацию. Неслучайно летописцы Сасанидов подробно описывают все большие и малые конфликты Персии с Римом и Византией, но лишь изредка сообщают о войнах шаха с кочевниками. Вероятно, степняки тревожили восточные границы Ирана не реже, чем северные границы Китая, но персидский шах и его советники не воспринимали эти нападения всерьёз, уделяя первостепенное внимание противостоянию с Римом. Справедливости ради скажем, что в эти же годы римские императоры и их историки фиксировали каждый шаг легионов на персидской границе и почти не обращали внимания на германские вторжения, угрожавшие самому существованию империи. Если китайский император, не имея других активных соседей, кроме степных варваров, мог считать себя единственным цивилизованным и поэтому полноправным монархом на свете, то персидскому шаху приходилось иметь дело с враждебной его царству империей. Можно сказать, что персидская цивилизация противопоставляла себя не варварству, а другой цивилизации и поэтому не проявляла к варварам никакого интереса.

Цивилизация доколумбовой Центральной Америки представляет собой единое культурное поле, в котором сменяли друг друга государства ольмеков, миштеков, тольтеков и ацтеков, объединенных сходным видением мира. Тот факт, что эти государства не были современниками и последовательно уничтожали друг

¹ Дмитриев В. А. Политическая история Ирана в эпоху ранних Сасанидов. – Санкт-Петербург : Наука, 2019. – С. 28-29.

друга, не должен вести нас в заблуждение. Ведь один и тот же тип цивилизации может охватывать несколько политических организмов, как это было, например, в античности, культурно объединявшей греческие полисы, эллинистические монархии Леванта и Римскую империю. Британский философ А. Дж. Тойнби удачно охарактеризовал соотношение общества-цивилизации и политических организмов, входящих в его состав: «Умопостигаемые поля исторического исследования, границы которых были приблизительно установлены с учетом исторического контекста данной страны, представляют собой к настоящему времени общества с более широкой протяженностью как в Пространстве, так и во Времени, чем национальные государства, города-государства или любые другие политические союзы. (...) Такие политические союзы (национальные государства, города-государства и т.п.) не только уже в своей пространственной протяженности, но и короче во временной длительности обществ, в состав которых они входят, как часть входит в целое; они являются частным выражением конкретных социальных общностей. Общество, а не государство есть тот социальный «атом», на котором следует фокусировать своё внимание историку»¹. Если посмотреть на месоамериканское общество в таком ракурсе, то можно однозначно констатировать, что оно имеет общие для всех входящих в него социально-политических организмов культурные черты. К ним относятся города-храмы, солнечный культ, человеческие жертвоприношения, причудливая тотемистическая система верований и традиций, оригинальные стили в искусстве и архитектуре (например, ступенчатые пирамиды-теокалли), иероглифическая письменность. Без преувеличения можно говорить о единой культурной картине мира доколумбовой Месоамерики, имеющей лишь относительные различия между жителями долины Анауак (тольтеками, ацтеками) и юкатанскими майя². Более того, развитие этого общества имеет более или менее четкую хронологию.

¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. – Москва : Айрис-пресс, 2010. – С. 45.

² Сулимов С. И., Черниговских И. В. Культурная картина мира доколумбовой Месоамерики // Международный научно-исследовательский журнал. – 2014. – №1 (20): в 4-х ч. – Ч. 4. – С. 113.

Немецко-американский исследователь В. фон Хаген даже сумел высчитать время зарождения месоамериканской цивилизации: «К 1000 г. до н.э. все великие переселения закончились. Народы заселили плодородные земли и начали возводить города-храмы. В центральной гористой части Мексики, в жарких краях в районе Веракруса и горах Гватемалы они заложили свои города. Человек в Америке стал оседлым; он создал сельское хозяйство и узнал, что такое свободное время. В тот же период в «других краях» финикийцы изобретали алфавит, греко-дорийцы вторгались в Пелопоннес, а редко заселенная Европа выходила из периода грубого варварства»¹. Поскольку древние месоамериканцы вели оседлый образ жизни, занимались сельским хозяйством и ремеслами, то соседство с охотниками и собирателями джунглей Гватемалы или кочевниками равнин северной Мексики не могло пойти им на пользу. Между представителями цивилизации и лёгкими на подъем пришельцами нередко случались вооруженные столкновения, порой завершающиеся масштабными нашествиями. Во время таких «великих переселений» варвары уничтожали противостоящие им государственные образования, но быстро усваивали культуру побеждённой цивилизации и пытались наследовать её материальные и духовные достижения в меру своей восприимчивости. Уже через несколько поколений потомки варваров почти ничем не напоминали своих буйных предков-разрушителей и в свою очередь отстаивали цивилизованный образ жизни от новых волн пришельцев. И это вовсе не было проявлением ксенофобии со стороны цивилизации: археологи даже в наши дни удивляются ацтекским акведукам и плавучим огородам, созданным в доколумбовую эпоху. Проектируя, строя и ремонтируя эти сооружения, месоамериканцы не могли допустить, чтобы в это время по их территории в поисках добычи курсировали отряды вооруженных дикарей: ведь разрушение водопровода сразу же обрекло бы на засуху целую область.

Для нашей работы важно, что даже в заокеанских краях, где никто ничего не знал ни о философии Аристотеля, ни о летописях

¹ Хаген В. фон. Ацтеки, майя, инки. Великие царства древней Америки. – Москва : Центрполиграф, 2010. – С. 38.

Фана Сюаньлина, цивилизованное общество сформировало собственное представление о варварстве, не очень отличающееся от аналогичных представлений Старого Света. Вот как описывает месоамериканскую дихотомию «варварство / цивилизация» французский исследователь Ж. Сустель: «Они (ацтеки – С.С., И.Ч., В.Ч.), не задумываясь, относили себя к бывшим варварам, перенившим от предков-кочевников свои воинские качества, а от оседлых предков – высокоразвитую цивилизацию, которой они гордились. (...) Два этих полюса (варвары и цивилизованные люди) представлены двумя историко-мифическими понятиями: чичимеки и тольтеки. Чичимеки – кочевые охотники и воины с северных равнин и гор. В мифическом прошлом они питались только мясом диких зверей, которое ели сырым, ибо ещё не умели использовать огонь... Они одевались в звериные шкуры и не умели строить дома, а потому жили в уже готовых пещерах или сооружали маленькие домики из ветвей деревьев, покрывая их травой»¹. Любопытно, что авторы этих представлений о варварах, ацтеки, использовали название «тольтек» в архаическом смысле подобно тому, как византийцы XV в. именовали себя «ромеями». Слово «чичимек» не является этнонимом и означает не принадлежность к какому-то конкретному племени, а именно варварский статус. В частности, ацтеки делили варваров на «степных» и «лесных» (сакачимеки и теочичимеки).

К сожалению, немалая часть письменного наследия древней Месоамерики оказалась утеряна в ходе Конкисты, а Андская цивилизация вообще не знала письменности. Поэтому мы располагаем совсем небольшим фактическим материалом, касающимся взаимоотношений с варварством доколумбовых американских цивилизаций. На страницах данной книги мы будем обращаться к историческому материалу данного региона лишь изредка, в той мере, в какой владеем им.

Итак, мы рассмотрели представления о варварстве, характерные для античной, китайской, индийской и месоамериканской цивилизаций. Что можно выделить между ними общего?

¹ Сустель Ж. Повседневная жизнь ацтеков накануне испанского завоевания. – Москва : Молодая гвардия, 2007. – С. 255.

Во-первых, варвар – это непонятный и непонятливый чужеземец, который не владеет цивилизованным языком (античное и индийское понимание). Но варвар не только говорит на чужом языке, но и сам его ход мыслей чужд цивилизованному человеку. Неслучайно Аристотель полагал, что варварам неизвестны никакие формы иерархии, кроме отношений хозяина и его рабов, а индийцы считали характерными чертами варваров непризнание кастовой структуры общества и авторитета «Вед», священного писания индуизма.

Во-вторых, образ хозяйственной и социальной жизни варвара разительно отличается от цивилизованного и, с точки зрения цивилизации, совершенно неразумен и невыгоден. Так, китайская и месоамериканская цивилизации без колебаний навешивали ярлык варваров на кочевников, потому что кочевой способ ведения хозяйства непонятен и невыгоден оседлому земледельцу. Само появление кочевников в окрестностях деревни опасно для полей, садов и огородов. Античная цивилизация, познакомившаяся с кочевниками лишь в III в. н.э., писала портрет варвара с германцев, приписывая им всё то же неумение и нежелание эффективно заниматься земледелием, из-за которого германцы ведут себя своёвольно и не желают подчиняться правовым и социальным порядкам, принятым в античном обществе. Иными словами, варвар несовместим с экономикой цивилизованного общества до тех пор, пока не будет ассимилирован, что вполне допускалось представителями всех цивилизаций.

Мы подробно рассмотрели образ варварства, созданный цивилизованными обществами в древности. Но появление развитых теоцентрических религий (христианства, ислама) с необходимостью должно было внести в этот образ коррективы. Взаимодействие варварства и цивилизации в религиозной сфере мы подробно рассмотрим в третьей главе данного исследования, а пока лишь отметим один его важный аспект. Теоцентрические религии, не ограничивающиеся пределами какого-либо одного народа, с необходимостью пытаются делить человечество на «верных» и «неверных», «верующих» и «идолопоклонников», потому что вступить в ряды их паствы может любой человек и любое племя. Если же индивид или группа упорствует в своей приверженности

традиционным верованиям, то это упрямство воспринимается как свидетельство злонамеренности. Сама суть интернациональных теоцентрических религий предполагает относиться по-братски ко всем единоверцам независимо от их национальности и происхождения. И, наоборот, христианин и мусульманин не могут считать своим человека, осознанно не желающего признавать миссию Иисуса Христа или пророка Мухаммеда. Казалось бы, теоцентрическая религия может стать тем общим знаменателем, на основе которого разница между варварством и цивилизацией исчезнет. Но оказалось, что жизненная практика гораздо сложнее религиозной догматики, ведь различия культурного опыта и социальной организации невозможно ликвидировать при помощи одной только общей веры. Варвар, разделяя только лишь религиозные убеждения цивилизованного человека, не теряет своего культурного своеобразия и не приобщается к достижениям цивилизации. Проще говоря, его образ жизни остаётся таким же варварским, как и в языческую эпоху. Первыми это заметили византийцы, имевшие опыт контактов с варварским миром ещё в античные времена, когда империя практически не занималась поиском религиозных прозелитов. Позднее, в эпоху масштабного православного миссионерства, византийцы обнаружили, что принявшие христианство эфиопы, арабы и славяне вовсе не превращаются в греков и римлян, и что христианизация на практике не добавляет варварам ничего, кроме некоторой лояльности к цивилизованной империи. Поэтому, принеся православие африканским, арабским и славянским племенам, византийцы продолжали проводить отчетливую границу между подданными императора и жителями варварской периферии. Можно сказать, что православные варвары могли с полным правом считаться союзниками империи, но никак не её полноправными подданными. Французский историк Л. Мюссе иронизировал по этому поводу: «Считалось, что варвар по определению не способен к порядку, культуре, честным нравам; если он принимал христианство, его именовали более почтительно (*αλλόμωλος* – чужеземец), но едва ли думали о нём иначе. В этих условиях немногие авторы утруждались иссле-

дованием точных наименований народов, с которыми Империя имела дело на своих границах»¹.

Молодые цивилизованные государства католической Западной Европы и исламского Востока усвоили эту истину не сразу. Первым импульсом, который испытали католики и мусульмане, впервые встретившись на поле боя во время арабского вторжения в Южную Францию, стала взаимная демонизация. Мусульманские завоеватели полагали, что ведут джихад, силой приобщая католиков к исламу. Католики же предположили, что имеют дело с идолопоклонниками, и обе стороны продемонстрировали друг другу крайнее ожесточение. Однако уже в начале Реконкисты и, особенно, во время крестовых походов противники обнаружили, что между ними присутствует много общего. В частности, мусульманские и христианские воины руководствовались сходными кодексами чести, западные и восточные монархи нередко достигали компромисса на переговорах, а знакомство западных рыцарей с арабской медициной привело к приглашению врачей-мусульман во Францию. При этом, как ни удивительно, первыми, кто обнаружил, что на полях «священных» сражений встречаются две цивилизации, а не цивилизация с варварством, были именно воины. Французский исследователь Д. Бартелеми так характеризует ситуацию, в которой восточные и западные рыцари открыли джентльменскую сущность друг друга: «Главное, в начале XII в., бывало, что франкские князья попадали в плен в более или менее больших и честных сражениях. Тогда с них требовали выкуп, который выплачивался за счёт обложения крестьян и городов. Мусульманские и христианские сеньоры обменивались пленными, при надобности становились друзьями. (...) Это уже очень напоминает феодальную войну со всевозможными сделками, грабежами «деревень», боями, участники которых знакомы и щадят друг друга, переменами союзнических отношений»². Аналогично менялось и представление мусульман о европейцах: если в VIII в. они вторглись в Иберию и Францию, чтобы покончить с «идоло-

¹ Мюссе Л. Варварские нашествия на Западную Европу: волна вторая. – Санкт-Петербург : Евразия, 2006. – С. 177.

² Бартелеми Д. Рыцарство. От древней Германии до Франции XII в. – Санкт-Петербург : Евразия, 2012. – С. 291.

поклонством», то в XIII в. ближневосточные эмиры и султаны охотно торговали с венецианскими и флорентийскими купцами, а на Пиренейском полуострове даже заключали с католическими королями династические браки. Похожим образом менялось и отношение мусульман к представителям индийской цивилизации. В начале XVI в. среднеазиатский полководец Захир-ад-дин Бабур во время своего победоносного вторжения в Северную Индию отзывался о её жителях-индуистах крайне пренебрежительно: «Большинство жителей Хиндустана – язычники; хиндустанцы называют язычников хинду. (...) Хиндустан – малоприятное место. Народ там некрасивый, хорошее обхождение, взаимное общение и посещение им неизвестны. Большой одаренности и сметливости у них нет, учтивости нет, щедрости и великодушия нет. В их ремеслах и работе нет ни порядка, ни плана; шнур и угольник им неизвестны»¹. Однако основанное Бабуrom мусульманское государство, называвшееся Империей Великих Моголов, добилось немалого процветания именно потому, что наследники отважного завоевателя охотно приглашали к себе на службу индийских аристократов, а некоторые падишахи даже роднились со знатными раджпутскими семействами.

Научившись замечать цивилизованное общество даже под знамёнами чужой религии, молодые цивилизации Средневековья научились и идентифицировать варваров, невзирая на религиозное единство с ними. Так, арабский географ VIII в. Ибн аль-Факих аль-Хамадани охарактеризовал принявших ислам кочевников-тюрок следующим образом: «Тюрки – народ, для которого оседлая жизнь, неподвижное состояние, длительность пребывания и нахождения в одном месте, малочисленность передвижений и перемен невыносимы. Сущность их сложения основана на движении, и нет у них предназначения к покою.... Они не занимаются ремёслами, торговлей, медициной, земледелием, посадкой деревьев, строительством, проведением каналов и сбором урожая. И нет у них иных промыслов, кроме набега, грабежа, охоты, верховой езды, сражений витязей, поисков добычи и за-

¹ Бабур-наме. Записки Бабура / под ред. С. А. Азимджановой. – Ташкент : Изд-во Академии наук Узбекской ССР, 1958. – С. 335.

воевания стран. Помыслы их направлены только на это, подчинены лишь этим целям и мотивам, ограничены ими и связаны только с ними. Это стало их ремеслом, торговлей, наслаждением, гордостью, предметом их разговоров и ночных бесед»¹. Цивилизованный посол и увековечивший его доклад сто лет спустя литератор Абу Усман аль-Джахиз описали кочевников в тех же тонах, что и античный наблюдатель Аммиан Марцеллин и китайские разведчики Пэн Да-я и Сюй Тин. При этом религиозное единство не помешало Ибн аль-Факиху увидеть те культурные особенности, которые отличают варварство от цивилизации. Но если Ибн аль-Факих попытался представить тюрков как грубых воинов-грабителей, то Ахмад ибн Фадлан, в X в. посетивший Поволжье, был попросту шокирован образом жизни кочевников – гузов и башкир. Зная, что оба этих племени исповедуют ислам, дипломат всё-таки не смог скрыть отвращения, описывая башкирскую привычку съедать пойманных вшей и гузский обычай всех членов семьи жить в одной юрте, избегая какого-либо уединения². Эмиссар цивилизованного Багдада, глядя на своих варварских единоверцев, видел в первую очередь степных варваров, а не поволжских мусульман. Любопытно, что персидский летописец Файзулах Рашид-ад-дин (1247–1318 гг.), не понаслышке знакомый с монголо-татарами, исповедовавшими язычество, охарактеризовал их почти так же, как Ибн аль-Факих аль-Хамадани писал о тюрках-мусульманах: «Это племя [татар] прославилось поножовщиной, которую оно устраивало промеж себя по причине малой сговорчивости и по невежеству, бесцеремонно пуская в ход ножи и сабли, подобно курдам, шулам и франкам. В ту эпоху у них [ещё] не было законов [ясак], которые существуют в настоящее время среди монголов; в их природе преобладали ненависть, гнев и зависть. Если бы при наличии их многочисленности они имели друг с другом единомушие, а не вражду, то другие народы из ки-

¹ Кляшторный С. Г., Д. Г. Савин. Степные империи древней Евразии. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2005. – С. 106.

² Франкопан П. Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий. – Москва : Эксмо, 2019. – С. 151.

тайцев и прочих и [вообще] ни одна тварь не были бы в состоянии противостоять им»¹.

Таким образом, возникновение и распространение религий, претендующих на мировое господство и доступность каждому человеку, не смогло нивелировать различие между варварством и цивилизацией, хотя и добавило цивилизованным дипломатам дополнительный аргумент в переговорах с варварами.

На рубеже Средних веков и Нового времени, благодаря техническому прорыву европейцев в военной сфере, западноевропейское понимание варварства претерпело фундаментальную трансформацию. Стремительное развитие огнестрельного оружия во второй половине XVI в. позволило европейцам не опасаться вторжения неевропейских народов. Великие географические открытия познакомили англичан, французов, испанцев и португальцев с народами обеих Америк, Африки и Дальнего Востока, большинство из которых значительно уступали западным пришельцам в военном деле. И если диктовать свою волю правительствам индийской и китайской цивилизаций европейцы могли всё-таки лишь в ограниченных масштабах, то лишённые государственности народы Нового Света оказались моментально побеждены и покорены. Европейцы смотрели на них теми же глазами, что римляне на германцев, а китайцы – на степняков, но с одним важным отличием: это был взгляд победителя. Если античные греки лишь предполагали, что варвары уступают цивилизованным людям на поле боя, то европейцы Нового времени победили и покорили заокеанских варваров быстро и убедительно.

Культурные различия, которые прежде маркировали варвара как иного по отношению к цивилизации, теперь стали восприниматься как признак его врожденной и неисправимой ущербности. Так новоевропейская цивилизация превратила варвара в дикаря, который существует буквально для того, чтобы цивилизованные люди его поработили и отобрали его земли. Вот, к примеру, как характеризует отношение португальцев к бразильским индейцам британский историк Ч. Р. Боксер: «Стереотипное представление о

¹ Рашид-ад-дин. Сборник летописей в 3 т. Т. 1. Кн. 1. – Москва : Изд-во АН СССР, 1952. – С. 102.

бразильском индейце как о неиспорченном дитяти природы вскоре было вытеснено всеобщим представлением португальцев о нём как о законченном дикаре. *Sem fe, sem rei, sem lei*, то есть для него не было «ни веры, ни короля, ни закона». Эта перемена в отношении стала явной и преобладающей, хотя и не была всеобщей, начиная со второй половины XVI в.»¹. Вытеснение индейцев с их племенных территорий и даже обращение их в рабство вопреки королевскому закону 1570 г. ни у кого из португальских колонистов не вызывали осуждения. Речь ведь шла не о «людях», а о «дикарях». Даже католическая Церковь, заинтересованная в христианизации аборигенов Нового Света и многое сделавшая для их защиты от произвола колониальных властей, всё-таки не признавала человеческой сущности индейцев. На взгляд испанского теолога Хуана Хинеса Сепульведы, сформулировавшего концепцию отношения к индейскому населению колоний, до знакомства с европейцами дикари не были людьми: «Попробуй сопоставить такие достоинства, как душевное благородство, блеск ума, умеренность желаний, человеколюбие и религиозность с тем, что имеется у тих человекчиков, гомункулов (ацтеков и майя – С.С., И.Ч., В.Ч.), в которых лишь с трудом можно обнаружить что-либо человеческое и которые не только не владеют наукой, но даже не имеют письменности или какого либо понятия о собственной истории»². Однако богослов признавал, что более близкое знакомство с европейцами и обязательная христианизация помогут индейцам «очеловечиться» и однажды, через несколько поколений стать полноценными людьми. При этом Сепульведа полагал, что естественным путём дикари никогда не достигнут человеческого состояния, и по этой причине вмешательство европейцев в их жизнь необходимо, даже если оно связано с насилием и принуждением.

Ещё более радикальную позицию по отношению к дикарям заняли протестантские колонисты, в XVII в. поселившиеся на

¹ Боксер Ч. Р. Португальская империя и её владения в XV-XIX веках. От островов Северной Атлантики до легендарной страны пряностей. – Москва : Центрполиграф, 2019. – С. 102.

² Sepulveda J. G. Tratado sobre las Justas causas de la Guerra contra los indios. – Mexico : Fondo de Cultura Economica, 1942. – P. 105.

Восточном побережье Северной Америки. Для протестантов (в особенности, пуритан) любые иноверцы и инославные христиане априори считались детьми Сатаны, и отношение к ним зависело лишь от того, насколько «божьим избранникам» легко было победить их на поле боя. Отечественный исследователь Г. В. Александров так характеризует позицию пуритан по отношению к дикарям: «Очень немногим из европейцев индейцы казались всего лишь народом, обделенным некоторыми «техническими» достижениями европейской цивилизации и способными понять и принять идеи европейской цивилизации при небольшом количестве миссионеров. У большинства же индейцы вызывали не сочувствие, а страх. Дикарь (не только индеец, но и ирландец, и африканец), олицетворял собой все тёмные стороны человеческой природы: жестокость, распушенность, лень, беззаконность. Английские пуритане во многом самоопределялись через контраст с «Другим», представляющим собой антитезу пуританским ценностям и идеям. В Европе были католики и симпатизирующие им – яркий пример деградации христианского общества, лишённого милости Божьей. В Америке же «Другим» были индейцы, «худшие из язычников», лишённые даже намека на цивилизованность в английском понимании»¹. Проще говоря, дикари стали восприниматься как вредная часть местной фауны.

Благодаря подавляющему военному превосходству европейцев, такое отношение от века к веку лишь усиливалось. Если в XVI-XVII вв. конкистадоры в Новой Испании и пуритане в Новой Англии ещё пытались вести переговоры с туземными правителями, опираясь на нормы западноевропейского международного права, то к середине XIX в. местные жители Африки, Юго-Восточной Азии и других регионов, ещё не захваченных западными пришельцами, вообще потеряли право голоса. Так, Конгресс США демонстративно не признавал право индейских племён на самоопределение, а британские колониальные власти без стеснения занимали расистскую позицию даже по отношению к

¹Александров Г. В. «Святые» и «дикари»: Взаимоотношения колонистов и коренного населения Новой Англии в XVII веке. – Москва : ЛЕНАНД, 2021. – С. 69.

цивилизованным индийцам. Именно эта точка зрения стала санкцией для трансатлантической работорговли, резерваций и прочих явлений, которых в наши дни представители новоевропейской цивилизации стыдятся. Оправдывалось такое отношение к дикарям тем, что если они не могут стать людьми, то должны приносить обществу пользу хотя бы в доступной им форме. Именно поэтому в XIX в. в южных штатах США бытовало мнение о том, что рабство является нормальным состоянием для африканцев.

Однако данная позиция если и оправдывала себя, то лишь до XX в., когда военно-техническое производство Западной Европы перестало быть решающим. Вторая мировая война стала наглядной демонстрацией того, что вчерашние дикари овладели почти всеми достижениями западной науки и техники. В частности, армия императорской Японии нанесла британским и голландским колониальным войскам множество поражений. И если в 1942 г. командующий британским гарнизоном Сингапура генерал А. Э. Персиваль, получив донесение о японской атаке, приказал подчиненным «сбросить этих обезьян в море»¹, то к 1944 г. такие эпитеты стали более чем неуместными. Можно сказать, что к середине XX в. концепция «варвар = дикарь» потеряла какую-либо актуальность, но даже в наши дни в Западной Европе есть политики и общественные деятели, по-прежнему верящие в существование «дикарей».

Итак, в данном параграфе мы наметили общие контуры варварства и противопоставляющей себя ему цивилизации. На основании рассмотренного нами культурологического и историко-философского материала сделаем выводы:

- любая цивилизация независимо от своего хронологического и регионального положения представляет собой специфический тип общества, в жизни которого социально-исторические факторы доминируют над природно-биологическими. Важнейшими чертами любого цивилизованного общества являются постоянно

¹ Иванов Ю. Г. Камикадзе: пилоты-смертники. Японское самопожертвование во время войны на Тихом океане. – Смоленск : Русич, 2003. – С. 160.

нарастающие рационализация труда и стремление к материальному комфорту, а также развитое правосознание;

- варварство представляет собой относительное явление, так как образ варвара всегда создаётся представителями цивилизованного общества. Важной чертой любого варварского общества можно считать доминирование природно-биологических факторов над социально-историческими, но это доминирование становится заметно лишь при сравнении варварского общества с его цивилизованными соседями. Варвары располагают правосознанием, стремятся рационализировать свой труд и сделать свою жизнь комфортной, но все эти их стремления кажутся примитивными на фоне аналогичных успехов цивилизованных обществ;

- изучая своих варварских соседей, представители всех без исключения цивилизаций делают акцент на их культурной чуждости цивилизованному обществу, что выражается в языковых отличиях, неумении и нежелании упорно заниматься оседлым производительным трудом (например, земледелием), а также странному сочетанию утилитарности с безразличным отношением к любым долгосрочным проектам. При этом ни одна цивилизация не приравнивает варваров к животным и не отрицает возможности их приобщения к собственной культуре;

- религиозная близость не нивелирует разницу между варварским и цивилизованным обществом: варвар-прозелит остаётся в культурном отношении варваром, если не будут приняты специальные меры по его ассимиляции;

- в новоевропейской политической мысли возникло учение о варваре, как о дикаре – заведомо неполноценном человеческом существе, которое принципиально не способно войти в цивилизованное общество на равных. Данная точка зрения доминировала в западноевропейской философии и политике на протяжении XVIII-XIX вв., но в XX в. устарела.

Поскольку образ варвара всегда создавался представителями цивилизованных народов, то совсем нелегко отделить в нём правду от вымысла и утрирования. Вряд ли можно с определённой точностью понять, каковы же были варвары, так повлиявшие на воображение цивилизованных авторов, сами по себе. Но, суммируя впечатления различных цивилизаций в различные эпохи, в сле-

дующем параграфе мы предпримем попытку выявить универсалии варварского культурного типа.

1.2. Особенности варварской культуры.

Возникает вопрос: разве оседлые германцы долин Рейна и Эльбы и кочевники евразийской степи имеют между собой что-то общее? На первый взгляд кажется, что между степными скотоводами и лесными охотниками нет никакого сходства. Равно как и евразийские кочевники не являются единым народом, а их племена не только всегда говорили на разных языках, но и далеко не всегда приходились друг другу современниками. Однако евразийские степняки древности и Средних веков представляли собой единый культурный тип, который имел немало общего с германскими варварами. Но обо всём по порядку.

Говоря о кочевниках, необходимо отметить, что надежно поселившийся в приключенческих фильмах и романах типаж всадника-пастуха и грабителя, в зависимости от обстоятельств меняющего пастушескую плеть на композитный лук и обратно, хоть в какой-то мере достоверен лишь по отношению к туземцам евразийской степи. На самом деле ареалов кочевого скотоводства и, соответственно, типов кочевых обществ гораздо больше. К примеру, можно выделить такие типы кочевников как евразийский степной, евразийский пустынный (аравийский), африканский, арктический и т.д. И, разумеется, караванщики аравийской пустыни и туареги Сахары, использующие в качестве транспортного средства верблюдов и промысляющие обеспечением торговой логистики, разительно отличаются от чукчей, совершающих переходы вместе со стадами северных оленей. Выше мы упоминали чичимеков – кочевников северной Мексики, которых ацтеки считали образцом варварства. Но эти кочевники совершали свои переходы пешком, так как до появления в Америке европейцев здесь не были известны верховые и тягловые животные. Строго говоря, чичимеки внешне не имели с кочевниками Евразии ничего общего. Однако, как отмечает русско-американский специалист в области номадистики А. М. Хазанов, кочевое общество, где бы оно ни располагалось, имеет важную экономическую и

поведенческую особенность – сам тип его производящей экономики не позволяет вести автономное существование. Кочевое общество в силу самого факта своего номадизма вынуждено идти на контакт с оседлыми соседями: «И, главное, кочевники никогда не могли существовать сами по себе, без внешнего мира, представленного нековыми обществами с иными системами хозяйства. Напротив, кочевые общества могли функционировать лишь до тех пор, пока этот внешний мир не только существовал, но и предоставлял возможности – социальные, политические, экономические, культурные, словом, всесторонние – для того, чтобы кочевники оставались кочевниками. Таким образом, главный феномен номадизма, на мой взгляд, и заключается в его неразрывной и необходимой (коль скоро он остаётся номадизмом) связи с внешним миром, т.е. с иными в экономическом, культурном и социально-политическом отношениях обществами»¹. Кочевое общество не располагает ни необходимыми для автономной жизни ресурсами, ни навыками. К примеру, почти все кочевые племена были в той или иной мере знакомы с ремеслом, но очень многие изделия первой необходимости (такие как иглы или клинки) они выменивали в поселениях земледельцев. Точно также рацион кочевника включает в себя молоко, мясо и творог, но хлеб всё равно придётся покупать у земледельцев. Если оседлые варвары могли позволить себе некоторое время жить в изоляции лесных чащ, гор или джунглей, то номады по самой своей сути обречены идти на контакт с внешним миром. При этом они, подобно оседлым варварам, не стремились создать портрет цивилизованных соседей, ограничиваясь утилитарными отношениями с ними. Поэтому образ кочевого варвара создан цивилизованными народами в одностороннем порядке.

Из всех типов и разновидностей кочевников наибольшее влияние на историю цивилизованных обществ и воображение цивилизованных исследователей оказали номады евразийского степного пояса, раскинувшегося от Дуная до Ордоса в Северном Китае. Именно евразийские степные кочевники легли в основу

¹ Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2008. – С. 51.

художественного образа степняка – всадника-грабителя и пастуха, живущего в юрте, искусного в верховой езде и стрельбе из композитного лука. Именно поэтому слова «кочевник» и «степняк» стали синонимами, хотя, как мы уже заметили, кочевой образ жизни ведут также жители пустынь и даже тундры. Культура кочевников евразийского степного пояса имеет ряд общих черт, о каких бы племенах ни шла речь: универсальная для всех степняков цветовая символика¹, практически одинаковое общественное устройство у всех племён евразийской степи в различные эпохи и, конечно же, экономический уклад, а также сходные религиозные верования. В частности, исследование надписей, сделанных туземцами Великой степи на протяжении древней и средневековой истории, свидетельствует о том, что на пространстве от Мадары в Болгарии до реки Орхон в Монголии степняки чтили один и тот же пантеон: «Мифы о богах и божественных силах упомянуты в надписях лишь намёками; чаще всего названо имя божества с указанием на его действия или в связи с определенной ситуацией. В орхонских рунических текстах названы лишь три божества – Тенгри (тюрк. «Небо»), Умай и Ыдук Йер-Суб («Священная Земля-Вода»)»².

Все эти черты наглядно проявлялись в моменты возникновения так называемых степных империй, которые не были современниками друг друга, но возникали и жили, подчиняясь единому ритму. Отечественный исследователь С. Г. Кляшторный насчитал целую плеяду таких кочевнических государств: «Становление государственности на территории Центральной Азии, Южной Сибири и Поволжья в раннем Средневековье (VI–XI вв.) связано с образованием Тюркского каганата, традиции которого были унаследованы Уйгурским каганатом, государствами кыргызов на Верхнем Енисее, кимаков и кыпчаков на Иртыше, Болгарским государством и Хазарским каганатом в Поволжье и на Северном Кавказе. Единство общественного устройства, этнокультурное родство и сходство политической организации всех этих госу-

¹ Юрченко А. Г. Элита монгольской империи: время праздников и время казней. – Санкт-Петербург : Евразия, 2012. – С. 32.

² Кляшторный С. Г., Савин Д. Г. Степные империи древней Евразии. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2005. – С. 166.

дарств позволяют рассматривать время их существования и преобладания в Великой степи как относительно цельный историко-культурный период – эпоху степных империй»¹. Разумеется, эти государства по своим внешним формам ничем не напоминали германские королевства средневековой Западной Европы или цивилизованные империи Рима и Китая. Но алгоритм их функционирования поразительным образом совпадает с аналогичным ритмом варварских государств эпохи «тёмных веков», как мы убедимся во второй главе данной работы. Также читателя не должно обмануть кажущееся противоречие между кочевым образом жизни и государственностью. Разумеется, трудно ожидать от кочевников строительства столичных городов, хотя в исторической практике такие случаи встречались, но метрополия, понимаемая как властный центр, присутствовала не только в степных империях, но и в племенных союзах степняков. Отечественный философ А. В. Головнёв прямо отмечает, что метрополия вполне может не быть оседлой: «Метрополия – не столько конкретное место, сколько очаг власти, способный перемещаться в пространстве; «миграция метрополий» означает перемещение центров власти и экспансии»². Ставка хана могла быть таким же центром власти, как и дворец короля. Главное ведь не наличие в ней дворца, а то, что отдаваемые в ней приказы обязательны для выполнения на всей подвластной хану территории.

Выше мы отмечали, что кочевники не могут обходиться без контактов с оседлым миром. Однако необходимо развеять стереотип, согласно которому степное племя тождественно орде грабителей-налетчиков. Бесспорно, кочевники обладают большей мобильностью, чем оседлые грабители, но нападение на цивилизованные поселения вовсе не является их первоочередной задачей. Более того, завися от ремесленной и сельскохозяйственной продукции, степняки далеко не всегда готовы портить отношения с долговременными торговыми партнёрами. И, наконец, кочевой образ жизни – это вовсе не беспорядочное бродяжничество по

¹ Кляшторный С. Г., Савин Д. Г. Степные империи древней Евразии. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2005. – С. 12.

² Головнёв А. В. Феномен колонизации. – Екатеринбург : УрО РАН, 2015. – С. 118.

степным просторам. Степняк гонит свои стада по заранее известным маршрутам с зимних пастбищ на летние и обратно, и для того, чтобы он отказался от проторенных путей, в степи должно произойти какое-то серьёзное, внештатное событие типа засухи или кровавой междоусобицы. Сбитые с привычных маршрутов кочевники становятся по-настоящему опасными для оседлых соседей, но по своей воле они маршрутов не покидают. Зато, как справедливо отмечает ирландский историк Дж. Б. Бьюри, стоит одному кочевому племени сойти с традиционного пути перекочёвок, как на всём степном пространстве срабатывает эффект домино¹. Именно этим объясняется появление разноплеменных кочевых орд у Дунайского лимеса Римской империи или Великой Китайской стены, а вовсе не каким-то характерным для одних лишь кочевников хищническим инстинктом. Кстати, как мы увидим во второй главе, аналогичные процессы происходят и в обществе оседлых варваров, вооружая их сначала друг против друга, а потом и против цивилизованных соседей.

Цитировавшийся нами выше А. М. Хазанов делает закономерный вывод: «Вопреки мнению некоторых учёных, номадизм невозможно рассматривать как автаркичную систему и тем более как особую замкнутую социально-политическую систему, соответствующую определённому этапу (или этапам) эволюции. Иначе говоря, номадизму не присущи автономные внутренние закономерности социально-политического развития»². Также очень важно отметить, что в отдельных случаях кочевники могут переходить к оседлому образу жизни и, тем самым, перестают быть кочевниками. Данное явление называется «седентаризация», и история знает немало её примеров: мадьяры, турки и уйгуры начинали свой исторический путь как степняки, но затем перешли к оседлому образу жизни и освоили земледелие и ремесло на достаточно высоком уровне. Следовательно, взаимодействие цивилизованного общества со степными варварами не отличается от

¹ Бьюри Дж. Б. Варвары и Рим. Крушение империи. – Москва : Центрполиграф, 2013. – С. 42-43.

² Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2008. – С. 218.

аналогичного взаимодействия цивилизации с любыми варварами вообще.

Поскольку задачей нашего исследования является изучение взаимодействия цивилизации именно с варварством, а не с тем или иным кочевым или оседлым племенем, то нам необходимо раскрыть культурные универсалии варварского общества, которые, по мнению цивилизованных наблюдателей, являются специфическими для варваров. Отечественный исследователь И. В. Зиньковская сформулировала семь таких особенностей, отличавших культуру германских варваров от античной. Вот их перечень:

- представление о земле как о неотчуждаемой собственности всех людей;
- циклическое понимание времени;
- вера в судьбу;
- сакральное отношение к богатству;
- ритуальное значение обмена подарками;
- почтительное отношение к оружию;
- мистическое, а не юридическое понимание воинской чести.

Думается, что данные черты в той или иной степени присутствуют у всех народов, но в цивилизованном, зрелом обществе они выражены слабее, чем в молодом варварском. К примеру, из-за постоянно углубляющегося в цивилизованном обществе разделения труда многие граждане могут вообще не иметь личного или служебного оружия и не испытывать по отношению к смертоносному железу никакого почтения, но при этом посещать музеи и искренне восхищаться декоративными и техническими нюансами оружия минувших веков. Варварское же общество, где каждый мужчина в той или иной степени является воином, превращает владение оружием и его изготовление в дело всей жизни человека. Поэтому варвар всегда кажется более милитаризованным, чем гражданин цивилизованного общества.

Для формирования целостного образа внешнего по отношению к цивилизации варвара, который является важной фигурой изучаемого нами взаимодействия, применим особенности И. В. Зиньковской не только к тщательно изученным ею германским племенам эпохи «тёмных веков», но и к евразийским кочевникам

тех времён и регионов, в которых цивилизованные наблюдатели относили степняков к варварам.

*Земля в представлении варваров представляет собой пространство, принадлежащее всему человеческому роду и лишь условно на какое-то время разделенное между конкретными владельцами. По сути дела, варварский землевладелец, индивидуальный или коллективный, является лишь жителем земли, которую он называет своей. Весь мир представляет собой огромную соседскую общину, которая не может существовать без своих жителей. Именно поэтому, с точки зрения варваров-германцев, землёй нельзя торговать: каждый человек именно живёт на своём месте в мире, а не владеет им как вещью. Вот как И. В. Зиньковская описывает древнегерманское отношение к земле: «**Земля** (выделено автором) не являлась объектом неограниченного отчуждения в отличие от движимого имущества. Одаль у скандинавов, heimorpli у готов – это не только земля, но и Отчизна и совокупность прав её обладателей. Одаль предполагал право наследственного и нерасторжимого владения землёй. В усадьбе земледельца заключалась модель вселенной. (...) Полное имя человека состоит из его собственного имени и названия двора, в котором он живёт. В скандинавской мифологии мир – это совокупность дворов, населённых людьми, богами, великанами и карликами»¹. Скандинавы делили земной мир на Мидгард и Утгард, которые условно можно назвать «дворами» людей и чудовищ. Аналогично пишет датский исследователь В. Грёнбек, обнаруживший, что, по мнению язычников-скандинавов, весь Мидгард состоял только из человеческих «дворов», а всё, что под данный критерий не подходило, автоматически считалось принадлежащим миру чудовищ. «Узнав, что древние полагали, что границы мира располагаются неподалёку от их поселения, мы должны сделать вывод, что их мир был очень ограничен; но всё дело в том, что представления древних людей о мире основывались на том, что они вкладывали в понятие горизонта гораздо более глубокое значение, чем мы. Насколько большим было поселение? Наши ответы на*

¹ Зиньковская И. В. Варварские государства раннесредневековой Европы: учебное пособие. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2015. – С. 199.

этот вопрос, которые очень похожи на идеи древних, могут быть такими: здесь живём мы, оно наполнено честью, удачей, плодородием – это целый мир. Поселение – это и есть Мидгард»¹. То есть мир в представлении германских варваров не был пустым пространством, ведь двор не существует без жильцов. Поэтому не заселенные и малолюдные земли всегда привлекали варварских переселенцев, даже если по пути им предстояло преодолеть границу цивилизованной империи.

Похожие представления об обитаемом мире были и у кочевников евразийской степи: вся земля, лежащая под небом, являлась, по их мнению, единым целым. Одна территория никак не могла быть юридически отделена от другой, если обеими владела одна социальная общность. Более того, само владение землёй в понимании кочевников могло быть только коллективным и неотделимым от общности, которая на данной земле живёт. Термин «улус», которым на современных школьных картах именуют феодальные владения монгольских ханов, на самом деле означает вовсе не земельный надел, а группу людей, возглавляемую тем или иным правителем. Неслучайно синонимом улуса служит слово «иргэн» – коллектив, в котором не все приходятся друг другу родственниками. То есть степной хан правит не территориально локализованным ханством, а своими подданными, которых он волен вести на любую территорию, если ему хватит сил сразиться с её жителями. Отечественный исследователь Т. Д. Скрынникова удачно предложила переводить термины «улус» и «иргэн» как «народ» или «племя», потому что именно люди занимают кочевье, пользуются его травами и водам, а без того или иного кочевого племени кочевье превращается в необитаемую равнину². Зная эту особенность варварского восприятия земли, мы легко уясним суть пограничных конфликтов между варварскими племенами и цивилизованными государствами. Ведь варвары, не отделявшие территорию от её владельцев, не могли понять, почему пограничная стража той или иной империи не позволяет им за-

¹ Грэнбек В. Эпоха викингов. Мир богов и мир людей в мифах северных германцев. – Москва : Центрполиграф, 2019. – С. 148.

² Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. – Санкт-Петербург : Евразия, 2013. – Изд. 2-е. – С. 35.

нять пустующие приграничные территории. А для цивилизованных чиновников варварские переселенцы были в первую очередь нарушителями границы, которые самовольно захватывают земли, находящиеся в собственности государства и лишь в данный момент не используемые.

Время воспринимается варварами циклически. Это не значит, что все без исключения варварские народы исповедуют веру в переселение душ. Однако ритм жизни мира кажется им повторяющимся и требующим регулярного возобновления. В частности, ежегодным праздником, ритуальный смысл которого заключался в новом начале жизненного цикла, у скандинавов считался Йоль, самый короткий день зимы. Аналогичный праздник имел место и у кочевников, хотя и проводился летом. Именно к нему монголы приурочивали курултай, а ханы Чингисиды символически обновляли не только мировой порядок, но и политическую иерархию своей империи, приглашая на праздник вассальных правителей¹.

Сама человеческая жизнь не считалась варварами конечной. Не имея развитых представлений об индивидуальном загробном бессмертии, варвары парадоксальным образом считали, что рождение потомков обновляет жизнь покойных предков. Так, И. В. Зиньковская пишет о непреложной вере древних германцев в то, что характерные черты и достоинства предка обязательно возрождаются в одном из потомков², благодаря чему каждое германское и скандинавское семейство располагало лишь ограниченным набором мужских имён.

Важно отметить, что варварам чуждо стремление цивилизованного человека вести точный счёт времени и обращаться со временем, как бухгалтер с цифрами. Для варвара вся жизнь представляет собой единый путь, по которому можно идти с различной скоростью и в котором ничего не исчезает безвозвратно. Любое событие или достижение, не произошедшее сегодня, обязательно случится завтра, или послезавтра, или когда-нибудь ещё,

¹ Юрченко А. Г. Элита монгольской империи: время праздников и время казней. – Санкт-Петербург : Евразия, 2012. – С. 8.

² Зиньковская И. В. Варварские государства раннесредневековой Европы: учебное пособие. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2015. – С. 199-200.

но ни один шанс на что-либо в принципе не может быть утрачен. Китайский дипломат и разведчик Пэн Да-я, посетивший ставку монгольского хана в XIII в., откровенно потешался над представлениями степняков о времени: «Что касается собственных обычаев татар, то сами по себе они ничего не понимали (в исчислении календарей). Стоило зазеленеть траве, они считали, что прошёл год, а стоило впервые появиться новому месяцу – что прошёл месяц. Когда кто-нибудь спрашивал их о возрасте, они считали на пальцах, сколько раз (за время их жизни) начинала зеленеть трава»¹. Для образованного китайца нежелание кочевников точно считать годы и месяцы выглядело признаком крайней глупости и ограниченности. Однако разведчик не задумался о том, что в масштабах человеческой жизни действительно неважно, какой в данный момент наступил месяц года. Если данный варвар не занимается земледелием и поэтому не зависит от сельскохозяйственного календаря, то у него действительно нет необходимости в том, чтобы сверять свои решения и поступки с временами года. Точно также легко объясняется отсутствие у варваров интереса к собственному возрасту: их взгляд обращён на практические вопросы сегодняшнего дня. Как мы увидим во второй главе, варвары умеют решать практические вопросы ничуть не хуже, чем цивилизованные политики, хотя более или менее чёткие представления о собственном прошлом у них появляются не раньше знакомства с цивилизацией. К примеру, Рашид-ад-дин отмечал, что монголы хоть и происходят от Яфеса, сына Ноя (у мусульман – пророка Нуха), но сами они об этом не знают². Летописец-мусульманин относил это незнание на счёт безграмотности и невежества кочевников, но, вероятно, после того, как он опубликовал свою летопись, многие монгольские ханы охотно согласились на такую пышную генеалогию, которую можно было использовать в качестве аргумента на переговорах с мусульманами.

Также для варварских народов характерная живая и деятельная вера в судьбу, ничем не напоминающая печальный фатализм

¹ «Хэй да ши люэ»: источник по истории монголов XIII в. / Отв. ред. А. Ш. Хадырбаев. – Москва : Наука – Восточная литература, 2016. – С. 29.

² Рашид-ад-дин. Сборник летописей в 3 т. Т. 1. Кн. 1. – Москва : Изд-во АН СССР, 1952. – С. 153.

представителей зрелого цивилизованного общества. Варвар признаёт, что далеко не все события и обстоятельства его жизни зависят исключительно от него, но не считает себя жертвой злого рока. Если цивилизованный горожанин пытается произвольно выбирать для себя жизненный путь и страдает от того, что судьба не всегда потворствует его стремлению, то варвар предпочитает встраиваться в предоставленное ему обществом положение. Он принимает унаследованные от предков и диктуемые ситуацией обязанности так, как актёр принимает роль, и старается соответствовать им наиболее убедительно. Именно поэтому цивилизованный наблюдатель считает варваров неприхотливыми и бесстрашными – ведь любой жизненный путь предполагает испытания, лишения и утраты. И если цивилизованный человек пытается «выправить» свою жизнь наиболее удобным для себя образом, то варвару достаточно неукоснительного исполнения своей социальной роли, к каким бы практическим результатам это не привело. Приведём примеры. Уже знакомый нам Пэн Да-я так описывает отношение кочевых воинов к тяготам службы: «Что до их наград и наказаний, то по их обычаю выполнять свой долг считается само собой разумеющимся, и это никто не решается воспринимать как заслугу. Взаимно друг друга убеждая, они говорят: «Если мой господин пошлёт меня в огонь или в воду, я пойду ради него». Когда речь заходит о голоде, холоде и тяжких лишениях, то они говорят только «дай» (курсив автора) [*дай* означает «нехорошо»]»¹. На самом деле «голод, холод и тяжкие лишения» беспокоили степняков не меньше, чем их китайского гостя, но, будучи воинами, они не видели и не искали альтернативы своему образу жизни. Можно образно сказать, что именно такова судьба воина, и он должен её принять от начала до конца. Аналогично понимали судьбу и оседлые варвары Западной Европы. В частности, основывающееся на непреодолимости судьбы бесстрашие скандинавских викингов даже стало достоянием эпической поэзии. Шведский историк А. Стринггольм приводит такой вошед-

¹ «Хэй да ши люэ»: источник по истории монголов XIII в. / Отв. ред. А. Ш. Хадырбаев. – Москва : Наука – Восточная литература, 2016. – С. 37-38.

ший в историю диалог: «Провожая на корабль сына, отец спрашивал его: «Как ты будешь вести себя в битве, если узнаешь, что должен пасть в ней?». – «Не жалея себя, я стану рубить обеими руками», – отвечал юноша. «А когда тебе скажут, что ты останешься жив?». – «Тогда мне и не надобно беречь себя, пойду вперёд, сколько будет можно»»¹. Разумеется, с точки зрения цивилизованного человека такой подход к жизни казался безрассудным и нередко таковым являлся. Однако необходимо отметить, что варварами руководила всё-таки не безответственность. В частности, возможно, именно в этом секрет прочности браков у древних германцев и средневековых кочевников: их жёны не считали, что при помощи юридического бракоразводного процесса можно изменить свой предопределенный судьбой статус.

Описывая культурную картину мира древних германцев, И. В. Зиньковская целенаправленно делает акцент на *мистическом понимании ими материального богатства*. Если для цивилизованного человека богатство – это один из материальных ресурсов, которым можно пользоваться для достижения каких-то конкретных целей, то для варвара богатство в первую очередь является признаком личного достоинства человека. Варвар понимает богатство не количественно (как некую сумму денег или дорогих вещей), а качественно – как признак доблести (если речь идёт о трофеях), трудолюбия (если речь идёт об урожае) или смекалке (если имеется в виду вещь, приобретённая в заморской торговле). «Согласно представлениям германцев, в сокровищах, которыми обладал человек, воплощались его личные качества и сосредоточивались его счастье и успех. Лишиться их значило погибнуть и потерять удачу. В золоте и серебре материализовалось счастье его обладателей. Украшения, кольца и браслеты были важными знаками общественного положения и доблести»². Возможно, именно поэтому для варварских воинов трофеи играли едва ли не большую роль, чем сам факт победы: ведь, захватывая богатство

¹ Стриннгольм А. Походы викингов. – Москва : АСТ, 2008. – С. 353-354.

² Зиньковская И. В. Варварские государства раннесредневековой Европы: учебное пособие. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2015. – С. 201.

поверженного противника, варвар как бы присоединял его счастью и удачу к своим, становясь от этого сильнее.

Сходным образом относились к богатству и степняки, но с важной оговоркой: от сундуков с золотом посреди степи мало проку. Поэтому кочевые предводители использовали в качестве индикатора своего могущества скот. Хан или бай по своему статусу должен был владеть огромными табунами, стадами и отарами, что служило зримым воплощением его могущества. Тем более, что в степи скоту всегда угрожает засуха, и если правитель или знатный человек сумел сберечь скот от падежа, то он, несомненно, удачлив. Но это не означает, что степные воины и их жёны не ценили золота и изящно декорированных предметов обихода. Пусть кочевники в силу своей мобильности не могли хранить при себе больших сокровищ, но в доступной им мере они тоже «встречали человека по одежке». В частности, повышенный интерес степняков к стати боевых коней и роскошной отделке оружия стал достоянием легенд. Впрочем, ювелирные украшения тоже высоко ценились номадами. Вот, в частности, какую деталь вносит в портрет уважаемого степняка киргизский эпос:

*Богатством славился Кокетей.
Когда представился Кокетей,
Стала преемницей трона его,
Наследницей законной его
Кюлаим, его вдова.
Одежды скорби надела она.
Джамбой золотой владела она, —
Сто рабов джамбе цена!
Взяли ту джамбу для игры.
Для подвески той джамбы
Золотые сплели шнуры¹.*

¹ Манас. Эпизоды из киргизского народного эпоса / Под ред. С. И. Липкина и Л. М. Пеньковского. — Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1960. — С. 67.

Важно уточнить, что джамба – это диск, который используется в киргизских и казахских традиционных соревнованиях по стрельбе. Обычно такой диск изготавливается из серебра, подвешивается на высоком шесте при помощи шнура, и стрелки должны попасть не в диск, а в шнур. Тот стрелок, которому удаётся перебить выстрелом шнур и, таким образом, сбить диск на землю, забирает джамбу себе. И вот, киргизский эпос сообщает, что вдова покойного бая предоставляет в качестве приза на сопровождающие тризну по её мужу состязания джамбу ценой в сто рабов и даже подвешивает её на золотых шнурах! Если бы на этой тризне присутствовал индийский или китайский гость, то он наверняка бы решил, что вдова лишилась рассудка. Ведь как иначе объяснить, что она, лишившись мужа, буквально бросает на ветер скопленные им сокровища? Но, с точки зрения прибывших на состязания в стрельбе кочевников, она поступила мудро и радушно, предоставив им в качестве приза сокровище своего покойного супруга, который пользовался среди степняков непререкаемым авторитетом. Ведь, по мнению как оседлых германских, так и степных варваров, вещи служат продолжением своего владельца, и, следовательно, если дорогая вещь покойного бая присутствует на поминках о нём, то и он сам незримо принимает гостей.

С точки зрения цивилизованных дипломатов и шпионов, варвары демонстрировали странное сочетание мелочности и простодушия: они могли тщательно хранить воинские трофеи сомнительной ценности, ни мало не интересуясь их рыночной стоимостью, и при этом отказываться от дорогостоящих торговых сделок с пришлыми купцами из-за их сложности и непрозрачности. Более того, воспринимая дорогую вещь именно как артефакт, а не товар, варвары часто даже не знали, как надлежит ей пользоваться, хотя при этом старательно берегли её. Тацит буквально высмеивает за это германцев: «Можно у них видеть серебряные сосуды, полученные в подарок их послами или князьями, в таком же малом почёте, как и те, которые лепятся из глины. Правда, ближайшие к нам, по причине торговых сношений, ценят золото и серебро, знают и различают некоторые из наших монет, но у

живущих внутри страны в употреблении более простой и старинный способ торговли – обмен товаров»¹.

Из такого своеобразного отношения к вещам следует своеобразное, почти *романтическое отношение варваров к дарению и получению подарков*. Эта особенность варварского менталитета много раз ставила в тупик цивилизованных дипломатов, и поэтому необходимо рассмотреть её подробно. И римские, и китайские авторы поражались привычке варваров просто и буднично просить о подарках и дарить их. В частности, Тацит так описывает удививший его германский обычай: «По отношению к праву гостеприимства, никто не делает различия между знакомым и незнакомым. Если гость, уходя, что попросит, в обычае уступать ему; с такой же бесцеремонностью хозяин может попросить что-нибудь взаимно. Германцы любят подарки, но не вменяют своих во что-нибудь другому, ни получаемыми от других не считают себя обязанными: во взаимных отношениях между гостем и хозяином господствует ласковость»². Похожий обычай степняков описал Сюй Тин, китайский разведчик, посещавший монголов в XIII в.: «Если они (татары – С.С., И.Ч., В.Ч.) видят чьи-либо вещи и хотят их получить, они называют это *сахуа* (здесь и ниже – курсив автора). Если [владелец] их отдает, они говорят: *на-ша инь*; на языке татар это значит «хорошо». Если [владелец] их не отдает, они говорят: *мао-у*; на языке татар это значит «плохо». *Сахуа* по-китайски означает «выпрашивать»»³. То есть цивилизованные люди, привыкшие к тому, что вещи стоят денег, а деньги следует беречь и не тратить направо и налево, удивляются готовности, с которой варвары безвозмездно отдают и беззастенчиво просят материальные вещи. Тацит счёл это проявлением доброжелательной наивности, Сюй Тин – вошедшим в привычку попрошайничеством, и оба автора не угадали.

Дело в том, что ни одно варварское общество не имело такого уровня рационализации труда, при котором стал бы возможен

¹ Тацит П. К. Сочинения в 2-т. Т 1. / Публий Корнелий Тацит. – Санкт-Петербург : Изд-во Л. Ф. Пантелеева, 1886. – С. 44.

² Там же. С. 52.

³ «Хэй да ши люэ»: источник по истории монголов XIII в. / Отв. ред. А. Ш. Хадырбаев. – Москва : Наука – Восточная литература, 2016. – С. 38.

выпуск стандартизированной продукции. Поэтому почти каждая вещь могла быть только индивидуальной и поэтому запоминающейся. Отдавая её в подарок, человек, таким образом, дарил память о себе, и, соответственно, проситель подарка иносказательно выражал желание сохранить связь с дарителем (хотя бы через воспоминания о нём). Поэтому подарок вовсе не был для варвара мелочью, ведь даже самая незначительная вещь, будучи подаренной, порождала новую, персональную связь между людьми. Именно поэтому в варварском обществе и у германцев, и у кочевников был принят обычай, ускользнувший от глаз цивилизованных наблюдателей: обмен подарками, а не вручение их в одностороннем порядке. Датский исследователь В. Грёнбек отмечал, что древний скандинав, делая подарок, дарил вместе с вещью и часть своей удачи или, если так можно выразиться, включал получателя в свою судьбу. Поэтому единственным человеком, который не получал ответных подарков, был конунг или король: считалось, что его удача в разы превосходит удачу его подданных, и он может поделиться ею безвозмездно. Правителю нет необходимости включаться в судьбу простолюдина, так как и без духовного родства с ним конунг велик, зато он сам охотно включал в свою судьбу подданных и делился с ними удачей, позволившей ему занять трон. Неслучайно скандинавские конунги чаще всего дарили своим воинам оружие и кольца, то есть предметы, которые всегда будут сопровождать своих хозяев. «В тот момент, когда воин надевал кольцо и брал в руки оружие, в него вливались королевская честь, слава его (монарших – С.С., И.Ч., В.Ч.) предков и всё то, чем он гордился. Он сразу же ощущал силу, заключенную в кольцо, и начинал им жить»¹. При этом денежная стоимость подаренного меча или кольца никого не интересовала: каждый меч благодаря ремесленному производству был индивидуальным, как и каждое кольцо. Вещь, подаренная конунгом, ценилась не за свои материальные качества, а потому, что её подарил вождь. То же самое касалось и обмена подарками между равными: важно было не что подарено, а кем подарено.

¹ Грёнбек В. Эпоха викингов. Мир богов и мир людей в мифах северных германцев. – Москва : Центрполиграф, 2019. – С. 356-357.

У варваров-степняков дарение было взаимным даже в том случае, когда речь шла о правителе и его подданных. Так, по монгольской традиции XIII в. верховный хан приглашал на ежегодный праздник всех своих вассалов и демонстративно принимал от них гостинцы, одаривая при этом гостей из своей сокровищницы. Отечественный исследователь А. Г. Юрченко видит за этим действием не просто проявление широкой души степного правителя, а важный социальный ритуал: «Обмен дарами между ханом и покорными ему правителями призван был обновить социальные связи между центром и провинциями. Правитель, облаченный в золотые одежды, получал санкцию Неба на осуществление своих функций, а участники обряда обретали законное место в иерархии власти. Праздник середины года в символической форме воспроизводил архаическую систему управления завоёванными территориями, принадлежавшими всему роду Чингисидов»¹. Не менее важную роль подарки играли в отношениях между любим, в том числе и нелегальным степным предводителем и его воинами. Делая безвозмездные подарки, такой вожак по сути дела предоставлял завуалированные займы, через которые ненавязчиво осуществлял свою власть. Вот как описывает данный механизм А. М. Хазанов: «Можно лишь отметить, что чем менее дифференцировано в социальном отношении данное общество, тем большее значение приобретает в нём несбалансированная и сбалансированная реципрокация. Первая, не требуя от берущего обязательного эквивалентного возврата заимствованного, накладывает на него моральные обязательства по отношению к дающему и повышает престиж последнего. Вторая требует, чтобы заимствованное было тем или иным способом возвращено обратно, хотя и не обязательно в абсолютно равной пропорции»². В ситуации, когда римский кесарь и китайским император платили своим воинам заранее оговорённое жалование, степной хан и германский конунг время от времени делали им подарки, тем самым, налагая на бойцов не юридические, а моральные обязательства.

¹ Юрченко А. Г. Элита монгольской империи: время праздников и время казней. – Санкт-Петербург : Евразия, 2012. – С. 37.

² Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2008. – С. 184.

Особо следует сказать об *отношении варваров к оружию*. Как мы отмечали выше, варварское общество всегда милитаризировано, следовательно, каждый мужчина потенциально является воином и обязательно осознаёт этот потенциал. С. Г. Кляшторный, описывая тюрков в преддверии создания ими каганата, делает на этом особый акцент: «Своё социальное и правовое проявление единство находило в применении ко всем её (дружины – С.С., И.Ч., В.Ч.) членам наименования *эр* (здесь и ниже – курсив автора), «муж-воин». «Мужем-воином» становился по праву рождения любой юноша, достигший определенного возраста и получивший *эр аты*, «мужское (геройское, воинское) имя», будь он один из сотен рядовых воинов или принцем крови. Так, в сочетании «начальник над пятью тысячами мужами-воинами» термином *эр* обозначен каждый воин пятитысячного отряда. Но «мужем-воином» стал, по исполнению десяти лет, и сын Эльтериш-кагана, Кюль-тегин»¹. Об институте дружины мы подробно поговорим во второй главе, а пока отметим, что, во-первых, каждый мужчина независимо от своего желания считался потенциальным дружинником, а, во-вторых, из-за отсутствия массового производства он мог быть вооружен только своим собственным оружием. Это означает, что личное холодное оружие было для варвара символом его социального статуса, с которым он по доброй воле ни за что не согласился бы расстаться. Оружием можно было обмениваться с кем-нибудь из друзей (и это была бы разновидность обмена дарами), но чья-либо попытка разоружить варвара воспринималась им так же, как незаконный отъём паспорта у современного цивилизованного человека. Неслучайно этнонимы таких германских племён как франки и саксы произошли от названий популярного в этих племенах оружия: франкские воины не расставались с метательными топорами, именуемыми «франциска», а все саксонские мужчины носили на поясе кинжал под названием «скрамасакс». То есть, условно говоря, франки – это «парни с топорами», а саксы – «парни с кинжалами». Из этого не следует, что варвары спешили применять

¹ Кляшторный С. Г., Савин Д. Г. Степные империи древней Евразии. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2005. – С. 153.

оружие по любому поводу, но сам факт наличия оружия был для них символом мужества и личной свободы. Если же воин обладал в кругу товарищей авторитетом, то не менее авторитетным считалось и его оружие. Такие мечи с репутацией нередко передавали детям как семейную реликвию или же, наоборот, хоронили вместе с владельцами как неотчуждаемое продолжение их личностей. В обоих случаях оружие несло в себе дух своего прежнего хозяина, и поэтому воспринималось не просто как инструмент воина, а как его одушевлённый помощник. Вот как описывает видение оружия скандинавами эпохи викингов В. Грёнбек: «Непременным условием для того, чтобы чьё-то оружие принесло победу другому человеку, было вот что: взявший меч должен был либо подружиться с ним, либо подчинить его себе. Воин, вероятно, был сильно удивлён неожиданным упрямством оружия, проявившего тёмную волю, которая противоречила его собственной. Так неожиданно проявлялся дух его прежних владельцев»¹. Поэтому неудивительно, что варварские наемники на службе в цивилизованных армиях всячески настаивали на том, чтобы идти в бой с собственным оружием.

При этом важно оговориться, что отношение варвара к личному оружию разительно отличалось от аналогичного восприятия вооружения цивилизованным воином-профессионалом. Для римского legionera или китайского фубин оружие было лишь инструментом, который проверялся начальством и должен был соответствовать предписанным стандартам. Римский legioner покупал оружие и доспехи за собственные деньги, но благодаря постоянным военным смотрам он приобретал только такой меч, который не выделял его среди сослуживцев, и которым можно было действовать, стоя в монолитном строю. Китайские воины эпохи Тан получали оружие бесплатно с военных складов, и армейских интендантов меньше всего интересовало, как относится к оружию тот или иной боец. Впрочем, как и legionеры Рима, фубин китайского императора в первую очередь должны были уметь сражаться строем, и поэтому их оружие и доспехи тщательно

¹ Грёнбек В. Эпоха викингов. Мир богов и мир людей в мифах северных германцев. – Москва : Центрполиграф, 2019. – С. 318-319.

унифицировались. Варварский же воин древней Германии исповедовал противоположные взгляды: его меч мог быть прекрасен и практичен, но из-за скромных масштабов ремесленного производства хороших мечей у варваров было мало, и каждый из этих клинков ценился очень высоко. Варвар-германец буквально щеголял перед товарищами своим оружием и доспехами, если они у него были, и ни при каких обстоятельствах не согласился бы пойти в бой с чужим мечом или отдать кому-нибудь собственный. Вот как характеризует этот взгляд немецкий историк Г. Дельбрюк: «Древний германец и его оружие как бы составляют одно целое. Оружие германца является частью его личности. Для римлянина же оружие являлось ремесленным товаром, так же как и он сам в качестве воина являлся звеном, частицей, можно почти сказать, номером той манипулы, в которую он был назначен на военную службу управлением своего округа»¹. Поэтому если римские и китайские воины легко разоружались по команде или учились владеть трофейными клинками, то германец воспринимал любые попытки разоружить себя как неприкрытый грабёж, а взять в руки чужое оружие вместо своего считал неприемлемым. То же самое можно сказать и о кочевниках, кузнецы которых умели ковать сабли, но металл для будущих кривых клинков приходилось покупать у оседлых соседей, и поэтому цена каждой сабли становилась буквально заоблачной. Поэтому кочевники так же, как и германцы, вряд ли бы согласились отдать кому-либо свои клинки и луки или провести перевооружение своих отрядов по образцу войск оседлых обществ.

Разумеется, в обществе постоянно вооруженных, считающих себя неотчуждаемо свободными людей *отношение к личной и групповой чести* могло быть лишь трепетным. Реальный или потенциальный воин воспринимал свою репутацию подобно тому, как современный россиянин воспринимает свою трудовую книжку или паспорт, и оберегал её от любых посягательств. Нанесённое ему оскорбление он воспринимал не как проявление чужой неучтивости, на которое можно обидеться или не обидеться по

¹ Дельбрюк Г. Истрия военного искусства в рамках политической истории в 7 т. Т.2. Германцы. – Москва : Воениздат, 1937. – С. 48.

собственному усмотрению, а как рану, которую может исцелить лишь месть за неё или, по меньшей мере, публичное извинение обидчика. Более того, человек, получивший оскорбление и не ответивший на него, воспринимался варварами как больной, которому грозит смерть от недуга. В. Грёнбек так описывает состояние оскорбленного викинга: «Человека лишили чести. И эту честь можно вернуть с помощью мести. Но честь – это не то, чем можно пожертвовать в случае нужды; утрату чести можно сравнить с раной, которая никогда не заживёт и будет кровоточить, пока из тела не вытечет вся жизнь. Если он не сможет заполнить образовавшуюся пустоту, то никогда снова не станет самим собой. Эту пустоту можно назвать позором; это – страдание, мучительное состояние болезни»¹. А поскольку в военизированном обществе все свободные мужчины номинально считались равными друг другу, то даже вождь дважды думал, прежде чем проявить грубость по отношению к своим подчиненным. Ведь любой простолудин имел формальное право отомстить обидевшему его вождю. Отношения между ними, какими бы они ни были на самом деле, всегда представлялись как взаимная приязнь и товарищеские обязательства. Именно поэтому групповая честь оберегалась также тщательно, как и личная. И. В. Зиньковская справедливо отмечает: «Защищать вождя, оберегать – главная задача дружинника. *Вождь сражается за победу, дружинники – за вождя* (курсив автора). Вождь так же предан своим дружинникам, как и они ему»². Думается, что дружинники, воинская элита варварского мира – скандинавские хирдманы, германские хускарлы, монгольские нукеры, казахские тюленгуты – лишь выражали в наиболее яркой форме отношение к чести, присущее всем варварам.

Если бросить беглый взгляд на понимание воинской чести и мести за неё кочевниками, то степные воины окажутся ещё более принципиальными и беспощадными, чем их германские аналоги. Если германский обычай мести требовал возмездия именно

¹ Грёнбек В. Эпоха викингов. Мир богов и мир людей в мифах северных германцев. – Москва : Центрполиграф, 2019. – С. 59.

² Зиньковская И. В. Варварские государства раннесредневековой Европы: учебное пособие. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2015. – С. 203.

обидчику и именно обиженным (хотя месть нередко принимала групповые формы), то обычай степняков позволял расправу над всем коллективом, к которому принадлежал обидчик. Например, главный герой киргизского эпоса богатырь Манас посватался к дочери бухарского хана Атемира, красивой и образованной хониям Канькей и получил согласие её отца. Однако когда он попытался проникнуть во дворец хана, чтобы лично познакомиться с невестой, то принцесса в резкой форме отказалась встречаться с женихом до свадьбы, чем поставила его в крайне неловкое положение. Сочтя себя оскорблённым, Манас отдал своим сорока дружинникам такой приказ: «Пусть пыль этого города достигнет неба. Уничтожьте дворец хана Атемира»¹. Хониям Канькей смогла избежать расправы и спасти жизнь своего отца, оказавшегося без вины виноватым, лишь публично извинившись перед Манасом и предложив своих подруг в жёны его нукерам. То есть степной варварский воин относился к своей чести не менее бережно, чем германский, но так же, как германец, был готов принять бескровную сатисфакцию, если мог таким образом восстановить свою пошатнувшуюся репутацию.

Кроме культурных черт, отмеченных И. В. Зиньковской, мы можем указать такой важный аспект варварской культуры как клановое мировоззрение. Это не значит, что варвары не признают иного общественного устройства, кроме родового. Ниже мы познакомимся с таким варварским социальным институтом как дружина, в которой, наоборот, кровное родство не играло роли. Однако и оседлые, и кочевые варвары воспринимали человека лишь как члена какой-нибудь замкнутой и при обычных обстоятельствах нерасторжимой группы. Это могла быть кровнородственная общность или воинский союз, но в любом случае отношения между членами группы воспринимались как родство. Датский исследователь В. Грёнбек применительно к скандинавам эпохи викингов отмечает, что группа считалась первичной по отношению к индивиду: «Родичи усиливают друг друга; это не отдельные люди, которые соединяют свои силы, нет, они действу-

¹ Липкин С. И. Манас великодушный. Повесть. – Ленинград : Советский писатель, 1947. – С. 55.

ют как единое целое, поскольку в глубине души каждого из них имеется нечто общее, что знает и думает за них. Скажем больше – они связаны так тесно, что один человек подпитывается силой другого»¹. Можно предположить, что клан или дружина, с точки зрения варваров, имеют общую душу и поэтому представляют собой нечто большее, чем союз людей-индивидов. Из этого принципа с необходимостью следует невозможность для варваров воспринимать индивида как полноценного члена общества: человек, который представляет только себя, а не какую-нибудь общность, в их глазах был как бы инвалидом, не имевшим конечностей или иных органов. По этой же причине варварам не было понятно гражданское единство подданных мировых империй: ни один варварский клан не допускал равенства перед законом своих членов другим людям. Каждый клан (как родовой, так и воинский) претендовал на неделимую власть над своими членами и не приравнивал их к посторонним. Можно сказать, что людьми в полном смысле этого слова варвар считал только тех, кто входил в одну с ним общность. Все остальные воспринимались либо как временные союзники, либо как потенциальные враги, но ни в коем случае не как равные. Суд третьего лица над одним из членов клана автоматически воспринимался как покушение на всю общность, и варваров вовсе не интересовало, что этим «третьим лицом» мог быть государственный чиновник. Именно поэтому, поселившись в пределах цивилизованных государств, варвары всегда претендуют на политическую и правовую автономию: государство является слишком абстрактной общностью и не может быть принято в клан на правах его авторитетного члена.

Из кланового мировоззрения с необходимостью следует система двойных стандартов, ведь кровный или названный сородич всегда оценивается кланом выше, чем посторонний человек, а следовательно, единая система этических оценок в таком обществе невозможна. Ведь с точки зрения кланового мировоззрения, чужак по определению не может быть прав в ссоре с родичем. В. Грёнбек красноречиво описывает причины, в силу которых кров-

¹ Грёнбек В. Эпоха викингов. Мир богов и мир людей в мифах северных германцев. – Москва : Центрполиграф, 2019. – С. 44.

ная месть часто становилась единственным способом борьбы за справедливость между варварскими кланами: «Во всей старой нордической литературе с её бесконечными убийствами, оправданными или нет, не находим ни единого примера человека, который по своему желанию отказался бы ото всех попыток отомстить убийце, даже понимая, что его родственник погиб из-за своего дурного характера. Родичей могут заставить отказаться от мести, они могут понять бессмысленность всех попыток возмездия, но в любом случае мы можем привести время от времени встречаемую фразу: «Я не пожалел бы ничего, если бы был уверен, что смогу отомстить». (...) С другой стороны, убийца приходил домой и заявлял коротко и ясно, что убил такого-то «и его родственники не могут не признать меня виновным в этом убийстве». Сразу же после этого его родичи начинали готовиться к обороне, к защите своих людей и самих себя»¹. При таком отношении варваров к своим и чужим цивилизованные чиновники могли даже не пытаться заставить их честно соблюдать государственные законы или считать себя гражданами, которые в правовом отношении равны любым другим гражданам.

Такова в самом обобщённом виде культурная картина мира варваров, живущих вне границ цивилизованного общества. Эти люди практичны, очень внимательны к нуждам данного момента и почти безразличны к прошлому и будущему. По крайней мере, прошлое они склонны превращать в сказочное «давным-давно», а будущее – в размытое «когда-нибудь». При этом центральной фигурой их картины мира является человек, понимаемый как физическое лицо и социальная роль. Как физическое лицо именно человек одухотворяет свои вещи и своё жилище, и поэтому любая, с цивилизованной точки зрения, мелочь наполняется для варваров особым смыслом: переезд из одного места в другое, вручение и получение подарков имеют для варвара буквально сакральное значение. Также варварское общество в силу слабой социальной дифференциации предписывает всем своим членам ограниченный набор ролей, следование которым воспринимается

¹ Грёнбек В. Эпоха викингов. Мир богов и мир людей в мифах северных германцев. – Москва : Центрполиграф, 2019. – С. 40.

как судьба. А так как одна из самых древних и важных мужских ролей – воинская, то варварское общество акцентирует внимание на всём, что как-нибудь связано с воинским образом жизни: физической силе, оружию и личной и групповой репутации, которая воспринимается сакрально (как честь). С точки зрения цивилизованного наблюдателя варвар всегда неприхотлив, простодушен и агрессивен, хотя на самом деле за каждым его поступком стоят рассмотренные нами выше мотивы. Также варвар всегда ощущает себя членом какой-то кровной или воинской общности и поэтому не воспринимает себя как индивида, который несёт за свои поступки личную ответственность. С одной стороны, вся общность повышает свою репутацию благодаря заслугам отдельного своего представителя, но, с другой стороны, общность расценивает действительное или мнимое притеснение своего члена как неуважение ко всем своим членам. Поэтому, с точки зрения цивилизованного наблюдателя, варвары ведут почти что стайный образ жизни, в то время как с варварской точки зрения цивилизованные граждане-индивидуалисты находятся в постоянном добровольном изгнании.

Итак, в данном параграфе мы, опираясь на методологию И. В. Зиньковской, выявили ряд культурных особенностей варварства, заметных лишь при сравнении его с образом жизни цивилизованных обществ. Подведём предварительные итоги:

- многие культурные универсалии оседлых и кочевых варваров совпадают. Лесные и степные варвары не похожи друг на друга, но ещё меньше они похожи на представителей цивилизованных обществ;

- варвары воспринимают время мифологически (в категориях «давно» и «когда-нибудь») и поэтому не формулируют никаких масштабных политических проектов;

- варварские общества не понимают и не признают неотчуждаемой собственности на землю, в силу чего их общины оказываются очень мобильными;

- в силу ограниченного количества социальных ролей во всех варварских обществах мужчина потенциально считается воином, из чего следуют такие присущие варварам поведенческие особенности как ориентация на воинскую честь, уважительное от-

ношение к оружию и ориентация на личные неформальные отношения, которые формализуются через обмен подарками, клятвы и т.д.;

- варвар всегда ощущает себя частью какой-то общности, соединенной кровным или названным родством, и признаёт над собой власть только данной группы и никакой другой.

Как мы убедились, цивилизованное общество всегда превосходит варваров и в техническом, и в социальном, и в экономическом отношениях. Неудивительно, что многие представители варварских народов проникаются уважением к цивилизованным соседям и даже интегрируются в их общество. Но возможен ли обратный путь – от цивилизации к варварству? Может ли цивилизованный человек отвергнуть социальные и правовые нормы своего общества и перейти к варварскому образу жизни? И, если может, то что должно его побудить к этому? На эти вопросы мы дадим ответы в следующем параграфе.

1.3. Цивилизация и внутренние варвары.

Внешние варвары – не единственная и не самая серьёзная угроза для цивилизованного общества. Если исключить конфликт двух цивилизаций, превратившиеся в войну на истребление, то нелегко найти причину, почему однажды на месте процветающего государства остаются руины. Да и такие конфликты случались в истории крайне редко: обычно цивилизованные общества во время политической и экономической экспансии стремятся поставить соседа в зависимое положение, а не уничтожить его физически. Осуществить беспорядочный геноцид, сопровождающийся повальным грабежом и бессмысленным разрушением, могли бы именно внешние варвары, но они не имеют возможности сделать это собственными силами. Для того чтобы такая трагедия случилась, цивилизованное общество должно само лишиться себя всех технических, политических, социальных и экономических преимуществ перед варварами. Справедливо и всесторонне регламентирующие общественную жизнь законы и глубокая рационализация труда, являющиеся главными козырями цивилизации в её взаимоотношениях с варварством, должны перестать

функционировать, и внешний враг никаким способом не смог бы этого добиться. Остаётся предположить, что внутри цивилизованного общества существует «пятая колонна», осознанные и неосознанные предатели, которые приводят в негодность внутренние механизмы регуляции своего общества и позволяют внешним врагам воспользоваться возникшим кризисом.

Отечественный автор Н. М. Мотрошилова, на методологию которой мы опираемся, сформулировала удачное определение внутреннего варварства (внутреннего по отношению к цивилизации, порожденного ею): «...варварством целесообразно именовать также и совокупность существующих на зрелых стадиях развития самой цивилизации явлений, форм, способов жизнедеятельности людей, которые разительно отличаются от тенденций, сущностных признаков (если хотите, «телоса») цивилизации и цивилизованности. И отличаются особенно грубым насилием, крайней жестокостью, катастрофически разрушительными историческими последствиями, беззастенчивым попранием уже хорошо известных индивидам и человечеству цивилизационных принципов и норм, недостойном человека одичанием, скотством, да и другими чертами, свидетельствующими об откате к варварству»¹.

На наш взгляд, говорить об откате на более ранние стадии индивидуального и общественного развития в данном случае не приходится. Ведь если, согласно определению Н. В. Мотрошиловой, внутренний варвар осознанно и намеренно нарушает цивилизационные принципы и нормы, то речь идёт не о забвении или непонимании, а о целенаправленном отвержении. Это поведение не пылкого и неопытного юноши, а циничного, искушенного в жизненной практике зрелого человека, решившего, что он перерос принятые в обществе нравственные принципы и моральные нормы. Такой человек не глупее своего общества или своей эпохи: он прекрасно разбирается в функционировании цивилизованных государства и права, умеет пользоваться современной ему

¹ Мотрошилова Н. В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. – Москва : ИФРАН, 2010. – Изд. 2-е, расширенное и справ. – С. 80.

техникой и, скорее всего, имеет в цивилизованном обществе легальный или даже уважаемый статус. Однако он предпочитает жить не в обществе, а параллельно с ним, внешне принадлежа к цивилизации, а внутренне ориентируясь только на себя и свои собственные идеалы. Как мы увидим ниже, такие идеалы не всегда являются эгоистичными или примитивными, но никогда не совпадают со сложившейся в данном обществе системой нравственных и политических отношений.

Данное стремление индивида – жить исключительно личными или партикулярными интересами за счёт всего остального мира – присутствует в любом обществе на любой стадии его развития. Н. В. Мотрошилова так описывает это явление: «Это преимущественная ориентация конкретных индивидов, стран, их объединений на собственные и ближайшие интересы и (при всех разговорах о целях, интересах человечества, которые стали особенно громкими в эпоху глобализации и создания Европейского союза) как раз пренебрежением долгосрочными перспективами, интересами общечеловеческого бытия, цивилизации в целом»¹. Но общество только потому и может развиваться и процветать, что не позволяет данному импульсу доминировать. Можно предположить, что процесс наращивания агрессивного индивидуализма протекает в варварском и цивилизованном обществах в противоположных направлениях. Варварам, начинающим свой исторический путь как конгломерат кланов, родов и дружин, приходится учиться ладить друг с другом хотя бы для победы над общим врагом, а цивилизованное общество, наоборот, проходит путь от консолидированного и слаженного единства к борьбе разрозненных группировок, ни одной из которых нет дела до общего блага. У внешних варваров выбираемый народным собранием вожьд однажды становится королём, объединяющим под своей властью различные племена и кланы, а единое прежде цивилизованное общество приходит к гражданской войне и череде «солдатских» императоров. Эти ритмы повторялись в истории много раз, но

¹ Мотрошилова Н. В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. – Москва : ИФРАН, 2010. – Изд. 2-е, расширенное и справ. – С. 89.

пока мы не получили ответа на вопрос, почему дезинтегрированную цивилизацию добивают именно внешние варвары и какую роль в этом процессе играют их внутренние пособники.

Рассмотрим по порядку перечень внутренних врагов цивилизованного общества, которые потенциально и реально могут оказать содействие внешним варварам.

Самыми заметными представителями этой публики являются открытые культурные ренегаты, очарованные чужой культурой и стремящиеся учредить чужеземные порядки у себя дома. Данное явление известно со времён греко-персидских войн и получило название *мидизм* (μῆδιός, μῆδιζέιν)¹, то есть «симпатия к мидийцам (персам)». Выражаться такая симпатия могла сколь угодно широко – от словесного одобрения персидского образа жизни или некоторых восточных традиций, что открыто делал Ксенофонт в своём сочинении «Киропедия», до реального сотрудничества с персами и персофильской позиции в политике, что необдуманно позволяли себе некоторые победоносные греческие стратеги. Например, спартанский полководец Павсаний (ум. в 467 г. до н.э.), победив персидское войско в битве при Платеях (479 г. до н.э.), проникся таким уважением к противнику, что вознамерился произвести в Спарте переворот, насадить в греческом городе восточные нравы и править, подобно персидскому царю. Более того, стратег вступил с персами в тайную переписку и просил у них помощи в осуществлении своего замысла. Шах одобрил планы этого незваного союзника, тем более, что структура монархии Ахеменидов допускала номинальную власть над вассальными территориями их собственных царей. Но заговор был вовремя раскрыт, а полководец, пытаясь избежать суда, спрятался в храме, где через некоторое время умер от истощения. Несмотря на такую прямолинейность, мидизм вряд ли представляет для цивилизации серьёзную угрозу: если речь идёт об изменниках, то они обычно служат не варварам, а другой, не менее развитой цивилизации, которая может щедро оплачивать их услуги и предлагать

¹ Маринович Л. П. Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // Античная цивилизация и варвары. – Москва : Наука, 2006. – С. 17.

им служебное положение, недостижимое предателями на родине. К примеру, греческий полководец мог быть очарован придворной роскошью персов и тем непререкаемым авторитетом, которым пользовались в их государстве царские чиновники, но вряд ли бы он захотел подражать кельтскому или скифскому вождю.

Если понимать мидизм более широко, чем восхищение персами, отнеся к нему поверхностное подражание любой чуждой культуре, то иногда он даже становится модным. В ряде случаев предметом для подражания становятся варвары, если им удаётся чем-нибудь удивить или шокировать жителей цивилизованных городов. Но такое подражание охватывает публику не глубже, чем очередной модный стиль. Так, в VI в. н.э. в Восточной Римской империи члены спортивного клуба «синих» («венетов»), известные своим хулиганским поведением и нередким участием в массовых беспорядках, по одним им ведомым причинам одевались как гунны. Британский историк Дж. Бейкер красноречиво описывает этих византийских «стиляг»: «...свирепые, исполненные сознания собственной значимости люди, во всём подражавшие гуннам. Почему они выбрали в качестве образца гуннов, остаётся загадкой, но факт остаётся фактом, и Константинополь близко познакомился с типом человека с длинными, ниспадавшими на плечи волосами, могучей бородой и бакенбардами, одетого в рубашку с «дутыми» рукавами. Многие из активных членов партии «синих» носили спрятанное под одеждой оружие, которым при случае могли умело воспользоваться»¹. При этом «синие» чаще всего выступали в массовке политиков, поддерживавших курс на неделимость империи, и никогда с реальными гуннами не встречались. Можно сравнить «венетов» с криминальной субкультурой *апашей*, захлестнувшей французские мегаполисы на рубеже XIX-XX вв., представители которой любили сравнивать себя с индейцами племени апачей, о мнимой жестокости которых часто сообщали газеты. Но по факту апаша были лишь конгломератом молодёжных банд, большинство членов которых не смогли бы даже сказать, в какой стране живёт племя апачей.

¹ Бейкер Дж. Юстиниан. Великий законодатель. — Москва : Центрполиграф, 2004. — С. 73.

Такой модный мидизм не представляет угрозы для цивилизации и обоснованно воспринимается её представителями как чудачество городской молодёжи.

Более проблематичные идейно-политические течения, ориентирующие цивилизованных людей на варварство, возникают в моменты политических и духовных кризисов цивилизованного общества. Причём, духовный кризис здесь является определяющим. Отечественный философ В. П. Римский акцентирует внимание на социально-психологической особенности любого общества, в результате которого цивилизация сохраняет или теряет своё духовное единство: «Архетипы можно рассматривать как чистые формы, формы идеального, связывающие человека с глубинными структурами мироздания. Потому важную роль в формировании сознания играют природные характеристики человеческого бытия: существование человека в определенной природно-экологической среде и в «плазме» этносов как природно-исторических, социально-биологических образований. Именно на данной глубине человеческого бытия и формируются архетипы национального менталитета и самосознания, проявляющиеся в этнической психологии (сознательные и бессознательные импульсы) и стереотипах этнического поведения»¹. В процессе развития и усложнения общество реализует содержание своих архетипов, переходя от варварства к цивилизации, а затем – от одной цивилизационной стадии к другой. Но наступает момент, когда большая часть этого фундаментального содержания уже реализована и больше не соответствует исторической ситуации, как не соответствовали бы персонажи А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя Санкт-Петербургу эпохи Серебряного века. Когда цивилизованное общество в силу присущей ему рационализации труда становится урбанистическим, а социальная дифференциация углубляется настолько, что привычные связи между социальными группами рушатся, то прежняя культура перестаёт справляться со стоящими перед обществом задачами. Обновиться естественным

¹ Римский В. П. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. – Белгород : Изд-во Белгородского госуниверситета, 1997. – С. 36.

путём ей очень сложно, потому что общество в процессе развития и усложнения успело оторваться от своей изначальной природно-экологической среды и этнического состава. Например, традиционная религия, вдохновившая общину земледельцев на героические подвиги, не может быть актуальной для жителей многонационального мегаполиса, говорящих на разных языках и не имеющих отношения к земледелию. Политические формы тоже уже не соответствуют продиктованным традицией образцам: Сенат из «совета отцов» превращается во властную структуру, прочно отделённую от простонародья, а богачи-«всадники» давно уже не собираются покупать боевых коней и сражаться за отечество на поле боя. Подчеркнём, что процесс такого усложнения общественного и политического устройства неизбежен в силу самой сути цивилизации: рационализация труда и его разделение всё больше углубляются, общество всё сильнее дифференцируется, перед государством встают новые проблемы, которые невозможно решить в рамках *res publica* («общего дела»). И прежние патриархальные, возведенные в образец отношения сначала превращаются в декорацию, а затем и вовсе уходят в прошлое. Одним представителям цивилизованного общества удаётся добиться таких финансовых и политических высот, каких они бы ни за что не достигли в «старое доброе время», но как же быть их соотечественниками, которые оказались на таком социальном дне, о существовании которого «славные предки» даже не догадывались?

В ситуации стремительного отрыва цивилизованного общества от его духовных корней многие люди чувствуют себя потерянными, брошенными и заблудившимися. Речь идёт необязательно о лишившихся земли крестьянах и разорившихся мелких предпринимателях. Как показывает историческая практика, иногда даже сенаторы типа Луция Аннея Сенеки задаются резонным вопросом, к каким дальнейшим горизонтам движется общество и есть ли в этом смысл? Ведь для того, чтобы замечать общественные пороки, совсем необязательно быть жертвой их последствий. И в поисках идеального решения проблем зрелой цивилизации мыслители и теоретики создают образ «благородного дикаря». Очень важно оговориться, что это не этнографический интерес, а поиск в современном, окружающем мыслителей цивилизованном

мире островка или осколка «старого доброго прошлого». Отечественный автор Н. С. Широкова так описывает вектор мысли, приводящей интеллектуалов зрелой цивилизации к идеализации варварских народов: «Поскольку прошлое было так прекрасно, а настоящее так плохо, то как пассивный протест против него появляется призыв вернуться к прошлому первобытному состоянию, содержащийся в учении о «естественном состоянии», которое впервые было подробно сформулировано Платоном. (...) К тому же кругу идей, что и учение о «естественном состоянии», примыкает идеализация так называемых примитивных народов, которая встречается в сочинениях древних греков. У истоков этого направления стояли Исократ и Эфор. Греческие мыслители, придерживавшиеся этого направления (среди которых видное место занимал известный ученик Аристотеля Дикеарх из Мессаны), считали, что, поскольку цивилизация порождает неравенство человеческих отношений – роскошь, богатство, создаёт законы для охраны частной собственности и государства для принуждения, то, по-видимому, естественное состояние идеального общественного равенства можно найти у тех варварских народов, которые ещё не достигли уровня цивилизации, характерного для греков»¹.

Первыми «благородными дикарями» античности были гиперборейцы – народ, полностью придуманный философами: жители крайнего севера Ойкумены (то есть, приблизительно, Запорожской области современной Украины), почитающие Аполлона. Но идеализация коснулась и реально существовавших племён: философ Эфор в своих работах превращал кочевников-скифов в коммунистов-вегетарианцев, а представители Александрийской школы Диоген Лаэций и Сотион восхищались кельтами и, в особенности, галльскими друидами, приписывая им философские идеи, которых в Галлии никогда не было. Образ скифов, созданный Эфором, имеет под собой незначительное реальное основание, но всё же является идеологически окрашенной литературной конст-

¹ Широкова Н. С. Идеализация варваров в античной литературной традиции // Античный полис: межвузовский сборник. – Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1979. – Вып. 5. – С. 126.

рукцией. Вот как описывает сочетающиеся в ней умозрения, фантазии и реальные впечатления немецкий историк Р. Пёльман: «Если Платон ожидал, что коммунистические учреждения его «живущего добрыми законами» государства устранят всякую вражду и споры, примыкающие всегда к борьбе из-за собственности, то такой историк, как Эфор, в восхваляемой им, как *εὐνομία* (добрые законы), общественной организации некоторых скифских племён, видит уже фактическое осуществление своего идеала. (...) Спекулятивная философия установила, будто существенной чертой «справедливости» и естественного состояния являются пощада животных и воздержание от мясной пищи; уже древнейшая историография ввела эту черту в идеализирующее описание северных легендарных народов. (...) По скифскому и монгольскому праву женщина считалась семейной собственностью, которую дети имели право получить по наследству, как и всякое другое семейное имущество. В представлении греков из этого факта создавалась та утрированная общность жён и детей, которую имела в виду социальная теория Платона и особенно социальная теория киников. С таким представлением естественно и сама собой так же, как и у Платона, соединялась идея о невозмутимой гармонии общества и о ненарушимом социальном мире»¹. Представлять кочевника в роли вегетарианца попросту немислимо, потому что, как мы знаем, номады не занимаются земледелием, а приобретаемые ими у оседлых народов продукты вряд ли достаточны для того, чтобы степняки могли питаться только ими. Счасть номадов вегетарианцами мог бы только автор, никогда в жизни кочевников не видевший. И именно в этом содержится ключ к пониманию учения о «благородном дикаре»: это учение является интеллектуальной игрой, поиском утопического идеала, а не реальной этнографией, опирающейся на опыт межкультурного взаимодействия. Превративший скифов в травоядных коммунистов философ Эфор жил и писал в малоазиатском городе Кимы, вдали от любых кочевников. Любой борисфенит или ольвиополит, торговавший или воевавший со скифами, описал бы их

¹ Пёльман Р. История античного коммунизма и социализма. – Санкт-Петербург : Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1910. – С. 57.

совсем иначе. Возможно, книги Эфора воспринимались жителями Ольвии и Борисфена исключительно как сборник анекдотов. То же самое можно сказать и об Александрийской школе: её авторы выдумывали своих кельтов, опираясь на отрывочные сведения, получаемые от путешественников с многочисленными искажениями. Александрийских мыслителей совсем не заинтересовали путевые заметки исследователей, действительно побывавших в кельтском мире (Пифей, Полибий), и хроники военных и торговых отношений греческого города Массилии с галлами.

На первый взгляд, можно сказать, что учение о «благородном дикаре» – всего лишь следствие неумеренной фантазии и невежества, которое рассеется сразу, как только очарованный варварами и дикарями писатель встретится с прототипами своего идеала. Однако не всё так просто, ведь «благородный дикарь» в той или иной вариации возвращается в книги цивилизованных мыслителей с завидным постоянством. Это и скиф-вегетарианец античности, и мифический канадский индеец, перевозносимый французскими просветителями XVIII в. как образец естественных добродетелей, и с известной долей допущения «русский мужик – природный социалист», образ которого был почти полностью создан в народнических кружках Москвы и Санкт-Петербурга. Не имея никакой научной ценности и никогда не доминируя в общественной мысли, данный подход является для зрелой цивилизации очень симптоматичным. Вспомним, как отзывался о варварах Аристотель: античный классик полагал их образ жизни заведомо ущербным и поэтому вменял эллинам право безнаказанно превращать варваров в рабов. Гений из Стагиры не искал у варваров никаких духовных и социальных достоинств и даже не собирался этого делать. Именно так относится к варварскому окружению цивилизация, пока её объединяет одна культура. Такая цивилизация уверена в своём совершенстве и не собирается ничему учиться у народов, в чём-либо уступающих ей. Но чуть позже, когда господствующая культура уже не удовлетворяет духовных запросов социума, а общество теряет гражданское единство, у цивилизованных людей возникают закономерные сомнения в правоте и правильности цивилизованного образа жизни. Неслучайно уже ученик Аристотеля Дикеарх из Мессаны принялся идеализиро-

вать варваров. Если Эллада Аристотеля была страной театра и философии, родиной народа – победителя персов, то Эллада Дикеарха – это одна из провинций эллинистического мира, которую воюющие диадохи используют как разменную монету в переговорах друг с другом, родина множества богачей, охотно продающих свой народ очередному македонскому наместнику, и множества бедняков, при первом же удобном случае спешащих делить чужое имущество. Поэтому Аристотель не сомневался в величии античной цивилизации, а Дикеарх уже далеко не всегда находил этому величию подтверждения.

Описанное нами явление характерно не только для античной истории, но и для ритма развития цивилизации вообще. Если искать аналогии в новоевропейской истории, то можно провести параллель с французской общественной мыслью XVIII в. Если в начале столетия Франция, достигшая усилиями «короля-солнца» небывалого величия, уверенно диктовала свою волю остальной Европе и непреклонно развивала свои колонии в Канаде и Индии, то поражение в Семилетней войне (1756–1763 гг.), вызвавшее значительные территориальные потери и финансовые убытки, привело к обесцениванию векового политического и социального опыта. Именно тогда французские интеллектуалы обратились либо к мидизму, выразившемуся в восхищении британской парламентской системой, либо к салонному созданию «благородных дикарей». Есть аналогия и в русской истории: в 1812 г., когда грандиозное французское вторжение было блестяще отбито, никому не приходило в голову сомневаться в правильности русского исторического пути. Победоносный монарх Александр I был прозван Благословенным, хотя он не благоволил республиканцам и никаких гражданских свобод никому не обещал. Зато поражение страны в Крымской войне (1853–1856 гг.) дало колоссальный импульс западникам и социалистам, с новыми силами принявшим искать идеал совершенного общества где угодно, кроме России.

Любопытно, что идеализация варваров, совместившаяся с тоской по героическому прошлому, была знакома даже жителям доколумбовой Месоамерики. Так, ацтеки, цивилизованная империя которых находилась на вершине своего могущества на рубе-

же XV-XVI вв., воображали варваров-чичимсков сильными, неприхотливыми и простыми в быту, не нуждающимися в тех материальных и социальных благах, которые предоставляет своим жителями высокоразвитый мегаполис. Французский исследователь Ж. Сустель, подробно изучавший эти ацтекские представления, сделал вывод, очень похожий на наш, касающийся древних греков: «Эта картина жизни варваров ценна не только наверняка точными сведениями о жилище, одежде и пище. В их (ацтеков – С.С., И.Ч., В.Ч.) представлении варвар – «дитя природы», он крепче, здоровее горожанина, обладает «*manum mira virtus redumque*» (поразительной силой рук и ног), которую Тит Лукреций Кар приписывал первым людям. Ацтеки прекрасно знали, что четыре-пять веков назад они сами были такими же»¹. Однако такое трепетное отношение к героическому прошлому не мешало ацтекам воевать с менее развитыми соседями, побеждать их и навязывать им свои порядки. Разочароваться в собственной цивилизации месоамериканцы не успели, так как потерпели поражение от европейцев и подверглись ассимиляции в годы культурного расцвета, а не упадка.

Важно отметить, что индивидуальный и групповой мидизм и литературно-философская идеализация варваров сами по себе не способны ни нанести цивилизации какой-либо серьёзный ущерб, ни вызвать раскол общества. Это симптомы того, что духовное и социальное единство цивилизации нарушено, и поиски выхода из кризиса в «старом добром прошлом» являются лишь одной из попыток этот кризис преодолеть. Единственный осязаемый результат, к которому данные явления могут привести, – это обесценивание в глазах мыслящей публики современных ей общества и государства. Внимание смещается с решения реальных проблем реальными же методами к попыткам отвергнуть опирающийся на традицию социально-политический опыт в пользу реформаторских проектов, в которых из-за нехватки реализма очень скоро начинает доминировать утопизм. Поборник далёкого прошлого, с которым современники знакомы лишь по книгам и преданиям, по

¹ Сустель Ж. Повседневная жизнь ацтеков накануне испанского завоевания. – Москва : Молодая гвардия, 2007. – С. 256.

своей сути ничем не отличается от революционера-футуриста, который призывает к созданию утопического общества, прежде не существовавшего на свете. Оба этих типажа делают одно и то же: разрывают последние общественные связи, поддерживающие единство цивилизации, полагая, что заменят их на другие – либо ушедшие в прошлое, либо ожидающие в будущем.

Казалось бы, разве у людей нет занятий важнее, чем вникать в теоретические построения небольшого количества праздных мыслителей-мечтателей? Если бы речь шла о молодой цивилизации, в которой все люди разделяют одни и те же идеалы, и каждый действует, занимая собственное, установленное традицией место в социуме, то утописты быстро оказались бы изгоями в своей стране. Но мы сейчас говорим о зрелой цивилизации, для которой характерны ослабление влияния традиций, превращение традиционных общественных институтов в декорацию при новых политических реалиях, а главное – это городское общество, в котором никто не имеет незыблемой, унаследованной от предков социальной роли. Множество людей ищут и не находят своего места в жизни, и политическим спекулянтам совсем не трудно вовлечь их в реализацию своих замыслов при помощи демагогии, базу которой составляют в том числе и учения о «старом добром прошлом» и «благородных дикарях». Вот как характеризует состояние городского общества на рассматриваемом нами этапе цивилизационного развития немецкий классик О. Шпенглер: «В больших городах, имевших теперь решающее значение (деревня может только высказывать своё мнение об уже происшедших событиях, что доказывает вся история XIX века), собираются массы населения, лишенные корней и находящиеся вне всяких общественных связей. Они не ощущают принадлежности ни к одному сословию, ни к одной профессиональной группе, ни даже к рабочему классу, хотя вынуждены работать. Инстинкт сводит в эту группу представителей всех классов и сословий: лишившихся земли крестьян, писателей, разорившихся дельцов и прежде всего выбившихся из своей среды аристократов, что с пугающей яркостью проявилось во времени Катилины. Их власть далеко превосходит их численность. Они всегда под рукой, всегда находятся вблизи больших событий, готовы на всё и не испытывают поч-

тения перед любым порядком, даже существующим в революционной партии»¹. Лозунги о том, чтобы восстановить «старое доброе время», наивно или, наоборот, беспринципно используются политиками типа братьев Гракхов и Робеспьера, и это приводит лишь к тому, что политическая борьба всё чаще превращается в силовое противостояние авантюристов, партий и самопровозглашенных правительств. Когда эта борьба рано или поздно завершается диктатом государства и узаконенной тиранией его функционеров, никакие, даже самые реалистичные политические учения уже не имеют значения: теперь правит в лучшем случае установленный правительством в одностороннем порядке закон, а в худшем — военно-полицейская машина принуждения. С этого момента цивилизованное общество не только не имеет единой культурной основы, но для консолидации даже не нуждается в ней: мировые империи функционируют благодаря методу «кнута и пряника». Именно в такие эпохи правительствам становится безразличен национальный состав подданных и граждан: представители любого народа или племени могут жить и работать в государстве, лишь бы они соблюдали законы и платили налоги. Варварский образ жизни не только теперь не противопоставляется цивилизованному, но само понятие варварства упрощается и приравнивается всего лишь к беззаконию. Например, в мировой империи варваром назовут не иноязычного иностранца, а гражданина, который принципиально не хочет платить подушную подать или бросается на чиновников с кулаками.

Говоря о таком незаметном, но неотвратимом ускользании главенствующей роли от общества к государству, мы должны пояснить один важный момент. Речь идёт не о захвате власти какими-нибудь заговорщиками, который мог случиться, а мог бы и не случиться. Усиление государства при ослаблении общественного единства происходит неизбежно, и по сути своей для цивилизованного общества неопасно. Это — симптом перехода социума от одного исторического возраста к другому, а не причина такой ме-

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории в 2 т. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. — Минск : Поппури, 2009. — С. 507-508.

таморфозы. Любое государство создаётся людьми как средство для защиты общества и поддержания в нём стабильности при каких-нибудь чрезвычайных обстоятельствах. И чем меньше социальное и духовное единство обеспечивается традиционными отношениями между группами, составляющими общество, тем сильнее это единство пытается поддерживать государство, опираясь на создаваемые им искусственные связи. Это не только естественно, но иначе и быть не может, если государство создано данным обществом и обслуживает его нужды, хотя со стороны данный процесс выглядит как узурпация. Гениальный отечественный мыслитель К. Н. Леонтьев писал по этому поводу: «Государство есть, с одной стороны, как бы дерево, которое достигает своего полного роста, цвета и плодоношения, повинаясь некоему таинственному, не зависящему от нас деспотическому повелению внутренней, вложенной в него идеи. С другой стороны, оно есть машина, и сделанная людьми полусознательно, и содержащая людей, как части, как колёса, рычаги, винты, атомы, и наконец, машина, вырабатывающая, образующая людей. Человек в государстве есть в одно и то же время и механик, и колёса или винт, и продукт общественного организма. На которое бы из государств древних и новых мы ни взглянули, у всех найдём одно и то же общее: простоту и однообразие в начале, *больше равенства и больше свободы* (по крайней мере фактической, если не юридической свободы), *чем будет после* (курсив автора)»¹. То есть постепенное усиление государства по отношению к обществу и замена традиционных связей между общественными группами на их искусственные аналоги является не катастрофой, а обязательным признаком зрелой цивилизации.

До сих пор мы говорили о политических и социальных особенностях кризисного состояния зрелой цивилизации. Теперь сосредоточимся на духовных последствиях общественного состояния, при котором господствующая культура не соответствует и не может соответствовать духовным запросам чрезмерно усложнившегося социума. В такие моменты возникает контркультура –

¹ Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. – Москва : Академический проект, 2017. – С. 70.

духовная ниша, которую занимают самые различные течения, претендующие на объяснение и наделение смыслами усложнившейся реальности. Отечественный социолог В. И. Добреньков справедливо полагает, что возникновение в обществе контркультуры представляет собой естественный процесс и свидетельствует лишь о том, что общество развивается: «...рождение контркультуры – свидетельство о двух одновременно происходящих в корпусе доминирующей культуры процессов: разложения старых ценностей и возникновения новых»¹. Практически все, созданные на лоне зрелых цивилизаций, религиозные, философские и политические учения, ставшие в будущем господствующими, формировались именно как контркультурные явления. К примеру, в начале н.э., когда античная духовная культура подвергалась стремительной эрозии, христианство было не более чем одним из многих контркультурных религиозных учений, деливших освоенное греческой философией и римским традиционализмом место с гностицизмом и многочисленными позднеантичными религиозно-философскими школами.

Вообще для контркультурной религиозности характерно произвольное смешение компонентов, заимствованных из самых разных культур (как цивилизованных, так и варварских), и далеко не ко всем контркультурным учениям реципиенты относятся серьёзно. Вот как характеризует данное явление О. Шпенглер: «Материализм был бы неполным без потребности избавиться от духовного напряжения, раствориться в мифическом настроении, создать некий культ, чтобы в иррациональности, в чуждом существе, в странном, если оно имеет место, и даже в дурачестве найти внутреннюю разрядку. То, что явственно проявлялось во времени Мэн-цзы (372-389) и первых буддийских общин, стало, сохранив то же значение, важнейшими чертами эллинизма. В 312 году в Александрии эстетствующими учёными типа Каллимаха был создан культ Сераписа, снабженный выдуманной легендой. Культ Исиды в республиканском Риме нельзя путать с культом императорских времён и намного более серьёзной религией Иси-

¹ Добреньков В. И., Кравченко А. И. Фундаментальная социология в 15 т. Т. 11. – Москва : ИНФРА-М, 2007. – С. 89.

ды в Египте. (...) Халдейская астрология в то время была модой, очень далеко отстоящей от подлинно античной веры в оракулов и магической веры во власть времени. Это была всего лишь «разрядка», сопровождавшаяся появлением бесчисленного множества шарлатанов и ложных пророков, наводнявших города и с помощью ритуалов внушавших малообразованным людям идею религиозного обновления. В сегодняшнем евро-американском мире этому соответствует оккультное и теософское шарлатанство, американская «Christian Science» и салонный буддизм, религиозное «прикладное искусство», распространенное в Германии, пожалуй, даже больше, чем в Англии, и окруженное готическими, позднеантичными и даосскими настроениями соответствующих кругов и культов. Это всего лишь игра с мифами, в которые никто не верит, и мода на культы, с помощью которых пытаются заполнить душевную пустоту»¹. В такой причудливой и пёстрой атмосфере одни создаваемые учения превращаются в кратковременное развлечение, а другие обретают настоящую жизнь. Как уже говорилось выше, христианство начало свой исторический путь как один из фрагментов античной контркультуры, но очень быстро превзошло всех своих соседей-конкурентов и стало новой реальностью, с которой были вынуждены считаться даже императоры. Однако на лоне контркультуры возникают и иные учения, которым никогда не стать господствующими, но которые быстро расстаются с ролью развлечения и превращаются в угрозу для общества.

На ареале контркультуры для цивилизации главную угрозу представляют хилиастические движения и секты. Их доктрины могут базироваться на самых различных философских и религиозных учениях, но всех их объединяет одна черта – непризнание земного мира реальным и достойным существования. Хилиасты настаивают на скорой гибели наличного мира, после чего наступит царство правды, в котором все люди получают возмездие за свои поступки, совершенные в жизни нынешней. «Грешники»

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории в 2 т. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. – Минск : Поппури, 2009. – С. 387-388.

будут наказаны, а «праведники» получают награду и, возможно, будут править «грешниками» и наказывать их. Нередко хилиасты подменяют нравственный критерий оценки человеческих действий простой принадлежностью к своей организации, то есть для того, чтобы в новом мире занять достойное место, достаточно лишь принадлежать к сектантской общине. И наоборот, все люди, не разделяющие хилиастического учения, объявляются обречёнными на вечные муки. При такой точке зрения политические и социальные проблемы, терзающие зрелое цивилизованное общество, теряют свою актуальность. Ведь какой смысл трудиться и сражаться на благо общества, которое со дня на день всё равно погибнет в силу метафизических причин? Иногда сектанты даже не против ускорить процесс крушения наличного мирового порядка и используют общественные проблемы для того, чтобы в критический момент нанести государству удар в спину. История знает немало примеров таких подпольных «пятых колонн», до наступления «часа X» считающихся исключительно религиозными организациями. Это и манихейские общины Леванта на рубеже древности и Средневековья; и сектантская конфедерация «Белый Лотос», терзавшая императорский Китай на протяжении Средних веков и Нового времени; и исмаилитское движение в средневековом мусульманском обществе, доставившее багдадскому халифу немало политических проблем; и альбигойцы в Южной Франции, в XIII в. спровоцировавшие войну между французским королём, графом Тулузы и монархом Арагона¹; и многие аналогичные им религиозно-политические движения.

При этом важно оговориться, что хилиастические течения не могут победить своих оппонентов и возглавить духовную жизнь цивилизации. Они не способны выйти за рамки контркультуры и сформировать новую культуру. Ведь позиция хилиазма заключается в отрицании ценности наличного мира и противопоставлении ему тайной общины «избранных» или «просвещённых». Такая организация не собирается возглавлять общество или вести

¹ Подробнее об этом: Сулимов С. И., Черниговских И. В. В поисках Бога: теистические антисистемы в мировой истории. – Huntsville : Altaspera Publishing & Literary Agency Inc, 2014. – 430 p.

его к новой счастливой жизни, ей вполне достаточно способствовать крушению общества в жизни нынешней. Иными словами, хилиазм обречен на функционирование в социальной форме секты, которой никогда не стать Церковью. Отечественный культуролог и религиовед В. Г. Балагушкин так характеризует позицию секты: «Само название этого религиозного института указывает на его отделение от официальной организации, на отклонение от ортодоксальной догматики и обрядности. (...) Однако особенность секты заключается не в её отделении, или отпадении от Церкви, не в еретических (в сравнении с церковной догматикой) настроениях сектантов, а в её особом значении и высоком сакральном статусе, позволяющем сектантам считать себя избранными, стоящими выше обычных верующих – рядовых мирян. Специфика секты заключается в направленности этого религиозного института на реализацию царства Божьего «здесь и сейчас» – в условиях земного существования данного религиозного объединения»¹. Обычно такая реализация лишь постулируется, а по факту сектанты принимаются за подготовительную работу, заключающуюся в разрушении существующего порядка. В лучшем случае они бездейственно ждут, когда «греховный» / «мирской» порядок развалится сам. В таком случае нападение на цивилизацию внешнего врага всегда будет приветствоваться хилиастами как начало ожидаемого ими конца света.

С сектами не следует смешивать общины инородных по отношению к цивилизации культов и религий, которые представляют собой в государстве меньшинство, но чётко осознают и своё изолированное положение, и собственные политические и экономические интересы. Лидеры и рядовые представители религиозных меньшинств почти всегда понимают, что их верования не встречают одобрения со стороны большинства членов цивилизованного общества, а сами они были и будут в этом обществе чужаками. Поэтому в случае, если цивилизация оказывается в кризисе или ей всерьёз угрожают внешние враги, каждая такая об-

¹ Балагушкин Е. Г. Живительный эликсир или опиум для прокаженного? Нетрадиционные религии, секты и культы в современной России. – Москва : ЛЕНАНД, 2018. – С. 245.

щина занимает позицию, исходя из собственных нужд. Эта позиция может оказаться по отношению к цивилизации как предательской, так и верноподданнической. В следующей главе мы увидим примеры обоих случаев.

Кратко охарактеризовав контркультуру цивилизованного общества, вступившего во внутренний социально-духовный кризис, мы наверняка успели сбить читателя с толку перечислением различных движений, учений, сект и доктрин. Точно так же оказывался раз за разом сбит с толку образованный человек, живший на зрелом этапе развития цивилизации. Он имел широкий кругозор и был знаком с самыми различными учениями, производными как от родной культуры, так и от соседних цивилизаций или даже выдуманных шарлатанами на потребу дня. Поэтому цивилизованный эрудит тем сильнее запутывался, чем сильнее искал ответы на вопросы о ситуации, в которой оказались общество и он сам. Его мировоззрение с необходимостью получалось эклектичным и бесплодным, потому что каждый его компонент был заимствован отдельно, без связи с другими компонентами. Получалось, что эрудит знаком со всеми, но всем одинаково чужой. Сам же он быстро привыкал воспринимать любые новые знания с иронией и не особенно им доверять. Французский историк О. Кошен остроумно предложил называть такого космополитического интеллектуала, запутавшегося в собственном кругозоре, «философским дикарём»: «Этот философский дикарь – весьма своеобразная личность: вообразите себе француза XVIII века, который располагает всеми плодами цивилизации своего времени, всей её материальной частью: культурой, воспитанием, познаниями и вкусом, но не имеет никаких живых побуждений – инстинктов, верований, которые всё это создали, вдохнули жизнь в эти формы, дали основания этим обычаям, применение этим средствам; поставьте его внезапно перед этим миром, в котором ему доступно всё, кроме главного – смысла; он будет всё видеть и всё знать, но не поймёт ничего»¹. Такой «дикарь» многое знает, но ни к чему не относится с доверием и всерьёз, и поэтому не со-

¹ Кошен О. Малый народ и революция. – Москва : Айрис-Пресс, 2004. – С. 36.

бирается ни восстанавливать цивилизацию, ни защищать её. Ему достаточно только лишь отстраненно смотреть на свою родину и сравнивать её с тем, что он успел узнать о других цивилизациях и обществах. Можно сказать, что для данного типажа не характерно ощущение настоящего родства с кем-либо или чем-либо: весь мир для него одинаково чуждый и интересный лишь в качестве объекта наблюдения и использования в личных целях.

Оригинальным и очень актуальным для нашей эпохи является контркультурный типаж революционера, возникший в Новое время. Потенциал данной позиции значительно раскрылся в XVIII-XX вв., внося немалый политический, социальный и духовный вклад в новоевропейскую историю. Но из-за исторической молодости данного типа контркультурного деятеля лишь исследователи будущего смогут в полной мере оценить его специфику и особенности революционного творчества, с высоты столетий отделив его подлинные черты от ситуативных. Для нас же важно оригинальное, нигде больше не встречающееся отношение революционера к историческому наследию. Выше, рассматривая идеал «благородного дикаря», мы отметили, что данная мысленная конструкция основывается на стремлении идеализировать «старое доброе» прошлое в противовес неприглядному настоящему. Революционер руководствуется противоположным импульсом: отвергнуть прошлое, приведшее к настоящему, и сделать всё иначе, так, как прежде ещё не бывало. Революционный идеал всегда устремлён в будущее, которое не только не настало, но без усилий революционера никогда и не настанет. Данная позиция означает полный разрыв с мировоззрением традиционного общества и не является типичной для какого-либо этапа цивилизационного развития. Британский исследователь Р. Осборн справедливо отмечает, что она производна только от новоевропейской культуры XVIII в., а точнее – от философии французского Просвещения: «Руссо и его последователи, пытавшиеся показать естественную гармонию в обществе, не верили, что её следует искать где-то в европейских традициях, – напротив, её надлежало реализовать путём замены существующего порядка. Это был решительный разрыв с прошлым, который имел исключительное значение для будущего. Начало демократии и респуб-

ликанского правления в античном мире, основание Флорентийской и Голландской республик, английская революция – всё это осознавалось людьми как возврат к древним традициям. Однако рационализм XVIII века покончил с благоговейным отношением к прошлому: вдобавок затянувшийся век версальского абсолютизма внушал французским *philosophers* (курсив автора) отчетливую неприязнь к какой бы то ни было традиции. Политические мыслители конца XVIII века не питали нежных чувств к прошлому – Томас Пейн, к примеру, недоумевал, почему он должен принимать диктат условностей и традиций предков. Новая идея была действительно революционной: прошлое оставалось в прошлом, будущее же могло принять такой облик, который ты пожелаешь»¹. Данная точка зрения зародилась в конкретных исторических условиях, которые совпали только в Западной Европе и только в середине XVIII в., но благодаря политическому и экономическому могуществу европейцев, в XX в. революционное мировоззрение распространилось по всему миру, в одних регионах учитывая местные культурно-исторические особенности, а в других – игнорируя их.

Позиция революционера похожа на хилиастическую: и творец «светлого будущего», и пророк «конца света» не ценят наличный мир, считают социальную эмпирию испорченной и насмехаются над существующими достижениями цивилизации. Оба внутренних варвара беспощадны к реальности, но у них разные видения исторического финала: хилиаст надеется на завершение истории, на окончательную гибель «грешников» и воздаяние для «праведников», а революционер, борясь с прошлым и настоящим, стремится своими руками создать новый мир, соответствующий его идеалам блага и справедливости. И если хилиаст безразличен к истории вообще, то революционер – деятельно беспощаден по отношению к прошлому и настоящему, которые он считает преградой на пути к будущему. И именно поэтому, пытаясь проложить дорогу новой жизни, революционеры настолько рьяно и фанатично убирают с её пути все препятствия в виде традиций и

¹ Осборн Р. Цивилизация. Новая история Западного мира. – Москва : АСТ, 2018. – С. 479-480.

институтов, доставшихся от дореволюционного прошлого, что почти никогда не видят разницы между декоративными, давно отжившими своё элементами цивилизации и базовыми структурами, без которых ни одно цивилизованное общество существовать не может. И, уничтожая дореволюционное наследие, революционеры порой наносят обществу такие удары, которые далеко не всегда под силу даже внешнему врагу. Выразаться это может в чём угодно: от разнузданного вандализма до целенаправленного уничтожения важнейших государственных структур.

Приведём два примера революционного внутреннего варварства. Один из них относится к практике Великой французской революции (1789–1794 гг.). Движимые мечтой о всеобщем равенстве, революционные политики и агитаторы призвали своих последователей установить равенство не только среди живых, но и среди покойников, уничтожив все выдающиеся кладбищенские памятники, склепы и обелиски. Причём, делалось это не в рамках какого-нибудь реконструкционного проекта, а в атмосфере праздника, и каждый желающий мог принять участие в разрушении памятников старины, причём, таких энтузиастов набралось немало. Вот как описывает данное событие отечественный историк В. Б. Мионов: «Оказалась разрушена гробница короля Дагобера, ближайшая к алтарю; раздроблен на куски чудесный мавзолей Генриха II (его останки вывозили на десятке подвод); под киркой и лопатой погибали дивные мраморные статуи, колонны, барельефы; вскрыли гробницы короля Пепина и маршала Тюрена, национального героя Франции. В последнем случае, когда останки полководца укладывали в ящик, один из героев революции отделил от трупа палец (на память). Это был никто иной, как народный трибун Камиль Демулен! (...) Останки Тюрена показывали стекавшейся в огромном количестве толпе за деньги. На распродажу пошли даже зубы маршала, вырванные сторожем из челюсти»¹. Устроить такой дикий, бессмысленный погром не пришлось в голову даже внешним варварам, франкам, занявшим Па-

¹ Мионов В. Б. Народы и личности в истории. Очерки по истории русской и мировой культур. В 3-х т. Т. 1. – Москва : Звонница - МГ, 2000. – С. 512.

риж в VI в. н.э., не говоря уже об англичанах, владевших городом во время Столетней войны (1337–1453 гг.). Даже в эпоху «тёмных веков» по-настоящему суровые и жестокие люди не терзали тела покойников и не крушили надгробий, даже если занимались грабежом могил. На это оказались способны только созданные европейской цивилизацией её собственные внутренние варвары.

Другой пример действий внутренних варваров-революционеров относится к практике Февральской революции в России (1917 г.). В первые же дни после отречения императора Николая II от престола революционеры охватил такой реформаторский энтузиазм, что они принялись без разбора отменять и упразднять все известные им государственные и правовые институты прежнего режима. Бесспорно, в российской монархии начала XX в. многое нуждалось в исправлении и модернизации, кое-что действительно устарело и уже не могло быть осовременено, но некоторые явления и структуры являются несущими конструкциями для любого цивилизованного общества, и обойтись без них не получится. Одной из таких конструкций является воинская дисциплина, основанная на единоначалии и непреложной иерархии званий. Во все времена такой строгий порядок открывает широкий простор для злоупотребления служебным положением и третирования младших по званию, однако человечество по сей день не придумало никакой альтернативной модели для армейской организации. Русские революционеры из Петроградского Совета рабочих депутатов попытались сходу, одним росчерком пера расстаться с военным наследием «царизма», учредив солдатские комитеты и, тем самым, отменив в армии единоначалие. Эта мера вошла в историю под названием «Приказ №1» (от 14 марта 1917 г.). Последствия её до сих пор трудно оценить в полной мере: солдаты получили легальное право обсуждать и саботировать приказы офицеров, и произошло это в разгар боевых действий Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Отечественный историк С. В. Волков, опираясь на свидетельства современников, так характеризует создавшееся положение: «Случаи отказа идти в наступление и повиноваться начальникам становятся повсеместными и постоянными, не прекращались и аресты, многие офице-

ры были отстранены от занимаемых должностей»¹. Солдатские комитеты не только блокировали работу штабов, но и сделали невозможным участие армии в боях: ни один солдат не голосовал за приказ, подвергающий его жизнь опасности. Офицеры, требовавшие от подчиненных дисциплины, немедленно разоружались, снимались с должностей, а в ряде случаев подвергались кровавым самосудам. Русская армия в кратчайший срок превратилась в неуправляемую вооруженную толпу, находившуюся в такой крайней степени дезорганизации, которая не всегда встречается даже в разгромленных или окруженных войсках. Характерно в данной ситуации то, что противостоящая России армия кайзеровской Германии никаких наступательных действий на Восточном фронте в этот момент не предпринимала и никак развалу русской армии не способствовала: вооруженные силы страны оказались парализованы и уничтожены исключительно силами внутренних варваров, без единого выстрела со стороны внешнего врага.

Так выглядит тип внутреннего варварства, которое мы именуем революционным. Однако его потенциал едва ли успел проявиться в полной мере: слишком молодо это историческое явление. Лишь историки будущего смогут справедливо оценить роль революционного мировоззрения в цивилизационном развитии. Мы же пока отметим, что современный глобальный мир, во многом, создан именно революционерами и людьми, выросшими под их влиянием. В четвертой главе данной работы мы вспомним об этом в контексте взаимодействия варварства и цивилизации в наши дни.

Зададимся вопросом: может ли цивилизованное общество противостоять рассмотренным нами типам внутреннего варварства? Насколько опасными для него являются взятые в отрыве от исторического контекста мидизм, идеализация варваров (создание образа «благородного дикаря»), контркультурные течения, хилиастическое сектантство и революционные партии? Думается, что угроза данных факторов хоть и неравнозначна, но одинаково невелика.

¹ Волков С. В. Трагедия русского офицерства. – Москва : Центрполиграф, 2001. – С. 19.

Цивилизации нет необходимости как-либо бороться с мидизмом и идеализацией «благородных дикарей» хотя бы потому, что первое течение представляет всего лишь модный стиль (если не выражается в индивидуальных государственных изменах), а второе является интеллектуальной игрой, обсуждать которую должны не государственные деятели, а литературные критики. Более того, на ранних этапах существования цивилизации, когда она покоряет и ассимилирует внешних варваров, очароваться побеждёнными чужаками может только очень большой оригинал.

Контркультура вообще не является для цивилизации угрозой, потому что на её поле действуют самые различные течения, некоторые из которых исключительно благотворны для созданного цивилизацией государства.

Хилиастическое сектантство гораздо более враждебно к зрелому цивилизованному обществу, но оно не претендует на господствующее положение, и государственным ведомствам нетрудно изолировать сектантов от участия в общественной жизни и взять под наблюдение наиболее авторитетных сектантских лидеров и идеологов. Как показала практика инквизиции в Западной Европе, а также полицейских служб исламского мира и императорского Китая, такие меры вполне осуществимы, тем более, что хилиасты далеко не всегда стремятся к активному вмешательству в жизнь общества.

С революционными движениями дело обстоит похожим образом с той лишь разницей, что революционеры претендуют на политическую власть и поэтому пытаются (нередко успешно) влиять на народные настроения и участвовать в политическом процессе. Но именно поэтому им приходится адаптировать свои воззрения к реальности и, к примеру, участвуя в парламентских процедурах, отказываться от наиболее одиозных требований. Конечно, в любом революционном лагере присутствуют радикалы, воспринимающие компромисс с властями как измену и не чуждающиеся террористических методов. Но если созданное цивилизацией государство функционирует исправно, полицейские службы успешно борются с радикалами, делая победу над ними лишь вопросом времени. То есть все рассмотренные нами типы внутреннего варварства представляют собой незначительные неудоб-

ства или досадные помехи для жизни цивилизации, но ни один из них не может противостоять государственной системе, если эта система функционирует. Можно даже предположить, что формирование прочного, деспотического государства, контролирующего все сферы общественной жизни, является ответом цивилизации внутренним варварам.

И именно это подавляющее господство небольшого количества функционеров над многочисленными массами не входящего в государственную структуру населения становится главной причиной гибели цивилизации. Ведь чёткое, понятное всем и признаваемое всеми (но не всеми одобряемое) разделение общества на привилегированное меньшинство и бесправное большинство делает прежние единство интересов и совместное творчество невозможными. Например, профессиональным чиновникам не нужны героические граждане, потому что их трудно напугать наказанием. Для защиты от внешних и внутренних врагов государство располагает профессиональной армией, в которую независимому человеку нет хода: в механизме нужны детали, а не творцы. И поэтому же ни один человек, в прежние времена могший стать народным вождём или выборным стратегом, в такой армии делать карьеру не будет. Ведь пойти на профессиональную военную службу означает не служить стране, а защищать вполне конкретных нанимателей от их личных и партикулярных врагов. Разумеется, правительства используют в таких ситуациях цветистую патристическую риторику, но обыватель прекрасно понимает суть ситуации, потому что ощущает её на своём личном жизненном опыте. И это касается любой сферы общественной жизни. К примеру, китайская цивилизация создала регламентированную систему государственного контроля за религией, при которой буддийским или даосским монахом считался лишь тот, кто молится о здоровье императора и имеет соответствующее удостоверение¹. Личные религиозные переживания и степень знакомства с доктриной вероучения в расчёт не принимались совсем.

¹ Крюков М. В. [и др.]. Китайский этнос в Средние века (VII–XIII вв.). – Москва : Наука, 1984. – С. 173.

Точно также в любых зрелых цивилизованных государствах меритократия быстро уходит в прошлое, уступая место семейственности и кумовству: престижные государственные должности занимает не тот, кто может хорошо на них работать, а родственник или приятель высокого начальства. Любопытно, что не все цивилизации даже пытаются этот принцип отрицать. Например, китайская цивилизация в законодательном порядке предоставляла своим чиновникам ряд очень серьёзных правовых и экономических привилегий, которыми функционеры пользовались легально и открыто: «К экономическим преимуществам, дифференцированным по рангам, относились такие, в частности, как возможность получения жалования и земельного участка, а к недифференцированным – такие как освобождение от налогов и трудовых повинностей. Правовые преимущества, дифференцированные по рангам, заключались в праве на соискание должности определённого ранга, в пользовании, в случае совершения уголовно наказуемых деяний, облегчавшими наказание привилегиями»¹. Более того, китайский чиновник совершенно законно мог покровительствовать своим родственникам на основании лишь своего родства с ними. О таких родственниках говорили, что они находятся «в тени» чиновника. И, соответственно, чем более высокую должность занимал функционер, тем больше родни беззаботно жило «в его тени». Более того, система «теневого покровительства» действовала автоматически: влиятельный отец или дядюшка не выпрашивал у коллег поблажек для своих младших родственников, потому что сам факт родства с ним считался законным основанием для выгодных назначений². В результате такого порядка вещей за всю историю империи Тан лишь 6% её чиновников занимали свои должности благодаря сдаче государственных экзаменов и выслуге лет³.

Такое положение дел демонстрирует важнейший парадокс цивилизационного развития: регламентированный социальный обмен, позволивший цивилизации добиться высот технического,

¹ Рыбаков В. М. Танская бюрократия в 2 ч. Ч. 1. Генезис и структура. – Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2009. – С. 66.

² Там же. С. 127.

³ Там же. С. 141.

политического и культурного прогресса, необратимо нарушается. Цивилизация в рационализации труда, правосознании и стремлении к комфорту доходит до такой точки, что начинает уничтожать сама себя. В этом рационализированном и предельно структурированном обществе больше не места ни творчеству, ни органичному развитию, зато есть видимая всем разница между декларируемыми и реальными ценностями. В обществе, где права и обязанности каждой социальной группы и государственной должности строго регламентированы, а социальная мобильность с каждым годом всё сильнее замедляется, такие качества как трудолюбие и уважение к закону из пути к успеху превращаются в вернейшую гарантию зависимого и униженного социального статуса. К примеру, если зависимый крестьянин будет самоотверженно трудиться, то разбогатеет не он, а землевладелец, и если солдат-наёмник проявит на поле боя чудеса храбрости, то плодами победы воспользуется его наниматель – государственный чиновник высшего уровня. Уважение к закону в данном случае превращается в безропотное признание незыблемости такого положения дел.

В такой обстановке духовные ориентиры, некогда лежавшие в основе растущей цивилизации, превращаются в декорацию, о которой говорят и пишут, но которую никто не воспринимает всерьёз. Государство пытается удерживать своих подданных и функционеров в повиновении при помощи принуждения, но ведь карательные органы тоже состоят из людей, испытывающих те же самые духовные проблемы. Как метко указал В. М. Рыбаков, даже самая отлаженная бюрократическая система не может успешно работать без реальной, а не мнимой опоры на духовные добродетели: «Пока не может быть отменена излишне требовательная внешняя среда или, по крайней мере, зависимость от неё, не может быть отменена хозяйствующая бюрократия. А пока это так, не может быть отменено и отчасти осознанное, но главное – непроизвольное, идущее от души, выстраданное вековым опытом социальных проб и ошибок нагнетание культурой бессребренических добродетелей. (...) Многочисленная и эффективная бюрократия не может существовать в обществе, где царит принцип

«обогащайтесь». Что-нибудь одно»¹. В обстановке же, когда честное следование нравственным идеалам данной цивилизации означает не повышение статуса индивида, а, наоборот, его понижение, любая государственная структура мгновенно коррумпируется.

Зрелая цивилизация приходит в своё предсмертное состояние, которое А. Дж. Тойнби очень удачно назвал словом «распад». Механизмы и идеалы, некогда позволившие обществу стать цивилизованным, больше не функционируют, а индивидов и группы не объединяет ничто, кроме территориальной общности и сиюминутных нужд. Если зрелая цивилизация при помощи деспотического, всепроникающего государства борется с внутренними и внешними угрозами, среди которых не последнее место занимает варварство, то цивилизация на стадии распада оказывается чем-то внешним даже по отношению к созданному ею государству. Общество и цивилизация теперь как бы существуют в разных плоскостях, и цивилизация превращается из социальной и культурно-исторической реальности лишь в вывеску. Общество же живёт, повинаясь сиюминутным капризам индивидов, интересы которых постоянно сталкиваются друг с другом. Такой социум не может существовать, опираясь на собственный потенциал, которого у него попросту нет: все естественные связи между индивидами и группами индивидов уничтожены во время становления и усиления деспотического государства, а связи искусственные, некогда созданные этим государством, превращаются в декоративный, формальный элемент. Например, на заре цивилизации авторитетом пользовался бывалый, мудрый земляк, которого выбирали консулом или стратегом, на зрелом этапе выборность и личный авторитет были вытеснены иерархическими отношениями начальника и подчиненных, а на стадии распада иерархия превращается в фикцию, потому что и начальник, и подчиненные оказываются в равной мере соучастниками различных коррупционных гешефтов. Они нередко приходятся родственниками друг другу, одинаково безразличны к судьбам остального общества (а

¹ Рыбаков В. М. Танская бюрократия в 2 ч. Ч. 1. Генезис и структура. – Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2009. – С. 39.

значит, и к выполнению своих обязанностей), но это не мешает им воспринимать друг друга как соперников и искренне ненавидеть. Экономическая жизнь такого общества базируется на бесконечном переделе материального базиса, созданного предыдущими поколениями, и каждый гражданин или подданный стремится захватить в свою личную собственность как можно большую часть этого наследия.

Духовное состояние и образ жизни граждан распадающейся цивилизации можно без преувеличения назвать скотскими. По крайней мере, они идеально подходят под характеристику скотства, данную святителем Тихоном Задонским: «В скоте видим самолюбие. Видим, как он сам один пищу хочет пожирать, со скоростью хватает её и пожирает, а прочий скот не допускает и отгоняет. Это есть и в человеке. Сам обиды не терпит, но прочих обижает. Сам презрения не хочет, но прочих презирает. Сам о себе клеветы слышать не хочет, но на других клеветает. Не хочет, чтобы имущество его было похищено, но сам чужое похищает. Хочет, чтобы кто-нибудь в нужде ему помог, но сам другим в нужде не помогает. Хочет, чтобы, если голоден, накормили его, если наг, одели, если странствует, в дом впустили, и прочее, но сам другим того не делает. Не хочет себе никакого зла, но желает всякого добра, а другим делает зло и никакого не делает добра. Хочет, чтобы всё у него было, а что у ближнего его нет ничего, то его не волнует. Словом, хочет сам во всяком благополучии быть и злополучия избегает, а о других, подобных себе людях, не думает»¹. При таком отношении к жизни любая государственная должность воспринимается как бесплатная кормушка, любое оружие защищает исключительно интересы своего владельца, а труд и совесть превращаются в уязвимые места. Более того, находящиеся у власти безликие, но ненасытные персоны искренне боятся, что однажды прежние добродетели снова станут реальными, и поэтому стремятся если уж не запретить, то высмеять их. Если не брать в качестве примера кошунственные выходки рим-

¹ Святитель Тихон Задонский. Сокровище духовное, от мира собираемое. – Задонск : Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, 2010. – С. 237.

ских императоров Калигулы, Нерона и Гелиогабала, то можно процитировать поучение китайского философа-чиновника Гунсюнь Яна (390–338 гг. до н.э.), известного под псевдонимом Шан Ян: «Красноречие и острый ум способствуют беспорядкам; ли (искусство – С.С., И.Ч., В.Ч.) и музыка способствуют распушенности нравов; доброта и человеколюбие – мать проступков; назначение и выдвижение на должности добродетельных людей – источник порока»¹. Впрочем, простолюдине, постоянно видя перед собой примеры жестоких и ограниченных, но удачливых и властных богачей и чиновников, не особенно спешит учиться добродетели или обретать разносторонние познания. Зачем это делать, если жизнь свидетельствует о бесполезности духовности в мире ненасытных материалистов? Например, как отмечает знакомый нам британский историк Р. Осборн, в современной Великобритании даже университетское руководство отдаёт предпочтение коммерческой выгоде, а не фундаментальной науке: «Университеты, технические колледжи, школы, почта, советы по здравоохранению и муниципальные советы – всем пришлось подвергнуться реструктуризации и приучиться воспринимать себя как коммерческие организации. (...) В 2004 году, в ходе дебатов о размере платы за обучение, Колин Лукас, вице-канцлер Оксфордского университета, уже без всякого стеснения заявил, что «преподавать нерентабельно»»².

В этой исторической ситуации культурные уровни народных низов и элиты стремительно сближаются, уравниваясь в тупости, бессердечии и стяжательстве. Элиту от простолюдине на данном этапе отличает лишь наличие больших возможностей для материального комфорта и властвования. Вот как описывает образ жизни римских богачей и аристократов во второй половине IV в. н.э. Аммиан Марцеллин: «При таких условиях даже немногие дома, прежде славные своим серьёзным вниманием к наукам, погружены в забавы позорной праздности и в них раздаются песни и громкий звон струн. Вместо философа приглашают певца, а

¹ Шан Ян. Книга правителя области Шан. – Москва : Рипол-классик, 2018. – С. 127.

² Осборн Р. Цивилизация. Новая история Западного мира. – Москва : АСТ, 2018. – С. 727.

вместо риторика – мастера потешных дел. Библиотеки заперты навечно, как гробницы, и сооружаются гидравлические органы, огромные лиры величиной с телегу, флейты и всякие громоздкие орудия актёрского снаряжения»¹. А вот данное этим же автором очевидцем описание римского простонародья: «Что же касается людей низкого происхождения и бедняков, то одни проводят ночи в харчевнях, другие укрываются за занавесами театров... Компании режутся в кости, втягивая с противным шумом воздух, с треском выпускают его через ноздри или же – это самое любимое занятие – с восхода солнца и до вечера, в хорошую погоду и в дождь обсуждают мелкие достоинства и недостатки коней и возниц. Удивительное зрелище представляет собой эта несметная толпа, ожидающая в страстном возбуждении исхода состязания колесниц»². По удачному выражению отечественного исследователя Г. Э. Даниленко, происходит стремительная и тотальная декультуризация общества³.

Казалось бы, при таком почти что одинаковом отношении к жизни в постцивилизированном обществе должен наступить нерушимый гражданский мир. Однако дело обстоит с точностью до наоборот из-за такого человеческого порока как зависть. Даже если средний уровень жизни в городах умирающей цивилизации вполне терпимый, то показное, статусное потребление элиты, кричащая роскошь её дворцов и нарядов вызывает в менее удачливых согражданах ощущение невыносимости своего положения. Современный чилийский философ Д. С. Соммэр очень удачно описал действие этого психологического механизма у себя на родине в начале XXI в.: «Например, в Чили 90 процентов самоубийств вызваны депрессией, а 33,8 процента населения имеют психические проблемы, требующие специального лечения. Некоторые считают, что в этом виновна бедность, и по большей части

¹ Марцеллин Аммиан. Римская история / Аммиан Марцеллин. – Москва : АСТ, 2005. – С. 18.

² Там же. С. 19-20.

³ Даниленко Г. Э. Цивилизационное варварство и культурное одичание в эпоху глобализации // Формы культуры и противоречия современного общества. Материалы международной научной конференции 27 апреля 2019 года. – Донецк : ДонНТУ, 2019. – С. 58.

это верно. Однако необходимо различать отсутствие необходимых средств к существованию и бедность как синдром пробуждения амбиций у людей, искушаемых валом потребительства. Сравнивая это необъятное предложение с собственными скромными доходами (а они всегда будут недостаточны, если пытаться удовлетворить все свои потребительские аппетиты), люди неизбежно ощущают себя безнадежно бедными и незначительными, и, как результат, возникает депрессия. *Чем богаче становится мировая витрина предлагаемых товаров, тем более тоскливо и подавленно чувствует себя человек* (курсив автора)¹. В результате простонародье делится на две неравные части. Одна часть стремится всеми правдами и неправдами войти в сияющий бутафорским блеском мир элиты, а другая мечтает с этим миром покончить и перераспределить его богатства в свою пользу. Иначе и быть не может, если аристократ отличается от простолюдина лишь наличием больших денег.

Без преувеличения можно сказать, что в таком обществе внутренним варваром становится каждый. Само общество оказывается внешним по отношению к цивилизации, за счёт материального наследия которой оно живёт. Поэтому вчерашние цивилизованные люди уже не распознают внешних варваров и никак не отличают себя от них. Нашествие внешнего врага оказывается лишь одним из военно-политических противостояний, которые приносят разорение и смерть одним и открывают новые возможности для обогащения другим. Именно в такой момент всякое техническое и экономическое превосходство цивилизации над варварством исчезает, потому что цивилизации как таковой уже нет, есть лишь её стремительно дичающие потомки.

Итак, в данном параграфе мы рассмотрели такие виды внутреннего варварства как мидизм, идеализация внешних варваров путём создания образа «благородного дикаря», хилиастическое сектантство, революционные движения Нового времени и варваризация общества периода распада цивилизации. При этом ни один из указанных видов до наступления цивилизационного распада не является для цивилизации фатальным: общество и госу-

¹ Соммэр Д. С. Мораль XXI века. – Москва : Кодекс, 2019. – С. 41-42.

дарство имеют все возможности для того, чтобы обуздать как фанатичного духовного, так и вооруженного внутреннего противника. Но варваризация общества, утрата связи социума с духовными основами создавшей его цивилизации неизбежно лишают эффективности созданные цивилизацией политические и экономические механизмы. Именно в такие моменты единое прежде общество рассыпается на множество эгоистически настроенных индивидов и групп, а государство обслуживает интересы лишь тех, кто им управляет. Внутренние варвары могут беспрепятственно действовать против ненавистной им цивилизации, а варвары внешние получают прекрасную возможность для безнаказанного вторжения на земли общества, где и без их участия все противостоят всем.

В данной главе нами были:

- определены понятия варварства и цивилизации. Под цивилизацией мы понимаем общество, в котором социально-исторические факторы доминируют над природно-биологическими. Важнейшими чертами любого цивилизованного общества являются постоянно нарастающие рационализация труда и стремление к материальному комфорту, а также развитое правосознание. Под варварством же мы понимаем относительное явление, так как варвары всегда описываются представителями цивилизации. *По сравнению с цивилизованным обществом* в варварском социуме природно-биологические факторы доминируют над социально-историческими;

- рассмотрены такие универсалии варварской культуры, присутствующие как у кочевых, так и у оседлых варваров, как представление о земле как о неотчуждаемой собственности всех людей; циклическое понимание времени; вера в судьбу, понимаемая как активная вовлеченность человека в свою социальную роль; сакральное, а не экономическое отношение к богатству; ритуальное значение обмена подарками; почтительное отношение к оружию; мистическое, а не юридическое понимание воинской чести; клановое мировоззрение, даже если родственная связь в данной общности является условной;

- установлены сущность и формы внутреннего варварства. Данное явление возникает в момент, когда между варварством и

цивилизацией достигается баланс, что обычно связано с внутренними проблемами цивилизованного общества, останавливающими его экспансию. Такие формы внутреннего варварства как мизм, идеализация варваров в образе «благородного дикаря», хилиастическое сектантство и революционный радикализм, взятые сами по себе, не опасны для цивилизованного общества. Но в моменты кризиса цивилизации и дезинтеграции цивилизованного общества происходит варваризация граждан последнего, что приводит к совместному натиску на цивилизацию внутренних и внешних варваров. Именно он уничтожает цивилизацию, превращая её достижения в историческое наследие нового, деградировавшего общества.

Но ведь внешние варвары знакомятся с цивилизацией задолго до её вступления в период распада. Более того, цивилизованные торговцы прокладывают путь даже к самым диким и воинственным варварским племенам именно в те годы, когда цивилизация находится во всём блеске своего могущества. Возникает вопрос: какие роли цивилизация и варварство играют в жизни друг друга? В следующей главе мы рассмотрим особенности их политического взаимодействия.

Глава 2. Политическое соседство варварства и цивилизации.

2.1. Военно-политическое противостояние молодой цивилизации и варваров.

Когда заходит речь о политических отношениях между цивилизацией и варварским миром, то сразу же вспоминаются нашествия, в ходе которых одетые в шкуры кровожадные дикари бессмысленно истребляют мирное население и крушат материальную культуру цивилизованных городов и деревень. Именно эта форма соседства варварства и цивилизации – набег – воспета голливудским кинематографом и возведена едва ли не в ранг самой наглядной иллюстрации. При этом мало кто из кинозрителей и читателей исторических романов задаётся вопросом: если звероподобные варвары так легко и окончательно побеждают своих цивилизованных соседей, то почему соседская жизнь цивилизованного и варварского миров длится столетиями, а баланс сил постоянно колеблется? В данной главе мы рассмотрим основные формы и ритмы политического взаимодействия варваров с цивилизованными соседями и предпримем попытку развенчать миф, согласно которому полуголые дикари без труда истребляют высококультурных тружеников по своему первому желанию.

Бесспорно, первое впечатление от знакомства друг с другом и варвары, и цивилизованные люди получают на поле боя. Каждое общество в той или иной мере экспансивно и, стремясь к расширению своего жизненного пространства и содержащихся в нём возможностей, однажды вступает в соприкосновение с иным обществом, которое также претендует на расширение, в том числе и за счёт соседа. Тот факт, что одно из обществ-экспансионистов цивилизованное, а другое – варварское, не играет особой роли: оба они стремятся занять тот или иной территориальный ареал вместе со всем, что он может дать своим владельцам, а при удачном исходе дела – превратить в такой ареал территорию и общество соседа. Поэтому встреча на поле боя является для двух обществ-экспансионистов неизбежной, хотя и необязательно жестокой. Какими же силами располагает варварство в момент своей

первой встречи с цивилизацией? Или, иначе говоря, каковы его военная организация и связанный с нею наступательный и оборонительный потенциал?

Основной единицей любого варварского общества являлось племя, которое делилось на роды и кланы, причём, у кочевников родственные связи и положение в родовой общине играли большую роль, чем у оседлых народов. К примеру, если германцы могли выбрать себе вождя из числа старейшин, не особенно считаясь с его возрастом и родством, то кочевые владыки хотя бы формально должны были принадлежать к господствующим ветвям какого-нибудь славного рода. Нередко кочевая аристократия попросту выдумывала своё родство с какими-нибудь известными деятелями прошлого (Аттилой, Чингисханом, Тамерланом) для того, чтобы легализовать свой властный статус¹. Для германских вождей это не было обязательно, так как, помимо верховного правителя племени, каждая община выбирала собственного предводителя, который руководил её делами в дни войны и мира.

Рассмотрим властную вертикаль германского общества более подробно. Если племенной вождь, которого римляне именовали термином «рекс» («rex» – «царь») хотя бы пытался передавать свою власть по наследству, то выборным вождям, формально подчиненным ему, это не было нужно: они вершили реальные дела, решали реальные проблемы, и их власть покоилась на доверии родственников и земляков. Вот описывает этих реальных хозяев положения немецкий историк Г. Дельбрюк: «Во главе каждой общины стоял избираемый чиновник, который назывался «альдерман» (старейшина) или «хунно», подобно тому как община называлась либо «родом», либо «сотней». (...) Альдерманы, или хунны, являются начальниками и руководителями общин во время мира и предводителями мужчин во время войны. Но они живут с народом и в народе. В социальном отношении они такие же свободные члены общины, как и все другие. Их авторитет не настолько высок, чтобы сохранить мир при крупных распрях или тяжелых преступлениях. Их положение не настолько высоко, а их

¹ Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2008. – С. 173.

кругозор не настолько широк, чтобы руководить политикой»¹. Хунни решали вопросы масштаба организации облавной охоты или земельного передела, совместно со жречеством осуществляли судопроизводство, но им не было по плечу организовать военный поход или миграцию в дальние края. Де юре такие вопросы мог решать только вождь племени, но де факто ни одно его решение не могло быть реализовано без одобрения большинством хунни. Неслучайно легитимность власти «рекса» и сама его жизнь зависели от приговора народного собрания, известного всем германским народам под названиями «mahal» (в Германии) и «thing» (в Скандинавии)², а у кочевников аналогичное собрание именовалось «курултай». Вряд ли на таких собраниях удавалось достичь согласия по вопросам большой политики, и поэтому германские племена в полном составе лишь в редчайших случаях отправлялись завоёвывать какую-нибудь территорию. Грабительские набеги на соседей обычно осуществлялись небольшими бандами, состоящими из горячих голов и летов (пришлых людей), и поэтому всё племя могло перейти от мирной жизни к военной только при одном условии: если война была оборонительной, и враг угрожал каждому из членов племени. Абсурдно предполагать, что живущие охотой и любительским земледелием германцы имели хоть какую-то военную подготовку. Конечно, они располагали досугом, но проводили свободное время вовсе не в тренировках с оружием. Вот как описывает досуг скандинавов эпохи викингов украинский историк К. Ю. Галушко: «В промежутках трезвости между сериями пиршеств люди, вероятно, проводили время традиционным способом. Они вели беседы, осушали кубки, сплетничали, играли в настольные игры и уделяли внимание противоположному полу. Мужчины отправлялись на охоту с охотничьими псами и ловчими птицами, или устраивали поединки. А женщины тем временем занимались рукоделием или

¹ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории в 7 т. Т.2. Германцы. – Москва : Воениздат, 1937. – С. 22.

² Мюссе Л. Варварские нашествия на Европу: германский натиск. – Санкт-Петербург : Евразия, 2006. – С. 23.

какой-либо другой ручной работой»¹. Нет оснований предполагать, что во времена Цезаря или Траяна германцы проводили досуг иначе, поэтому на поле боя они могли рассчитывать лишь на собственную физическую силу и отточенную на охоте скорость реакции.

Выше мы писали о том, что каждый мужчина-варвар имел личное холодное оружие и пускал его в ход для защиты своей чести. Но оружие это было крайне разнообразным, так как ремесленное производство в германских племенах не имело широких масштабов. Каким бы талантливым и трудолюбивым не был кузнец, он ковал мечи и секиры не очень часто и всегда по индивидуальным заказам. Поэтому германская пехота состояла из воинов, имеющих слишком различное наступательное и оборонительное вооружение для того, чтобы действовать слаженно. Среди германских воинов встречались отдельные всадники, но кавалерия как род войск не существовала, так как содержание лошадей обходилось очень дорого и в мирном хозяйстве почти не оправдывало себя. Оседлые варвары могли атаковать противника только в пешем порядке, то есть они стремились не опрокинуть вражеские ряды внезапным ударом, а обязательно вступить в рукопашный бой. При том, что изготовление кольчуг было очень трудоемким процессом, кузнец брал за доспехи такую плату, которой располагал только хунно или «рекс». И варварские воины, разумеется, старались сделать столкновение как можно более кратковременным, чтобы большинство из них не успело получить удары холодным оружием. Напомним, что при тогдашнем уровне медицины колотые раны почти всегда приводили к смерти, а из защитного вооружения германский воин чаще всего имел лишь щит. В таких условиях выработалась специфическая в своём примитивизме и зрелищности тактика, одинаковая у кельтских и германских воинов, которую можно назвать «barbarian courage», заключающаяся в массовой атаке с разбега. Целью её было в первые же минуты боя смешать вражеские боевые порядки и заставить противника попятиться. Германцы для этой цели

¹ Галушко К. Ю. Всемирная история. Викинги. История завоеваний. – Харьков : Клуб Семейного Досуга, 2020. – С. 89.

строились клином, на острие которого находились воины, имевшие самое лучшее оружие и хотя бы какие-нибудь доспехи. Эффективен ли был клин? Исследовавший этот вопрос британский историк М. Тодд настроен скептически: «Тактика была самой примитивной. С самого начала использовалась безудержная атака клином, которая должна была сокрушить или запугать врага. Если атака не увенчивалась успехом, то варвары старались разбить битву на множество отдельных поединков. Войну, которую вели между собой германцы, можно сравнить с той, что разыгралась у стен Трои. Против дисциплинированной пехоты такая тактика оказывалась катастрофически неэффективной, как, например, при Аквах Секстиевых (103 г. до н.э.) и Верцеллах (101 г. до н.э.), однако она продолжала оставаться основой германского способа войны вплоть до периода Великого переселения народов»¹. Галльские кельты, аристократы которых по религиозным соображениям содержали боевых коней, применяли иной способ атаки, который римляне называли «тримаркисия»: конница и пехота ударяли по противнику одновременно, и любой пехотинец мог вскочить на оставшегося без седока коня, чтобы продолжить бой в конном порядке². Однако вооружение кельтов состояло из мечей и копий разной длины, как и у германцев, а дороговизна доспехов приводила к тому, что даже шлемы у галльских ополченцев встречались нечасто. Поэтому кельты, как и германцы, полагались на быстрый и безудержный натиск, приносящий победу или поражение в первые же минуты боя. К какому эффекту это приводило при столкновении варваров с цивилизованной пехотой, мы поговорим в надлежащем месте данного параграфа, а пока посмотрим, как выглядело племенное ополчение кочевников.

Кочевое общество в силу специфики своего хозяйства практически не нуждается в разветвлённой властной вертикали: даже племя долгие промежутки времени может обходиться без верховного вождя, власть которого распространялась бы дальше судопроизводства и религиозного церемониала. В мирное время ни

¹ Тодд М. Варвары. Древние германцы. Быт, религия, культура. – Москва : Центрполиграф, 2005. – С. 134.

² Брюно Ж.-Л. Галлы. – Москва : Вече, 2011. – С. 166.

один кочевой правитель, если его власть даже опиралась на что-то помимо личного авторитета и сомнительного генеалогического права, не имел регулярной вооруженной силы. Мужчины-степняки в критический момент (например, для защиты кочевья от чужаков) собирались в ополчение по тому же принципу, что и оседлые варвары германских лесов. Однако они имели важное преимущество по сравнению со своим западным аналогом: обитатели евразийской степи проводили всю свою жизнь в седле и могли поучить верховой езде кавалеристов любой цивилизованной империи. Вот как характеризует степное ополчение отечественный нomaдист А. М. Хазанов: «За редкими исключениями, в оседлых государствах военное дело было специализировано и профессионализировано. Напротив, в кочевых обществах каждый мужчина (а в некоторых доисламских обществах при необходимости даже женщины) был воином-всадником. Только это позволяло кочевникам, несмотря на их относительно небольшую численность, мобилизовать достаточно большие армии. Более того, кочевники не испытывали недостатка в верховых животных, а их образ жизни был одновременно почти естественным воспитанием военных навыков. В отношении индивидуальных боевых качеств только средневековые европейские рыцари и мамлюки Ближнего Востока могли сравниться с воинами-кочевниками, причём подготовка и военное снаряжение последних нередко отражали военные традиции кочевников»¹. Поскольку жизнь степняка проходила в седле, а немалую долю рациона ему доставляла охота, то каждый мужчина-кочевник был конным лучником. Сама методика воспитания детей буквально с грудного возраста была предназначена для того, чтобы приучить их к коням и стрельбе из лука. Вот как описывает воспитание монгольских детей китайский разведчик и дипломат XIII в. Пэн Да-я: «Что касается их верховой езды и стрельбы, то они с ранних лет привязывают (детей) к доске и укрепляют её на лошади. Так они постоянно и ездят с матерью (на этой самой лошади). В три года привязывают их верёвкой к седлу так, чтобы они могли рукой за что-нибудь держаться.

¹ Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2008. – С. 401.

После этого они скачут галопом вместе с остальными. В четыре-пять лет они носят под мышкой маленькие луки с короткими стрелами, а когда они становятся взрослыми, то занимаются охотой в течение всех четырёх времён года»¹. Неудивительно, что если простая миграция племени из одного кочевья в другое проходила через земли оседлых народов, то доставляла немало хлопот и простолюдинам-земледельцам, и правительственным войскам.

Однако кочевники, как мы заметили в предыдущей главе, не совершают бесцельных путешествий по миру, а передвигаются по строго намеченным ими маршрутам сезонных перекочевков. Большинство степных мужчин больше думали о состоянии своих стад, отар и табунов, а не о том, чтобы отправиться в неведомые цивилизованные страны и ради развлечения сжечь в них пару деревьев. Боевой опыт степных скотоводов обычно ограничивался стычками с грабителями и конкурентами, нарушавшими границы кочевий, и поэтому степной вождь мирного времени мог противопоставить цивилизованным войскам в случае гипотетического столкновения лишь фронтальную или фланговую атаку в конном строю. Китайский разведчик Сюй Тин, имевший дело с монголами в XIII в., описал степную тактику пренебрежительно и противоречиво: «Как я, Тин, видел, ведение войны у татар есть ни что иное, как одно сплошное дикое и безрассудное молодечество. Но ведь они тоже всего лишь люди: как же получается, что они не боятся смерти? Дело в том, что со времен своего первого военного прорыва на юг они не понесли ни одного поражения. Поэтому они осмелели ещё больше, и их наглость теперь не знает никаких границ»². Получается, что степные табунщики, не умеющие сражаться иначе, кроме как всем скопом бросаться на врага, не потерпели от императорской армии Китая ни одного поражения? Звучит странно, но ещё более удивительно то, что все эти конные пастухи вдруг бросили свои кочевья и отправились в неведомый, но не пригодный для кочевого скотоводства Китай с огнём и ме-

¹ «Хэй да ши люэ»: источник по истории монголов XIII в. / Отв. ред. А. Ш. Хадырбаев. – Москва : Наука – Восточная литература, 2016. – С. 39.

² Там же. С. 47.

чом. В это трудно поверить так же, как невозможно представить германских охотников и земледельцев, от скуки покинувших леса и отправившихся искать Рим.

Эта дилемма имеет простое решение, если учесть, что варварское общество, помимо племенных и родовых общностей, содержит очень важный обособленный от кровнородственных связей сегмент – дружину. Это оригинальное военное и социальное явление, характерное для всех германских, славянских и кельтских племён на стадии варварства, а так же, как мы увидим ниже, для варваров степного мира. Можно сказать, что дружина – это свойственный всем варварским обществам социальный феномен, духовной основой которого являются те самые культурные категории, которые мы рассматривали в параграфе 1.2. Поэтому рассмотрим дружину подробно.

Важно отметить, что термин «дружина» является современным и заимствован из славянских языков. Древние германцы называли это явление словом «Gefolgschaft», скандинавы эпохи викингов употребляли название «хирд» (следовательно, воины дружины назывались «хирдманы»), а римляне, описывая данный варварский феномен, употребляли термин «comitatus» (дружинников римляне именовали «комитами», то есть «соратниками»). Даже в Ирландии, находившейся на самой дальней окраине западноевропейского мира, существовал аналог дружины, именуемый «фиана», члены которого назывались «фении». Социальной основой дружины являлась добровольная общность людей, совместно и профессионально занимающихся военным делом. Это могло быть наемничество или грабительские набеги на сопредельные территории, но важно, что производительным трудом дружинники не занимались. Стоявший во главе дружины вождь (ярл, хёвдинг) чаще всего не поддерживал прочных связей со своим родом, а большинство его воинов не приходились ему даже дальней роднёй. Людей привлекала к вождю его слава победителя и истинно взаимовыгодное желание захватить богатую добычу, сражаясь под его знамёнами. Социальный состав дружин был пёстрым, но эти отряды *всегда* складывались из добровольцев. Вот как описывает комплектование германских и скандинавских дружин отечественный исследователь В. В. Акунов: «К бо-

гтому и славному воину сбегаются не только юные энтузиасты, жаждущие приобрести жизненный опыт, но и все, кто оторван от своего корня, оказался на обочине существования, которое влачит их родная община; все воины, которым надоела мирная жизнь – время нудного и нищенского прозябания; все, кто в своём племени существует ради войны и, когда её нет, обращает свой алчный взор в иные края; наконец, все, кто так или иначе не в ладах со своим родоплеменным обществом. Люди буйного нрава, которым претит спокойный труд на земле и тихие радости домашнего очага, которых недолюбливают мирно настроенные соплеменники»¹.

Выше мы отмечали, что общество варваров всегда милитаризовано, ведь из-за отсутствия или слабости центральной власти людям приходится самим защищать свои честь и имущество. Поэтому дружинники не были отщепенцами трудолюбивых и мирных племён. Скорее, эта публика аккумулировала в себе те качества, которые имел каждый германец или кельт, но культивировала их круглый год, а не только во время столкновений с соседями. Более того, так как германцы и кельты очень ценили отвагу и физическую силу, то в некоторых племенах юноша считался мужчиной не раньше, чем примет участие в сражении и одолеет кого-нибудь. Вот как описывает этот обычай Тацит: «Если община, в которой молодые люди родились, погружена в продолжительный мир и спокойствие, то многие из благородных юношей добровольно отправляются к тем народам, которые ведут в то время какую-либо войну, так как, с одной стороны, покой этому народу неприятен, с другой – они легче достигают славы среди опасностей, да и большую свиту нельзя содержать иначе как путём насилий и войны: ибо от щедрости своего вождя спутники его требуют этого боевого коня, этой кровавой и победной фрамее (копья – С.С., И.Ч., В.Ч.). Пиршества, хотя и грубые, но обильные, идут вместо жалования; средства же для подарков составляют грабеж и война»². То есть можно считать, что все гер-

¹ Акунов В. В. Берсерки. Воины-медведи древнего Севера. – Москва : Вече, 2014. – С. 180.

² Тацит П. К. Сочинения в 2-х т. Т 1. – Санкт-Петербург : Изд-во Л. Ф. Пантелеева, 1886. – С. 48-49.

манские юноши проходили через дружину, вождь которой со-держал и вооружал их в это время. Потом, создав себе боевую репутацию, молодой варвар решал, вернуться ли ему домой полноправным членом рода и племени или же остаться с вождём в качестве рядового хирдмана. При этом такая увлеченность военными походами расценивалась родственниками юноши не как баловство, а, наоборот, горячо одобрялась. Так, Тацит повествует об обычае племени хаттов давать обеты, которые считались исполненными не раньше участия юноши в бою и убийства им одного из врагов: «То, что редко встречается у других германских народов и является смелостью отдельных лиц, у хаттов составляет общий обычай: как только кто подрост, отпускает волосы на голове и бороду и не прежде лишается этого вида, служащего обетом и залогом мужества, как по убийении неприятеля»¹. Другое дело, что проведенному в рядах дружины несколько лет молодому человеку оказывалось очень сложно вернуться к мирной жизни, так как он терял многие умения, связанные с охотой и земледелием, зато успевал отточить навыки владения оружием, которое он применял каждый раз, когда считал, что с ним неуважительно обошлись. Иными словами, бывший дружинник становился опасен для соплеменников в мирное время, хотя во время войн с соседями он очень ценился. Однако никто не мог знать, когда случится следующее столкновение, а терпеть гордого, сильного и вспыльчивого дармоеда круглый год ни один германский род не хотел. Поэтому многие молодые люди, открыв для себя воинский образ жизни, предпочитали остаться в рядах дружины навсегда. Самой непригодной для мирной жизни частью германской и скандинавской дружины считались берсерки – воины, впадающие в боевой транс и отождествляющие себя с тем или иным хищным животным. Современники считали, что они не чувствуют боли и почти неуязвимы для стали и огня. Стоило берсерку разозлиться, как он сразу же терял контроль над собой и с бешеной яростью бросался с мечом или секирой на окружающих. Западный исследователь Ф. Кардини отмечает, что кроме берсерков, воинов в

¹ Тацит П. К. Сочинения в 2-х т. Т 1. – Санкт-Петербург : Изд-во Л. Ф. Пантелеева, 1886. – С. 57.

медвежьих шкурах, германцы располагали и другими воинами-оборотнями: «*Berserkr* (здесь и ниже – курсив автора) – это «медвежья шкура», «некто в медвежьей шкуре, воплотившийся в медведя». Обратите внимание – *в медведя*, а не просто в его шкуру. (...) Иными словами, одержимый медведем, если угодно, медведь с человеческим лицом. Воин – пленник медведя. Звериная шкура – это особого рода «магическая клетка». Бок о бок с берсеркром, облаченным в медвежью шкуру, лучше сказать воином-медведем, стоит *ulfhedhinn*, то есть «волчья шкура», облаченный в шкуру волка воин-волк»¹. Такие воины встречались в дружинах нечасто, но само их появление на поле боя нередко приводило противника в ужас. Разумеется, будучи очень полезными на войне, эти люди никак не смогли бы найти себя в мирной жизни. Можно предположить, что даже германские, привычные к стычкам и всегда вооруженные деревенские жители вряд ли бы осмелились встретиться на лесной дороге с берсерком, который в любой миг и по любой причине может впасть в бешенство.

Важно отметить, что дружина всегда строилась на личных отношениях вождя с его воинами, и, в случае совершения вождём какого-нибудь несовместимого с воинской честью поступка или потери им воинской удачи, дружинники без колебаний покидали его. В то же время неправильно считать дружинников наемниками: вождь не платил им ежемесячного жалования и лишь содержал их за счёт взятой ранее военной добычи. Единство дружины ориентировалось на будущие победы и грабежи, а не на оплаченные вождём услуги воинов. Неслучайно те подарки, которые ярл делал своим хирдманам, чаще всего имели не экономическое, а ритуальное значение. Порой даже случалось, что дружина и её вождь не имели постоянного места базирования, перемещаясь от одного охваченного войной региона к другому и всюду встречая щедрых нанимателей. Вождь брал плату за услуги с мирных жителей и их старейшин, но со своими дружинниками лишь вместе жил, не считая, что нанял их. Дружина действовала перед нанимателем как единое юридическое лицо, а между собой дружин-

¹ Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. – Москва : Прогресс, 1987. – С. 114.

ники не строили отношения на коммерческой основе (или, по крайней мере, не должны были этого делать).

На этой базе сформировался особый тип вождя – военного предводителя, которого римские писатели никогда не путали с родовым старейшиной, правившим в силу наследственного права. Неслучайно родоплеменной правитель именовался римлянами «рекс» / «гех» (царь), а военный предводитель – «дукс» / «dux» (вождь). Чем чаще происходили межплеменные войны и столкновения, тем чаще требовалось вмешательство дуксов, которые могли выступить на стороне как рекса, так и его противника в зависимости от того, кто больше им заплатит. «Рексы» пытались формировать собственные дружины, и это получалось у них не очень хорошо, потому что родовой правитель изначально ориентирован на традиционализм и оседлый образ жизни, а в таких условиях содержать большую дружину не на что. Некоторые германские пахари, наоборот, соглашались отдавать вождю часть урожая и скота для платы дружинникам, чтобы не участвовать в походах самим. И чем чаще требовались услуги пришлых, взимающих плату с «рексов» дружин, тем очевиднее оказывалось становление новой системы власти – власти вождя-воина одновременно над дружинниками и мирными жителями. Отечественный исследователь И. В. Зиньковская так характеризует этот процесс: «Превращение дуксов в рексов связано с завоеванием под их руководством племенем или союзом племён новых территорий и закрепления их (хотя бы временно) за собой. (...) Претенденты на королевскую власть хорошо осознавали наличие главного препятствия на пути к установлению своего единовластия – оппозицию знати. Она обладала своими вооруженными свитами. Поэтому вожди стремились увеличить собственные дружины и охотно принимали в них негерманцев. Дружины «военных королей» представляли собой не этнические, а политические формирования»¹. Так появился новый для варварского мира тип правителя – конунг (у славян – князь), опирающийся на свою разношерстную дружину, но вынужденный ладить и со старой

¹Зиньковская И. В. Варварские государства раннесредневековой Европы: учебное пособие. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2015. – С. 40-41.

родоплеменной знатью, носившей разные названия, но по своей сути неотделимой от родовых и племенных групп и представлявшей в первую очередь их интересы. Для того чтобы убедить мирных оседлых охотников и скотоводов содержать свою дружину и выполнять свои приказы, конунг был вынужден постоянно планировать и осуществлять различные военные мероприятия – от массового грабительского набега, который принесёт добычу всем участникам, до масштабной миграции, которая позволит всем членам племени или племенного союза оказаться в лучших условиях. Мирное время было опасно для конунга именно потому, что в такие моменты его воины оказывались не нужны селянам, но при этом по-прежнему ели три раза в день. Охотник поделился бы добычей с хирдманами, а кузнец согласился бы бесплатно выковать берсерку секиру только в том случае, если буквально завтра вся эта агрессивная и прожорливая публика встала бы на защиту деревни. Не следует забывать и о том, что в случае необходимости сельские жители собирались в ополчение и защищали себя сами, поэтому конунг был вынужден постоянно искать врага, с которым без помощи профессиональных дружинников племя не смогло бы справиться. Именно таким врагом могло стать ближайшее цивилизованное общество.

До сих пор мы говорили об оседлых варварах Западной и Северной Европы. Теперь обратим внимание на их кочевых собратьев из евразийской степи и увидим аналогичные социальные институты и процессы. Как мы уже успели убедиться, в оседлом варварском обществе дружины нужны лишь в моменты военно-политической нестабильности, и воинским вождям приходится порой провоцировать такие ситуации. То же самое можно сказать и о кочевых родах и племенах: в обществе, где каждый мужчина – умелый конный лучник, большое семейство само в состоянии защитить себя от разбойников и браконьеров и не нуждается в покровительстве каких-либо пришлых бойцов. Тем более, что этих самых непрошенных защитников придётся кормить. Ситуация может измениться лишь в том случае, если в степь пришла война – не важно с кем: со сбитым с маршрута перекочёвки соседним племенем или новым, прежде неведомым врагом. В такой обстановке каждый богатый скотовод старается обзавестись от-

рядом всадников, которые умеют владеть саблей и луком лучше других и в критический момент окажутся под рукой. А. М. Хазанов так описывает процесс формирования в степях профессиональных воинов: «Разумеется, богатый кочевник иногда мог привлечь к себе некоторое количество людей, создать из них дружину и с её помощью укреплять и расширять свои влияние и власть. Так храбрый и щедрый бедуинский шейх привлекал к себе сторонников даже из других племён. Однако подобных людей, привязанных к предводителю лишь выгодой и личной лояльностью, надо было содержать, а на содержание тратить скот. Их труд хотя и использовался в хозяйстве, но мало, потому что в первую очередь они были воинами. К тому же, сфера возможного применения самого труда в скотоводческом хозяйстве ограничена. Социальные выгоды оборачивались имущественными потерями. Выход заключался в захвате скота и иных богатств в других обществах или даже в других подразделениях собственного общества. Не случайно кочевые образования, в которых отмечено появление социальной прослойки, подобной монгольским *нукерам* (здесь и ниже курсив автора) или казахским *тюленгутам*, обычно характеризуются повышенной военной активностью, в том числе и междоусобной»¹.

Возникает закономерный вопрос: из кого комплектовался кадровый состав кочевой дружины? Из людей того же типа, что и состав хирда германских конунгов. Выходцы из самых разных племён и родов, а порой даже иностранцы находили себе место под знаменем того или иного степного предводителя, если умели скакать верхом и метко стрелять из лука. Правда, в отличие от германцев, степняки не настаивали на том, чтобы каждый юноша обязательно принимал участие в боях к моменту совершеннолетия, и поэтому пылкой молодёжи среди дружинников-нукеров было меньше, чем изгнанников и профессиональных авантюристов. Точно также степным дружинникам-нукерам не знаком тип воина-берсерка, потому что их метод ведения конного боя подразумевал быстрое маневрирование и прицельную стрельбу в дви-

¹ Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2008. – С. 187.

жении, что исключало какое-либо боевое бешенство или иступление. Но по своей социальной сути кочевая дружина является точно таким же разноплеменным воинским братством на добровольной основе, что и германский хирд. Более того, само слово «нукер» означает «чужак», «странник», то есть степные дружинники служили своему вождю так же под честное слово, как и их германские коллеги, хирдманы, и точно так же не являлись родственниками этого вождя. Вот как характеризует нукеров С. Г. Кляшторный: «Таково древнее значение слова *nökör* (здесь и ниже курсив автора); в обычном и довольно позднем русском словоупотреблении, прошедшим через тюркоязычную адаптацию, оно звучало как *нукер*. Его правильное звучание в древнемонгольском именно *nökör*, а первоначальное значение – «другой, иной» (G. Doefender: «der andere»). Позднее семантическое поле термина значительно расширилось. Прежде всего, оно обозначало воина, связанного узами добровольной службы с каким-либо военным предводителем, а не с родом-племенем. Нёкёр – дружинник степного вождя, а не участник племенного ополчения. И одновременно он член военного сообщества, дружины, возглавленной вождём. Тот же термин означал и само военное сообщество, сложившееся вокруг вольного степного вождя»¹.

Сложно сказать, почему оседлые и кочевые военные вожди предпочитали принимать на службу именно пришельцев без рода и племени, а не собственных дальних родственников и земляков. Вероятно, причин этому было две. Во-первых, в окружении чужих людей можно было отмахнуться от реалий родового общества, и, тем самым, вождь мог обладать всей полнотой власти, не считаясь ни с какими старшими братьями или дядьями: в отряде воинов, не приходящихся друг другу родственниками, всё решали личный авторитет и товарищеские качества, а не возраст или генеалогия. А, во-вторых, любой военный предводитель в тайне мечтал о своей личной власти над тем или иным регионом или обществом, и тогда ему неминуемо пришлось бы принуждать к повиновению свою кровную родню и соплеменников. В таком

¹ Кляшторный С. Г., Савин Д. Г. Степные империи древней Евразии. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2005. – С. 57.

противостоянии несколько десятков воинов, верных лично ему, стали бы полезным козырем для любого предводителя.

Для того чтобы реконструировать разноплеменной состав степной дружины, обратимся к киргизскому народному эпосу. В дружину героя Манаса входят представители не только разных киргизских родов, но даже различных кочевых народов. Так, ближайший соратник и телохранитель Манаса – киргизский храбрец Чубак, сын старейшины племени найгутов; другой его ближайший помощник – казахский воин Кокчо из рода Айдархана; ещё один боец, пользующийся безусловным доверием Манаса, – киргизский джигит Урбю Безродный, весь род которого был истреблён во время войны с Китаем¹. Особый же интерес вызывает такой нукер Манаса как китаец Алмамбет. Дело в том, что одна из главных тем эпоса – борьба киргизов за независимость от Китая и его среднеазиатских сателлитов. Степные вожди, помогающие имперской администрации в войне против киргизов, представлены либо чудовищами, как монгольская правительница великанша Канышай, либо гротескными негодяями, как андижанский хан Алооке. Сами же китайцы показаны автором как хитрецы и колдуны, не брезгующими никакими средствами для достижения своей цели: чтобы погубить Манаса и его соратников они пускают в ход шпионаж, яды и колдовство. При этом один из подданных императора, Алмамбет, служит Манасу верой и правдой и удостаивается не только ханского доверия, но и личной дружбы. Биография Алмамбета излагается в эпосе довольно подробно, и остаётся удивляться, насколько реалистично с исторической и культурологической точки зрения она выглядит: опальный имперский аристократ, мировоззренческая позиция которого представляет собой ярко выраженный мидизм (благодаря воспитателю – пленному киргизу Маджику), из-за придворных интриг вынужденный бежать из Китая в степь.

Важно оговориться, что отношения вождя и его дружины как в оседлом, так и в кочевом вариантах носят личный характер. Это всегда субъект-субъектные отношения, и предводитель не может

¹ Липкин С. И. Манас великодушный. Повесть. – Москва : Советский писатель, 1947. – С. 17.

приказывать своим воинам в одностороннем порядке. Дисциплина не доминирует над воинской честью, в отличие от порядков в подразделениях цивилизованных армий. У варваров командир является не офицером, приказы которого не обсуждаются, а вождем, который может быть смещен со своего поста, как только потеряет авторитет. И, будучи первым среди равных, такой вождь не может создавать среди своих дружинников явную, непреложную иерархию. Германские саги полны описаний поединков между хирдманами одной дружины, и ярл никак не может помешать дуэлянтам требовать друг от друга сатисфакции с оружием в руках. Такие же порядки были и в степных дружинах. Так, однажды между Чубаком и Алмамбетом, нукерами Манаса, вспыхнула ссора, быстро перешедшая в схватку на мечях. Манас, будучи неоспоримым лидером своих воинов, всё-таки не имел полномочий приказать им остановиться и был вынужден мирить нукеров такими словами: «Чубак! Алмамбет! Два близнеца по духу, двойники по храбрости! Оба вы – моя опора и моя крепость. Почему же моя опора возненавидела мою крепость?»¹. Даже если де-факто вождь был властелином над жизнью и смертью своих воинов, то формально он оставался лишь самым авторитетным из них и не должен был облекать свои приказы в официальную форму.

В евразийской степи происходит тот же процесс, что и в германских лесах: слияние родовой и военной знати, превращение дружины в гвардию вождя, который претендует на власть над племенем или союзом племён. Иными словами, здесь тоже «дукс» хочет стать «рексом». И точно так же, как в Германии и Скандинавии, этому очень способствует внешняя военная угроза, катализаторами которой в степи были вынужденное изменение маршрутов (например, из-за засухи) и перенаселение. Точно так же, как и в Западной Европе, присутствие и активное участие воинов в политике становится неизбежным, и вскоре авторитет военных вождей и их нукеров начинает превышать основанную на традиции репутацию родовых и племенных старейшин. Отече-

¹ Липкин С. И. Манас великодушный. Повесть. – Москва : Советский писатель, 1947. – С. 154.

ственный исследователь Т. Д. Скрынникова иллюстрирует данную трансформацию степного общества на примере монголов XII-XIII вв.: «Рубеж XII-XIII вв. – период перестройки потестарного организма монгольского этноса, вызванной политической активностью процесса укрупнения этнопотестарных образований. Обладатели власти предыдущего периода стабильности – главы линиджа, рода, конического клана, чей статус был в течение длительного периода незыблемым и определялся положением в генеалогии, теряют её, она переходит в руки военных предводителей, победителей в войне. При этом, конечно, часть традиционных родовых лидеров, способная отвечать требованиям времени, сохранила свои позиции. Новые лидеры – военные вожди – внесли в монгольскую титулатуру новые звания: *багатур* (здесь и ниже курсив автора) (богатырь), *сэцэн* (мудрый), *мэргэн* (меткий стрелок), *бохо* (силач) и т.п., точнее, они превратили термины, обозначавшие личную доблесть, в титулы, маркирующие власть. Потребность вести более крупные военные действия соединенными силами вызвала к жизни необходимость избрания военного вождя, способного объединить эти усилия. Эта новая для общества ролевая фигура получила и новое (для монгольского этноса) обозначение, уже имевшее традицию в регионе – *хан*»¹. Можно сказать, что хан – это степной конунг, пришедший на смену степным «рексам» – нойонам.

У кочевой дружины есть лишь одно важное отличие от оседлой: она может зародиться и существовать лишь на экономической базе какого-либо рода или племени. Жить сами по себе, подобно викингам из Йомсборга, степные воины попросту не смогут, ведь единственный источник питания и одежды в степи предоставляет лишь скотоводство. Если же воины будут пасти стада и табуны, то чем они станут отличаться от обычных кочевников? Ведь все их отточенные боевые навыки вскоре потеряются из-за отсутствия практики. Поэтому, в отличие от оседлых конунгов, степные владыки не рвали связей со своим семейством: монгольский и тюркский каганы и гуннский шаньюй осознавали себя

¹ Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана.– Санкт-Петербург : Евразия, 2013. – С. 48.

представителями того или иного рода, который благодаря их военному возвышению оказывался доминирующим в племени или даже в данном регионе степи. Это имело и свои минусы: хану приходилось учитывать мнение своих родственников, никакого отношения к военному делу не имеющих, но постоянно претендующих на место при его дворе и в его ставке. Также обратной стороной формирования дружины на базе рода становилась экономическая нагрузка на стада степняков, и без того небогатые. Даже при том, что дружина Манаса состояла всего лишь из сорока нукеров, калым за невесту героя платил не он и не его воины вкладчину, а отец хана, бай Джакып. То есть получилось, что род Манаса содержал его дружинников и организовывал Манасу свадьбу из своего кармана, и нельзя сказать, что такое положение дел всем нравилось. Поэтому хан вольно или невольно должен был обеспечить приток военной добычи для содержания дружины и обеспечения лояльности тех родственников, которые лично в походах не участвовали. Именно на этой основе складывались кочевые государства, сам смысл которых заключался в том, чтобы заставить иноплеменников и оседлых соседей содержать ханскую дружину. В случае успеха дружина росла численно и становилась притягательным местом для разного рода храбрецов без рода и племени. Средневековый поэт Юсуф Баласагуни (1020-1075 гг.), в своём творчестве идеализировавший тюрков кочевой эпохи и, особенно, их военную аристократию (беков), метко подчеркнул основу власти и метод поддержания верности, которым пользовались его вдохновители:

*Мечом опоясан, могуч повелитель,
А меч не при нём – он уже не властитель.
Секира и меч – это стражи страны,
С оружием беки и властью сильны. (...)
О, бек, жалуй тех, кто владеет мечом,
Во всём будет лад, и беда – нипочём!¹*

¹ Баласагуни Ю. Благодатное знание. – Изд. 3-е. – Ленинград : Советский писатель, 1990. – С. 217.

Но даже многочисленная дружина, включавшая в себя несколько сот воинов, не могла обеспечить своему предводителю прочных завоеваний какой-нибудь территории или хотя бы регулярной выплаты дани. Поэтому степные вожди шли по тому же пути, что и германские конунги: искали противника для всего племени и под лозунгом войны с сильным общим врагом постепенно военизировали жизнь общины, забирая власть над ней в свои руки по праву командующего. Обязательно проводилась военная реформа, приписывающая всех мужчин-кочевников к тем или иным воинским отрядам (десяткам, сотнями, тысячам), в которых бок о бок служили не только родственники. Такая армия не была регулярной, но в случае необходимости хан вёл в бой именно её. Во главе именно таких войск-орд Аттила и Чингисхан атаковали цивилизованные общества. Подобно германским конунгам, периодически беспокоившим набегами и нашествиями рубежи римского мира, у ханов не было выбора: оторвав от мирной жизни множество скотоводов, они неминуемо должны были компенсировать экономический убыток от своего приказа масштабными военными трофеями, а уход с маршрута перекочевков – завоеванием какого-нибудь богатого региона. В случае поражения или отказа от похода власть хана и существование набранной им дружины, не говоря уже о милитаризации всего племени, потеряли бы всякий смысл.

Отечественный исследователь В. П. Буданова приводит в качестве примера соотношения родового и дружинного компонента у кочевников аварское вторжение в Паннонию в конце VI в. н.э.: «У аваров сохранялось чёткое деление на роды, представители которых и в бою действовали самостоятельно, и на стоянках селились отдельно от других. (...) В период пребывания аваров в Европе формы власти у них, видимо, остались неизменными; во всяком случае, их эволюция никак не отражается в средневековых источниках»¹. Если германское племя, двинутое конунгом в миграционный поход или масштабный набег, необратимо мути-

¹ Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е. Великое переселение народов. Этнополитический и социальный аспекты. – Санкт-Петербург : Алетей, 2011. – С. 244.

ровало, разрушая свои родовые связи и передавая власть родовых вождей военным, то кочевники за счёт неразрывной связи дружин с родами как бы сохраняли для себя шанс возврата к мирной жизни, оставляя родовые отношения без изменений. Родовые старейшины временно теряли популярность, уступая её дружинным лидерам, но они могли восстановить свой авторитет, как только необходимость в постоянной боевой готовности отпадала. Поэтому аварский каган и его нукеры были кровно заинтересованы в продолжении захватнических войн до бесконечности.

Таким образом, первая встреча варварства и цивилизации неминуемо происходит на поле боя, и заинтересованы в этой битве именно варвары. Но каков же баланс сил на момент первых сражений молодой цивилизации с её варварскими соседями?

Когда мы говорили о сути цивилизованного общества, то отмечали рационализацию труда как один его главных признаков. Эта рационализация касается и военного дела. Стремясь к минимальному риску и максимальному результату, граждане всех цивилизаций придумывают такие способы организации армии и тактические приёмы, которые позволили бы перевести бой из плоскости силового противостояния с неясным результатом в область спланированной и математически рассчитанной операции. Если для варварского войска важны боевой дух и физическая сила воинов, то цивилизованная армия всегда основывается на организации и дисциплине. Её неоспоримый козырь – взаимодействие больших структурированных групп воинов, которые называются подразделениями, частями и соединениями. Недаром организационное деление армии на дивизии возникло ещё в Древнем Египте. Там, где германский или кельтский воин полагается лишь на себя и, в редких случаях, на поддержку ближайших товарищей, цивилизованный воин выполняет лишь порученный ему фрагмент боевой работы, а благодаря вымуштрованной дисциплине вся воинская часть сражается, как единый механизм. Каждому атакующему варвару противостоит целый строй воинов, которые, может быть, уступают варвару индивидуальными боевыми качествами, но расставлены и сгруппированы таким образом, чтобы дополнять друг друга. Даже самый сильный и храбрый берсерк или даже всадник не может в одиночку прорваться через

сомкнутый ряд щитов римского легиона или лес копий греческой фаланги.

Другим важным преимуществом цивилизованной армии перед любым варварским воинством является её регулярный характер. Солдат находится в строю круглые сутки годами, что позволяет его экипировать и обучать постоянно. Каждый офицер точно знает, сколько под его командованием состоит бойцов в данный момент и какие навыки им необходимо повысить. А для штабных офицеров эта информация незаменима потому, что позволяет осуществлять долгосрочное планирование кампаний, исходя из имеющихся сил. К примеру, учебная программа тренировок в римских легионах учитывала именно те задачи, которые данному легиону предстоит решать. Вот как характеризует боевую выучку легионеров начала н.э. немецкий историк Г. Дельбрюк: «По воинскому уставу, римские солдаты должны были не только обучаться военному строю, но также драться на мечах, стрелять, делать гимнастику и маневрировать. Манёвры называются «*decursio*» и объясняются так: «Разделив войско на две части, сталкивать оба строя, изображая подобие боя». Таким образом, под словом «манёвры» понималось то же самое, что и мы понимаем под этим словом. Трижды в месяц должен был совершаться учебный поход (*ambulatio*) с походной укладкой на две мили туда и на две мили обратно»¹. Безусловно, некоторые германские и кельтские воины, принявшие участие во множестве военных походов, превосходили легионеров в умении владеть мечом, но от легионера требовалось не проявлять индивидуальную доблесть в поединках, а выполнять боевые задачи в составе подразделения. Для того, чтобы солдаты неримского происхождения не объединялись в землячества и не игнорировали требования уставов, сформулированных по-латыни, в I в. все офицерские вакансии занимались исключительно италиками из числа бывших гвардейцев.

Говоря о легионах, важно отметить, что над их экипировкой работала целая индустрия, ведь в римских частях было стандар-

¹ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории в 7 т. Т.2. Германцы. – Москва : Воениздат, 1937. – С. 154.

тизовано всё – от солдатских мечей и щитов до шанцевого инструмента. Это позволяло подразделениям выполнять команды офицеров, словно единый организм или механизм. Благодаря одинаковым доспехам и подготовке все легионеры были взаимозаменяемы, а любая боевая задача выполнялась всеми подразделениями за одинаковый промежуток времени благодаря одинаковой экипировке и учебным нормативам. Деятельность штабов позволяла римлянам довести логистику до такого высокого уровня, что легион, завершив дневной переход, мог спокойно приступить к строительству укрепленного лагеря, точно зная, что обозы с провиантом сами его найдут, и ужин состоится в положенное по уставу время. Ведь офицер тыловой службы тоже имел свои нормативы, укладываться в которые его долго и тщательно учили. Именно поэтому легионы могли отправляться в далёкие земли и воевать там несколько лет подряд, сохраняя связь со своими базами снабжения, получая регулярные пополнения и нередко неся наибольшие потери не от клинков врага, а от непривычного климата.

В боевом отношении варвары, несмотря на высокий боевой дух и индивидуальное мастерство во владении оружием, даже при большом численном превосходстве со своей стороны были перед римским строем буквально беззащитны. Так, в битве при Верцеллах (101 г. до н.э.) войско германского племенного союза кимбров под командованием конунга Бойорига, численно превосходя римлян в четыре раза, не смогло прорвать боевой строй легионеров консула Гая Мария. Более того, затяжная рукопашная схватка настолько утомила сильных, но не тренированных германцев, что они вскоре выдохлись и стали лёгкой жертвой методично перешедших в контратаку легионеров¹. Но не следует думать, что римлянам улыбнулась удача: Плутарх подробно описывает, как Марий в течение года тренировал своих воинов для битвы именно с германцами и даже заставлял их подолгу разглядывать вражеское войско из-за лагерного частокола. Легионеры изначально вообще были напуганы слухами о многочисленности и

¹ Плутарх. Гай Марий / Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Трактаты. Диалоги. Изречения. – Москва : АСТ, 2004. – С. 220.

жестокости германских пришельцев, и только постоянная, методичная подготовка к сражению именно с ними позволила консулу заставить свои легионы действовать по составленному им плану.

В дальнейшем организационное превосходство римлян и учёт предстоящих обстоятельств кампании позволил им многократно громить превосходящие их силы германцев, в том числе и на вражеской территории. Так, в 16 г. н.э. римский полководец Юлий Германик на голову разгромил племенное ополчение херусков в битве при Идиставизо в Центральной Германии, то есть очень далеко от римских границ. Причём, в битве он применил несложный тактический манёвр, который считался обыденностью во время Пунических войн, но оказался полной неожиданностью для варваров-германцев: «Увидев яростно устремившиеся вперёд толпы херусков, Германик приказывает наиболее доблестным всадникам напасть на них с фланга, а Стертинию (одному из старших офицеров – С.С., И.Ч., В.Ч.) с остальной конницей обойти врага и ударить на него с тыла; сам он должен был в подходящий момент оказать им поддержку. Между тем внимание полководца привлекло прекрасное предзнаменование: восемь орлов пролетели по направлению к лесу и там опустились. Увидав это, он воскликнул, обращаясь к воинам, чтобы они последовали за римскими птицами, исконными святынями легионов. Навстречу херускам устремляются пехотинцы, и одновременно их тыл и фланг теснит высланная заранее конница»¹. Разумеется, германцы были смяты и разбиты даже несмотря на то, что их вождь Арминий проявил высокую личную храбрость. В некоторых сражениях той войны римляне применяли метательные машины, пробивавшие копьями щиты германских воинов и наносившие врагу немалые потери.

Последнее сведение заставляет учесть тот факт, что цивилизованное общество не только ведёт войны с соседями, но и фиксирует полученный боевой опыт в летописях, отчетах, мемуарах, фронтовых сводках и т.д. И поэтому принадлежащие к одной военной и культурной школе войска вскоре дополняются изобретениями, приемами и подразделениями, заимствованными у наибо-

¹ Тацит П. К. Анналы. История. – Москва : АСТ, 2005. – С. 87.

лее опасных врагов. Так, после войн с эллинистическими монархиями Леванта римляне научились ценить осадную и полевую артиллерию, а столкновения с персами заставили их понять, что пехота, даже будучи основной ударной силой армии, всё-таки нуждается в поддержке тяжелой конницы. Такой богатый арсенал тактических средств позволил выбирать и комбинировать способы ведения боя по мере необходимости или просто по творческому замыслу полководца. Например, в битве при Аргенторате (357 г. н.э.) римский полководец Флавий Юлиан применил против алеманов конунга Хнодомара катафрактариев – тяжеловооруженную конницу восточного образца. Хотя удар этих всадников оказался неэффективен из-за болотистой почвы рейнского берега, на котором происходило сражение, легко представить себе удивление, в которое пришли германцы, столкнувшись с неведомым им прежде противником.

Возникает закономерный вопрос: почему же римляне не завоевали Германию, как проделали это с Галлией и Британией? Ответ понятен для цивилизованного человека: покорять и удерживать лишенную городов лесистую страну с враждебным населением экономически невыгодно. Римляне были уверены, что в Германии нет полезных ископаемых, в отличие от Британии, имевшей известные всему Средиземноморью оловянные рудники. Громить же и удерживать в повиновении германские племена из одной только любви к славе и власти было слишком уж дорого для имперской казны. Отечественный исследователь так описывает причину, побудившую римские легионы остановиться, и это вовсе не поражение в Тевтобургском лесу (9 г. н.э.): «Низкий уровень развития экономики варварских земель прочнее любых стен ограждал их от экспансии Рима. Легионы останавливались не на географических или этнических границах, а на тех рубежах, за которыми завоевания попросту не окупались, то есть где был слишком велик перепад в социально-экономическом развитии между завоеванными и не завоеванными территориями»¹. Впро-

¹ Аноним Г. После Рима. 192-430 по Рождеству Христову. От «солдатских императоров» до Карла Великого. Книга первая. – Москва : Acta Diurna, 2019. – С. 35.

чем, для варваров установление прочной границы и, следовательно, торговых отношений с империей пошёл только на пользу. Именно благодаря проникновению в Германию римских товаров и римскому же спросу на германские меха, дерево и рабов началось бурное политическое развитие приграничных германских племён. Именно постоянные контакты с чуждым миром цивилизации ускорили формирование дружин и переход власти от родовых вождей в руки военной элиты (конунгов). Однако если сравнить торговые обороты у римской границы на Рейне с аналогичными оборотами на Евфрате или даже в южной Ливии, то германская граница покажется захолустьем, где торговля вообще с трудом существует. Но для германских конунгов даже меновые сделки с римскими негодциантами и пограничными посредниками выглядели как немалая прибыль.

До сих пор мы рассматривали военное противостояние варваров одной-единственной цивилизации – античной, причём, на том этапе её истории, когда она представляла собой политическое целое – Римскую республику и империю. А как будут развиваться события, если цивилизованное общество не имеет политического единства? Если речь идёт о молодой, культурно единой цивилизации, то силовой баланс будет таким же, как у ранней Римской империи с германцами. Например, греческие полисы Эллады долгое время воевали только друг с другом, используя одно и то же пехотное построение фалангой. Но стоило в Грецию вторгнуться персам, представителям культурно чуждой цивилизации, как почти все греческие города выступили единым фронтом против них. Под восточным влиянием греческое военное дело претерпело некоторые изменения, вызванные необходимостью противостоять персидским лёгким пехотинцам. В частности, в полисных войсках появились пелтасты – легковооружённые застрельщики-меченосцы. Когда через несколько столетий греческие колонии в Крыму оказались под натиском кочевников-скифов, то их представители без колебаний обратились за помощью к царю Понта Митридату VI Евпатору, эллинизированному восточному монарху. Тот не являлся этническим греком, но был убежденным прозелитом античной культуры и без колебаний отправил в Крым экспедиционный корпус под командованием сво-

его полководца Диофанта (114 г. до н.э.)¹. Впрочем, при всём культурном шовинизме греков, соседство с кочевниками научило гордых эллинов и ездить верхом, и даже носить штаны. В частности, живший на рубеже I-II в. н.э. римский историк Кассий Дион так описывал греческого воина по имени Каллистрат из Борисфена, которого римлянину довелось встретить: «Об одном из граждан, 18-летнем высоком и красивом мужчине, Дион рассказал особо. Путешественник увидел Каллистрата, когда тот ехал на коне, опоясанный большим всадническим мечом, одежду его составляли шаровары, чёрный плащ и прочее скифское убранство. Вообще борисфениты предпочитали одежду чёрного цвета, позаимствовав эту моду у одного из скифских племён (меланхленов – «черноризцев»). Каллистрат отличался храбростью на войне, и многих савроматов (сарматов) он либо убил, либо взял в плен»².

Теперь посмотрим, каким образом налаживала своё политическое соседство со степными варварами китайская цивилизация. При том, что в Китае на протяжении древности и Средневековья сменилось немало династий, и правление некоторых из них представляло собой завершённый цикл цивилизационного развития, одна особенность китайских отношений со степняками заметна с первого взгляда. Речь идёт об обоюдной экономической заинтересованности. Выше мы выяснили, что никакое кочевое хозяйство не может быть самодостаточным, и поэтому степняки всегда ищут контактов с оседлым обществом. Китайская империя, со своей стороны, тоже не могла обойтись без торговли со степью, потому что её земли малопригодны для выпаса конских табунов, а это значит, что императорская армия и торговцы-путешественники могли получить лошадей только от кочевников. Степь Ордос к северу от реки Хуанхэ превратилась в место непрерывных торговых контактов Китая с кочевниками ди, сяньби, гуннами, чжурчжэнями, монголами, маньчжурами и т.д. Изначально китайцы не дифференцировали кочевников на племена и

¹ Виноградов Ю. Г., Горончаровский В. А. Военная история Боспорского царства. – Москва : Ломоносовъ, 2017. – С. 85.

² Виноградов Ю. А. Счастливый город в войне. Военная история Ольвии Понтийской (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2006. – С. 173-174.

именовали их «жунами» или «жуаньжуань», что является почти дословной калькой с греческого термина «варвар». И все кочевые соседи империи хотя бы по одному разу пытались атаковать её северные провинции вооруженной рукой, что казалось самим степнякам верхом доблести, но совсем не пугало китайцев. Отечественный исследователь С. Г. Кляшторный так описывает политическое противостояние Китая со степным миром на заре китайской истории: «По словам китайского сановника VI в. до н.э., северные варвары «ценят богатства и с пренебрежением относятся к земле»; слово «богатство» объясняется здесь как «золото, яшма, полотно и шёлк». Однако даже во времена наибольшей слабости мелких китайских царств жуны никогда не угрожали им завоеванием. Набеги кочевников сдерживались или ограничивались военными мерами, дарами, подкупом вождей, торговлей. В ходе военных столкновений китайцы не раз убеждались в достоинствах варварской конницы, а иногда даже перенимали одежду и оружие своих противников. (...) Вместе с тем, сами китайцы не только сдерживали жунов у своих границ, но и захватывали их земли. Первое такое сообщение относится к 623 г. до н.э., когда правитель царства Цинь, Мугун, напал на жунов и захватил «двенадцать владений»»¹. Даже степной правитель Модэ (234–174 гг. до н.э.), объединивший гуннов и претендовавший на господство над всеми кочевниками, не смог завоевать Северный Китай, ограничившись нерегулярным взиманием дани и браком с китайской принцессой. Любопытно, что Модэ вошёл в историю как основатель и правитель едва ли не первого кочевого государства, китайские летописи знают его под титулом и именем «шаньюй Маодунь», а тюркские сказания – как Мете-хана. Однако справиться с оседлыми китайцами он всё-таки не смог. Почему?

Рассматривая военный аспект китайской цивилизации, необходимо понимать, что речь идёт о военных системах различных государств, не бывших современниками друг друга. К примеру, империи Хань и Мин разделяют полторы тысячи лет, хоть они и располагались на одной и той же территории. Их способы ком-

¹ Кляшторный С. Г., Савин Д. Г. Степные империи древней Евразии. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2005. – С. 18.

плектования армий и ведения войны принципиально не могли быть одинаковыми, однако общий черты всё же есть. Прежде всего, как и любая другая цивилизация, Китай стремился рационализировать военное дело и создать всеохватывающую, применимую к жизни теорию войны. Роль такого фундаментального классика военной науки в данной цивилизации сыграл Сунь Цзы (544–486 гг. до н.э.), ставший дальневосточным аналогом античного Вегеция (ум. 450 г. н.э.) и новоевропейского Клаузевица (1780–1831 гг.). Основной идеей «Искусства войны», главной работы Сунь Цзы, является тщательное планирование военных кампаний, опирающееся на разведку и анализ разведданных. Британский историк К. Пирс характеризует стратегические и тактические взгляды китайского теоретика следующим образом: «Согласно Сунь-цзы, первое требование к военной кампании – это математический расчет необходимой численности воинов, принимая во внимание, что следует учитывать такие факторы, как талант полководцев и социальное единство государств. Если государство решало вступить в войну, то важно было перенести военные действия на вражескую территорию»¹. Изучение книги Сунь-цзы считалось обязательным для офицеров почти во всех китайских государствах, хотя на практике ею нередко пренебрегали. Однако именно благодаря акценту на планирование походов, а не на молниеносный бросок (характерный для варваров) уже в V в. до н.э. в китайских штабах появились карты, выполненные на бронзе и коже, а также компас. Можно предположить, что древнекитайские штабные офицеры были экипированы в техническом отношении на порядок лучше своих греческих и римских коллег. Также китайские войска, подобно своим античным современникам, были хорошо знакомы со строевой подготовкой и передвигались маршем. К. Пирс так описывает зарождение в китайских войсках порядков, характерных для регулярной армии: «Начиная с древности китайские войска строго контролировали и муштровали. Уже упоминался правильный боевой порядок чжоусской армии в битве при Муе, и описание армии Чу в 595 г. до

¹ Пирс К. Воины Китая. Под знаменем небесного дракона. 1500 г. до н.э. – 1840 г. н.э. – Москва : Эксмо, 2008. – С. 46.

н.э. в трактате Цзо Чжуана также свидетельствует о развитой системе подготовки. Все солдаты могли перемещаться одновременно по сигналу, они были обучены в чрезвычайных обстоятельствах развёртываться без особых приказов. Введение маршировки в ногу, датируемое приблизительно 380 г. до н.э., ассоциируется с У Ци, но это могло иметь место и гораздо раньше»¹. Таким образом, организованное войско возникло в Китае ещё до появления единого государства, и благодаря своей регламентированной системе подготовки его части могли противостоять и внезапным атакам, и численно превосходящему противнику, а также уметь строить укрепленные лагеря, делавшие невозможными ночные нападения на спящих солдат. Также немаловажен тот факт, что армия династии Хань (различные ветви которой правили Китаем в период 206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) сочетала призывную систему комплектования с приемом на службу добровольцев. Если призывники служили два года, первый из которых состоял из тренировок, а второй – из гарнизонной службы, то добровольцы могли оставаться в армии сколько угодно, формируя её профессиональный костяк. Отставные солдаты не рвали связи с военным бытом навсегда, так как из них формировалось ополчение, созываемое государством в случае крайней необходимости. Таким образом, уже на заре своей истории Китайская империя могла в любой момент противопоставить набегу кочевников организованное и обученное войско.

Но ведь тактика степных варваров всегда была более изощренной, чем *barbarian courage* их оседлых аналогов. В частности, войско кочевников полностью состояло из конных стрелков, которые, смотря по обстоятельствам, осыпали врага стрелами, оставаясь на безопасном расстоянии от пеших копьеносцев, или же атаковали врукопашную. Кроме того, мобильность и маневренность, свойственная любой лёгкой коннице, были неотъемлемой чертой степных налётчиков и орд. Империи пришлось дать вероятному противнику адекватный ответ. И таких ответов было, по меньшей мере, три. Во-первых, китайские монархи пошли по

¹ Пирс К. Воины Китая. Под знаменем небесного дракона. 1500 г. до н.э. – 1840 г. н.э. – Москва : Эксмо, 2008. – С. 52-53.

известному всем цивилизованным народам пути: стали привлекать к наемной службе небольшие степные контингенты. Однако приглашенные сражаться за деньги гунны, сяньбийцы и тюрки рисковать своей жизнью на поле боя не хотели и годились разве что для конной разведки. Во-вторых, несмотря на дефицит лошадей, уже в эпоху династии Хань Китай обзавелся собственной конницей, причём, из-за дороговизны боевых коней всадник-лучник стал синонимом аристократа. Если в Европе стрелок считался трусом, боящимся скрестить с противником клинки, то в Китае дело обстояло обратным образом: принцы и полководцы шли в бой именно в качестве конных лучников и считали это признаком особой гордости. К IV в. н.э. в Китае возникла и тяжеловооруженная конница, использовавшая стремена и поэтому пригодная для нанесения проникающих ударов по плотным построениям врагов. В-третьих, китайская цивилизация очень рано принялась за разработку технических новинок, облегчающих ведение боя. В частности, в ханьскую эпоху китайское войско располагало различными видами арбалетов, легко пробивавшими кожаные доспехи кочевников. Причём, количество и качество этих арбалетов были таковы, что целые подразделения конных и пеших стрелков вооружались именно ими, а не луками. Вот как характеризует древнекитайские арбалеты К. Пирс: «Существовали разные варианты арбалетов, требующие различной силы натяжения. Самый тяжелый, чтобы выстрелить из него, требовал силы натяжения более 350 фунтов (159 кг.), что было возможно сделать только из статичной позиции, когда арбалет был фиксирован на вращающейся подставке. (...) Ханьские всадники, которые в случае необходимости были готовы сражаться пешими, использовали также более лёгкие арбалеты, и в одном из источников предполагается, что они могли носить и арбалеты, и алебарды»¹. Разумеется, степные конные лучники не ждали обстрела, выстроившись неподвижно перед фронтом китайских арбалетчиков, а маневрировали вокруг их отрядов, осыпая пехотинцев стрелами. Но имперские стрелки использовали ростовые щиты

¹ Пирс К. Воины Китая. Под знаменем небесного дракона. 1500 г. до н.э. – 1840 г. н.э. – Москва : Эксмо, 2008. –С. 75.

для защиты во время перезарядки, оказываясь недоступными для противника, зато их выстрелы в случае попадания выбивали из сёдел даже всадников в кольчугах. В ближнем бою для защиты от конных врагов китайские воины использовали пики и алебарды. Китайское войско располагало также стенобитными машинами и камнемётами, но в сражениях с подвижными кочевниками такая техника оказывалась бесполезной. Зато китайский порох, используемый защитниками осаждённых степняками городов, раз за разом производил фурор среди осаждающих. В частности, сбрасываемые со стен при помощи катапульты пороховые бомбы в металлической оболочке, именуемые *цзянь дянь* («сотрясающий небеса гром»), разрывали на части даже воинов в железных доспехах¹. Войдя в широкое распространение в XIII в., такие бомбы применялись как против атаковавших Северный Китай монголов, так и во время междоусобных войн.

Арбалеты и бомбы не могут сражаться сами по себе, вне рук тех, кто умеет этим оружием пользоваться и точно знает, в какой момент какую цель следует поразить. Ненадолго акцентируем внимание на двух крайне функциональных организациях, созданных династии Тан.

Во-первых, это система комплектования пограничных войск, получившая название *фубин*. Изначально это были отряды ополченцев из Северного Китая, созываемые для отражения набегов кочевников, но в 50-х гг. VI в. правительство модифицировало её в рекрутский набор из семей, представители которых на протяжении нескольких поколений служили в ополчении. Рекруты проходили обучение в столице, но служили в течение трёх лет в пограничных гарнизонах, хотя даже в охране императорского дворца состояло подразделение фубин. Офицеры несли постоянную службу, а рядовой состав по истечении трёхлетнего срока расходился по домам и занимался сельским хозяйством. И всё же каждого бывшего рекрута могли в любой момент призвать снова и направить служить в любой город или форт, но не более чем на

¹ Пирс К. Воины Китая. Под знаменем небесного дракона. 1500 г. до н.э. – 1840 г. н.э. – Москва : Эксмо, 2008. – С. 143.

один месяц из пяти и не дальше чем 260 километров от дома¹. Те жители деревень, которые под рекрутский набор не попали, были обязаны обеспечивать находящихся в армии земляков продовольствием. Важно отметить, что система фубин охватывала лишь Северный Китай, постоянно испытывавший угрозу степных набегов. Другие провинции империи такой повинности не знали. Таким образом, возник немногочисленный, но боеспособный слой простолюдинов, которые, служа государству, защищали свои дома и поэтому не были склонны к уклонению от службы или неповиновению офицерам. Государство со своей стороны вооружало и обмундировывало воинов фубин за свой счёт. Можно предположить, что боевая ценность таких отрядов была приблизительно равна аналогичной ценности русских казаков середины XIX в.

Во-вторых, императоры династии Тан создали незримую, но всепроникающую службу разведки, уклончиво именуемую «Отдел управления окраинами» и входившую в структуру Военного министерства. Вот как описывает её отечественный исследователь В. М. Рыбаков: «Отдел управления окраинами (*чжифан* (здесь и ниже курсив автора)) ведал картографией, фортификацией или, как сказано буквально, городскими стенами и рвами (*чэнхуан*), гарнизонами пограничных округов и погранзастав (*чжэньшу*), системой сигнальных огней и наблюдением за ними, измерением дорог, а также тем, что происходит в сопредельных государствах. Всякий раз, когда ко двору прибывали посланцы иностранных государств, сопровождавшие их служащие Ритуального приказа (*хунлусы*) обязаны были выведывать у них сведения об их краях: о горах и реках, обычаях людей и качестве земель; затем собранные сведения подавались докладом императору, а копии передавались для хранения и учёта в отдел управления окраинами. Странных людей из внешних пределов, попадавших в поле зрения отдела, следовало даже зарисовывать – и внешность их, и одежду – и также докладывать императору»². Немудрено, что при таком совмещении пограничной стражи, раз-

¹ Пирс К. Воины Китая. Под знаменем небесного дракона. 1500 г. до н.э. – 1840 г. н.э. – Москва : Эксмо, 2008. – С. 110.

² Рыбаков В. М. Танская бюрократия в 2 ч. Ч. 1. Генезис и структура. – Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2009. – С. 227-228.

ведки и контрразведки имперское Военное министерство было в курсе всех передвижений кочевников ещё до того, как они проникли в степь Ордос.

Поэтому не приходится удивляться тому, что история расцвета почти всех китайских династий – это история побед над степняками. Так, в правление династии Хань полководцы Вэй Цин и Хо Цюйбин в 121 и 119 гг. до н.э. разгромили гуннов и пресекли их набеги на целых 18 лет. Династия Тан прославилась военными походами наследного принца Ли Шиминя, позднее ставшего императором с тронным именем Тай-цзун. В 629 г, 634 и 648 гг. имперские войска под его командованием разгромили тюркский каганат – степное государство, представлявшее немалую угрозу для империи Тан и торговых городов Средней Азии. Ли Шиминь добился такого успеха, что сумел захватить в плен около 100000 тюрков и принудительно расселить их на окраинах страны. В 657 г. императорское войско нанесло поражение тюркской кочевой орде на берегах озера Иссык-куль, и на отбитых у степняков землях был основан протекторат Аньси – «Умиротворенный запад»¹. И всё-таки все китайские династии – от начавшей своё правление до н.э. Хань до владевшей страной в XVII в. Мин – были низвергнуты вооруженной рукой, и степные варвары сыграли в этом процессе далеко не последнюю роль. Почему это случилось, мы поговорим ниже, в другой части данной главы.

Наш экскурс в нюансы военного противоборства цивилизации и варварства может сформировать у читателя неверное мнение, будто такое беспокойное соседство – единственный способ сосуществования двух обществ. На самом деле это не так. Молодая цивилизация вполне может взять развитие и воспитание варварского соседа в свои руки, если материальные выгоды от этого вмешательства окупят затраты на него. В качестве примера взаимовыгодного соседства варварства и цивилизации кратко рассмотрим взаимоотношения молодой Римской империи с её южным, африканским соседом – варварским народом гарамантов. Гараманты населяли Феццан (южную Ливию) в начале н.э. и, не

¹ Пирс К. Воины Китая. Под знаменем небесного дракона. 1500 г. до н.э. – 1840 г. н.э. – Москва : Эксмо, 2008. – С. 106.

обладая высокоразвитой культурой и не владея плодородными землями, смогли занять прочное положение в посреднической торговле. Отечественный исследователь М. Ю. Роцин так характеризует экономическую деятельность их государства: «В экономическом плане сильная государственность внутренней Ливии могла опереться на скотоводство и земледелие, базировавшееся на фоггарах, подземных водных каналах, ещё и сегодня частично используемых в районе вади аль-Аджаль, а также на посредническую торговлю между Средиземноморьем и центральными районами Чёрного континента, причём роль последней была практически решающей, так как только посредническая торговля хорошо коррелируется с расцветом римской Триполитании. Этот расцвет приходится на I-III вв. н.э., и именно в эти века наивысшего подъема достигает страна гарамантов. Основа её политических успехов кроется в огромном росте оборотов римской торговли с Чёрной Африкой, так как гараманты обеспечивали надёжную и относительно безопасную доставку товаров в обоих направлениях. Рим вывозил в Африку изделия своих ремесленников, а ввозил рабов, золото, слоновую кость, перья страуса, шкуры и предназначенных для цирковых арен империи живых зверей. Гараманты контролировали главные караванные пути»¹.

Удобное экономическое положение не означало, что царь гарамантов думал только о торговле и не пытался атаковать римские города средиземноморского побережья (Лептис Магну, Кирену). Однако империя выиграла военное противостояние практически без труда: в 20 г. до н.э. проконсул римской Африки Корнелий Бальб совершил поход вглубь материка и взял штурмом города гарамантов Гадамес, Телги, Дебрис и их столицу – Гараму. В назидание местному правителю город Гадамес был переименован на латинский манер в Цидам (Cidamus или Cydamus) и превращён в базу имперского военного контингента. Чуть позже, на рубеже I-II вв. н.э. состоялись военные экспедиции под командованием Валерия Феста (77 г. н.э.) и Септимия Флакка

¹ Роцин М. Ю. Открытие Гарамантиды // Сб. : Гарамантида (африканская Атлантида). – Москва : Изд-во «Восточная литература» РАН, 1994. – С. 12-13.

(150 г. н.э.), но это были скорее карательные походы против отдельных, никому не подчинявшихся сахарских кочевых кланов, периодически грабивших караваны и вторгавшихся на имперскую территорию, нежели масштабной римско-гарамантской войной. Цари Гарамантиды быстро поняли, что в лице римлян они могут обрести либо чудовищных врагов, либо богатых и верных торговых партнёров. И пустынные самодержцы выбрали второй вариант. В дальнейшем они не использовали даже такие явные возможности напасть на империю, как волнения на сопредельных территориях. Так, в начале 20-х гг. н.э. римский дезертир нумидийской национальности по имени Такфаринат возглавил несколько грабительских набегов на римские поселения Ливии, и легионы никак не могли его догнать¹. В Германии появление аналогичного вожака привело бы к созданию антиримского племенного союза, но в Гарамантиде никакого подъема не вызвало. Гараманты ограничились тем, что скупали у налётчиков добычу, а после разгрома и гибели Такфарината местный правитель поспешил заверить римского проконсула в своей непричастности к инциденту. Когда похожий эпизод повторился, царь гарамантов был вынужден в 89 г. н.э. лично ехать в Массилию и извиняться перед императором Домицианом, а также заключить с ним договор о политической опеке империи над его царством. Следует отметить, что хотя бы один раз эта опека вышла за рамки дипломатических формальностей и выразилась в реальных действиях. Ливийский историк М. С. Айюб так описывает имперскую помощь, оказанную гарамантам вскоре после заключения соглашения между императором и царём: «И действительно, договор был выполнен, и в Гараму прибыл римский военачальник Юлий Матерн, который выступил вместе с царём гарамантов с целью очистить дороги и пути, связывающие Гараму с Центральной Африкой, от разбойников, сделавших невозможным движение по ним. После этого они вместе пошли дальше на юг и через четыре месяца пути прибыли в страну, которую Птолемей назвал Агисимбой и которую он описывает как место, где водятся носороги,

¹ Тацит П. К. *Анналы. История.* – Москва : НФ «Пушкинская библиотека», 2005. – С. 106.

слоны и бегемоты. (...) Я считаю, на основании подсчёта расстояния, которое прошла экспедиция на юг от Гарамы, и на основании исторических данных, накопившихся в Феццане с раннеисламских времён, что слово Агисимба – это искажение названия Агадес в Нигере»¹. Теперь уже невозможно установить, кем именно был Юлий Матерн – командиром римского экспедиционного корпуса или военным советником, присланным в индивидуальном порядке, но ясно одно – Римская империя была заинтересована в местной коммерции и не собиралась аннексировать Гараму. При этом римские торговцы с готовностью делили со своими партнёрами-гарамантами сферы влияния: по негласному соглашению римляне не вели самостоятельных дел южнее вадий-Аджаль, предоставляя негоциантам-южанам получать все прибыли от транссахарских караванов и перекупая центральноафриканские товары лишь в Гараме². Зато в самой столице существовала значительная римская колония, активно участвовавшая в городских делах, поддерживавшая отношения с местным населением и даже финансировавшая некоторые строительные проекты. В других городах, расположенных севернее Гарамы, археологи находят надписи по-латыни, а в сельских поселениях – остатки ирригационных сооружений, построенных по римским образцам. Британский историк Р. Лоу полагал, что последние находки свидетельствуют о целенаправленном цивилизующем воздействии Рима на Гараму, а вовсе не о филантропии имперских купцов: «В южной части вадий была обнаружена система ирригационных каналов и подземных галерей для накапливания и хранения воды. Её не представляется возможным датировать, но она, вероятно, была создана по образцу римской ирригационной системы на побережье. Вилер даже предполагает, что римляне предоставили гарамантам своих инженеров для её строительства, надеясь их

¹ Айюб М. С. Гарамы (из истории ливийской цивилизации) // Сб. : Гарамантида (африканская Атлантида). – Москва : Изд-во «Восточная литература» РАН, 1994. – С. 65.

² Поплинский Ю. К. Из истории этнокультурных контактов Африки и Эгейского мира. Гарамантская проблема. – Москва : Изд-во «Восточная литература» РАН, 1994. – С. 120-121.

превратить из беспокойных кочевников в послушных оседлых земледельцев»¹.

Таким образом, мы можем констатировать, что если варварское общество попадает в орбиту влияния цивилизованного соседа, то два фактора могут «подружить» его с цивилизацией и сделать соседство взаимовыгодным. Во-первых, если цивилизация будет обладать абсолютным военным превосходством над варварами; а, во-вторых, в данном регионе торговля должна приносить большую прибыль, чем грабёж. В случае с Гарамой оба условия оказались соблюдены, и это царство на долгие века стало торговым партнёром античной цивилизации, заимствуя при этом её строительные и сельскохозяйственные технологии. При этом Гарамантида – не единственный пример цивилизованной опеки над варварской периферией. Например, китайская цивилизация тоже имела своих аналогичных реципиентов – Вьетнам и корейское государство Когурё.

Итак, в данном параграфе:

- на примерах из античного и китайского исторического материала доказано, что молодая цивилизация *всегда* в военном отношении превосходит варваров. Причина этого превосходства заключается в рационализации военного дела, позволяющая оптимальным образом организовывать вооруженные силы, создавать оригинальные тактические приемы и применять на поле боя сложные технические изобретения (арбалет, каменьёт, порох);

- установлено, что под влиянием внутренних и внешних конфликтов, в том числе и с цивилизованным обществом, общество варварское мутирует, в нём усиливается военная элита, постепенно перехватывающая власть у родовой аристократии. Причём, у оседлых варваров военная аристократия создаёт свои дружины и набирает популярность параллельно родовой аристократии, а у кочевников военный нобилитет формируется на базе родовых кланов и при экономической поддержке их старейшин. В такие моменты всё варварское общество (например, племя) милитари-

¹ Лоу Р. Гараманты и транссахарская торговля в античное время // Сб. : Гарамантида (африканская Атлантида). – Москва : Изд-во «Восточная литература» РАН, 1994. – С. 157.

зируется и начинает представлять для соседней цивилизации серьёзную, хоть и по-прежнему преодолимую угрозу;

- выявлено, что имея все возможности для окончательной победы и завоевания варваров, цивилизованное общество почти никогда этого не делает, так как подходит к политическим вопросам не эмоционально или мистически, а рационально. Проще говоря, цивилизованные политики размышляют о долгосрочной выгоде, а не о сиюминутном успехе с сомнительными последствиями. Если варварские соседи бедны и безопасны, то, скорее всего, цивилизованное государство оставит их в покое; а если варвары богаты и активны в коммерческом отношении, то цивилизация навяжет им неравноправное экономическое партнёрство, в котором будет доминировать, и постепенно превратит варварское общество в свой сателлит.

Однако остаётся открытым вопрос: какова механика социально-политического процесса, в ходе которого баланс сил меняется, и цивилизация невольно отдаёт военно-политическую инициативу варварам? Как получается, что могущественные империи становятся жертвами варварских нашествий, которые приводят их к краху? В следующем параграфе мы предпримем попытку дать развёрнутый ответ на этот вопрос.

2.2. Военно-политическое противостояние эпохи зрелости и распада цивилизации.

Как мы обнаружили выше, молодая цивилизация всегда оказывается в военном и политическом отношениях сильнее своих варварских соседей. Но исторический опыт свидетельствует о том, что однажды все цивилизации повергаются варварами. Причём, нередко гибели предшествует агония, в ходе которой символы и формы некогда блистательной цивилизации подвергаются унижению и осмеянию самым позорным образом. Какова же механика данного процесса, приводящего цивилизации от блеска к унижению и гибели?

Военный, а следом за ним и политический баланс в отношениях цивилизации с варварством начинает смещаться в момент окончательного отрыва деспотичного, всепроникающего цивили-

зованного государства от общества. С одной стороны, государство контролирует все сферы общественной жизни и не оставляет для гражданской самодеятельности никаких возможностей. Идеальный пример такого порядка – документ «Notitia Dignitatum», в конце IV в. н.э. расписавший все должности и связанные с ними обязанности и полномочия в Римской империи. Все виды и способы государственной службы были не просто перечислены, а строго регламентированы. Любой богатый или бедный человек, пытавшийся как-либо улаживать свои дела, но не занимавшей любой из перечисленных в «Notitia Dignitatum» должностей, автоматически обвинялся в самоуправстве. Взамен государство предлагало решить все социальные, экономические и политические проблемы индивида без его участия, лишь бы он своевременно платил налоги для финансирования соответствующих государственных служб. Но, с другой стороны, как мы уже отмечали, процесс внутренней варваризации неизбежно приводит к коррумпированию государственных механизмов и быстрому снижению их эффективности. Получается, что гражданин не имеет права заботиться о себе сам, но должностные лица, которым эта обязанность вверена, используют служебное положение исключительно в личных интересах. Гражданин как бы всё время должен государству – должен повиноваться законам и чиновникам, должен платить налоги, должен отбывать повинности; а государство, решая глобальные политические и экономические вопросы, маленького человечка почти никогда не замечает. В то время как на Форуме справляется шумный триумф, никто не вспоминает о жителях Заречья, некоторые из которых не ели уже несколько дней.

Первым общественным институтом, который чувствует на себе такое положение дел, оказывается армия, так как она во всех цивилизованных обществах рано отделяется от остального социума и при этом её жизнь регламентируется государством строжайшим образом (за счёт уставов, дисциплины и присяги). Если обратиться к примерам из античной истории, то римские легионы перешли на контрактную основу уже на рубеже II-I вв. до н.э., однако легионеры из защитников государства превратились в безымянные детали военной машины только в I в. н.э., в годы формирования империи. Именно тогда в Риме окончательно утвер-

дидась назначаемая сверху государственная администрация, а многие её представители, оказавшись в легионах в качестве офицеров, принесли с собой взгляд на солдат как простонародье, не имеющее ни голоса, ни достоинства. Последствия этих изменений не замедлили сказаться. Если раньше двадцатилетняя служба в легионе гарантировала воину неплохое жалование, а после увольнения – участок земли в одной из недавно завоеванных провинций, то теперь все гарантии оказались только на бумаге. Вот как описывает жизнь римских легионеров I в. н.э. Тацит: «Довольно, они столь долгие годы потворствовали своей нерешительностью тому, чтобы их, уже совсем одряхлевших, и при том очень многих с изувеченным ранами телом, заставляли служить по тридцати, а то и по сорока лет. Но и уволенные в отставку не освобождаются от несения службы: перечисленные в разряд вексилляриев (резервистов – С.С., И.Ч., В.Ч.), они под другим названием претерпевают те же лишения и невзгоды. А если кто, несмотря на столько превратностей, всё-таки выживет, его гонят к тому же чуть ли не на край света, где под видом земельных угодий он получает болотистую трясику или бесплодные камни в горах. Да и сама военная служба – тяжелая, ничего не дающая: душа и тело оцениваются десятью ассами в день; на них же приходится покупать оружие, одежду, палатки, ими же откупаться от свирепости центурионов, ими же покупать у них освобождение от работ. И право же, побои и раны, суровые зимы, изнуряющее трудами лето, беспощадная война и не приносящий им никаких выгод мир – вот их вечный удел»¹. Современному исследователю нелегко реконструировать особенности древнеримской «дедовщины», но она, без сомнения, имела самый широкий размах, причём, с античной спецификой. Например, о гомосексуальных домогательствах офицеров к рядовым легионерам известно с самого рубежа II-I вв. до н.э., то есть с тех пор как легионы перешли на контрактную основу комплектования. Но в те годы это всё-таки была экзотика. Плутарх свидетельствует о том, как молодой офицер, племянник консула Гая Мария, пытался совратить солдата и

¹ Тацит П. К. *Анналы. История.* – Москва : НФ «Пушкинская библиотека», 2005. – С. 46.

был зарезан им за это. Марий, планируя со дня на день выступить против тевтонов и кимбров, не стал накалять обстановку и наградил легионера, сказав, что такой поступок является не преступлением, а примером воинской доблести¹. Однако в начале н.э., когда даже императоры не стеснялись однополых отношений, нравы в легионах могли только ухудшиться.

Также в I-III вв. н.э. на боеспособность и надежность римских воинских частей крайне негативно повлияли гражданские войны между претендентами на престол, в ходе которых легионы сражались друг с другом за одного из потенциальных императоров. Вот как характеризует произошедшую перемену немецкий историк Г. Дельбрюк: «Солдаты потеряли чувство того, что они зависят от императора, а императоры стали зависеть от солдат. Непрерывная смена провозглашений и убийств императоров, постоянная гражданская война и переход от одного правителя к другому разрушили тот цемент, который скреплял до этого времени твёрдое здание римской армии – дисциплину, которая составляла боевую ценность легионов»². Каждый новый император, опасаясь неверности легионов, был вынужден полностью менять командование, а каждый командующий, опасаясь солдатских волнений, старался разрушить любые неформальные отношения между воинами. Начав свою историю как ополчение города-государства, в котором все друг друга знали, легион превратился в нечто среднее между дисциплинарным батальоном и каторгой.

И, наконец, огромная, дисциплинированная профессиональная армия требовала немалого содержания, расходы на которое без рассуждений возлагались на трудящееся население империи. Вот как характеризует сложившееся положение современный отечественный историк: «На финансирование армии, которая в III веке насчитывала 350-400 тыс. человек, уходило 50-70 процентов собираемых налогов. В условиях галопирующей инфляции империи не оставалось ничего, кроме сбора налогов натурой, сиречь теми же поставками продовольствия. Содержание легионов ле-

¹ Плутарх. Гай Марий / Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Трактаты. Диалоги. Изречения: Сб. – Москва : АСТ, 2004. – С. 211.

² Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории в 7 т. Т.2. Германцы. – Москва : Воениздат, 1937. – С. 178.

жало на казне огромным и тяжким бременем, способность нести это бремя стала вопросом жизни и смерти государства. Легионы нуждались в продовольствии, вооружениях и других поставках, не говоря о жаловании и донативах!»¹. При таких общих военных расходах содержание каждого отдельного легионера могло быть только катастрофически нищим. Дошло до того, что император Септимий Север (145–211 гг.) разрешил легионерам заводить огороды и жить вне военных лагерей, то есть превратил регулярную армию в подобие китайских фубин.

Поскольку объектом нашего исследования являются взаимоотношения между варварством и цивилизацией, то проследим, как взаимодействуют два этих общества в момент, когда в рамках цивилизации общество и государство обособливаются друг от друга. Тем более, что история знает такие примеры. Обратимся к Скифской войне III в. (232–276 гг.), продемонстрировавшей смещение военного баланса между варварским и цивилизованным мирами, а главное – изменение мироощущения цивилизованных граждан, ставших чужими для своего же государства. Начиная с 240-х гг. римские провинции долины Дуная тревожило своими набегами германское племя готов, недавно прибывшее в эти места. Такое случалось и раньше, и как бы ни были свирепы готы, никто их не боялся. Римский командующий дунайскими легионами Туллий Менофил ответил готам, требовавшим дани: «Цезарь решительно ничего не даёт и не обещает вам. Если же вы нуждаетесь в пособии, то ступайте к нему, бросьтесь к его ногам и просите. Вероятно, просьба ваша будет услышана»². То есть римский полководец предложил варварским грабителям просить подаяния. В 251 г., сражаясь с готами и их союзниками в битве при Абритте, император Деций потерпел поражение и погиб. На том же поле боя навсегда остался и единственный сын монарха, тем самым, обрекая империю на длительное междуцарствие. Гот-

¹ Аноним Г. После Рима. 192-430 по Рождеству Христову. От «солдатских императоров» до Карла Великого. Книга первая. – Москва : Acta Diurna, 2019. – С. 55.

² Ременников А. М. Борьба племён Северного Причерноморья с Римом в III веке н.э. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1954. – С. 32.

ский конунг Книва решил не упускать удачного момента и двинул своё войско через римскую границу.

Какое бы потрясение ни вызвала в умах римлян проигранная битва, ничего принципиально нового в таком событии не было: Рим знал и Канны, и Тевтобургский лес, и всегда всё заканчивалось шумным триумфом над врагами. Так и на этот раз всё сначала пошло привычным для империи образом – в 253 г. наместник провинции Нижняя Мёзия Эмилиан разгромил войско Книвы и вытеснил готов за Дунай. Однако античная цивилизация уже перешла в иное по сравнению с героическим прошлым состояние. Теперь победоносный полководец Эмилиан не желал довольствоваться триумфальной овацией и решил попытать счастья в борьбе за пустующий императорский трон. Он увёл верные ему легионы в Италию, сражаться с другими претендентами на корону, бросив приграничные провинции на произвол судьбы. Разумеется, конунг Книва сразу же воспользовался ветреностью римского полководца. К счастью для местного населения, в долине Дуная почти все города были хорошо укреплены. От мыслей о капитуляции горожан надёжно удерживал недавний трагический случай. Незадолго до фатальной для императора Деция битвы при Абритте комендант города Филиппополь по имени Приск попытался войти с готами в соглашение и даже открыл им крепостные ворота, надеясь, что Книва поддержит задуманный им заговор против императора. Однако варвары пока ещё были далеки от таких сложных интриг и попросту разграбили город, не забыв расправиться и с перехитрившим самого себя комендантом. Поэтому теперь среди гарнизонных офицеров не было желающих договариваться с готами. Вторжение в долину Дуная не принесло готам ничего, кроме небольших потерь и незначительной добычи. Зато Книва обнаружил, что римские легионы, совсем недавно заставившие бежать его неистовое воинство, куда-то ушли и, по слухам, самозабвенно предаются сражениям друг с другом где-то очень далеко от границы. Так у конунга появилась возможность совершенно безнаказанно прощупать всё доступное ему имперское приграничье.

Слава о конунге, победившем римского императора, разнеслась по всему Северному Причерноморью, привлекая к готам

союзников как германского, так и местного происхождения: под знамёна Книвы спешили как германцы-герулы, так и местные племена боранов и карпов. Римляне не вдавались в подробности и именовали их всех по старинке «скифами», хотя это были вовсе не кочевники южнорусских степей. Пока высшие должностные лица были поглощены столичными делами и в первую очередь борьбой за власть, Книва сделал для себя важное открытие: он обнаружил, что расположенное в Крыму Боспорское царство, протекторат Римской империи, больше никто не защищает. По версии, которую излагают большинство историков, готы вторглись в Крым и захватили боспорские корабли вместе с командами. На наш взгляд, более глупую историю невозможно придумать. Ведь, овладев кораблём, можно посадить моряков в трюм, связать или продать в рабство, но нельзя заставить их добросовестно выполнять свои обязанности для захватчиков. Готы и их союзники не могли захватить корабли, если сами не умели управлять ими, а таких навыков ни у них, ни у карпов быть не могло. Поэтому мы придерживаемся точки зрения советского исследователя А. М. Ременникова, полагавшего, что боспорское купечество вступило с готами в сговор, зная, что римские покровители ещё долго не вспомнят о своём крымском клиенте. «Ослабление экономических связей Боспора с имперскими территориями в свою очередь содействовало росту антиримских настроений даже в среде господствующего класса. Очевидно, в определённый момент на Боспоре произошло восстание и, в противовес старой, проримски настроенной династии, была выдвинута новая династия, которая, укрепившись на части боспорской территории, вступила в соглашение со скифами (готами – С.С., И.Ч., В.Ч.)»¹. Вероятно, Пантикапей (ныне – Керчь) и Евпатория временно превратились в аналог острова Тортуги и Порт-Ройяла: боспорские моряки принимали на борт отряды готских налётчиков, а купцы подсчитывали прибыли от добычи, которой варвары обещали с ними поделиться.

¹ Ременников А. М. Борьба племён Северного Причерноморья с Римом в III веке н.э. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1954. – С. 86.

Готы и их союзники предприняли в империю 8 грабительских походов (в 255, 257, 258, 263, 264, 266, 267, 269 гг.), совмещая морские и сухопутные экспедиции. И во время этих кампаний выяснилось, что цивилизация в её зрелом, полностью подчиненном государству виде, имеет ряд новых особенностей. Самая яркая из них – это расхождение интересов государства и его граждан. К примеру, в 255 г. союзное готам племя боранов высадилось на западном побережье Кавказа и атаковало римский укрепленный город Пителинт (ныне – Пицунда). Командир местного гарнизона, храбрый и тактически грамотный офицер Сукцессиан отразил приступ и организовал преследование противника, нанеся боранам немалый урон. Когда известия об этом достигли императорской ставки, то Сукцессиана наградили, повысили в звании и перевели служить на Ближний Восток, а адекватную ему замену на пост командующего в Пителинт не прислали¹. В результате такой кадровой политики следующее варварское нападение застало гарнизон врасплох: командира нет, что делать – неизвестно, и солдаты попросту разбежались. Крепость была быстро захвачена и разграблена. Возникает вопрос: разве император и его полководцы не понимали, что Сукцессиан идеально подходит на роль защитника империи? Конечно, понимали, поэтому и перевели его служить туда, где, на их взгляд, империи угрожала наибольшая опасность, а Пителинт бросили без защиты как неважную периферию. Точно также, пока легионы сражались за очередного императора против очередного узурпатора, жителям атакованных варварами городов пришлось защищать себя самим: государство о них попросту забыло. Это отчетливо видно по описанию событий, приводимых официальными имперскими историками. Так, император Клавдий II нанёс грабителям-готам тяжелейшее поражение в битве при Наисе (269 г.), захватил множество пленных, которые затем были проданы в рабство, но историк Требеллий Поллион лишь кратко, без подробностей упоминает это важнейшее для империи событие, предпочитая детально опи-

¹ Ременников А. М. Борьба племён Северного Причерноморья с Римом в III веке н.э. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1954. – С. 92.

сывать интриги в восточных провинциях империи¹. Летописец ограничивается упоминанием сражения императора с огромным войском варваров и кратким перечислением взятых им богатых трофеев, а затем снова обращает всё своё внимание на восточные дела – шпионские гешефты Рима с самопровозглашенным царством Пальмира и противостояние имперской и персидской разведок. Вероятно, римское правительство считало именно эти вопросы важнейшими для государства, а готское вторжение не воспринимало всерьёз.

Жители атакованных фракийских, греческих и малоазиатских городов не могли принять такую точку зрения, так как варварские дружины бесновались под самыми их стенами. Не встречая организованного сопротивления, готы продвигались по суше через Фракию до самого Пелопоннеса, в ряде мест даже пытаясь переселять на имперские территории свои семьи. Такие города классической Греции как Афины и Спарта были преданы огню и мечу без всякого уважения к их прошлому. Там, где горожане надеялись на помощь правительства, их ждало последнее в жизни разочарование. Но не все эллины прониклись верноподданническим духом. Так, храбрый афинянин Публий Геренний Дексипп собрал партизанский отряд из своих земляков и заставил германцев почувствовать на себе, почему в своё время Эллада не стала персидской сатрапией. Более того, будучи образованным человеком, по специальности историком, лидер патриотов сумел даже убедить сбежавших из разграбленных Афин купцов финансировать партизанщину. Вот как описывает борьбу греков против готов А. М. Ременников: «Однако часть богатых горожан, бежавших из Афин в окрестные горно-лесистые местности, решила повести борьбу. На сходке эти горожане выбрали своим вождём историка Дексиппа. В своей речи Дексипп всячески ободрял горожан, указав им на их преимущества в предстоящих военных действиях. Эти действия свелись, по-видимому, к устройству засад и нападениям на отдельные группы противника. Дексиппу, возможно,

¹ Требеллий Поллион. Божественный Клавдий / Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. – Москва : Эксмо, 2006. – С. 836-846.

удалось добиться в этой партизанской борьбе некоторых успехов. Отряд его возрос до двух тысяч человек»¹. Действия партизан, тем не менее, имели важное стратегическое значение, потому что обнаглевшие от безнаказанности готы уже начали сопровождать свои сухопутные походы морским эскортом, состоящим из боспорских кораблей и отнятых у населения больших рыбацких лодок. Партизаны заперли сухопутные отряды врага в южной Греции, в то время как морские силы варваров были вынуждены постоянно курсировать у её берегов, чтобы не бросать товарищей в беде. Для эвакуации неудачливых рейдеров германцы попросту не имели достаточного количества судов: Боспорское царство, предоставившее им свои корабли, никогда не было серьёзной морской державой. Но оставить своих товарищей в западне на чужом берегу готы тоже не могли: как мы уже видели выше, принцип воинской чести является важнейшей универсалией варварской культуры. В результате Дексипп сумел продержать варварскую флотилию у греческих берегов до тех пор, пока на помощь Элладе не подросла имперская эскадра флотоводца Венериана, разгромившая налётчиков на голову. И что же, правительство оценило доблесть Дексиппа по достоинству? Вовсе нет. Его отряд был разоружен, а сам партизанский лидер отправился домой после нескольких устных похвал.

Это неудивительно, потому что к моменту готского вторжения всепроникающее, деспотическое государство успело полностью монополизировать военное дело, и отважный гражданин, готовый с оружием в руках защищать свой дом, внушал имперским чиновникам смутные опасения. Дексипп, принадлежавший к старинному греческому аристократическому роду Керкидов, наверняка казался римским полководцам и администраторам призраком эпохи афинской демократии, и этот призрак при ряде совпадений мог бы стать реальным оппонентом любому чиновнику или ревизору. В римской провинции Ахайя не был нужен гражданин вольнолюбивой Аттики.

¹ Ременников А. М. Борьба племён Северного Причерноморья с Римом в III веке н.э. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1954. – С. 117.

Между тем, не все римские полководцы и флотоводцы действовали так же решительно и умело, как Венераиан. Некоторые просто ждали приказов и распоряжений из столицы и ставки, которых на тот момент существовало несколько. Поэтому варвары практически безнаказанно грабили черноморское и эгейское малоазиатские побережья, острова Греческого архипелага (в частности, Крит), а кульминацией их разгула стало взятие Сиды – города на средиземноморском берегу Малой Азии. Отдельные эскадры готов курсировали даже у кипрских берегов. Отряды налётчиков проникли в Каппадокию и, не сумев захватить её города, сосредоточились на охоте за пленными, которых они увели с собой и десятилетиями держали в рабстве за Дунаем. В ряде мест горожане защищались от жестокого врага своими силами так, как это делали их предки во время греко-персидских войн. Например, в Милете жители заняли оборону в храме Аполлона и, благодаря находившемуся там источнику воды, смогли продержаться до тех пор, пока налётчики не начали сами страдать от жажды и не покинули округу.

Но далеко не все жители империи проявили такое гражданское мужество и оказались достойны своих славных пращуров. Именно в момент готского вторжения выяснилось, что имперское общество больше не едино ни в духовном, ни в социальном, ни даже в политическом планах. И что многие представители социальных низов видят в варварах меньшую для себя угрозу, чем в имперских властях. Так, во Фракии процветала система колоната, похожая на русское крепостничество и латиноамериканский пеонаж, и колонаты, поземельно зависимые и фактически бесправные пахари, оказали германцам посильную поддержку. Переправиться через Босфор готы смогли лишь при помощи рыбаков Филеатской бухты. В Малой Азии одним из самых громких успехов германского оружия стало взятие и разграбление Никомедии, хорошо укрепленного многолюдного города, но готам не пришлось для этого ни штурмовать городские стены, ни даже рисковать. Ведь нашёлся предатель из числа местных жителей по имени

Хризогон, указавший налётчикам тайный проход в город¹. Хаос, в который пришла система управления атакованных провинций, сразу же развязал руки колонам и кредитным должникам, поставленным существующей в империи экономической и правовой системами на грань выживания. Даже в тех местах, куда отряды готов не добрались, прокатилась волна убийств чиновников, ростовщиков и крупных землевладельцев. Нередко такие бунтари выдавали себя за варваров или намеренно приглашали последних в свои города и деревни. Епископ Неокесарии святитель Григорий в одном из своих посланий оставил такое описание ренегатов: «А тем, которые в плену присоединились к варварам и вместе с ними нападали, забыв, что были понтийцами и христианами, и ожесточились до того, что убивали своих единоплеменников или палками, или через повешение, а также указывали дороги и дома незнакомым с местностью варварам – таковым должно преградить вступление в число верующих»². Таким образом, можно констатировать, что низы позднего античного общества к III в. накопили немалый потенциал внутреннего варварства, который активировался в момент очередной встречи цивилизации с варварством внешним.

Среди верхних эшелонов власти осознанных предателей не нашлось: ни один губернатор или полководец на сторону готов не перешёл. Однако своим «шкурным» поведением должностные лица невольно оказывали варварам содействие. Так, в то время как параллельно с готами, грабившими Малую Азию и Грецию, западногерманские племена алеманов и ютунгов совершили набег на Италию (270 г.), наместник провинции Аквитания Гай Тетрик объявил о создании независимой от Рима Галльской империи, а себя – её монархом. Пока император Аврелиан громил алеманов и выбивал их из Италии, «император» Тетрик продолжал методично отрывать от империи её западные провинции. Разумеется, ни первому, ни второму не было интересно, что в это время происходит во Фракии, Ахайе и Малой Азии, но каждый из

¹ Моммзен Т. История Рима. В 5 т. Т. 5. Кн. 8. – Москва : АСТ, 2002. – С. 241.

² Ременников А. М. Борьба племён Северного Причерноморья с Римом в III веке н.э. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1954. – С. 95.

императоров нуждался во всех имеющихся военных силах для противостояния с «узурпатором». На театре военных действий против готов и их союзников тоже дала о себе знать измена, сыгравшая на руку внешним врагам. Как уже говорилось выше, готы и их союзники опустошили острова Эгейского моря и высадились на Крите. Они и сражавшиеся с ними плечом к плечу герулы собирались использовать этот остров в качестве базы для дальнейших морских набегов. Будущий император Проб, в те годы служивший наместником в Египте, совместно с флотоводцем Венерианом возглавил базировавшуюся в Александрии эскадру и организовал контрудар, приведший к срыву варварских планов и полному разгрому германцев в Греции. Однако побочным результатом решительных действий губернатора стало вот что: «Как только префект Египта Проб начал очищать от них (от варваров – С.С., И.Ч., В.Ч.) Эгеиду, произошло несколько морских сражений, закончившихся победами римлян. Эти предприятия пришлось уже на 269 г., однако их следствием была потеря Египта, отошедшего властительнице Пальмиры»¹. То есть в момент, когда губернатор, лично рискуя жизнью, спасал цивилизацию от варваров, часть влиятельных египтян подняла мятеж у него в тылу и поддержала внешнего врага. Оценивая эти противоречивые прецеденты, можно сделать вывод, что политическая ткань античной цивилизации распадалась, а её общество стремительно дезинтегрировалось, и только решительность и патриотизм отдельных граждан и должностных лиц поддерживали единство империи. Это были именно одиночки, которые пока ещё могли взять ситуацию в свои руки (Дексипп, Проб), в то время как другие одиночки, пользуясь хаосом, предпочитали сводить личные счёты и набивать собственные карманы (Приск, Хризогон). Можно сказать, что внутреннее варварство находилось под контролем благодаря тому, что хотя бы некоторые части государственного механизма оставались в руках людей, верных принципам цивилизации. Случай с греческими партизанами Дексиппа вообще кажется беспрецедентным: после краха государственных структур представители зрелой цивилизации всё равно смогли организо-

¹ Вольфрам Х. Готы. – Санкт-Петербург : Ювента, 2003. – С. 86.

ваться и защитили цивилизацию не хуже, чем их предки, граждане молодого и полного жизненных сил общества.

В рассмотренных Готских войнах III в. для нашего исследования важен тот факт, что зрелое цивилизованное общество утрачивает основную часть внутреннего единства и способно в самоорганизации в гораздо меньшей степени, чем цивилизация молодая. Однако оно располагает внушительным и отлаженным государственным механизмом, предназначенным именно для того, чтобы компенсировать социальный и духовный разлад. В ситуациях, когда этот механизм функционирует (пусть даже неидеально), варвары по-прежнему не могут рассчитывать на победу. К примеру, уже после всех готских походов в Эгейское море и Малую Азию император Аврелиан не только восстановил единство империи, но и нанёс готам поражение на их территории – северном берегу Дуная, надолго отучив налётчиков видеть в империи объект для грабительских притязаний. Но ведь обязанности должностных лиц выполняют всё-таки люди, дети своего времени и своего общества. И многим представителям зрелой цивилизации непонятно, почему они должны жить и трудиться ради абстрактного государства, даже если они занимают важнейшие государственные должности. К примеру, только на стадии поздней цивилизационной зрелости имперская провинциальная администрация могла передать Египет самопровозглашенному Пальмирскому царству, начисто игнорируя вражеское вторжение в северные провинции империи. Бесспорно, пальмирская царица Зенобия наверняка решала вопросы с ренегатами при помощи огромных взяток, но сам факт того, что высшие чиновники провинции интересуются деньгами лично для себя в разгар войны за само существование империи, свидетельствует о многом. К счастью, в тот момент решительность и военное мастерство императоров Клавдия II, Аврелиана и Проба вернули престиж государственной власти, и даже деградировавшие легионы пошли в атаку с прежней доблестью. А против отлаженного политического и военного механизма варвары всегда бессильны. Немецкий историк Т. Моммзен очень удачно резюмировал опыт готских вторжений III в.: «Поскольку нахлынувшие в эти области (балканские провинции империи – С.С., И.Ч., В.Ч.) волны разбойников на суше и

пиратов на море были вызваны в гораздо большей степени дурным управлением последних императоров и в особенности ненадежностью войск, чем перевесом сил варваров, то, как только внутренний порядок был восстановлен и правительство начало действовать более энергично, освобождение этих областей произошло само собой. Внешние силы были ещё не в состоянии сокрушить римское государство, если оно само себя не разрушало»¹.

Император Аврелиан сделал из войны с готами такой же вывод, но также он понимал и то, что в его распоряжении нет прочного, долговременного государства. Империя будет жить и решать свои проблемы как единое целое только до тех пор, пока возглавляющий её монарх сможет заставлять её части продуктивно сотрудничать друг с другом. За то, что такие монархи будут бесперебойно менять друг друга на троне из поколения в поколение, не смог бы поручиться никто. Поэтому Аврелиан исходил из своих возможностей и, оценивая их трезво, предпочел эвакуировать задунайскую провинцию Дакия, укрепить дунайскую границу и лишний раз не провоцировать побеждённых им готов. Руководя реальной, а не умозрительной империей, правитель хорошо знал её реальные же силы. И понимал, что победа, одержанная им в противостоянии с варварами, другому императору может оказаться не по плечу. А варвары, как показала дальнейшая история, сделали противоположный вывод: если вторжение в цивилизованный мир едва не увенчалось успехом, то в следующий раз им может повезти больше. Кроме того, понесённые ими немалые людские потери пробуждали желание отомстить римлянам, а гибель множества дружинных предводителей непроизвольно усиливала власть конунга, лишившегося конкурентов в лице погибших ярлов.

В такой ситуации императоры пошли по пути наименьшего сопротивления, применив старинный опыт в новых условиях: методами подкупа и дипломатии попытались использовать одних варваров против других. Вместо того чтобы отражать вражеские

¹ Моммзен Т. История Рима. В 5 т. Т. 5. Кн. 8. – Москва : АСТ, 2002. – С. 245.

набеги на империю мечами имперских войск, правители попытались создать армию из одних врагов и направить её на других врагов. Варварские контингенты сражались на стороне легионов со времён Юлия Цезаря, в частности, во время завоевания Галлии неоценимую помощь легендарному полководцу оказал кельтский конный отряд друида Дивициака. В имперскую эпоху среди легионеров насчитывалось немало кельтов и германцев, которые несли службу по тем же правилам, что и их итальянские товарищи по оружию, а командование осуществлялось офицерами исключительно римского происхождения. Автономные варварские боевые единицы существовали лишь во вспомогательных войсках, роль которых выросла вместе с деградацией классических легионов и переходом последних от казарменной жизни к деревенской. В некоторых воинских частях служило так много германцев, что командование было вынуждено перевооружать германизированные подразделения на привычный северным воинам манер. Британский историк М. Тодд приводит в качестве примера распространение в начале IV в. в рейнских легионах *спаты* (*spatha*) – кельтского рубящего меча, одинаково знакомого и германцам, и римлянам. При этом столетием раньше и в войсках, и за Рейном, и даже в Скандинавии часто встречался именно римский меч – *гладий* (*gladius*). Смена оружейной моды означает, что римский воин ушёл в прошлое, уступив место своему германскому коллеге¹. Ослабление легионов, связанное со скотскими условиями содержания бойцов и перехода от регулярной службы к полурегулярной, автоматически повысило значение вспомогательных отрядов, роль которых стали играть варварские дружины, нанимавшиеся на службу в полном составе. Но таких контингентов было недостаточно для того, чтобы оборонять протяженные имперские границы, да и ярлы брали за свои услуги немалые деньги, а после окончания оговоренного срока могли уйти куда угодно.

С одной стороны, эти вожди не были дикарями из дремучих лесов. Ведь уже несколько поколений германцы, отслужившие в

¹ Тодд М. Варвары. Древние германцы. Быт, религия, культура. – Москва : Центрполиграф, 2005. – С. 125.

легионах, возвращались домой и рассказывали соплеменникам о правилах, по которым живут и сражаются римляне¹. Но, с другой стороны, прибывших наниматься в армию одиночек и даже организованных дружин было слишком мало для того, чтобы укомплектовать военную машину мировой империи. А ещё некоторые ярлы не проявляли должной лояльности короне, предпочитая служить тому, кто больше заплатит, и беззастенчиво участвуя в любых интригах и государственных переворотах. Можно представить, какой простор для тайных и явных гешефтов обнаружили римские внутренние варвары из высшего общества, ознакомившись с варварскими обычаями обмена подарками и сакрального отношения к оружию. Например, вооружив за свой счёт отряд германцев, помещик-латифундист, тем самым, приобретал для себя частную армию, которая охраняла исключительно его поместье и была готова защищать богача от кого угодно – от налоговых чиновников до его собственных крестьян. Поэтому в столичных римских штабах было принято фатальное решение: переселить на территорию империи варваров целыми племенами, передать им во временное владение приграничные земли и поручить эти земли оборонять. Тем более, что за время войн с империей и друг другом почти все германские племена успели милитаризоваться и возглавлялись не родовыми, а военными вождями.

Очень важно оговориться, что у Римской империи к IV в. был опыт переселения и ассимиляции варварских народов. В частности, император Марк Аврелий, победив германские племена маркоманов, убиев и квадов, поселил их представителей небольшими группами в имперских провинциях, но подальше от границы, фактически превратив в колонов (крепостных) и обязав поставлять рекрутов в легионы. Государство тщательно контролировало этот процесс, буквально насильно превращая вчерашних варваров в послушных налогоплательщиков и не допуская среди них никакой политической или правовой автономии. Вот как описывает данный процесс современный историк: «Рим не раз прини-

¹ Зиньковская И. В. Королевство Эрманах: монография. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2016. – С. 258.

мал иммигрантов в большом числе. При Нероне во Фракии расселили около 100 тысяч человек из каких-то безвестных племён с северного берега Дуная; в 280 году разрешение селиться на римских землях получили бастарны, а в 300 году тетрархи расселили по империи десятки тысяч карпов (племена из Дакии). Договоренности, заключаемые при этом, были в целом стандартны: определенное число мужчин «призывного возраста» шло в римскую армию, а остальные расселялись по империи как свободные сельские хозяева, обязанные платить налоги. Отдельно укажем: племена всегда разбивали, дробили. Твоя семья поедет в Галлию, твой род в Грецию, а твой в Малую Азию. Ничего не скажешь, разумно: в случае чего разделенное сотнями километров племя не сможет поднять общий бунт. Исторически выполнение соглашений – разве можно верить слову чужака, варвара? – всегда обеспечивалось военной силой, то есть армией, которая либо наносила превентивный удар во избежание мятежа, либо иным образом демонстрировала, что с Римской империей шутить не стоит и что договоренности придётся исполнять в точности»¹. Эта система была действенной, хоть и требовала от государственных полицейских служб постоянного надзора за переселенцами, а от войск, расположенных поблизости, – повышенной боеготовности.

В IV в. стратегия империи по отношению в германским переселенцам изменилась, ведь государство уже не располагало войсками, которые могли бы гарантировать мирное и аккуратное течение процесса. Более того, сама нужда в переселенцах возникла во многом именно потому, что правительство больше не располагало прежними вооруженными силами. Возник новый тип договора между римлянами и варварами – *foedus*, то есть договор о союзе. Варвары теперь должны были не ассимилироваться в империи, а обрабатывать её земли, платить налоги в её казну и защищать её границы, а государство обязывалось субсидировать их дружины и персонально одаривать золотом варварских вождей. В

¹ Аноним Г. После Рима. 192-430 по Рождеству. От «солдатских императоров» до Карла Великого. Книга первая. – Москва : Acta Diurna, 2019. – С. 235.

отличие от договоров старого типа (*deditio*), «договор о союзе» признавал вождя племени правителем, равным имперскому губернатору, а за племенем утверждал политическую и правовую автономию. То есть империя, позволяя варварам переходить свои границы в статусе «союзников», сама превращала себя в федерацию. А варвары, не очень разбираясь в дипломатии, всё-таки отлично чувствовали чужую слабость и не признавали своего равенства с какими-либо другими общностями, кроме соплеменников. На счастье империи, германские племена не видели своего культурного единства, хотя и превращаться в римлян они точно не хотели.

Для того чтобы как-то координировать действия гражданской администрации, военного командования и варварских вождей, римлянам пришлось включить варваров во властную вертикаль, презрев свой собственный строго прописанный порядок, чуть позже оформившийся как «*Notitia Dignitatum*». Конунг франков или алеманов получал высокое воинское звание не за выслугу лет, а просто потому, что возглавлял значительный отряд дружинников и соплеменников. Французский исследователь Л. Мюссе так описывает появление варваров в рядах высшего военного командования: «При Константине, в 324 г., мы встречаемся с первым высокопоставленным военачальником-франком по имени Бонит. Около 370-390 гг. империей правила группа франкских командиров; три франка получили консульский титул, Рихомер (384 г.), Бауто (385 г.) и Меробавд (377 и 383 гг.). Многие из этих вождей, по-видимому, имели благородное происхождение; разумеется, все они были очень талантливыми; даже ненавидевший варваров Аммиан Марцеллин сделал исключение для некоторых из них»¹. Обратим внимание на тот факт, что варварские конунги и ярлы не стремились романизировать свои имена – теперь это не было нужно. Они служили цивилизации, но сами могли уже не становиться цивилизованными. Империя больше не претендовала на культурное лидерство, а её правителям хватало и того, что лично их власть находится под защитой щедро опла-

¹ Мюссе Л. Варварские нашествия на Европу: германский натиск. – Санкт-Петербург : Евразия, 2006. – С. 82.

ченных германских мечей. Поскольку именно варвары теперь занимали высшие командные должности, то среди римлян начал набирать силу мидизм, ориентированный на подражании северным варварам. И. В. Зиньковская так описывает стремительно происходящий культурный процесс: «Наступил период «варваризации» империи. Она проявлялась во всём – от назначения главнокомандующими легионами германских вождей до распространения моды на всё германское (ношение штанов, светлых париков, имитирующих белокурые волосы варваров и т.п.). Даже непобедимых римских орлов на значках легионов постепенно вытеснили варварские драконы. Военственные германцы, которые недавно тысячами пополняли ряды римских рабов, превратились в грозную и неумолимую силу. К концу IV в. во главе римских армий уже стояли германские полководцы из франков, готов, вандалов и других варваров»¹.

Теперь зададимся вопросом: кто оплачивал варварскую службу и на чьих землях были расселены пришедшие вместе с воинами племена? Ответ прост и печален: всё то же римское простонародье, которому не хватило денег и сил содержать легионы. В IV в. классическое рабство уже ушло в прошлое, а свободные земледельцы, некогда разорённые рабовладельцами, не возродились. В результате в империи процветал аналог крепостного права – система колоната, при которой пахарь, не будучи невольником, был обязан обрабатывать взятую в аренду землю, отдавать часть урожая и денежные платежи помещику, а главное – не мог расторгнуть договор аренды. При этом колоны были обязаны служить в армии, и правительство совсем не интересовалось, каким образом земледелец будет расплачиваться с помещиком, если во время полевого сезона находится на срочной службе. Вот как описывает жизнь колонов отечественный историк С. И. Ковалёв, ссылаясь на свидетельства современников: «Независимо от того, приносит их участок доход или нет, с колонов требуют тех же повинностей, не имея никакого снисхождения. Кто может быть более достоин сожаления, чем крестьяне, проработавшие всю зиму, ис-

¹ Зиньковская И. В. Варварские государства раннесредневековой Европы: учебное пособие. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2015. – С. 72.

тощенные холодом, дождём и бессонными ночами, возвращающиеся домой с пустыми руками, оставаясь сверх того ещё в долгу»¹. Разумеется, колонны не желали мириться с таким положением дел и поднимали восстания. Одним из самых мощных крестьянских движений в поздней Римской империи стало восстание *багаудов*, охватившее Галлию и Испанию в конце III в. и продолжавшееся около 150 лет. Повстанцы убивали латифундистов, сжигали виллы и грабили богатых путешественников, уклоняясь от столкновений с карательными частями². А главное – багауды возлагали большие надежды на возможный захват Галлии германцами. Фактически это были вооруженные внутренние варвары. В Северной Африке, где сформировалась прослойка богатых ростовщиков, разорвавших крестьян, сложилась самая настоящая мафиозная сеть, члены которой получили название *циркумцеллионы*³. Они руководствовались взглядами христианского течения донатистов, запрещавшего служить в Церкви людям, моральный облик которых вызывал сомнения. Поэтому циркумцеллионы одновременно вымогали деньги у ростовщиков, облагали данью помещиков и при этом чувствовали себя верующими людьми.

Каждый латифундист имел собственный отряд охранников, которым платил из своего кармана, но этих сил порой не хватало для защиты от доведённых до крайности крестьян. Поэтому латифундисты заваливали губернаторов просьбами о помощи, а губернаторы, в свою очередь, просили переселить на территорию провинций какое-нибудь варварское племя, чтобы заменить неояльных крестьян чужестранными земледельцами. Лояльность переселенцев считалась само собой разумеющейся, потому что империя заключила с вождём племени союзный договор. И переселение действительно осуществлялось, только вряд ли провинциальные чиновники могли долго радоваться по этому поводу. Ведь варвары, разместившиеся на территории очередной провинции, приносили с собой грубые нравы, право силы и полное пре-

¹ Ковалев С. И. История Рима. – Москва : АСТ, 2006. – С. 812.

² Там же. С. 769.

³ Диснер Г.-И. Королевство вандалов. – Санкт-Петербург : Евразия, 2002. – С. 48.

зрение к гражданским лицам, не умеющим защитить свою честь с оружием в руках. Нередко варварских воинов селили прямо в домах гражданских лиц, настойчиво предлагая последним «самоуплотниться». Такая практика получила название *hospites*, то есть приём гостей. Вот как описывает своих «гостей» в письме другу епископ Сидоний Апполинарий, в доме которого поселились воины из племени бургундов: «Как я могу, хотя и одаренный поэтическим даром, сочинить песню для празднества любви, сидя в кругу длинноволосых, слушая вместе с ними германскую речь и принуждённый с серьёзным лицом хвалить песни, которые поёт прожорливый бургунд, умащающий свои кудри прогорклым маслом? Убегая от варварской лиры, Талия уже ничего не хочет знать о шестистопном размере (гексаметре) с тех пор, как она видит вокруг себя семифутовых господ. Твои глаза, твои уши, твой нос можно назвать счастливыми за то, что не чувствуют с самого утра того запаха чеснока и лука, который изрыгает целый десяток сосудов (котлов или кувшинов?). На тебя не нападает ещё до рассвета, как на старого дядю или как на мужа няньки, целая толпа гигантов, которых едва ли могла бы прокормить кухня Алкиноя. Но уже умолкает муза и обуздывает свои шуточные стихи, чтобы их не называли сатирой»¹. Будучи знакомы с основными категориями варварской культуры, мы могли бы успокоить епископа: если бургунды пригласили его за свой стол и даже спели ему песню, то они точно не собирались причинять владыке вред. Однако сами их манеры и привычка жить за счёт хозяина дома, конечно, Сидонию Апполинарию не нравились. Причём, сами варвары вовсе не считали, что объедают или грабят кого-то, ведь, как мы помним из сочинения П. К. Тацита, в германских землях гостеприимство было безусловным законом.

Однако владыка прав в своих опасениях, что его письмо примут за сатиру. Дело в том, что варвары селились в домах римского населения на совершенно законных основаниях. И, следовательно, всякий, кто критиковал такой закон, автоматически считался нелояльным по отношению к империи. Любопытно, что са-

¹ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории в 7 т. Т.2. Германцы. – Москва : Воениздат, 1937. – С. 273.

мих варваров это не касалось, потому что они подчинялись не имперским чиновникам, а собственным вождям. На территории провинций, где поселились варвары, сложилось фактическое двоевластие, причём, чиновники были даже довольны тем, что им не приходится вникать в дела переселенцев. Состояние же собственно римских, императорских подданных их вообще не интересовало – лишь бы налоги были уплачены в срок. Варварские же вожди пока опасались ссориться с имперской администрацией, предпочитая ладить с губернаторами и игнорировать имперское простонародье. Реально существующие анклавные варварской жизни посреди цивилизованных провинций пока ещё маскировались как чиновниками, так и вождями. А простонародью, в домах которого селились варварские воины вместе с семьями, ничего не оставалось, кроме как молчать и слушать официальную пропаганду, утверждавшую, что это никакие не иноземцы, а союзники, которые будут защищать мирных жителей от неведомых врагов. Тот беззастенчивый грабёж, которому варвары подвергали цивилизованных крестьян, должен был восприниматься как временное неудобство. Французский историк Л. Альфан так описывает тщательно создаваемую пропагандистским аппаратом империи видимость: «Тем не менее, повсюду или почти повсюду варвары селились под прикрытием закона; и поскольку в принципе выделение земель было, как правило, делом временным, римское население терпеливо сносило эту неприятность. Люди считали так: варвары – постояльцы грубые и алчные, но всего лишь постояльцы, скоро они уйдут дальше в поисках новых приключений. И, в самом деле, поначалу они не оставались в одной и той же местности очень надолго. Разве удержишь на месте, представив себе, сколько ещё осталось совершенно нетронутых провинций?»¹. При этом сами надежды на то, что германцы каким-то образом привыкнут к поземельной зависимости и воинской повинности и превратятся в римских колонов была, по меньшей мере, наивной. Немецкий историк Г. Дельбрюк красноречиво объясняет её тщетность: «Решающим моментом во всемирно-историческом

¹ Альфан Л. Великие империи варваров. От Великого переселения народов до тюркских завоеваний XI века. – Москва : Вече, 2006. – С. 25-26.

масштабе было то обстоятельство, что германские племена были содружеством воинов, которые шли на войну, стремясь к наёмной плате, к добыче и к господству. Они пришли в Римскую империю не для того, чтобы найти здесь землю, стать крестьянами и жить здесь в качестве крестьян – ведь часто они оставляли свою родину пустынной позади себя, – а ради ратных подвигов, которые они хотели совершить»¹. Варварские переселенцы сохраняли хотя бы видимость лояльности короне только из страха, что император располагает прежними легионами. И императоры поддерживали эти опасения тем, что формировали немногочисленные подразделения типа *limitanei*, *comitatenses*, *palatine* и т.д. с размытыми обязанностями, но обязательно громким статусом. Это были как бы почётные гвардейцы, которых никто не видел, но которыми можно пугать потенциальных бунтовщиков.

Возникает закономерный вопрос: неужели имперским государственным деятелям была безразлична участь собственных граждан? В том-то и дело, что на данном этапе цивилизационного развития государство превратилось во внешнюю декорацию даже для императора. Каждый – и благородный, и простолюдин – думал только о себе и своих нуждах, а государственные должности воспринимались лишь как возможность без труда обогатиться. Удерживать громадное политическое здание Римской империи в единстве могла только сила, и пока возможность её применения считалась реальной, даже варварские переселенцы старалисьшний раз не привлекать к себе внимания. В частности, император Юлиан Отступник, правивший в 361–363 гг., ещё будучи наследным принцем, заслужил в глазах германских союзников немалый авторитет своей грандиозной победой над вторгшимися в империю алеманами в битве при Аргенторате (357 г.). Варвары-телохранители стали первыми воинами, признавшими его монархом и короновавшие принца по германскому обычаю – подняв на щите. Молодой император, посещая ту или иную провинцию, всегда находил её в крайне упадочном состоянии и очень быстро приводил дела в порядок, взяв управление в свои руки. Этот факт

¹ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории в 7 т. Т.2. Германцы. – Москва : Воениздат, 1937. – С. 214.

лишний раз доказывает, что должностные лица империи имели в своём распоряжении немало действенных средств, но не желали пользоваться ими в государственных интересах¹. Историки рисуют образ Юлиана, акцентируя внимание в первую очередь на его приверженности к античной старине и стремлении реставрировать язычество, но не следует забывать, что главным доводом императора во всех политических спорах была военная сила, а на тот момент представляли её лишь германские «союзники». То есть римский император вольно или невольно был ещё и авторитетным варварским конунгом, иначе бы германские и кельтские федераты не отправились под его знаменами на роковую для монарха Персидскую войну (363 г.). В частности, Аммиан Марцеллин оставил описание одной из стычек, в ходе которой кельтские воины и наемники из Северной Германии ночью вплавь переправились через Тигр, изрубили персидский сторожевой отряд и вернулись к своим до того, как во вражеском лагере подняли тревогу². На службе за золото наемники обычно не проявляют такой дерзкой, рискованной изобретательности.

Но все римские императоры второй половины IV в. не могли быть подобными Юлиану Отступнику. Одни из них отличались властным нравом и мелочной подозрительностью, предпочитая уничтожать своих действительных и мнимых недоброжелателей вместо того, чтобы управлять страной. Другие посвящали всё своё время беспробудному пьянству, что не добавляло им уважения варварских вождей, без которого уже невозможно было спокойно сидеть на троне. Не будем забывать, что варвары, занимая главные военные должности страны, не утратили связи с родной культурой и нередко попросту не понимали многих реалий цивилизованного общества. Скорее всего, привыкшие к сакральному характеру обмена подарками германцы были шокированы, когда император приказывал казнить человека, которому сам же вчера подарил имение. Присущая в той или иной мере всем цивилизованным людям манера не придавать значения устным договорам

¹ Зелинский Ф. Ф. Римская империя. – Санкт-Петербург : Алетей, 1999. – С. 418-420.

² Марцеллин Аммиан. Римская история. – Москва : АСТ, 2005. – С. 367.

воспринималась варварами как наглое вероломство. Консулы и легаты варварского происхождения старались не афишировать своего отношения к порядкам в поздней империи лишь потому, что опасались ответных шагов императора, подобного Юлиану Отступнику.

Гром грянул в 378 г.: в сражении при Адрианополе восставшие «союзники»-готы наголову разбили войско императора Валента, а сам монарх погиб. Баланс сил между варварством и цивилизацией в границах империи необратимо изменился в пользу варварства. Не следует думать, будто сама битва чем-нибудь отличается от других сражений между римлянами и германцами, а по количеству погибших имперских воинов она, вероятно, не превосходит случайное поражение в Тевтобургском лесу (9 г. н.э.). Однако именно она показала варварам, что, образно говоря, король-то голый, что императора вполне можно победить и искромсать мечами, как любого неудачливого конунга. Вожди расселенных в империи федератов, прежде прикрывавшие свои личные амбиции и племенные интересы высокими имперскими званиями и официальными полномочиями, теперь с лёгкостью бросили всю эту мишуру. Можно представить, как германский вождь на римской службе, услышав о разгроме императора, с наслаждением срывает с себя тогу и облачается в привычный плащ. С того момента, как корона продемонстрировала свою слабость, варвары без стеснения и смущения принялись демонстрировать престолу и его чиновникам свою силу в самом её грубом и неприкрытом виде.

Зрелище умирающей цивилизации, может быть, и яркое, но не величественное. Это не борьба обречённых, наподобие описанной Гомером гибели Трои. Скорее, это скоростной марафон предательств. Поскольку вчерашнее цивилизованное общество больше не объединяют никакие духовные скрепы, то каждая социальная группа и индивид пытается добиться каких-нибудь преференций лично для себя, отдавая варварам общее материальное и духовное наследие и выслуживаясь перед новыми хозяевами. Французский исследователь Л. Мюссе красноречиво описывает роль коллаборационистов в практически беспрепятственном продвижении варварских племён по территории империи: «Сле-

довало бы лучше установить, в какой степени римляне могли снабжать германцев информацией, советами или даже руководством в ходе их переселения. Сложные операции почти неизбежно требовали такого сотрудничества. Можно быть уверенным, что именно пятеро *Hispani* (здесь и ниже – курсив автора), прибывших в Африку вместе с Гензерихом, помогли ему переправиться через Гибралтар. Для Теодориха переход его народа через Балканы в Италию и штурм *limes* Фриули определённо облегчался присутствием рядом с ним римлянина Артемидора, родственника императора Зенона, которого он вознаграждал должностью префекта Вечного года. Таким образом, ещё до стабилизации завоевателей римский правящий класс подготовил себе то место, которое впоследствии занял при дворе королей, осевших на землях Империи. Мы часто обнаруживаем, что великие идеи германских королей на самом деле принадлежат их римским советникам, за миролюбивой политикой Эвриха в Аквитании стоит Лев Нарбоннский, за деятельностью Теодориха в Италии – Кассиодор, за франкской экспансией в Южную Германию при Теодоберте – Парфений и т.д. Даже Атила, возможно, имел римского вдохновителя – своего секретаря Ореста»¹. Купечество, воспользовавшись ступором налоговой системы, спешило купить себе покровительство варварских конунгов, чтобы в дальнейшем торговать, не делясь с имперским центром. Крестьяне устроили избиение землевладельцев, место которых тут же заняли наиболее заслуженные германские дружинники. Последние императоры, не имея возможности повлиять на ход событий реально, осыпали варварских вождей деньгами, платя огромную, непомерную для казны дань любому конунгу по первому требованию², и присваивая высшие имперские должности всем конунгам без разбора. Доходило до такого шутовства, что не скрывавший своего желания разграбить Рим конунг готов Аларих был объявлен командующим (*magister militum*) имперской Иллирийской армией. И, разумеется, такие меры не могли дать никаких реальных резуль-

¹ Мюссе Л. Варварские нашествия на Европу: германский натиск. – Санкт-Петербург : Евразия, 2006. – С. 219.

² Менхен-Хельфен О. История и культура гуннов. – Москва : Центрполиграф, 2014. – С. 138.

татов, потому что все эти звания и почетные регалии уже не отличались по своей ценности от карнавальных корон из цветной фольги, а щедро выплачиваемое императорами золото воспринималось варварами правильно: как плод вымогательства. Выше мы уже заметили, что варвары всегда мыслят утилитарно, и на этот раз практичность их не подвела: они хорошо видели разницу между щедрым подарком и трусливо преподнесённым выкупом. И ни один из варварских вождей не только не отказался от предлагаемых монархами денег, но и не изменил своей политики, получив их.

А вот граждане умирающей цивилизованной империи, наоборот, ждали от императоров помощи и не получали её. В частности, из всех разоряемых германцами провинций организованно эвакуирован был только Норик, а в остальных администрация бросила беженцев и погорельцев на произвол судьбы. Ссылаясь на свидетельства современников, Л. Мюссе описывает чудовищную по своей подлости картину: «Миграция беженцев начинается с появления в Иллирии Радагайса, а затем Алариха. Закон от 10 декабря 408 г. изобличает порабощение беглых иллирийцев итальянцами. В 410 г. многие итальянцы в свою очередь обратились в бегство из-за разграбления Рима. Богачи расселились во всех направлениях: в течение последующих лет их можно встретить на островах Тосканы и главным образом в Африке (не только в портах, но также и во внутренних районах, до самой Джемилы), в Константинополе и даже Палестине. Этим влиятельным людям удавалось спасти изрядную часть своего имущества. С бедняками, как и в 408 г., поступали постыдным образом: Иероним обвиняет африканского графа Ираклиана в том, что он организовал продажу молодых беженцев в восточные дома терпимости»¹. Причём, большинство последних имперских чиновников, узнавая о подобных выходах друг друга, вовсе не возмущались, а, скорее, выражали завистливое восхищение. Вот, мол, Ираклиан из Карфагена умеет жить: даже из толпы нищих золото добыть сумел.

¹ Мюссе Л. Варварские нашествия на Европу: германский натиск. – Санкт-Петербург : Евразия, 2006. – С. 223-224.

Национальные и религиозные меньшинства тоже не оставались в стороне. Ситуация, когда лояльность к имперскому центру ничего не гарантирует, стимулировала общины и диаспоры к тому, чтобы позаботиться о себе собственными силами, а ещё лучше – найти себе новых покровителей среди варваров. Так, житие святого Цезария сообщает о типичном для тех дней случае, произошедшем при осаде франками Арля в 508-509 гг.: «Ночью один из множества иудеев с того места, где по жребию они приняли на себя обязанность охраны на стенах, как будто отгоняя неприятеля, бросил врагам привязанное к камню письмо. В нём он указывал имя и свою секту, предлагая ночью поставить лестницы в месте, доверенном охране его единоверцев, но только в том случае, если за оказанную услугу никто из иудеев внутри не будет подвергнут ни разграблению, ни плену. Утром, когда враги были немного отогнаны от стен, вышедшие за наружный крепостной вал принесли внутрь, как часто бывает, найденное среди развалин письмо и рассказали всем. Вскоре этот человек был приведён, разоблачён и наказан»¹. Нет оснований полагать, что в V в. национально-религиозные диаспоры вели себя по отношению к государству иначе.

Нет ничего удивительного в том, что император и империя стали никому не нужны. Когда в 476 г. вождь ругиев, одного из германских племён, по имени Одоакр отобрал у последнего цезаря, Ромула Августула, корону, ни один человек не поднялся на защиту монарха. Варвар не снял диадему с погибшего в битве императора, да и никакой битвы не было: с молодого человека просто сняли дорожную шапку и отправили его домой, доживать свои дни в тишине и покое. На тот момент корона представляла собой не вожаделенный трофей, а безделушку из драгоценных металлов, поэтому конунг не стал её носить, ограничившись реальной властью над Италией, бывшим центром погибшей античной цивилизации.

На протяжении предыдущей части параграфа мы рассматривали механизм деградации и гибели от рук варваров зрелого ци-

¹ Житие святого епископа Цезария // Раннехристианские жития галльских святых. – Санкт-Петербург : Евразия, 2016. – С. 113.

вильзованного общества, опираясь на факты античной истории. Теперь необходимо проверить их, сравнив с аналогичными периодами истории императорского Китая. Как мы уже отметили в предыдущем параграфе, китайская история представляет собой череду завершённых цивилизационных циклов, представляемых различными династиями. Некоторые династии уходили с исторической сцены раньше, чем общество успевало пройти полный круг цивилизационных стадий, другие же оставались на престоле на протяжении всего цикла. Можно сказать, что оркестр китайской цивилизации на протяжении древности, Средних веков и Нового времени воспроизводил одну и ту же мелодию, но на различных музыкальных инструментах. Поэтому мы не будем пересказывать повторяющиеся в различные эпохи китайской истории события, а сосредоточим внимание только на основных фактах торжества варваров над китайской цивилизацией в её зрелых формах и проведём аналогии с аналогичным процессом в античности.

Аналогом западноевропейских тёмных веков для Китая стала эпоха Троецарствия (220–280 гг.), наступившая вместе с деградацией династии Хань и приведшая сначала к затяжной гражданской войне, а затем к оккупации всего Северного Китая кочевниками. Отечественный исследователь С. Г. Кляшторный описывает эти события ярко и определенно: «В первые два десятилетия III в. опустошенная восстаниями и междоусобицей Ханьская империя превратилась в поле соперничества главарей противоборствующих армий и была поделена между тремя военачальниками («период Троецарствия»), династии которых сменила на несколько десятилетий династия Цзинь. (...) Во внутренние районы Китая началось переселение южных гуннов (преимущественно тюркские племена), сяньбийцев (прамонгольские племена), ди и цзянов (тангуты-тибетские племена), цзе (одно из племён «малых юэчжей»). Только между 276-289 гг. в провинции Хэбэй, Шаньси и Шэнься переселилось более 400 тыс. гуннов и сяньби; в Гуаньчжуне поселилось более 500 тыс. ди и цзянов, что составило половину населения этой области. Переселившиеся в Китай племена сохранили свою военную и племенную организацию, свой образ жизни, язык и обычаи, хотя сильнейшее китайское влияние на

их общественный строй и культуру несомненно. Они активно участвовали в военном противоборстве внутри Китая, а в начале IV в. выступили как самостоятельная сила. В 308 г. шаньюй гуннских племён Лю Юань, носивший до 304 г. титул князя Хань, провозгласил себя императором. В 311 г. его сын Лю Цун осадил столицу Цзиньской империи – Лоян. Драматические события, последовавшие за взятием города, нашли отражение в одном из интереснейших документов, написанных очевидцев, – письме согдийского купца Нанайвандана. Вскоре Цзиньская империя (280–316 гг.) перестала существовать. На территории Северного Китая возникло несколько эфемерных варварских государств, находившихся в постоянной войне друг с другом»¹. Получается почти полная калька с распада и разрушения Римской империи в IV–V вв. Однако подобный схематизм в нашем случае скрывает важные детали, которые позволяют увидеть единый для античности и Китая алгоритм победы варварства над цивилизацией. К примеру, кочевые племена как бы сами собой переселились на территорию Поднебесной, равно как и германские племена будто бы внезапно и без объективных причин начали теснить римлян в долине Дуная. Как мы убедились на античном материале, никакой внезапности или беспричинности не было, более того, варвары пришли в движение гораздо раньше, чем им начали сопутствовать успехи в противостоянии с цивилизованным соседом, а сам успех был обусловлен объективными факторами развития цивилизации. То же самое можно сказать и о победе степных варваров над империей Хань.

Военный упадок Хань начался задолго до того, как внешние враги нанесли ей какие-нибудь поражения. Дело в том, что существование боеспособной и духовно единой армии всегда предполагает увеличение власти и авторитета её командующего, поэтому императоры уже в начале н.э. предпочли держать основное регулярное войско в чёрном теле, а для верных августейшей особе военачальников создавать небольшие, хорошо экипированные и оплачиваемые формирования. Так, в Лояне стояла гвардия,

¹ Кляшторный С. Г., Савин Д. Г. Степные империи древней Евразии. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2005. – С. 48–49.

именуемая Северная армия, в которой одну пятую составляли степные наёмники, а четыре пятых – китайские пехотинцы, но в сумме это войско не превышало 3400 человек¹. При других монархах, не очень доверявших гвардейскому командованию, была сформирована Армия Западного Сада, контингент которой был собран из частных формирований верных короне военачальников. При этом благодаря отсутствию монаршего внимания и безнаказанному казнокрадству чиновников Военного министерства основная регулярная армия влачила жалкое существование без нормального снабжения и при нерегулярной оплате офицерской службы. Немудрено, что дезертирство и уклонение от рекрутских наборов стали её хронической болезнью. Если императоры знали об этом, то их всё устраивало, ведь должность главнокомандующего (*да цзянцзюня*) ещё с 89 г. до н.э. стала политическим назначением, и её нередко занимал родственник императора или императрицы, почти всегда имевший какие-нибудь права на престол. Но только многочисленная и обученная имперская армия могла защитить внутреннее единство страны и отразить нападения внешних врагов, а компактные, разномастные элитные подразделения были лишь попыткой прикрыть отсутствие войска блестящей мишурой. Не будет преувеличением, если назвать Северную армию и Армию Западного Сада войсками для парадов, больше пригодными для впечатления иностранных послов и охраны дворца, чем для реальных военных кампаний.

Ситуацию усугублял нюанс китайской политической культуры, согласно которому формально император был верховным главнокомандующим, но по факту не мог командовать никем, выполняя лишь ритуальные, декоративные функции. Французский историк М. Гране особенно подчеркивает формальный характер императорской власти: «Государь обладает всеми атрибутами, которыми может наделить демиурга восстающая против креационистских взглядов философия. Скорее мудрецами, чем героями, предстают государи, которых наилучшим образом удалось интегрировать в традиционную историю. (...) Государь – это

¹ Пирс К. Воины Китая. Под знаменем небесного дракона. 1500 г. до н.э. – 1840 г. н.э. – Москва : Эксмо, 2008. – С. 74.

мудрец, который обладал более человеческой и одновременно более отвлеченной добродетелью, чем герои; он цивилизует мироздание непосредственным воздействием своей действенности и царствует в согласии с Небом ради счастья народа. Прежде всего он создатель точного и сотворяющего благо календаря. Его помощники действуют, вдохновляясь государственной добродетелью. *Что касается его самого, то он царствует, не задумываясь над управлением* (курсив наш – С.С., И.Ч., В.Ч.)»¹. Функция императора заключалась именно в том, чтобы вдохновлять чиновников и полководцев своим присутствием, аккумулировать в себе духовный потенциал цивилизации и излучать его во вне, придавая обществу импульс к созданию и поддержанию порядка. Но все реальные властные полномочия находились именно в руках государственных функционеров, которых монарх никак не консультировал и не наставлял, а в крайнем случае мог лишь снять их с должностей. На китайском престоле в принципе не мог появиться венценосец, подобный римскому Юлиану Отступнику, то есть способный сплотить и повести за собой воинов, граждан и наёмников распадающейся империи, готовый взять в свои руки все государственные дела под свою личную ответственность. Если даже монарх обладал необходимыми для таких действий человеческими качествами, то сам монарший статус в китайской цивилизации препятствовал этому типу поведения. Поэтому нет ничего удивительного в том, что деспотическое государство династии Хань вступило в период стагнации и распада гораздо более быстро и бесповоротно, чем его античный аналог.

Стоило полководцам во главе вверенных им армий, а также губернаторам и аристократам, возглавлявшим собственные воинские формирования, вступить в междоусобную борьбу друг с другом, как государственный механизм буквально заклинило. Император мог выступить арбитром в спорах высших должностных лиц только в том случае, если бы они пожелали его слушать, а такого желания в эпоху Троецарствия никто не изъявлял. Политическим хаосом в стране, разумеется, воспользовались кочевники, которые, как мы отметили в первой главе, вели с император-

¹ Гране М. Китайская цивилизация. – Москва : Алгоритм, 2016. – С. 17.

ским Китаем бойкую торговлю, поставляли в его армию наёмные воинские контингенты и были в курсе всех столичных дел. Причём, в отличие от оседлых варваров Европы, степные варвары даже имели юридическое основание для вмешательства во внутренние дела Поднебесной.

В предыдущем параграфе мы писали, как гуннский шаньюй Мо Дэ (китайские хроники называют его Маодунь), не сумев завоевать Северный Китай, породнился с императорской династией. Императоры пошли на этот шаг, что называется, скрепя сердце, так как даже дальнейшее родство всё-таки ставило их почти что в равное положение со степным правителем. Шаньюй, возможно, замышлял какую-то многоходовую дипломатическую комбинацию, но при его жизни она не была реализована. Зато для потомков брак вождя кочевников с имперской принцессой имел очень серьёзные последствия. Средневековый китайский летописец Фан Сюаньлин сообщает: «Следует сказать, что некогда ханьский император Гао-цзу (206-195 гг. до н.э.) возвёл девушку из своего рода в ранг принцессы и отдал её в жёны Маодуню, с которым условился быть братьями. В связи с этим сыновья и внуки Маодуня присвоили себе фамилию Лю»¹. Китайские венценосцы старались забыть о самом факте родства с северными варварами, а степные правители, наоборот, этим родством очень гордились. Ханьские монархи вспоминали о своих северных «кузенах» только тогда, когда была срочно нужна помощь большого отряда конных стрелков. В частности, по просьбе императора шаньюй прислал войско для подавления восстания «жёлтых повязок» (184–205 гг. н.э.), поставив в его главе своего родственника Юйфуло. Пока шли боевые действия, степной правитель умер, и Юйфуло остался вместе со своими воинами в Китае, объявив себя наследником покойного шаньюя, то есть правителем в изгнании.

Не следует преувеличивать роль формирования на севере Китая крохотной гуннской диаспоры. Скорее всего, это была немногочисленная дружина, присланная шаньюем именно потому, что

¹ Сюаньлин Фан. Цзинь-шу // Материалы по истории кочевых народов в Китае III-V вв. в 4 вып. Вып. 1. Сюнну. – Москва : Наука, 1989. – С. 31.

в степи без них можно было обойтись, а содержать воинов задарма кочевники не могли себе позволить. Даже если каждый из нукеров принца Юйфуло взял себе несколько китайских жён, то численность диаспоры оставалось скромной. Но гостеприимное отношение императора к степному союзнику, признание родства с ним и даже одобрение его претензий на гуннский престол позволили степной аристократии войти в китайский государственный аппарат. К началу эпохи Троецарствия сын скончавшегося в эмиграции принца Юйфуло, Лю Юаньхай успел получить классическое китайское образование и занять какую-то невысокую чиновную должность, не разрывая связей с диаспорой и регулярно сообщаясь со своими соплеменниками, живущими в степи. Летописец особенно акцентирует внимание на том факте, что любимыми книгами степняка были сочинения Конфуция и Сунь-цзы. Кроме того, Лю Юаньхай был физически силен, активно занимался спортом и без промаха стрелял из лука, чем приводил в восторг своих китайских друзей. Видеть в этом молодом человеке лишь варварского беженца неправомерно. Ведь, выучившись в придворной Академии, он наверняка обладал всеми манерами, которые считались в Китае присущими аристократу. Дело в том, что китайская культура придаёт немалое значение внешнему церемониалу, считая, что тщательное соблюдение внешних норм этикета нивелирует различия характеров и притупляет бурные эмоции. М. Гране специально акцентирует внимание на том, что противопоставление варвара и цивилизованного человека начиналось именно с различия их манер: «Каждый создаёт себе благородную внешность. Этот костюм верности [«чжун»; «чжун», «верность», обозначается иероглифом «сердце» и рисунком, представляющим стрелу в центре мишени] является официальной душой знатного человека, цивилизованного существа («вэн» – выдающийся»), человека, который действительно человек («жэнь»), который, в отличие от дикарей, способен сдерживать себя. «Одни из правил церемониала 9 «ли» учат нас умерять наши чувства, а другие – совершать усилие для их возбуждения. Путь «дао» варваров – давать чувствам свободу, позволять им скатываться вниз по склону. Церемониал требует совершенно иного пути... Церемониал устанавливает степени и пределы (вы-

ражению чувств, а затем – и самим чувствам)». Из осанки, из смысла осанки вытекает контроль, власть над самим собой. Придворная жизнь с её постоянными угрозами вендетты служит школой нравственной дисциплинированности. Тщательно устанавливаемые протоколом жесты призваны подавлять порывы»¹. Нет сомнений в том, что принц Лю Юаньхай соответствовал всем внешним требованиям и нормам придворного этикета и не казался китайцам обрядившимся в цивилизованный костюм варваром.

В это время (начало IV в.) династия Хань уже не управляла страной даже номинально, а пытавшаяся заменить её династия Цзинь не справлялась с постоянными восстаниями и сецессиями, сотрясавшими империю. Не имея под рукой многочисленной регулярной армии, этого не смог бы сделать никто, а, как мы знаем, эту армию придворные успели развалить ещё в правление поздней Хань. Элитные отряды гвардейцев, подчинявшиеся отдельным чиновникам и полководцам, годились только для того, чтобы запугивать политических оппонентов и держать в повиновении жителей столицы. Поэтому когда губернатор области Лянчжоу, высокопоставленный чиновник Шуцзинэн, поднял восстание и объявил о выходе области из состава империи, правительство ничего не смогло ему противопоставить. После долгого военного совета было принято решение отправить принца Юаньхая в степь, собирать гуннов для помощи китайскому правительству. Расчет строился на том, что принц имеет немало прав на пустовавший в тот момент престол шаньюя, что он родился и вырос в Китае и не бросит своих соотечественников в беде. Для гарантии верности ему решили предложить статус федератов (почти в римском его понимании) для тех гуннских родов и дружин, которые последуют вместе с ним в Китай, а также приграничные земли для их расселения. Были и такие сановники, которые прозорливо говорили, что стоит степному принцу оказаться в кочевьях своих предков, как его нельзя будет узнать. Однако возобладало мнение о том, что Лю Юаньхая следует отправить к степнякам с просьбой о военной интервенции против восставшего губернато-

¹ Гране М. Китайская цивилизация. – Москва : Алгоритм, 2016. – С. 302.

ра. Гуннский принц с готовностью отправился к своим соплеменникам, веками поддерживавшим формальный союз с империей, и поделился с ними самой достоверной информацией о внутреннем положении дел в империи Цзинь, а также о её военной слабости. Поскольку среди степных нойонов он был самым сведущим в китайских делах, то кочевники избрали его шаньюем при условии, что Лю Юаньхай тотчас же поведёт их на Китай. Именно это и случилось, тем более, что гуннский принц не забывал как можно чаще напоминать окружающим о том, что находится в дальнем родстве со свергнутой династией Хань. Те из его воинов, которые знали китайский язык, во время вторжения говорили китайцам, что последний принц Хань идёт восстановить свою законную власть и свергнуть узурпаторов Цзинь. Любопытно звучит речь, произнесённая Лю Юаньхаем по случаю признания степняками его титула шаньюя: «У меня более ста тысяч воинов, каждый из которых может противостоять десяти цзиньцам, и, если я под барабанный бой двинусь сокрушить охваченную смутами династию Цзинь, сделаю это с лёгкостью, словно ломаю сухую ветку. (...) К тому же, я внук дома Хань, с которым мы условились быть братьями, а когда умирает старший брат, ему наследует младший – так почему бы сейчас так не поступить? Следует пока принять [для владения] название Хань и поднести последнему покойному ханьскому императору посмертный титул, чтобы удовлетворить чаяния народа»¹. Неизвестно, поверили ли китайцы в благие намерения и царственный статус степного «наследника» династии Хань, но ему сопутствовал успех. В 304 г. Лю Юаньхай объявил о своём намерении свергнуть династию Цзинь и пересёк имперскую границу во главе гуннского войска, а уже в 311 г. им был взят столичный город Лоян. Иначе и быть не могло, потому что гвардейские части, даже если они действительно обладали хорошей выучкой, были слишком малочисленны для того, чтобы противостоять многотысячной степной орде. А скорее всего, придворная клика в ужасе разбежалась ещё до того, как топот гуннских коней стал слышен в окрестностях столицы. Разумеется, ле-

¹ Сюаньлин Фан. Цзинь-шу // Материалы по истории кочевых народов в Китае III-V вв. в 4 вып. Вып. 1: Сюнну. – Москва : Наука, 1989. – С. 38.

гитимность новой династии Хань никто не признал, мятежники и полководцы частных армий продолжили свои усобицы, и страна окончательно развалилась.

Важно отметить, что Лю Юаньхай не был единственным варварским вождём, который вмешался во внутренние дела умирающей империи. Параллельно с ним действовали другие авантюристы и дружинные вожди, многих из которых слабеющая центральная власть о помощи не просила. В частности, Фан Сюаньлин сообщает о парвеню из племени *ди* по имени Фу Хун, который изначально не был вождём и даже родился в диаспоре на территории империи. Однако он привлёк под своё начало представителей различных кочевых племён, мастерски используя для этого не только популярную среди варваров реципрокацию, но и генеалогические ссылки на своих предков, бывших в милости у вождей западных жунов. Подарки, отсылки к славе предков и реальная помощь степной родни помогли Фу Хуну стать кем-то вроде главы свободной дружины, претендовавшей на статус союза воинов из всех кочевий. Среди китайцев находчивый авантюрист был известен под прозвищем Гуаньши (Возвысивший род). Фу Хун оказывал поддержку мятежному полководцу Ши Цзилуну и получил от него формальное звание военачальника. При этом варварский вождь не скрывал своих намерений: «Я возглавляю сто тысяч воинов, занимаю удобные в стратегическом отношении земли, могу в любое время уничтожить Жань Миня и Мужун Цзюня, знаю, как одолеть Яо Сяня вместе с его сыновьями, поэтому по сравнению с основателем династии Хань мне легче приобрести Поднебесную»¹. Известно, произвела ли бравада степняка впечатление на указанных им мятежных аристократов, но разобрались они с ним вполне цивилизованным способом: степной кондотьер был тихо отравлен своим китайским советником, офицером Ма Цю.

В дальнейшем степные племена сражались друг с другом за власть над Северным Китаем, использовали китайских аристо-

¹ Сюаньлин Фан. История династии Цзинь // Материалы по истории кочевых народов в Китае III-V вв. в 4 вып. Вып. 4: Ди и цяны. – Москва : Наука, 2012. – С. 30.

кратов в качестве чиновников, а основанная кочевниками племен *тоба* династия Северная Вэй даже заново отстроила Лоян и стремилась к китаизации своего режима. О возможностях варваров усваивать достижения поверженной цивилизации мы подробно поговорим чуть ниже, а пока обратим внимание на тот факт, что описанное нами сползание цивилизации в «тёмные века» представляет собой в китайской истории не единичный случай.

Династия Тан, создавшая эффективную систему фубин, со временем начала опасаться этих воинов-крестьян. Ведь опытные в обращении с оружием и прошедшие не одну военную кампанию ветераны-земледельцы не привыкли ловить каждое чиновничье слово с открытым от подобострастия ртом. Вероятность мятежей в поселениях фубин не была высокой в силу того, что воины получали оружие из государственных складов лишь на время службы и затем сдавали его обратно. То есть в своей гражданской жизни фубин, в отличие от своих прототипов, русских казаков XVIII-XIX вв., оружия не имели. Но всё же правительство приняло решение сформировать армию наёмного типа, получившую название *коци*. Официальным предлогом послужило отсутствие среди фубин крупных конных отрядов, так как в Китае практически нет подходящих для разведения лошадей пастбищ. По замыслу Военного министерства наёмники-коци должны были стать чем-то вроде гвардии, а формирования фубин не упразднялись официально, но их комплектование было пущено на самотёк. Фактически это стал смертный приговор многократно оправдывавшей себя военной системе, ведь китайская монархия была бюрократической. Вооружение целых отрядов зависело от того, в какую стопку положил надлежащий документ ответственный чиновник. Вот как описывает снабжение фубин отечественный исследователь В. М. Рыбаков: «Вооружение и снаряжение, полагавшиеся каждому солдату, обычно хранилось на складах. При выходе в поход оно выдавалось полностью, включая необходимые в дальнем походе вещи (посуда, огниво, предметы для ухода за лошадьми и пр.). При заступлении на дежурство в столичную гвардию выдавались только лук, стрелы (30 штук) и меч. Всякий раз, когда определенное количество территориальных дружин

ополчения поднималось в поход для выполнения какой-либо реальной боевой задачи, т.е. императорский центр созывал войска с целью проведения масштабной оборонительной, наступательной или карательной (вразумляющей) операции, из столичного аппарата на места рассылались эмиссары, снабженные составными верительными бирками *фу* или *ци* (курсив автора). Врученная эмиссару часть бирки при её составлении с той частью, которая хранилась в местной администрации, подтверждала его полномочия»¹. При такой сложной системе малейшее разгильдяйство или злой умысел могли привести к срыву военной кампании, что нередко и происходило с момента, как только фубин были объявлены войсками второго сорта. Наёмников изначально планировалось снабжать таким же способом, но вскоре от него отказались, предпочитая приглашать вооруженных и снаряженных за собственный счёт иностранных всадников под командованием иностранных же военачальников. Так Китай вторично открыл свои ворота степным варварам.

Результат оказался предсказуемым: в 755 г. полководец согдийского происхождения с китаизированным именем Ань Лушань объявил императора вне закона и двинул вверенную ему армию на столицу. И хотя после ряда сражений мятежники были разгромлены, победу над ними одержали не старые добрые фубин, безвозвратно сошедшие с исторической сцены, а нанятые императором кочевники, что не могло не отразиться на структуре армии и страны в целом. Вот как характеризует создавшееся положение британский историк К. Пирс: «Тюрки и родственные им всадники из Центральной Азии продолжали составлять важную часть сил Тан, и в VIII в. конница союзников-уйгуров в нескольких случаях обеспечила жизненно необходимую поддержку династии. Иностранцев даже назначали командовать армиями, предполагая, что они будут политически более надёжными, чем коренные китайцы, – как показывает карьера Ань Лушаня, эта вера была несколько наивной. После восстания Ань Лушаня провинциальные силы губернаторов стали фактически независимы-

¹ Рыбаков В. М. Танская бюрократия в 2 ч. Ч. 1. Генезис и структура. – Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2009. – С. 357-358.

ми личными армиями, часто сражавшимися друг с другом»¹. Поэтому в том, что династия Тан в скором времени утратила контроль над страной и была свергнута, нет ничего удивительного.

Однако не следует считать, что китайские монархи зрелой эпохи стремились решать вопросы с варварами лишь военным путём. Подобно своим римским коллегам, некоторые из них пытались присваивать степным вождям принятые в империи титулы, чиновные звания и государственные должности. Как степняки использовали титулы, мы уже видели, а должности и ранги они нередко воспринимали как пустой звук, аналогично тому, как германские конунги относились к должностям Римской империи в последние годы её существования. В частности, китайский дипломат и разведчик Пэн Да-я, побывавший при монгольском дворе вскоре после очередной победы кочевников над императорским Китаем, с горечью заметил: «Что касается названий должностей, то их чиновники присвоили себе такие наименования, как «удельный князь», или «императорский регент», или «князь области», или «императорский комиссар». Беглецы и пленные из разных стран называют себя кто министром Великого императорского секретариата, кто генералом, кто вице-президентом, кто комиссаром по умиротворению и транспорту. Они самовольно и неправомерно присваивают себе звания»². Тем более странно, что даже в поздние времена, в XVI в. императоры династии Мин тщательно следили за тем, чтобы никому не пришлось в голову героизировать кочевников, периодически совершавших набеги на приграничные земли. Например, император Цзянцин (1522–1567 гг.) принял любопытный указ: «Для стиля Цзянцина был типичен указ, который предписывал всегда писать иероглиф «и», обозначающий северных варваров, максимально маленьким. Неудивительно, что такие меры не могли их удержать»³.

¹ Пирс К. Воины Китая. Под знаменем небесного дракона. 1500 г. до н.э. – 1840 г. н.э. – Москва : Эксмо, 2008. – С. 114.

² «Хэй да ши люэ»: источник по истории монголов XIII в. / Отв. ред. А. Ш. Хадырбаев. – Москва : Наука – Восточная литература, 2016. – С. 36.

³ Пирс К. Воины Китая. Под знаменем небесного дракона. 1500 г. до н.э. – 1840 г. н.э. – Москва : Эксмо, 2008. – С. 194.

Можно совершенно определенно сказать, что как официальные титулы, так и официальные документы воспринимались варварами обоих концов Евразии одинаково: как ни на что не влияющая мелочь. Остановить их и удержать в повиновении какому-либо порядку могла только сила, а именно силы у распадающихся цивилизаций как раз и не было. Причём, чем более сложный государственный аппарат создавала цивилизация на стадии своего расцвета, тем труднее ей было мобилизовать его в периоды зрелости и распада. В частности, безупречно функционировавшее Военное министерство династии Тан лишило отряды фубин боеспособности, попросту перестав работать с их документами: мечи не попали в руки воинов только потому, что кто-то положил бумажку не на тот стол. Аналогичным образом сложная система провинциального управления и отлаженные связи между провинциями оказали Римской империи дурную услугу, стоило лишь некоторым губернаторам затеять сепессию или варварским бандам перерезать дороги. А поскольку каждое ремесло, включая военное, в цивилизованном обществе специализировано, то мирные жители не имеют ни возможности, ни умения, ни желания для того, чтобы защищать себя или устраивать свою жизнь самостоятельно, без опеки из центра.

Зададимся вопросом: какова вероятность успеха варварского нашествия на общество, в котором цивилизация лишь начинает зарождаться? История знает, как минимум, один такой прецедент: империю Кара Великого, в рамках которой потомки разрушителей Рима безуспешно пытались восстановить античную государственность. Мы намеренно не приравниваем эту империю к ранним цивилизациям, потому что она представляет собой яркий, кратковременный эпизод, отделяющий тёмные века от Средневековья. Карл Великий и его сподвижники мечтали возродить античность и приложили к этому делу титанические усилия, но результаты оказались более чем скромными, ни в коем случае не адекватными потраченным силам, средствам и ресурсам. Именно поэтому империю Карла Великого по её цивилизационному возрасту нельзя сравнивать с Римской республикой, которая развивалась органично и даже в годы своей молодости превосходила империю франкского короля по сложности организации и жизне-

способности. Культурные процессы, побудившие варваров вообще интересоваться уничтоженной ими античностью, мы подробно рассмотрим в третьей главе нашего исследования, а пока лишь скажем, что Каролингская империя представляла собой очень рыхлое, почти эфемерное государство, но базировалась на очень молодом обществе, только вступающем на исторический путь. И поэтому удары варваров по ней и её соседям (находящимся на дальней и ближней орбитах имперского влияния) ярко продемонстрируют нам, чем отличается варварское нашествие на молодое и поэтому плохо организованное общество от удара по зрелой, распадающейся цивилизации.

Самыми страшными врагами Каролингской империи оказались всё те же кочевые и оседлые варвары, очень похожие на германцев и гуннов, добивавших пришедшую к упадку Западную Римскую империю. Речь идёт о кочевниках-мадьярах и скандинавских викингах, которые не успели к разделу античного наследия, но активно ворвались в Западную Европу и стали вести себя так, как вели себя предки средневековых европейцев в имперских провинциях. Иными словами, потомки налётчиков подверглись набегам, осуществляемым по всем традиционным правилам варварства. Причём, венгры, будучи кочевниками, располагали внушительным войском, состоящим из конных лучников, что делало их неуловимыми для пеших отрядов каролингских графов и смертельно опасными для тяжеловооруженных всадников королевской гвардии. Также мадьяры исповедовали язычество, что исключало для католиков-европейцев возможность переговоров с ними. В общем и целом, мадьяры совершили 33 похода на запад, в ходе которых их ударам подверглись такие расположенные далеко друг от друга города как Орлеан, Бремен, Манд, Отранто и т.д.¹. Как и любые другие варвары, мадьяры не умели штурмовать крепости и из всех этих городов смогли захватить и разграбить лишь Павию. Французский король, формально претендуя на первенство в Западной Европе и наследие распавшейся империи, не мог ничего противопоставить стремительным набегам, после ко-

¹ Мюссе Л. Варварские нашествия на Западную Европу: волна вторая. – Санкт-Петербург : Евразия, 2006. – С. 32.

торых кочевники возвращались в захваченную ими Паннонию или растворялись в дунайской степи. Монарх не располагал регулярной армией, но если бы она всё-таки существовала, то оказалась бы совершенно бесполезна против конной орды. Зато графы и вассальные монархи с переменным успехом защищались от степняков на свой страх и риск, возглавляя дружины и ополчения от своего собственного имени. Иногда им сопутствовал успех: так, в 938 г. в Саксонии и в 948 г. в Баварии местным феодалам удалось разгромить отряды налётчиков. А вот итальянскому королю Беренгарию II не повезло: в 899 г. венгры в битве у Бренты разбили его войско и взяли монарха в плен. Однако королевская судьба не испугала графов, и они продолжили защищаться, пока в 955 г. германский король Оттон I не разгромил венгров наголову в битве на реке Лех, физически уничтожив двух самых одиозных военных вождей мадьяр – Булксу и Леля – и лишив, таким образом, степных налётчиков предводительства. Скорее всего, официальный правитель венгров, *надьфейедеlem* (аналог хана) Геза был очень рад этому событию, так как германцы лишили его важных конкурентов и позволили повернуть развитие кочевого общества в мирное русло. При этом очень важно отметить, что все указанные нами сражения происходили без всякого соответствия указаниям из Парижа, если эти указания вообще достигали итальянских и германских графов.

Викинги терроризировали Западную Европу гораздо дольше – с VIII по XI вв., а отдельные нападения скандинавов случались даже в XIII в. Опыт морской навигации и кораблестроения позволял им атаковать как атлантическое побережье Франции, так и Британские острова. В таких регионах, как Шотландия и Ирландия, норвежские викинги смогли одержать прочные военные победы над местными правителями, повергнуть большинство местных королевств и приступить к колонизации захваченных территорий. Но оказалось, что местные жители находятся едва ли не на более низкой стадии общественного развития, чем скандинавы. Ярлы викингов выглядели буквально просветителями на фоне ирландских родовых старейшин и пиктских королей. В результате этого взаимопонимание наладилось очень быстро: скандинавы вошли в местное общество как одна из его единиц – шотландских

кланов или ирландских туатов. Вот как описывает освоение норвежцами Шотландии украинский историк К. Ю. Галушко: «Государство пиктов казалось поверженным. Но тогдашняя экспансия норвежцев не была «агрессией одного государства против другого». Это просто были набеги «из Норвегии», которые дестабилизировали местные властные структуры и позволяли норвежцам заняться сельскохозяйственной колонизацией более благодатной страны, избавившись от «местных властей». Отнюдь не «политическое господство». Просто появлялась новая категория населения Шотландии. В этом плане сама Шотландия мало чем отличалась от тогдашней Норвегии: нет единого государства, есть много местных вождей и желающих попытать счастья в новых местах»¹. Если бы такое проникающее вторжение произошло на территорию поздней Римской империи, то провинция неминуемо и необратимо отделилась бы от центра. Именно это и произошло в V в., когда саксы начали массово переселяться в Британию. Крах местных властных структур автоматически означал падение империи в данном регионе. Но средневековые шотландские властные структуры если и носили официальный характер, то на жизнь общества влияли очень незначительно. Поэтому их уничтожение или ослабление викингами могло пройти для большинства населения вообще незаметно. В Ирландии получилось ещё интереснее: католики-кельты оказали скандинавам яростное, хоть и не всегда успешное сопротивление и никогда не считали викингов своими, а вот норвежцы не делали особой разницы между переселенцами и аборигенами. Более того, строя в традиционно сельской Ирландии свои укрепленные города, норвежские ярлы охотно заключали союзы с соседними ирландскими вождями и даже рождались с ними². Такая толерантность завоевателей позволила кельтам оправиться от первых поражений и со временем взять реванш.

В Северной Франции, где гипотетическое уничтожение викингами феодальной системы действительно лишило бы местную

¹ Галушко К. Ю. Всемирная история. Викинги. История завоеваний. – Харьков : Клуб Семейного Досуга, 2020. – С. 134.

² Диллон М., Чедвик Н. К. История кельтских королевств. – Москва : Вече, 2006. – С. 154.

аристократию власти, началось быстрое строительство укреплений, а феодалы формировали свои собственные армии. Любопытно, что и первая, и вторая меры были прямо запрещены каролингским законодательством, однако графы и епископы без королевского разрешения и вопреки закону создали такие эффективные укрепрайоны, что французские короли предпочитали никак не комментировать эти шаги¹. Тем более, что после ряда кровавых и позорных поражений натиск викингов всё-таки удалось остановить, и сделали это не монархи из Парижа, а провинциальные духовные и светские аристократы и верные им рыцари. Если римские чиновники III в. были напуганы существованием греческого партизанского отряда Дексиппа едва ли не больше, чем нашествием готов, для борьбы с которыми храбрый афинянин и сформировал своё маленькое войско, то французским королям в IX-X вв. было достаточно лишь разрешить своим подданным защищаться самостоятельно, чтобы враг вскоре был отброшен, а корона ничуть не пострадала.

Такие юные, ещё не опутанные всесторонним государственным контролем общества могут даже позволить себе содержать варварских наёмников без опасений, что последние устроят государственный переворот. Например, в XI-XII вв. княжества Киевской Руси охотно пользовались услугами степных изгнанников, целыми родами откочевывавших в южные пределы государства. «Эти «свои поганые», или чёрные клобуки, как собирательно называет их русская летопись, представляли собой осколки тюркских племён торков-узов, печенегов и берендеев, которых половцы выгнали из мест их прежних кочевий – черноморских степей, почему чёрные клобуки и принадлежали к непримиримым врагам половцев»². Чёрные клобуки охотно участвовали в походах русских князей в степь, против половцев, также они были не против вмешаться в междоусобные столкновения русской аристократии, но даже на Киевщине, где проживало большинство из них, степные «федераты» ни разу не пытались свергнуть русского князя и

¹ Мюссе Л. Варварские нашествия на Западную Европу: волна вторая. – Санкт-Петербург : Евразия, 2006. – С. 146.

² Расовский Д. А. Половцы, торки, печенеги, берендеи. – Москва : Ломоносовъ, 2020. – С. 112.

владеть княжеством единолично. Если попробовать смоделировать такую ситуацию, то против «своих поганых» сразу же единым фронтом поднялись бы все остальные княжества, потому что тогдашняя русская система передачи власти не допускала появления на княжеском престоле чужака, не Рюриковича. Ни один степной хан не являлся в глазах русских князей равней любому из членов их династии, и поэтому самостоятельная политика чёрных клобуков автоматически противопоставила бы их всей остальной Руси.

Так выглядят варварские вторжения в юные, не обзаведшиеся деспотическим государством общества, и все эти вторжения заканчиваются одинаково: даже потерпев поражение при первой встрече, цивилизованное общество побеждает наглого, но малочисленного врага. И дело здесь не в военных технологиях, которые юное общество ещё не успело создать, и даже не в государственном механизме, который в таких обществах пока очень примитивен, а в осознании обществом своего единства и вытекающей из этого готовности большинства членов социума сопротивляться чужакам, не перепоручая эту задачу третьим лицам.

До сих пор мы рассматривали противостояние какого-либо одного-единственного зрелого цивилизованного общества, структурированного деспотическим государством, варварским племенам, которые независимо от своего желания выступают фактически единым фронтом. Теперь обратим внимание на ситуации, когда несколько таких цивилизованных государств, стоящих на базе распадающегося общества, оказываются перед лицом общей угрозы, исходящей от варваров.

Рассматривать шпионские и дипломатические гешефты Западной и Восточной Римских империй по отношению к варварским племенам для нашего исследования не результативно, потому что само существование этих двух цивилизованных государств являлось недоразумением. Ни западный, ни восточный императоры не собирались ограничиваться своим положением и всегда претендовали на провинции, принадлежащие другой половине империи. Поэтому более правомерно сказать, что в единой Римской империи шла затяжная гражданская война, иногда являлая, а иногда принимающая очень острые формы. И совсем не-

удивительно, что, не имея собственных серьёзных военных сил, императоры пытались натравить друг на друга варваров. В пользу этого мнения говорит тот факт, что едва лишь Восточная империя преодолела внутренний кризис, как её монарх, Юстиниан I Великий, принялся энергично отбирать у варваров бывшие провинции уже не существующей Западной империи. То есть разделение империи на два государства воспринималось жителями Италии и Балкан как временная мера, после которой единство в империи обязательно восстановится.

Иное положение дел сложилось в Китае к 1115 г.: после падения империи Тан в государстве несколько столетий хозяйничали почувствовавшие волю аристократы, военные диктаторы и лишившиеся узды федераты-степняки. Впрочем, кочевники, к каким бы племенам они изначально не принадлежали, быстро китаизировались и выдавали себя за представителей китайских династий. Например, вождь захвативших Северный Китай кочевников-киданей называл свой род династией Ляо, а тюрки-шато претендовали на реставрацию династии Тан, и их хан даже называл свою родню – Поздняя Тан. Вторгшиеся в Северный Китай в 1125 г. кочевники-чжурчжэни воевали с киданями Ляо во имя создания (или воссоздания) империи Цзинь, которую не следует путать с одноимённой династией, мелькнувшей в китайской истории после краха государства Хань. То есть все действующие лица китайских политических коллизий XII в. считали себя китайскими монархами, даже если они в этническом отношении были степняками, и каждого из них окружал целый сонм китайских советников, администраторов и специалистов. Как уже говорилось выше, варвары не осознают своего культурного единства; поэтому чжурчжэни охотно воевали с киданиями, и оба племени попутно атаковали тюрков, полагая, что возрождают китайскую империю под своей эгидой. В середине XII в. на территории бывшей империи Тан существовали и боролись за первенство между собой сразу три Китая – чжурчжэньская династия Цзинь владела Северным Китаем, ей противостояло царство Сун, расположенное в Южном Китае, и параллельно с этими «империями» в Северо-Западном Китае возвысилось тангутское государство Си Ся, контролировавшее отрезок Шёлкового пути. Все три монар-

хии были знакомы с буддизмом и даосизмом, во всех трёх государствах интеллектуалы читали Конфуция и Сунь-цзы, а государственным языком служил китайский. И вот, в 1209 г. у границ Северного Китая появились монголы, ведомые объединивших их Чингисханом. Какие ответные действия предприняли три китайских монарха?

Империя Цзинь начала оказывать монголам закономерное, хоть и не всегда успешное сопротивление. По крайней мере, во время осады крупного города Чжунду императорские гвардейцы смогли отразить монголов, а в сражении при Дачанюани (1228 г.) чжурчжэньский полководец Ваньянь Чжэн-хэшань, располагая конным отрядом и китайской пехотой, даже сумел победить восьмитысячное формирование степняков. Но, в общем и целом, чжуэрчэни оказались в тяжелом положении: живя в Китае, они не могли содержать привычную им многочисленную конницу, потому что больше не располагали пастбищами, а китайское простонародье не особенно хотело воевать за чужеземную династию. Царство тангутов вообще устранилось от войны, предоставив китайцам и их чжурчжэньским монархам самим решать проблемы с очередным степным нашествием. Зато очень симптоматично поступил император Южного Китая, враждовавший с династией Цзинь: «Когда, начиная с 1209 г., армии Чингисхана появились в тылу Цзинь и начали опустошать равнину Хуанхэ, Сун повторили свою ошибку, совершенную столетием раньше, и заключили союз с монголами, уничтожив государство, которое могло бы стать полезным буфером, защищающим их против новой угрозы. В 1217 г. они прекратили выплаты дани ослабленному государству Цзинь, спровоцировав новое вторжение. В 1219 г. в результате контрнаступления войска Сун захватили большую часть Шаньдуна, а в 1222 г., нагромождая ошибки, полководец Сун Пэн Ибинь напал на территорию, удерживаемую монголами на западе Шаньдуна и Хубэя»¹. Под «ошибкой столетней давности» цитируемый нами британский историк К. Пирс имеет в виду вторжение чжурчжэней в XII в., которое произошло по приглашению

¹ Пирс К. Воины Китая. Под знаменем небесного дракона. 1500 г. до н.э. – 1840 г. н.э. – Москва : Эксмо, 2008. – С. 127.

императора Сун, натравившего кочевников на своего северного конкурента – династию Ляо. Чжурчжэни победили, захватили Северный Китай и заставили южан платить им дань. Однако императорские стратеги никакого урока из этой истории не вынесли и пригласили северных варваров вторично! Причём, двухходовая комбинация (убрать Цзинь руками монголов, а потом выбить монголов из Китая) выглядела, по меньшей мере, наивно, если учитывать состояние войск империи Сун: они по своей организации мало отличались от армии последних лет правления Тан. Императоры нанимали в армию мелких преступников и бродяг, которым можно было не платить жалования годами и которым нередко даже не выдавали оружия, а население крупных городов пугали немногочисленными подразделениями спецназа. В частности, гвардейцы дворцовой стражи проводили регулярные боксёрские поединки на глазах у столичных жителей, чтобы потенциальные налогоплательщики чётко понимали свою участь в случае проявления неповиновения¹. Естественно, что при столкновении с кочевой конницей основная масса солдат, нанятых за бесплатный обед, попросту разбежалась; элитные же гвардейцы не имели против степняков никаких шансов, потому что конные лучники не собирались с ними боксировать. Таким образом, стремясь к победе над своим цивилизованным и духовно сходным соседом, император из династии Сун впустил в страну варваров и даже оказал им содействие. Это привело к тому, что в решающий момент недальновидный монарх оказался со степной угрозой один на один. При этом сами кочевые варвары совершенно не интересовались династическими правами того или иного китайского царского дома и искали лишь добычи и власти. И первое, и второе они получили в избытке, если учесть, что цивилизованные монархи не только не помогли друг другу перед лицом общей угрозы, но один из них даже содействовал монголам.

Аналогичный сюжет развернулся через десять лет на Ближнем Востоке. На этот раз монголы угрожали Хорезму и встретили неожиданного союзника в лице... багдадского халифа. Проблема

^{1 1} Пирс К. Воины Китая. Под знаменем небесного дракона. 1500 г. до н.э. – 1840 г. н.э. – Москва : Эксмо, 2008. – С. 129-130.

заклучалась в том, что халиф Ли-дин Аллах ан-Насир (1158–1225 гг.), как и его ближайшие предшественники, не обладал реальной политической властью и располагал лишь духовным авторитетом. Он не мог противопоставить шаху Хорезма Ала-ад-дину Мухаммеду II (1169–1220 гг.) значительной военной силы, когда последний вознамерился включить Багдад в состав своих владений. Поход хорезмской армии в Месопотамию не состоялся, но шах не делал секрета из своих планов. Поэтому халиф не придумал ничего лучше, чем обратиться за помощью к Чингисхану. С точки зрения мусульманской политической картины мира, конфронтация шаха с халифом могла расцениваться только как мятеж зарвавшегося светского правителя против законной, хоть и всего лишь формальной власти «повелителя правоверных». Но Чингисхан вообще не был мусульманином и, как и большинство степных варваров, исповедовал язычество (тенгрианство). Однако халиф объявил на весь исламский мир о своём союзе с монгольским повелителем. Вот как характеризует эту дикую с точки зрения здравого смысла стратегию отечественный исследователь А. Г. Юрченко: «Халиф ан-Насир, страшась хорезмшаха, когда тот вознамерился захватить Багдад в 1217 г., подстрекал монголов к нападению. (...) В символическом плане действия двух фигур – монгольского хана и халифа были направлены на устранение хаоса, который воплощала фигура хорезмшаха. Эта странная на первый взгляд гипотеза имеет документальное подтверждение. Известны золотые динары, на одной стороне которых читается титул «Чингиз-хан», на другой – имя халифа ан-Насира. Кто и с какой целью чеканил такие монеты? Известны золотые динары с титулом «Чингиз-хан», битые в Газне, Самарканде, Бухаре»¹. Неизвестно, как отнёсся Чингисхан к таким нумизматическим изыскам, но монеты, скорее всего, его порадовали: в казне деньги нужны всегда. Вряд ли его подвигнул напасть на Хорезм призыв халифа, ведь шах Мухаммед II обладал талантом наживать себе врагов и успел поссориться с монголами самостоятельно. Однако важно, что другие мусульманские государи вняли призыву «гла-

¹ Юрченко А. Г. Золотая Орда: между Ясой и Кораном (начало конфликта). Книга-конспект. – Санкт-Петербург : Евразия, 2012. – С. 205.

вы правоверных», и ни один из них не оказал Хорезму помощи во время монгольского нашествия. При этом с геополитической точки зрения отдавать Хорезм на растерзание степнякам было для ближневосточных монархов самоубийственным шагом. Западный исследователь Т. Райс так характеризует средневековое геополитическое значение этого региона: «В течение столетий Хорезм был своего рода буферной оной между культурными династиями, пришедшими на смену ранним цивилизациям Древнего Востока, и кочевавшими по Евразии воинственными племенами»¹. То есть, санкционируя нападение степных варваров на Хорезм, халиф сам распахнул им дверь в исламский мир. Возможно, он полагал, что после завоевания Средней Азии кочевники не пойдут в чуждые для них горные и пустынные регионы. Однако его наследник не разделял такого оптимизма, когда в 1258 г. монгольский хан Хулагу штурмовал Багдад.

Окинув беглым взглядом опыт взаимодействия государств, базирующихся на зрелой цивилизации, с варварским миром, мы можем однозначно констатировать: распад цивилизации ведёт к исчезновению осознания её гражданами своего культурного родства. Противопоставление цивилизации варварству больше не играет в политике никакой роли, и поэтому цивилизованные правители не оказывают друг другу поддержки, а иногда и пытаются использовать варваров как оружие в борьбе друг с другом. Если государства молодой цивилизации выступают против варваров единым фронтом (полисы Эллады во время греко-персидских войн, понтийская экспедиция в Крым для помощи местным городам против кочевников), то государства распадающейся цивилизации используют внешний фактор для того, чтобы сильнее повредить друг другу. В результате варвары пользуются противоречиями между ними и в конечном итоге побеждают их всех.

В контексте данной гипотезы для нас особенно ценен политический опыт взаимодействия с варварами, который предоставляет нам индийская цивилизация. Возможно, читатель заметил, что в данной главе мы опираемся по большей части на опыт античного

¹ Райс Т. Т. Сельджуки. Кочевники – завоеватели Малой Азии. – Москва : Центрполиграф, 2004. – С. 70.

мира и императорского Китая, не уделяя должного внимания другим цивилизациям. Теперь пришёл черед кратко рассмотреть оригинальный индийский подход к решению варварской проблемы.

В первой главе мы отметили, что для индийской цивилизации, стержнем которой являются духовные учения, производные от сочинения «Веды», характерно то же самое разделение человечества на цивилизацию и варварство, что и для всех остальных цивилизованных обществ. Но, в отличие от Греции, Рима и Китая, индийские государства никогда не пытались наступать на варваров и, тем самым, расширять границы Арьяварты вооруженной рукой. При этом нельзя и предположить, что индийская цивилизация не экспансивна: морские экспедиции позволили индусам внести немалый вклад в формирование цивилизованного общества в Индокитае и Индонезии. Однако всякий раз, когда внешний завоеватель, независимо от своей культурной принадлежности и стадии развития, оказывался у естественных границ Индии, то проникал в регион, практически не встречая сопротивления, и одерживал над пытавшимися противостоять ему индийскими государями военные победы (пусть и не всегда умея пользоваться их плодами). В чём же дело? Почему императорский Китай, даже не имея возможности содержать собственную конницу, сдерживал кочевников с переменным успехом, а Индия на твёрдую оборону оказалась неспособна?

Во-первых, предположение о том, что индийская культура отвергает насилие как метод решения политических проблем, является ложным от начала до конца. Примером того, что индийское общество умеет и любит сражаться не меньше любого другого, служит феномен раджпутов, индийский аналог рыцарства. На протяжении Средних веков и Нового времени аристократы области Раджпутана (ныне – штат Раджастхан), живя в горных крепостях, вели непрерывные войны между собой и давали отпор любой центральной власти, пытавшейся навязывать им свои правила. Раджпуты создали целый арсенал уникального, характерного только для них холодного оружия и способов его применения. Например, традиционным оружием индийских рыцарей является метательное кольцо, именуемое *чакра*.

Во-вторых, индийская цивилизация, как и любая другая, рационализировала военное дело и уделяла немало внимания его технической стороне. К примеру, местные оружейники производили качественное холодное оружие в таком количестве, что любой средневековый князь даже не задумывался о том, чем вооружить своих воинов. Вот как описывает оружейное производство в средневековой Индии советский исследователь К. З. Ашрафян: «Принятые правила феодальной службы, требовавшие приобретения воином снаряжения на собственные средства и явки по требованию своего патрона «конно и оружно» («ба асп ва силахи») предполагали свободную продажу на рынке оружия, а следовательно, значительный объем продукции мелкотоварного оружейного производства. Важнейшим прогрессом в промышленном производстве средневекового города Индии была специализация и диверсификация ремесла, т.е. появление многочисленных профессий и кадров ремесленников, рост объема ремесленной продукции»¹. Также важной деталью индийских армий было массовое использование боевых слонов, чего не могли позволить себе даже ближневосточные монархи. Мало того, что слона для боя облачали в специальные доспехи, снабженные не очень длинными, но острыми внешними шипами, так его ещё и нередко вооружали. Отечественный историк Е. Н. Успенская так описывает боевую работу индийского слона: «Боевой слон получал «в руки», т.е. в хобот, особое оружие. Это могла быть тяжелая металлическая цепь. Но чаще всего в боевых условиях применялся тип огромного кистеня – два соединенных цепью тяжелых металлических шара, утыканых шипами и ножами. Эти кистенём или цепью слон расчищал путь перед собою, расшвыривая и рая всех, кто попадался на пути. Пребывание в обстановке сражения, среди толкотни, крови, летящих стрел и других ужасов битвы чрезвычайно возбуждало обычно флегматичного и рассудительного слона, он приходил в неистовство и сражался «бешено»»².

¹ Ашрафян К. З. Средневековый город Индии XIII – середины XVIII века (проблемы экономической и социальной истории). – Москва : Наука, 1983. – С. 31-32.

² Успенская Е. Н. Раджпуты: рыцари средневековой Индии. – Санкт-Петербург : Евразия, 2000. – С. 137.

Казалось бы, при таком вооружении индийцы должны были без особого труда останавливать всех приходящих с запада завоевателей ещё в долине Инда. Однако в реальности дело обстояло наоборот: начиная с Александра Македонского, самые разные враги форсировали Хайберский проход, разделявший Афганистан и Синд, и прорывались вплоть до дельты Ганга, грабя и разрушая индийские города и храмы. В числе таких захватчиков были как относительно цивилизованные ранние мусульмане, так и афганские газии – исламские фанатики, находившие странный смысл в убийстве иноверцев только за то, что они – иноверцы. Бывали в Северной Индии и кочевники – в раннее Средневековье эти земли грабили эфталиты (белые гунны), а в позднее – среднеазиатские полчища Тамерлана. И индийские князья ни разу не только не смогли отразить нападение менее цивилизованных, а значит и менее развитых в техническом плане народов, но даже ни разу не пытались образовать против захватчиков единый фронт. В чём же дело?

Ответ на данный вопрос содержится в традиционной индийской политической культуре, основные принципы которой обобщены в книге «Артхашастра» (написана в III в. до н.э.). Автор данного сочинения, образованный и практичный брахман Каутилья даёт предполагаемому читателю, монарху-агрессору немало полезных советов в духе Н. Макиавелли, но есть в «Артхашастре» и очень оригинальный, свойственный только индийской политической философии аспект. Речь идёт о так называемом *принципе мандалы*, согласно которому политическое поле, в центре которого находится княжество адресата книги, представляет собой несколько сфер, включённых одна в другую, и эти сферы не могут быть объединены под единой властью. Вот как описывает политическую мандалу Каутилья: «(Государь), земля которого непосредственно граничит (с владением того, кто имеет намерение победить), есть основной враг. Если он принадлежит к тому же роду, то его называют природным врагом. Тот же, с которым возникла вражда или который предпринимает агрессивные действия, есть враг благоприобретённый. (Государь), земля которого отделена другой землёю, есть основной союзник. Если он приходится родственником его с отцовской или материнской стороны,

то он называется природным союзником. Если же он примыкает (к государю, намеревающемуся победить), так как получает от него деньги или средства к существованию (или так как он обязан ему получением денег и жизнью), то он называется благоприобретённым союзником. Есть, кроме того, иной государь, земля которого граничит с владениями желающего победить и его врага, который способен помочь тому и другому, находятся ли они в соприкосновении или нет, а также способен справиться с каждым из них в отдельности. Это есть государь «срединный». Далее, имеется иной, «стоящий особняком», в стороне от врага, желающего победить, и «срединного». Он по основам своего государства является более сильным, чем (другие трое). Он способен оказать помощь врагу, желающему победить, и «срединному» вне зависимости от того, находятся ли они в соприкосновении или нет, а также справиться с каждым из них, если они разобщены. Вот основы политики. У желающего победить 3 основных фактора: он сам, его союзник и союзник этого союзника. Каждый из этих факторов находится в связи со своими 5 факторами, т.е. министрами, сельскими местностями, укреплёнными городами, казною и войском. Таким образом, весь круг (факторов ля победы) состоит из 18 таких факторов»¹. Если выразить эту геополитическую систему кратко, то получится принцип «чем дальше, тем роднее». Ближайший, и, тем более, родственный монарх считается естественным врагом, а наиболее территориально далёкий и этнически чуждый – естественным союзником. Также Каутилья, не отрицая необходимости открытых военных действий, рекомендует вступать в вооруженные конфликты только с заведомо более слабыми врагами, а равных или сильных обманывать, заключая фиктивные союзы, изъявляя мнимую покорность, и бросая обманутых союзников и сеньоров в первой же опасной ситуации. Важно, что автор «Артхашастры» ничего не придумал самостоятельно, а лишь обобщил реальную политическую методологию своих современников и сделал её достоянием последующих поколений правителей. Идеал монарха для Каутильи – *чакравар-*

¹ Артхашастра или Наука политики / Под ред. В. И. Кальянова. – Москва : Ладомир, 1993. – С. 288-289.

тин, то есть правитель, вращающий все сферы мандалы в выгодных для себя направлениях, ссорящий соседей между собой и извлекающий пользу из любого политического события. Строго говоря, это не воин и не вождь, а интриган. И, повинаясь принципу «чем дальше, тем роднее», он всегда пытается привлечь на свою сторону дальних для борьбы с ближними.

В такой оригинальной стратегии заключается ответ на вопрос, почему индийцы ни разу не смогли дать достойный отпор внешним завоевателям. Ведь среди раджей и махараджей всегда обнаруживался потенциальный предатель, чьи владения находились от точки вторжения достаточно далеко для того, чтобы считать незваных гостей своими естественными союзниками. Когда историки размышляют об Индийском походе Александра Македонского, то их удивляют быстрота и успех, с которыми царь-завоеватель нанёс поражение лидеру пенджабских патриотов радже Пору. На самом деле ничего удивительно в быстром марше и военной победе нет, ведь Александра с первых дней войны ждал и сопровождал индийский союзник, правитель города Таксила, надеявшийся решить свои проблемы с Пором руками македонцев. Вот как описывает ту дипломатическую коллизию советский исследователь Г. Ф. Ильин: «В 326 г. до н.э. царём в Таксиле был Амбхи (Омфис, как его называли греки). Ещё когда он был наследником престола (в 328 или 327 г.), его отец посылал посольство к Александру Македонскому в Согдиану, признавая свою зависимость и предлагая помощь в походе на Индию. Очевидно, правитель Таксилы, находившийся во враждебных отношениях с царём Пором, надеялся использовать Александра в своих политических целях»¹. Причём, это был тот самый вассальный договор, который князь Амбхи собирался соблюдать лишь до тех пор, пока македонское присутствие в Индии не ослабнет. Реальной помощи македонский наместник от Амбхи не дождался бы. Впрочем, во время македонского вторжения рецепты «Архашастры» себя оправдали: западные завоеватели, которых индийцы прозвали «явана» («ионийцы»), разгромили врагов Таксилы,

¹ Ильин Г. Ф. Древний индийский город Таксила. – Москва : Восточная литература, 1958. – С. 20.

ближайших индийских князей, а через несколько лет Индию покинул последний македонский солдат. Князь Амбхи мог торжествовать победу над своими соседями, даже не приняв в этой войне личного участия.

Во всех остальных исторических случаях данная внешнеполитическая методология не просто не оправдывала себя, а чаще всего являлась причиной поражений в битвах и войнах. К примеру, когда в VIII в. в Северную Индию вторглись арабы, горевшие желанием захватить и исламизировать земли «идолопоклонников», влиятельные индийские княжеские дома – Раштракуты, Гурджара-Пратихары, Чолы – не только не сформировали анти-исламскую коалицию, но и спокойно наблюдали, как мусульмане побеждают их по одиночке. Вот как описывает приведшее к политической катастрофе применение совета «Артхашастры» британский историк Д. Кей: «Если следовать принципам мандалы буквально, то Раштракуты видели в западных соседях Гурджара-Пратихарах прямых врагов. Следовательно, соседи врагов – арабы – были потенциальными союзниками»¹. Местных раджей совсем не волновал тот факт, что мусульмане воспринимают политическую реальность иначе, чем автор «Артхашастры». В результате даже самые храбрые индийские патриоты, вступив в борьбу с захватчиками, тут же оказывались в одиночестве: союзники закономерно бросали их на произвол судьбы или даже исподволь содействовали мусульманским завоевателям. Симптоматична судьба махараджа Притхвираджа III, в 1191 г. разгромившего афганских мусульман в битве при Тараине. Год спустя афганцы вернулись с новыми силами, а индийские раджи, прежде помогавшие Притхвираджу III, испугались его возрастающей популярности и не пришли к нему на выручку во второй раз. В результате этого предательства вторая битва при Тараине (1192 г.) была индийцами проиграна, отважный махараджа погиб, а мусульмане прорвались в долину Ганга.

Можно сказать, что если для цивилизованных государств взаимное предательство перед лицом варварского нашествия является исключением, характерным лишь для наиболее поздних ста-

¹ Кей Д. История Индии. – Москва : Астрель, 2011. – С. 274.

дий развития, то для индийской государственности такая проигрышная стратегия служила правилом в течение тысячелетий. Впрочем, итог всё равно был один: варвары, пользуясь интригами и конфронтацией между цивилизованными соседями, осуществляли успешное вторжение и уничтожали этих соседей по одиночке.

Что же происходит после того, как варварские вожди низлагают последних цивилизованных правителей региона и ликвидируют деспотическое государство, созданное цивилизацией при переходе от расцвета к зрелости?

Анализируя исторический опыт варварских нашествий, увенчавшихся полной политической победой над зрелой цивилизацией, мы можем выделить три важных социокультурных последствия этой победы. Во-первых, это тотальный хозяйственный упадок, который охватывает вчерашнее цивилизованное общество после его попадания под власть варварских вождей. Во-вторых, это оригинальное юридическое явление, именуемое *персональным правом*. И, в-третьих, это пробуждение у варваров активного интереса к политическим структурам поверженной цивилизации и попытки реставрации этих структур. Рассмотрим эти явления чуть более подробно.

Экономический упадок является следствием любой затяжной войны, хоть и не всегда запустение создаётся намеренно. Однако вдвойне тяжелые последствия для экономики наступают в случае, когда побеждающая сторона находится на более низком уровне технического развития, чем побеждённая. В таких ситуациях начинается грабёж стратегических запасов и бездумное уничтожение объектов, имеющих важное хозяйственное значение, потому что победителям не понятен их смысл. Такими непонятными, а потому бесполезными и ненужными кажутся акведуки, канализация, ирригационные системы и даже мосты. Варварские завоеватели пытаются приспособить их для собственных нужд или разобрать для повторного использования строительных материалов, а затем наступает запоздалое прозрение: без акведуков и ирригационных систем сельское хозяйство лишается масштабности или вовсе исчезает, наступает голод. Также падает профессионализм ремесленников, ведь любые корпоративные формы их деятельно-

сти и передачи опыта оказываются разрушены. В эпоху, когда большинство проблем решаются грубой силой, никому не придёт в голову овладевать редкой и не всегда востребованной специальностью типа стеклодува или ювелира. Торговцы, прежде оперировавшие по всему пространству цивилизованного государства, теперь опасаются за свои жизни и имущество, так как единой полицейской и дорожной систем больше не существует, а варварские вожди контролируют лишь небольшие части того, что раньше было единым политическим и экономическим целым. Следовательно, торговые обороты снижаются, и больше всего выигрывают те области, которые могут перейти к автаркии. Вряд ли их жителям удастся разбогатеть, но они хотя бы смогут выжить без помощи соседей. Те города, которым всё-таки удастся уцелеть, превращаются в места ярмарок и рынков, в них ведётся ремесленная деятельность, но ни один из них не может стать новой столицей: зависимость от сельской округи в момент хаоса слишком сильна. Именно поэтому варварские вожди предпочитали размещать свои резиденции в бывших виллах, где они были неотделимы от земледельческих угодий.

Отечественный исследователь характеризует хозяйственный и технологический упадок территорий бывшей Западной Римской империи в таких ярких выражениях: «Оставшееся от империи добро старались по мере сил чинить – например, вестготы сумели восстановить центральные пролёты большого арочного моста города Августа Эмерита (Мерида), да так, что мост стоит и сегодня. Вероятно, технические навыки некоторое время сохранялись и передавались по наследству. Затем настало время, когда нехватка знаний и ресурсов уже не позволяла создавать хитрые инженерные сооружения. Да и нужда в них отпала вместе с утратой технологий.... Сложные постройки и технологии – продукты сложных социумов, с развитыми инфраструктурой и специализацией. Первой жертвой распада империи оказались знаменитые римские дороги. С исчезновением государства исчезла и централизованная система для их поддержания и обслуживания. Теперь некому стало подсыпать грунт на базальтовые покрытия дорог, а без смягчающего покрытия тележные колёса ломались уже через несколько римских миль. Не стало карьеров, где добывали щебень

и песок для ремонта, исчезли инженеры, ведающие дренажом. Никто не прочищал засоренные дренажные системы, и потому, например, ещё при жизни Теодориха часть знаменитой Аппиевой дороги уже в двадцати милях от Рима погрузилась в болото...»¹. Упадок коснулся, в том числе, и предметов первой необходимости, потому что разрушились системы массового производства и доставки товаров от производителя к потребителю. Не имея возможности сбывать свои изделия в больших масштабах, ремесленники невольно сокращали объемы производства, а порой и вовсе отказывались от ремесла, предпочитая заняться чем-нибудь более прибыльным (например, вступить в дружину очередного ярла или конунга). В результате домашняя жизнь некогда цивилизованных, комфортных городов, вилл и деревень меняется, словно отброшенная на много столетий в прошлое: «Теперь бытовые блага полностью исчезли из повседневности, равно как и ремесленные товары массового спроса. Производство стекла было забыто, и даже гончарный круг сохранился не везде, что видно по использованию грубой лепной керамики, заменившей «тонкую» продукцию гончарных мастерских. Условный ширпотреб – посуда, гвозди, ткани, амфоры, упряжь и так далее по сотням позиций! – ранее производившийся Римом без преувеличения в промышленных масштабах, становится чрезвычайно редок, ценен и, главное, обладает весьма низким качеством, что сказывается на сроке службы...»². Если же обратить внимание на разорённые кочевниками земли Персии и Китая, то там экономический убыток и хозяйственный упадок будут ещё более масштабными, потому что китайское рисоводство и ближневосточное земледелие невозможны без сложных ирригационных сооружений. Именно необходимость в строительстве плотин и каналов некогда привела к созданию в этих краях цивилизованных государств и развитой бюрократии. Следовательно, крах государственности неминуемо приводит к упадку земледелия, обнищанию населения и даже голоду. Если варвары надеялись, что, захватив цивилизо-

¹ Аноним Гай. После Рима. 430-800 по Рождеству. От «солдатских императоров» до Карла Великого. Книга вторая. – Москва : Изд-во Acta Diurna, 2020. – С. 224.

² Там же. С. 226.

ванные земли, тем самым откроют себе доступ к постоянно обновляющимся материальным богатствам, то их ждало жестокое разочарование.

Отобрав или, вернее сказать, подобрав провинции погибшего цивилизованного государства, варвары сталкиваются с необходимостью каким-то образом строить отношения с их населением. Безусловно, грабежи и убийства в процессе завоевания не просто случались, но даже оказывались в порядке вещей. Однако каждый варварский вождь всё-таки хотел быть повелителем своих новых земель, а не бездумным палачом потенциальных подданных. Тем более, что представители погибшей цивилизации могли принести немалую пользу, потому что владели навыками, которые варварским воинам пока ещё не были доступны: умели читать, писать и совершать математические расчеты, были сведущи в медицине и ветеринарии, в первые годы после завоевания (пока не были утрачены ремёсла) цивилизованные мастера умели изготавливать совершенное, высокотехнологичное оружие и предметы роскоши. Поэтому с покорёнными цивилизованными гражданами было выгодно именно строить отношения, а не просто убивать и грабить их. Однако это не значит, что варвары собирались относиться к цивилизованным людям на равных или хотя бы признавать за ними какое-либо человеческое достоинство. Как мы замечали выше, варвар всегда чувствует себя членом какой-то ограниченной общности и не только не понимает, что такое человечество, но даже не видит своего культурного единства с другими варварами. Зато он хорошо понимает, что цивилизованные люди с ним единства не имеют, а ещё у них нет общности, которая могла бы силой защитить их права. Торговцам, ремесленникам и хлебопашцам погибшей цивилизации варварские вожди предлагают своё покровительство до тех пор, пока эти люди полезны вождям, и именно поэтому ни о каком равноправии речи быть не может.

Проблема заключается в том, что юриспруденция погибшего цивилизованного общества всегда слишком сложна для варваров, и даже если они проявляют к ней интерес, то многие правовые положения при их образе жизни оказываются не востребованными. Привыкшие же к упорядоченному, бюрократизированному

судопроизводству цивилизованные люди не могут жить по правилам судебных поединков, ordeals и кровной мести. Поэтому варварские вожди вынуждены допускать на своих землях существование нескольких несходных между собой юридических систем, каждая из которых применяется лишь одной из живущих вместе общностей и нормирует только отношения между членами этой общности. Французский исследователь Л. Альфан, рассматривавший правовые отношения в Западной Европе эпохи тёмных веков, предложил называть такую систему *персональным правом*. Вот как он характеризует данный феномен: «Слияния между старым населением и завоевателями не произошло: римляне и германцы жили бок о бок, каждой из этих групп был дан собственный статус, и, по крайней мере в вестготских государствах, смешанные браки официально запрещались. Франкское законодательство даже противопоставляет «варваров» и «римлян», устанавливая увеличенный (обычно удвоенный) штраф всякий раз, когда жертва агрессии или просто преступления принадлежит к первой из этих категорий. (...) Например, бургунду было запрещено выступать на суде защитником «римлянина»; смешанные браки, хотя их разрешали (или терпели), регулировались особыми законами; наконец, как во всех германских государствах, судили римлян и германцев по разным кодексам – во всяком случае, когда обе стороны в конфликте принадлежали к одной из этих групп; в противном случае применяли кодекс победителей»¹. Если принять во внимание, что уголовные кодексы цивилизованных обществ обычно грозят преступникам серьёзными наказаниями за совершение деяний, которые в варварских «правдах» даже не считаются преступными, то немудрено, что многие цивилизованные люди спешат войти в варварское общество и навсегда забыть о своём культурном наследии. Так жить оказывается гораздо проще и удобнее, если учесть, что хозяевами жизни являются именно варвары. Л. Альфан приводит такой пример: «Сравнив, к примеру, положения закона салических франков с

¹ Альфан Л. Великие империи варваров. От Великого переселения народов до тюркских завоеваний XI века / Альфан Л. – Москва : Вече, 2006. – С. 49.

положениями римского права в том виде, в каком его изложили в стране бургундов в начале VI в. (*Lex romana Burgundionum*), мы увидим, что если римлянину убийство человека, умышленный поджог, похищение раба или даже просто кража скота грозили смертной казнью, то франк в таких случаях не рисковал ничем, кроме выплаты штрафа и возмещения убытков, сумма которых в некоторых случаях не превышала трёх десятков «солидов»¹. Получалось, что быть франком гораздо выгоднее, чем римлянином: франк мог позволить себе многое из того, за что римлянина ждали казнь или тюрьма, и при этом франка за эти же поступки никто всерьёз не осуждал. Неудивительно, что под влиянием персонального права жизнь провинций Западной Римской империи стремительно варваризировалась, а вчерашние подданные римского императора спешили изменить свои имена с латинских на германские.

Аналогичной была ситуация в императорском Китае. Причём, благодаря частым и успешным вторжениям кочевников, участию в политике наемных степных контингентов и правлению киданьской и чжурчжэньской династий персональное право в северной части страны стало реальностью задолго до монгольского нашествия, навязавшего эту систему всему населению Китая. Можно сказать, что монголы в XIII в. подытожили то, что начали ещё гунны и сяньби. Окончательно персональное право оформилось на территории как Северного, так и Южного Китая в правление монгольского хана Хубилая (1215–1294 гг.), ставшего параллельно основателем императорской династии Юань, и введённый им порядок вряд ли удивил китайцев. В частности, Хубилай разделил своих подданных на четыре группы, исходя из их потенциальной лояльности. Привилегированной группой считались этнические монголы; за ними по престижу и широте прав шли «цветноглазые», то есть иностранные служащие аппарата династии (выходцы с исламского Востока и даже европейцы); в третью группу входили потомки прежних кочевых завоевателей Китая

¹ Альфан Л. Великие империи варваров. От Великого переселения народов до тюркских завоеваний XI века / Альфан Л. – Москва : Вече, 2006. – С. 51.

(кидании, чжурчжэни и китайцы-северяне); а самая ущемлённая группа состояла из китайцев-южан, позднее всех попавших под монгольское владычество¹. При этом Хубилай допускал сохранение среди китайского населения их традиционного брачного законодательства, но не настаивал на том, чтобы эти законы соблюдались монголами, проживавшими в Китае. Ведь степные и китайские брачные нормы заметно различались. Например, кочевники практиковали левират, а в Китае он не был известен. Поэтому каждый смешанный монголо-китайский брак превращался в неразрешимую юридическую проблему. Возможно, в силу этого обстоятельства слияния кочевых варваров, победивших цивилизацию, и покорённого цивилизованного населения в Китае не произошло даже в течение полутора веков монгольского владычества.

В обстановке экономической деградации и правовой неразберихи варварским вождям предстояло решить, каким они хотят видеть своё будущее или, если точнее, чей престол они хотят занимать – своих предков или поверженных цивилизованных монархов? Первой мыслью, посещавшей их, наверняка был порыв попросту разграбить цивилизованные земли и вернуться на свои исконные территории, привезя богатую и экзотическую добычу. В частности, такие наследники Чингисхана как Чагатай (1183–1242 гг.) и Гуюк (1206–1248 гг.) предлагали поголовно уничтожить оседлое население Северного Китая и превратить земельные территории в пастбища². Несмотря на кажущуюся утопичность этого страшного замысла, он был вполне осуществим. В частности, гуннам удалось изгнать оседлое население из римской провинции Паннония, и затем почти четыре столетия этот край принадлежал исключительно кочевникам. У германских варваров тоже бывали аналогичные идеи, но все горячие го-

¹ Баялиева Е. Ф. Правовая ситуация в эпоху Юань // «Хэй да ши люэ»: источник по истории монголов XIII в. / Отв. ред. А. Ш. Хадырбаев. – Москва : Наука – Восточная литература, 2016. – С. 156-157.

² Нестерова Е. Б. Монгольская империя – стиль и методы управления и культурная конвергенция // «Хэй да ши люэ»: источник по истории монголов XIII в. / Отв. ред. А. Ш. Хадырбаев. – Москва : Наука – Восточная литература, 2016. – С. 117.

ловы неизбежно упирались в объективный факт: возвращаться с добычей было некуда. За то время, пока франки захватывали Галлию, гунны грабили и жгли Паннонию, а монголы прибирали к рукам Китай, их прежние места обитания прочно занимались другими общностями. Даже если речь идёт о монголах, то хан, владеющий Северным Китаем, не смог бы увести свою орду в Монголию, не нарушив прав на неё другого хана, своего родственника. Поэтому после недолгих размышлений варварам пришлось принять очевидное: придётся жить на захваченных землях, и новая жизнь будет тем богаче и комфортнее, чем раньше они научатся пользоваться техническими и политическими достижениями цивилизации, владевшей этим краем прежде.

В этот самый момент выяснилось, что новые регионы требуют новых, прежде незнакомых варварам способов ведения хозяйства и организации труда. Прежние социальные институты, эффективные в варварском обществе, не годились в новой обстановке. Например, такой фактор как большая протяженность захваченной территории, которую для надёжности следовало заселить своими соплеменниками, сразу же лишал варварских вождей даже полурегулярного войска, которое могло бы силой подавить протест цивилизованных аборигенов. Вот, к примеру, как обстояло дело вскоре после завершения монгольского завоевания Китая: «Все монгольские мужчины от 15 до 70 лет призывались на службу, образуя наследственную военную касту, но эта система, хорошо функционировавшая в степях, оказалась неудачной в Китае. Будучи кочевниками, они могли переходить от состояния мира к войне без особых трудностей, но в Китае из-за нехватки пастбищ им приходилось становиться земледельцами, и призыв в армию создавал для них большие сложности. (...) Китай в основном не был приспособлен для коневодства, а лошадей, ввозимых из Монголии и Кореи, никогда не хватало. Поэтому к началу XIV в. многие монголы уже не могли позволить себе перемещаться вместе с армией, и их военный потенциал значительно ослаб»¹. Расселение победителей-монголов по Китаю автоматически лишало

¹ Пирс К. Воины Китая. Под знаменем небесного дракона. 1500 г. до н.э. – 1840 г. н.э. – Москва : Эксмо, 2008. – С. 162.

их преимущества, которое некогда обеспечило победу: кочевники превращались в пешеходов и уже не имели былой мобильности и маневренности. Аналогичный процесс шёл и в захваченной оседлыми варварами Западной Европе. В частности, франки, овладев Галлией, сразу же потеряли преимущество, которое прежде обеспечивалось их компактным расселением в долине Рейна: теперь конунг больше не имел под рукой армии. Можно сказать, что народ-войско снова сменился племенным ополчением, которое не было возможно собрать быстро. Вот как описывает воинство франков в середине VI в. французский историк Ж. Тессье: «Армия не была профессиональной. Все мужчины, способные держать оружие, были обязаны нести службу всякий раз, когда в них нуждались. Разумеется, не всё население призывали на каждую кампанию, а только жителей определенных графств, и их численность зависела от важности похода. (...) Ни о каком жаловании речи не было, и боец жил за счёт добычи, захваченной у противника. Командным составом армия была обеспечена плохо, и военного искусства не существовало»¹. Таким образом, и монгольский хан, и франкский конунг быстро понимали, что их власть над проигравшим военное противостояние цивилизованным обществом может держаться только на сотрудничестве с побеждёнными. А для этого необходимо действовать методами, к которым побеждённые привычны. Хану неизбежно пришлось стать императором, а конунгу – королём, но подробно мы поговорим об этом в следующей главе. Пока же скажем, что попытка варварских завоевателей остаться в захваченной цивилизованной стране всегда приводит их к необходимости усваивать политическую культуру побеждённой цивилизации хотя бы во фрагментарном виде.

Другим большим вопросом варварских вождей на цивилизованных землях являются финансы. Налоговая система цивилизованного общества, одинаково проклинаемая как купцами, так и крестьянами, требует грамотного администрирования и точного соблюдения законодательства, которое варварам непонятно и ка-

¹ Тессье Ж. Крещение Хлодвиг (25 декабря 496 года?). – Санкт-Петербург : Евразия, 2019. – С. 237.

жется ненужным. В Тунисе вандалский конунг Гейзерих вообще отменил римские налоговые кадастры, чем немало порадовал колонов и свободных земледельцев¹. Но так как воинов и придворных нужно чем-то ежедневно кормить, то в скором времени Гейзерих не придумал ничего лучше, чем подвергнуть местное население бессистемным поборам, от которых вандалские переселенцы были закономерно освобождены. Под конец своего правления конунг пытался реанимировать римские налоговые учреждения, в первую очередь систему пошлин, но, разумеется, она была уже необратимо дезорганизована.

Ещё сложнее обстоят дела варварских завоевателей в регионах, богатство которых зиждется не только на сельскохозяйственном и ремесленном производстве, но и на международной торговле. Если у пахаря каждую осень можно попросту отнимать часть урожая, то крупного торговца можно всерьёз ограбить только один раз – в дальнейшем его бизнес разорится, и взять с купца будет уже нечего. Поэтому, например, в Персии варвары-победители раз за разом были вынуждены идти на сотрудничество с бюрократическим аппаратом и городским купечеством, не имея возможности ни отказаться от этого наследия цивилизации, ни заменить его каким-нибудь собственным институтом. По этому пути пришлось пройти всем кочевникам, когда-либо захватывавшим Персию – от арабов до монголов. Причём, все они помимо своей воли заимствовали персидскую модель управления, даже если не предоставляли персам равных прав со своими соплеменниками. В частности, поэт Юсуф Баласагуни так описывает необходимость при кочевом предводителе (беке) придворной должности визиря, с древних времён существовавшей при персидском шахе:

*Властителю должность визиря нужна:
Хороший визирь – беку доброго сна!
Визирю – нести его тяжкую кладь,
Визирю – основы основ укреплять.*

¹ Диснер Г.-И. Королевство вандалов. – Санкт-Петербург : Евразия, 2002. – С. 157.

*Ему самым избранным быть надлежит,
Пока ум понятлив, а сердце стучит.
Умом и познанием, как море, глубок.
Он в поте лица должен всё делать в срок.¹*

А поскольку степные империи, политика которых вершится в мигрирующих ставках ханов, должности, аналогичной визирю, никогда не имели, то вождю завоевателей невольно приходилось включать того или иного персидского аристократа в состав своего правительства. Так поступали арабские халифы, тюркские султаны и монгольские ханы, завоевывавшие Персию, но это означало и то, что их политический курс автоматически смещался от бескомпромиссного господства над местным населением к сотрудничеству с ним.

Итак, в данном параграфе:

- выявлены причины изменения военно-политического баланса между варварством и цивилизацией в пользу варварства. Во-первых, это упадок и разложение цивилизованного государства, которое приводит к тому, что его граждане теряют осознание своей культурной общности. Начинается бурный рост внутреннего варварства во всех его видах и конфигурациях. Поэтому чиновники и даже правители начинают приглашать внешних варваров на территорию государства в качестве земледельцев, наёмников и интервентов. Проще говоря, внутренние варвары пытаются заключить взаимовыгодное соглашение с внешними для того, чтобы обе стороны могли безбедно и безвозмездно жить за счёт материального ресурса цивилизации. Во-вторых, в ходе соседства с цивилизованным обществом внешние варвары постепенно наращивают свой военный и политический потенциал, их общество усложняется и к моменту новой встречи с цивилизацией представляет собой более серьёзную угрозу, чем прежде;

- установлено, что в зрелой цивилизации государство и общество взаимодействуют с внешними варварами порознь: либо государство пытается защищаться, но многие члены общества ока-

¹ Баласагуни Ю. Благодатное знание. – Ленинград : Советский писатель, 1990. – Изд. 3-е. – С. 220.

зывают варварам активную поддержку, либо наоборот (государственный чиновник селит варваров в домах граждан и угрожает домовладельцам наказанием за неповиновение);

- доказано, что варвары, захватив территории погибшего цивилизованного государства, всегда вынуждены идти на контакт с его населением, но из-за разницы культур и уровней социального развития взаимопонимание почти никогда не складывается. Поэтому возникают такие регрессивные явления как персональное право, а экономическая жизнь захваченной страны на долгое время оказывается в глубоком упадке.

Возможно, читатель обратил внимание на следующее противоречие. В предыдущем параграфе мы указывали, что ни кочевые, ни оседлые варвары не умеют штурмовать крепости и практически не знакомы с фортификацией. А в данном параграфе мы приводим перечни городов, в том числе и столичных, которые варвары захватили, разграбили или сожгли. Возникает закономерный вопрос: почему цивилизованное общество, многократно превосходя варваров в технологическом отношении, не смогло защититься при помощи фортификации: крепостей, фортов, острогов, укрепрайонов и т.д.? Мы намеренно ничего не писали ни о Великой китайской стене, ни о римском *limes*, ни об аналогичных сооружениях, созданных другими цивилизованными обществами. Роль подобных мер в политическом и экономическом взаимодействии варварства и цивилизации отнюдь не маленькая, и речь о ней пойдёт в следующем параграфе.

2.3. Фортификация – лимес или фронтир?

Выше мы рассмотрели военно-политические взаимоотношения цивилизации с её внешним варварским окружением и установили роль в этом процессе такого фактора, как внутреннее варварство. Мы видели, как молодое, духовно единое цивилизованное общество громит, теснит и покоряет внешних варваров, и на этом этапе для деятельности варваров внутренних не остаётся места: этот тип человека попросту отсутствует в молодом цивилизованном обществе. На этапах зрелости и распада цивилизация уже не расширяет орбиту своего влияния, потому что на её соци-

альном ареале начинается противоборство между деспотическим государством и не входящим в его аппарат обществом. В этой ситуации внутренние варвары стремительно увеличивают свою численность, ведь всё больше людей оказываются отвергнуты государством и поставлены в одностороннюю зависимость от него. Если цивилизация тождественна представляющему её интересы государству, то оставшимся вне государственных структур гражданам приходится противопоставлять себя и государству, и цивилизации. На фоне растущей социальной несправедливости и производного от неё обнищания широких кругов трудящегося населения внешние варвары уже не кажутся врагами. В скором времени они начинают просачиваться через государственные границы, при попустительстве варваризированных чиновников прибирать к рукам земли и должности, а затем попросту затопляют цивилизованный мир, сокрушая его политические структуры. Но разве цивилизация, имея колоссальное техническое преимущество перед варварами, не может сделать границу между *civitas* и *Barbaricum* принципиально непроницаемой? Если варвары не умеют штурмовать крепости, то почему бы не отсечь их земли от цивилизованного общества раз и навсегда, создав масштабные укрепления? Этот вопрос приходил в голову римским и китайским монархам не один раз, и на обоих краях Евразии указанные меры реализовывались с поистине имперским размахом. В данном параграфе мы рассмотрим роль возводимых цивилизацией фортификационных систем в её взаимодействии с внешним варварством.

Наверное, настоящими рекордсменами в оборонном строительстве были древние римляне имперской эпохи. Начиная с I в. н.э., они опоясали свои границы цепью крепостей, укрепленных военных лагерей и наблюдательных постов. Даже со стороны Сахары, где располагалось лишь дружественное римлянам царство гарамантов, были воздвигнуты несколько фортов и каструм (стационарный военный лагерь). На восточной границе (с Персией) опорными базами легионов служили мощные крепости Амида (ныне – Дьярбакыр) и Дура Европос, а северная граница империи представляла собой сплошной укрепрайон, получивший название *limes* / *лимес*, то есть «предел», «окончательная граница». Любо-

пытно, что в те моменты, когда Рим вёл с германцами и кельтами ожесточенную войну (I в. до н.э. – первая половина I в. н.э.), легионы не нуждались ни в каких крепостях, кроме собственных лагерей. Как только императоры отказались от мысли покорить Германию до Эльбы, согласившись провести границу по Рейну, то сразу же понадобились пограничные укрепления. Причём, кельты к этому моменту были покорены практически полностью и подверглись серьёзной ассимиляции (об этом будет подробно рассказано в следующей главе), а германские племена ещё не достигли такой степени милитаризации, которая позволила бы им атаковать имперскую границу силами, превышающими средние размеры дружин. Однако губернаторы пограничных провинций и даже монархи отнеслись к делу обороны со всей серьёзностью: строительство лимеса стало масштабным и долгосрочным государственным проектом.

Вот как описывает эволюцию линии укреплений отечественный исследователь И. В. Зиньковская: «В 83 г. при Домициане начинается строительство германского лимеса. Он соединил цепью оборонительных сооружений территорию от Аргентората (совр. Страсбург) до Могонциака (совр. Майнц). Домициан учредил провинции – Верхнюю Германию (центр – Майнц) и Нижнюю Германию (центр – Кёльн), прилегающие к Бельгике (центр – Реймс). Территории римской Германии стали самым милитаризованным регионов Империи. Здесь были расквартированы от 8 до 10 легионов, т.е. вместе со вспомогательными частями до 120 тыс. солдат. К Верхней Германии и Реции отошли «Десятинные поля» – прирейнские земли со смешанным кельтско-германским населением. В результате строительства лимеса резко сократились проникновения германцев на римские территории»¹. Германский лимес плавно соединялся в верховьях Дуная с дунайским укрепрайоном, образуя сплошную охраняемую границу от устья Рейна до Чёрного моря.

Однако из описания германского укрепрайона, приведенного И. В. Зиньковской, сразу же становится заметным важный аспект,

¹ Зиньковская И. В. Варварские государства раннесредневековой Европы: учебное пособие. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2015. – С. 48.

который в долгосрочной перспективе должен был привести к подрыву планируемой обороны: наличие в рядах пограничников солдат вспомогательных войск, то есть германских наёмников. Сегодня эти люди помогали легионерам строить и охранять лимес, а завтра, демобилизовавшись, чертили схему укреплений для первого встречного ярла.

Что представлял собой лимес с точки зрения фортификации? Немецкий историк Г. Дельбрюк кратко описывает его эволюцию: «Первый пограничный вал состоял из сплетённых оборонительных щитов (*vineae*). При Адриане вместо них появились палисадные ограждения, а через несколько поколений палисады были дополнены и заменены валом и рвом. Приблизительно в начале III столетия к этим укреплениям прибавилась последняя часть, а именно высокая каменная стена, расположенная на участке к северу от Дуная, на ретской границе»¹. Казалось бы, вторгнуться в империю через такую мощную стационарную оборонительную линию не смогли бы не только дружины германских налётчиков, но даже полноценная цивилизованная армия.

Увы, факты свидетельствуют об обратном. Французский историк Л. Альфан приводит краткую хронику вытеснения римлян из укрепленного района между верховьями Рейна и Дуная, именуемого Десятинные поля: «Натиск на Майн шёл непрерывно и с такой силой, что в 275 г. римляне были вынуждены окончательно оставить передовую защитную зону, которую на правом берегу Рейна образовали «Декуматские поля». Здесь вместо них поселились аламанны, понемногу продвинувшиеся в I и II вв. из Бранденбурга до Эльбы, а потом от Эльбы до Майна. Лишь блистательная победа императора Юлиана над ними на Страсбургской равнине в 357 г. смогла задержать их на время; но было ясно, что борьба с этими германцами скоро потребует новых жертв – аламанный народ, агрессивный, привыкший с конца III в. к дальним набегам на Эльзас, Лотарингию и даже на Бургундию и Шампань, к середине IV в. вошёл в число народов, имя которых

¹ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории в 7 т. Т.2. Германцы. – Москва : Воениздат, 1937. – С. 136.

наводило наибольший ужас на Галлию»¹. Почему же рвы, палисады и стены не смогли остановить варваров, которые даже не располагали стенобитными орудиями? Ответ прост и печален: варвары не штурмовали укрепления, а попросту перебирались через них в тех местах, где отсутствовала стража. Сначала это были лишь грабительские вылазки небольших дружин, и в этот момент лимес оказал германцам колоссальную услугу, позволив им завершить превращения племён в народы-войска без римского вмешательства. Слишком беспокойные ярлы и дружинники всегда имели возможность показать свою удаль, устраивая в набеги за лимес, и если кто-то из них находил свою смерть от рук его защитников, то «дуксы» и «рексы» на родине вздыхали с облегчением. Германский мир развивался, используя имперскую границу как тренажёр для отработки боевых навыков, а античная цивилизация жила за этим «железным занавесом», предоставив его защиту профессионалам и не интересуясь происходящим.

Хотя, наверное, это была всё-таки несбыточная мечта римлян – не знать ничего о пограничном положении дел. Ведь легионы, стоявшие в лагерях вдоль Рейна и Дуная, следовало содержать, и эта огромная, растянутая вдоль границ армия поглощала больше половины имперского бюджета. Любая оптимизация воинских частей сразу же создавала в обороне брешу, а если полководец поддавался искушению принять участие в борьбе за престол и уводил войска вглубь страны, то сразу же происходило серьёзное нашествие, как это случилось в III в. на Дунае. Неслучайно император Константин (272-337 гг.) пытался сформировать отдельные пограничные войска (*limitanei*), которые бы несли службу на окраинах страны и базировались вдоль лимеса. Такие части запрещалось переводить из одной провинции в другую, а в случае, если они не справлялись, и прорыв всё же происходил, против варваров предполагалось использовать *comitatensis* – войска быстрого реагирования. И, разумеется, эта стратегия не привела ни к каким положительным результатам: пока крупные соединения пограничников и спецназа патрулировали границу, варвары могли

¹ Альфан Л. Великие империи варваров. От Великого переселения народов до тюркских завоеваний XI века. – Москва : Вече, 2006. – С. 12.

на неё не нападать, живя своей домашней жизнью и решая важные для племён проблемы, а через 2-3 года, хоть раз не получив жалования, римские военные начинали бунтовать, дезертировать и грабить собственных мирных граждан. Вот тогда и следовал варварский набег, превращающийся в форсирование никем не охраняемой стены и удар в спину увлечшимся политическими протестами пограничникам. Если же правительство щедро оплачивало службу войск, часто инспектировало их и поддерживало в постоянной боеготовности, то на это уходило огромное количество денег, а налогоплательщики стремительно нищали. Получалось, что сама система лимеса разоряла армию и истощала имперскую казну серьезнее любых варварских налётчиков. А если учесть, что, объявляя о сецессии или замышляя государственный переворот, провинциальные губернаторы порой распахивали ворота крепостей и приглашали себе на помощь варварские контингенты, то лимес и вовсе терял смысл. Напомним, что варвары, ожидая благоприятного для нападения момента, ничем не рисковали, так как оборонительная военная доктрина дряхлеющей империи не позволяла легионам наносить превентивные удары по варварским территориям. Когда же очередной финансовый кризис или политическая смута уводили имперских воинов искать счастья ближе к столице, то пустые крепости и неохраняемые стены не могли остановить варваров, даже если те карабкались на них средь бела дня, как альпинисты, или с шумом и грохотом выбивали ворота при помощи бревна.

Важно отметить, что, проектируя первый лимес как заграждение из кольев со щитами, император Домициан вовсе не предполагал, что такой мерой он сможет остановить внешних варваров. Замысел монарха носил исключительно тактический характер: разъединить внешних и внутренних варваров на короткий промежуток времени, достаточный для того, чтобы легионы успели подавить внутреннего врага. На эти размышления венценосца навёл следующий случай. В 89 г. военачальник Антоний Сатурнин, командовавший легионами в Могонциаке, поднял против императора восстание и пригласил себе на помощь живших за границей германцев, не считаясь с их племенной принадлежностью. Разумеется, на призыв пограбить имперское приграничье отклик-

нулось множество ярлов со своими дружинами. Провинцию спас счастливый случай: на Рейне тронулся лёд, и варвары не смогли вовремя соединиться с мятежниками. Восстание было подавлено до того, как интервенты успели перейти границу, и германцы без боя вернулись восвояси¹. На этом примере император увидел, как важно затруднить быстрый переход границы. Созданная им изгородь из кольев и щитов не смогла бы замедлить продвижение отряда, состоящего из нескольких десятков человек, но даже сотня налётчиков, имеющих в своём распоряжении боевых коней и телеги для трофеев, провозилась бы у изгороди не меньше суток. За это время армия успела бы расправиться с мятежниками и выступить навстречу внешнему врагу. Император Домициан ни в коем случае не считал, будто заборы способны остановить врага сами по себе, без наличия воинов, которые будут с этим врагом сражаться.

Возникает странный по отношению к древним римлянам вопрос: почему они не покорили германцев превентивно, так, как прежде сделали это с галльскими кельтами и народами Средиземноморья? Причин видится две. Во-первых, германские племена не располагали богатствами или полезными ресурсами, которые было бы выгодно у них отобрать. Поэтому античная цивилизация в пору своей молодости использовала западных германцев лишь в качестве спортивного снаряда, на котором Гай Юлий Цезарь, Нерон Клавдий Друз и Юлий Цезарь Германик в разовом порядке показали столичной публике свою воинскую удачу. Во-вторых, войдя в пору зрелости, античная цивилизация, подобно любой другой зрелой цивилизации, настолько прониклась стремлением к материальному комфорту, что стало невозможно найти желающих воевать на краю света, а после победы остаться там жить. То есть больше никто не хотел расчищать и распахивать дикие земли и строить дом своими руками, с тревогой ожидая первого урожая. Легионы по-прежнему одерживали победы над врагами, но даже отставные солдаты, как мы знаем из слов Тацита

¹ Светоний Г. Т. Жизнь двенадцати цезарей / Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. – Москва : Эксмо, 2006. – С. 286.

та, теперь воспринимали земли, выделенные им в новых провинциях, как болота и бесплодные камни. И именно поэтому поздняя античная цивилизация больше не могла проводить захватническую политику: максимум, на что мог рассчитывать римский император по мирному договору, – это поставить в зависимость от себя того или иного местного правителя, обложить его данью и заставить воевать вместо легионов. В таких условиях даже заведомо более слабый противник, если только он не пугался боевых действий, превращался для империи в постоянный источник беспокойства, который можно было умиротворить лишь временно. Легионы могли победить того или иного варварского вождя, но они больше не могли превратить варваров сначала в пленников, а затем – в податное население империи. Даже если представить, что легионеры устроили бы геноцид того или иного кельтского или германского племени, то на пустующих землях вскоре обосновались бы не менее агрессивные соседи поверженной общины и тревожили бы имперские границы точно так же, как и побеждённые. Отвергая ручной труд и дискомфорт, цивилизация сама лишила себя возможности осваивать новые края. Теперь удары её легионов создавали не новые провинции, а вакуум, которым моментально заполнялся двойниками побеждённых варваров. Поэтому строительство оборонительных линий, которые в теории должны отрезать неуёмных агрессоров от цивилизованного общества, начинается даже там, где цивилизация обладает абсолютным военным превосходством над варварами.

Интересный пример оборонительной политики зрелой цивилизации представляет собой римская Британия. В I в. н.э. сопротивление коренных жителей её южной части было сломлено, римский полководец Тит Флавий Веспасиан подавил восстание племени иценов под руководством царицы Боудикки (60 г.), а его коллега Гай Светоний Паулин взял штурмом и разрушил святилище в Англси (61 г.), религиозно-политический центр британского друидизма. Захваченные территории были быстро умиротворены, завоеватели основали такие города как Лондиний (Лондон) и Эборак (Йорк), дикие территории были подвергнуты интенсивной сельскохозяйственной колонизации путём устройства на них вилл. В 83 г. имперский наместник Гней Юлий Агрикола

совершил поход в Шотландию (Каледонию) и на голову разбил объединенные силы местных вождей в битве у горы Гравпий на северном побережье острова. Также по приказу Агриколы была предпринята экспедиция в Ирландию. Казалось, что данные территории захвачены надёжно и основательно. Однако в I в. н.э. античная цивилизация окончательно перешла на этап зрелости, а её политические деятели больше интересовались эффективностью государственного механизма внутри имперских границ, а не экспансией за их пределы.

С одной стороны, столичные негоцианты не собирались отказываться от Британии, потому что на острове находились богатейшие оловянные прииски, но, с другой стороны, никто из них не собирался переезжать из комфортабельного Рима в далёкую провинцию и, тем более, вкладывать деньги в освоение её окраин. Имперские чиновники наверняка хватались за голову при мысли о том, сколько придётся проделать бюрократической работы для того, чтобы направить в Британию дополнительные войска и организовать в Шотландии военные лагеря. Агрикола со своими инициативами выглядел на таком чиновно-коммерческом фоне попросту неуместно. Публий Корнелий Тацит, приходившийся полководцу дальним родственником, так характеризует доминирующее в Риме настроение, когда Агрикола отчитался о своём походе в Шотландию: «Даже к славе и доблести ныне относятся неприязненно, потому что при ближайшем знакомстве с ними они воспринимаются как осуждение противоположного им»¹. И, разумеется, никого из коммерческих дельцов не заботил тот факт, что побеждённые на поле боя пикты и скотты вовсе не признали над собой римской власти и не собираются переходить от варварских набегов к мирному земледелию. Они нападали римских поселенцев, жгли виллы, а наместник провинции в ответ мог предпринять лишь небольшую карательную экспедицию: на большее у него попросту не хватало войск и средств. Столица теперь жила иными настроениями, и никто из богачей или чиновников не стал бы финансировать войну на краю света. Поэтому

¹ Тацит П. К. *Анналы. История.* – Москва : НФ «Пушкинская библиотека», 2005. – С. 181.

губернаторам пришлось переходить к стратегической обороне, хотя подчиненные им легионы были сильнее пиктских и кельтских отрядов и в бою всегда одерживали верх над последними. Наместники могли разбить аборигенов, но для полноценной оккупации не имели достаточного количества воинов и гражданских колонистов, а для того, чтобы ассимилировать скоттов в культурном отношении империя, уже не располагала привлекательной культурой, да и не было желающих отправляться в Британию и знакомить местных варваров с античной классикой. Немецкий историк Т. Моммзен печально резюмирует: «Однако Рим был в то время уже не в состоянии прививать свой дух другим странам; прежние творческие силы и изливающаяся на другие народы мощь народного духа уже покинули его. Во всяком случае, Рим уже едва ли был способен осуществить такое завоевание, которое достигается не распоряжениями и передвижением войск»¹.

Скотты, пикты и валлийские кельты хорошо помнили, как легионы умеют громить противника, но также эти варвары почувствовали безнаказанность. Какой смысл бояться легионов, если те практически не покидают своих укрепленных лагерей и очень редко успевают вовремя приходить на выручку земледельцам? Опять же, если римские легионеры не считали скудное имущество варваров за полноценные трофеи, то для скоттов и кельтов крестьянский скот и сельскохозяйственный инвентарь представляли немалую ценность. Поэтому нападения на имперские виллы и небольшие городки не прекращались. Цивилизация не сражалась с противником, которого она могла буквально раздавить одним мизинцем.

Некоторые императоры, внимательно относившиеся к положению дел на окраинах страны, предприняли ряд мер для того, чтобы сделать жизнь в Британии безопасной. Одним из таких монархов был император Адриан (76–138 гг.), в 122 г. лично прибывший в Британию для организации надежного лимеса по образцу тех, что уже прикрывали от варваров границы на Рейне и

¹ Моммзен Т. История Рима. В 5 т. Т. 5. Кн. 8. – Москва : АСТ, 2002. – С. 185.

Дунае. Благодаря его усилиям получилась впечатляющая система укреплений. Вот как описывает её У. Черчилль, тщательно изучавший тот исторический период: «В течение последующих пяти лет был построен военный барьер между Тайном и Солуэем длиной в 73 мили. Он состоял из каменного вала 8-10 футов толщиной, имел 17 крепостей со вспомогательными когортами, около 80 укрепленных пунктов и вдвое большее число сигнальных башен. Перед стеной прорыли ров глубиной 30 футов, а дальше ещё один, служивший таможенной границей и, возможно, контролировавшийся финансовой администрацией. Все эти сооружения требовали гарнизона примерно в 14 тысяч человек, не считая 5 тысяч, которые, независимо от боевых частей в крепостях, несли патрульную службу вдоль стены. Войска снабжались местным населением, платившим налоги пшеницей, каждая крепость имела хранилище, рассчитанное на годовой запас продовольствия»¹. На какое-то время такой укрепрайон снизил число варварских атак, но он же поставил виллы и деревни провинции на грань разорения: кормить такое серьёзное воинство как защитники Адрианова вала британцам оказалось не по карману. Поэтому в крепостях британского лимеса наблюдалась хроническая нехватка защитников, хотя и в этом своём состоянии укрепления сдерживали пиктов и скоттов неплохо. Проблема заключалась лишь в том, что варвары нападали на лимес безнаказанно: даже не сумев прорваться в мирные районы острова, они попросту уходили в свои леса и горы, чтобы собрать новые силы и попытать удачу снова. Иногда легионы совершали ответные экспедиции в Каледонию и разгоняли банды налётчиков по медвежьим углам, но большой пользы такие вылазки не приносили.

В конце III в. южная часть острова подверглась флибустьерским нападениям германского племени саксов. Для борьбы с ними пришлось строить новую линию из восьми крепостей от реки Уолш до Саутгемптона, центром которой стала морская база Ричборо. Имперским губернаторам и полководцам пришлось даже сформировать отдельную эскадру для обороны острова от

¹ Черчилль У. С. Рождение Британии. – Смоленск : Русич, 2005. – С. 44.

саксонских набегов, но стратегия этого флота была оборонительной, а значит, он не наносил врагу ударов на опережение. Инициатива целиком и полностью принадлежала саксам на море и пиктам на суше, а цивилизация лишь вяло оборонялась. При этом боевые качества имевшихся в её распоряжении сил всё равно во много раз превосходили всё, что могли противопоставить ей варвары. Вот как описывает У. Черчилль эскадру, охранявшую от саксов британские берега: «Такой флот, Классис Британика, существовал с I в. Его постоянными пунктами были Дувр и Лимпне. Весь берег был подготовлен к обороне, и на долгое время эти меры оказались эффективными. Вегеций, писавший в IV в. об искусстве войны, упоминает особый тип лёгких галер, входивших в состав британского флота. Эти суда, а также паруса, одежды экипажа, даже лица были выкрашены в цвет морской волны, чтобы сделать их невидимыми, и Вегеций сообщает, что их называли «раскрашенными». По мере того как имперская и британская морская мощь постепенно уступала силе разбойников, стены крепостей росли всё выше, а польза от них уменьшалась»¹. Баркасы, на которых саксы переправлялись через Северное море, не представляли для римских боевых кораблей ни малейшей угрозы. Даже если бы германские налётчики путешествовали на драккарах, как их далёкие потомки-викинги, то всё равно первая же встреча с цивилизованной эскадрой отправила бы всё их воинство ко дну. Но морякам регулярного флота нужно регулярно платить, корабли необходимо ремонтировать, а за полководцами время от времени следует присматривать, чтобы они не примеряли корону и не путали военную казну с собственным карманом. Едва внутренние варвары получили доступ к управлению оборонительной системой провинции, как весь военный механизм британского лимеса тут же пришёл в упадок. Причём, иначе и быть не могло: если имперская армия и флот принципиально не атакуют внешних варваров, то для последних победа над империей — лишь вопрос времени. Ожидая, пока внутренние варвары развоят и растащат по частям вооруженные силы своей страны, вар-

¹ Черчилль У. С. Рождение Британии. — Смоленск : Русич, 2005. — С. 52.

вары внешние ничего не теряют и, более того, успевают решить множество собственных внутриполитических проблем.

У. Черчилль ярко описал деятельность внутреннего варвара на ответственной военной должности, рассматривая персону и методы командующего британской эскадрой Караузия, назначенного на эту должность в 285 г. Тот изобрёл оригинальный способ разбогатеть, через своих агентов наводя саксов на наиболее богатые поселения побережья, а затем перехватывая и громя отягощённых добычей налётчиков на обратном пути. Бесспорно, в ходе таких операций имперские моряки расправились с большим количеством пиратов, но всё награбленное последними добро оставалось в собственности Караузия¹. Привыкнув к безнаказанности, флотоводец в 287 г. объявил себя императором и попытался завоевать Британию, выступив против её губернатора Максимиана. После ряда победоносных столкновений с правительственными войсками Караузий получил от императора легальное право управлять Британией и северной Галлией, а в 293 г. был предательски убит по приказу монарха. Разумеется, такие персонажи не могли добавить цивилизованному порядку стабильности, хотя их успехи в локальных стычках с варварами в отчётах выглядели как методичное повышение обороноспособности укрепрайона.

В IV в. легионы, расквартированные в Британии, нередко уходили на материк, чтобы завоевать императорскую диадему для своих полководцев, тем самым, бросая лимес без защиты. В 410 г. император Гонорий вообще вывел все войска с острова, посоветовав его жителям как-нибудь защищать себя самостоятельно. А в середине V в. представители британско-римского нобилитета, как и многие их коллеги на материке, пригласили на остров варваров, чтобы те защищали их от пиктов и скоттов. Так в Британии совершенно легально появились те самые саксы, которых двести лет сдерживал лимес. Только они не стали служить местным правителям, а принялись за методичное завоевание и опустошение острова, расправляясь с цивилизованными жителями и грабя всё, до чего могли дотянуться. То есть внутренние варвары

¹ Черчилль У. С. Рождение Британии. – Смоленск : Русич, 2005. – С. 53-54.

сами впустили в страну варваров внешних, и никакие укрепления, давно оставшиеся без защитников, не могли повлиять на этот процесс.

Возникает закономерный вопрос: могут ли брошенные укрепления быть полезными мирным жителям в наступивший период тёмных веков? Может быть, горожане и жители ближайших к заброшенным крепостям деревень могут оборонять старинные стены сами? Увы, это им оказалось не под силу. Варварские нашествия на Западную Римскую империю продемонстрировали, что укрепрайоны, спроектированные для обороны внушительными воинскими частями и соединениями, бесполезны для мирных жителей. Французский исследователь Л. Мюссе описывает этот парадоксальный факт: чем меньше были размеры крепостей, тем надёжнее они укрывали гражданское население. «Города, которые обзавелись слишком протяженными крепостными стенами к III в., было невозможно оборонять местными средствами, не прибегая к мобильной армии. Безусловно, именно этим объясняется та лёгкость, с которой франки утвердились в Кёльне (сохранившем свою стену времён Клавдия, окружающую территорию в 100 га), и четыре захвата Трира в V в., известные Сальвиану (у города имелась гигантская стена древней столицы, 285 га). Орлеан со своей небольшой стеной вокруг территории в 25 га, напротив, смог стать оплотом римской обороны на Луаре, а Сиагрий (правитель Галлии после гибели империи – С.С., И.Ч., В.Ч.) сделал своим опорным пунктом Суассон (12 га). (...) Если городские стены в целом выдержали испытания, то в отместку варварские нашествия за три века окончательно добились линейные укрепления, протянувшиеся вдоль сухопутных или приморских границ *limes* (курсив автора) в Галлии и Британии»¹.

Таким образом, мы можем однозначно констатировать: римский лимес не только не выполнил своих задач, но и в принципе не мог их выполнить. Все эти масштабные укрепления и военные базы должны были оберегать границу между варварством и цивилизацией вечно, но авторы этой стратагеми не учли, что обще-

¹ Мюссе Л. Варварские нашествия на Европу: германский натиск. – Санкт-Петербург : Евразия, 2006. – С. 221.

ства по обе стороны границы продолжают развиваться – каждое своим путём. И если мир оседлых варваров под влиянием соседства с империей консолидировался и милитаризировался, то цивилизация под влиянием внутреннего варварства слабела и дезинтегрировалась. В определённый момент у неё закончился организационный ресурс, позволяющий содержать развитую систему обороны, и лимес превратился в кучу камней, никому не нужную и никем не охраняемую. Внешние варвары не преминули возможностью перебраться через эти брошенные ограды, тем более, что по другую сторону стен нашлось немало желающих их приветить и втянуть в политические интриги умирающей цивилизации.

Китайская цивилизация тоже создала собственный вариант лимеса, и его историческая роль похожа на ту, которую играли античные пограничные укрепления. Традиция фортификационного строительства и создания укрепленных пограничных рубежей в Китае возникла даже раньше, чем единое государство. В частности, даже первые китайские города, такие как Ао, были окружены валами из утрамбованной земли, достигавшими 18 метров в толщину и 7 метров в высоту. Ещё до н.э. такие укрепления обзавелись дозорными башнями, а позднее оборона была усилена камнемётами, позволявшими стрелять по осадным орудиям противника. Но китайские стратеги пошли дальше, чем возведение городских крепостей: ещё до первого объединения Китая почти каждое княжество или царство стремилось окружить свои земли сплошной цепью из стен и башен, защищаясь одновременно от варваров и цивилизованных соседей. Это было поистине масштабное оборонное строительство. Вот как описывает эти мероприятия британский историк К. Пирс: «Другим аспектом китайских фортификаций было строительство длинных стен для защиты от северных варваров в VIII в. до н.э., к V в. до н.э. эта техника распространилась как защита не только от варваров, но и от китайских соседей. Хань, Вэй, Чжао, Ци, Янь, Цинь, Чжоншань и Чу – все имели стены в IV в. до н.э., некоторые из них ещё частично сохранились, несмотря на то что Циньская империя ликвидировала внутренние заграждения. Вэй защищались от Цинь с помощью двух параллельных стен длиной 540 футов (около 166

м.), находившихся на отдалении друг от друга, внешняя стена была толщиной более 20 футов (около 6,2 м.)»¹. И ведь речь идёт именно о рядовых, ничем не примечательных укреплениях, а вовсе не о Великой китайской стене, строительство которой началось только в 215 г. до н.э. В течение всей древней и средневековой истории Китая именно фортификации принадлежала главная роль в обороне страны от кочевников, а феодальных государей – друг от друга и от центральной власти. Тем более, что стены из утрамбованной земли, возведенные под небольшим наклоном, выдерживали попадания не только камней из катапульт, но и пушечных ядер, чего нельзя сказать о каменных замках западноевропейских владетельных сеньоров.

Великая китайская стена, представлявшая собой грандиозный, даже не снисшедший римским военным строителям лimes, меняла свои контуры вместе с государственной политикой. В частности, современные очертания стена приняла при династии Мин, в правление которой в Военном министерстве велись бурные дискуссии о преимуществах оборонительной и наступательной стратегий. Примечательно, что в XVII в. некоторые башни Великой стены даже были оснащены пушками, то есть укреплялся район никогда не терял своей актуальности в глазах китайских военных.

Помог ли такой лimes китайской цивилизации выстоять против степных варваров? Не помог и не мог помочь даже в принципе. Этому есть ряд важных причин.

Во-первых, как мы заметили выше, кочевое хозяйство не может быть самодостаточным, и поэтому кочевники с самой древности вели с императорским Китаем бойкую торговлю. Великая стена не отсекала варварство от цивилизации наглухо, как должен был сделать Адрианов вал, а лишь помогала правительственным войскам фильтровать проникающих в Китай степняков. При этом империя не могла отказаться от торговли со степью, так как не имела собственных пастбищ для разведения лошадей. Имперские военные могли лишь дифференцировать кочевников на благонадежных и злонамеренных, но отказаться от любых контактов с

¹ Пирс К. Воины Китая. Под знаменем небесного дракона. 1500 г. до н.э. – 1840 г. н.э. – Москва : Эксмо, 2008. – С. 55.

ними не могли. Как мы видели, в императорском войске служило немало степных наёмных контингентов. Поэтому остаётся признать, что варвары проникали в Китай, легально минуя лимес, а иногда переселялись целыми племенами, следуя недалёковидным приглашениям императоров и их министров.

Во-вторых, содержание гигантского лимеса приносила казне гигантские убытки. Иногда кочевники не тревожили Китай десятилетиями, а войска, несшие вахту на Великой стене, нужно было содержать каждый день. Даже неприхотливые, кормившие сами себя воины-фубин получали оружие из государственных складов, и, следовательно, по несколько десятилетий к ряду императорские мастерские производили продукцию, которая никак не окупалась.

Та же проблема обозначилась и при возведении армией укреплённых полевых лагерей в эпоху династии Тан. Задачей такого лагеря было защитить спящее войско от внезапного ночного нападения степной конницы, и полководцы добросовестно принялись разрабатывать модель, которой мог бы позавидовать любой римский консул. Увы, древнекитайская разработка выявила все те роковые издержки, которые стратеги почему-то не замечали при проектировании лимесов. Приведём ироничное описание танского полевого лагеря, данное К. Пирсом на основе китайских классиков: «Танские армии во время походов защищали себя, когда это было возможно, с помощью тщательно подготовленных и укреплённых лагерей. Ду Му, писатель IX в., приводит некоторые интересные детали по поводу проведения этих работ. Каждая дивизия армии имела собственный огороженный лагерь. Они были связаны друг с другом валом и тропами и отстояли друг от друга на 50 или 100 шагов, так что могли поддерживать друг друга, пуская снаряды. Там, где тропы пересекались, были построены маленькие башни с возвышавшейся кучей дров, которые поджигались для предупреждения об атаке. Таким образом, если враг вынужден был прокладывать путь через укрепления, он оказывался окруженным небольшими фортификационными сооружениями. Освещённого кострами, его могли со всех сторон обстрелять с высоких позиций. Рекомендовалась тактика, при которой атакующим позволялось свободно войти в укреплённый ком-

плекс так, чтобы они оказались в ловушке. Неудивителен комментарий Ду Му: «Нашим единственным опасением является то, что враг не будет атаковать ночью»¹. Разумеется, данные лагеря моментально превращались из военных в концентрационные, стоило лишь мобильным отрядам кочевников перерезать армейские коммуникации. Также штабным специалистам имперского Китая следовало учитывать трудоемкость, долговременность и дороговизну таких работ, которые, к тому же, лишали любой поход фактора внезапности. Поэтому такие укрепленные лагеря, скорее всего, существовали лишь в теории, а на практике войско империи Тан стремительно маневрировало в степи, навязывая варварам постоянные столкновения и отсекая кочевые орды от источников воды. К сожалению, то, что было понятно китайским боевым офицерам, часто становилось тайной за семью печатями для стратегов из имперского Военного министерства.

Говоря о китайском лимесе, необходимо упомянуть и фактор внутреннего варварства. Мы уже видели, какой прибыльный бизнес организовал римский флотоводец Караузий, используя своё служебное положение и особенности британской оборонительной линии. Его китайские коллеги действовали ещё более прямолинейно. В частности, последний в истории прорыв Великой стены кочевниками произошёл в 1644 г. без единого выстрела или сабельного удара. Воспользовавшись смутой и гражданской войной, командующий пограничной заставой Шанхайгуань по имени У Саньгуй добровольно открыл крепостные ворота кочевникаманьчжурам князя Доргуня. Важно отметить, что маньчжуры не предлагали коменданту никаких взяток и вообще не собирались нападать на империю, У Саньгуй сам вышел с ними на контакт и уговорил князя организовать вторжение. После того, как кочевники захватили Китай и установили свою власть под именем династии Цин, военачальник-ренегат занял ответственный пост в их армии. Но служить кому-либо верой и правдой такие люди не способны, и в 1670-х гг. У Саньгуй составил заговор уже против цинского правительства, за что и поплатился.

¹ Пирс К. Воины Китая. Под знаменем небесного дракона. 1500 г. до н.э. – 1840 г. н.э. – Москва : Эксмо, 2008. – С. 118.

Располагала ли аналогом лимеса индийская цивилизация? Если учесть, что политического единства Арьяварта никогда не знала, то её укрепрайоны могли быть только локальными. Однако это никак не влияло на умение индийских раджей и архитекторов строить крепости. Каждый местный князь стремился обезопасить города и торговые пути в своих владениях, для чего предпринимал строительство укреплений в стратегически важных местах. Советский историк К. З. Ашрафян так характеризует основные приёмы индийской фортификации с древности до XVII в.: «Кроме укреплённых городов, существовало большое число небольших крепостей – тхана. В отличие от мощных фортификационных сооружений, защищавших города и известных обычно под названием «келе» (кила) и «кот», тхана строились на границах государства или наместничеств, у речных переправ и горных проходов, а также просто на дорогах. Тхана служили базами для борьбы с мятежными князьями и племенами, для изъятия у них дани, расширения власти султанов за счёт земель непокорных феодалов и независимых племён или этнографических групп»¹. Если бы войны между индийскими княжествами велись по средиземноморским правилам, то крепости сослужили бы своим владельцам не одну добрую службу. Но вспомним, что индийская политическая картина мира отдаёт предпочтение не прямой военной победе над противником, а аккуратному и методичному его ослаблению при помощи интриг и окончательному торжеству над ним при помощи предательства. Поэтому большинство индийских «тхан» никто не штурмовал: враги просто ждали, пока противник ослабнет настолько, что не сможет содержать гарнизон, или попросту покупали капитуляцию у коменданта.

Особый тип индийских крепостей представляет собой «гарх» – аналог рыцарского замка, во множестве экземпляров возводимый раджпутскими кланами на неприступных скалах. Благодаря тому, что в раджпутской среде продажность и склонность к общению с иноземцами, мягко говоря, не приветствовались, от-

¹ Ашрафян К. З. Средневековый город Индии XIII – середины XVIII века (проблемы экономической и социальной истории). – Москва : Наука, 1983. – С. 87-88.

крыть ворота замка врагам желающих обычно не находилось. Поэтому история Раджастхана содержит немало преданий о длительных осадах и героической обороне рыцарских замков. Тем более, что их строители знали толк в использовании местности и возведении каменных стен. Вот как описывает самую известную раджпутскую крепость – Читтор – отечественный историк Е. Н. Успенская: «Стоя на крепостной стене Читторгарха, возвышающегося действительно как корабль над всем и вся в округе, я поняла, почему люди поклонялись небу. Там, в древней раджпутской крепости, как нигде, можно было чувствовать себя защищенной от всех и от всяческих бурь и невзгод, и даже от самой жизни с её превратностями. Раджпутская крепость не могла бы защитить только от судьбы. Только небо было выше, и только оно решало, чему быть. (...) Читтор был окружен несколькими рядами стен; внизу протекает река, и в отдалении, внизу, раскинулся современный городок. В крепости семь огромных ворот; на восток смотрят главные Ворота Солнца, а в южную, неблагоприятную, сторону сделан один небольшой проем, через который сбрасывали со стены преступников и предателей»¹. Расположенный на вершине скалы, окруженный стенами замок Читтор имел громадные хранилища зерна и автономные от реки под горой источники воды. Его владельцы и отважные защитники, раджпуты клана Сисодия, не боялись никого и ничего и были готовы встретить любого врага с обнажёнными мечами в руках. Но помогло ли это крепости выстоять хотя бы во время одной из осад, которым она подвергалась, по меньшей мере, раз в столетие? Нет, не помогло. Каждый раз, когда превосходящие силы противника показывались в округе, раджпуты запирались в своей твердыне и готовились оборонять её так долго, пока... произойдёт что? Пока у противника не закончатся припасы и пока родственные и вассальные раджпутские кланы не перережут линии снабжения вражеской армии, и враг будет вынужден бесславно отступить. Именно поэтому Читтор был снабжён огромными зернохранилищами: его защитники готовились держать осаду год или даже

¹ Успенская Е. Н. Раджпуты: рыцари средневековой Индии. – Санкт-Петербург : Евразия, 2000. – С. 175.

два, если понадобится. Но их замысел «пересидеть» противника мог реализоваться только в одном случае: если не затронутые осадой вассалы придут к ним на выручку и нарушат вражеские коммуникации. Если бы речь шла о рыцарях Западной Европы, сражающихся с викингами или мадьярами, то именно так они бы и поступили. Однако индийская воинская аристократия руководствовалась максимами «Артхашастры», а в этой книге содержится специальный совет для вассалов: «(Государь), не имея возможности (заключить союз), должен держать себя как такой, который уступает силе. Когда же он увидит, что у другого появилась неизлечимая болезнь, что внутри его государства смута, что силы его врагов растут, что друзья его терпят несчастья и что вследствие этого имеется выгода для него самого, тогда он может под предлогом воображаемой болезни или благочестивого действия удалиться (от того, в чьей зависимости он находится). Или же, находясь в своих собственных пределах, он может не оказывать помощи (тому, в чьей власти он находится, когда тот потребует от него помощи). Далее, находясь вблизи него, он может внезапно нанести ему удары в наиболее уязвимое место»¹. В результате такой характерной для индийской цивилизации внешнеполитической методологии крепости, подобные Читтору, долго и стойко держались против вражеских полчищ, из их ворот совершались отважные вылазки, в их стенах разыгрывались жуткие трагедии, но все они раз за разом оказывались в руках завоевателей задолго до того, как мусульмане принесли на Индостан артиллерию и ручное огнестрельное оружие.

Мы рассмотрели фортификационные системы античной, китайской и индийской цивилизаций и обнаружили, что принцип лимеса, то есть укрепленной границы между варварством и цивилизацией, не эффективен. Общества, пытавшиеся создать искусственный барьер из камня и утрамбованной земли, который защищал бы их от внешних врагов (если угодно, от диких орд), обязательно терпят сокрушительное поражение, даже если в ряде локальных ситуаций укрепления оправдывают себя. Причём,

¹ Артхашастра или Наука политики / Под ред. В. И. Кальянова. – Москва : Ладомир, 1993. – С. 296-297.

данное утверждение верно не только для античной и китайской цивилизаций, но и для любых обществ, строивших лимесы, вообще. Например, построенный греческими колонистами в Крыму Тиритакский вал не защитил их города от кочевников-сарматов¹. В чём же проблема? Почему крепости, построенные по всем правилам фортификации, не могут защитить цивилизованное общество от варваров, стоящих на более низкой ступени технического развития? Британский историк и военный теоретик Дж. Фуллер, анализируя сражения между британскими и итальянскими войсками во время Второй мировой войны, сформулировал принцип, который можно применить ко всем известным истории лимесам: «Наконец, было ещё раз показано, что пассивная оборона приводит к поражению. Одно дело сидеть в крепости и совершенно другое – совершать вылазки или маневры между крепостями. Итальянцы сидели в крепостях и потерпели поражение. Излюбленный ими покой на этот раз для многих превратился в вечный покой»². Любая крепость – ничто без воинов, которые могли бы её оборонять. А если осада не началась и неизвестно, начнётся ли вообще? Регулярные войска всех цивилизаций продолжают нести службу и ждать врага, который, возможно, никогда не придёт. Тем самым, цивилизованное общество выбрасывает множество ресурсов на ветер вместо того, чтобы попросту выступить в поход на противника и победить его. При этом, как хорошо демонстрирует история китайского лимеса, цивилизация не всегда намерена побеждать варваров и порой даже ведёт с ними выгодную торговлю. В такой обстановке приграничные укрепления играют лишь тактическую роль обеспечения безопасности торговых путей, и превращать их строительство в мероприятие государственного масштаба просто глупо. К тому же, как показывает античная и китайская история, внутренние варвары легко и непринуждённо открывают внешним врагам ворота любых крепостей.

¹ Сулимов С. И. Проблема соседства варварского и цивилизованного обществ (на примере древнегреческих черноморских колоний) // Культура и цивилизация. Научный журнал. – 2021. – Вып. №1(13). – С. 51-57.

² Фуллер Дж. Вторая мировая война. – Смоленск : Русич, 2004. – С. 115.

Теперь необходимо установить: могут ли фортификационные системы сыграть активную роль в политическом противостоянии варварства и цивилизации? И если могут, то при каких обстоятельствах?

Яркий и редкий пример укрепрайона, превратившегося из лимеса в стремительно наступающий на варваров фронтир, представляет собой Белгородская засечная черта – созданная русскими царями в XVII в. система крепостей на южных рубежах страны. Причём, метаморфоза, произошедшая с данной линией укреплений, была постепенной, и если бы основатели первых русских укреплений в Диком поле увидели, какое применение их труду найдут монархи будущего, то они были бы приятно удивлены. Рассмотрим данный исторический феномен подробно.

В середине XVI в. русский царь Иван IV Грозный аннексировал мусульманские ханства Поволжья, а сохранявшиеся в Диком поле (участок «степного коридора» между Чёрным морем и Окой) кочевые орды не превышали своим военным потенциалом банды налётчиков. Однако стремительно возрастающее могущество Османской империи и ревниво поддерживаемая ею гегемония в исламском мире превратили крымских татар и их степных сателлитов в проводников османского влияния на Московское царство. И оказалось, что, побеждая врагов в Поволжье и Прибалтике, московская корона беззащитна от стремительных ударов с юга. В 1571 г. крымский хан Девлет-Гирей совершил стремительный переход через Дикое поле и подверг разграблению Москву. Лишь отсутствие в татарской орде контингента турецких регулярных войск помешало степнякам остаться в городе надолго. В 1572 г., выполняя союзнические обязательства перед Османской империей, крымский хан двинулся на Москву вторично, требуя от русского царя вернуть независимость поволжским ханствам и угрожая в противном случае уничтожить русскую столицу окончательно. В тот страшный год степняки были остановлены в битве при Молодях, всего лишь в 60 километрах от Москвы. Причём, меньшая по численности армия воеводы Михаила Воротынского смогла отразить яростные атаки татар только потому, что применяла тактику вагенбурга, известную русским под на-

званием «гуляй-город»¹. Ничего принципиально нового в этом сражении не было: как мы знаем, и римские легионы, и китайские фубин защищались от варваров, применявших *barbarian courage*, точно так же. Но сам факт сражения с кочевниками фактически у ворот Москвы означал, что русская монархия в опасности. Поэтому уже в конце XVI в. началось строительство крепостей на южных рубежах страны с целью не допустить внезапного появления степняков в великорусских землях. В частности, один из первых форпостов России в Диком поле, Воронеж, был основан уже в 1586 г., а в 1591 г. пограничный город Елец обзавёлся крепостью.

Очень важно отметить, что Московское царство могло нанести кочевникам лишь очень слабый ответный удар по тем же причинам, что Китайская империя редко могла всерьёз травмировать своих северных варваров. Неуязвимость степняков для регулярных войск, большую часть которых составляла пехота, основывалась на огромных степных пространствах и мобильности конных орд. Уже вскоре после начала похода цивилизованной армии в степь её коммуникации растягивались, снабжение нарушалось, а летучие отряды номадов то и дело беспокоили фланги и даже арьергард. Поэтому чаще всего китайские и русские походы в степь превращались в акцию устрашения, эффект от которой не был ни прочным, ни убедительным. В частности, даже в первой половине XVIII в., вооруженная самым современным на тот момент оружием и владеющая новоевропейской тактикой ведения боя, русская императорская армия не могла нанести крымским татарам серьёзного урона, даже если продвигалась в степи до самого Крыма. Вот как описывает её грандиозные, но безрезультатные Крымские походы отечественный историк А. А. Керсновский: «В четырёх крымских походах 1735, 1736, 1737 и 1738 годов в каждый последующий повторяются ошибки предыдущего, а все вместе повторяют ошибки допетровских времён, «хождений» Голицына к Перекопу. Основная ошибка – это слишком большая, громоздкая армия, которую трудно довольствовать. Лёгкий летучий корпус, «корволант», из драгун с конной

¹ Шефов Н. А. Битвы России. – Москва : АСТ, 2002. – С. 340.

артиллерией вполне мог бы её заменить. Походы Миниха 1737 года – к Очакову и обратно, в 1738 году – к Днестру и обратно особенно напоминают допетровское полковождение. Армия движется одной сплошной массой (в последнем случае одним большим «кареем» с обозом посередине). Не говоря об организационных пороках армии (переобременение её тяжестью), самый центр войны – безлюдная степь, т.н. «Дикие Поля» – способствовал неудаче эти двух походов, где мы лишились не более 8000 людей в боях, а свыше 60000 погибшими от болезней и лишений»¹. И это идёт речь о тщательно спланированной кампании, осуществляемой одной из самых боеспособных армий того времени! На рубеже XVI-XVII вв. русские цари не располагали такой силой: в те дни самыми передовыми их войсками являлись полурегулярные стрелецкие полки, зато в ходе Смутного времени (1598–1613 гг.) русский престол заметно покачивался, и для полноты картины московским самодержцам не хватало только появления очередных степных налётчиков у ворот столицы. Поэтому вопрос обороны границы с южной степью необходимо было решать срочно и основательно.

Белгородская засечная черта стала масштабной стройкой государственных масштабов, затем превратившейся в укрепляющий государственного же значения. Нашим современникам остаётся только удивляться, как цари находили людей, деньги и силы для того, чтобы строить и снабжать подобие римского лимеса в стране, обескровленной гражданской войной. Вот как описывает Белгородскую черту отечественный историк М. Ю. Дьяков: «Города Белгородской черты строились на протяжении 90 лет, с 1586 по 1677 годы. К XVI веку относится строительство Воронежа, Белгорода; до 1645 г. было построено 8 новых городов; в царствование Алексея Михайловича – остальные 17. Целенаправленная работа по укреплению степной окраины России началась в 1636 году, ещё в конце царствования Михаила Фёдоровича. Правительство Алексея Михайловича старалось новые города строить в промежутке между старыми. Во времена Алексея Михайловича

¹ Керсновский А. А. История русской армии: 1700-1881. – Смоленск : Русич, 2004. – С. 70.

постройка Белгородской черты была почти совсем закончена. Кроме того, появился целый ряд городов и селений «за чертой» (впереди черты), а также «в черте» – в тылу от передовых линий. Почти столетий большинство городов Белгородской черты *являлись военными пунктами, а не центрами торговли, промышленности и ремёсел* (курсив наш – С.С., И.Ч., В.Ч.). Посмотрим, как строилась Белгородская черта на территории Воронежской области. Город Воронеж был основан в 1585 году. После его основания начинает заселяться Воронежский уезд, в том числе появляются монастыри. В 1613 году, к югу от Воронежа, на реке Дон был образован Борщевский монастырь. Около 1620 года, к северу от Воронежа, на берегу реки Усманки – Толшевский монастырь, а к северо-западу, на реке Воронеж – Карачунский монастырь. В 1643 году неподалёку от Борщевского монастыря, к северу от него, была выстроена крепость Костёнск. А в 1646 году – к северу от Воронежа – город Орлов. Эти опорные точки были соединены укреплениями: валами, рвами, засеками и сторожевыми башнями¹. Общая протяженность Белгородской черты напрямую составляла 600 км., а с учётом рельефа местности – 800 км.: крепости, форты, засеки и заставы протянулись по территории пяти современных областей: Тамбовской, Липецкой, Воронежской и Белгородской областей России и Сумской области Украины². Для нашего исследования очень важно, что города и крепости Белгородской черты не обеспечивали себя в экономическом отношении и не являлись торговыми факториями на пути из Москвы в степь. Это был чисто военный рубеж, где даже монастыри имели деревянные укрепления, а некоторые обитатели даже располагали пушками. Когда в 1682 г. святитель Митрофаний Воронежский основал в приграничье епархию, то даже архиерейский дом и собор были построены в пределах периметра воронежской крепости. Финансирование и снабжение Белгородской черты целиком и полностью лежало на казне: именно из Москвы прибывали боевые и съестные припасы, оттуда же приходили нести службу

¹ Дьяков М. Ю., Кригер Л. В. Крепости земли Воронежской. – Воронеж : Кварта, 2013. – С. 89.

² Загоровский В. П. Белгородская черта. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1969. – С. 3.

стрельцы и артиллеристы, из столицы присылали денежное жалование служилому люду. Причём, многим жителям Центральной России не было ясно, куда уходят взимаемые с них налоги, и порой случались попытки разграбить движущиеся к южным границам обозы. Поэтому воевода крепости Землянск Гавриил Островский нередко организовывал и лично возглавлял вооруженные конвои, следовавшие в столицу за жалованием и порохом для землянского гарнизона и обратно¹. Скорее всего, такие меры безопасности принимали все коменданты Белгородской черты.

Фортификация этого повёрнутого к югу лимеса была организована по всем правилам военного дела XVII в. Вот как описывает её М. Ю. Дьяков: «Деревянные острожные ограды усиливались искусственными препятствиями: тыном, надолбами, частоколом, чесноком, рогульками. Надолбы состояли из обрубков деревьев, вкопанных за наружным краем рва в 1-3 ряда. Возвышение их и частота определялись необходимостью преграждения пути неприятелю. Иногда между надолбами располагался частич или намёт. Намёт состоял из хвороста, положенного плашмя и пересыпанного землёй. Частиком или частоколом назывались небольшие заострённые колья, близко поставленные в шахматном порядке на широкой берме, отделявшей ограду рва, а также перед тыном, помещённым во рву. Чеснок состоял из железных спиц, расположенных подобно частику и укреплённых одним концом в доску, которую засыпали рыхлой землёй или листьями»². Обороняли все эти рукотворные рубежи пехотинцы-стрельцы, комплектовавшиеся по принципу, похожему на организацию китайских фубин, но вооруженные мушкетами и получавшие порох за счёт казны, а также всадники из числа боярских детей и дворян. Конные разъезды несли патрульную службу на всех открытых пространствах вдоль Белгородской черты, немедленно уведомляя гарнизоны крепостей о появлении поблизости кочевников. Если учесть, что предполагаемый штурм лимеса должны были осуществить не турецкие янычары, а банды степняков, специализи-

¹ Мокшин Г. Н. Из истории года Землянска (вторая половина XVII – начало XX века). – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2018. – С. 49.

² Дьяков М. Ю., Кригер Л. В. Крепости земли Воронежской. – Воронеж : Кварта, 2013. – С. 23.

рующиеся на похищении людей и угоне скота, то Белгородская черта оказывалась фактически неприступной.

Однако не следует обманываться внешней видимостью. Как уже отмечалось выше, крепости Белгородской черты, подобно всем остальным известным лимесам, не содержали себя сами и поэтому лежали на государственной казне тяжким бременем. Для того чтобы конные разъезды исправно патрулировали степь, стрелецкие караулы не покидали крепостных стен, а сами стены не развалились, стране приходилось напрягать все силы. Не в последнюю очередь из-за необходимости содержать оборону южного рубежа, в России XVII в. стремительно усиливалось крепостное право, а купечество едва выдерживало налоговое бремя. И это при том, что страна не имела выходов к морям и поэтому не вела заморской торговли. Если бы такое положение дел сохранилось хотя бы на одно столетие, то Белгородская черта была бы оставлена без боя, как это произошло с Адриановым валом и Десятинными полями. Несмотря на то, что первые Романовы уделяли лимесу первостепенное внимание, им порой не удавалось набрать бойцов в достаточном для гарнизонной службы количестве. В частности, в 1651 г. на службу был принят целый полк украинских казаков (черкас), командиру которого, полковнику Ивану Дзиньковскому, царь Алексей Михайлович разрешил построить на берегу Тихой Сосны крепость Острогожск¹. На Украине в это время происходила быстрая милитаризация населения, вызванная как набегами степняков, так и хищнической политикой польской короны, и никаких оборонительных линий на границе со степью не существовало. Население было вынуждено само защищать себя от татар. Дошло до того, что украинскими городами управляли полковники, деревнями – сотники, всей страной – гетман (польско-литовский аналог генерал-губернатора), и каждый мужчина больше думал не о земледелии или ремесле, а о защите своего дома от непрошенных гостей². Поэтому русское правительство, узнав о намерении части украинских казаков, не имевших посто-

¹ Дьяков М. Ю., Кригер Л. В. Крепости земли Воронежской. – Воронеж : Кварта, 2013. – С. 156.

² Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в III кн. Кн. II. – Москва : Мысль, 1997. – С. 220.

янного места жительства воинов-промысловиков, переселиться в пределы Белгородской черты, охотно использовало их опыт выживания в степи и ведения боёв против кочевников. Вскоре черкасы поселились также в Землянске и Костёнске. В Острогожске же им даже было позволено организовать свой быт по принятому на Украине военному принципу – полк до самой середины XVIII в. (до 1765 г.) считался не только военной, но и административно-территориальной единицей. Однако людей всё равно не хватало. К примеру, когда Гавриил Островский в 1661 г. приступал к возведению деревянных стен и башен Землянска, в его распоряжении было лишь 400 украинских казаков и 10 стрельцов из Воронежа, имевших какой-никакой строительный опыт¹. Через год после завершения строительства в окрестностях Землянска жило уже около 2000 человек, но большинство из них составляли нестроевые члены казачьих и стрелецких семей, обрабатывавшие земельные наделы и не собиравшиеся участвовать в боях. Пашни же всегда находились под угрозой уничтожения, потому что степные всадники, не имея возможности ворваться в крепость, охотно вытаптывали посевы конями весной и поджигали хлеб летом. Таким образом, даже внимательное отношение короны не могло придать лimesу прочности. Недалёк был тот день, когда Боярская Дума приняла бы решение оставить укрепления или перенести их севернее, где снабжать гарнизоны будет проще и дешевле. Такую стратегию мы уже видели на примере римских пограничных крепостей, и можно предположить, что если бы данная точка зрения в Москве возобладала, то через несколько десятилетий лimes проходил бы неподалёку от столицы.

К счастью, в конце XVII в. на русском престоле оказался Пётр I Великий, и практикуемая им наступательная стратегия стала для страны господствующей на протяжении следующих двухсот лет. Царь Пётр имел настолько грандиозные экспансионистские планы, что для их осуществления был готов воевать со всем миром. И южный лimes неожиданно ни для кого оказался идеальным плацдармом для грядущих кампаний. В частности, стоило

¹ Дьяков М. Ю., Кригер Л. В. Крепости земли Воронежской. – Воронеж : Кварта, 2013. – С. 182.

царю начать всерьёз разрабатывать план похода на турецкую крепость Азов, расположенную в устье Дона, против которой было немислимо выступать без поддержки боевых кораблей, как выяснилось, что именно степной форпост идеально подходит для создания инфраструктуры и верфей, которые обеспечат сухопутной прежде России наличие военного флота. Расположенный на среднем течении Дона Воронеж в одночасье превратился из узла обороны на границе со степным *Barbaricum* в центр кораблестроения, куда со всей России и даже из-за рубежа спешили специалисты всех типов. Дошло до того, что городок, доселе считавшийся краем мира, обзавёлся собственной военно-морской школой, а святитель Митрофан Воронежский, благополучно забытый москвичами епископ дальней окраины, в 1686 г. освятил первые боевые корабли. Снабжение царских войск, действовавших в непривычной для них степной обстановке, вдали от русских границ, велось через другие крепости Белгородской черты, так как все они были расположены на реках и предназначались для обороны наиболее удобных для переправы и судоходства мест. Вот как, к примеру, описывает М. Ю. Дьяков метаморфозу, произошедшую благодаря южной экспансии Петра I с городом-крепостью Коротояком, в котором на 1677 г. помимо гарнизона жили лишь 33 гражданские семьи: «В период русско-турецких войн за Азов Коротояк становится одним из важнейших городов государства. Через него идёт снабжение всей Азовской военной группировки, здесь строится флотилия, здесь сосредоточиваются военные резервы. В период Петровского кораблестроения на средства князя Ф. Ф. Долгорукого в 1704 году на верфи Коротояка был построен и спущен на воду корабль «Игель» («Ёж»). Всё это позволило Коротояку на несколько десятилетий продлить своё значение в истории государства. К моменту проведения первой ревизии в 1719 году г. Коротояк как крепость окончательно потерял своё военное значение»¹. Задумаемся над последним предложением цитаты: победа царя над южными соседями ото-

¹ Дьяков М. Ю., Кригер Л. В. Крепости земли Воронежской. – Воронеж : Кварта, 2013. – С. 145.

двинула границу и лишила существование Белгородского лимеса смысла.

Какой же стала судьба крепостей после того, как выигравшая войну цивилизация больше не нуждалась в такой защите? Судьба щита после завершения схватки всегда одинакова независимо от исхода битвы: он больше не требуется. Государство, прежде содержавшее укрепленные пункты из казны и не требовавшее от них никакой экономической отдачи, впредь не проявляет такой щедрости за ненадобностью. Как городам и крепостям римского лимеса, так и их аналогам Белгородской засечной черты пришлось сменить специализацию. Те из них, которые смогли это сделать, существуют и поныне. Так, Эборак стал Йорком, а Могонциак – Майнцем, и оба они представляют собой многолюдные, богатые города, но многие другие узлы античной обороны от варваров превратились в руины, интересующие лишь археологов. То же самое произошло и в России XVIII в.: Белгород и Воронеж являются преуспевающими областными центрами, некоторые их «сослуживцы» превратились в небольшие уютные городки с собственным производством и развитой коммерцией (Острогожск, Елец), а третьи стали деревнями (Костёнок, ставший селом Костёнки, Коротояк, Землянский и т.д.). В частности, жители Землянска смогли воспользоваться выгодами, которые сулили им местные чернозёмы, и прославились в губернии как умельцы на все руки: к середине XIX столетия в уезде ими были основаны винокуренные, кожевенные, маслобойные предприятия и даже сахарный завод¹.

Однако, говоря о победе, одержанной русской цивилизацией над степными варварами, мы упускаем из вида очень важный момент. Сами по себе оборонительные рубежи могут сыграть роль плацдарма, с которого армия начнёт свой поход, но действовать ей придётся в чуждом географическом и социальном окружении. Если представить, что войско и флот Петра I выдвинулись из Воронежа на Азов через степь, населённую лишь уступающими им в численности кочевниками, то почти наверняка такой по-

¹ Данилова К. Ф. Над памятью время не властно: [из истории Землянского уезда]. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 7.

ход ожидало бы фиаско. Без лоцманов, знакомых с донскими течениями и мелями, и без опытных разведчиков, знающих удобные для привалов места далеко за линией укреплений, царь-реформатор попросту заблудился бы в степях. Первые корабли русского флота рисковали оказаться на песчаных отмелях с увязшими киями и пробитыми днищами. Но этого не произошло, и монарх только потому выступил в Азовский поход, что имел среди степного населения влиятельных союзников, которыми кочевники по определению быть не могли.

Так мы подходим к важнейшему отличию русского лимеса от его китайского и античного прототипов. Если римский цезарь и китайский император пытались сделать границу между варварством и цивилизацией некой сакральной чертой, пересекать которую позволялось лишь с разрешения государственной власти, то русские цари с XVI в. негласно позволяли уходить в степь всем, кто этого хотел. Московская Русь не имела ни ресурсов, ни возможностей для целенаправленной колонизации Дикого поля, зато среди его степняков было немало османских эмиссаров, зорко следивших, чтобы кочевые нойоны не вздумали поддерживать с Москвой добрососедских отношений. Редкие кочевые роды, принимавшие православие, были вынуждены покидать степи и перекочевывать на русские земли под монаршую защиту, где их ждал процесс мягкой, но неотвратимой седентаризации. Поэтому среди степных варваров русская цивилизация не смогла бы найти для себя надёжных союзников. Зато благодаря стечению ряда обстоятельств русские цари смогли создать русских же степняков, которые вошли в историю под именем *казаков*.

Ещё в XV в. под влиянием усиливающихся в Московской Руси процессов централизации и возрастания крестьянской зависимости (пока ещё не крепостного права), многие смелые простолюдины уходили в степь, где после окончания монголо-татарских нашествий, войн и междоусобиц установился вакуум. Только в силу этой политической пустоты русские беженцы не растворились среди кочевников и не были превращены ими в рабов. Процесс такого бегства разорённого цивилизованного простонародья к внешним варварам имел место и в поздней античной истории, но русским беглецам, в отличие от их римских товарищей по не-

счастью, повезло: в описываемую эпоху в степи не было такой общности, которая могла бы их всех переловить и поглотить. Поэтому русские переселенцы, формально не являясь подданными никакого государства, смогли начать новую жизнь в долине Дона, на нижнем течении этой великой реки. Американский историк У. Крессон, подробно изучавший процесс зарождения казачества, так описывает становление в степи независимой от Москвы протогосударственности: «Постепенно под возрастающим влиянием мигрирующих с севера русских крестьян (которые несли с собой православную религию и развившиеся среди северных лесов зачатки цивилизации) из быта казаков стали исчезать временно закрепившиеся родоплеменные и азиатские черты. В начале XVI века они настолько укрепили свои опорные пункты на обширных территориях между Днепром и Доном, что для описания их поселений употребляются выражения «вольное казачество» или даже «Донская республика»¹. Западный исследователь отмечает, что казачьи поселения возникали не только в Донской долине. В частности, украинцы, бежавшие от притеснений католической польско-литовской шляхты, создали казачество на нижнем течении Днепра и поддерживали со своими донскими коллегами самые тёплые отношения. История этого вольной публики, промышленней грабежом кочевых становищ в степи и турецких факторий на черноморских берегах, могла пойти любым путём, но именно донским казакам посчастливилось привлечь к себе внимание московского царя Ивана IV Грозного.

Со второй половины XVI в. между русской короной и донскими атаманами сложились непростые, но взаимовыгодные отношения: Москва поддерживала казаков оружием и продовольствием, а взамен казачьи предводители приводили свои отряды на помощь русскому царю во всех его войнах. Формально в XVI-XVII вв. казаки не являлись подданными монарха, и даже отношения с ними находились в компетенции ведомства иностранных дел, но боевые качества степных наездников и черноморских пиратов очень ценились царскими военачальниками и позволяли

¹ Крессон У. Казаки. История «вольных людей» от Запорожской Сечи до коммунистической России. – Москва : Центрполиграф, 2015. – С. 24.

закрывать глаза на дипломатические формальности. Поэтому официальная и неофициальная позиции казачества и государства по отношению друг к другу очень различались. Так, на протяжении всего XVIII в. донские казаки отказывались приносить присягу московскому монарху, и для самодержца в этом не было секрета. В своих письмах атаманам царь Михаил Фёдорович даже избегал употреблять выражения, применяемые по отношению к подданным или зависимым правителям. Отечественный историк Е. П. Савельев удачно сравнил царские грамоты, написанные ногайским ханам и донским казачьим старшинам: «При сношениях с ногайскими князьями в царских грамотках вначале ставились слова *«Божьей милостью* (здесь и ниже курсив автора), от великого государя, царя и великого князя Михаила Фёдоровича всеа России *самодержца* и многих государств государя и обладателя, наше царское *повеленье* и *милостивое слово*».... В грамотах на Дон таких выражений цари употреблять избегали, считая казаков народом неподвластным, а союзным»¹. Поэтому, планируя набеги на побережье Крыма и северное побережье Малой Азии, атаманы не нуждались в разрешении царских воевод из крепостей Белгородской черты. В частности, в 1637 г. четырёхтысячный казачий отряд захватил турецкую крепость Азов в устье Дона и удерживал её до 1642 г., отражая атаки регулярных войск султана. Урон туркам был нанесён немалый, а сама экспедиция по дерзости сравнима с набегами викингов на побережье Англии. Однако когда казаки обратились к Москве за помощью, предлагая царю принять Азов в своё владение, правительство отказалось участвовать в этой авантюре². Разгром османского опорного пункта был крайне выгоден русской короне, и московский венценосец оказался главным бенефициаром азовской экспедиции донских казаков. При этом с формальной точки зрения царь Михаил Фёдорович Романов никоим образом не был замешан в ударе по турецкому приграничью, так как не отправил в помощь казакам ни одного бойца. Решение атаманов о походе на Азов было принято

¹ Савельев Е. П. Древняя история казачества. – Москва : Вече, 2004. – С. 251.

² Шефов Н. А. Битвы России. – Москва : АСТ, 2002. – С. 12-13.

исключительно ими самими, и с официальной точки зрения русский царь никак не смог бы на него повлиять.

По этой причине самодержцы могли игнорировать протесты крымского хана, османского султана и персидского шаха, когда казаки во время своих налётов тревожили приграничные территории мусульманских держав. Среди казачьих вожakov было немало людей, в России приговорённых к смертной казни за уголовные преступления, а украинское казачество нередко возглавляли опальные польско-литовские аристократы, которые у себя на родине неминуемо бы вступили в конфронтацию с короной. На степных просторах же они создавали проблемы врагам этой самой короны, никак не вредя соотечественникам. Можно сказать, что русская цивилизация аккуратно и не всегда открыто канализировала собственных внутренних варваров за границы и, тем самым, сталкивала их с варварами внешними, извлекая из этого процесса двойную выгоду. Тем более, что религиозное, культурное и языковое родство делало казаков более надёжными союзниками Москвы, чем таковыми могли быть самые щедро оплаченные варвары-федераты для Рима. Именно поэтому царь Пётр I, а до него – князь В. В. Голицын могли предпринимать походы против Крымского ханства в самую глубину степей, не опасаясь заблудиться или попасть в окружение.

Но не следует полагать, что создание за внешними рубежами собственных варваров-союзников, как это сделала русская цивилизация на пороге Нового времени, является единовременным тактическим шагом, который в будущем не приведёт к серьёзнейшим проблемам. Русской короне пришлось на собственном опыте убедиться в том, что создание агентов влияния цивилизации за пределами её деспотического государства имеет две особенности, с которыми цивилизация не сталкивается в собственном обществе.

Первой такой особенностью казачества стала его несовместимость с укладом жизни цивилизованного общества. Защищая интересы государства за его пределами, казаки всё-таки не были законопослушными подданными или вышколенными государственными служащими. И, как показала практика, вмешательства казачьих вожakov во внутренние дела Московского царства были

сродни варварским нашествиям. В частности, возглавивший антиправительственное выступление в 1667–1671 гг. донской атаман Степан Разин превратил жизнь захваченного им Поволжья в неконтролируемый кровавый хаос. Вот как описывает казачье управление захваченной повстанцами Астраханью польский историк К. Валишевский: «Стенька устроил из Астрахани казачий город, разделив его жителей на тысячи, сотни и десятки под начальством выборных есаулов, сотников и десятников, составив из них круг, делая вид, что хочет реставрировать древнее вече. Но гений атамана дальше этого не пошёл, и это было ещё самое лучшее. (...) Двое священников отказались от присяги, и Стенька приказал одного из них утопить, а другому отрезать руку и ногу. Вместе с тем он пожелал, чтобы все бумаги архивов и канцелярий были сожжены, и объявил, что он сделает то же самое в Москве и даже во дворце государя. Казаки ведь не умели читать, и эти бумаги были для них бесполезны. Ни атаман, ни его товарищи не забывали ради всего этого своих удовольствий, пьяные по большей части с утра до вечера и неистощимые во всяких скандалах. Казачье правительство сорганизовалось специально для постоянной оргии и утопало в водке и крови»¹. Под знамёнами Разина собрались внутренние варвары всех мастей и расцветок – от старообрядцев, натерпевшихся во время гонений патриарха Никона и теперь с наслаждением убивавших верных патриарху клириков, до арзамасских разбойников, возглавляемых ведьмой Алёной Темниковской, и коренных жителей Поволжья, сражавшихся за независимость от России. Причём, если Поволжье стало основным театром боевых действий разинцев против царских войск, то Белгородская черта превратилась в цель второстепенного наступления повстанцев, возглавляемых братом атамана, Фролом Разиным. И здесь, на лимесе, произошли события, аналогичные тем, которые случались на римской границе и Великой китайской стене в период цивилизационной зрелости. В частности, в Воронеже нашлись прототипы римского полководца Караузия, под предлогом обороны Британии от саксов мостившего себе

¹ Валишевский К. Исторические романы в IV т. Том III: Первые Романовы. – Воронеж : ФАКТ, 1993. – С. 128.

путь сначала к богатству, а потом и к императорскому престолу. В русском варианте это были воронежские негоцианты Иван Горденев и Трофим Хрипунов, тайком снабжавшие разинцев боеприпасами, а взамен надеявшиеся получить часть казачьей добычи¹. В 1670 г. в Землянке состоялся заговор, участники которого планировали открыть ворота крепости повстанцам. Воевода Тимофей Чевкин сумел предупредить заговорщиков и арестовать их главаря, боярского сына Фёдора Мамина, до того, как они успели выйти на контакт с казаками². А вот гарнизон Острогожска, состоявший из украинцев, открыл разинцам ворота крепости и сдал её без боя, как несколькими десятилетиями раньше сделал китайский военачальник У Саньгуй для маньчжурских кочевников. Таким образом, разинское восстание выявило важнейшую особенность созданных короной агентов своего влияния среди варваров: не будучи частью государственной системы и живя по своим законам, казаки оказались неспособны плодотворно участвовать во внутренних делах страны и в случае конфликта вели себя аналогично любым другим внешним варварам. И русские внутренние варвары сотрудничали с разинцами точно так же охотно, как это делали внутренние варвары Рима и Китая по отношению к варварам иноплеменным.

Второй особенностью казачества как «ручного» внешнего варварства оказалась невозможность проводить на его территориях такую же политику, как на землях, подчиненных короне напрямую. Казаки жили по собственным законам и ревниво оберегали свою автономию. Они могли быть союзниками русской короны, могли значиться её подданными, но с ними нельзя было обращаться как с крестьянами или солдатами. Подобно античным варварам-федератам, казаки подчинялись только собственным атаманам и воспринимали любые попытки государства насадить в их землях чиновничью администрацию как внешнюю агрессию. Не желавший этого понимать Пётр I нажил себе серьёзного врага в лице донского войскового атамана Кондрата Булавина и непро-

¹ Соловьёв С. М. Об истории Древней России. – Москва : Просвещение, 1992. – С. 454.

² Мокшин Г. Н. Из истории года Землянка (вторая половина XVII – начало XX века). – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2018. – С. 54.

извольно спровоцировал переход украинского казачества на сторону шведов в самый разгар Северной войны (1700–1721 гг.). В частности, гетман Украины Иван Мазепа и кошевой атаман Запорожья Константин Гордиенко синхронно переметнулись к королю Карлу XII, как только русский царь дал им понять, что собирается урезать автономию украинских казаков. Причём, ситуация повторилась в правление императрицы Екатерины II, попытавшейся отменить автономию уральского казачества и, тем самым, спровоцировавшей Яицкое восстание (1772 г.), ставшее прологом к Пугачёвщине. Культурное своеобразие и политическую автономию казачества государству удалось окончательно сломить только при Советской власти, да и то лишь методом многолетнего геноцида казаков¹.

Если сравнить обе этих особенности, то окажется, что казачество с меньшим рвением вмешивалось во внутренние дела России и извлекало из них для себя выгоду, чем противилось попыткам центральной власти поставить свои земли под прямой контроль. В частности, Степан Разин, организуя поход в принадлежавшее России Поволжье, представлял только верную лично ему часть казачества, а атаманом Донского Войска являлся лояльный Москве Корнил Яковлев, имевший немало сторонников среди казаков и ни словом, ни делом Разина не поддерживавший. В случае же вмешательства царской администрации во внутренние вопросы Дона при Петре I атаман Лукьян Максимов, занимавший пророссийскую позицию, был тут же отстранён казаками от должности и заменён ими на сепаратиста Кондрата Булавина.

Если сравнить Белгородскую засечную черту с аналогичными ей лимесами античной и китайской цивилизаций, то необходимо выделить её важную отличительную черту. Московская корона, защищая свои южные рубежи, никогда окончательно не отказывалась от наступательной стратегии. Если бы Белгородская черта использовалась как раз и навсегда установленный барьер между варварством и цивилизацией, то она однажды была бы прорвана

¹ Поведская О. К. Вёшенское восстание // Слава малой Родины : сборник научных и публицистических работ. – Воронеж : Воронежский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2016. – С. 123-132.

или брошена без боя подобно другим лимесам. Но русские самодержцы никогда не оставляли надежды расширить пределы своего царства и распространить цивилизацию в степь. Поэтому они и поддерживали казачество как своего союзника, а не отмежевывались от него как от источника международной и внутривосточной нестабильности. В результате такой активной, несвойственной зрелым цивилизациям политики Белгородская черта превратилась из лимеса во фронтир, то есть из пограничного бастиона цивилизации стала передовым форпостом последней. Русская цивилизация перестала прятаться за этим щитом, а шагнула далеко на юг, отталкиваясь от созданного ею оборонительного рубежа. Разумеется, после этого укрепрайон потерял своё значение, но оказался не заброшенными руинами на чужой территории (как бывает при отступлении цивилизации перед варварами), а сетью населённых пунктов внутри цивилизованной страны, что позволило вчерашним крепостям сменить специализацию. В дальнейшем при помощи создания укреплённых линий, постоянно продвигающихся за прежние рубежи, русская цивилизация осваивала просторы Сибири и степи Казахстана, а западная цивилизация – Великие равнины Северной Америки.

Итак, в данном параграфе:

- раскрыта роль лимесов во взаимодействии зрелой цивилизации с внешними варварами. Молодой цивилизации прочные защитные рубежи не требуются, потому что она постоянно расширяет сферу своего влияния, побеждает варваров в открытом противостоянии, завоевывает и ассимилирует их;

- долговременные укрепленные линии могут предоставить зрелой и распадающейся цивилизации лишь временную защиту, так как под действием ритмов собственного угасания и нарастания внутреннего варварства цивилизованное общество не может постоянно содержать их в функциональном состоянии. В то время как цивилизация ослабевает под собственной тяжестью, усугубляемой добровольно взятой на себя необходимостью содержать громоздкую военную машину, внешние варвары политически консолидируются и милитаризируются, что позволяет им однажды начать диктовать цивилизации собственные условия соседства;

- лимес оказывается значительным подспорьем, если цивилизация переходит к политическому и военному наступлению на внешнее варварство, но в этом случае существование оборонительных линий изначально дополняется активной политикой за их пределами. Тогда лимес превращается во фронтир, то есть его статус окончательного предела продвижения цивилизованного общества меняется на положение передового плацдарма для будущей экспансии.

В данной главе мы рассмотрели политический аспект взаимодействия варварского и цивилизованного обществ и можем сделать следующие выводы:

- цивилизованное общество благодаря рационализации политики и военного дела всегда превосходит варваров на поле боя, но если молодая цивилизация предпочитает победить варваров и поставить их в зависимость от себя, то зрелая цивилизация старается установить на своих границах спокойствие и не расширять их;

- под влиянием поражений, наносимых ему цивилизацией, внешнее по отношению к ней варварское общество усложняется, в нём формируется прочная и активная военно-политическая элита, открытая как для сотрудничества с цивилизацией, так и для конфронтации с последней;

- под влиянием роста внутреннего варварства цивилизованное общество на стадиях зрелости и распада дезинтегрируется, и даже созданное им деспотическое государство теряет эффективность. В такой обстановке внутренние варвары сначала привлекают внешних к себе на службу, а затем поэтапно сдают им все территории и ресурсы цивилизованного общества в обмен на своё личное благоденствие;

- техническое, экономическое и политическое наследие оказывается для победивших цивилизацию варваров слишком сложным, и значительная часть его утрачивается. Однако сам образ цивилизованного общества становится для варварских вождей идеалом, к реанимации или копированию которого следует стремиться.

Глава 3: Духовное соседство варварства и цивилизации.

3.1. Светские попытки ассимиляции варваров.

В предыдущей главе мы рассматривали взаимодействие цивилизованного общества с варварами преимущественно с политической точки зрения, уделяя основное внимание военному противостоянию. Но такой взгляд является односторонним, так как вряд ли долгосрочные соседские отношения между обществами могут быть сведены лишь к попыткам соседей покорить или ограбить друг друга. Бесспорно, для варварского общества грабительские набеги являются привычным стилем жизни, но, как мы установили выше, цивилизованное общество на протяжении большей части своей истории превосходит варваров и на поле боя, и за столом дипломатических переговоров. Поэтому нелишне поставить вопрос о попытках цивилизации ассимилировать или хотя бы интегрировать варваров в орбиту своего культурного влияния мирным путём, что является актуальным после того как ратная победа над ними уже одержана. В данном параграфе мы рассмотрим попытки ассимиляции варварского общества его цивилизованным соседом, которые осуществляются при помощи светских культурных достижений, без применения религиозного прозелитизма (этот феномен будет подробно рассмотрен в следующем параграфе).

При беглом рассмотрении цивилизаций нелегко найти такую, которая не придавала бы религиозным отношениям приоритетного значения. Однако исключения всё же есть: античная и китайская цивилизации не стремились распространить собственные верования среди неофитов или, по крайней мере, не связывали миссионерскую деятельность со своей политической экспансией. Поэтому обратимся к их опыту мирного распространения собственной культуры в отношении тех, кого данные общества считали варварами. Греко-римская культурная колонизация будет рассмотрена нами на примерах как варваров, уже вошедших в орбиту влияния чужой высокой культуры, так и пребывающих вне лона цивилизационного влияния. Примерами варваров первого типа являются бактрийцы, жители современной Средней Азии, до знакомства с греками успевшие несколько столетий прожить в со-

ставе цивилизованного царства Ахеменидов, а варвары второго типа – это галльские кельты, до покорения их римлянами не бывшие ничьими подданными и руководствовавшиеся лишь собственными культурными принципами. Китайский опыт культурной экспансии будет рассмотрен нами на примере мирных контактов династии Тан со степными кочевниками.

Древних греков ни в коем случае нельзя считать нерелигиозным народом: читателю наверняка известны олимпийский культ, оракулы и мистерии. Однако в мировоззрении эллинов эпохи расцвета их цивилизации религиозные представления играли не самую важную роль. Тот пиетет, который другие народы испытывали перед религиозной картиной мира, эллины испытывали перед рационалистической философией и поэтому искали конечные причины мира не в мифах, а в умственных построениях мыслителей Милетской и Элейской школ, афинской Академии и Лицея. Олимпийские боги были для них не предметом фанатичного поклонения, а персонажами театральных постановок и литературных произведений, в том числе и сатирических. К примеру, вот как отзывался о культе Диониса эллинистический писатель II в. н.э. Лукиан из Самосаты: «Прежде всего я назову Диониса, этого получеловека, который с материнской стороны даже не эллин, а внук какого-то Кадма, купца из Сирофиникии. (...) Но ведь он привёл с собой сюда всю свою фратрию и свиту, сделав богам Пана, Силена и сатиров, каких-то деревенских парней, пасущих коз, противных с виду плясунов. (...) Но вот что всего смешнее, боги: собаку Эригоны – и ту привёл он, чтобы девочка не соскучилась на небе без своей любимой собачки, к которой она привыкла. Это ли не наглость, не сумасшествие, не посмешище?»¹. То есть писатель считал допустимым шутить над богами и в юмористической форме критиковать олимпийские мифы. Важно, что никаких санкций его проза за собой не повлекла: Лукиан на протяжении всей своей жизни оставался писателем, любимым публикой из самых разных сословий. Для сравнения афинский философ Сократ был казнён за «непочитание богов»,

¹ Лукиан Самосатский. Собрание богов / Лукиан Самосатский. Сочинения в 2 т. Т. 1. – Санкт-Петербург : Алетей, 2001. – С. 319.

хотя мыслитель чуждался религиозной проблематики и лишь озвучивал свою теоретическую систему, которая не соответствовала взглядам большинства афинян.

Как мы отметили выше, именно в философии греки видели ключ к знаниям о мире, а вовсе не в олимпийской религии. Поэтому они без каких-либо колебаний мирились со всеми известными им культами. Завоевание греками и македонцами Леванта, Персии и Средней Азии, религии которых не были похожи на античную, не привело к религиозному противостоянию. Более того, греческие переселенцы на Востоке проявляли любопытство к местным верованиям и относились к святилищам местных божеств более чем терпимо. К примеру, вот как характеризует религиозный климат эллинистического Египта британский историк Э. Бивен: «В папирусах упоминается культ сирийской богини и культ финикийского Адониса. Одна из надписей была сделана по заказу жреца, который посвящает святилище фригийскому Агдистису. В Фаюме III века до н.э. находится храм Митры, безусловно, построенный персами. Кроме того, там отправлялся культ фракийского бога-всадника Герона, ставший наполовину египетским»¹. И над таким религиозным синкретизмом, который ко времени его жизни только лишь усилился, Лукиан из Самосаты иронизировал без стеснения: «Но Аттис, о Зевс, но Корибант и Сабазий, – откуда они приведены к нам вместе с этим мидийцем Митрой в персидской одежде и с тиарой, даже не говорящим по-гречески, не понимающим, когда пьют за его здоровье? (...) Но это ещё что, боги! Ты же, египтянин с собачьей мордой, вернулся в пелёнки, – ты кто таков, милейший, и как можешь ты, лающий, считать себя богом? И почему пятнистому быку из Мемфиса воздаются почести, почему вещает он, окруженный пророкам? Уж об ибисах, обезьянах и многом другом, ещё более нелепом, что неизвестно как проползло к нам из Египта и заполнило всё небо, мне и говорить стыдно»². Греки равно относились к любым восточным религиям и культам, более того, по мере

¹ Бивен Э. Династия Птолемеев. История Египта в эпоху эллинизма. – Москва : Центрполиграф, 2011. – С. 141.

² Лукиан Самосатский. Собрание богов / Лукиан Самосатский. Сочинения в 2 т. Т. 1. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. – С. 320.

знакомства с ними снимали ярлык «варварского» с того или иного восточного верования. Но от этого они не переставали считать жителей Востока варварами, с которыми необходимо каким-то образом научиться сотрудничать.

Если Египет и Персия представляли собой цивилизованные страны, где многие политические и правовые институты были аналогичны греческим (например, письменное законодательство или бюрократическая вертикаль), то восточная окраина бывшей монархии Ахеменидов порадовать эллинов не могла. Речь идёт о Бактрии – территориях долины Амударьи и современного Афганистана. Эта область входила в Персидское царство как единая административно-территориальная единица, и Александр Македонский, разгромив персов и присвоив их владения, решил не менять административного устройства захваченного царства. В частности, сатрапии Бактрия и Согдиана были отданы под управление кипрского наёмника по имени Стасанор, который занимал должность их губернатора даже после смерти царя Александра, стараясь избегать каких-либо необдуманных политических шагов¹. Благодаря его разумному администрированию, войны диадохов обошли Бактрию стороной, и в дальнейшем она автоматически вошла в состав государства династии Селевкидов, подобно другим восточным сатрапиям распавшейся империи Александра. Однако, в отличие от той же Персии или Сирии, Бактрия находилась на границе между оседлым обществом Ближнего Востока и степью, что не могло не добавить ей специфического колорита. Её особое культурное и стратегическое положение понимали ещё персидские шахи из династии Ахеменидов, воспринимавшие Среднюю Азию как важный форпост цивилизации перед лицом кочевого варварства. И они вовсе не считали долину Амударьи дикой окраиной, уделяя немалое внимание поддержанию и регулированию торговых и культурных контактов с кочевниками. Можно сказать, что благодаря разумной дипломатии и дальновидной стратегии персидской короны по обе стороны границы

¹ Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Северная Бактрия – Тохаристан. Очерки истории и культуры (Древность и Средневековье). – Ташкент : Фан, 1990. – С. 41-42.

державы Ахеменидов сложился единый мир, в котором уживались как кочевники-саки, кочевавшие к северу от Сырдарьи, так и оседлые жители междуречья Окса и Яксарта (Амударьи и Сырдарьи). Вот как характеризует культурную ситуацию в регионе в годы персидского господства отечественный исследователь А. А. Попов: «Вероятно, южноуральские кочевники поддерживали торговые контакты с центральноазиатскими сатрапиями Персидской державы. О вероятных торговых связях Ирана с Центральной Азией и областями к северо-востоку от неё свидетельствуют и раскопки алтайских курганов в VI-IV вв. до н.э., где в условиях вечной мерзлоты среди других предметов найден стриженный ворсовый ковёр, по-видимому, изготовленный мидийскими или персидскими мастерами. Таким образом, можно предположить, что кочевой мир к северу от персидской державы был интегрирован в сферу общеиранских торгово-экономических отношений. Вообще персы, мидийцы, бактрийцы, хорезмийцы, согдийцы и саки осознавали своё общее происхождение, а также близость материальной и духовной культуры»¹. Благодаря постоянным и тесным контактам с Ближним Востоком в Бактрии и Согдиане на момент знакомства с греками даже существовала собственная письменность, созданная на арамейской основе и поэтому понятная персам. Однако греко-македонские завоеватели не стали разбираться в культурном своеобразии этого форпоста оседлой восточной цивилизации и восприняли Бактрию лишь как окраину своих владений. Трудно было бы ожидать иного отношения, поскольку, как мы помним из первой главы, греки воспринимали любой народ, не понимающий их языка, как варварский и поэтому неполноправный по отношению к эллинам.

Во всех эллинистических монархиях Ближнего Востока население было в правовом отношении разделено на полноправных граждан, к которым относились только греческие и македонские переселенцы, и неполноправных, постоянно ущемляемых туземцев, которым, впрочем, не запрещалось эллинизироваться путём усвоения греческих языка и культуры с последующей ассимиля-

¹ Попов А. А. Греко-бактрийское царство. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008. – С. 150-151.

цией. Отечественный исследователь Л. С. Васильев так охарактеризовал социальную и административную иерархию эллинистических монархий: «Каждая из стран была поделена на две неравные части: на эллинистические или, во всяком случае, заметно эллинизированные города и крупные поселения и на мало связанную с ними периферию, получившую наименование «хора». (...) Всех жителей этих центров, независимо от их происхождения (а новые эллинского типа городские поселения начали быстро осваиваться наиболее активными мигрантами из восточных стран, будь то евреи, армяне, сирийцы, персы и многие-многие другие), вскоре стали именовать «эллинами»»¹. Обратим внимание на последние слова цитаты: жители хоры имели важный социально-экономический стимул к эллинизации, ведь в таком случае их допускали в запретные для варваров города переселенцев. Однако такая эллинизация означала культурное ренегатство, и поэтому вряд ли было много желающих последовать этим путём, особенно в первые десятилетия греко-македонского господства на Востоке. Тем более, что изначально Александр Македонский планировал установить среди своих подданных равноправие, что вызывало бурный протест со стороны греческих переселенцев, надеявшихся реализовать на практике аристотелевский принцип «варвар и раб – понятия тождественные». В результате первые переселенцы, прибыв на Восток, сразу же разочаровывались и пытались вернуться в Элладу, а восточные народы ждали обещанного равноправия и не получали его.

Следует обратить особенное внимание на устройство государства Селевкидов, в составе которого оказалась Бактрия сразу после распада империи Александра Македонского. Проблема всех эллинистических монархий, кроме Македонии, заключалась в том, что все они были основаны полководцами-диadoхами в процессе гражданской войны, и ни одна из их династий не имела никакой правовой легитимности. Например, Селевк I Никатор правил своим царством только потому, что сумел разгромить и убить других претендентов на власть в этих землях (хотя он сам безус-

¹ Васильев Л. С. Всеобщая история : в 6 т. Т. 1. Древний Восток и античность. – Москва : Высшая школа, 2007. – С. 339.

пешно претендовал на всё наследие Александра). И если власть династии Лагидов (Птолемеев) в Египте имела хотя бы четко очерченные географические границы бывшей монархии фараонов, то Селевку и его наследникам повезло меньше: в состав их царства входили те сатрапии, которые им удалось отвоевать у других диадохов, и другого принципа территориальной комплектации ближневосточной монархии у Селевкидов не было. Проще говоря, их власть и целостность их державы держались лишь на вооруженной силе, которой в любой момент могла быть противопоставлена другая сила. Немецкий исследователь Э. Бикерман удачно охарактеризовал политические принципы эллинизма, ярче всего проявившиеся в режиме Селевкидов: «Для греков Селевкид – это просто «царь (*basileus*) Антиох», «царь Деметрий», т.е. некий Антиох и некий Деметрий, которые отказались признавать какую бы то ни было человеческую власть над собой и живут по собственному закону. В принципе этот титул является определением суверенитета. (...) Подобная идеология могла бы породить отрицание наследственной монархии. Философы действительно пришли к такому умозаключению, но политика исправила теорию. Она сделала основой монархии два универсальных принципа греческого права. Царь – «счастливый воин». Но победа для грека не была просто счастливым событием вне связи с правовой системой. Она давала победителю не только фактическое обладание, но и право на владение»¹. Если сравнить право победителя с сакральным статусом персидского шаха, поверженного Александром, то эллинистические «басилевсы» кажутся лишь жалкими узурпаторами, героями на час. Тем более, что Селевкидам, объединившим под своим скипетром огромные территории Малой Азии, Сирии, Палестины, Месопотамии, Персии и Средней Азии, катастрофически не хватало войск для того, чтобы удерживать эти земли силой. Право победителя, вознесшее Селевкидов на восточный престол, в таких условиях не могло сохраняться долго, тем более, что поток греческих переселенцев, на которых монархи надеялись опереться, никогда не был очень широким. По-

¹ Бикерман Э. Государство Селевкидов. – Москва : Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1985. – С. 35.

этому династия Селевкидов даже не пыталась унифицировать административную систему своего обширного государства, предпочтя гибкий, но не результативный принцип *симмахии*. Так, корона заключала со всеми административно-территориальными и политическими единицами своего царства соглашения, по условиям которых эти единицы признавали над собой верховную власть монарха. Например, субъектами симмахии одинаково были новообразованные на Востоке греческие полисы типа Селевкии-на-Тигре, автономные политические образования, существовавшие до греко-македонского завоевания (например, Иудея, управляемая еврейскими первосвященниками), и местные восточные династии, находившиеся с Селевидами в отношениях вассалитета (например, армянские цари). Единого законодательства в такой шаткой федерации быть не могло, равно как невозможно было заставить все эти автономные единицы проводить единую политику. Более того, их вожди хорошо понимали, что если корона растеряет свои военные силы, то её право победителя тут же исчезнет. Э. Бикерман отмечает важную для эллинистического Востока тенденцию: «Держава Селевкидов была создана силой оружия. Исход сражений определял, будет ли тот или иной город принадлежать дому Селевка. В результате потомки Никатора властвовали над совокупностью разнородных городов и народов, каждый из которых вошёл в состав державы своим особым путём. В самом деле, стабильной ячейкой античной политической жизни всегда была некая органическая общность – город, народ, племя. Образования, стоявшие над этими единицами, например, царство, основывались на праве победителя. Поражение отменяло это право и возвращало первоначальную свободу этим ячейкам. При вторжении в какую-либо страну каждый город, каждая народность самостоятельно договаривалась с неприятелем»¹. Основывая свою монархию на таком шатком фундаменте, Селевкиды были вынуждены поддерживать хорошие отношения с каждым из этих разношерстных вассалов по отдельности, а не создавать единый политико-правовой порядок для всех субъектов их

¹ Бикерман Э. Государство Селевкидов. – Москва : Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1985. – С. 124

федеративной монархии. Но нелегко было одновременно ладить с восточными народами, желающими видеть на престоле сакрального монарха, равно заботящегося обо всех своих подданных, и с греческими переселенцами, надеявшимися превратить всё туземное население Востока в бесправных зависимых людей.

Первой сатрапией, в которой Селевкиды не смогли сохранить равновесие, стала Бактрия. Здесь сыграло важную роль наложение друг на друга двух сепаратистских мотивов: восточного и греческого. Туземные жители сатрапии не желали мириться со статусом дальней и малозначительной окраины, который Селевкиды присвоили их родине. Ведь, согласно зороастрийской картине мира, Бактрия была родиной учения пророка Заратуштры. Считалось, что именно здесь он написал Авесту, и по сей день нет никаких доказательств, что это не так. В частности, на этом настаивает советский исследователь Г. А. Пугаченкова: «Бактрия-Бахди, упоминаемая в Авесте среди созданных благим Ахурамаздой «областей благословения», была одним из районов формирования этой удивительной книги древних ираноязычных народов Среднего Востока. Какие из её частей возникли именно в Бактрии, какие в иных областях – вопрос вряд ли когда-нибудь разрешимый»¹. Селевкиды, безразличные к зороастризму и считающие своим покровителем олимпийского бога Аполлона, воспринимали Бактрию лишь как восточный угол своего государства и не уделяли ей практически никакого внимания, что безмерно обижало местных жителей. Греческие же переселенцы, впервые попавшие в долину Амударьи ещё в правление Александра Македонского, горели желанием организовать автономные полисы принятого в Элладе образца и, что было для них ещё важнее, прибрать к рукам возделанные земли местных жителей. Как уже говорилось выше, Селевкиды не интересовались проблемами далёкой сатрапии и не предлагали никаких мер по урегулированию противоречий между центром и периферией, туземцами и эллинами. В результате компромисс был достигнут на местном уров-

¹ Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Северная Бактрия – Тохаристан. Очерки истории и культуры (Древность и Средневековье). – Ташкент : Фан, 1990. – С. 83.

не: наместник сатрапии по имени Диодот сумел привлечь на свою сторону бактрийскую знать и в 256 гг. до н.э. поднял восстание против династии Селевкидов, завершившееся победой сепаратистов и превращением мятежного губернатора в царя Диодота I. Центральное правительство, занятое войнами на западных рубежах своей необъятной державы, не сочло потерю восточной окраины серьёзным убытком и в дальнейшем не предпринимало серьёзных попыток вернуть её под свой контроль.

Нетрудно реконструировать соглашение между лидерами греческой администрации и местными аристократами, приведшее к формированию единой сепаратистской партии и возникновению Греко-Бактрийского царства. Наверняка Диодот обещал знатным бактрийцам сделать столицей один из местных городов и проводить политику, учитывающую их интересы наравне с эллинскими. С другой стороны, он не мог не обещать греческим переселенцам оберегать автономию основанных ими полисов, а главное – защищать их привилегированный по отношению к туземцам социальный и правовой статус. После того, как независимость Греко-Бактрийского царства стала свершившимся фактом, пришло время каким-то образом выполнять данные обещания, чтобы все были довольны. Следует отметить, что от бактрийцев нельзя было просто отмахнуться. Если греков было слишком мало для постоянного силового подавления туземцев даже в державе Селевкидов, напрямую граничащей с Элладой, то в далёкой Бактрии их в принципе не могло быть много. Разумеется, все командные должности в армии Диодота и его наследников занимали исключительно греки, всё население полисов было военнообязанным, а жители катэкий (военных поселений), этнические греки, даже не облагались налогами при условии, что по царскому призыву отправятся на военную службу. Однако этих сил могло хватить разве что для подавления локального восстания в одном из городов Бактрии, но никак не для серьёзной военной кампании против Селевкидов или степных номадов, то и дело появлявшихся у северных границ царства. Более того, начиная с персидских времён, бактрийцы славились как умелые кавалеристы, и их конница немало досадила македонцам в битве при Гавгамелах, сражаясь на

стороне персидского царя¹. Поэтому эллинистические монархи стремились заручиться поддержкой местных аристократов для того, чтобы в нужный момент получить в своё войско их всадников.

Выше мы отметили, что для античной цивилизации не был свойственным религиозный прозелитизм. Поэтому эллинистические цари не пытались насаждать среди бактрийцев свою религию. Ими был применен иной метод поддержания компромисса между эллинами и варварами с предполагаемым постепенным сближением обоих народов: это был путь медленного, но проникающего распространения тех форм античной культуры, которые в наши дни называют светскими. При этом политико-правовую автономию местных жителей греко-бактрийская корона действительно учредила. По крайней мере, местные общины имели право на собственное законодательство, если оно не противоречило царскому². В таких основанных переселенцами городах как Бактры (ныне – Балх), Александрия Эсхата (ныне – Худжанд) и Ай-Ханум действовали греческие нормы и правила во всём – от архитектуры до уголовного судопроизводства, – а в таких местных городских центрах, как Бухара или Мараканда (ныне – Самарканд), имевших многочисленное туземное население и собственную культурную традицию, бактрийцы и согдийцы жили по собственным законам. Подразумевалось, что под влиянием греческого образа жизни местные нравы и традиции постепенно исчезнут, а туземцы – ассимилируются. Важно отметить, что такая «ползучая» эллинизация совершалась не стихийно, а была целенаправленным, инспирированным короной процессом, нашедшим отражение даже в самой административно-территориальной структуре царства. В частности, отечественный исследователь Б. А. Литвинский так описывает греческие планы по культурной ассимиляции и их реализацию на деле: «Здесь возможны три модели. Первая – включение в контекст инокультурной среды отдельных элементов эллинистической культуры без их (сущест-

¹ Плутарх. Александр / Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Трактаты. Диалоги. Изречения. – Москва : АСТ, 2004. – С. 387.

² Попов А. А. Греко-бактрийское царство. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008. – С. 103.

венного) переосмысления. В Бактрии достаточно широко распространялись греческий язык и письменность. Вторая модель связана с внутренней трансформацией (разного рода и степени) семантического содержания тех или иных образов, обычаев или обрядов. Один из вариантов этой модели – соотнесение инокультурного явления с изоморфным явлением в данной культуре и включение его в систему этой культуры в неизменном или незначительно измененном виде с тем же или гибридным содержанием.... И, наконец, третья модель (зона), где в местную среду проникали только отдельные элементы эллинской материальной и духовной культуры»¹. То есть греки принимали в свои города тех бактрийцев, которые осваивали греческий язык и образ жизни, сами знакомились с местным культурным колоритом и старались адаптировать его к собственной культуре, а с теми районами, где местное население не проявляло интереса к эллинизму, вели бойкую торговлю, направляя туда не только свои товары, но и специалистов-мастеров.

Дала ли такая культурная экспансия прочные результаты? Сложно судить о её результативности. Хорошей её иллюстрацией может послужить основанный греками на территории современного Афганистана город Ай-Ханум (по одной из версий его греческим названием было Эвкратидия). Б. А. Литвинский так описывает этот оазис эллинистической культуры на восточной земле: «Ай-Ханум, город греко-македонского и греко-бактрийского периодов, стал общепризнанным эталонным памятником восточного эллинизма. По размерам и планировке город типичен для провинциальных городов греческой ойкумены эпохи эллинизма.(...) Акрополь укреплен дополнительными поясами стен и «самой природой места». На второй террасной части между верхним и нижним городом, как и полагалось, в эллинистическом полисе, расположен театр. Рядом с ним, южнее, открыт и арсенал. (...) Центральная улица, длиной около 1700 м, идущая с юга на северо-восток параллельно р. Пяндж, отделяет нижнюю часть города

¹ Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан) в 2 т. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. – Москва : Изд-во «Восточная литература» РАН, 2000. – С. 369.

от верхней и средней. Центральную часть второй надпойменной террасы, вероятно, занимает административный квартал, в который входят дворец, героон, гимнасий и другие общественные сооружения»¹. Особенно важно, что в Ай-Хануме встречаются надписи с изречениями дельфийского оракула и цитатами из диалогов Платона. То есть духовный климат города по замыслу его основателей должен был оставаться исключительно греческим. Не в последнюю очередь по этой причине в Ай-Хануме был даже открыт театр². При этом некоторые бактрийские аристократы входили в состав городской администрации и чувствовали себя в Ай-Хануме, как дома, хотя археологические раскопки не обнаружили никаких остатков туземного этнического квартала или района. Казалось, что культурное единство греков и варваров, наконец-то, достигнуто.

Однако на чём основывалось это единство и какие цели приводили к нему бактрийцев? Мы уже знаем, что греки признавали за варваром возможность «стать человеком» только при условии овладения им греческими языком, модой и повседневными привычками. То есть бактриец или согдиец для того, чтобы войти в состав полисного населения, должен был перестать быть самим собой. Тем более, что греческий язык был государственным, но местное население никогда на нём не говорило, хоть греческая администрация и настаивала, чтобы бактрийцы писали свои слова греческими буквами. Найти общий язык с эллинами для туземца означало стать немым для своих земляков, тем более, что бактрийцы имели собственную письменность, созданную на арамейской основе, и поэтому использовать греческий алфавит они могли, лишь отказавшись от собственного. Из такого языкового баланса извлекали выгоду только купцы-караванщики, которые вели дела как со степью, так и с эллинистическим миром, а для бактрийских аристократов интеграция в греческое общество была равна культурному ренегатству. Однако некоторые из них это

¹ Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан) в 2 т. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. – Москва : Изд-во «Восточная литература» РАН, 2000. – С. 38.

² Попов А. А. Греко-Бактрийское царство. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008. – С. 168-169.

всё-таки делали. Причина этому была исключительно материальная: греческие переселенцы сосредоточили в своих руках большую часть административных и земельных ресурсов страны. Так, в окрестностях новообразованных полисов греки активно осваивали сельские угодья, проводя масштабные ирригационные работы, но при этом отчуждая у местного населения общинные земли. Единственная область сельского хозяйства, к которой греки не проявили интереса, было коневодство, оставленное ими полностью в руках бактрийцев с условием, что последние будут формировать конные контингенты для царского войска. В городских и провинциальных администрациях, ведавших финансовыми вопросами, магистратом мог быть только грек, хотя должности его помощников и заместителей нередко занимали местные жители¹.

При этом любое сотрудничество осуществлялось исключительно по греческим правилам и обговаривалось на греческом языке. Следовательно, эллинизации подвергались в первую очередь беспринципные карьеристы, а во вторую – выдвиженцы местных родовых и земляческих группировок, стремившиеся использовать служебное положение в партикулярных интересах. Цари и их высшие чиновники не замечали этой тенденции, полагая, что пока казна регулярно пополняется, а местное население не бунтует, в государстве всё идёт хорошо. Показателен пример таких согдийских центров как Бухара и Мараканда, о которых источники III-II вв. до н.э. ничего не сообщают, но которые совершенно точно не восставали против греко-бактрийских царей. Судя по всему, эти автономные туземные города жили собственной жизнью, занимаясь караванной торговлей и исправно высылая налоговые суммы в Бактры, сопровождая их декларациями на греческом языке. То есть, юридически будучи частью царства, согдийские города де-факто были независимыми, тем более, что они не входили в число греческих полисов и, скорее всего, не имели греческого населения. Их купцам не были нужны политические проблемы с короной, поэтому они лишний раз не делились ни с кем своим мнением о греках и их режиме, а во время

¹ Попов А. А. Греко-Бактрийское царство. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008. – С. 157.

торговых визитов в Ай-Ханум или Бактры они наверняка говорили по-гречески и посещали театр. Но преследовали купцы исключительно собственные интересы, как и те бактрийцы, что облачились в греческую одежду и поселились в Ай-Хануме. Сотрудничество с греками давало возможность использовать правление иноземцев для достижения финансовых и социальных выгод, но браться с пришельцами, которые не уважают ни местного языка, ни местной письменности, никто не собирался.

При всём своём легкомысленном отношении к религии, греческие оккупанты Средней Азии сделали попытку наладить взаимопонимание в этой сфере, взяв под своё покровительство некоторые местные святилища. Что из этого вышло, мы покажем на примере храма в Тахти-Сангин (современный Таджикистан), развалины которого в наши дни хорошо изучены археологами. Ещё с тех времён, когда Бактрией правили Ахемениды, на берегу реки Вахш близ истоков Амударьи располагалось зороастрийское святилище. Греческие правители решили использовать его для демонстрации собственной толерантности, дополнив храм алтарями в честь духа-покровителя реки Окс (Амударьи). Неизвестно, как эллины представляли это божество, но вполне возможно, что как нимфу, которых они почитали у ручьёв и на полянах в родной Греции. Во дворе святилища были поставлены несколько алтарей, на которых почитающие нимф паломники-греки могли приносить жертвы. В эллинистической традиции святилище в Тахти-Сагин даже именовалось «храм Окса», то есть храм духа реки Окс (Амударьи).

Грекам, возможно, казалось, что превращение зороастрийского храма в поликонфессиональное святилище, аналог римского пантеона продемонстрирует местным жителям готовность эллинов к диалогу. Но они упустили из виду один важный фактор: мнение самих бактрийцев. Дело в том, что зороастризм имеет две черты, которые заметно отличают его от древнегреческого олимпийского культа.

Во-первых, зороастрийские богослужения являются храмовыми, и сакральную роль в них играет постоянно поддерживаемое пламя, для которого в храмах существуют специальные ниши в стенах. Причём, эти ниши, именуемые *атеишах*, расположены

так, чтобы горящий в них огонь не был виден снаружи храма¹, потому что при ритуале должны были присутствовать только жрец и проситель. Всё, что происходило в этот момент вне храмового помещения, никакого отношения к обряду не имело. Следовательно, если греки во дворе святилища хотели приносить в жертву нимфам овец или водить вокруг своих алтарей хороводы, то это было их правом. Но такое поведение, по мнению бактрийцев, не только не делало эллинов участниками зороастрийских ритуалов, но и, наоборот, подчеркивало культурную чуждость греков. Греки, стремясь продемонстрировать толерантность, сами того не понимая, подтвердили реальное положение дел: свои – внутри, а чужие – за порогом.

Во-вторых, божества олимпийской религии не всегда совместимы с зороастрийским пантеоном. Если греки уверенно исповедовали генотеизм, то есть почитали любых богов, дифференцируя их лишь по выполняемым функциям, то зороастризм – религия строгого дуализма, видящая мир как противостояния доброго божества Ахура-Мазды и злого духа Ангра-Майнью. Ахура-Мазде помогают добрые божества (*язата*) и «бессмертные святые» (*амэша спента*), число которых ограничено и имена их известны верующим². Любые другие боги и духи автоматически считались демонами (*дэвами*), приспешниками злого божества Ангра-Майнью. А поскольку зороастрийцы ничего не знали о нимфах и территориальных духах-покровителях, почитаемых греками, то без колебаний записывали их в ряды демонов. С точки зрения бактрийцев, греки притащили в храм доброго бога алтари дэвов и проводят возле них какие-то кошунственные обряды, нисколько не смущаясь присутствием священного огня. Разумеется, пока политическая власть и военная сила были на стороне эллинов, местные жители не высказывали протестов вслух,

¹ Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан) в 2 т. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. – Москва : Изд-во «Восточная литература» РАН, 2000. – С. 99.

² Бойс М. Зороастрийцы. – Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 1994. – С. 36.

но и никакой благодарности к грекам за их «толерантность» не испытывали.

Однако сами греко-бактрийские цари поверили в свою же собственную сказку о том, что в государстве под влиянием греческой культуры сформировалось единое общество. Ведь к услугам монархов были несколько десятков чиновников местных национальностей, облаченных в эллинскую одежду и вполне сносно изысняющихся по-гречески. От монарших взглядов ускользал лишь тот факт, что за каждым из эллинизированных бактрийцев наверняка стоял его разветвленный клан, в большинстве своём чуждый эллинизации и использующий беспринципного родственника в собственных партикулярных интересах. Тем более, что равноправия бактрийцев и греков в царстве не существовало не только де-факто, но даже де-юре. Также с владыками Бактрии охотно вели дела ушлые бухарские купцы, легко и непринужденно говорившие в Ай-Хануме по-гречески, а в степи – по-тюркски и по-монгольски. Эти люди не скрывали, что торгуют с тем, кто приносит им максимальную прибыль, и если греческие негоцианты давали цену меньшую, чем степняки, то симпатии бухарцев оказывались на стороне номадов. Возможно, греко-бактрийские цари с умилением взирали на храм в Тахти-Сангине, где по замыслу чиновников и архитекторов соединились греческая и бактрийская религиозные традиции, но при этом не замечали ту брезгливость, с которой местные паломники смотрят на алтарь духа-покровителя реки. Короче говоря, правители Бактрии обманули сами себя, приняв поверхностные следствия соседства двух культур за подлинный культурный синтез. И этот самообман немедленно повлёк за собой судьбоносную политическую ошибку.

В 250-е гг. до н.э. в Средней Азии появилось кочевое племя парнов (будущих парфян), возглавляемое храбрым до бесшабашности вождём Аршаком. Бактрийский царь Диодот II, искренне считая себя восточным правителем, увидел в пришельцах союзников против Селевкидов, с которыми он вёл вялые, нескончаемые войны на территории области Дрангиана. Лидер степняков с радостью принял такое щедрое предложение, и в 230-е гг. коалиция Греко-Бактрийского царства и кочевников одолела войско Селевкидов. Греческий наместник Персии, Андрагор, был сверг-

нут, провинция вышла из-под власти эллинистической династии, и на её землях усилиями кочевников образовалось Парфянское царство. Под влиянием местного населения и персидской аристократии, приветствовавшей кочевников как освободителей, парны быстро перешли к оседлому образу жизни и в дальнейшем именовались парфянами. При помощи образованных персов потомкам Аршака удалось создать бюрократическую монархию восточного типа, которая сразу же стала казаться персам, сирийцам и бактрийцам лучом света в тёмном царстве эллинизма. Тем более, что парфяне охотно приняли зороастризм и всячески поощряли восстановление заброшенных в правление Селевкидов святилищ этой религии. А ещё Парфянское царство самим фактом своего существования создало непреодолимый геополитический барьер между Греко-Бактрийским царством и Средиземноморьем, откуда прежде пребывали греческие переселенцы и, тем самым, подпитывали господствующий класс царства. Греко-бактрийская династия оказалась изолирована от своей реальной родины, а бактрийские греки в одночасье из представителей доминирующей в мире культуры превратились в абсолютное меньшинство среди туземного населения Бактрии. Соседи-парфяне, бесспорно, были благодарны им за оказанную стратегическую услугу, но оберегать эллинистическую культуру на Востоке они не собирались хотя бы потому, что сами ориентировались на Персию с её зороастризмом, арамейской письменностью и сакральным статусом «царя царей». Военное превосходство греков над бактрийцами тоже таяло на глазах: ведь переселенцы из Леванта и Эллады больше не прибывали, а значит, некому стало жить в военных поселениях и служить в фалангах царского войска. Конечно, монархи оценили надвигающуюся угрозу и приступили к строительству крепостей. К примеру, в Кей-Кобадшахе были воздвигнуты укрепления со стенами шестиметровой толщины и бастионами для каменётной артиллерии¹. Но, как мы уже знаем, в долгосрочной перспективе лимес бесполезен: обо-

¹ Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Северная Бактрия – Тохаристан. Очерки истории и культуры (Древность и Средневековье). – Ташкент : Фан, 1990. – С. 83-84.

ронительная стратегия, материальным воплощением которой он является, лишь отсрочивает поражение.

Гром грянул в 120-е гг. до н.э. Оттеснённые от границ Китая кочевники-юэцжи, в греческих текстах именуемые тохарами, обрушились на Бактрию, увлекая за собой племена саков, таких же степняков, которых они своей миграцией сбили с маршрута сезонных перекочёвок. У нас нет сведений о том, как развивались события в Согдиане; скорее всего, бухарские и самаркандские торговцы сумели поладить с номадами и указали варварам более выгодную цель – города Бактрии, обороняемые редееющими с каждым годом отрядами греческих ополченцев при полном безразличии многотысячного местного населения. Нашествие было коротким, но кровавым. Напрасно последний греко-бактрыйский царь Гелиокл надеялся на помощь эллинистических государей. Ведь ещё в 206 г. при аналогичных обстоятельствах Антиох III Великий отказался даже слушать бактрыйского монарха Евфидема хотя бы потому, что греческий мир Леванта не имел с Бактрией общей границы и никакой помощи оказать ей не смог бы даже в том случае, если бы между Селевкидами и монархами Бактрии царил «вечный мир»¹. Бактрыйские аристократы на этот раз тоже не спешили формировать конные отряды для помощи чужеземной династии, которая за сто лет правления не только не стала для них родной, но ещё и успела опозориться культурными экспериментами в Тахти-Сангине. В результате к середине 120-х гг. Ай-Ханум был взят приступом кочевниками, разграблен и разрушен ими до основания. При том, что степные варвары никогда не умели штурмовать крепости, нетрудно предположить, что местные жители Бактрии сыграли в тех событиях далеко не последнюю роль. Это не значит, что степные варвары не грабили оседлых бактрыйцев, но те, вероятно, предпочитали потерпеть убытки от степняков, если это гарантировало свержение культурно чуждой греческой династии. Удар оказался для Греко-Бактрыйского царства смертельным: даже область Бактрия впредь получила на-

¹ Бартольд В. В. Греко-бактрыйское государство и его распространение на северо-восток. – Петроград, 1916. : Тип. Императорской Академии Наук. – Отт.: Известия Императорской Академии Наук. – Дарственная надпись. – С. 825.

звание Тохаристан, по греческому же названию племени кочевников-победителей. Племя саков тоже увековечило себя захватом Дрангианы, той самой области, которую бактрийские греки никак не могли поделить с Селевкидами. После изгнания греков саками область предсказуемо стала именоваться Сакастан (в наши дни – Систан)¹.

Какие выводы мы могли бы сделать из эллинистического опыта мирной культурной экспансии цивилизации в варварский мир? Захватив Среднюю Азию, эллины оказались в орбите чужой культуры. Как мы отметили выше, хорезмийцы, персы и степняки вместе образовывали единое культурное поле, части которого отличались друг от друга, но всё же были знакомы между собой. Греки оказались в этом мире единственными лишними, но со свойственной любым цивилизациям категоричностью поспешили записать всех жителей Востока в разряд варваров, не удосужившись даже познакомиться с ними поближе. Именно это демонстративное презрение к таким развитым компонентам местной духовной культуры как зороастрийская религия и арамейская письменность моментально воздвигло барьер между местными жителями и греко-македонскими завоевателями. Среднеазиатские туземцы терпели эллинистических царей лишь до тех пор, пока на стороне последних было военное превосходство. Все попытки греческой династии пересадить эллинистическую культуру на среднеазиатскую почву носили декоративный характер и воспринимались бактрийцами и согдийцами как утонченное издевательство. Проще говоря, греки сочли варварами тех, кто таковыми не являлся, и поэтому все их попытки принести цивилизацию на Восток оказались бесплодными: невозможно наполнить чашу, которая полна.

То, что пытались сделать греки в Средней Азии, пришлось делать римлянам в настоящем варварском обществе Галлии. Кельты в культурном отношении представляли собой как раз такой молодой и примитивный народ, которому вполне можно было навязать развитые политические и экономические формы антич-

¹ Груссе Р. Степные кочевники, покорившие мир. Под властью Аттилы, Чингисхана, Тамерлана. – Москва : Центрполиграф, 2020. – С. 50.

ной цивилизации, не опасаясь противостояния с местными аналогами за их неимением. На примере романизации Галлии мы можем проследить механизм и результаты процесса принудительного «окультуривания» цивилизованным обществом своего варварского соседа.

Установление римского господства над Трансальпийской Галлией (современной Францией) сопровождалось поступательной и необратимой романизацией населения этой провинции. Завоевавший эти земли Юлий Цезарь описал автохтонное кельтское общество в привычных ему античных политических терминах: он пишет о галльских «царях» и «городах», и у читателей может сложиться впечатление, что римляне столкнулись в Галлии с обществом, равным Риму по степени развития политической культуры. На самом же деле местные кельты не имели ни государства, ни внятных представлений о нём. Их «царства» представляли собой примитивные племенные союзы, а города, которые Цезарь штурмовал, были лишь укреплениями, в которых галлы оборонялись в случае опасности, но в мирное время не жили. Точно так же обстояло дело и с письменностью, и даже с пантеоном. До прихода римлян кельты подвергались лишь поверхностному эллинистическому влиянию, оживлённо торгуя с греческой колонией Массилия (ныне – Марсель), знали греческие буквы, но своих письменных произведений не создавали. Вот как характеризует состояние галльской литературы и искусства доримской эпохи французский историк Ж.-Л. Брюно: «Ни мифа, в котором проявилась бы фигура какого-нибудь божества, ни сакрального уложения, даже ни одной посвятельной надписи! К отсутствию письменных источников прибавляется отсутствие изображений. Галлы вплоть до достаточно позднего времени не изображали своих богов в человеческом облике. И желание увидеть их в каких-то фигурах животных на монетах или на барельефах галло-римской эпохи напрасно»¹. Разумеется, галлы имели религиозные культы и устное творчество, но для нас, как и для Цезаря, эти данные недостижимы: ведь кельтская культура была беспись-

¹ Брюно Ж.-Л. Галлы. – Москва : Вече, 2011. – С. 228.

менной, а хранители устных преданий – друиды и барды – не разглашали своих знаний чужеземцам.

Римляне, сломив первоначальное сопротивление кельтов, установили относительно мягкий оккупационный режим: были основаны города-колонии (например, Лугдун – нынешний Лион), население и сельская округа которых состояли из отставных солдат и итальянских крестьян-переселенцев. За пределами этих «оазисов цивилизации» галльские племена сохраняли свою традиционную социальную организацию и вероисповедание, лишь платя налоги и время от времени выполняя повинности. Единственным, но очень важным новшеством первых десятилетий римского господства стало обязательное делопроизводство на латинском языке, который теперь местные вожди вольно или невольно должны были знать. Гэльский язык не притеснялся, но и римские чиновники, и кельтские вожди, и племенные старейшины общались друг с другом по латыни¹. Разумеется, не имевший родной письменности народ не мог в одночасье научиться читать и писать иноязычные книги и документы. Поэтому уже в начале н.э. римлянами была организована сеть училищ для детей галльской аристократии, причём, такие учебные заведения открывались не только в римских городах Лугдун и Августодун (ныне – Отён), но и в традиционных кельтских племенных поселениях. Немецкий историк Т. Моммзен так характеризует культурные климат и педагогические успехи данных училищ: «Эти галльские лицеи, несмотря на их отнюдь не национальный курс наук, всё же, вероятно, могли оказаться ферментом специфически галльского народного духа. Едва ли случайно самый значительный из них находился в то время не в римском Лионе, но в главном городе эдуев, самого знатного из галльских племён. Однако хотя римско-эллинистическая культура, быть может, и была навязана галльской нации насильственно и столкнулась с оппозицией населения, но постепенно, по мере сглаживания противоположностей, она так глубоко проникла в кельтский быт, что со временем ученики начали изучать её более ревностно, нежели сами учителя.

¹ Моммзен Т. История Рима. В 5 т. Т. 5. Кн. 8. Провинции от Цезаря до Диоклетиана. – Москва : АСТ, 2002. – С. 102.

Джентльменское образование, несколько сходное с существующим ныне в Англии, было основано на изучении латыни и, во вторую очередь, греческого языка, а также на развитии школьного красноречия, отточенные обороты и пышные фразы которого живо напоминают нам литературу той же Галлии в более позднее время»¹.

Римляне не только учредили в новообразованной провинции латинское образование, но и принимали живейшее участие в хозяйственной жизни страны: прокладывали дороги, строили акведуки и основывали города. В частности, именно ими были построены практически на пустом месте Лютеция (ныне – Париж), Бурдигала (ныне – Бордо) и Арелат (ныне – Арль). Важно отметить, что сегрегация, которой первоначально подвергалось местное население, быстро сошла на нет: уже при императоре Августе римские жители городов-колоний получили имперское гражданство, а император Клавдий (10 г. до н.э. – 54 г. н.э.) не только даровал гражданство галлам, но даже снял ограничение на занятие ими государственных должностей за пределами Галлии. Кельты охотно учились в римских школах, вербовались в легионы и вспомогательные войска и чуть с меньшим успехом делали чиновничью карьеру. Также римские колонисты принесли в Галлию систему поместий-латифундий, в которых работали не свободные земледельцы, а сотни или даже тысячи рабов, щедро поставляемых на невольничьи рынки захватническими войнами империи. Можно сказать, что крупная земельная собственность и связанные с ней коммерческие отношения в I в. н.э. мало различались в Галлии и Италии.

Всё вышесказанное не значит, что все галлы за одно столетие ассимилировались и беспрестанно рукоплескали императору далёкого Рима. В провинции случались и антиимперские восстания, и сепаратистские заговоры, но, что примечательно, ни одно из таких выступлений не было антиримским. Так, одним из самых масштабных восстаний в Галлии I в. н.э. стало Батавское (70 г.). Воспользовавшись гражданской войной, вспыхнувшей в империи

¹ Моммзен Т. История Рима. В 5 т. Т. 5. Кн. 8. Провинции от Цезаря до Диоклетиана. – Москва : АСТ, 2002. – С. 115

после гибели императора Нерона, вождь германского племени батавов Юлий Цивилис возглавил объединенное выступление подвластных Риму германцев и галлов. Вот как характеризует главаря повстанцев римский историк П. К. Тацит: «...Цивилис был умнее, чем большинство варваров; он даже считал себя достойным равняться с Серторием и Ганнибалом, ибо лицо его было так же обезображено, как у них. Открыто выступив против римлян, Цивилис рисковал попасть под удар римских армий; он это понимал и решил принять участие в гражданской войне, прикинувшись сторонником Веспасиана. Ему тем удобнее было это сделать, что он получил ещё раньше письменное распоряжение Прима Антония – вызвать волнения германских племён и тем задержать легионы, расположенные в этих провинциях»¹. На миг представим себе этого персонажа. Цивилис носил латинское имя и был достаточно эрудирован, чтобы знать о Ганнибале и Сертории, которые никогда не воевали в землях племени батавов (современная Голландия). Узнать об этих военачальниках и их легендарных победах житель северной Галлии мог только из римских книг, то есть получается, что Цивилис имел классическое римское образование. Если же он легально принимал участие в имперской гражданской войне и даже имел секретное поручение от одного из полководцев воюющих сторон, сопровождаемое письменным приказом, то, значит, занимал, по меньшей мере, офицерскую должность в римских вспомогательных войсках. То есть Цивилис был для римлян не иностранцем или инородцем, а имперским военнотружашим германского происхождения. И поднятый им мятеж представлял собой сецессию, а не национально-освободительное движение. В частности, Цивилис вынашивал план создания Галльской империи по образцу Римской и даже вербовал в свои отряды расквартированных на Рейне римских легионеров. Восстание было быстро подавлено, но его суть успела проявиться: это был провинциальный сепаратизм. Ведь под знамёнами Цивилиса вместе выступили кельты и германцы, которые до присоединения Галлии к Риму постоянно враждовали между собой. Теперь же они хотели продолжать жить вместе,

¹ Тацит П. К. *Анналы. История*. – Москва : АСТ, 2005. – С. 573-574.

только без подчинения Риму. Можно сказать, что это были галло-римляне, а не прежние кельтские и германские племена. Уже цитировавшийся нами Т. Моммзен делает такой вывод о Батавском восстании: «Римские имена возглавлявших восстание представителей знати, латинские надписи на монетах, выпущенных мятежниками, полное подражание римским порядкам – всё это ясно показывает, что освобождение кельтской нации от чужеземного ига в 70 г. н.э. было невозможно уже потому, что этой нации более не существовало, а римское господство хотя и ощущалось в известных случаях как тяжелый гнет, но уже перестало быть чужеземным игом»¹. В дальнейшем Галлия уже была лишь одним из звеньев Римской империи, выполняя важные экономические и военные функции, но лишившись какого-либо политического или культурного колорита. Например, в 152–153 гг. по восточным провинциям империи прокатилась волна землетрясений, и Египет не смог поставить в Италию обычное количество зерна. Галлия в этой ситуации выступила в роли житницы империи, и голод в Риме был своевременно предотвращен². Закономерно, что римские легионы защищали такую выгодную провинцию от варварских набегов и даже прикрыли её северо-восточные границы цепью укреплений.

Возникает вопрос: почему же кельты не превратились в римлян? Можно говорить о романизированных галлах и галльских римлянах, но единым обществом эти две группы всё-таки не стали. Более того, при всей своей многочисленности и жизнелюбии галлы не оказали на римлян никакого культурного влияния. В то время как у империи периодически наступали нелёгкие времена, галлы жили так, будто их это не касалось. Почему? Ведь римляне принесли на прежде варварскую территорию технический прогресс и множество таких полезных общественных институтов как письменное законодательство и школьное образование. Проблема заключается в том, что кельтские племена в момент завоевания

¹ Моммзен Т. История Рима. В 5 т. Т. 5. Кн. 8. Провинции от Цезаря до Диоклетиана. – Москва : АСТ, 2002. – С. 85.

² Соловьянов Н. И., Батузов А. А. Кельтиберы в римской армии на рейнско-германском лимесе // Манускрипт: научно-теоретический и прикладной журнал. – 2020. – №2(13). – С. 61.

Галлии находились на своём историческом старте. Они вовсе не были бездарными, просто их время творить развитую материальную и духовную культуру ещё не пришло. Неизвестно, какими были бы их достижения, не случись римского завоевания, но они точно не испытывали нехватки достоинств и деловых качеств. Увы, бутон кельтской культуры оказался срезан до цветения: галлы потеряли свой оригинальный культурный облик прежде, чем смогли в полной мере обрести его. В результате они превратились в безликих имперских граждан – таких же, как египтяне или греки¹.

Важно отметить, что кризис III в. отразился на Галлии ничуть не в меньшей степени, чем на остальной империи. Для помещиков-латифундистов наступили тяжелые времена с того момента, как империя перестала вести захватнические войны: приток рабов прекратился, и на плантациях стало попросту некому работать. Немецкий историк О. Кифер отмечает серьёзность создавшегося положения: «Образовалась колоссальная нехватка рабочих рук. Обширные плантации, на которых трудились рабы, постепенно забрасывались. Рабские казармы превращались в поселения крестьян, вынужденных работать на владельца поместья, то есть повсеместно происходило возвращение к натуральному хозяйству»². Как мы знаем из истории, в империи рабовладельческая система латифундий повсеместно заменялась на крепостническую систему колоната. В тех провинциях, где местные условия допускали какую-нибудь альтернативу тотальному введению крепостничества, положение смягчалось. Например, в Леванте многие латифундисты, предвидя скорое разорение, переносили своё внимание и капиталы на торговлю с восточными странами. То же самое происходило в Египте и Триполитании; в римской Африке, как мы знаем, начал процветать ростовщический бизнес.

¹ Сулимов С. И. Псевдоморфоза и антисистема в историко-культурном процесс: Галлия и Левант // Материалы международной научно-практической конференции «Философия и культура в гуманитарном дискурсе», (г. Воронеж, 24-25 апреля 2020 года). – Воронеж : Воронежский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2020. – С. 173-183.

² Кифер О. Сексуальная жизнь в Древнем Риме. – Москва : Центрполиграф, 2003. – С. 418.

В Египте также сохранялось общинное крестьянство, умеющее себя прокормить даже при полном коллапсе государственного аппарата, опираясь лишь на традиционные способы ведения хозяйства в долине Нила. И, несмотря на всё это разнообразие вариантов выхода из экономического тупика, во Фракии и Малой Азии нашлось достаточное количество крепостных колоннов, которые пополнили ряды внутренних варваров и поддержали готов во время их набегов III в. В Галлии же экономический кризис усугублялся тем, что система латифундий не была для кельтов родной и по своему уровню экономического развития намного превосходила те формы хозяйства, которыми располагали галлы до прихода римлян. И теперь кельты не могли поддержать чужое экономическое изобретение, которое исключительно в галльских условиях не смогло бы возникнуть и некоторое время функционировало только за счёт нахождения Галлии в составе империи. Традиционная же кельтская система общинного землепользования подверглась эрозии в ходе романизации, потому что не смогла выдержать конкуренции с крупным бизнесом латифундистов. Кельты оказались в историческом тупике: жить сообразно собственным традициям они не могли, так как романизация буквально втащила их в общество более высокой сложности и обесценила автохтонные кельтские институты; но поддерживать римскую политическую и экономическую модель кельты не могли тоже, потому что даже изобретатели данного порядка, римляне, в ней разочаровались.

Указанные нами проблемы не означали, что галлы покорно ждали гибели империи и своего краха, сложа руки. В частности, даже на рубеже IV–V вв. н.э., когда империя трещала по швам, почти каждая провинция стремилась организовать и защитить себя сама. Где-то формальный и неформальный сепаратизм закончился поражением, но восточные провинции всё же смогли отделиться под названием Восточной Римской империи. Причём, благодаря христианским и греческим идеям они даже справились с политическими, экономическими и духовными проблемами лучше, чем их вчерашняя метрополия. Если учесть, что военные столкновения между Западной и Восточной империями не утихали, то становится понятным, что мнение метрополии мало кого в

Средиземноморье интересовало. В такой обстановке у галлов был немалый шанс тоже попытаться счастья в самостоятельной политической жизни. Однако они этого не сделали, ведь у них не было никаких оригинальных социально-политических идей. Во время кризиса III в. Галлия, подобно некоторым другим провинциям, оказалась охвачена сепаратистскими настроениями, но это было не национально-освободительное движение, а попытка местной военной администрации выйти из-под контроля имперского центра. Например, в 259 г. командующий рейнскими легионами Кассиан Постум объявил себя императором Галлии, и у терроризируемого готами и алеманами правительства некоторое время не было возможности подавить мятеж. Однако, даже располагая поддержкой кельтского населения провинции, лидер сепаратистов повёл себя как обыкновенный узурпатор. Вот как описывает совершаемые им шаги отечественный историк С. И. Ковалёв: «Форма нового государства целиком подражала римскому образцу, но содержание его было несколько иным. Постум создал галльский сенат, должностных лиц (консулов и др.) и сам принял полную титулатуру римских императоров. Армия состояла главным образом из галлов. Но наряду с ними Постум принимал туда алеманов и франков¹». То есть галлы попытались создать на своих территориях Римскую империю без Рима, но в своих представлениях о государственности оказались настолько ограничены, что даже не имели для своего правителя никакого оригинального титула. Конечно же, такое мятежное государственное образование не имело никаких шансов сохранить независимость. Его последний «император», Гай Тетрик, добровольно сдался легионерам в 273 г., бросив своё войско на произвол судьбы. Причём, судя по фамилии, этот человек был кельтом, но играть в независимого правителя всё-таки не хотел.

В дальнейшем у кельтов появлялись ещё несколько шансов отделиться от империи: с каждым годом Рим слабел, и в конце IV в. уже не мог удерживать провинции вооруженным путём. Каждый, кто хотел вершить свою историю, получил прекрасную возможность сделать это. Однако кельты не пытались создать

¹ Ковалёв С. И. История Рима. — Москва : АСТ, 2006. — С. 756.

своё государство, а на политический хаос и бюрократический прессинг центральной власти ответили лишь бессмысленным и беспощадным восстанием багаудов, идентичным другим антикрепостническим движениям эпохи домината. Новую жизнь в Галлию принесли только варвары-франки, которые никогда не подвергались романизации и смогли уклониться от вхождения орбиту культурного влияния античности. Однако их страна называлась уже не Галлия, а Франция, и дальнейшая её история не была кельтской.

Описанное нами социокультурное явление встречается в мировой истории не единожды. Немецкий философ О. Шпенглер удачно предложил именовать его псевдоморфозой: «Историческими псевдоморфозами я называю случаи, когда чужая старая культура настолько сильно довлеет над страной, что местной молодой культуре нечем дышать, и она не в состоянии не только создать свои выразительные формы, но даже не приходит к полному разворачиванию собственного самосознания. Всё, что поднимается из глубин молодой души, отливается в пустоты чужой жизни. Молодые чувства застывают в устаревших произведениях, и вместо подъёма собственного формообразования (Gestaltungskraft) до невиданных размеров вырастает только ненависть к чужой и далёкой силе»¹. Молодое общество, оказавшись подчинено проникающему и тотальному влиянию зрелой цивилизации, одновременно и подчиняется её власти, и очаровывается её мощью. Это не насильственная ассимиляция, а мягкое навязывание культурных (например, политических) образцов, которые покоренное молодое общество будет поддерживать не только из страха, но и потому, что пока не имеет собственных аналогов. Правда, именно благодаря этому собственного пути у втянутого в псевдоморфозу общества уже не будет.

Важно отметить, что создание псевдоморфозы не бывает быстрым процессом, и его результаты проявляются лишь через несколько поколений после начала. Например, предпосылки псевдоморфозы в Галлии создавались римлянами на протяжении сто-

¹ Шпенглер О. Закат Европы в 2 т. Т. 2: Всемирно – исторические перспективы. – Минск : Поппури, 2009. – С. 234.

летия, прежде чем данная тенденция проявилась в явной форме. Не будет преувеличением сказать, что, хоть римляне и не знали слова «псевдоморфоза», именно этот феномен они хотели установить в подвластном им кельтском мире. Они хотели видеть галлов своими воинами, работниками, крестьянами, даже гражданами, но только не галлами. Мечта завоевателей сбылась: Галлия превратилась в житницу империи и практически неисчерпаемые источник материальных и людских ресурсов для любых имперских начинаний. Вот только история Галлии на этом завершилась и никогда уже не начиналась снова. Даже гибель империи не возродила прерванную политическую и духовную мысль галлов, а лишь заменила одних завоевателей на других. Думается, псевдоморфоза сложилась здесь так быстро и прочно потому, что кельтам было нечего противопоставить римлянам: они были слишком молодым народом и ещё не успели наработать культурный багаж для полноценного диалога.

Возникает вопрос: полезна ли псевдоморфоза для создавшего её цивилизованного общества? Можно ли считать втягивание варваров в псевдоморфозу победой цивилизации? Ответ противоречив: благодаря псевдоморфозе внешние варвары теряют свою экспансивность, но превращаются в варваров внутренних, так и не становясь носителями цивилизации. Отечественный исследователь Г. Ф. Перетятыкин отметил, что псевдоморфоза в антропологическом плане создаёт не вожаков будущей борьбы за культурную автономию и политическое самоуправление, а так называемые «псевдоморфные личности», которые одновременно всем свои и всем чужие¹. Это коллаборационисты для господствующей цивилизации и суровые управляющие для соотечественников. Причём, движут этими людьми исключительно личные мотивы (например, возвыситься, разбогатеть, кому-то отомстить). Чтобы получить какие-нибудь льготы от хозяев, псевдоморфные личности без колебаний притесняют соотечественников, высмеивают их автохтонную культуру и внедряют на родине язык цивили-

¹ Перетятыкин Г. Ф. Псевдоморфный человек и «смерды направления» в классической русской литературе // Наука. Искусство. Культура. Реферируемый научный журнал. – 2014. – Вып. 4. – С. 39.

лизованных завоевателей. Однако ценности цивилизации им далеко не всегда интересны, ведь на службу хозяевам их привела не симпатия, а банальное стремление к наживе и власти. Эти люди могут стать неплохими провинциальными чиновниками, но всегда используют должностное положение исключительно в собственных интересах. Поэтому цивилизованная метрополия может полагаться на них только до тех пор, пока псевдоморфным коллаборационистам это выгодно. К сожалению, псевдоморфные личности не способны ни к какому, в том числе и политическому, творчеству, и поэтому продолжают реставрировать выгодные им чужеземные образцы отношений даже тогда, когда последние теряют функциональность, лишь бы только каждому отдельно взятому псевдоморфному функционеру это было выгодно. Именно поэтому франки на рубеже IV-V вв. н.э. смогли почти без борьбы захватить получившую независимость Галлию: кельтам было уже не впервой принимать чужие порядки, а их администрация, унаследованная от империи, сразу принялась искать для себя личные выгоды от франкского завоевания. Поэтому мы вынуждены констатировать, что создание псевдоморфозы хоть и делает внешних варваров для цивилизации безопасными, но в долгосрочной перспективе работает против цивилизованного общества и уж точно не приносит добра оказавшимся в орбите псевдоморфозы варварам.

Теперь посмотрим, каковы шансы у цивилизованного общества сделать внешних варваров безопасными, не прибегая к политическому господству над ними и не захватывая их территории. Пример такого взаимодействия продемонстрировал Китай эпохи династии Тан, умело использовавший для экспорта своей культуры университетское образование. Выше мы уже писали, что императоры данной династии пытались создать централизованную бюрократическую монархию и, если исключить ряд неизбежных издержек в виде узаконенного кумовства, преуспели в этом. Для того, чтобы многочисленные чиновники действительно соответствовали своим должностям, одной лишь экзаменационной системы было мало, и монархи финансировали работу целой сети высших учебных заведений самой разной специализации. Высшим образованием в империи Тан ведало Управление Княжеских

сыновей, располагавшее училищами как в столице, так и в крупных провинциальных городах. Так, в его структуру входили 6 Центральных училищ и 2 Института – Институт распространения словесности и Институт поклонения словесности. Кроме того, существовали очень престижные Училище Княжеских сыновей, Великое училище и Институт Углубленного познания словесности, в штат которого входили даже персональные репетиторы («дежурные толкователи»). Разумеется, абитуриенту без поддержки влиятельных родственников попасть в такой вуз было невозможно, но, как мы знаем, законы династии Тан распространяли привилегии государственных функционеров на всю их родню, и поэтому престижные вузы не испытывали проблем с набором студентов. Названия этих заведений не должны ввести читателя в заблуждение: Институт распространения словесности готовил не профессиональных филологов, а формировал характеры будущих чиновников в соответствии с идеями Конфуция и Шан Яна. Подразумевалось, что выпускник такого вуза будет каждый свой шаг и каждое своё слово соотносить с идеалами патернализма и интересами короны. Такие выпускники должны были стать высшей элитой бюрократии, управленцами широкого профиля, которым открыты дороги к руководящим должностям в любом государственном ведомстве.

Рангом ниже находились специализированные управленческие вузы – Институт Четырёх врат, Правовое, Каллиграфическое и Счётное училища. В эти учебные заведения принимали не только детей аристократов, но и отпрысков мелких чиновников, и даже выходцев из простонародья. Разумеется, предполагалось, что выпускник Счётного училища станет узким специалистом – бухгалтером, а выпускник Каллиграфического училища – секретарём в одном из государственных ведомств, но ни один, ни второй никогда не будут иметь полномочий для приёма ответственных решений. Именно поэтому в такие училища принимали грамотных простолюдинов: проникновение вчерашнего крестьянина во властные структуры не означало, что он сможет что-либо изменить в работе этих структур.

Для нашего исследования важен тот факт, что в управленческие училища династии Тан всегда был открыт набор иностран-

ных студентов. Тесно контактируя со степняками и навязывая свой протекторат Центральной Азии, китайская корона закономерно пыталась установить прочные связи между своими чиновниками и кочевыми правителями. Следует признать, что дети степных нойонов нередко пользовались возможностью получить образование китайского образца. Отечественный исследователь В. М. Рыбаков так характеризует положение иностранных студентов при династии Тан: «В училищах управления обучались и иноплеменники. В главе «Описание отборочных и академических экзаменов» (официальный документ – С.С., И.Ч., В.Ч.) отмечалось, что «варвары четырёх сторон» посылали сюда сыновей и младших братьев, так как число только иностранных учащихся по временам превышало 8000»¹. Но не следует думать, будто правительство империи всерьёз рассматривало возможность комплектовать чиновный штат иностранцами, пусть и получившими высшее образование. Китайские вузы той эпохи имели аналог советской системы распределения, то есть вместе с квалификацией присваивали своим выпускникам то или иное чиновное звание (почти всегда – самое низкое), но бюрократическая вертикаль допускала наличие почётных званий и даже титулов, которые приравнивались к рангам государственных служащих, но не предполагали занятия никаких государственных должностей. Например, существовали почётные гражданские и военные звания, которые давали своему носителю ранг, но не налагали никаких обязанностей: *чаои дафу* – «великий муж придворных увещаний» (чиновник 5-го ранга), *суйдо цзяньцзюнь* – «командующий, который обратился к добродетели» (чиновник / офицер 3-го ранга)². Строго говоря, это были синекуры с небольшими выплатами, которыми бенефициар мог разве что тешить собственное тщеславие. Другое дело, что настоящие чиновники и офицеры 3-го и 5-го рангов были обязаны раз в год проходить переаттестацию по сложной системе из 9 степеней, измеряющей «достоинства» и «совершенства» аттестуемого. А носитель почётного звания ни-

¹ Рыбаков В. М. Танская бюрократия. В 2 ч. Часть 1: Генезис и структура. – Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2009. – С. 341.

² Там же. С. 157.

каких переаттестаций не проходил, так как не служил ни в какой государственной структуре и не имел начальника, который должен был бы направлять его на переаттестацию. Поэтому юные кочевники, окончив китайские вузы, отправлялись домой, в степи, увозя с собой документы, удостоверяющие их звания и ранги, но не обязывающие выпускников ничего реально знать, уметь или делать. Справедливости ради отметим, что студенты-степняки обычно не утруждали себя изучением конфуцианской философии, ведь владение луком и копьём считалось в Китае благородным искусством и преподавалось во всех вузах, а степняки были привычны и к первому, и ко второму¹. Поэтому учившихся в имперских вузах юных кочевников можно сравнить с современными студентами-спортсменами, которые плохо усваивают материал, но избегают отчисления благодаря своим успехам на межвузовских соревнованиях. Почти наверняка имперское правительство рассчитывало при помощи выпускников-иностранцев пропагандировать китайскую культуру в степи и, тем самым, обрести доброжелателей и союзников среди кочевников. Если же выпускник-иностранец изъявлял желание остаться в Китае и по-настоящему поступить на чиновную службу, то такое решение приветствовалось, лишь бы соискатель должности справился с аттестационными экзаменами. Предполагалось, что китаизированный кочевник станет ценным консультантом для таможенной службы, разведки и контрразведки. Однако, как мы сейчас продемонстрируем, результат такой политики однажды оказался противоположным тому, на что рассчитывали китайские стратеги. Речь пойдёт о Тоньюкуке (646–724 гг.), любопытном историческом персонаже – наполовину авантюристе, наполовину изменнике.

Как мы уже отмечали выше, режим династии Тан был не аристократическим, а бюрократическим. Следовательно, личность и связи конкретного чиновника мало что решали в государственных масштабах. Поэтому когда во второй половине VII в. один из степняков-тюрков, получивших образование в имперском управ-

¹ Пирс К. Воины Китая. Под знаменем небесного дракона. 1500 г. до н.э. – 1840 г. н.э. – Москва : Эксмо, 2008. – С. 115.

ленческом училище, пожелал остаться в Китае и попробовать себя на государственной службе в качестве чиновника, это никого не удивило и не смутило. Юноша-степняк по имени Тоньюкук был распределён в администрацию пограничного округа Юньчжун. Начальство отмечало, что варвар-прозелит неплохо справлялся со служебными обязанностями и, в свою очередь, консультировал коллег при решении вопросов с кочевыми племенами приграничья. Французский исследователь Р. Груссе сообщает, что в Юньчжуне у образованного тюрка имелась китаизированная родня, которая также помогла молодому специалисту обрести репутацию надежного и исполнительного функционера¹. И вот, в 680 г. Тоньюкук без видимых причин покинул Китай и перебрался к правителю восточных тюрков Эльтериш-кагану по прозвищу Кутлуг (Счастливчик), проводившего крайне агрессивную внешнюю политику. Опираясь только на свой опыт, кочевой правитель вряд ли бы выбрал Китай в качестве врага, тем более, что в первой половине VII в. император Тай-цзун нанёс кочевникам множество поражений и организовал на их территориях протекторат. Однако в конце VII в. престол занимал Гао-цзун, слабый монарх, запутавшийся в интригах своей императрицы У-хоу и её фаворитов. Перебежчик Тоньюкук раскрыл этот секрет кагану Кутлугу и сумел убедить его напасть именно на Китай, а не на других кочевников. Начиная с 682 г. восточные тюрки подвергли Северный Китай грабительским набегам, в ходе которых умело пользовались информацией, предоставленной Тоньюкуком. Так, в 683 г. войско Кутлуга разграбило области Ю-чжоу и Фончжоу, а главное – захватило в плен их наместников, одного из которых зарубили, а второму сохранили жизнь. Вероятно, вчерашний чиновник пограничного ведомства сохранил память о своих бывших начальниках и тяжело пришлось тому из них, кто на службе проявлял самодурство. Благодаря советам Тоньюкука, в 684 г. кочевникам даже удалось разгромить корпус императорской армии в сражении близ Со-чжоу. Однако монархия Тан в тот момент ещё располагала отрегулированным государственным

¹ Груссе Р. Степные кочевники, покорившие мир. Под властью Аттилы, Чингисхана, Тамерлана. – Москва : Центрполиграф, 2020. – С. 120.

механизмом и производными от него боеспособными войсками. Поэтому к 687 г. набеги тюрков удалось остановить, нанеся степнякам внушительные потери, хотя, будучи осведомленными о внутренних неурядицах империи, тюрки ещё не раз вмешивались в дела Китая, а их каган Мочжо (664–716 гг.), унаследовавший трон 693 г., даже считал себя арбитром в делах танского двора¹.

Попробуем выявить специфику культурной деятельности Тоньюкука. Ведь совершенно очевидно, что перед нами не простой предатель или ренегат из тех, что открывают варварам ворота лимесов. С одной стороны, тюрков хорошо освоил те знания, которые ему предлагала имперская система высшего образования, если смог работать чиновником на династию Тан, а потом быть советником тюркского кагана. Но, с другой стороны, обретая конкретные знания, умения и навыки, студент-иностранец закономерно собирался применять их в жизни, что он и сделал, помогая кагану Кутлугу сплотить кочевников и атаковать пограничные провинции Китая. Вряд ли это можно считать предательством, ведь Тоньюкук был именно тюрком, временно жившим, учившимся и работавшим в Китае, а затем возвратившимся домой. Предательством с его стороны была бы верная служба китайскому императору в случае конфликта между империей и кочевниками.

Таким образом, можно сказать, что светское образование, предлагаемое династией Тан её потенциальным врагам, охотно принималось, но не делало этих врагов друзьями. Ведь специализированные знания могут применяться в самых различных целях, и они никак не связаны с верностью какому-либо обществу. Но, следует отметить, хоть тюрки и глубоко уважали своего образованного соплеменника, никто из них не пожелал учиться у него китайской премудрости. И сам Тоньюкук не только на этом не настаивал, но даже отговаривал Бильге-кагана (правил в 716–734 гг.) от бездумных заимствований китайских оборонных технологий. В частности, он отсоветовал правителю строить крепостные стены вокруг столицы, объясняя, что сила кочевников заключает-

¹ Груссе Р. Степные кочевники, покорившие мир. Под властью Аттилы, Чингисхана, Тамерлана. – Москва : Центрполиграф, 2020. – С. 121-122.

ся в их мобильности¹, а стационарные укрепления не только не позволят степнякам маневрировать, но и станут лёгкой мишенью для китайской камнемётной артиллерии.

Можно предположить, что светские знания – как фундаментальные, так и прикладные – никак не связаны с лояльностью человека, их получающего. И сами по себе, в отрыве от применения в реальной жизни, они мало у кого вызывают интерес. Абсурдно полагать, что варвар, научившийся читать, пересмотрит свою жизнь и захочет стать частью цивилизованного общества только потому, что ему в руки попал приключенческий роман или учебник по родной истории (которая варвару вовсе не родная). Ещё менее возможно привлечь в ряды цивилизации варвара преподаванием ему права, которое на его родине может подчиняться иным по отношению к цивилизации принципам, или физики, которую можно применять на пользу варварскому обществу против его цивилизованных соседей.

До сих пор мы рассматривали ситуации, когда цивилизованное общество пыталось экспортировать свою светскую культуру варварам либо после политической победы над ними (греческий опыт в Средней Азии, римская колонизация Галлии), либо когда цивилизация пытается превратить политически независимых варварских соседей в своих сателлитов. Теперь рассмотрим противоположную ситуацию: могут ли варвары попасть под очарование светской культуры цивилизованного общества после того, как цивилизация повержена? С одной стороны, так всегда и происходит, но обычно уже после того, как разрушенная культура превращается в музейный экспонат. С другой стороны, интерес к культуре вне религиозного дискурса практически всегда предшествует религиозный прозелитизм общества цивилизованного по отношению к варварам, даже если последним и удаётся одолеть цивилизацию в военно-политическом отношении. Но о религиозных отношениях цивилизации и варварства мы поговорим в следующем параграфе, а пока же отметим, что история отнюдь не изобилует примерами варваров, стремящихся сберечь и отрес-

¹ Ахматнуров С. С. Кочевники Евразии: от ариев до Золотой Орды. – Москва : Родина, 2019. – С. 143.

таврировать культуру побеждённых соседей, если за этим не стоят религиозные мотивы. Хотя, по крайней мере, один прецедент такого отношения есть, и на этом примере мы можем увидеть алгоритм данного редкого процесса.

Речь пойдёт о короле остготов Теодорихе (454–526 гг.), с 493 г. правивший пост-античной Италией на правах независимого властителя. В свои молодые годы Теодорих долго жил в Константинополе, столице Восточной Римской империи, и был очарован её архитектурой и образом жизни образованных ромеев. Поэтому, став королём Италии и сохраняя тёплые отношения с византийским императором, Теодорих попытался реставрировать остатки античной культуры в Италии так, чтобы внешний блеск его королевства мог соперничать с Восточной Римской империей. Для того чтобы римляне, последние носители умирающей античной традиции, охотнее шли на контакт с остготским монархом, последний отказался от германской идеи персонального права и подчинил всех своих подданных единому законодательству. В частности, он говорил, что и готы, и римляне им одинаково любимы. Единственным юридическим различием между победителями-варварами и цивилизованными римлянами стала военная служба, к которой римляне не допускались, но король мотивировал это тем, что римляне незаменимы в деле гражданского администрирования и культурного производства. В частности, Теодорих пригласил всех уцелевших в ходе нашествий V в. архитекторов и поручил им реставрацию дворцов и храмов Равенны, попутно заказав у них и новые здания. В годы его правления Центральная Италия обрела немало грандиозных архитектурных сооружений, таких как церковь Сан-Андреа и королевский дворец в Равенне. Но поскольку король не разбирался в архитектуре и не мог толком сформулировать своих предпочтений (за всю жизнь он даже не научился писать без посторонней помощи), то никакого культурного развития не произошло. Французский историк Л. Альфан характеризует архитектурно-строительную программу варварского короля следующими словами: «Конечно, бесполезно было бы искать в этом признаки подлинной оригинальности: колоннады, капители, мраморная облицовка, сверкающие мозаики – авторы всего этого подражали произведениям византийского ис-

куссва либо брали за образцы некоторые памятники самой Равенны, воздвигнутые при Галле Плации, сестре императора Гонория. Но за оригинальностью здесь и не гнались, её едва ли не избегали: ведь остготский суверен и в искусстве, как и во всём остальном, стремился сохранять римскую традицию»¹. Точно такое же подражательство, в общем-то, никому, кроме монарха не нужное, процветало и в духовной культуре остготского королевства. Так, в правление Теодориха пытались подражать античным литераторам епископ Павии Эннодий, копировавший в своих стихах Вергилия, подражатель Катуллы лирик Максимиан и, конечно же, философ Северин Боэций, призывавший своих читателей вернуться к античной мудрости. Особым почётом при королевском дворе пользовался историк Кассиодор, который написал для монарха «Историю готов», причудливо чередуя готские предания о возникновении династии Амалов и собственные вымыслы. Король очень гордился этим произведением, если, конечно, сумел его самостоятельно прочесть, а сменивший Теодориха на престоле Аталарих даже пытался использовать «Историю готов» в качестве апологии власти германцев над Италией. В частности, в послании к римскому Сенату от 534 г. этот правитель ссылался на сочинение Кассиодора в следующих выражениях: «Он (Кассиодор – С.С., И.Ч., В.Ч.) погрузился в древность нашего рода и вычитал там, что едва хранилось в памяти наших предков. Он вывел из мрака забвения готских королей, восстановив в полном блеске славу рода Амалов, ясно показав, что мы составляем 17-е поколение королевской династии. Первоначальную готскую историю он связал с римской, соединив как бы в один роскошный венок то, что было разбросано по широкому полю книг. Подумайте, сколько любви показал он и к вам, похвалив нас. Он разъяснил, что вы находитесь под властью народа, который искони отличался чудной славой»².

Какой же эффект имела такая политика остготского короля Теодориха? Прочного эффекта не получилось, так как предпри-

¹ Альфан Л. Великие империи варваров. От Великого переселения народов до тюркских завоеваний XI века. – Москва : Вече, 2006. – С. 67.

² Успенский Ф. И. История Византийской империи. В 5 т. Т.1. Период I (до 527 г.). Период II (518–610 гг.). – Москва : АСТ, 2005. – С. 153.

нимаемая им романизация готов носила характер исключительно монаршей прихоти. Готы попросту не понимали сути игры, затеянной государем, но были не против подыграть из уважения к нему. Побеждённые и подвластные варварскому королю римляне тоже вряд ли были в восторге от перспективы жить под властью германца, плохо понимающего латынь. Все его попытки казаться ценителем античности выглядели в их глазах как признак скудоумия или даже как утонченное издевательство. Что толку от дружбы Теодориха с Кассиодором, если само присутствие остготов в Италии означало гибель Западной Римской империи? Теодорих искренне пытался минимизировать разрушительный эффект варварского вторжения, сохранив римский Сенат и имитируя диалог с ним. Но дальше имитации такое сотрудничество не пошло и не могло пойти, потому что Сенат даже в Римской империи не играл серьёзной роли. Однако сенаторы, будучи небогими людьми, опасались за свои поместья и капиталы, которым угрожал произвол готских ярлов, и поэтому охотно вели тайную переписку с правительством Восточной Римской империи. То есть, несмотря на все усилия Теодориха, добиться культурного единства римлян и германцев путём усвоения последними античной культуры не удалось. Для римлян готы и их монарх остались чужими, и наследники империи буквально ждали византийского вторжения в Италию (которое и случилось в середине VI в.).

А что же сами готы? Ведь одно дело не критиковать королевские причуды, и совсем другое – усвоить культуру побеждённых и жить согласно её правилам и ценностям. Ведь именно на этом настаивал Теодорих, подчинив своих римских и германских подданных единому закону. Не исключено, что готские ярлы, взаимодействуя с римскими чиновниками, отдавали должное их административным талантам и соглашались с тем, что такие функционеры в государстве действительно нужны. Однако это вовсе не было поводом для того, чтобы учиться читать на латыни, чуждом для германцев языке. А главное – до переселения в Средиземноморье германцы не имели собственной письменной культуры, и сам процесс чтения художественных произведений не вызывал у них понимания. О древнегерманской литературной традиции очень красноречиво высказался французский историк

Л. Альфан: «О литературной культуре как таковой явно не может быть и речи у народов, которые до сих пор вообще не ведали почти ничего, кроме грубой сельской жизни, грабежей и боёв. Лишь странное филологическое заблуждение побудило немецких эрудитов, стремящихся отнести зарождение своей национальной литературы к начальному периоду своей истории, посвятить долгие страницы и даже целые главы лирическим и эпическим поэмам, написанным, если верить им, их предками в первые века нашей эры до Великого переселения народов и во времена завоеваний. Этих поэм, конечно, никто никогда не видел. Самое большее кое-где встречаются туманные намёки на варварские песни, которые пели воины при атаке ради возбуждения боевого духа»¹. На наш взгляд, французский исследователь всецело прав, потому что письменность тех германских племён, которым она была всё-таки известна до знакомства с латынью, оказалась рунической, а руны не подходят для записи длинных текстов. Более того, германцы от Рейна до самой Скандинавии не имели ни папируса, ни пергамента, а руны наносили на деревянные и каменные поверхности в качестве votивных надписей. Поэтому легко предположить, что покровительство Теодориха Боэцию и Кассиодору не встретило у подданных-германцев ни понимания, ни одобрения. В те моменты, когда лояльность короля к культуре римлян становилась слишком уж очевидной, готы естественным образом обижались: стоило ли их предкам побеждать римлян при Адрианополе, а Алариху осаждать Рим, если теперь готский монарх хочет быть римлянином? Впрочем, у реставраторской политики короля было ограниченное количество сторонников-германцев. В частности, после смерти Теодориха королева Амаласунта сделала ряд дипломатических шагов по сближению Остготского королевства и Восточной Римской империи, что в середине VI в. привело к завоеванию Италии византийцами и уничтожению остготов как политической и этнической общности. Однако эта война шла почти 20 лет, то есть далеко не все готы были согласны стать подданными константинопольского императора.

¹ Альфан Л. Великие империи варваров. От Великого переселения народов до тюркских завоеваний XI века. – Москва : Вече, 2006. – С. 61.

Размышляя о позиции, которую неосознанно занимал Теодорих в культурогенезе молодого Остготского королевства, приходится сделать вывод, что монарх пытался навязать своим германским подданным состояние псевдоморфозы, заставляя их поддерживать и реставрировать античные культурные образцы, которые утратили привлекательность даже в глазах самих римлян. Но, в отличие от наследников Цезаря в Галлии, Теодорих потерпел неудачу, возможно, связанную с тем, что готы были в Италии победителями, господствующей социальной группой, и её представители не видели причин в чём-либо подражать побеждённым римлянам.

Оценивая роль светской культуры поздней античности в жизни варварских племён эпохи «тёмных веков», приходится признать, что большая часть этой культуры оказалась не востребовавшей. Варвары не разрушали её, а попросту игнорировали, не понимая, какая может быть польза от книг, написанных на чужом языке, никем не соблюдаемых законов и архитектурно-технических сооружений, которые никто не умеет обслуживать. Л. Альфан так характеризует образовательный (а значит, и интеллектуальный) уровень Западной Европы эпохи тёмных веков: «В первой половине VI в. епископ Цезарий Арльский уже сталкивался в Провансе с богатыми купцами, не умевшими ни читать, ни писать; он ещё этому удивлялся; через сто пятьдесят лет владение чтением и письмом уже считалось в Галлии роскошью, которую многие клирики и даже некоторые епископы не могли себе позволить. При такой ситуации можно не добавлять, что исчезла всякая забота об общей культуре, что латынь, ставшую лишь письменным языком, искажали до устрашающей степени, что найти книгу стало почти невозможно и что редкие люди, стремившиеся к просвещению, обычно ограничивали свои амбиции желанием уметь читать Библию и кое-как, при помощи сборника образцов, составлять официальные акты»¹. Таким образом, если римляне надеялись превратить варваров в своих сателлитов при помощи распространения среди них античной литературной и

¹ Альфан Л. Великие империи варваров. От Великого переселения народов до тюркских завоеваний XI века. – Москва : Вече, 2006. – С. 195.

правовой культуры, то их должно было ждать сильнейшее разочарование: германцы даже не поняли большую часть слов, которые римляне говорили, и букв, которые те писали. А главное – большинство варваров вовсе не переживали об этом упущении и не видели в своей жизни места ни для театра, ни для художественной литературы, ни для философии¹.

Итак, мы рассмотрели взаимодействие цивилизованного и варварского обществ в той сфере, которую условно именуем светской культурой. В качестве примером нами использовались экспансия эллинистической культуры в Средней Азии, культурная колонизация римлянами Трансальпийской Галлии, попытка использовать высшие учебные заведения для формирования зарубежных агентов влияния, предпринятая китайской династией Тан, и деятельность очарованного античной культурой остготского короля Теодориха по превращению германцев в римлян. Во всех рассмотренных случаях культурная экспансия завершилась неудачно. Причём, не последнюю роль в этих исторических фиаско сыграло явление псевдоморфозы. В Средней Азии она не сформировалась потому, что греки и македонцы приняли за варваров цивилизованные народы Бактрии и Согдианы, и попытка навязать им эллинистическую культуру закономерно встретила пассивное сопротивление. В Галлии римлянам удалось ввести в состояние псевдоморфозы кельтов и, тем самым, отнять у них историческое будущее: романизированные галлы могли жить только в римском государстве и быть полезными этому государству, а все возможности для политического и культурного самоопределения, предоставленные историей, они даже не заметили. Китайская политика создания «пятой колонны» в кочевом обществе путём допуска детей степной знати к высшему образованию в имперских учебных заведениях не имела серьёзных культурных последствий, зато позволила «северным варварам» усилиться и использовать полученные от цивилизации знания против неё самой. В случае же, когда варвары знакомятся с культурой цивилизованного общества с позиции победителей, то они не могут найти

¹ Мюссе Л. Варварские нашествия на Европу: германский натиск. – Санкт-Петербург : Евразия, 2006. – С. 259.

применения большему числу её компонентов, ведь уровень технического и духовного развития варваров всегда ниже, чем у их цивилизованных соседей. Зато искусственно подогреваемая лояльность к цивилизованным соседям делает варваров уязвимыми для дипломатических гешефтов и военных вторжений этих самых соседей. Вряд ли византийский полководец Велизарий, завоевавший италийское королевство остготов, проявлял большое сострадание к побеждённым германцам в память об увлечении античной культурой покойных короля Теодориха и королевы Амаласунты.

Итак, в данном параграфе:

- выявлено, что при встрече двух развитых культур навязывание одной из них носителем другой оказывается безрезультатным, даже если доноры считают реципиентов варварами;

- рассмотрена сущность феномена псевдоморфозы и установлена её роль во взаимоотношениях цивилизованного и варварского обществ;

- доказано, что в случае военного превосходства цивилизованное общество может навязать псевдоморфозу варварам, и это состояние в долгосрочной перспективе погубит общество-прозелит;

- выявлено, что псевдоморфоза имеет мало шансов сформироваться, если варвар-реципиент превосходит цивилизованного донора в военном и политическом отношении (это означает, что цивилизованное общество находится в состоянии крайнего упадка);

- установлено, что трансляция цивилизованным обществом собственной культуры варварам через образовательные учреждения не приводит варваров к лояльности, но вооружает их тактическими и техническими знаниями цивилизации (что позволяет им более успешно противостоять цивилизованному обществу).

В данном параграфе мы намеренно не касались вопросов религиозного прозелитизма, потому что именно в этой сфере процесс культурного взаимодействия протекает противоположным образом и обладает собственной яркой спецификой. В следующем параграфе мы уделим проблеме религиозного взаимодействия цивилизованного и варварского обществ первостепенное внимание.

3.2. Религиозный прозелитизм и варварская паства.

В предыдущем разделе мы рассматривали попытки цивилизованного общества включить в орбиту своего влияния и постепенно ассимилировать варварских соседей, не прибегая к военной силе, а используя тот пласт духовной жизни, который условно можно назвать светской культурой. И, как мы обнаружили, результаты оказались неутешительными: либо варвары внешние превращаются в варваров внутренних, лишаясь собственного культурного потенциала, но не обретая чужого, щедро предлагаемый цивилизацией-донором. Или же варвары старательно заимствуют технические и политические знания цивилизованных соседей, чтобы применить их в собственных интересах, прежде всего, против самих доноров. Если же варварская элита увлекается светской культурой цивилизованного общества, то это воспринимается её подданными как чудачество. Мы установили, что большая часть светского комплекса духовной культуры цивилизованного общества остаётся невостребованной варварами-прозелитами в силу своей сложности. В религиозном же взаимодействии цивилизованного и варварского обществ всё далеко не так просто и однозначно. В данном параграфе мы рассмотрим трансляцию религиозных идей от цивилизованного общества к варварскому, вызываемые этим процессом культурные и политические метаморфозы, а также попытки отклониться от данной траектории, изредка предпринимаемые варварскими вождями. В качестве иллюстрации мы будем использовать события из средневековой истории Западной Европы, Ближнего Востока и Центральной Азии.

Говоря о трансляции религиозных идей от цивилизованного общества к варварскому, мы намеренно указали в качестве инициатора данного обмена именно цивилизованное общество. Дело в том, что верования кочевых и оседлых варваров хоть и несходны между собой, но всё-таки имеют ряд общих черт, не позволяющих им конкурировать с развитыми религиями цивилизованных обществ. Для того чтобы эти особенности обнаружить, крат-

ко рассмотрим автохтонные религиозные культы евразийских кочевников и древних германцев.

В параграфе 1.2. мы отмечали, что культура кочевников евразийской степи имеет много общих черт независимо от того, какое племя мы рассматриваем. В частности, согласно орхонским надписям, одни и те же божества почитались кочевниками от Керулена до Дуная лишь с незначительными деформациями их имён. Характеризуя образ мира, созданный степной религиозностью, французский исследователь Р. Груссе так описал доисламскую космологию тюрков: «Мир состоит из нескольких уровней, поставленных один на другой. Семнадцать верхних составляют небо, царство Света, семь или девять нижних – подземный мир, царство Тьмы; между ними поверхность земли, где живут люди. Небо и земля подчиняются живущему на самом верхнем уровне неба высшему существу, которое называют Божественное Небо, или Тенгри. На небе также живут праведные души, а подземный мир – ад для грешников. Тюркская мифология включала ещё много божеств, в том числе богиню Умай, покровительствовавшую детям, и бесчисленных духов, обитавших на земле и в воде (йер-суб, на современном турецком яр-су), в первую очередь тех, кто населял горы и источники, святые места (идук), развитие культа которых мы увидим во времени и в законодательстве Чингисхана»¹. Бытует мнение, что Тенгри является главным объектом поклонения в степных культах, и поэтому религию евразийских кочевников можно назвать тенгрианством. На самом деле это не совсем так. Тенгри – это лишь одно из божеств, в некоторые исторические моменты обретавшее высокую популярность, но, кроме этого бога, кочевники почитали и другие сакральные сущности.

Пантеон кочевников подробно исследовал советский учёный Л. П. Потапов, анализируя автохтонные культы народов Алтая и отмечая, что данные божества под разными именами хорошо известны как в алтае-саянском регионе, так и древним тюркам,

¹ Груссе Р. Степные кочевники, покорившие мир. Под властью Аттилы, Чингисхана, Тамерлана. – Москва : Центрполиграф, 2020. – С. 104.

монголам и уйгурам¹. Роль творца, создавшего мир и устранившегося от мирских дел в данном пантеоне играет Бай-Ульгэн, чьё имя переводится как Верховный Бог. У него множество сыновей и дочерей, таких как богиня охоты Одноглазая Яик или бог бури Чажиган, но сам Ульгэн к миру равнодушен и фактически представляет собой *deus otiosus*. Его противоположностью, активным и деятельным врагом мира, является Эрлик-хан, бывший небожитель, ставший владыкой подземного мира и стремящийся любой ценой причинить людям горе. У него также есть сыновья и дочери, в совокупности представляющие собой целый сонм злых духов. Помимо Ульгэна небесным божеством является и упоминавшийся нами Тенгри, который почитался преимущественно древними и средневековыми аристократами гуннов, тюрков и монголов, но никогда не бывший покровителем простых скотоводов. Л. П. Потапов описывает культ Тенгри исключительно как политический: «Ортодоксальная государственная форма религиозного культа, приоритетная и престижная, была свойственна кочевой аристократии и её правящей верхушке, возглавляемой каганом, ведь недаром власть кагана считалась дарованной Небом – Тенгри, а каган, следовательно, представлял у своих подданных волю верховного божества»². О роли культа Тенгри в политике кочевых варваров мы поговорим в надлежащем месте, а пока отметим, что вне политического контекста степняки отдавали предпочтение почитанию иных божеств. Например, очень уважаемой степной богиней является Умай – покровительница материнства и всех детей, пока они находятся в колыбели. Также в степном пантеоне играет важную роль божество Ёрсу (у алтайцев), известное монголам как Этуген, а тюркам как Ыдук Ёрсуб, выступающее в роли хозяина / хозяйки земли и всего, что она даёт пастухам и пахарям. В частности, само имя Ыдук Ёрсуб переводится как Мать Земля-Вода. По мысли кочевников, это божество живёт в земном мире и охотно покровительствует своим почитателям в их повседневных делах.

¹ Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. – Ленинград : Наука, 1991. – С. 244.

² Там же. С. 271.

О культе Тенгри следует сказать подробнее. Его особенность заключается в том, что небесный владыка находится со степным правителем в отношениях покровителя и протекции. Выше мы уже говорили, что источником власти ханов, шаньюев и каганов была реальная или вымышленная генеалогия, однако основателем любой родословной всё равно является какой-то один-единственный человек, славных предков не имеющий. Он должен обладать каким-то иным достоинством, нежели пышное генеалогическое древо. Причём, это достоинство должно быть неоспоримым и неотъемлемым, передающимся по наследству от славного предка к не менее славным потомкам. Иными словами, перед степными аристократами и, особенно, монархами проблема легитимации власти стояла настолько же остро, как и перед любыми другими языческими правителями. В частности, этот вопрос пришлось решать Чингисхану, который во внешней политике опирался на вооруженную силу, а во внутренней – на свой личный авторитет. Однако всё равно ему пришлось объявить себя ставленником Неба, и, что для нас самое в данной ситуации важное, такая неуклюжая легитимация властных претензий кочевников не удивила. Многократно упоминавшийся нами выше отечественный исследователь А. М. Хазанов отмечает, что Чингисхан, называя себя небесным избранником, по сути не сказал монголам ничего нового: «Концепция Неба, связанная с концепцией священной власти, существовала в евразийских степях задолго до Чингисхана. Небо (Высшее Небо, Вечное Небо), которое покровительствовало Чингисхану и возложило на него право управлять миром, было ни кем иным, как Тэнгри (Тенгри – С.С., И.Ч., В.Ч.), т.е. верховным, но не антропоморфным и не чётко персонифицированным богом у тюркских (ср. Вечное Небо у орхонских тюрок) и монгольских кочевников»¹. Но Тенгри – это именно божество, а не небо, понимаемое как атмосферное или космическое явление. Этот бог царствует не только над небесными чертогами, но и вмешивается в человеческие дела, вторгаясь, тем самым, в сферу деятельности божества Йерсу. Вот как характеризует сущность Тенгри и его

¹ Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2008. – С. 434.

отношения с людьми отечественный автор С. Г. Кляшторный: «Владыкой Верхнего мира и верховным божеством древнетюркского пантеона является Тенгри (Небо). В отличие от неба – части космоса, оно никогда не именуется *кёк* (здесь и ниже – курсив автора) («голубое небо», «небо») или *калык* («небесный свод», «ближнее небо»). Именно Тенгри, иногда вкупе с другими божествами, распоряжается всем, происходящим в мире, и прежде всего судьбами людей: Тенгри «распределяет сроки [жизни]», но рождением «сынов человеческих» ведаёт богиня Умай, а их смертью – Эрлик. Тенгри дарует каганам мудрость и власть, дарует каганов народу, наказывает согрешивших против каганов и даже «приказывает» кагану, решает государственные и военные дела. (...) Тенгри неявно антропоморфизирован – он наделён некоторыми человеческими чувствами; выражает свою волю словесно, но свои решения осуществляет не прямым воздействием, а через природных или человеческих агентов»¹. Таким образом, получается, что хан, шаньюй или каган, обретая власть, был избран Тенгри в качестве самого влиятельного агента этого божества в земном мире.

Но не следует думать, что степных повелителей короновали шаманы или какие-то иные священнослужители. Важной особенностью степных культов является отсутствие в них не только иерархического, но и любого другого профессионального клира. Заклинатель духов обычно именуется *шаман*, хотя алтайские народы употребляют для его обозначения слово *кам* (отсюда глагол *камлать*, то есть общаться с духами). Именно поэтому верования кочевников часто называют термином «шаманизм», так как основными идеологами и адептами этой религиозности являются шаманы. Шаман вряд ли озвучивает своим соплеменникам доктрину вероучения и, скорее всего, не особенно интересуется ею сам, ведь его функции чисто практические: лечение больных, добывание удачи в рискованных делах, обеспечение соплеменникам поддержки духов. Шаман осуществляет жертвоприношения и заклинания, гадаёт, но никакой власти над людьми не имеет. К

¹ Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2005. – С. 167.

его советам соплеменники могут прислушиваться, но могут и игнорировать их. Никакой профессиональной шаманской корпорации никогда не существовало, да и само ремесло шамана не было настолько прибыльным, чтобы человек мог жить только за счёт него. За удачно проведённый ритуал заклинателю что-нибудь дарили, он получал часть мяса жертвенного животного, но этого не хватало и не могло хватить для полноценного обеспечения семьи (в большинстве шаманских традиций заклинателям не запрещается иметь семью). Л. П. Потапов прямо отмечает, что каждый шаман в первую очередь вёл обычное для его племени хозяйство, и именно хозяйственные успехи демонстрировали соплеменникам харизму шамана¹.

Также важным моментом доктрины шаманизма является отсутствие веры в загробное воздаяние. Человек после смерти мог попасть в руки Эрлик-хана и его жестоких дочерей, но это было следствием какой-то ритуальной ошибки, а не наказанием за греховный образ жизни. Духи и божества степного пантеона не налагали на свою паству никаких нравственных запретов, но требовали беспрекословного подчинения своей воле, озвучиваемой через шаманов. Наказание за непослушание должно было постигнуть человека в земной жизни и по возможности так, чтобы преподать урок другим верующим. «Морально-этические нормы поведения людей, характерные для шаманизма, у алтае-саянских народов были чётко и однозначно определены по отношению к божествам и духам на основе безусловного подчинения им человека. Нарушение таких норм каралось со стороны этих «нечеловеческих существ» здесь же, на этой земле, а не после смерти, что, конечно, укрепляло у шаманистов чувство не только зависимости, но и страха»².

В те моменты, когда кочевники достигали вершины своего политического могущества, создавая степные империи, культ Тенгри становился в духовной жизни доминирующим, однако он никогда не вступал в конфронтацию с поклонением другим бо-

¹ Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. – Ленинград : Наука, 1991. – С. 219.

² Там же. С. 95.

жествам. Считалось, что ритуалы, связанные с Тенгри, может выполнять либо хан / каган, либо специально уполномоченный им для этого сановник. Тенгрианского же клира никогда не существовало, и шаманам, этим колдунам-одиначкам, было не с кем конкурировать. Отечественные исследователи А. Г. Юрченко и П. О. Рыкин пишут о соотношении шаманизма и тенгрианства у монголов в годы правления Чингисхана: «Уступив лидирующие позиции в обществе более могущественному сопернику, шаманизм нашёл возможности сосуществовать с ним на основе своеобразного религиозного консенсуса, когда за культом Неба закреплялись важнейшие религиозные функции общеимперского характера, а в компетенции шаманизма оставались культовые действия более низкого статуса, относящиеся к сфере семейно-родовой обрядности. При этом предметные области культа Неба и шаманизма не находились друг с другом в строго дополнительном распределении – значительный пласт религиозных представлений выступал своего рода общим ресурсом для обеих составляющих системы двоеверия, каждая из которых задействовала его по своему усмотрению и интерпретировала в соответствии со своими собственными объяснительными принципами»¹. Можно предположить, что кочевники исповедовали классический генотеизм, признавая и уважая любых божеств при условии, что их почитание не будет оказывать негативного влияния на политическую и экономическую жизнь степи. В частности, в XII в. в Монголии было распространено христианство несторианского толка, и ни один нойон или хан не пытался его притеснять, равно как кочевники-христиане вряд ли руководствовались принципами своей веры при заключении политических соглашений.

Размышляя о религиозных воззрениях кочевников, отечественный исследователь А. М. Хазанов констатирует: «У кочевников отсутствовали две важнейшие предпосылки, необходимые для возникновения универсальных религий. Для идеологии их обществ был характерен низкий уровень напряженности между

¹ Юрченко А. Г. Золотая Орда: между Ясой и Кораном (начало конфликта). Книга-конспект. – Санкт-Петербург : Евразия, 2012. – С. 60-61.

трансцендентальным и мирским порядками. В социальном отношении они были слишком гомогенны, слишком однородны. Внутренние противоречия и их восприятие в кочевых обществах были слишком слабыми для того, чтобы создать необходимый идеологический и психологический климат. Кочевники могли только заимствовать и распространять религии, созданные другими, причём они делали это главным образом по политическим причинам¹. Это не означает, что евразийские степняки служили только лишь передаточным звеном между цивилизованными обществами и потенциальными прозелитами чужих религий. Их автохтонные верования активно участвовали в межкультурном взаимодействии между варварством и цивилизацией, но, как увидит читатель ниже, в долгосрочной перспективе серьёзной роли не играли.

Теперь уделим внимание религиозным воззрениям оседлых варваров, используя в качестве примера дохристианские верования германцев и скандинавов. Несмотря на некоторые различия в именах богов, северные и южные германцы почитали один и тот же пантеон, в котором соседствовали светлые и тёмные божества, чудовища и полубоги. Тот факт, что жители долины Эльбы называли бога-громовержца Донаром, а скандинавы именовали его Тором, не должен ввести нас в заблуждение. Как удачно отметил отечественный исследователь А. А. Хлевов, «Скандинавия представляет собой уникальный регион, характеризующийся крайним и наиболее полным воплощением заложенных в германском языческом варварском обществе потенциальных возможностей. Это то, чем могла стать и не стала германская Европа, «сбитая с пути истинного» слишком близким знакомством с Римом и христианизацией»².

Согласно языческим представлениям германцев, мир имеет трёхчастное устройство, и все три яруса как бы нанизаны на кос-

¹ Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2008. – С. 445.

² Хлевов А. А. Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII веках. – Санкт-Петербург : Евразия, 2002. – URL: http://ulfdalir.narod.ru/literature/Hlevov_A_Predvestniki/Irealn_druj.htm (Дата обращения: 20.11.2021 г.)

мическое дерево – раскидистый ясень Ирминсуль (у скандинавов – Игдрассиль). На верхнем ярусе, именуемом *Асгард*, живут светлые божества – *асы*, с которыми периодически схватываются тёмные божества – *ваны*, хотя об открытой вражде между двумя лагерями божеств говорить нельзя: трикстер германской мифологии, ван Локи, одинаково вхож в любой из миров и поддерживает с богами-асами такие же приятельские отношения, как и с противостоящими им чудовищами. Средний мировой уровень делится на два сопредельных друг другу края – обитель людей *Мидгард* и родина чудовищ *Утгард*. Причём, и люди, и чудовища могут периодически проникать в миры друг друга, но каждая из этих сторон сильна именно на своей территории. Чудовище (великан, оборотень) так же незащищено в Мидгарде, как и человек – в Утгарде. Датский исследователь В. Грёнбек так описывает отношения между обитателями этих двух краёв в рамках земного мира: «Несмотря на могущество демонов и Утгарда, истина заключается в том, что Мидгард принадлежит людям, поскольку они сильнее, они – победители. Когда колдовство осмеливается проникнуть в мир света, оно всегда терпит поражение, и его падение прославляет силу света. «Беовульф» создали вовсе не для того, чтобы внушить слушателям страх и ужас перед зияющей бездной. В германских легендах и песнях люди быстро расправляются с колдовством – они разбивают его на части, сжигают, а пепел хоронят под валунами, а после радуются, что слава об этом распространилась далеко. Между царством солнца и царством ледяной тьмы существует очень важное отличие: в первом люди сражаются на собственной земле, им помогают многочисленные союзники: деревья, камни, животные – сама земля на их стороне. В мире тьмы природа враждебна и порождает опасности»¹. Боги из Асгарда противостоят тьме, но в Утгарде нет их власти. В частности, именно там живут чудовища, которых ни один из асов так и не смог одолеть. В частности, такое порождение мрака, как гигантский волк Фенрир, богам удалось лишь связать, а огромный змей Ёрмунганд, плавающий в океане, омывающем края Мидгар-

¹ Грёнбек В. Эпоха викингов. Мир богов и мир людей в мифах северных германцев. – Москва : Центрполиграф, 2019. – С. 149.

да, смог пережить даже удары молота бога-громовержца Тора. Нижний мир, *Хельхейм*, вообще принадлежит повелительнице мёртвых хтонической богине Хель, и ни один из асов не смеет туда спускаться.

Важной чертой германской мифологии является учение о конце света, который в скандинавских мифах называется *Рагнарёк*. В предопределенные день и час чудовища Утгарда и мертвецы богини Хель сумеют ворваться в Мидгард и Асгард, и люди, и боги, сражаясь с ними, погибнут, хоть и уничтожат непрощенных гостей. Поэтому ни вождь асов Один, ни даже такая миловидная богиня как покровительница любви и красоты Фрейя не могут гарантировать своим почитателям счастливой жизни: однажды привычный характер бытия обязательно разрушится, и небесные божества окажутся бессильны. После гибели богов и чудовищ наступит возрождение жизни, но в новый мир уже не вступит ни один из прежних жителей Асгарда и Мидгарда. Возможно, именно поэтому обитатели Асгарда не налагают на свою паству никаких обязательств нравственного характера и сами не особенно ограничивают свои желания. Как и у античных греков, едва ли не половина сказочных героев приходится внебрачными детьми Одину и Тору, а пронырливый трикстер Локи не устаёт плодить чудовищ. Также Один, понимая, что в последней битве ему понадобится надёжная дружина, без колебаний приводит своих почитателей из числа воинов к смерти на поле боя, за которой следует не погружение в ледяной мрак Хельхейма, а вознесение в Асгард. Там погибшие воины, именуемые эйнхериями, поселяются в особом чертоге – Вальхалле, чем-то напоминающей казарменную идиллию: дни наполнены тренировками с оружием и поединками до смерти, а вечером раны заживают, и до глубокой ночи длится шумное пьяное застолье. Но для того, чтобы попасть в число эйнхериев, воин, избранный Одним, сначала должен погибнуть, то есть проиграть последний свой бой в Мидгарде. Получается, что небесный бог обманывает надежды своих почитателей и приводит их не к победе, а к краху. Вот как характеризует поведение этого воинского покровителя отечественный исследователь В. В. Акунов: «Один может обмануть того, кто имеет дело с ним, но он часто беспощаден с теми, кто истинно ему предан и

любит его более других. Он – грозный бог, разжигатель распри, и как показывают многие саги (и вероятно, наиболее зримо – «Сага о Вельсунгах»), он хорошо известен тяжелыми испытаниями, которым он подвергает своих избранных, вплоть до их гибели. (...) Он выковывает своих избранных жестко и приводит их к смерти в своё время – не потому что ему нравятся их мучения, но потому что он постоянно собирает силы для Последней Битвы, Рагнарёка, чтобы новый мир смог родиться после гибели прежнего»¹. Получается, что Один обрекает героев на гибель для того, чтобы они вошли в число эйнхериев и затем снова, на этот раз уже окончательно погибли в сражении с чудовищами. Незавидная участь, но люди, умершие своей смертью, пострадают ещё сильнее, оказавшись вечными пленниками богини Хель.

Также важнейшей категорией германской религиозности была вера в удачу, понимаемую как животворящая сила, пронизывающая человека и всех других существ. Именно благодаря ей всё живое является живым. Вот как описывает удачу в её германском языческом смысле В. Грёнбек: «Современное значение слова «удача», в котором подчеркивается влияние случайности или судьбы, противоречит духу древней культуры, и нет другого способа правильно понять его, как самым непредвзятым образом реконструировать психологию тевтонов. Куда бы мы ни обратили свой взгляд, везде находим власть удачи. У тевтонов она определяла прогресс. Где её не было, жизнь замирала. Удача была самой мощной силой, жизненным принципом германского мира. Если на полях человека созревает богатый урожай; если его земли не страдали от частых заморозков или засухи, то о нём говорили, что он *arsaell*, то есть обладает удачей плодородия. Если стада человека плодятся и увеличиваются, скот возвращается сытым и здоровым с летних пастбищ, то его называли *fesaell*, то есть удачливым со скотом»². Различные виды удачи не всегда дополняли друг друга: например, можно было иметь удачу земледельца и при этом совсем не уметь рыбачить. Разумеется, существовала и

¹ Акунов В. В. Берсерки. Воины-медведи древнего Севера. – Москва : Вече, 2014. – С. 303.

² Грёнбек В. Эпоха викингов. Мир богов и мир людей в мифах северных германцев. – Москва : Центрполиграф, 2019. – С. 102.

ратная удача, которая требовалась в первую очередь для конунгов, но также и для всех, кто претендовал на военное лидерство, будь то ярл или родовой старейшина. В частности, именно такая удача была залогом легитимности правителя в глазах германцев-язычников: «В англосаксонском языке короля часто называли «победителем битв», и это прозвище говорит нам о том, чего германские народы ждали от своего правителя и во что верили. Этого они требовали не только от верховного государя страны, но и от младших лидеров, местных князьков и предводителей странствующих разбойников, у которых не было ни клочка земли. Присутствие удачливого вождя гарантировало людям победу в бою»¹. При этом удача является коллективным достоянием всех членов родственной общности независимо от того, действительное ли родство их объединяет или мнимое. Так, родичи в разной мере обладали удачей своего клана точно так же, как воины одной дружины как бы заряжались удачей своего вождя и взаимно подпитывали друг друга. Именно поэтому для древних германцев не играл серьёзной роли тот факт, кто именно из членов удачливой семьи занимает престол или ведёт дружину в бой. Важно было лишь то, чтобы именно этот человек был наиболее удачливым из всех своих родственников или сослуживцев. По этому же принципу германцы полагали, что самое важное наследство, которое может оставить предок потомкам — это свою часть семейной удачи, что символически выражалось в наречении новорождённого именем покойного прадеда или деда. Как уже говорилось выше, наиболее удачливое семейство могло негласно претендовать на власть над другими семействами, а внутри такого клана братья могли соревноваться между собой в удачливости, чтобы определить, кто из них должен обладать наибольшим авторитетом.

Очень важно отметить, что у древних германцев не существовало ни организованного духовенства, которое могло бы выступить третейским судьёй в спорах о наибольшей удачливости, ни даже храмов, в которых можно было бы символически коронो-

¹ Грёнбек В. Эпоха викингов. Мир богов и мир людей в мифах северных германцев. — Москва : Центрполиграф, 2019. — С. 104.

вать предводителей. В частности, суть саксонского языческого святилища, известного в раннее Средневековье как Ирминсуль, по сей день является чем-то неопределенным. Вот как характеризует его западный исследователь М. Тодд: «Деревянные идолы всё ещё почитались в языческой Германии длительное время спустя после периода Великого переселения народов. Самым знаменитым из них был имевший религиозное значение для саксов огромный деревянный столб или колонна, который называли Ирминсуль. Он просуществовал до 772 г., когда Карл Великий срубил его и затем провёл три дня, уничтожая связанное с ним святилище и грабя его сокровища – золото и серебро. Что, собственно, представлял собой Ирминсуль, осталось неизвестным, поскольку у нас нет точных данных о существовании героя или бога по имени Ирмин или чего-нибудь в этом роде. Была ли это символизирующая плодородие фигура, вроде идола из Браака, только огромной величины? А может быть, это вообще была не фигура, а просто столб? Единственный древний источник, который говорит о нём что-либо определённое, утверждает, что это был деревянный столб немалой величины, поставленный на открытом воздухе»¹. Но откуда у подножья деревянного столба взялось такое количество золота и серебра, которое христианскому королю пришлось вывозить целых три дня? М. Тодд отмечает, что германцы располагали жречеством, организовывавшим жертвоприношения богам и осуществлявшим гадания, которым паства придавала немалое значение. Поэтому сокровища, изъятые Карлом Великим из святилища, скорее всего, были votivными дарами и той платой, которую верующие язычники оставляли гадателям за их услуги. Но серьёзной социальной или политической роли германские жрецы не играли и, в отличие от кельтских друидов, даже не располагали судебными полномочиями. Поэтому неудивительно, что как в эпоху викингов, так и задолго до неё среди германцев находилось немало смельчаков-индивидуалистов, которые предпочитали верить только «в самих себя и свою силу»², то

¹ Тодд М. Варвары. Древние германцы. Быт, религия, культура. – Москва : Центрполиграф, 2005. – С. 121.

² Мюссе Л. Варварские нашествия на Западную Европу: волна вторая. – Санкт-Петербург : Евразия, 2006. – С. 87.

есть полагаться на свою родовую и дружинную удачу напрямую, без посредничества каких-либо жрецов или божеств.

Мы кратко рассмотрели автохтонные верования кочевых и оседлых варваров, которые в ходе истории вступили в тесное взаимодействие с цивилизованным миром. Какие одинаковые для германцев и евразийских кочевников религиозные аспекты мы могли бы выделить?

В первую очередь это ориентация на зримую, земную силу. Ведь, как мы видели выше, в популярном у кочевников шаманизме боги и духи карают человека за своеволие именно в земной жизни, причём, это самое своеволие является единственным аналогом греха. Никаких правил или норм нравственно-этического характера шаманизм не имеет. Божества древних германцев не угрожают своей пастве расправой за непослушание, но сами они являются в первую очередь носителями силы. К примеру, Один ведёт себя как конунг Асгарда, возглавляющий дружину эйнхериев и родовой клан асов. Эту особенность языческих представлений о сакральном заметил во второй половине XX в. отечественный исследователь В. Н. Топоров и предположил, что изначально во всех верованиях именно избыток силы считался признаком святости: «В основе слова *святой* (здесь и ниже – курсив автора) лежит праславянский элемент *svet* (= *svent*), родственный обозначениям этого же понятия в балтийских (ср. лит. *sventas*), иранских (ср. авест. *spenta-*) и ряде иных языков. В конечном счёте, этот элемент в приведенных примерах и других им подобных образует звено, которое соединяет и теперешнее русское слово *святой* с индоевропейской основой *k'uen-to*, обозначающей возрастание, набухание, вспухание, то есть увеличение объема и иных физических характеристик. В языческую эпоху это «увеличение» чаще всего трактовалось как результат действия особой жизненной *плодоносящей* силы или – позже – как её образ, символ»¹. То есть языческая святость имеет вполне земной идеал силы и плодovitости, а, следовательно, в языческом варварском

¹ Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре в 2 т. Т. 1: Первый век христианства на Руси. – Москва : Гнозис, 1995. – С. 7-8.

обществе примером для подражания будет носитель именно этих качеств.

Из этого следует второй важнейший аспект варварского язычества: сакральное отношение к удаче, понимаемой как наглядное проявления избыточных сил. Мы уже рассматривали скандинавское представление об удаче как одухотворяющей человека жизненной силе, которой чем в человеке больше, тем он более умелый, твёрдый и находчивый. Религиозные верования кочевников имеют аналог такого понимания удачи в представлении об избрании того или иного человека и его потомков богами или даже Небом. Неслучайно в обеих разновидностях варварского язычества носителем наивысшей святости считается не религиозный, а политический деятель. Причём, германцы полагали, что он обладает наибольшей среди соплеменников удачей, а степняки основывали превосходство своего правителя на избирательной воле Неба. Однако в обоих случаях сакральными считаются одни и те же человеческие качества. Вот, к примеру, как характеризует идеального конунга В. Грэнбек: «Унаследовать королевское достоинство вовсе не было синекурой. Управление страной требовало большого ума и многих способностей, но эти качества и составляли королевский характер. То, что прирожденный лидер мог достичь больших успехов, защитить честь и право своих подчиненных и, что более сложно, поддерживал их права в надлежащих отношениях друг с другом, объяснялось глубиной и силой его удачи. (...) Все эти способности составляют удачу короля: дипломатия и щедрость, красота и красноречие. И ни одно качество нельзя выделить особо – от дара излечивать больных до плодovitости»¹. Кочевники приписывали эти же качества своего боготворимого предводителя небесному вмешательству: «Небу было подвластно всё, только оно в состоянии регулировать то, что на земле, но делает оно это через своего избранника, которым. Конечно же, был монгольский хаган. Небо давало ему силу, демонстрировало различным образом свою волю, а хаган благо-

¹ Грэнбек В. Эпоха викингов. Мир богов и мир людей в мифах северных германцев. – Москва : Центрполиграф, 2019. – С. 113.

даря этому организовывал свой народ и весь мир»¹. Важно, что соотношение человеческих достоинств кагана и небесного выбора является равным: каган получает право властвовать над миром от Неба (то есть от божества Тенгри), но Небо вряд ли вручит такое эксклюзивное право заурядному человеку. Получается, что каган изначально имеет все необходимые для мирового господства дарования, а Тенгри лишь разрешает ему их применить. Можно сказать, что Небо избирает для свершения своей воли адекватного исполнителя, а такие качества как физическая сила, предусмотрительность, плодовитость и дипломатичность являются наиболее соответствующими предпочтениям Тенгри.

Отмеченные нами особенности варварского язычества имеют важнейшую черту, отличающую варварские культы даже от языческих верований цивилизованного общества. А именно – варварские религии полностью имманентны земному порядку. Например, скандинавские боги образуют кровнородственный клан, живущий на небесном хуторе Асгард. Их жизнь представляет собой романтизированное отражение образа жизни их земных почитателей. Одину приписывали дар поэзии, которым он охотно делится с людьми-скальдами, а также изобретение рунической письменности. Но все эти занятия – человеческие, причём, подверженные трансформациям в ходе исторического времени. Культ Одина вряд ли останется популярным в мире, где больше нет родовых кланов и воинских дружин, а латинская письменность позволяет легко записывать длинные тексты (что невозможно для рунической письменности). Участь тенгрианства в эпоху, когда у степняков больше нет ханов, мы подробно рассмотрим ниже, в надлежащем месте нашей работы, а пока скажем, что она оказалась ещё более безрадостной. Полностью имманентные земной реальности верования оказываются бесполезны и нежизнеспособны, если эта реальность терпит фундаментальные изменения. Но ведь такие изменения неизбежны, и именно в моменты резких кризисов и общественных трансформаций язычникам становится ясно, что их божества и кумиры не

¹ Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. – Санкт-Петербург : Евразия, 2013. – Изд. 2-е. – С. 140.

имеют под собой никакой универсальной, независимой от исторической конъюнктуры основы. Такие верования в действительности не имеют связи ни с чем, что стояло бы вне мира или над ним. Неслучайно те представления о богах-творцах, которые у язычников всё-таки имеются, всегда невыразительны, и нередко такой безликий творец воспринимается как *deus otiosus*, то есть «праздный бог». Ведь творец мира по определению должен носить трансцендентный (потусторонний) по отношению к миру характер, а практичные, отнюдь не склонные к умозрениям варвары видят себя и своих божеств исключительно в земном мире. И течение земной жизни выбивает из-под их богов небесные престолы гораздо надёжнее, чем любые цивилизованные миссионеры.

Отечественный философ С. Н. Жаров справедливо отметил, что имманентный интерес к миру всегда создаёт духовный уют, но крах наличного мирового порядка всегда приводит к обесцениванию основанной на нём картины мира. Именно в такой ситуации у людей пробуждается интерес к трансцендентной стороне бытия. «На первый взгляд более притягательным представляется имманентность, делающая мир *домом* (курсив автора). Здесь всё близко и обозримо, человек живёт в изначальной согласии с мирозданием, и священное не отчуждено от повседневного течения жизни. (...) Однако такой мир равно или поздно рушится. Это относится не только к духовному кризису античной культуры, когда непосредственный порядок жизни перестал быть хранителем высшего смысла. (...) Но в потере космического дома человеку открывается то, что было заслонено его стенами – неопределенность и безосновность человека, которая позднее станет темой экзистенциального философствования. Это и есть первичное обнаружение трансцендентного. Вопрос о трансцендентном всегда вставал там, где земля уходила из-под ног, где мир переставал быть источником смысла и надежды»¹. Можно предположить, что все религиозные учения должны были в своём развитии

¹ Жаров С. Н. Трансцендентное в онтологических структурах философии и науки: монография. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2006. – С. 11-12.

пройти этот момент – разрыв связи с имманентными земной жизни ориентирами. Те из них, которые были слишком подвержены традиционализму, деградировали и погибли, другие же перешли в разряд цивилизованных религий. Некоторые из последних достигли такой степени универсализма, что их распространение приняло мировые масштабы.

На самый первый взгляд, к цивилизованным религиям можно отнести зороастризм, буддизм, христианство и ислам. Будучи ограниченными объемом нашего исследования, мы проследим особенности взаимодействия варварства с христианством в его православной и католической версиях, буддизмом и с исламом. Касательно последнего хочется заметить, что обычно ислам представляют как религию завоевателей, которая силой навязывается побеждённым. Такое мнение опирается на ряд хорошо известных исторических прецедентов. Поэтому мы рассмотрим исключительно те случаи духовного взаимодействия ислама с варварами, в которых побеждёнными были мусульмане, а ислам выглядел именно как религия пленников и данников. Однако обзор межкультурных взаимодействий варварского и цивилизованного обществ в религиозной сфере мы начнём всё же с христианского опыта прозелитизма.

Рассматривая первые шаги религии цивилизованного общества навстречу варварской пастве, необходимо поставить вопрос о характере этого знакомства. Например, предполагает ли данная религия миссионерство и что привело на её лоно очарованных иноверцев?

По мнению отечественного исследователя С. А. Иванова наиболее ориентированной на обращение прозелитов религией является христианство. Вот как он характеризует миссионерский потенциал данной религии: «Слово «миссия» (из латинского *missio* «послание») имеет несколько значений, но... употребляется в одном-единственном: под миссией будет пониматься деятельность религиозной организации по вербовке в свои ряды инаковерующих. Христианство есть религия миссионерская. Полное именование Церкви, исповедующей эту религию, – «Апостольская кафелическая», то есть вселенская. Таким образом, самым своим названием христианство сразу и объявляет о собственной цели –

сделаться религией всей «вселенной» или всего человечества, – и указывает на миссионерство как на способ достижения этой цели: ведь именно апостолы («посланники») и были первыми миссионерами, отправленными возвестить людям о новой вере»¹. Христианство с первых минут своего существования содержит два важных посыла. Во-первых, перед Богом равны все люди независимо от своей национальной и этнической принадлежности. Так, апостол Павел учил: «нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но всё и во всем Христос» (Кол. 3:11). Во-вторых, каждый человек, какую бы жизнь он ни вёл до знакомства с христианством, может стать верующим. Например, Иисус Христос прямо говорил: «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные; Я пришёл призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мк. 2:17). Именно поэтому христианство, зародившись в Палестине, самой непроницаемой для эллинизма области Леванта, стремительно распространилось по античному миру, находя прозелитов среди греков, римлян, кельтов, сирийцев и египтян. Отношения новой религии с государством, взиравшим на любые культы с точки зрения политической целесообразности, не всегда складывались безоблачно, но в итоге к середине IV в. н.э. большинство жителей империи стали христианами. И эта ориентация новой веры на контакт в первую очередь с жителями мирового города сыграла важную роль в понимании Церковью политической географии.

Дело в том, что, излагая свою доктрину образованным язычникам и имперским чиновникам, апологеты были вынуждены пользоваться политической и юридической терминологией античности. И поэтому Церковь, невзирая на декларируемое ею равенство всех народов перед Богом, была вынуждена учитывать культурное отличие цивилизованных греков и римлян от варваров, иначе бы граждане античного мира попросту не поняли апологетов. В частности, языческий писатель Цельс, живший во второй половине II в., не понимал, каким образом христианство

¹ Иванов С. А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – С. 9.

сможет объединить эллинов и варваров, ведь законы этих народов и их взгляды на жизнь совсем не похожи друг на друга. Церковный деятель Ориген отвечал на это, что невозможное для государственной политики вполне осуществимо для Бога, и что если эллины и варвары не могут жить по единым юридическим законам, то это не означает, будто ими руководят различные духовные законы¹. Однако апологеты имели дело именно с представителями античной цивилизации, претендующей на создание мировой империи, и им невольно приходилось употреблять античный термин «варвар», хоть и не придавая ему негативного значения. Как римляне отождествляли своё государство со всем миром (*paх Romana*), так и христианам приходилось отождествлять Вселенную с ареалом греко-римской цивилизации, на котором они вербовали прозелитов. Стремление ранних христиан реабилитировать варваров перед римлянами из-за изначальной негативной окраски понятия «варвар» принимало странные формы, лишний раз подчеркивая различие между цивилизованными людьми и варварами. Так, сирийские христиане рассказывали легенду о Христомее – варваре-людоеде, жившем в пустыне и ставшем другом апостолов Андрея и Варфоломея во время их путешествия в Парфию. Когда апостол Варфоломей крестил Христомея, тот обрёл христианские добродетели и ничем не напоминал дикаря. Однако когда парфяне натравили на апостолов льва, Христомей, согласно легенде, моментально лишился христианской кротости и разорвал хищника голыми руками². Рассказывавшие эту легенду апологеты старались донести до своих слушателей мысль о том, что варвар, приняв христианство, перестаёт быть варваром, но на практике получилось обратное: легенда подчеркивала, что варвар-христианин всё равно остаётся варваром, только не проявляет характерную для его «вида» жестокость по отношению к единоверцам. Впрочем, когда в IV в. империя стала христианской, столичные политики и дипломаты вспомнили легенду о Христомее, предположив, что христианство может

¹ Иванов С. А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – С. 30.

² Там же. С. 26.

стать действенным инструментом «исправления» варварских нравов. Например, установление между римлянами и варварами религиозного родства может пресечь варварские набеги не хуже военной карательной экспедиции, на которую империя уже не была способна.

Однако восточное (православное) миссионерство имеет важную черту: Церковь Восточной Римской империи полагала, что обращение язычников в христианство должно произойти по воле Божьей, а не усилиями христианских проповедников. Патриарх был готов учредить епархию в варварских землях только в том случае, если бы варвары его об этом попросили. Насильственное распространение веры было и осталось чуждо православной Церкви. Но кто же распространял христианство в пограничных с империей варварских землях, если высшие иерархи не вынашивали экспансионистских планов?

Первыми миссионерами были пленники-христиане, уведённые язычниками на чужбину, греческие купцы, нередко посещавшие Аравию и Персию, а также селившиеся в приграничных имперских областях монахи. К числу пленников, сыгравших немалую роль в христианизации языческих соседей империи мы можем отнести святую Нину, своим примером обратившую в христианство грузин, Вульфилу, ставшего первым епископом готов, а также Эдессия и Фрументия, по случайности оказавшихся в услужении у царя Эфиопии и добившихся у него разрешения построить церковь в эфиопской столице. Важно отметить, что никто не просил этих пленников проповедовать христианство, и на момент проповеди они не имели никакой связи с родиной. Однако их миссионерская деятельность, подкрепляемая личными примерами, приводила к созданию христианских общин, которые в дальнейшем устанавливали контакты с метрополией. Например, Фрументий, уже фактически возглавляя Церковь в Эфиопии, был хиротонисан в епископский сан святым Афанасием Александрийским. Приблизительно такой же была и судьба Вульфила, пользовавшегося немалым духовным влиянием среди готов и прибывшего в Константинополь для возведения в епископский сан. К несчастью, германского гостя принимал император Валент, исповедовавший арианство, и поэтому Вульфила, возмож-

но, неведомо для самого себя стал арианским иерархом и направил молодую готскую Церковь по пути, ведущему прочь от православия.

Странствующие византийские торговцы были менее активными в распространении веры, потому что главной их целью всегда являлась прибыль. Такой купец мог долгое время жить в Персии или Аравии, но в религиозном отношении его старания не распространялись дальше заключения договора с местными властями о терпимости к его вероисповеданию. Например, на территории многих арабских городов существовали торговые колонии византийцев, и в каждой из них имелась церковь, однако купцы не стремились приглашать на богослужения арабов или проповедовать среди них.

Зато монахи-отшельники, стремившиеся удалиться от экономических и социальных реалий цивилизованного общества, становились настоящей рекламой христианского благочестия и не делали из своей веры секрета для тех, кто о ней спрашивал. При этом важно отметить, что ряды православных пустынников первых веков н.э. пополняли, в основном, не обскуранты и фанатики, а, наоборот, наиболее образованные и духовно здоровые представители поздней античной цивилизации, одинаково не желавшие иметь ничего общего ни с морально разложившейся имперской бюрократией, ни с вооруженными борцами «за народное благо». Именно эти люди уходили в пустыни Сирии, Палестины и Египта, увлекаемые идеалами, почерпнутыми из Священного Писания и даже неоплатонической философии. Однако многие из этих просвещенных аскетов сохраняли связь с миром благодаря тому, что содержали себя при помощи изготовления корзин и циновок, которые продавали на городских базарах. Это вовсе не были собиратели милостыни, живущие за счёт верующих, и поэтому восточные пустынники всегда чуждались мошеннических трюков, фокусов и всевозможной зрелищности¹. Что о них думают жители покинутого мира, отшельников волновало в наименьшей степени. Поэтому каждый, кто знакомился с монахами-

¹ Карсавин Л. П. Монашество в Средние века. – Москва : Ломоносовъ, 2013. – С. 13.

пустынниками, отмечал, что их вера и благочестие ничуть не фальшивы. При этом большинство иноков, живущих в одиноких скитах и общежительных монастырях, благодаря своему мирскому прошлому были грамотны, начитаны и, невзирая на уединенный образ жизни, доброжелательны к гостям. Чем сильнее анахореты стремились отделиться от мира, тем более жгучий интерес мирян они к себе вызывали.

Отечественный исследователь С. А. Иванов красноречиво характеризует миссионерское подвижничество православных монахов Леванта: «Вообще-то, именно сирийские монахи были мотором многих миссионерских предприятий. Например, сирийским клирикам принадлежала ведущая роль в деле просвещения Армении, они даже пытались создать армянский алфавит. Сирийской же была основа грузинского, персидского, аравийского православия. Именно общительным и многоязычным сирийцам миссионерский дух был свойственен в высшей мере. Например, в календаре обители Тур-Абдин на плато Мидьят в верховьях Тигра сохранились имена многих насельников-миссионеров, *оставшихся абсолютно неизвестными в Византии* (курсив наш – С.С., И.Ч., В.Ч.)»¹. Последние слова заставляют задуматься. Ведь если империя не посылала миссионеров к иноверцам и не ставила перед ними никаких задач, то и воспользоваться результатами их труда она тоже не могла. Варварские правители наподобие арабского князя Аль-Нумана, очарованного святым Симеоном Столпником, нередко провозглашали веротерпимость и позволяли миссионерам открыто проповедовать среди своих подданных, но, в то же время, они не спешили объявлять христианство государственной религией. Ведь если империя официально исповедовала христианство, то принятие православия на государственном уровне было равносильно заключению политического союза с Константинополем. А этого арабские шейхи, жившие между греко-римской и персидской цивилизациями, не могли себе позволить. Ведь объявив себя союзником императора, шейх автоматически ока-

¹ Иванов С. А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – С. 11-12.

звался в числе врагов персидского шаха, который исповедовал зороастризм и воспринимал христианство как религию противника. Поэтому аравийские правители не препятствовали существованию на своей территории христианских общин, позволяли функционировать церковной организации, но при этом избегали как-либо поощрять христианство на государственном уровне. Например, в аравийском городе Наджран христианский епископ входил в состав городской администрации, но параллельно с Церковью в городе существовала влиятельная иудейская община, права которой местные власти никак не ограничивали¹. Сасаниды, обнаружив, что между Константинополем и заграничными Церквями нет политической связи, стали покровительствовать своим христианским подданным, позволяя основывать новые общины и проповедовать христианство, но аккуратно пресекая попытки константинопольского патриарха как-либо вмешиваться в жизнь Церквей, расположенных на персидской территории. В результате такого почти что безразличного отношения Константинополя к распространению православия при миссионерском подвижничестве провинциальных монахов, христианство распространилось далеко за пределы империи: в частности, епископские кафедры существовали в Ктесифоне, Ниневии и даже в Самарканде. Но серьёзных политических выгод такое положение дел империи не приносило и принести не могло, так как между императором и патриархом сложились вполне понятные иерархические отношения.

В самой Восточной Римской империи сформировался принцип взаимодействия духовной и светской властей, патриарха и императора, который исследователи именуют симфонией. Этот принцип имеет две черты, отличающие его как от языческой модели царей-жрецов, так и от оформившегося в Западной Европе института папства. Во-первых, монаршая власть носит сакральный характер независимо от личности конкретного правителя и не нуждается в легитимации со стороны Церкви. Отечественный автор Л. А. Андреева так характеризует византийскую симфонию

¹ О'Лири Д. Л. Доисламская история арабов. Древние царства сынов Востока. – Москва : Центрполиграф, 2020. – С. 147-148.

властей: «Согласно норме симфонии властей, Бог даровал людям два дара – царство священство, которые имеют одинаковое божественное происхождение, следовательно, царство уже имеет наравне со священством божественное происхождение и не нуждается в реинституционализации со стороны священства. Теория симфонии властей не предусматривала взаимоотношений между двумя властями или двумя юридическими порядками. Речь шла о двух аспектах единой христианской монархии как образа Царства Небесного»¹. Поскольку земной реализацией Божьего Царства в византийской традиции является не Церковь, а империя, то и император занимает по отношению к патриарху главенствующее положение и даже имел право подвергать иерарха своему суду. Во время литургий, на которых присутствовал монарх, патриарх считался всего лишь «главным чтецом». Также император входил в алтарь и причащался как священнослужитель, а не как мирянин. Во-вторых, обладая такими обширными полномочиями и сакральным статусом, монарх требовал от Церкви покорности своей воле и содействия государству в политических мероприятиях. Считая себя земным воплощением Христа (то есть занимая предназначенную для этого императорскую должность), монарх не желал мириться с существованием других корон и настаивал на том, чтобы все остальные правители признавали себя его вассалами. Ведь если Царство Небесное едино, то и на земле может существовать только одно его воплощение, под которым византийский император понимал, разумеется, свою империю. По этой же причине, начиная с V в., константинопольские венценосцы потребовали от Церкви содействия в распространении своей политической власти. Проще говоря, они постарались превратить православное миссионерство в инструмент своей внешней политики.

Результаты оказались противоречивыми. В середине VI в. александрийский патриарх Протерий, согласовав свои действия с политикой императора, направил епископа Григентия в Йемен,

¹ Андреева Л. А. Сакрализация власти в истории христианской цивилизации. Латинский Запад и православный Восток. – Москва : Ладомир, 2007. – С. 141-142.

поручив ему добиться христианизации данной области. Иерарх с жаром взялся за дело и составил свод правовых норм, получивших название «Законы химьяритов», которые православные арабы не смогли выполнять. Как отмечает С. А. Иванов, это была религиозная утопия, правилам которой византийцы никогда не подчинялись и подчиняться бы не смогли, но епископ Григений попытался требовать этого от новообращенных арабов¹. Например, «Законы химьяритов» требовали от дважды овдовевшего мужчины уходить в монастырь, предписывали обязательный брак всем взрослым мужчинам, включая рабов, и даже запрещали жестокое обращение с животными (указывался предельно допустимый вес выюков). Разумеется, никто не стал соблюдать эти законы, а престиж православной Церкви оказался поколеблен.

С кочевниками-бедуинами Церковь сотрудничала более удачно. В частности, александрийский патриарх, ведший дела с племенным союзом Гассанидов, быстро понял специфику жизни кочевников и в 542 г. рукоположил епископов не по территориальному, а по племенному принципу, то есть стал считать епархией не географическую область, а племенную общность. Но кочевые шейхи вовсе не были так просты, чтобы официально признать себя вассалами императора и, тем самым, оказаться в числе наследственных врагов персидского шаха. Обычно они либо поощряли веротерпимость, не принимая христианства официально, либо оказывали поддержку несторианам – христианскому течению, запрещенному в Восточной Римской империи и поэтому одобряемому персидской короной². Византийский император только лишь укреплял их подозрения, учредив практику приглашения соседних правителей в Константинополь и торжественного их крещения в соборе Святой Софии. Нередко монарх становился крестным отцом новообращенных, лишняя раз этим подчеркивая их вассальный статус. Именно поэтому большинство варварских вождей предпочитали, не отвергая православия открыто, реально склоняться к арианству и иным ересям, позволявшим не призна-

¹ Иванов С. А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – С. 92.

² Там же. С. 93.

вать авторитет константинопольского патриарха и византийского императора. Возможно, именно поэтому некоторые из них охотно имели дело с Папой Римским, который воспринимался ими как опальный, оппозиционный патриарху духовный иерарх.

Любопытный пассаж произошёл с Эфиопией. К началу VI в. эта страна официально стала христианской, получив крещение от святых Афсе и Михаила Арагви. В 525 г. александрийский патриарх Тимофей по просьбе императора сумел убедить эфиопского негуса Эллу Ашебу (греческие летописи называют его «император Калев») вмешаться в аравийские дела. В это время эмир Химьяра принял иудаизм и устроил погром христиан, чем вызвал крайнее неудовольствие византийского правителя, который, однако, не имел в тот момент возможности вторгнуться в Аравию напрямую. Эфиопский негус согласился заступиться за своих арабских единоверцев и организовал военный поход на Аравийский полуостров, окончившийся разгромом арабских иудеев и приглашением в Химьяр епископа Григения, о котором мы писали выше. Однако стоило константинопольскому императору объявить эфиопов своими верными вассалами, как в ответ с их стороны прозвучала оригинальная религиозно-политическая концепция. Если василевс Восточной Римской империи считал себя правителем единственного земного воплощения Божьего порядка, то негус Эфиопии предположил, что оба правителя – ромейский и эфиопский – являются наследниками римского императора Константина, и поэтому они – братья, причём, старшим братом является именно негус¹. Неизвестно, как отреагировал на известие о таком родстве византийский император, но между Эфиопией и Византией сохранились очень тёплые отношения. В частности, создатель эфиопской гимнографии Яред, живший в первой половине VI в., учился в Греции, а в своей «Книге гимнов» написал немало похвальных слов Константинополю.

В целом же, религиозная экспансия, осуществляемая зрелой цивилизацией Восточной Римской империи, была слишком бес-

¹ Иванов С. А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – С. 81.

компромиссной: императоры и патриархи полагали, что варварские вожди будут счастливы стать частью христианского общества, войдя в число подданных империи. Но на самом деле большинство этих вождей стремились сохранить свою власть неограниченной и поэтому предпочитали поддерживать отношения с Константинополем лишь на большой дистанции, как это получилось у эфиопского негуса и великого князя киевского. И даже эти правители, фактически независимые от империи и не имевшие с ней близких границ, всё равно тяготились той опекой, которую пытались установить над их Церквями александрийский и константинопольский патриархи. В частности, киевский князь в течение XI в. дважды пытались назначить на митрополичью должность своих людей в обход решения патриарха¹. Германские же конунги, взаимодействуя с империей, вовсе не чуждались декларировать своё уважение к православию, но в реальности всегда склонялись к арианству. Например, первым германским народом, подвергшимся христианизации, оказались готы, крестителем и первым епископом которых стал Вульфила в первой половине IV в., однако, как мы писали выше, этот персонаж действовал по благословению императора-арианина Валента. Поэтому вскоре на Дунае сложилась арианская Церковь, с которой активно сотрудничали изгнанные из империи еретики во главе со старцем Авдием. Готские территории вместо того, чтобы войти в орбиту влияния православия, превратились в резерват для отвергаемых православной Церковью учений². Поэтому, когда в 372 г. готский ярл Атанарих подверг христиан гонениям, пострадали от них только ариане и другие еретики, а константинопольский патриарх вовсе не счёл эту акцию вызовом своему авторитету. Другое дело, что владыка и не имел в глазах готов серьёзного авторитета. Ни Атанарих, ни другие германские ярлы и конунги закономерно не желали учитывать в своей политике интересы чужеземных духовных и светских властей.

¹ Цветков С. Э. Древняя Русь. Эпоха междоусобиц. 1054–1212. – Москва : Центрполиграф, 2009. – С. 333.

² Зиньковская И. В. Королевство Эрманириха: монография. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2016. – С. 163.

Иной оказалась экспансия западного, католического христианства, нашедшего немало потенциальных прозелитов среди захвативших Западную Римскую империю германских варваров. Начиная с правления императора Константина (272–337 гг.), Церковь оформилась в единую административную организацию. При этом её Соборы могли охватывать как всю империю (например, Никейский Собор 325 г.), так и отдельные регионы (например, Собор 314 г. в Арле, на котором присутствовали епископы из Испании, Галлии, Италии, Африки и Британии). Поскольку самым знаменитым городом Западного Средиземноморья был Рим, то и местный епископ имел приоритетный статус по сравнению с другими западными владыками. Впрочем, Западную Церковь нельзя считать лишь клерикальной иерархической вертикалью: пришедшее на рубеже IV-V вв. в Галлию с Востока монашество отшельнического и общежительного типов внесло в церковное устройство тот демократизм, которого так не хватало бюрократической империи. При этом молодое западное монашество не чуждалось интеллектуальной деятельности, что лишь добавляло ему авторитета на фоне теряющей престиж и гибнущей римской школьной системы. Вот как описывает галльских монахов начала V в. ирландский исследователь М. Диллон: «В начале V века идеал отшельничества вдохновил св. Онората, получившего образование в Греции, основать монашескую общину на острове Лерин у берегов Прованса. Учёность и усердие в вере её монахов быстро завоевали этой маленькой общине престиж, почти равный авторитету западного университета поздних эпох. Вскоре после основания островной общины в Южном Провансе возникли киновиийные монастыри, из них самым известным был монастырь Сен-Виктор под Марселем. Влияние эти двух монастырей было обширным, в первую очередь благодаря их интеллектуальной активности»¹. Разумеется, христианскому понтифику в Риме вовсе не нравились самоуправляющиеся общины, и в интересах единства иерархии он пытался подчинить монастыри епископам. Однако, как мы уже знаем, в 476 г. последний император Западной

¹ Диллон М., Чедвик Н. К. История кельтских королевств. – Москва : Вече, 2006. – С. 201.

Римской империи лишился короны, а имперские провинции оказались во власти многочисленных варварских вождей. В такой обстановке никакая разветвленная иерархическая система не смогла бы функционировать, не располагая военной силой для своей защиты, а такой силы у Церкви никогда не было. Византийский император Юстиниан I Великий (482–565 гг.) предпринимал попытки восстановить империю в прежних границах, сокрушил молодые государства вандалов и остготов, ввёл войска в Рим, но через короткое время после его смерти империя была вынуждена оставить свои владения в Западном Средиземноморье, тем самым, бросив западную Церковь на произвол судьбы. Именно в этот момент автономные монастыри, настоятели которых строили отношения с варварами в каждом случае по своему усмотрению, и римский епископ, лишившийся вооруженной защиты, были вынуждены устраивать диалог с германцами с чистого листа, без каких-либо ссылок на политический авторитет императорской короны.

Ведя собственную политическую игру (или борьбу за выживание), римский епископ был вынужден создать апологию своему независимому статусу и своим претензиям на управление церковной организацией, разбросанной по различным варварским государствам. Так иерарх стал Папой Римским. Отечественный исследователь Л. А. Андреева кратко и ёмко излагает суть западных представлений о папском статусе, которые римский понтифик сформулировал и пропагандировал: «Под «папоцезаризмом» понимается такая модель власти, когда Папа Римский, будучи земным владыкой и первосвященником, главой Церкви, *Vicarius Christi* на земле, сосредотачивает в своих руках как светскую, так и духовную власти. Во второй половине VIII в. в Риме был сфабрикован так называемый «Константинов дар», согласно которому император Константин в благодарность за то, что папа Сильвестр I помог ему в исцелении от проказы, наделил последнего и всех его преемников приматом над четырьмя Восточными Патриархами, а также *императорскими регалиями* (курсив автора), т.е. политическим верховенством над всей западной частью Римской империи. Однако, сохранив церковный примат, папа якобы не принял императорские регалии, хотя в случае ликвидации им-

ператорской власти он и так автоматически становился преемником императорского достоинства. Таким образом, папство стало претендовать на правопреемственность от Римской империи»¹. То есть римский епископ при помощи псевдоисторических аргументов и прямого подлога (фальшивая императорская грамота) присвоил себе полномочия, которыми в Константинополе располагал лишь император. Не имея сил действительно захватить светскую власть, понтифик притворился, будто намеренно не пользуется ею. Причём, немаловажен тот факт, что политические аппетиты у владыки проснулись уже после того, как остготское государство в Италии погибло, а византийцы отступили на юг полуострова под натиском лангобардов, то есть именно тогда, когда никаких реальных светских конкурентов на власть понтифик не имел. Таков был процесс юридического превращения епископа бывшей имперской столицы в Папу Римского – непогрешимого полномочного представителя Бога на земле.

Однако пока мы рассматривали папские претензии лишь с одной стороны – стороны римского понтифика. Мы видим то, что он говорил и писал о своём сакральном статусе, но зададимся вопросом: как воспринимали ситуацию варварские конунги, с V в. владевшие западными провинциями империи? Теодорих и его потомки выражали Папе уважение в силу своего подчеркнуто восторженного отношения к античному наследию, возможно, даже не понимая и половины слов Папы, сказанных на классической латыни. Византийцы, некоторое время властвовавшие в Италии, не только не поддерживали никаких папских притязаний, но император Юстиниан I Великий даже арестовал и переселил в Константинополь Папу Вигилия (годы понтификата – 537–555 гг.). А когда византийцы отступили под давлением вторгшихся в Италию лангобардов, претензии Папы вряд ли кого-нибудь интересовали, кроме него самого. Ведь лангобарды, будучи стандартными варварами-германцами, к тому же пришедшими на имперские территории уже после упадка античной культуры и ничуть

¹ Андреева Л. А. Сакрализация власти в истории христианской цивилизации. Латинский Запад и православный Восток. – Москва : Ладомир, 2007. – С. 86-87.

ею не очарованные, относились к италийскому населению крайне нетерпимо. Вряд ли их конунгов интересовали слова какого-то клирика из Рима или его писания, которые варвары даже не могли прочесть из-за повальной неграмотности. Что же позволило Папе заслужить в глазах варваров авторитет? Что мог предложить безземельный и беззащитный правитель Церкви вооруженным и алчным завоевателям, многие из которых даже не были христианами?

Выше мы отметили, что коллапс и распад политической организации Западной Римской империи привёл к ослаблению порядка в церковной иерархии и вынудил епископов и аббатов решать собственные проблемы с варварами собственными же силами в меру своих дипломатических и пастырских талантов. Если на централизованном и упорядоченном византийском Востоке епископы не могли вести никаких дел с бедуинами, эфиопами или персами без ведома патриарха, а все четыре патриарха серьёзно зависели от константинопольского императора, то на разорённом, дезинтегрированном Западе дело обстояло противоположным образом. Владыки епархий и обителей, желая защитить свою паству от варваров, действовали самостоятельно, не особенно оглядываясь на папский престол, который, к тому же, в тот момент не располагал никакими военными или финансовыми ресурсами. Некоторые города и монастыри подверглись разграблению со стороны германцев-язычников и ариан, но именно под этой угрозой западный клир нашёл выход. Святой Ремигий, епископ Реймса, придумал, что можно предложить варварским вождям взамен за их безусловную лояльность по отношению к Церкви.

Как мы отмечали выше, рассматривая дохристианскую религиозность германских племён, основой легитимности военных и родовых вождей считалась удача, проявлявшаяся на поле боя, в хозяйстве, судопроизводстве и иных важных для общества делах. Но ведь удача считалась родовой принадлежностью, а не индивидуальной чертой конкретного ярла или конунга, поэтому вождь, хотя бы один раз продемонстрировавший слабость, уже не мог быть спокоен за свою корону и жизнь. Ведь соплеменники или дружинники могли заменить его на кого-нибудь из его же родственников, то есть на другого, более перспективного носителя

удачи того же семейства. Если же мы вспомним, что во время Великого переселения народов большинство варварских вождей были не родовыми, а военными, то их родовые связи нередко ослаблялись и в момент любой случайной промашки конунг мог сменить свой авторитет на репутацию выскочки-отщепенца. Ситуация осложнялась ещё и тем, что период миграций подходил к концу: если в походе и на поле битвы все воины видели конунга в деле и убеждались в его удачливости, то после захвата той или иной имперской провинции племя разбредалось по округе, сгоняло с земли местных крестьян и расселялось на больших территориях. С этого момента всегда находились люди, лично конунга не знавшие и поэтому сомневавшиеся в его превосходстве. Перед каждым варварским вождём становилась реальной перспектива получить нож в спину от своих же дружинников, вдохновлённых на заговор его же двоюродным братом или даже представителем какой-нибудь другой аристократической семьи. Нужно было найти какой-то иной способ сохранить власть, нежели раз за разом проверять свою удачливость на всеобщем обозрении. И первым, кто такой способ нашёл, стал конунг салических франков Хлодвиг I (466–511 гг.) из рода Меровингов. В 486 г. он привёл своё племя на территорию недавно получившей независимость римской Галлии и разгромил в битве при Суассоне войско её правителя Сиагрия. Но салические франки вовсе не были одиноки на этих землях: с юга их буквально подпирала вестготы, а само франкское племя включало в себя, кроме салических, ещё и рипуарских франков, конунг которых не всегда и не во всём соглашался с Хлодвигом. Поэтому если молодой вождь собирался прожить долгую жизнь, ему надлежало позаботиться о легитимации своей власти каким-то иным образом, нежели через воинскую удачу: слишком уж много храбрых и удачливых воинов было вокруг него. В этой ситуации ему на помощь пришёл святой Ремигий, епископ Реймса, в 496 г. убедивший монарха принять западное христианство. Состоялось крещение, в ходе которого Хлодвиг поклялся навсегда забыть языческих богов своих предков и не поддерживать никакие христианские ереси типа арианства. Вскоре состоялась коронация, оригинальный обряд, возможно, придуманный святым Ремигием, в ходе которого монар-

шая власть Хлодвиг обрела сакральный статус перед лицом Божиим. Французский историк Ж. Тессье так характеризует различие между властью Хлодвиг до и после крещения и коронации: «Меровингский король стал легитимным королём, подчиняться которому велели совесть и позитивный канонический закон. То, что Хлодвиг терял, отказываясь сослаться на родство с богами, он воспринял, получая от епископов право считаться наместником Бога в миру»¹. При этом до сих пор неизвестно, как именно проходила коронация и была ли она совмещена с крещением, однако важно другое. Отныне Хлодвиг был не конунгом, первым воином среди равных, который обладает авторитетом лишь до тех пор, пока может этот авторитет подтвердить, а Божиим ставленником, который не обязан никому ничего доказывать, кроме Бога, утвердившего его кандидатуру на престоле через обряд помазания. С другой стороны, физически обряд осуществлял не Бог, а всё-таки епископ Ремигий, то есть представитель Церкви. Для того, чтобы получить неотъемлемую политическую власть, оказалось нужным сотрудничать с Церковью, и Хлодвиг сознательно на это пошёл. В частности, известно, что он зарубил одного из своих воинов за то, что тот ограбил церковь и отказался вернуть епископу Ремигию награбленное. Конечно же, все франки не стали христианами по приказу вождя, но для всех них стала очевидной смена политической модели. Самые прозорливые из них крестились вслед за Хлодвигом, чтобы продемонстрировать ему свою лояльность. Тем более, что вождь был женат на христианке – бургундской княжне Клотильде, которая, как считается, приложила немало стараний для того, чтобы убедить мужа креститься. Также хорошим побудительным мотивом для франков стали те жестокость и подлость, с которыми Хлодвиг уничтожил большинство своих родственников, дабы они не пытались выставить себя языческими традиционалистами.

Необходимо подчеркнуть две важные детали крещения Хлодвиг, которые отличают это историческое действо от любых индивидуальных актов перехода варварских вождей в христианство,

¹ Тессье Ж. Крещение Хлодвиг (25 декабря 496 года?). – Санкт-Петербург : Евразия, 2019. – С. 226.

случавшихся прежде. Во-первых, Хлодвиг перешёл в ортодоксальное христианство (к VI в. вряд ли можно применить термин «католическое»), тем самым, объявив о своей поддержке официальной Церкви и тут же получив множество поздравлений от западного клира тех стран, где франки прежде не бывали. Например, британские и итальянские епископы поспешили выразить своё уважение варварскому правителю, добровольно ставшему их другом. И это не были пустые слова: в VI в. наследники Хлодвиг совершили поход в Италию, стремясь защитить Папу Римского от диктата византийцев, а заодно и помочь лояльным к Папе остготам. Таким образом, переход Хлодвиг в западное христианство и прочное сотрудничество вчерашнего завоевателя Галлии с Церковью автоматически ввели франков в мир умирающей поздней античности и зарождающейся христианской цивилизации. Например, христианские монахи из обителей Прованса охотно взялись обучать франкских детей грамоте, а епископы стали помогать франкам в кодификации их права вместо того, чтобы прятаться от них за крепостными стенами, как бывало прежде. Во-вторых, путём совмещения германской светской власти с христианской духовностью возник новый тип правителя. Ведь, отрекаясь от богов своих предков и признавая источником любой удачи и жизни лишь Иисуса Христа, Хлодвиг тем самым перестал быть конунгом. Однако его христианский титул не был равен императорскому, и франкский вождь на это даже не претендовал. Быть правителем своего народа во имя Божье и защищать Церковь от врагов Христовых – это не то же самое, что осуществлять политическую власть над всем земным миром или быть земным наместником Бога. Так появился новый титул и тип правителя – *король*. Этот монарх управлял определенной территорией и народом и не мог претендовать на земли и подданных соседнего вождя по праву силы. А главное – король получал власть от Бога и Церкви, но никак не от тинга или дружины. Подданные не могли свергнуть короля по причине его бездарности или трусости, а монарх со своей стороны не мог передать престол никому, кроме своего старшего наследника, независимо от своих личных предпочтений. Таким образом, христианская легитимность срослась с германским представлением об удаче как основе власти, создав

концепцию династии, которой не было ни в античном Риме, ни в православной Византии. Для римлян сакральным был престол, а не тот, кто его занимает, в то время как для вчерашних варваров сакральным было именно правящее семейство. В правление династии Меровингов, потомков Хлодвига, доходило до того, что короли не занимались государственными делами, передав все гражданские и военные обязанности своим майордомам (то есть управляющим дворцом), а в качестве признака собственной избранности сохраняли лишь длинные волосы, считавшиеся вместилищем родовой удачи Меровингов ещё в языческие времена.

Любопытна эволюция имперских политических институтов, которые Церковь, тоскуя по государственной стабильности, попыталась привить своей германской пастве. Ведь из-за краха Западной Римской империи её провинции и диоцезы превратились в фикцию, имевшую значение только для высшего клира. Например, в империи диоцез представлял собой административно-территориальную единицу, управляемую светским государственным чиновником, при котором состоял епископ. Но уничтожение античной государственности внешними и внутренними варварами привело к исчезновению светских чиновников и всех, кто мог бы их обязанности выполнять. Зато епископы остались на своих кафедрах, и границы епархий и диоцезов теперь существовали только для них, не имея никакого политического смысла. На территории одного диоцеза могли поселиться два независимых друг от друга варварских племени или, наоборот, варварский конунг мог захватить сразу две епархии и при этом не признавать авторитета Церкви. Поэтому высший западный клир надеялся на то, что франкские короли смогут навести порядок. Христианские монархи действительно попытались это сделать, но только в том виде, в каком они сами имперский порядок понимали. Например, в поздней Римской империи словом «граф» (*comes*) обозначали военного и гражданского чиновника, отвечавшего за определенную территорию. Такой чиновник являлся должностным лицом, мог быть уволен в случае несоответствия своей должности, а главное — получал зарплату. Франкские короли сохранили эту должность, но превратили её в титул: граф стал полномочным представителем монарха на определенной территории, но жало-

вания не получал, уволен быть не мог и передавал титул своим наследникам точно так же, как король – своим¹. Однако важно отметить, что, в отличие от союзного ярла языческой эпохи, граф получал свой титул от короля и без служения короне не мог оставаться графом. Невозможность оплачивать работу чиновников вынудила франкских государей, вдохновляемых Церковью, придумать иную вертикаль власти, основным стимулом которой была не нажива (как в поздней цивилизации), а служение. Со своей стороны Церковь зорко следила за тем, чтоб графы приносили королю освященные клятвы верности, нарушение которых автоматически отлучало лжеца от Церкви. Можно сказать, что западная Церковь, помогая королям организовать государственность, создала столь характерный для европейского Средневековья идеал рыцарского служения, которое держится на данной перед Богом клятве. Французский историк Д. Бартелеми характеризует рыцарский идеал как синтез христианского смирения перед Богом и старшими и германского принципа верности дружины своему вождю: «Идеал преданности сеньору на войне, несомненно, пришёл из германских дружин, но почитание вышестоящего лица и пылкая преданность ему стали нормой всей социальной жизни, нормой, которую освящала христианская мораль, а в лесах и болотах древней Германии ничего подобного не было.... Всё это ограничивало, в первую очередь, безудержную «рыцарскую» свободу воли. От всадника требовалось не столько отличаться на войне, сколько служить»². То есть в VII-VIII вв. германский культ удачи окончательно уступил место примитивно понимаемому христианскому служению Богу через повиновение королю. По сравнению с отлаженной государственной машиной Римской империи это был заметный шаг назад, но всё же создаваемая западной Церковью система была гораздо прогрессивнее, чем политические принципы языческих германских конунгов.

Модель, созданная христианизированными франками, оказалась настолько привлекательной, что её в меру своего понимания

¹ Альфан Л. Великие империи варваров. От Великого переселения народов до тюркских завоеваний XI века. – Москва : Вече, 2006. – С. 48.

² Бартелеми Д. Рыцарство. От древней Германии до Франции XII в. – Санкт-Петербург : Евразия, 2012. – С. 81.

начали копировать вестготы, лангобарды и бургунды. Впрочем, превращение варварских вождей в христианских королей не мешало им порой вести себя так же напористо и бескомпромиссно, как и их предки-конунги. В частности, иногда у Папы Римского случались конфликты с занявшими Центральную Италию лангобардами, раз за разом демонстрировавшие политическое и военное бессилие понтифика. Поэтому Папе пришлось изобрести метод, безотказно спасавший его жизнь и тиару на протяжении всего раннего Средневековья и при этом создавший множество проблем королям и их наследникам. Речь идёт о превращении коронации монарха Папой Римским в конечную инстанцию по вопросу легитимации королевской власти. Когда в 752 г. лангобардский король Айстульф угрожал Папе Захарию разграблением Рима, понтифик обратился за помощью к франкам. Короли из династии Меровингов давно уже ничего в государстве не решали, и даже простонародье именovalo их не иначе как «ленивые короли». Зато на папский призыв откликнулся майордом Меровингов, храбрый и решительный воин Пипин Короткий, приведший на помощь Папе в 753 г. франкское войско так, как будто бы королём франков был он. К этому времени Папа Захарий умер, но сменивший его на престоле Стефан III встретил Пипина как долгожданного союзника. Между Папой и майордомом был заключён договор, по которому Папа признавал Пипина легитимным монархом франков и, тем самым, лишал власти династию Меровингов, презрев их наследственные права. Со своей стороны, Пипин обязался защитить понтифика от лангобардов, а главное – не отрицать папской власти над Церковью и Центральной Италией и не позволять этого делать другим. С этого момента можно отсчитывать историю католической Европы: Церковь нашла себе защитника и прочного союзника помимо византийского императора, а в королевских правах на престол появилась ясность: монархом будет тот и только тот претендент, которого признает законным Церковь. Неслучайно чуть позже (в 800 г.) Папы даже попытались полностью восстановить Западную Римскую империю, увенчав имперской диадемой франкского короля Карла Великого. Разумеется, варварский король, вчерашний конунг не мог стать императором типа Константина I Великого и максимум, чего ему

удалось добиться, – это признания коронации самодержцем Восточной Римской империи. Однако в Западной Европе всё же сложился союз государства и Церкви, ставший возможным лишь потому, что Церковь, сохранившаяся в регионе со времён поздней античности, смогла христианизировать внешних варваров и вместе с ними создать новый общественный порядок.

Оценим те преимущества, которые получили варвары, став прозелитами западного христианства. Во-первых, настоящим подарком для неопитов стала классическая античная образованность, которую Церковь смогла для своей варварской паствы сохранить. Причём, речь не идёт о сохранении римских школ: клирики прекрасно справлялись с педагогическими задачами сами. Наиболее яркий результат их усилия дали в Ирландии, никогда не входившей в состав Римской империи и даже не бывшей единым государством. Вскоре после того, как в V в. святой Патрик крестил жителей острова, здесь стали во множестве возникать монастыри и уединенные обители, братия которых поставила своей целью сохранить и хронологически изложить историю острова, причём, за нужным для такого дела латинским образованием ирландские монахи не стеснялись ездить даже в Италию. Результаты превзошли самые смелые ожидания: «Преданность ирландских монахов учёности уже хорошо была известна за пределами Ирландии в VIII веке. В одном из самых примечательных своих отрывков Беда¹ говорит о ревности ирландских монастырей к преумножению знаний и об их щедрости по отношению к английским ученикам, «знатным и простым», приходившим к ним либо для религиозных штудий, либо для жизни по более строгому уставу. Некоторые из них избирали монашескую жизнь, в то время как другие предпочитали продолжать своё обучение, посещая кельи разных учителей. Ирландцы приветствовали их, проявляя чрезвычайное гостеприимство, бесплатно снабжая их книгами и наставлениями. Даже на континенте от Ноткера Заики (около 840–912) мы узнаем, что в Галлию прибыли два ирландца, сведущие в сакральной и профанной учёности, которой они

¹ Беда Достопочтенный – английский летописец, монах ордена Святого Бенедикта, живший приблизительно в 672–735 гг.

предлагали поделить столь же громогласно, как иные предлагают свои товары. Они были с честью приняты Карлом Великим, от которого они не спросили никакой платы за своё преподавание, кроме жилья, одежды и пропитания. Для одного из них Карл устроил в Галлии школу для знатных и бедных, а другой стал учителем в Павии на столь же великодушных условиях»¹. При этом важно отметить, что ирландская братия совмещала античную учёность (в частности, была хорошо знакома с греческим языком) с собственным агиографическим творчеством. Так, для ирландской духовной литературы характерен оригинальный жанр «путешествий», описывающий действительные и мнимые путешествия святых как по свету, так и в иной мир, что является отголоском дохристианской гэльской культуры, имевшей немало сказаний о героях, посещавших чертоги богов, в том числе и загробный.

Во-вторых, к VIII в. в Западной Европе сложился настоящий католический интернационал, в который могли войти любые правители или народы при том условии, что они примут христианство и признают сакральный статус Папы Римского. Немаловажно, что посредником между римским понтификом и его новыми прозелитами далеко не всегда выступал один из европейских королей. К примеру, франкские монархи нередко и не всегда безуспешно пытались покорить язычников-саксов на том основании, что для идолопоклонников будет лучше стать христианами насильственным путём, нежели остаться обречёнными на вечные муки. Саксы, разумеется, придерживались иного мнения и стойко давали отпор католическим завоевателям до тех пор, пока не обнаружили, что все короли перед Папой равны. Если германцы примут христианство как бы добровольно, то это не будет означать их капитуляции перед франками. Варварский конунг с разрешения Папы может стать христианским королём, равным тем правителям, которые в данный момент пытаются принудить его к

¹ Диллон М., Чедвик Н. К. История кельтских королевств. – Москва : Вече, 2006. – С. 235-236.

крещению силой¹. Более того, после формального крещения никакое завоевание саксонских земель станет невозможным: согласно католической доктрине христианские правители не должны воевать между собой. Именно это обстоятельство буквально толкнуло в объятия католицизма сначала язычников Центральной Германии, а затем и поляков князя Мешко I (935–992 гг.). Тем самым князь избавил себя от необходимости отстаивать свою независимость от притязаний католических германских князей, а главное – придал собственной династии Пястов королевский статус. Сам князь Мешко королём так и не стал, зато его наследник Болеслав I Храбрый не только короновался по католическому образцу, но и спорил с германскими князьями за чешские земли как равный с равными. В 1000 г. в городе Гнезно была организована архиепископская кафедра, своим авторитетом не уступавшая любой другой². Это – пример добровольного вхождения языческого племенного союза в католический интернационал, означавший сохранение политической независимости при номинальном признании папского авторитета.

Но что будет, если на территории зарождающейся католической цивилизации вторгнутся новые варвары-язычники? Во второй главе нашего исследования мы уже видели, каким испытаниям на прочность подверглись каролингская империя и феодальные княжества во время нашествий викингов и мадьяр. Какая же духовная борьба сопровождала эти вторжения?

Набеги викингов, атаковавших Западную Европу с VIII по XI вв. долгое время не носили характера завоеваний: для того, чтобы прочно завладеть тем или иным графством или герцогством, у скандинавов не хватало ни людей, ни навыков. Максимум, на что были способны дружины ярлов, – это перезимовать на одном из островов в устье Сены или Луары. Однако военная удача сопровождала викингам не всегда, и нередко их вождям приходилось вступать в переговоры с франкскими и англосаксонскими прави-

¹ Иванов С. А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – С. 176-177.

² Тымовский М., Кеневич Я., Хользер Е. История Польши. – Москва : Весь мир, 2004. – С. 40-41.

телями, а иногда даже вмешиваться в междоусобицы европейской аристократии на стороне одного из её представителей. Как мы отмечали выше, западноевропейская политика той эпохи была тесно связана с католической Церковью, и поэтому язычники не могли играть в ней роль самостоятельного фактора: правитель, заключивший на равных союз с язычниками, моментально был бы отлучён и объявлен вероотступником. Поэтому скандинавским ярлам приходилось в дипломатических целях проходить обряд крещения. Например, датский конунг Харальд Клак, гостивший у франкского короля Людовика I Благочестивого, крестился для того, чтобы закрепить достигнутое соглашение. Западные хроники, начиная с этого момента, демонстративно называют Харальда королём. Однако не следует думать, будто конунг вообще понимал смысл крещения или отличие конунга от короля. Некоторые датские ярлы, составив вождю компанию, тоже крестились, что, впрочем, не превратило их в верующих и не мешало им в будущем грабить церкви и монастыри. В частности, архиепископ Реймса писал Папе Иоанну X о викингах, якобы ставших католиками: «Они были крещены и крестились опять, и после своего крещения жили среди язычников, убивая христиан, избивая священников, принося их в жертву идолам»¹. В ответ Папа пытался сделать хорошую мину при плохой игре, написав, что скандинавам в силу их невежества можно простить рецидивы язычества, если в конечном итоге они всё-таки станут христианами. И, следует отметить, понтифик не ошибся: некоторые викинги в индивидуальном порядке оставались в Европе, служили её королям и феодальным сеньорам, а совсем немногие из них даже принимали монашество и в дальнейшем представляли христиан на переговорах со своими бывшими соотечественниками. Пусть эта тенденция касалась лишь одиночек, но именно эти люди позволили христианам познакомиться со скандинавами вне поля боя, а потом рассказывали викингам о политической культуре европейцев, не забывая подчеркнуть её недоступные язычникам достоинства. Разумеется, христиане всегда относились к

¹ Мюссе Л. Варварские нашествия на Западную Европу: волна вторая. – Санкт-Петербург : Евразия, 2006. – С. 150.

таким перебежчикам с недоверием, а сами ренегаты порой лишь ждали удобного момента для перехода на сторону соотечественников. Но иногда встречались и настоящие прозелиты, служившие христианским королям не за страх, а за совесть. Так, «Фульдские анналы» за 852 г. сообщают о викинге Харальде Нордманне, который служил королю Людовику Немецкому, став христианином и помогая оборонять северные границы королевства от набегов датчан. Впрочем, королевские вельможи не доверяли новому другу и, спустя годы его безупречной службы, сумели добиться для бывшего викинга смертного приговора по ложному обвинению¹.

В IX в. скандинавы предприняли попытки переселиться на территорию Англии. Так, датчане, ведомые ярлами Иваром Бескостным и Хальвданом Рагнарссоном, одержали ряд побед над королевскими войсками Нортумбрии и Мерсии и в 876 г. принудили возглавившего оборону Уэссекса короля Альфреда Великого признать их присутствие на острове свершившимся фактом. Выбить скандинавов с захваченных ими территорий не представлялось возможным, хотя, со своей стороны, король Альфред смог нанести северянам ряд чувствительных поражений и, тем самым, остановил их дальнейшее продвижение. Установилось равновесие между англосаксами и скандинавами, которое вскоре нарушилось по воле самих викингов: многие из них пожелали вернуться домой, где наверняка замыслились новые грабительские авантюры. Северян, пожелавших остаться в Англии, оказалось совсем немного, и им невольно пришлось налаживать с местными правителями хорошие отношения, чтобы избежать ответного удара англосаксов. Так образовалась Область датского права (Денло), жители которой стали заложниками благосклонности британских королей. Монархи Нортумбрии и Мерсии не возражали, чтобы бывшие викинги жили по привычным для них законам, но язычества терпеть не желали. В результате большинство датчан крестились в католичество и поспешили уверить местных

¹ *Annales Fuldenses sive Annales regni Francorum orientalis* / Rec. F. Kurze. – Hannover, 1891. (*Scriptores regnum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae Historicas separatim editi*). – Unveränderter Nachdruck, 1993. – P. 41-42.

жителей в своей дружбе. Причём, обе стороны диалога понимали, что у скандинавов не было выбора. Вот как описывает сложившуюся ситуацию украинский историк К. Ю. Галушко: «Поселившись в Денло и получив желанные земли, норманны, которые отныне хотели сеять хлеб, а не сражаться, вскоре обнаружили, что им проще находить общий язык с дальними родичами, христианами-англосаксами, чем с северными собратьями-язычниками. Религия во всём этом играла важную роль. В Англии, Нормандии и Киеве отказ от старых богов и признание единственным и всемогущим Богом Христа разрушал ощущение нормандской обособленности, в то время как в самой Скандинавии языческие верования питали подобное чувство. И практически везде норманнов оказывалось слишком мало, чтобы они могли удерживать занятые позиции»¹. Датчане жили среди англосаксов, но их было совсем не столько, чтобы полностью заселить выходцами из Скандинавии хотя бы небольшой город. А как только датчане хотя бы формально приняли христианство, то даже им самим стало непонятно, что же теперь отличает их от англосаксов? Тем более, что уровень бытовой культуры средневековых скандинавов мало отличался от западноевропейского. В результате Денло даже не имела политической автономии, а датчане быстро ассимилировались среди местного населения, хотя их потомки ещё несколько поколений продолжали жить по законам, отличным от правовых норм Южной Англии.

Более яркий процесс религиозной и политической интеграции варваров-викингов в католическое общество проходил на севере Франции. Область Нейстрия, принадлежавшая империи Каролингов, а потом – французским королям, сильно пострадала от набегов викингов. В частности, не менее пяти епископов были вынуждены бросать резиденцию в Кутансе и перебираться в укреплённый Руан. Однако набеги обычно ограничивались стычками скандинавских хирдов с отрядами французских рыцарей, грабежами сёл и монастырей, а затем – обязательным отступлением викингов за море. Так продолжалось, пока налётчиков не возгла-

¹ Галушко К. Ю. Всемирная история. Викинги. История завоеваний. – Харьков : Клуб Семейного Досуга, 2020. – С. 293.

вил ярл Хрольв Пешеход (согласно легенде, он был таким здоровяком, что его не могла нести ни одна лошадь). Потерпев в 911 г. поражение от короля Карла III Простоватого под Шартром, викинг неожиданно для всех решил помириться с монархом и остаться во Франции в качестве вассала последнего. Разумеется, король вовсе не был против получить поддержку храбрых и неприхотливых северных воинов, но заключить союз с язычниками и принять их в структуру католического королевства он всё-таки не мог. Поэтому ярл Хрольв принял христианство под именем Роллона и даже принёс королю торжественную вассальную клятву, хотя, согласно легенде, он плохо понимал смысл обоих действий и ритуально целовал королевский сапог, не опустившись на колени, а подняв монарха кверху ногами. Таким образом, в 918 г. скандинавский ярл превратился в герцога долины Нижней Сены, получившей в честь него и его воинов название Нормандия. Но захваченная территория вовсе не стала осколком Скандинавии на французской земле: викингов было слишком мало не только для того, чтобы выдать из этих земель франков, но даже для того, чтобы самостоятельно владеть и управлять Нормандией. Вот как описывает становление герцогства британский историк Д. Дуглас: «Так появились границы герцогской Нормандии. Соответственно её правители, обращённые в христианство и признанные императорской властью, претендовали в первую очередь на права административные и фискальные, которые ранее принадлежали графам империи Каролингов. К тому же, географические названия в Нормандии не дают оснований полагать, что какие-нибудь крупномасштабные переселения из Скандинавии радикально изменили состав крестьянского населения; было доказано, что во многих больших поместьях провинции на протяжении всего X века сохранялась непрерывность владения. Словом, кажется маловероятным, чтобы люди с севера когда-либо составляли большинство населения в провинции, которую вскоре называли Нормандией»¹. Конечно же, все скандинавские переселенцы не стали в одночасье франками и добрыми католиками. В частности,

¹ Дуглас Д. Ч. Норманны: от завоеваний к достижениям. 1050–1100 гг. – Санкт-Петербург : Евразия, 2003. – С. 46.

в 940-е гг. в Нормандии даже была сделана попытка возврата к язычеству, а дружбу с викингами, грабившими Бретань и иные территории Северной Франции, нормандские герцоги сохраняли вплоть до начала XI в. Но все потомки Роллона хорошо понимали, что их единственный шанс сохранить свои феодальные короны – это максимально быстро интегрироваться в ряды французской аристократии. Католицизм оказался тем универсальным средством, которое быстро и неоспоримо превращало ярла в герцога, а викинга – в рыцаря. Поэтому нормандские сеньоры настолько активно взаимодействовали с Церковью, что даже младших своих сыновей отдавали монахам на воспитание. В дальнейшем именно это позволяло знатым юношам занимать высшие клерикальные должности в герцогстве. В последующие десятилетия норманны ещё долго сохраняли буйный нрав своих предков-викингов, но демонстрировали его исключительно под христианскими знамёнами, отвоёвывая у мусульман Сицилию и участвуя в Крестовых походах, не уступавших масштабами морским вояжам скандинавов языческой эпохи.

Пока мы наблюдали религиозную ассимиляцию варваров в средневековом католическом обществе лишь на тех территориях, где северяне были пришельцами. Точно такими же пришельцами когда-то были готы в Римской империи, и их точно так же было слишком мало для того, чтобы полностью заселить ту или иную провинцию. Однако готы делали с римлянами всё, что считали нужным, – от грабежа до отъёма у империи любых её областей, а викинги не могли этого сделать ни с одной западноевропейской страной и даже сами стремились ассимилироваться среди туземцев. Почему? Думается, ответ лежит именно в религиозной сфере. Цивилизация европейского Средневековья была именно католической, а не какой-нибудь другой. На её ареале могли жить как равные с равными только католики, и сколько бы поражений западноевропейским графам и королям викинги не наносили, они оставались язычниками, смерть в бою с которыми приравнивалась Церковью к мученичеству. И, наоборот, крещёные скандинавы сразу же инкорпорировались в католическое общество тем же самым путём, каким некогда вошёл в него польский князь Мешко I. Но такое обращение уместно только в том случае, если

язычники оказываются в меньшинстве на христианской территории, и христиане не намерены терпеть иноверцев. Крещение скандинавских стран проходило несколько иначе, причём, этот процесс заслуживает интереса хотя бы только потому, что не сопровождался ни малейшим военным давлением со стороны католических королевств Западной Европы. Если саксов насильно и жестоко крестил император Карл Великий, а польского князя Мешко постоянно атаковали германские соседи, то до земель скандинавских конунгов не смог бы дотянуться ни один король. Ведь иначе бы эпоха викингов даже не началась.

О существовании в Дании протогосударств, управляемых конунгами, европейцам было известно ещё до того, как викинги заявили о себе. В частности, с датчанами соседствовало и поддерживало отношения Гамбург-Бременское архиепископство. Когда в 826 г. датский конунг Харальд Клак принял католичество в угоду королю Людовику Благочестивому, то с ним в Данию отправились два миссионера – святой Ансгарий, которого католики называют «апостолом скандинавов», и его товарищ Аутберт. За четыре года, проведённых ими в Дании, они активно проповедовали христианство и, согласно «Роскильской хронике», крестили множество людей¹. По возвращении в Гамбург, святой Ансгарий был хиротонисан в сан гамбург-бременского архиепископа. Однако его проповедь не могла привести к каким-либо быстрым и глубоким изменениям в духовной жизни датчан. Так, после смерти вчерашнего языческого конунга Харальда, ставшего католическим королём, его наследник, вошедший в историю как Эрик Дитя, сразу же выслал из страны всех священников. Святому Ансгарию пришлось лично ездить к нему и просить не допустить кровопролития, чтобы изгоняемые клирики смогли хотя бы покинуть Данию живыми. Следующий король, Горм Старый, опиравшийся на влиятельные языческие кланы Зеландии, отказывался даже слушать что-либо о христианстве. Зато его сын, король Харальд Синезубый (911–986 гг.) официально объявил Данию христианской страной, начал открыто строить церкви и даже по-

¹ Chronicon Roskildense // Scriptores minores historiae Danicae medii aevi / Rec. M. C. Gertz. – Kobenavn, 1970. – Vol. 1. – P. 3.

просил гамбург-бременского архиепископа Адельдага организовать в Дании епархию. Благодаря стараниям этого монарха, к концу его правления в королевстве насчитывалось сразу три епископских кафедры: в Риббе, Орхусе и Шлезвиге. Далеко не факт, что король Харальд был искренне верующим христианином, но необходимость противостоять язычникам из Зеландии и каким-то образом сохранять свой королевский титул, не превращаясь снова в конунга – носителя родовой удачи, вынудили его избрать для себя примером французских и немецких монархов.

Похожим путём шёл процесс христианизации Швеции. Официальным её крестителем считается король Олаф Шётконунг, в начале XI в. объявивший королевство католическим и пригласивший миссионеров из Англии, где когда-то крестился сам. Однако, как отмечает отечественный исследователь В. В. Рыбаков, монарх на самом деле лишь подытожил свершившийся факт: «Согласно Адаму Бременскому и вопреки всем остальным, более поздним источникам, первым шведским королём, принявшим христианство, но затем вновь «отпавшим в язычество», был Эйрик Победоносный (ум. в 990-х гг.). Сын Эйрика и второй «исторический» король Швеции Олав Шётконунг стал первым объединителем двух главных шведских областей – Свеаланда и Ёталанда (Гауталанда), а также «официальным» крестителем Швеции»¹. То есть шведскому королю было необходимо утвердить свою единоличную власть над областями, прежде управлявшимися независимыми конунгами, и при этом не делить трон с другими носителями своей родовой удачи. И христианство пришлось здесь как нельзя кстати, тем более, что Олаф Шётконунг принял крещение в Англии и, следовательно, знал, как устроена политическая модель католической цивилизации. По большому счету, ни Харальд Синезубый, ни Олаф Шётконунг по сравнению с Хлодвигом Меровингом не придумали ничего нового с той лишь разницей, что Хлодвиг утверждал свою власть в чужой стране, а скандинавские венценосцы – у себя дома.

¹ Рыбаков В. В. Хроника Адама Бременского и первые христианские миссионеры в Скандинавии. – Москва : Языки славянских культур, 2008. – С. 89.

На этом фоне совсем не кажется удивительным официальное крещение Норвегии, совершенное королём Олафом II Святым приблизительно в 1015 г. Согласно хроникам, в 1013 г. Олаф крестился в Нормандии, а через два года прибыл на родину в сопровождении католического епископа и принялся организовывать епархии, как будто отказ от язычества был уже решенным делом. Интереснее всего тот факт, что после гибели короля в битве с язычниками при Стикластадире (1030 г.) не только не привело к поражению скандинавского христианства, но даже не сбавило темпов христианизации региона. Факт этот кажется необъяснимым, если не принимать во внимание, что единая монархия существовала в Норвегии ещё с 870-х гг., когда предок святого короля, вестфольдский конунг Харальд Прекрасноволосый объединил военных и родовых вождей Норвегии под своей властью. Крестить же страну пытался ещё предшественник Олафа II Святого – король Олаф I Трюгвассон. То есть в Норвегии уже фактически оформилась феодальная монархия, единственной проблемой которой оставалась монаршая легитимность. Поэтому католицизм сыграл роль катализатора в процессе становления единых скандинавских государств, позволив конунгам изменить принципы наследования и управления, отказавшись от принципа родового владения по праву боготворимой язычниками удачи в пользу единоличной коронации христианского образца.

Однако когда мы размышляем о вхождении язычников-варваров в христианскую цивилизацию средневековой Европы, необходимо оговориться, что официальное крещение их стран никогда не совпадало с принятием христианства большинством их жителей. Если конунг провозглашал себя королём, демонстративно отстранял язычников от властных должностей и организовывал епархии, содержание которых ложилось на плечи просто-народя, то это самое просто-народе чаще всего вообще не понимало, что происходит. Язычество не могло улетучиться за один день только потому, что так сказал венценосец. Переходу от политеизма к католицизму предшествовал долгий период двоеверия, то есть осмысления новой религии в понятных язычникам терминах и категориях. И такая встреча германского язычества с католическим христианством в Скандинавии изучена достаточно

хорошо. Французский исследователь Л. Мюссе отмечает, что язычники, убедившись в сложности и глубине христианства, сначала попытались модернизировать свои верования таким образом, чтобы последние не уступали христианству. Вот как западный автор характеризует данный процесс и его результат: «Никким образом не смущённые, скандинавы сначала с недоверием отнеслись к проповедникам, а затем перешли к глубокой переработке христианских догматов. Язычество сразу же постаралось принять антихристианскую форму, приспособив молот Тора в качестве своего символа в противовес кресту, а языческую инициацию в качестве антитезы крещению. Повествование книги Бытия породило соответствующие спекуляции, впоследствии собранные в *Эдде* (курсив автора). Из литературы, как и из похоронных обрядов, явствует, что усилилось почитание великих божеств. Руническая письменность, оказавшаяся полузабытой в VIII в., в IX в. обрела новую силу. Затем, в течение XI в., произошло великое потрясение – обращение в христианство»¹. То есть скандинавское язычество вступило во взаимодействие с христианской проповедью и, наметив конфронтацию, начало стремительно модернизировать свои основные положения, чтобы выйти из этого противостояния победителем. Можно сказать, что противниками королей-крестителей были не традиционалисты, вдохновлявшиеся поэзией скальдов, а яростные приверженцы архаизма – поборники давно минувших порядков, которые они собирались не сохранять, а возрождать. В таком неоязычестве тесно переплелись рефлексия о настоящем, в котором старинный родоплеменный быт уступал место монархии католического типа, и романтизация прошлого, а также оригинальное понимание христианских идей. В частности, одним из памятников скандинавской поэзии поздней языческой эпохи является «Вёлуспа» («Прорицание вёльвы»), из которой современные исследователи черпают сведения о скандинавских эсхатологических представлениях. Подробно изучивший данное произведение датский учёный В. Грёнбек даёт ему следующую характеристику: «Это видение поэта ближе к эсхато-

¹ Мюссе Л. Варварские нашествия на Западную Европу: волна вторая. – Санкт-Петербург : Евразия, 2006. – С. 223.

логической истории христианства, чем к космогонии древних германцев; нет сомнений, что на него произвели огромное впечатление апокалиптические предсказания Церкви. (...) Автор поэмы не был христианином, его идеи и образы, в которых нашли выражение его надежды и страхи, не несут следов христианства. Его скорбь не была рождена христианским страхом греха и возмездия, но в своей тевтонской озабоченности при виде того, что почтение к родству подрывается честолюбием и неумейной жаждой власти, он отправляется в сокровищницу древней религии. Здесь он и находит сюжет для своей поэмы, а идеалы, которые оживляют её образы и оформляют их в драму гибели и воскресения, уходят корнями в веру отцов. (...) Несомненно, поэт был знаком с христианской эсхатологией, он черпал вдохновение из апокалиптических сцен Писания, чтобы воплотить собственные мысли и интерпретировать опыт своей эпохи, эпохи викингов»¹. То есть если бы не христианское влияние, то такое произведения языческой литературы как «Вёлуспа» не было бы написано. И при этом христианство победило, хоть и далеко не вскоре после первой встречи с языческим миром северных германцев.

Думается, причина победы христианства заключается в том, что, как мы отмечали выше, языческие верования эффективно функционируют только в том случае, если соответствуют социально-политическому состоянию исповедующего их общества. Как только общество претерпевает глубокие изменения, то языческий пантеон не может гармонично и своевременно модифицироваться, отзываясь на эту метаморфозу. Некоторые представители языческой культуры пытались инспирировать такую трансформацию, но она всегда выглядела искусственной мерой, делом рук одного конкретного человека. «Вёлуспа» является ярким тому примером. Её автор мог сколько угодно ужасаться гибели привычного ему мира и надеяться на возможное воскресение людей и богов, но правда состояла в том, что век родовых общин и не признающих никаких авторитетов дружинников завершился вместе с формированием скандинавских монархий, то есть задол-

¹ Грёнбек В. Эпоха викингов. Мир богов и мир людей в мифах северных германцев. – Москва : Центрполиграф, 2019. – С. 568-569.

го до написания «Вёлуспы». И в новом мире королей, сеньоров и вассалов Церковь с её административным ресурсом и удобной латинской письменностью была гораздо более органичной частью, чем культы Одина и Тора.

Теперь оценим успехи католического прозелитизма в среде кочевых варваров, замечательный пример которого показывает христианизация мадьяр. Как мы уже знаем из второй главы, эти номады появились в долине Дуная в середине VIII в. и обосновались на территории бывшей римской провинции Паннония, том самом регионе, где некогда находилась ставка Аттилы. Подобно любым другим кочевым социумам, венгерское общество состояло из родов и кланов, дополнявшихся небольшими дружинами, существовавшими на базе этих кланов. И, подобно любым другим степнякам, мадьяры сразу же стали совершать набеги на своих оседлых соседей, но с одной очень важной оговоркой: равнина Паннонии очень плодородна, и это побудило многих вчерашних скотоводов заняться земледелием (в частности, виноградарством). Поэтому венгерский князь (его титул звучал как *надьфейе-делем*) и выборный военный предводитель (его титул звучал как *хорка*) возглавляли в своих грабительских походах не народ-войско, а лишь воинскую элиту племенного союза. Также авторитетом пользовался *дьюла* – аналог восточного визиря или западного канцлера, который обычно состоял при особе правителя и одновременно возглавлял один из влиятельных родов. Вот как описывает устройство языческого мадьярского общества венгерский историк Л. Контлер: «Хотя князь владел самой большой земельной собственностью, каждый племенной вождь (*ur*) на территории своего племени (*ursag*; ср. современное венгерское слово *ország* – страна) обладал неограниченной властью местного царька. Дьюла, по значимости уступающий только верховному князю, стал независимым правителем Трансильвании, а хорка – властителем западной части Задунавья. Племенному вождю подчинялись главы кланов (*fo*) и богачи (*boseg*), составлявшие слой военной аристократии и командовавшие во время походов рядовыми войнами, которых несколько позднее станут называть *иобагионами*. Все эти группы по численности составляли около одной

пятой части венгров, заселивших земли Карпатского бассейна»¹. Однако процесс седентаризации протекал медленно, так как на протяжении всей первой половины X в. хорка и сопровождавшие его войны совершали удачные набеги на запад вплоть до Орлеана и на Восток до самой Фракии. И если Восточная Римская империя дала налётчикам решительный отпор, то католические короли долго не могли организовать серьёзное сопротивление кочевникам. В такой обстановке многие войны и старейшины, слывшие традиционалистами, предпочитали ходить за добычей в набеги, как это делали их предки в степи между Доном и Днепром, а не осваивать земледелие и оседлый образ жизни. В такой обстановке христианство интересовало их не больше, чем какая-нибудь другая религия, а церкви и монастыри казались лишь подходящими для грабежа объектами. У привыкшего к земледелию мадьярского простонародья тоже не было причин интересоваться верованиями иноземцев.

Ситуация изменилась в тот момент, когда западные правители наконец-то смогли собраться с силами и нанести грабителям ответный удар. Так, в 950 г. германские рыцари ворвались в долину Дуная и нанесли мадьярам чувствительный урон, спалив дотла несколько их селений и освободив захваченных при набегах пленников. И тогда же выяснилось, что с христианами не так-то просто помириться, если правитель кочевников исповедует язычество. Католики выступили против номадов единым фронтом, хоть для того, чтобы объединить усилия, им и понадобилось почти 50 лет, но теперь, когда вражеский князь стал готов просить мира, никто не собирался его щадить. После нескольких десятилетий набегов поход на венгров превратился в священную войну для католических королей, и даже Папа не смог бы защитить мадьяр, так как они не входили в его паству. По мнению Папы, в мире Христа могли жить и властвовать короли и герцоги, но правителю с титулом надъфейдедем и вассалу, именуемому хорка, места не находилось.

¹ Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. – Москва : Весь мир, 2002. – С. 53.

Далее события развивались стремительно. Хорка по имени Булксу ещё в 948 г. посещал с посольством Константинополь, где ему чётко дали понять, что с язычниками император не желает иметь ничего общего. Мадыарский вождь был вынужден принять православие, хотя, как мы увидим чуть ниже, это был один из тех декоративных жестов, которые часто совершали викинги при дворах западноевропейских монархов. В 950 г. войско германского короля Оттона I вторглось в венгерские кочевья и опустошило их. Перед мадыарским правителем надьфейеделем Файсом из рода Арпадов встал непростой выбор: отступить в степь его народ больше не мог, так как слишком многие венгры успели перейти к оседлому образу жизни, католики не желали заключать мир, а византийцы дали понять, что проблемы языческих соседей их мало волнуют. Поэтому князь Файс принялся строить крепость западного типа, надеясь пересидеть следующее германское вторжение за её стенами, то есть фактически расписался в отказе от кочевого образа жизни. В 955 г. хорка Булксу и его соратник Лель, имевшие репутацию поборников степных традиций и противников седентаризации, совершили грандиозный набег в Германию, завершившийся катастрофическим поражением в битве на реке Лех. Булксу, Лель и множество кочевых аристократов погибли в этом сражении; можно сказать, что все те мадыарские воины и старейшины, которые желали жить по-прежнему, навсегда остались на берегу Лека. И даже простолюдинам стало ясно, что эпоха грабительских набегов и богатой добычи подошла к концу. В том же году новый надьфейеделем, Такшонь, вступил в переговоры с Папой, соглашаясь принять католицизм, но при условии, чтобы венгерский епископ подчинялся напрямую римской курии, минуя германского короля, что, конечно же, не устраивало Оттона I, бывшего с Папой в прекрасных отношениях. В 972 г. Восточная Римская империя завоевала Болгарию и заключила союз с германским монархом против кочевников. Таким образом, времени на осознание ситуации у венгерских князей уже не оставалось. Им следовало срочно выбрать между православием и католицизмом, и, наученные опытом германцев и поляков, они выбрали западное христианство. Ведь пример болгар, ставших православными, а затем попавших в подданство к византийскому

императору, был очень наглядным и не менее отталкивающим. Поэтому в 973 г. надъфейдедем Геза крестился в католицизм и даже отправил делегатов на ассамблею в Кведлинбург, где Оттон I, ставший императором Священной Римской империи, знакомился со своими вассалами. Разумеется, такой шаг правителя понравился в Венгрии не всем, но большинство язычников – вождей и простых воинов – погибли при Лехе и уже не могли оспаривать решения князя. Геза потому только и мог предпринимать решительные шаги, что его сторонники оказались единственной военной силой в государстве.

В 1000 г. сын Гезы Вайк крестился под именем Иштвана и короновался в Эстергоме как король Стефан I. Для современников было особенно важно, что его короновал легат Папы, тем самым, легитимировав превращение языческого надъфейдедема в католического короля. Между тем, коронация сына прежнего правителя вместо перехода короны к следующему по старшинству члену правящего рода вызвала у многих родовых старейшин непонимание. Дядька монарха, брат покойного Гезы по имени Копань, которому согласно родовому праву теперь принадлежал трон, объявил о непризнании коронации, за что и был племянником убит. Король Стефан тут же принялся действовать по принципу «куй железо, пока горячо»: по его просьбе в страну прибыли бенедиктинские монахи, принявшиеся обучать венгров прогрессивным на тот момент формам земледелия, и преподававшие мадьярам латынь. В Секешфехеваре был построен собор, ставший местом коронации венгерских монархов. Главой венгерской Церкви стал архиепископ Эстергомский, которому подчинялись 8 епископств и архиепископство в Калоче. А главное – венгерский архиепископ подчинялся именно Папе Римскому, и поэтому германский император и его вассалы никак не смогли бы вмешаться во внутренние дела королевства.

Тогда же была введена церковная десятина, которую обязали выплачивать прежде свободных общинников-земледельцев. С точки зрения монарха, в этом шаге всё было понятно: Церковь кто-то должен содержать, но привыкшие к родовым отношениям крестьяне сочли, что их обижают. Правда, мнение соотечественников мало интересовало Стефана I: в своём стремлении сделать

Венгрию королевством западноевропейского типа он дошёл до того, что выдал свою сестру замуж за венецианского дожа. Поэтому в 1038 г., после смерти короля, в страну прибыл его итальянский племянник – Петер Орсеоло, которому Стефан завещал корону вопреки степным принципам престолонаследия. Это был западный рыцарь, привыкший к типу отношений «сеньор – вассал» и не понимавший, что мадьярское общество стало похожим на европейское совсем недавно, что здесь ещё живы те, кто помнит родовые общины и кланы, которые никому ничего не должны. Л. Контлер так описывает общую атмосферу в венгерском обществе вскоре после его христианизации: «Даже те подданные, которые выиграли от проведённых преобразований, не чувствовали удовлетворения: бедные считали, что слишком тяжелы поборы, а богатые – что их чересчур ограничивают и стесняют. О тех же, кто остался у разбитого корыта, как, например, обедневшие главы родов и кланов или же свободные общинники, оказавшиеся в крепостной зависимости, и говорить не приходится»¹. Поэтому не следует удивляться, что уже в 1046 г. в стране началась языческая реакция: в Будапеште вспыхнуло восстание, в ходе которого епископ города святой Геллерт был схвачен и убит толпой, а городские церкви – разграблены. Петер Орсеоло попытался бежать, но в стычке с бунтарями получил тяжелое ранение, от которого вскоре скончался. Однако Венгрия не стала снова языческой, ведь у христианизации оказались влиятельные бенефициары: трансформация Венгрии в королевство западноевропейского типа установило в ней феодальную систему общества трёх сословий. Вчерашние воины-иобагионы, жившие лишь за счёт грабительских набегов, теперь стали сеньорами, независимо от военного или мирного времени жившими за счёт крепостного права. Их более чем устраивала католическая монархия, позволявшая аристократам обособиться от родовых общин. В результате, расправившись с королём-иноземцем и наиболее одиозными представителями высшего клира, лидеры восстания пригласили на престол Андраша, племянника покойного короля Стефана, ко-

¹ Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. – Москва : Весь мир, 2002. – С. 72.

торый, получив корону, сохранил в стране католицизм и завершил седентаризацию венгров.

Кратко рассмотрев христианизацию Венгрии, то есть приобщения степных варваров к католической цивилизации, мы можем выделить два оригинальных фактора, которых не встречали в процессе христианизации скандинавов. Во-первых, для мадьяр христианизация совпала с седентаризацией, то есть, будучи кочевниками, мадьяры не интересовались христианством до тех пор, пока не начали переходить к оседлому образу жизни. Казалось бы, далеко не все оседлые, земледельческие народы исповедуют христианство, почему же оно понадобилось венграм? Дело во втором факторе, которой заключается в том ответном военном давлении, которое оказали на государство мадьяр вчерашние жертвы его набегов. Можно предположить, что если бы князь Геза не объявил о своём переходе в католицизм, то Венгрия была бы разделена между Византийской и Священной Римской империями, так как оба государства пострадали от набегов кочевой знати и не собирались давать опасному соседу второй шанс. И именно седентаризация не позволила мадьярам поступить так, как прежде поступали любые другие номады, встретившие со стороны оседлых народов ответную агрессию: из-за перехода к земледелию венгры не могли отступить в степь или, по крайней мере, большая их часть не могла этого сделать. Князь Геза выбирал между двумя неприятными альтернативами: бросить подданных или бросить язычество, превратиться из надъфейдедема в предателя или в короля западного типа. Он выбрал второе и не прогадал. Впрочем, венгры сохраняли духовное родство с миром евразийской степи до самого XIII в., давая приют выбиваемым из степного пространства племенам и поддерживая родственные отношения с половецкими ханами.

Зададимся вопросом: почему ни викинги, ни мадьяры даже в моменты своих самых больших военных успехов не смогли трансформировать католическую цивилизацию согласно своим запросам? Ведь если скандинавы смогли захватить Денло и Нормандию, то почему они не смогли заставить местное население жить по их понятиям, а были вынуждены сами стремительно ассимилироваться? Дело здесь не в численности и даже не в воен-

ном факторе: ведь необязательно же проводить ассимиляцию местного населения насильственным путём. Если образ воина-ярла был притягательным, то почему бы тому или иному англосаксонскому эрлу или франкскому рыцарю не подражать ему? После того, как скандинавы пришли и вознамерились остаться в Западной Европе, противостояние мечей должно было превратиться в противостояние культур или волей. Так и получилось, причём, скандинавы его проиграли очень быстро и искренне, вскоре повторив это у себя на родине. Вероятно, причина такого быстрого и триумфального шествия католицизма сначала в языческие анклавы на территории Западной Европы, а затем и в Скандинавию заключается, с одной стороны, в категоричности католиков (язычник не может стать для них своим), а, с другой стороны, в более прогрессивной модели католического королевства по сравнению с протогосударственными союзами племён и кланов. При этом, принимая католицизм у себя дома, скандинавы сохраняли политическую независимость от европейских королей, что не могло им не импонировать: ведь быть на равных принятым в католический интернационал – не то же самое что быть поставленным в зависимое положение.

Говоря о мадьярах, мы вынуждены отметить, что военная победа западноевропейских католиков над ними сыграла не последнюю роль в переходе венгров в католицизм. Давайте зададим крамольный для историка вопрос: а что было бы, если бы в военном противостоянии евразийских кочевников и христиан победили кочевники? Стали бы кочевники отказываться от своих верований в пользу цивилизованной религии, или, наоборот, постарались бы насадить степную религиозность среди своих новых подданных? Ответ на данный вопрос нам предоставят победоносные вторжения кочевников на территории Багдадского халифата и императорского Китая.

Тюрки, освоившие земли и богатства Арабского халифата, несколько отличаются от тех, с которыми сражались полководцы династии Тан. Речь идёт о сельджуках – это арабское название огузов, прибывших из китайского приграничья в Среднюю Азию и после ряда конфликтов научившихся сосуществовать с эмирами из династии Караханидов. Несмотря на знакомство с исламской

культурой, они сохраняли многие кочевые традиции и были по отношению к таджикам междуречья Амударьи и Сырдарьи и арабской аристократии Ферганы скорее варварами, чем одним из сегментов распадающегося мусульманского общества. Вот как характеризует пришельцев западный исследователь Т. Райс: «Сельджуки вошли в Трансоксиану вместе с несколькими другими племенами огузов в 689 году нашей эры, а к 712 году уже взяли под контроль запад Средней Азии и добрались до Самарканда. Несмотря на то что затем некоторые из них стали вести полукочевой образ жизни, все они продолжали жить в шатрах. Сельджуки взяли себе за правило летом собираться в Самарканде и его окрестностях, а на зиму перебираться в Бухару»¹. Однако не следует воспринимать их как очередную степную орду, пришедшую и в одночасье сокрушившую халифат, номинально владевший Средней Азией. Дело в том, что халифат Аббасидов в тот момент находился не в лучшем своём состоянии: правители областей один за другим отказывались признавать политическую власть халифа, но не имели возможности легализовать свою автономию. В раннем халифате легитимный правитель должен был совмещать духовную и светскую власть, а двух законных халифов одновременно быть не может. Поэтому мятежные губернаторы объявляли себя эмирами, то есть полководцами на службе халифа, в реальности нередко угрожая своему суверену расправой и превращая некоторых халифов в марионеток. Багдад, формальная столица исламского мира, был космополитическим городом, в котором персидское влияние не уступало арабскому, и халиф, де-юре возглавляя всех правоверных независимо от их национальности, по факту не мог опереться ни на одну из этнических, племенных или территориальных общностей своего обширного государства. Кроме сепаратистов-феодалов, халифату угрожали исмаилиты – последователи радикального шиитского течения, уже не раз поднимавшие восстания против суннитского владыки и сумевшие создать собственные автономные анклавы прямо на территории Персии, а также отобравшие у халифата Египет. Еди-

¹ Райс Т. Т. Сельджуки. Кочевники – завоеватели Малой Азии. – Москва : Центрполиграф, 2004. – С. 18.

ное прежде государство расплзлось на враждующие между собой эмираты буквально на глазах.

Среднеазиатские эмиры, Караханиды, не могли выгнать тюрок-сельджуков из своих владений собственными силами, а багдадский самодержец уже не имел такой реальной власти, чтобы собрать войско, используя контингенты всех провинций халифата. И в такой обстановке халиф Аль-Мутасим Биллах решил найти себе новых союзников, которые могли бы превратить его власть из номинальной в реальную. Если при его предшественниках тюрки были торговыми партнёрами халифата и иногда работали в среднеазиатских таможнях, то Аль-Мутасим пригласил их вождей в столицу, включил в Тайный совет и даже сформировал гвардейский корпус гулямов, состоящий только из тюркских наёмников¹.

Этот шаг оказался для багдадской короны самоубийственным: халиф стал заложником наёмников-варваров, которые вымогали у него деньги и меняли самодержцев на престоле с не меньшей частотой, чем это делали германские телохранители римского императора в последние годы существования Западной Римской империи. О реальном положении халифа жители Багдада сочиняли такие эпиграммы:

*Сидит халиф наш в клетке,
Приставлены гвардейцы с каждой стороны,
Твердит, как попугай, лишь то,
Что тюрок ему велит*².

В 945 г. гулямы не успели принять меры, когда персидский эмир из династии Буидов захватил халифа и настоял на передаче под свой контроль Месопотамии. Таким образом, багдадский халиф даже в своём дворце больше ничем и никем не управлял, оставаясь лишь духовным лидером мусульман, так называемым имамом. Это выглядело вдвойне нелепо, потому что персы испо-

¹ Джилман А. Сарацины: от древнейших времён до падения Багдада. – Москва : Вече, 2007. – С. 298.

² Шредер Э. Народ Мухаммеда. – Москва : Центрполиграф, 2008. – С. 329.

ведуют шиитский ислам и формально не признавали и не признают халифат, а халиф — глава мусульман-суннитов. Получилось, что наставник и повелитель суннитского мира живёт на территории шиитов и лишь благодаря милости последних.

Этот экскурс потребовался нам для того, чтобы показать: у тюркских пришельцев было время осмотреться на новой родине и принять решение, на чьей же они стороне. В такой упадочной обстановке их правители могли без проблем двинуть орду на Багдад и, может быть, даже захватить этот город, но вряд ли корона, отобранная у безвластного халифа, могла бы что-нибудь реально дать вождю степняков. Как мы помним, в похожей ситуации оказался германский конунг Одоакр, в 476 г. захвативший в Равенне последнего западно-римского императора. Германец не пытался сделать императором себя и предпочёл упразднить империю, которая на тот момент существовала лишь формально. То же самое могли бы поступить и сельджуки в Багдаде. Однако служба в придворной гвардии и долгое знакомство с Караханидами позволили тюркам сделать правильный вывод: халиф номинально правит мусульманами, а реальную власть над последними получит тот, кто сможет использовать халифа в качестве декорации при своём правлении. Но, чтобы править от имени халифа, было необходимо обратиться в суннитский ислам.

В 1055 г. вождь сельджуков Тогрул-бек встретился с халифом Абу Джафаром аль-Каимом и обещал ему своё покровительство в обмен на признание тюркской власти над всеми территориями, которыми кочевники уже владеют де факто. К этому моменту степняки уверенно теснили персидских эмиров и навязали свой протекторат ферганским Караханидам. Поэтому халиф был счастлив оказаться под защитой новых властителей Ближнего Востока. Но как это сделать юридически? Ведь если халиф, формально являясь духовным и политическим повелителем мусульман, признает над собой чью-либо власть, то, значит, перестанет быть халифом. А если халиф и бек поладят неформально, то между Тогрулом и очередным Буидом не будет никакой разницы: не имея возможности легализовать своё положение, всесильные эмиры предпочитали держать халифа в зависимости от себя, чтобы он даже не пытался вернуть себе реальную власть. Однако ха-

лиф и бек смогли решить эту дилемму новаторским способом: именно тогда был учреждён титул «султан», знакомый всем любителям восточных сказок. Отечественный востоковед В. В. Бартольд так характеризует эту легитимацию светской власти: «Халиф, прежде соединявший в своих руках власть имама и султана, остался, по крайней мере, имамом; сохранялась даже фикция, что от него исходит всякая верховная власть в исламе, что все султаны обязаны получать от него инвеституру»¹. Султан, в отличие от эмира, является практически самовластным монархом, выполняющим за халифа политическое руководство правоверными, защищая ислам вооруженной рукой; в лице султана халиф обрёл не конкурента, а сильного союзника, которому нечего делить с имамом: сферы их деятельности чётко разграничены, и граница эта никоим образом не может быть пересмотрена. Более того, в руках халифа снова оказалась светская власть над Багдадом и окрестностями, потому что от такой уступки огромная держава сельджуков ничуть не оскудела, и новоявленный султан был рад сделать союзнику небольшой подарок.

Но ведь для того, чтобы быть политическим лидером мусульман и защищать халифат от внешних и внутренних врагов, необходимо самому быть мусульманином. Тогрул-бек это понимал, а его наследник султан Алп Арслан энергично принялся за исламизацию своих подданных, настаивая даже на том, чтобы тюрки перенимали образ жизни оседлых персов. В принципе, успехи его не превышали тех, которых добился очарованный античностью остготский король Теодорих, но с одним важным исключением: султан назначил визирем (премьер-министром) персидского политика и писателя Низама аль-Мулька и поручил ему принять меры для поддержания исламской культуры, не дифференцируя её на религиозную и светскую. Будучи выпускником школы в Бухаре, известного в ту эпоху центра мусульманской учёности, визирь с жаром принялся за дело. В частности, он покровительствовал знакомым ему со студенческих лет философам и писате-

¹ Бартольд В. В. Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве / В. В. Бартольд. Работы по истории ислама и Арабского халифата. – Москва : Восточная литература, 2002. – С. 309.

лям, среди которых встречаются такие уважаемые даже в наши дни деятели как Омар Хайям Нишапури, Хаким Абулькасим Фирдоуси и Юсуф Баласагуни. Вряд ли хоть один из них может считаться религиозным мыслителем: Хайям – сторонник эпикурейской этики, Фирдоуси – популяризатор доисламского персидского наследия, а Баласагуни в своей поэме «Благодатное знание» романтизировал образ бека кочевой эпохи. Сам Низам аль-Мульк, помимо управления государством, пробовал свои силы в политической философии. Памятником его творчества можно считать «Сиасет-наме» («Книга о правлении»), отчасти похожую на более позднее сочинение Н. Макиавелли «Государь». При этом визирь, в отличие от римских министров короля Теодориха, проводил сбалансированную политику по возрождению системы образования, процветавшей в лучшие годы халифата Аббасидов. Вот как характеризует проведённую им реформу образования Т. Т. Райс: «Интересы Низама аль-Мулька выходили далеко за пределы дворца его суверена: он хотел повысить уровень образованности народа всей империи, для чего старался всячески убедить людей, обладавших необходимыми знаниями, начать преподавать юриспруденцию и теологию. Он призывал их к этому во многих публичных выступлениях, пытался привлечь их, повысив жалование учителям, открывая для них библиотеки и осыпая их наградами. В итоге ему удалось убедить самых выдающихся людей того времени посвятить себя профессии учителя. Затем, желая сделать изучение наук более доступным, он начал реорганизовывать образовательные учреждения: многие религиозные семинарии, бывшие до того момента единственными учебными заведениями в империи, он преобразовал в государственные школы, в которых стали изучать широкий круг предметов. (...) Наконец, он построил в Багдаде университет. В его честь он был назван Низамийя. Визирь смог уговорить ведущих учёных исламского мира, в том числе прекрасно образованного и благочестивого Абу Хамида Мухаммеда аль-Газали, преподавать в этом университете»¹.

¹ Райс Т. Т. Сельджуки. Кочевники – завоеватели Малой. – Москва : Центрполиграф, 2004. – С. 126-127.

Все эти шаги по исламизации тюрок и приобщению их к цивилизации не дали прочных политических результатов. Так, тюркские аристократы не считали персидских сановников равной себе, а в рядах приближенных и родственников султана наметился раскол по критерию взглядов на дальнейшую политику. Так, вскоре династия распалась на две ветви: сельджуки Персии и сельджуки Рума, то есть одна ветвь правила малоазиатскими владениями тюрок, а другая – персидскими. Причём, обе ветви настолько прониклись идеалами ислама, что попытались реально защищать мусульман от иноверцев. Так, сельджуки Рума, на протяжении XI в. торжествовавшие над Восточной Римской империей и отбиравшие её азиатские владения одно за другим, первыми приняли удар крестоносцев и храбро, хоть и безуспешно пытались закрыть им путь к Иерусалиму. Сельджуки Персии так же смело и так же безуспешно пытались защитить мусульманское население Средней Азии от нашествия кочевников-каракитаев. В 1153 г. персидский султан Санджар даже попал к степнякам в плен и воспринимался ими не как один из степных беков, а именно в качестве правителя цивилизованного государства. И сельджуки Персии, и сельджуки Рума не лукавили: они действительно стали ревностными мусульманами, хоть это решение и поставило перед ними непосильные исторические задачи.

Любопытно, но переход в ислам не только сделал степных завоевателей защитниками цивилизации, пребывавшей на момент их прихода в глубоком кризисе, но также приобщил тюрок к мусульманской образованности. Оказалось, что в рамках религиозного прозелитизма цивилизация вполне может применить к варварам и такой свой инструмент как образование. Пусть это был побочный, незапланированный эффект от межкультурного взаимодействия варваров-тюрок и цивилизованных арабов, однако он сыграл роль приятного сюрприза. Тогрул-бек обещал защищать халифа для того, чтобы получить легальную санкцию для своей политической власти, Алп Арслан настаивал на исламизации своих тюркских подданных потому, что ему было необходимо наполнить титул султана реальным содержанием, но побочным результатом усилий варварских вождей стала замечательная (а главное – успешная) реформа образования, осуществлённая Ни-

задом аль-Мульком. Получилось, что, приобщаясь к религии побеждённой цивилизации, варвары заодно обрели доступ к её светским знаниям и воспользовались открывшейся возможностью.

Обратим внимание на тот факт, что в случае с исламизацией тюрков речь идёт именно о варварах-победителях, которые гипотетически могли презирать религию побеждённых. Победить Буидов и запугать халифа они могли бы и не будучи мусульманами. Может быть, сельджуки Тогрул-бека – приятное исключение из правил? Обратимся к опыту межкультурных взаимодействий в религиозной сфере, который предоставляет нам проникновение монголов Чингисхана в ареал китайской цивилизации.

Как мы отмечали выше, для кочевников религиозная санкция власти над побеждёнными соседями содержится в тенгрианстве, согласно доктрине которого небесное божество Тенгри своим благословением наделяет ту или иную ханскую династию правом на власть и удачей, позволяющей эту самую власть захватить и мудро ей распоряжаться. Поэтому во время своих вторжений на территорию императорского Китая степняки не пытались знакомиться с местными религиозными верованиями. Зачем это делать, если завоевателям и так было понятно, что китайцы беззащитны перед ними? Также не будем забывать, что китайская религиозная традиция никогда не была монолитной. Три религиозно-философских концепции (буддизм, даосизм и конфуцианство) существовали параллельно и дополняли друг друга, находясь под покровительством короны, а помимо них в Китае испокон веку существовали многочисленные народные верования и диссидентские религиозные учения, на которые правительство смотрело сквозь пальцы. Кочевники со своим шаманизмом и тенгрианством вряд ли могли удивить китайцев и, в свою очередь, сами не считали, что попали в мир чужой религии. Однако буддизм с его этикой ненасилия и организованным клиром всегда вызывал у кочевников стойкую неприязнь. Так, в 438 г. тюрки-тоба, завоевавшие Северный Китай, потребовали от буддийских монахов воз-

врата к мирской жизни, а в 446 г. даже начали их преследования¹. Небезызвестный Тоньюкук, всесильный советник тюркских каганов в конце VII в. наставлял правителей: «Что же касается Будды и Лао-цзы, они учат людей доброте и унижениям; это не та наука, что нужна воинами»². Не стали исключением и монголы, атаковавшие империю Цзинь в начале XIII в. Сперва Чингисхан и его сыновья вообще не понимали, для чего существуют города и как устроена жизнь цивилизованного общества, предпочитая устраивать перманентные грабежи и расправы над мирным населением. Лишь позже советник Чингисхана, образованный кидань Елюй Чу-цай сумел убедить хана в том, что собирать с оседлого населения налоги гораздо выгоднее, чем одновременно отбирать всё имущество и жизнь. Степные правители вняли этому совету, но продолжали смотреть на Китай как одно из своих многочисленных владений, над которым нужно властвовать, а не интегрироваться в него.

Отечественный исследователь А. Г. Юрченко отмечает, что для монгольской степной империи важнее всего была политическая лояльность подданных, а не их религиозные убеждения: «С позиции монгольской аристократии любая фигура, претендующая на независимость, будь то монгольский царевич или местный династ, угрожала имперскому порядку. Очевидно, что в такой системе власти религиозные предпочтения того или иного правителя (ильхана, грузинского царя, атабека Фарса и т.д.) вторичны, а первична лояльность политическому центру. Собственно, этим и объясняется толерантность внутренней политики монгольских ханов, предоставивших равные возможности разным религиозным общинам. В Монгольской империи повестка дня определялась не стремлением к религиозному однообразию, а политической лояльностью социальных и религиозных сегментов в лице их лидеров тому или иному Чингизиду, которому, в свою очередь, кочевая аристократия делегировала власть»³. Монгольскому

¹ Груссе Р. Степные кочевники, покорившие мир. Под властью Аттилы, Чингисхана, Тамерлана. – Москва : Центрполиграф, 2020. – С. 84.

² Там же. С. 125-126.

³ Юрченко А. Г. Элита монгольской империи: время праздников, время казней. – Санкт-Петербург : Евразия, 2012. – С. 242.

хану было безразлично, какую религию исповедуют его подданные, лишь бы они оставались послушны и платежеспособны. Степная корона была одинаково лояльна к мусульманам Средней Азии, буддистам Китая, христианами Закавказья и шаманистам родной Монголии, если представители этих общностей изъявляли покорность воле правителя. Однако такая система властных отношений была эффективна лишь до тех пор, пока завоевания продолжались (и не иссякала необходимость в «пятой колонне» из религиозных меньшинств в стане противника), и пока верховный хан обладал реальной властью над всеми улусами своей Орды. Как только связи центра и периферии начали ослабевать, а это случилось уже в правление внуков Чингисхана, Чингисиды стали осознавать себя не чиновниками, назначенными из единого центра, а правителями отдельных областей, с населением которых у них было или должно было появиться больше общего, чем с монголами из других регионов. В тех местах, где столичные города возникли в степи по воле ханов и в силу их завоеваний (Поволжье, Южная Монголия), религиозная обстановка была довольно пёстрой, и в силу молодости таких городов иной быть попросту не могла. К примеру, в Сарае-Бату (Поволжье) христианскую паству окормлял православный епископ, но почти с каждой церковью соседствовала мечеть. В Каракоруме же (Монголия) нередко бывали посланцы Папы Римского и даже в XIV в. существовала католическая епархия, хотя в этих землях процветали также шаманизм и несторианское христианство, никак католицизму не мешая. Иной оказалась ситуация в тех странах, где кочевые завоеватели обнаружили автохтонную городскую цивилизацию, частью жизни которой была развитая религия. Значительно уступая побеждённому, но по-прежнему недоброжелательному оседлому населению в численности, монголы были вынуждены вступать с местными жителями в культурный диалог и демонстрировать не только веротерпимость, но и свою лояльность к господствующей в данной местности религии. О том, каким непростым образом складывались отношения монголов с исламом, мы поговорим в следующем параграфе, а пока сделаем беглый экскурс в диалог степных варваров с китайским буддизмом.

Как уже отмечалось выше, в императорском Китае буддизм не являлся единственной официальной религией, однако его клир и паства была очень многочисленными. Так, отечественный исследователь Д. Д. Трегубова называет такие цифры на 1221 г.: 40000 буддийских монастырей, 400000 монахов и 61000 монахинь¹. Если Чингисхана и его сыновей это мало интересовало, коль уж буддийские монахи не собирались противостоять кочевникам вооруженной рукой, то в правление внука Чингисхана, Хубилая (1215–1294 гг.), буддизм привлёк внимание хана. Дело в том, что, оставаясь формально верховным правителем монголов и руководя всеми ханами от Чёрного моря до Маньчжурии, Хубилай по факту сидел лишь на троне китайских императоров и его власть оставалось непререкаемой только в Китае. Даже в Монголии новому хану пришлось утверждать свой авторитет силой. Так, заняв престол степной империи, Хубилай был вынужден до 1264 г. сражаться со своим братом Ариг-бугой, вокруг которого группировались номады-традиционалисты. Дошло до того, что верховный хан был вынужден перенести свою столицу из монгольского Каракорума в Пекин и, тем самым, оказаться в самом сердце оседлой, высокоразвитой цивилизации. К его услугам были китайские чиновники и врачи, его порядок на местах поддерживали китайские же полицейские, а двор хана и его монгольских родственников содержали миллионные массы китайского крестьянства. Но, с другой стороны, в случае восстания китайских патриотов Хубилай мог теперь положиться только на своих гвардейцев, а вовсе не созданных со всей евразийской степи воинов-кочевников. Поэтому хан был вынужден засвидетельствовать китайцам своё уважение и желание сотрудничать, а не повелевать в одностороннем порядке. И буддизм оказался очень подходящим собеседником в намечающемся культурном диалоге.

Из всех вариантов буддизма Хубилаю больше всего импонировал ламаизм, так как тибетский буддизм, в отличие от китайского дзена, допускает шаманские практики, знакомые монголу с

¹ Трегубова Д. Д. О религиозной толерантности в Китае в эпоху Юань // «Хэй да ши люэ»: источник по истории монголов XIII в. / Отв. ред. А. Д. Хадырбаев. – Москва : Наука, 2016. – С. 169.

его степной юности. Поэтому хан, ставший императором, наде-лил тибетских лам немалыми привилегиями и пригласил их ко двору. Более того, он вступил в дипломатические отношения с Пагба-ламой, лидером тибетских буддистов, и открыто покрови-тельствовал ему: «В 1253 г. Пагба-лама посвятил Хубилая в тан-тру Хеваджры – божества, особо чтимого школой Сакья. В каче-стве подношения за посвящение Хубилай назначил Пагба-ламу правителем всех тринадцати областей Тибета. С этого времени тибетские буддийские обряды становятся неотъемлемой частью государственного ритуала монголов. Едва ли Хубилай вместе с двадцатью пятью монголами из своего окружения подробно изу-чили тантру и мандалу, т.е. символический мир Хеваджры. Для них это посвящение было получением дополнительной власти и силы, ибо посвящённый имел право отождествлять себя с соот-ветствующим божеством. В качестве покровителя династии было принято грозное божество Махакала из разряда божеств – храни-телей Дхармы, которое проявляется в разных видах»¹. Так хан степных варваров, ставленник Тенгри, превратился в китайского императора и одновременно уважаемое тибетцами воплощение ламаистского божества. При этом Хубилай и не подумал запрещать другие популярные в Китае религии: в годы его правления конфуцианство и даосизм не только не притеснялись, но даже поощрялись. В своём стремлении выглядеть для китайцев благо-детелем Хубилай даже разрешил некоторые диссидентские сек-ты, при династиях Цзинь и Сун находившиеся на нелегальном положении.

От Хубилая взяла своё начало императорская династия Юань, правившая объединенным Китаем в течение столетия (до 1368 г.). Причём, её представители вошли в китайскую историю вовсе не как суровые деспоты, мало отличающиеся от своих варварских предков, а, наоборот, скорее, как изнеженные, склонные к праздно-сти и развлечениям аристократы, похожие на «ленивых коро-лей», последних Меровингов. Задуманная Хубилаем система двойственной религиозности (совмещение буддизма в Китае с

¹ Юрченко А. Г. Элита монгольской империи: время праздников, время казней. – Санкт-Петербург : Евразия, 2012. – С. 223.

тенгрианством в Монголии) всё это время хранила династию от разрыва со степью, обитатели которой по-прежнему воспринимали императоров Юаней как ханов, а не цивилизованных монархов. Однако от сопротивления китайских патриотов такой подход спасти не мог: представители китайской цивилизации слишком давно были знакомы с кочевыми варварами, чтобы забыть все те беды, которые степняки раз за разом приносили Поднебесной. Поэтому когда династия Юань ослабла (её монархи злоупотребляли алкоголем и слишком мало интересовались государственными делами), всенародное восстание буквально вышвырнуло потомков степных завоевателей на их историческую родину. А поскольку династия Юань давно уже считала себя китайской, то среди степной родни не нашлось ни одного вождя, желавшего помочь им вернуть утраченную корону.

Интересно проследить судьбу тенгрианства, принесённого монголами в Китай, и буддизма, почерпнутого варварами в Поднебесной, после того, как Юани и их монгольские приближенные вернулись в Монголию. Казалось бы, они должны были бросить буддизм, как ставший бесполезным инструмент, а культ Тенгри ожидало бурное возрождение. Но ничуть не бывало! Как мы отметили в начале данного раздела, языческие верования всегда соответствуют той социальной реальности, в которой они зародились, и очень тяжело приспосабливаются к иной обстановке. Именно это и произошло с тенгрианством: данная доктрина не смогла адаптироваться к новой жизни, в которой не нашлось места имперским амбициям, для легитимации которых когда-то и был учреждён культ Тенгри. По крайней мере, хан, изгнанный с престола собственными подданными, избранником Неба точно не являлся. Вот как описывают упадок и постепенное разложение тенгрианства отечественные исследователи А. Г. Юрченко и П. О. Рыкин: «После изгнания монголов из Китая в 1368 г. имперская эпоха завершилась, а вместе с ней стали достоянием истории идея централизованной власти монгольских ка'анов и обосновывавшая её политическая доктрина мирового господства. Монгольская знать, которая составляла костяк прежней имперской элиты, вернувшись в степи, всё больше утрачивала жесткую зависимость от носителей верховной власти, по мере того как по-

следние теряли своё влияние и авторитет, превращаясь в марионеточные фигуры, используемые в борьбе между различными аристократическими родами. В условиях усиливавшейся социальной дезинтеграции и бесконечных междоусобных войн потребность в универалистской религиозной системе, соответствовавшей совершенно иным историко-политическим реалиям, разумеется, не могла сколько-нибудь долго сохраняться. Новой форме социального порядка наилучшим образом отвечала старая доимперская шаманистическая идеология с характерным для неё дроблением сферы сакрального и переносом акцента на низшие уровни пантеона; эта идеология и закрепились в качестве религиозной доминанты постимперского периода. Оставшись без своей социальной основы, имперский культ Неба должен был в приспособливаться к изменившейся ситуации и в конечном итоге вошёл в систему шаманистических культов, которые некогда сами были им поглощены. Это привело к парцелляризации единого образа Вечного неба, его членению на множество отдельных культовых персонажей – тэнгриев, каждый из которых получил определённую функциональную специфику»¹. А вот принесённый монголами из Китая и Тибета буддизм, наоборот, обрёл в степи новую жизнь. Отечественный географ и путешественник Г. Н. Потанин, посетивший Монголию в XIX в. сделал любопытное замечание: «Буддийские монастыри должны быть признаны важными культурными центрами; сюда стремится всё лучшее, что есть в народе, всё бескорыстное, всё ищущее света и правды. Сюда направляются монгольские Ломоносовы. Из монастырей распространяется учение Будды, морализирующее народную массу, но равнодушное к вопросу о сохранении национальности; национальная идея ютится в княжеских резиденциях. (...) Князья живут в тесной дружбе с духовенством; в ставке каждого князя есть монастырь, на устройство которого уходят главные заботы князя; князья стараются превзойти друг друга в этих заботах; они соперничают и мучаются вопросами, у кого монастырь отличается боль-

¹ Юрченко А. Г. Золотая Орда: между Ясой и Кораном (начало конфликта). Книга-конспект. – Санкт-Петербург : Евразия, 2012. – С. 63.

шим благолепием и более богатым собранием тибетских книг»¹. То есть получается, что китайская цивилизация не смогла поглотить и ассимилировать степных варваров политически, кочевники, в свою очередь, не смогли ни разрушить китайскую цивилизацию, ни покорить её, хоть и нанесли ей ряд чудовищных ударов, зато в сфере религии варварские верования бесповоротно капитулировали перед цивилизованной доктриной. Усвоенный степными варварами у китайской цивилизации буддизм изменил весь быт варварского общества и, можно сказать, что монголы после падения династии Юань в Китае постепенно, но неотвратно потеряли большую часть своих варварских черт. Конечно же, китайцами они не стали и вряд ли когда-нибудь станут, но описываемая Г. Н. Потаниным идилия благочестия и меценатства несовместима с необузданным воинственным духом Тоньюкука и Чингисхана.

Подведём итоги параграфа. Мы обнаружили, что языческие верования варваров благодаря своей простоте и коллективизму идеально играют роль санкции для конфронтации варварского социума с другими обществами. Но в этом же заключается их важная слабость: на основе племенных и родовых культов невозможно создать единый общественный организм, превышающий своими размерами племя, если только не прибегнуть к силе и прямому грубому принуждению. Хлодвиг и Чингисхан вели своих соплеменников в бой, на захват богатств цивилизованного общества, опираясь на собственный воинский авторитет и удачу, прежде не подводившую их. Немалую роль в этом процессе играла и генеалогия, так как язычество не знает индивида и предаёт преувеличенное значение родовой и семейной принадлежности человека, перенося на него пороки и добродетели его покойных и живых родственников. Поэтому при долговременном контакте с цивилизованной религиозностью, почти всегда объявляющей о нравственной автономии индивида и братстве всех людей перед трансцендентным началом, язычество всегда проигрывает по двум параметрам.

¹ Потанин Г. Н., Потанина А. В. Сибирь. Монголия. Китай. Тибет. Путешествия длиною в жизнь. – Москва : Эксмо, 2019. – С. 59.

Во-первых, исповедующему политеизм правителю очень сложно добиться консолидации своих подданных по духовным, а не материальным мотивам, не говоря уже о том, чтобы варвары перестали считать цивилизованное общество добычей. Во-вторых, не только вождь, но и любой человек вообще хотел бы считаться ценным и уважаемым именно как индивид, а не как чей-то потомок или родственник. Коллективистические языческие культы в таком вопросе ему ничем помочь не могут, зато и христианство, и ислам, и буддизм признают самоценность именно человека, а не группы. В результате долгого соседства варварского и цивилизованного обществ не только варварские вожди, но и рядовые дружинники, и общинники замечают привлекательность цивилизованных верований.

Также мы обнаружили такую важную особенность варварского язычества как неумение адаптироваться к изменениям социальной реальности. Зародившись в каком-то конкретном обществе с присущими ему типами отношений, тот или иной культ не может быть перенесён в иную социальную среду без фундаментальных изменений. Например, воинские культы, вдохновлявшие викингов и кочевников в их грабительских набегах, плохо подходили для пахарей и чиновников, но при трансформации варварского общества хирдманы и нукеры обязательно превращались именно в пахарей и чиновников, а языческий культ оставался прежним и не годился для новой жизни своих адептов. Монотеистические религии, ориентированные на трансцендентный мировой порядок, наоборот, адаптируются к чуждому обществу ровно настолько, чтобы сохранить свою догматическую и нравственную сущность. Например, христианство укоренилось как в Эфиопии, так и среди салических франков, хотя, конечно, в обоих случаях претерпев ряд изменений. Причём, эти изменения не были настолько фундаментальными, чтобы помешать в обоих случаях возникновению монашества, легитимации монаршей власти или распространению строгой моногамии. Аналогично выглядела и адаптация буддизма, который укоренился как в оседлом китайском, так и в кочевом монгольском обществах. Обращение в буддизм хана Хубилая и его окружения, жившего среди китайцев, можно было бы объяснить политической целесооб-

разностью, но сохранение буддизма среди монголов после их изгнания из Китая не имеет с политикой ничего общего.

Также отметим, что религии цивилизованных обществ в ходе своего исторического развития приспособляются для сложных социумов и государственных систем, которые варвары своими усилиями создать либо не могут, либо создают на короткий срок, бездумно подражая цивилизованным соседям. Например, такие наднациональные (и надплеменные) политические структуры как Римская империя, Франкское королевство или Багдадский халифат могли будоражить воображение германских конунгов и кочевых каганов, но своими усилиями варвары могли бы создать лишь грубую копию таких государств, да и то на короткое время, так как единственный доступный им метод консолидации разнородных соседей – военная сила. И, наоборот, духовное вхождение варваров в христианское, исламское или буддийское содружество народов открывает для них кладезь бесценного политического и административного опыта, а главное – делает их в этом цивилизованном мире своими среди своих. Например, скандинавский конунг эпохи викингов, становясь христианином, мог стать и франкским герцогом, легальным повелителем Нормандии, как будто он всегда жил среди франков и был одним из них с рождения.

Итак, в данном параграфе:

- обнаружено, что религиозное миссионерство, осуществляемое цивилизованным обществом в отношении варваров, достигает тем больших успехов, чем меньше общество-донор пытается соединить проповедь религии с распространением своего политического влияния;

- выявлена привлекательность цивилизованных религий для варварских вождей, потому что такие доктрины почти всегда связаны с более совершенным механизмом легитимации власти, чем родовая преемственность;

- доказано, что вхождение варварских народов в паству цивилизованной религии вводит их в ареал развитой культуры и позволяет им усовершенствовать собственное социально-политическое бытие при помощи созданных цивилизацией образцов;

- рассмотрен механизм интеграции варваров в цивилизованное общество при помощи усвоения ими его религии. Так, викинги, став норманнами, и тюрки, объявив себя защитниками халифа, не только усвоили догматы религий своих новых родин, но и приобщились к языку принявшего их цивилизованного общества, оказали ему реальную военную поддержку и даже способствовали сохранению и возрождению его светской культуры.

Однако, рассматривая христианизацию скандинавов и мадьяр, мы заметили, что невзирая на поддержку христианства правителями этих народов, в обоих случаях наблюдалась языческая реакция, сопровождаемая насилием и выпадами против христианского духовенства. Это закономерно, ведь людям свойственно защищать то, что они считают священным, до последней возможности, и своих убеждений по королевскому приказу обычно никто не меняет. Должно пройти немалое время для того, чтобы новая декларируемая идентичность превратилась в идентичность реальную. Но возникает вопрос: предпринимались ли варварами попытки осознанно противостоять предлагаемой цивилизованным обществом религии? И если такие попытки были, то к каким результатам они привели? Ответам на эти вопросы будет посвящён следующий параграф.

3.3. Противостояние варваров религиозной экспансии цивилизованного общества.

В предыдущем параграфе мы рассматривали прозелитизм универсальных религий, созданных цивилизованными обществами, среди варваров, приводивший к быстрому превращению примитивных агрессивных язычников в доброжелательных неофитов. Как мы заметили, нередко варвары, превратившиеся в паству буддийских, христианских и исламских миссионеров, проявляют в защите своей новой веры рвение гораздо большее, чем её прежние, цивилизованные адепты. Рецидивы язычества, имевшие место среди рассмотренных нами скандинавов и мадьяр вскоре после христианизации, представляли собой короткие политические эпизоды, а вовсе не развитие культуры в обратном направлении. У читателя может возникнуть вопрос: неужели сре-

ди духовной и светской аристократии варварских обществ ни разу не нашлось упорного и волевого традиционалиста, который встал бы на защиту родной культуры с пылкой проповедью на устах и острым мечом в руке? Неужели варвары никогда не замечали важного значения религии для сохранения своего привычного стиля жизни и поэтому не пытались отвергать чуждую религиозную доктрину? Задав такой вопрос, читатель окажется прав – среди варваров не единожды находились вожди-консерваторы, которые не только пытались сохранить духовный уклад своих обществ, но и вели с чужеземной религиозностью непримиримую борьбу. В данной главе мы рассмотрим это противостояние и его исход на примерах христианизации Великого княжества Литовского, попытки подавления ислама, предпринятую в Персии монгольским ханом Хулагу, и религиозно-политической практики королевства вандалов в Тунисе, сделавшего своей официальной религией арианскую ересь и, тем самым, пошедшего на конфронтацию с православной Церковью. Каждый из этих исторических прецедентов имеет собственную специфику, а все вместе они раскроют нам процесс религиозной войны в понимании варваров.

Великое княжество Литовское представляет собой практически уникальный образец языческого королевства, в течение нескольких веков под знамёнами собственных автохтонных верований успешно противостоявшего упорной, навязчивой и агрессивной католической экспансии. Но, прежде чем анализировать эту конфронтацию, необходимо оговориться, что Великое княжество Литовское и современная Литовская республика не совпадают ни этнически, ни географически: современная Литва – это государство, расположенное на Балтийском побережье, в то время как средневековое княжество находилось на территориях современной Белоруссии (Полоцк), Украины (Киев) и западной части Центральной России (Смоленск), а его владения на территории современной Литвы не охватывали морского побережья. Впрочем, колыбелью княжества считается долина реки Вилии, на которой стояла его средневековая столица Вильно, в наши дни ставшая Вильнюсом, столицей Литовской республики. Однако долгое время литовские князья правили своим государством из крепости Новогрудок, расположенной в землях современной Белоруссии,

поэтому Великое княжество Литовское можно считать предтечей как современной Литвы, так и современной Беларуси. Неслучайно российские историки XIX в. И. Д. Беляев и П. Д. Брянцев, на работы которых мы будем опираться в нашем исследовании, называют соплеменников великого литовского князя не только литовцами, но и литвинами, тем самым, подчеркивая, что прибалтийская народность не сыграла в становлении княжества какой-то особой роли. Однако в историографии это государство называется Литовским, а не Литвинским или Белорусским, поэтому нам ничего не остаётся, кроме как действовать в русле сложившейся научной традиции.

Впервые о литовцах, будущих создателях Великого княжества, мы узнаём от русских переселенцев, занявших долины рек Двины и Полоты с коммерческими целями. Так, в середине IX в. выходцами из Новгорода и Пскова был основан Полоцк, жители которого вели бойкую речную торговлю с Прибалтикой. Их мотивы были исключительно экономическими¹, поэтому полоцкое вече, выражавшее в первую очередь интересы купечества, никогда не подталкивало князей к войне с туземным населением. Под влиянием русских торговцев, активно знакомившихся и заключававших сделки с аборигенами, приблизительно к 1000 г. в долинах сложился симбиоз двух этносов, в котором литовцы, жившие на лесных хуторах, составляли большинство сельского населения, а большинством ремесленников-горожан были русские. При этом полоцкие князья из династии Изяславичей (одна из ветвей общей для всех русских княжеств династии Рюриковичей) ориентировались не на покорение коренных жителей своего княжества, а на борьбу за киевский престол со своими владимирскими и рязанскими родственниками. Поэтому формирование литовского культурного типа и государственности происходило при посто-

¹ Сулимов С. И., Черниговских И. В. Колонизация как социально-философский феномен (на примере русского освоения Литвы в раннее Средневековье) // XVII Славянский научный Собор «Урал. Православие. Культура». Мир славянской письменности и культуры в православии, социогуманитарном познании: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Челябинск, Челяб. гос. ин-т культуры, 16-17 мая 2019 г.) – Челябинск : ЧГИК, 2019. – С. 154.

янных бытовых и даже семейных контактах с русскими, но без кого-либо силового давления со стороны последних. Некоторые литовские племена – такие как ятвяги – нередко совершали набеги на русские поселения и торговые фактории, но большинство литовцев прекрасно ладили с переселенцами и в некоторых случаях даже платили дань полоцким князьям взамен за вооруженную защиту своих хуторов. Отечественный историк И. Д. Беляев так описывает историческую зарю литовского княжества: «Полочане как-то скоро успели сойтись с литвинами, так что интересы Литвы и Полоцка сделались общими интересами для того и другого народа, хотя полочане и литовцы и исповедовали не одну веру. А посему незаметно вся Литовская земля на юг от Вилии, по признанию самих литовцев, сделалась Русскою, или Полоцкою, землею и заселилась полоцкими городами, где почти нераздельно жили литовцы, и полочане; собственно же полоцкими колониями в Литовской земле уже назывались колонии на север от Вилии»¹.

Несмотря на тесный контакт с русским населением края, литовцы сохранили неизменными родной язык и автохтонные верования. Если в языковом вопросе жители долин Вилии, Полоты и Двины были двуязычными (говорили на родном языке дома и порусски при частых встречах с иноплеменниками), то языческую религиозность литовцы оберегали от любых чуждых влияний. Если говорить о доктрине и пантеоне этого культа, то вряд ли мы увидим что-нибудь оригинальное. Вот как характеризует литовскую языческую онтологию отечественный исследователь П. Д. Брянцев: «По понятиям древних литовцев, мир существует искони. Он есть воплощение самого божества. В каждом предмете мира видимого, в каждом явлении физической природы, грозном или благодетельном, литовцы видели присутствие божества. Проявление этого божества в мире, по понятию литовцев, обнаруживается под видом двух начал: доброго и злого. Оба эти начала ведут между собой вечную борьбу, конец которой – торжество первого начала или доброго. Доброе, прекрасное и благородное

¹ Беляев И. Д. История Полоцка и Северо-Западной Руси. – Москва : Вече, 2017. – С. 20.

проистекает от доброго начала; злое, нечестивое и вредное – от злого начала. Истина и закон у литовцев означали одно и то же. Закон существует искони, он есть олицетворённая истина. Закон нельзя было создать, а только отыскать. Обычай был уважаем как память минувшего; от этого даже порок, под видом обычая, был терпим. Подобно древним грекам, литовцы верили в предопределение или судьбу. Судьбе этой, говорили литовцы, подчинены не только люди, но и боги»¹. Как видим, данная доктрина, в общем-то, сходна с языческими воззрениями древних германцев и евразийских степняков, с которыми мы познакомились в предыдущем параграфе.

Литовский пантеон тоже не отличается оригинальностью: *deus otiosus* Оккапирмас, некогда создавший вселенную, но не интересующийся своим творением и поэтому полузабытый людьми; божества плодородия и любви Земеникас и Мильда; покровительница прорицания Праурима; мрачный бог смерти Поклюс; божество войны Кавас; громовержец Перкун (Перкунас), а также целый сонм других, менее значимых божеств и духов. Эти сакральные сущности не имеют существенных отличий от своих аналогов в германском и даже античном пантеонах. Вот, к примеру, каким был образ бога грома Перкуна: «Изображали его в виде человека средних лет, с крепкими мускулами и с поднятой вверх рукой, в которой был камень; голова его увенчана была ореолом из пламени или лучей света; борода всклокочена, цвета огненного»². Не правда ли Перкун предстаёт братом-близнецом Тора и Зевса, передающим привет своим европейским родственникам от коллег с берегов Вилии? Был знаком литовцам и культ священных животных, из которых наибольшим почтением пользовался уж. В частности, водный бог Потримпос мнился литовцам как ужас с головой юноши. И здесь, опять же, нет ничего нового или оригинального по сравнению с языческими верованиями других варварских народов. Более того, в верности именно этому пантеону литовцы вовсе не были одиноки: этих богов и живот-

¹ Брянецв П. Д. Литовское государство. От возникновения в XIII веке до союза с Польшей и образования Речи Посполитой и краха под напором России в XIX веке. – Москва : Центрполиграф, 2018. – С. 26.

² Там же. С. 27.

ных почитали также коренные жители Пруссии, до XIII в. сохранившие политическую и духовную независимость от германцев.

А теперь отметим важнейший отличительный нюанс литовского язычества от любого другого европейского или степного политеистического культа. Дело в том, что языческий клир Литвы был устроен иерархически: не одиночки-жрецы или гадалки, а полноценная языческая Церковь, которая в организованности и сплоченности могла соперничать со своими христианскими аналогами. Вот как описывает организационную иерархию литовского языческого духовенства П. Д. Брянцев: «Литовские жрецы, смотря, по деятельности, им присвоенной, делились на многие классы так: жрецы «криве» были охранителями священных предметов; «кривуле» – судьями; «вайделоты» – учителями народа и докторами; «лингуссоны» и «тилиссоны» – погребали умерших; «брутаники» (литовские барды) – пели и т.д. Каждый класс жрецов имел особую одежду или какой-нибудь отличительный знак. Во главе этой стройной иерархии стоял Криве-Кривейто (судья судей)¹. Криве-Кривейто был общепризнанным главой языческого духовенства, его можно считать аналогом католического понтифика, хотя он никогда не претендовал на светскую власть. Однако об авторитете, которым пользовался «судья судей» в глазах своей паствы, можно судить по двум фактам. Во-первых, изначально его резиденция находилась в Пруссии, из которой Криве-Кривейто под давлением католических рыцарей смог перебраться в Вильно, точно зная, что литовские единоверцы поддержат его. Во-вторых, последний Криве-Кривейто, Гинтовт, умер своей смертью почти через 30 лет после крещения Литвы, то есть даже князь-католик Витовт не посмел применить по отношению к языческому понтифику насилие. Также очень важно выявить статус и полномочия Криве-Кривейто, что для нас сделал И. Д. Беляев: «Криве-Кривейто, по смыслу самого своего имени, был верховным жрецом над жрецами и верховным судьей над судьями и непосредственным истолкователем воли богов;

¹ Брянцев П. Д. Литовское государство. От возникновения в XIII веке до союза с Польшей и образования Речи Посполитой и краха под напором России в XIX веке. – Москва : Центрполиграф, 2018. – С. 32.

следовательно, представлял собой верховную власть и в мирских, и в духовных делах над всем прусско-литовским языческим миром, был главным пастырем прусско-литовских язычников. Он пользовался таким священным уважением от своей паствы, что его пасомые считали величайшим для себя блаженством, ежели кто из них, хоть один раз в жизни, удостоится его лицезрения; тёмные язычники отдалённых углов Прусской и Литовской земель даже считали Криве-Кривейто неумирающим, вечно живущим; каковое верование, конечно, поддерживалось тем, что уставший Криве-Кривейто в предсмертные часы предавал себя сожжению, и это сожжение передавалось как возрождение Криве-Кривейто»¹. Выборы Криве-Кривейто осуществлялись представителями высшего языческого клира в глубокой тайне сразу же после самосожжения действующего понтифика и не занимало много времени. Нередко должность главы клира по воле избирателей занимал *эварт-криве* – заместитель и ближайший помощник покойного первосвященника, хотя так случалось и не всегда. Важно другое: через несколько часов после публичного самосожжения Криве-Кривейто к верующим выходил из святилища новый понтифик и представлялся возрождённым покойным. Благодаря тому, что почти никто не знал верховного жреца в лицо, такая мистификация всегда блестяще удавалась. Для того чтобы закулисные дела высшего духовенства не становились достоянием гласности, главный религиозный центр культа – укреплённое святилище Ромове близ Вильно – было закрыто для мирян на протяжении большей части года. Немаловажно и то, что жреческая корпорация содержалась за счёт фиксированных сборов с верующих, что можно считать аналогом католической десятины, поэтому в адрес духовенства панибратство не было принято, и миряне из нравственных соображений не пытались проникнуть в дела клира.

Однако языческую Литву нельзя считать теократическим государством. Может быть, таковое бы и оформилось, если бы не заманчивое русское влияние. Глядя на полоцких князей и бояр,

¹ Беляев И. Д. История Полоцка и Северо-Западной Руси. – Москва : Вече, 2017. – С. 141-142.

литовские родовые старейшины и немногочисленные в те годы военные вожди хотели устраивать свои политические дела таким же образом. Татаро-монгольское нашествие обеспечило им необходимую историческую фору, так как большинство русским княжеств оказалось разрушено кочевниками, и в начале XIII в. зарождающееся Великое княжество Литовское не имело у своих границ каких-нибудь серьёзных врагов и конкурентов. Поэтому первые литовские князья и формирующаяся аристократия быстро взяли под свою власть такие основанные русскими переселенцами города как Гродно и Новогрудок, а вскоре перешли и к основанию собственных городов — Кернова, Эйраголы, Гольшан, Вильны, Троку и Лиды. По-настоящему же литовская монархия оформилась в правление князя Миндовга (1195–1263 гг.), мягко навязавшего свой сюзеренитет Галицкому княжеству. Его племянник Товтивилл благодаря выгодному браку с русской княжной в первой половине XIII в. присоединил к Литве Полоцк. Впрочем, нельзя считать эту экспансию военной: литовские аристократы хоть и именовались на русский лад боярами, на самом деле являлись не военными предводителями, а крупными землевладельцами и возвысившимися родовыми старейшинами. С кем-либо сражаться они хотели меньше всего, да вряд ли хорошо умели это делать. Присоединение к их владениям русских земель подстёгивало литовских бояр скорее к хлебопашеству и торговле, чем к притеснению местного населения. Терпимость литовцев доходила до того, что они сохранили в Полоцке вечевое устройство, хотя вече в XIII в. уже не оказывало на городскую политику серьёзного влияния и могло быть безболезненно упразднено.

Вероятно, по той же причине литовские князья не пытались вступать в конфронтацию с православием, исповедуемым русским населением их монархии. Ведь православная Церковь, изрядно претерпевшая от междоусобиц Рюриковичей и татаро-монгольского нашествия, не имела ни сил, ни желания насаждать среди язычников христианство. Бесспорно, некоторые литовцы проявляли к православию интерес и даже крестились, но такой прозелитизм носил весьма ограниченный характер, а высший православный клир оправданно видел в литовских князьях своих защитников. Например, полоцкий епископ Иаков выступил в ро-

ли посредника на дипломатических переговорах великого князя Витеня с рижским бургомистром и в письме рижанам называл литовского монарха своих духовным сыном. При этом князь Витень в реальности никак не мог быть крестником или учеником иерарха, так как на протяжении всей своей жизни оставался убеждённым язычником¹. Отношения между православной Церковью и литовской короной были взаимовыгодными: некоторые великие князья символически принимали православие, заключали династические браки с русскими Рюриковичами, де факто оставаясь при этом язычниками. Впрочем, некоторые опальные представители виленской династии Гедиминовичей перебирались в русские земли и принимали православие вполне искренне. Например, один из литовских княжичей, Довмонт, опасаясь преследований со стороны своих родственников, бежал во Псков, где крестился под именем Тимофей и успешно правил городом с 1266 по 1299 гг. Довмонт причислен русской православной Церковью к лику святых, а отечественная историография ставит ему в заслугу защиту Пскова от немецких рыцарей и постепенное обособление княжества от власти Новгорода. Таким образом, соседство языческой Литвы с православной Русью никоим образом не предполагало активного православного миссионерства. Может быть, при другой расстановке сил и в других исторических условиях киевский митрополит и попытался бы расширить свою паству за счёт «северных язычников», но именно в XIII в. это было совершенно невозможно.

Католическая экспансия началась в Прибалтике и Литве на рубеже XII–XIII вв. В начале XIII в. немецкий миссионер Мейнгард проник на восточное побережье Балтики и познакомился с местными племенами куршей и эстов, среди которых заслужил немалый авторитет кротким нравом и пламенной проповедью. Однако результаты такого подвижничества не могли быть ни быстрыми, ни прочными, ведь миссионер действовал в одиночестве. После его смерти среди эстов осталось лишь несколько прозелитов. Такой результат не устраивал ни германских церковных ие-

¹ Беляев И. Д. История Полоцка и Северо-Западной Руси. – Москва : Вече, 2017. – С. 152-153.

рархов, ни богатых готландских купцов, желавших быстрого освоения Восточной Прибалтики. Вскоре при содействии торговцев была основана Рига, перекрывшая путь русским и литовским торговцам в Балтийское море, а население её составили многочисленные немецкие колонисты-католики. Реальная власть оказалась в руках волевого и беспринципного архиепископа Альберта, который попытался форсировать христианизацию жителей побережья силовыми методами. Чтобы обеспечить себя постоянной вооруженной силой, иерарх с разрешения Папы сформировал немногочисленный, но грозный рыцарский орден Меченосцев. Прибалты, конечно же, попытались оказать сопротивление, но весь их прежний боевой опыт исчерпывался эпизодическими столкновениями с войсками Псковского княжества, которое немалого превосходило их в военном отношении. Поэтому результат кампании оказался предсказуем. Вот как описывает насильственную христианизацию Восточной Прибалтики И. Д. Беляев: «Альберт сразу понял, что мало надежды на быстрый успех в обращении ливонских язычников в латинство, – будут ли для этого употреблены крест и меч, как думал папа, приказавши меченосцам нашить на одежду изображение меча и креста, – или один только крест, как воображал покойный Мейнгард, и, понявши, составил себе такой план деятельности, по которому прежде всего должно заняться распространением немецких владений в ливонском крае, покорением тамошних племен, а потом уже крестить покоренных. (...) На девятом году его епископства, посредством непрерывных войн и союзов, была покорена вся Ливония на имя Церкви Рижской Богоматери. Русские, т.е. полоцкие удельные князья, имевшие там свои владения, почти все или были изгнаны, или поступили в вассальные отношения к епископу Альберту, а ливонцы насильно окрещены в латинскую веру; так что епископ в том же году разделил Ливонию на три равные части: одну часть взял себе, другую отдал ордену Меченосцев и третью – городу Риге, а в следующем году (1207) уже начал войну с эстонцами, или чудью»¹. Разумеется, насильственно крещенные

¹ Беляев И. Д. История Пскова и Псковской земли. – Москва : Вече, 2016. – С. 158.

аборигены не раз восставали против духовного господства католической Церкви, бесцеремонно вторгавшейся в их домашнюю жизнь, и против экономического засилья немецких колонистов, но Меченосцы жестоко подавляли эти восстания. Для литовцев, которые оказались в курсе происходящих на Балтийском берегу событий, это должен был стать первый звонок к трагедии прибалтийского язычества: ведь на помощь эстам и чуди никто не пришёл. Псковские князья эпизодически вмешивались в борьбу туземцев против германцев на стороне первых, но это были именно эпизоды. Псковское вече и представлявшие его интересы на поле боя князья не могли понять, почему они должны до последней капли крови защищать одних иноверцев от других. Поэтому кроме ряда коротких, по большей части грабительских походов против германцев, псковичи никаких мер по защите прибалтов не приняли и не собирались принимать. Новгородцы вообще проигнорировали войну в Прибалтике, исходя из того, что торговать с рижанами и готландцами было гораздо выгоднее, чем опекать незнакомых и непонятных дикарей.

В 1236 г. Меченосцы вторглись в литовские земли, предполагая, что смогут одолеть и христианизировать местных язычников так же легко, как сделали это с эстами. Их ждало разочарование: в битве при Шяуляе племенные ополчения жемайтов и земгалов наголову разбили рыцарское войско, нанеся крестоносцам тяжёлые потери. С одной стороны, эта победа ускорила консолидацию литовцев в единое княжество, но, с другой стороны, теперь они оказались обнаружены католической Европой и заслужили себе репутацию яростных врагов христианства. Причём, в битве при Шяуляе немецких рыцарей поддерживал небольшой отряд псковских воинов, что могло означать только одно: русские не считали литовцев своими, хоть и были с ними давно знакомы. В своей борьбе за политическую независимость и культурную самобытность литовцы могли надеяться только на себя. А вот к их врагам вскоре пришла неожиданная, но очень сильная подмога.

Ещё в 1226 г. польский магнат Конрад I Мазовецкий пригласил в Польшу рыцарей ордена Святой Марии Иерусалимской или, в просторечье, тевтонцев, недавно выбитых мусульманами из Святой Земли. Тевтонский орден имел колоссальный боевой

опыт, полученный в сражениях против тюрок и арабов в Палестине. Его рыцари прекрасно сражались в пешем и конном строю, а также умели штурмовать крепости, по сравнению с которыми деревянные укрепления литовцев казались жалкими оградками. Польский аристократ надеялся, что тевтонцы помогут ему одолеть язычников-пруссов, периодически тревоживших приграничье своими набегами, и необдуманно пообещал крестоносцам все земли, которые они смогут завоевать. Магистр ордена, Герман фон Зальца, принял предложение и вскоре продемонстрировал всю мощь своей воинской корпорации. Пруссы были побеждены и порабощены в кратчайшие сроки, на их землях рыцари воздвигли свои крепости Кёнигсберг и Мариенбург, а потом полякам было ясно сказано, что альянс исчерпал себя, и теперь каждый его участник может проводить самостоятельную политику. Конрад попытался объяснить крестоносцам, что их услуги более не требуются, и даже прибег к посредничеству архиепископа, но его ждал неприятный сюрприз: оказалось, что орден подчиняется не местным церковным иерархам, а лично Папе Римскому¹. В результате у поляков и литовцев появился новый сосед – централизованное военно-монашеское государство, смыслом существования которого было насаждение католицизма среди язычников и православных. Вскоре после тяжелого поражения при Шяуляе Меченосцы вошли в состав Тевтонского ордена, охотно сообщив, кто разгромил их на поле боя, и пригласив собратьев по вере в новый крестовый поход. Польский король вряд ли был доволен тем, что у его границ теперь существует новое государство, превосходящее польское королевство в централизации и административной прочности, но тевтонцы резонно отвечали полякам, что у всех католических государей Прибалтики общий враг – языческое княжество литовцев.

Великое княжество Литовское подверглось серии тяжелых военных ударов со стороны тевтонских рыцарей, которых время от времени поддерживали польские шляхтичи и авантюристы из Западной Европы. В свою очередь литовцам было некого позвать

¹ Демурже А. Рыцари Христа. Военно-монашеские ордены в Средние века, XI–XVI вв. – Санкт-Петербург : Евразия, 2008. – С. 105.

на помощь: их восточные соседи, русские князья, вовсе не считали язычников своими соотечественниками и не собирались отвлекаться от разборок друг с другом ради чужой войны. Литовский князь Миндовг в 1251 г. попытался пойти по тому же пути, что и мадьярский надъфейеделем Геза, и объявил о своём намерении принять христианство. Папский легат охотно удовлетворил его просьбу и даже признал Миндовга королём. Но магистр Тевтонского ордена по своему статусу и устремлениям отличался от западноевропейских монархов, с которыми язычники имели дело прежде. Перед Папой магистр чувствовал себя безнаказанным, а других даже номинальных сеньоров над орденом не было. А ещё, поскольку костяк ордена составляли рыцари-монахи, не имевшие ни собственных замков, ни крепостных, ордену требовалось большое количество бесправной рабочей силы. Поэтому завоевание Литвы с повестки дня тевтонское начальство не сняло, попросту проигнорировав тот факт, что Литва юридически превратилась из языческого княжества в католическое королевство. Миндовг в свою очередь открыто объявил о разрыве с христианством и поклялся защищать язычество вооруженной рукой.

Борьба литовцев за веру предков против Тевтонского ордена, боевого авангарда католической цивилизации, была долгой и жестокой. В частности, ни один католический миссионер не смел даже показаться в литовских землях, а захваченных живыми рыцарей литовцы демонстративно подвергали мучениям. Например, одержав победу над тевтонцами в битве при Меденике (1320 г.) литовский князь Гедимин приказал принести в жертву пленного рыцаря Герхарда фон Рудена, сжегши его вместе с конём¹. Почти каждый литовский князь пытался вести переговоры с папскими легатами, и всегда эти переговоры заходили в тупик, потому что главной военной силой в Прибалтике был тевтонский магистр, а не Папа Римский. И глава ордена вовсе не считался с мнением папской курии, настаивая на безоговорочной капитуляции язычников. Некоторые литовские бояре пытались найти себе союзников в лице польской шляхты, которой совсем не нравилось уси-

¹ Богдан А. Тевтонские рыцари. – Санкт-Петербург : Евразия, 2008. – С. 153-154.

ление ордена, но разница вероисповеданий делала прочный альянс невозможным. Так, один из полководцев князя Ольгерда по имени Гастольд крестился в католицизм, женился на польской аристократке и привёз с собой в Литву 14 монахов-францисканцев, рассчитывая, тем самым, продемонстрировать католикам своё миролюбие. Однако почти сразу же толпа язычников учинила над миссионерами самосуд: «...францисканских монахов семь человек убили, других же семерых, привязавши каждого к крыжу (латинскому кресту), пустили вниз по реке Вилии, приговаривая: «С запада солнца вы пришли, на запад и ступайте за то, что сказали наших богов»»¹.

Несмотря на всю свою непримиримость и отвагу, литовцы постепенно отступали под натиском тевтонцев. Более опытные и отлично экипированные рыцари не всегда одерживали победы над многочисленных и храбрым языческим ополчением, но всё-таки продвигались в глубь лесного края, строя крепости на литовской территории и используя их как базы для манёвров своих конных отрядов. Иногда литовцам удавалось блокировать эти вдвинутые в их княжество клинья, но чаще они оказывались захвачены врасплох и несли тяжёлые потери. В частности, однажды даже великий князь Кейстут Гедиминович (1297–1382 гг.) попал в плен к крестоносцам и смог бежать оттуда лишь благодаря помощи крещёного литовца, ставшего воином ордена. Во второй половине XIV в. всей литовской аристократии и даже Криве-Кривейто уже было понятно, что окончательное военное поражение княжества, насильственная христианизация и ассимиляция литовцев – лишь вопрос времени. Надо отдать должное Кейстуту: пока его старший брат и соправитель Ольгерд Гедиминович вёл дела с русскими княжествами, пытаясь оспорить роль Москвы в их консолидации и поставить рязанцев и новгородцев под свои знамёна, Кейстут противостоял тевтонской агрессии, позиционируя себя как бескомпромиссного защитника язычества. В своём замке в Вильне князь даже соорудил языческое капище по образцу часовни, которые устраивали в своих резиденциях польские и

¹ Беляев И. Д. История Полоцка и Северо-Западной Руси. – Москва : Вече, 2017. – С. 193.

немецкие рыцари. После смерти Ольгерда великий князь продолжал военные действия против католиков, вооруженной рукой пресекая любое их проникновение в Литву, хотя для прочной победы в этой оборонительной войне ему не хватало сил. Дело кончилось тем, что князь Кейстут был убит своим племянником Ягайлой Ольгердовичем, сторонником сближения с католической Польшей, а сын и наследник покойного монарха, Витовт Кейстутович, оказался принуждён к лояльности новому князю.

Многие отечественные исследователи рисуют исторический портрет князя Ягайлы как беспринципного интригана, готового на всё ради достижения собственных сиюминутных целей. Однако вряд ли этот образ соответствует действительности. Литовский правитель, скорее всего, был реалистом и понимал, что захват Вильно христианами – дело обозримого будущего. Союз с княжествами православной Руси не получался, как это продемонстрировали многочисленные усилия князя Ольгерда: несмотря на множество противоречий и взаимных обвинений, русские князья отдавали предпочтение христианской Москве, а не языческой Литве. Литовцы раз за разом оказывались без союзников перед лицом католического интернационала, который выступал против них единым фронтом с Тевтонским орденом в авангарде. Поэтому великий князь Ягайло чудом улучил удачный для спасения литовского общества исторический момент: у Польши накопилось к тевтонцам большое количество претензий, но выступить против ордена королевство собственными силами не могло. Во-первых, в Европе не считались законными войны католиков с католиками, а, во-вторых, самостоятельно поляки вряд ли бы смогли одолеть корпорацию, состоящую из профессиональных воинов-монахов, владевшую немалыми землями и хорошо укреплёнными замками. А вот в союзе с Литвой у поляков появлялся реальный шанс покончить с орденом, который в течение XIII–XIV вв. создал им немало экономических и политических проблем. Но такой союз мог быть заключён только в том случае, если бы литовцы перестали быть язычниками. В свою очередь Ягайло понимал, что никакое упорство не поможет литовское язычество сохранить: его гибель является неизбежной по объективным военным причинам.

В 1384 г. Ягайло вступил в переговоры с поляками, которые, не веря своему счастью, даже предложили литовскому князю руку своей юной королевы Ядвиги. В 1386 г. на съезде в Волковыске было заключено соглашение, по которому Ягайло, вступая в брак с Ядвигой, становился польским королём, но, в свою очередь, переходил в католицизм сам и обязывался сделать католическим Великое княжество Литовское. Понимая, что структура литовского общества заметно отличается от польского, королевский дипломат Завиша Олесницкий согласился на важную оговорку: финансы, войска и властная вертикаль у каждого члена зарождающейся двуединой монархии останутся собственными, но внешняя политика и, главное, враги у Польши и Литвы теперь будут одни и те же. Последнее условие только обрадовало Ягайлу, который, таким образом, мог надеяться на помощь поляков в нескончаемой войне против Тевтонского ордена. Литовский князь с радостью посетил Краков, крестился в католицизм под именем Владислав и женился на королеве Ядвиге по христианскому обряду. А в следующем, 1387 г. Ягайло созвал в Вильне сейм, на котором объявил о переходе всего княжества в католицизм и строжайшем запрете языческих культов. Разумеется, это княжеское решение не обрадовало подданных, а в Жемайтии, родовых владениях Ягайлы, даже вспыхнуло антихристианское восстание. Но к такому повороту событий великий князь, ставший королём, и его кузен-соправитель Витовт были готовы. Опираясь на прибывший из Кракова отряд польских рыцарей, они подавили восстание, строго наказав его участников и сочувствующих им. Узнавший об этом Папа Римский даже назвал Ягайлу «апостолом Жемайтии». И это несмотря на то, что во время карательной акции в Жемайтии и в более поздних аналогичных мероприятиях литовские новокрещенцы не стеснялись идти на самые жестокие меры. В частности, при подавлении рецидива язычества в 1418 г. по приказу Витовта было казнено около 5000 человек¹.

¹ Брянец П. Д. Литовское государство. От возникновения в XIII веке до союза с Польшей и образования Речи Посполитой и краха под напором России в XIX веке. – Москва : Центрполиграф, 2018. – С. 250.

В каком же положении оказались те литовцы, которые не желали становиться католиками ни при каких обстоятельствах? Бояре, которые помогали князю Ольгерду проводить восточную политику, в дипломатических целях переходили из язычества в православие, и теперь князь-король Ягайло принял закон, ощутимо поражающий их в правах: «По этому закону требовалось: «1) чтобы все литвины, проживающие в Литве и на Руси, перешли в латинскую веру, от всякой иной секты (значит, и из православия); 2) чтобы новокрещенные не были отвлекаемы от послушания римскому костелу и не женились на русских и не выходили за них замуж, пока те не перейдут в послушание римскому костелу; 3) православные русские девицы и женщины, выходя замуж за католиков, обязаны принять латинскую веру, и равно русские или православные литвины, вступая в брак с католическими, должны принять латинскую веру, под страхом телесных наказаний непослушным; 4) имения, данные в Литве латинским костёлам и духовенству, освобождаются от всех податей на государя и местного владельца»»¹. Эта дискриминация стала причиной переезда многих литовских боярских семей в Московскую Русь, где они оказались православными среди православных, своими среди своих. В частности, представительница православного литовского рода Глинских даже стала женой великого князя Московского Василия III. Православное простонародье Литвы, в большинстве своём принадлежащее не к литовскому, а к русскому этносу (потомки основателей Полоцка и жителей Киевского княжества), никуда уйти не могло и, ощутив притеснение, составило не очень влиятельную, но многочисленную оппозицию католической короне. Эта конфронтация обусловила ход дальнейшей истории Украины и Белоруссии на протяжении XVI–XVIII вв. А где могли найти защиту те литовцы, которые желали исповедовать веру предков? Некоторые из них пытались защищать алтари богов с оружием в руках, и столкновения между традиционалистами и католиками действительно случались, в том числе и с немалым кровопролитием, однако большинство язычников

¹ Беляев И. Д. История Полоцка и Северо-Западной Руси. – Москва : Вече, 2017. – С. 196–197.

предпочло не выступать против князя. Слишком жива была ещё память о сражениях с тевтонцами, в которых лишь благодаря княжеской храбрости удавалось побеждать. Большинству литовских бояр, особенно близких к короне, пришлось принимать католическое крещение публично, чтобы засвидетельствовать монарху свою лояльность. А языческое простонародье было вынуждено затаиться, наблюдая за ситуацией.

Дальнейшие события развивались плавно и необратимо. В 1410 г. объединённое польско-литовское войско нанесло тевтонцам страшное поражение под Грюнвальдом. Магистр ордена Ульрих фон Юнгинген и почти все высокопоставленные «братья» погибли в том сражении, после которого начался быстрый закат военно-монашеской корпорации, сопровождаемый захватом поляками бывших орденских земель. Само существование Тевтонского ордена лишилось смысла, потому что в Прибалтике теперь не было язычников и иноверцев, для борьбы с которыми создавалась эта организация. Ягайло, переименовавший имя на Владислав, действительно стал польским королём, оставив княжить в Литве своего кузена Витовта Кейстуовича, которому пришлось отказаться от отчества, чтобы не раздражать польских союзников, и представляться как Александр, потому что такое имя он получил при католическом крещении. Не следует думать, будто литовский князь действительно стал повелителем Польши. От династического брака и образования союзного государства выиграли только поляки, ведь всей полнотой власти в их королевстве располагал не монарх, а сейм – аналог парламента, в котором заседали только аристократы. У короля же было настолько мало полномочий, что он мог даже не знать польского языка – его слова всё равно никого не интересовали. Кстати, в XVI в. такой король в Польше действительно был – некоторое время польский престол занимал французский монарх Генрих III из династии Валуа, который за время своего пребывания в Варшаве и Кракове не выучил ни одного польского слова и вскоре отбыл на родину. Поэтому, провозглашая своим правителем литовского варвара, ещё вчера представлявшего угрозу самому существованию польского королевства, шляхтичи на самом деле не рисковали ничем и выигрывали во всех смыслах: они просто разрешили вчерашнему

язычнику посидеть на троне, а взамен он сражался за их интересы при Грюнвальде и буквально на блюде принёс Польше владения Тевтонского ордена в Южной Прибалтике.

Литовские бояре первоначально относились к полякам настороженно и даже запрещали Ягайле и его наследникам, приезжая в Литву, брать с собой варшавских приближенных, однако сами они нередко принимали приглашения польских вельмож посетить долину Вислы. И цивилизация очень скоро ассимилировала варваров: в Краковском университете были установлены квоты на приём литовских студентов, а роскошный и привольный образ жизни шляхтичей буквально очаровал прежде неприхотливых и простодушных литовцев. Например, крепостное право, позволявшее шляхтичам не думать о хлебе насущном, и неотчуждаемые дворянские привилегии, на которые не мог покуситься даже король, прежде литовцам даже не снились¹. Поэтому за какие-нибудь сто лет практически все литовские аристократы полностью скопировали образ жизни и привычки своих польских коллег. К тому времени, как в 1569 г. была заключена Люблинская уния, превращавшая Польшу и Литву в Речь Посполитую, единое королевство, управляемое по польским законам, в Вильно и Полоцке давно уже не было русско-литовских бояр, а были только шляхтичи литовского происхождения. Местное простонародье было обращено в крепостных точно так же, как несколькими веками ранее это произошло в Польше. И если православное население пыталось бежать в Московскую Русь или уходить в низовья Днепра, где такие беглецы стали основой запорожского казачества, то вчерашних язычников никто нигде не ждал. Можно сказать, что ещё в момент перехода князя Ягайлы в католицизм для язычества в Литве не осталось места.

На примере Великого княжества Литовского мы рассмотрели попытку варваров-язычников противостоять религии, транслируемой цивилизованным обществом. Такие князья как Миндовг и Кейстут продемонстрировали все качества, необходимые монар-

¹ Брянецв П. Д. Литовское государство. От возникновения в XIII веке до союза с Польшей и образования Речи Посполитой и краха под напором России в XIX веке. – Москва : Центрполиграф, 2018. – С. 346.

ху для успешной борьбы с внешним врагом – дипломатическую ловкость, дальновидность, несгибаемость и отвагу. Однако их дело всё равно оказалось проиграно. Почему? Думается, ответ лежит в политической плоскости, так как миссионерская проповедь на территории Литвы из-за военных действий практически не велась. Великое княжество Литовское находилось в окружении самых различных соседей – мусульман-степняков, православных русских и католиков-европейцев, и с каждым из соседей князя пытались строить взаимовыгодные отношения. Однако, оставаясь язычниками, литовцы были одиноки. В первые годы их знакомства с католиками, возможно, ещё существовало некое подобие языческого интернационала, включавшего в себя прусские и литовские племена, и именно этот факт позволил Криве-Кривейто при вторжении тевтонцев в Пруссию бежать в Литву и встретить там тёплый приём. Но интеграционные возможности такой условной коалиции очень ограничены. Так, язычники Восточной Прибалтики попали под удар рыцарей ордена Меченосцев, а в Вильно об этом никто не знал и знать не хотел. Лишь доктринальное и культовое родство позволило прусскому языческому понтифику эмигрировать к литовцам. Язычники, исповедовавшие иные верования, на такое гостеприимство рассчитывать не могли: они были для литовцев так же чужды, как католики или православные. Литовский языческий клир был устроен стройно и иерархично, пользовался среди паствы немалым авторитетом, но решить все политические и социальные проблемы, связанные с нескончаемой войной против католического мира, он не мог. В то время как у литовцев под влиянием частых наступательных и оборонительных походов рушились родовые порядки и форсированными темпами формировалась военная аристократия (что казалось свободным общинникам наступлением социального хаоса), Тевтонский орден умело и методично вклинивался в их земли линиями крепостей, штурмовал туземные укрепления и иными способами демонстрировал военно-техническое превосходство цивилизации над варварством. Те победы, которые язычникам удавалось одержать над христианскими рыцарями, стоили им колоссальных людских потерь, в то время как ряды тевтонцев исправно пополнялись младшими сыновьями немецких аристокра-

тов и гостями из Западной Европы, принимавшими участие в одной-двух кампаниях ордена как в сафари. Иногда на стороне ордена выступала и Польша, для которой война с язычниками становилась неплохим способом безнаказанно поправить своё материальное положение. Литовцы были вынуждены противостоять этому нескончаемому натиску в одиночку. Военное поражение язычества было предрешено самим балансом сил, поэтому тот политический курс, который проводил Ягайло, на самом деле являлся оптимальным способом физически сохранить литовское общество и войти в католическую цивилизацию в качестве равных, а не пленников.

Зададимся некорректным для историка вопросом: что было бы, если бы язычники победили католиков и захватили Польшу? Какой была бы судьба христианства в захваченной язычниками стране? История знает похожий прецедент, только случившийся не в Центральной Европе, а на Ближнем Востоке. В одной из предыдущих глав мы рассматривали монгольские завоевания XIII в. как грандиозное победоносное вторжение евразийских степных варваров на ареалы китайской, исламской и христианской цивилизаций. О том, какие отношения строил с побеждёнными китайцами хан Хубилай, мы уже говорили и отметили, что, поскольку религиозные верования не играли в средневековом Китае самостоятельной, автономной от политики роли, хану не стоило большого труда сбалансировать свою политику по отношению к религии. Иным оказалось положение степных завоевателей на Ближнем Востоке, где мусульманскую веру до сих пор не всегда возможно отделить от политики и права. А главное – ислам представляет собой последовательное и бескомпромиссное единобожие, не допускающее толерантности в религиозных вопросах. Так, важнейшим догматом ислама является *таухид*, то есть формула «нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк Его». Такая строгая монотеистическая картина мира не могла бесконфликтно сочетаться с религиозным плюрализмом Монгольской империи, в которой под эгидой Тенгри допускались любые культы и верования, если их адепты хранили лояльность короне в политических вопросах. Однако на поле боя кочевники победили мусульман и заставили их мириться со своим господством, чего бы последние

не думали по этому поводу. Каким же образом происходило взаимодействие кочевой религиозности с исламом, превратившимся из мировой религии в верования побеждённых?

Первое близкое знакомство монголов с исламом произошло в 1219 г., во время вторжения Чингисхана в Хорезм. Вот как описывает встречу кочевников-тенгриан с мусульманами, произошедшую во время капитуляции Бухары, Рашид-ад-дин: «На другой день, на рассвете, жители раскрыли ворота города, и люди из имамов и учёных лиц явились к его величеству с выражением раболепия. Чингиз-хан поехал осмотреть город и крепость [хисар] и въехал в город. Он проскакал до соборной мечети и остановился перед максурой. Сын его, Тулуй-хан, спешился и взойшёл на мимбар. Чингиз-хан спросил: «Это – дворец султана?». [Ему] сказали: «Это дом Господний». Он слез с лошади и поднялся на две-три ступени мимбара и повелел: «Степь лишена травы, накормите наших коней!». Бухарцы открыли двери городских амбаров и вытаскивали зерновые хлеба, а сундуки со списками Корана превратили в конские ясли, бурдюки с вином свалили в мечети и заставили явиться городских певцов, чтобы они пели и танцевали. Монголы пели по правилам своего пения, а знатные лица [города], сейиды, имамы, улемы и шейхи стояли вместо конюхов у коновязей при конях и обязаны были выполнять приказы этого народа»¹. То есть Чингисхан не проявил к мусульманским святыням никакого уважения и настоял, чтобы мусульмане выполняли его приказы именно так, как было угодно ему, а не приемлемо для них. Однако после демонстративного распития вина и танцев в мечети варварский вождь не причинил вреда духовенству, коль уж оно изъявило покорность. Для него самого не существовало проблемы в том, чтобы пьянствовать в храме, и Чингисхан совершенно не интересовался мнением тех, кто проблему в его поведении всё же видел. После того, как имамы и шейхи сделали всё, что им было велено, факт их лояльности, по мнению монголов, был доказан. И, наоборот, когда в 1220 г. во время осады степняками Ургенча мусульманский шейх Наджм-ад-дин Кубра

¹ Рашид-ад-дин. Сборник летописей в 3 т. Т. 1. Кн. 2. – Москва : Изд-во АН СССР, 1952. – С. 205.

отказался перейти на сторону монголов, Чингисхан без колебаний приказал войскам убить богослова так же, как и любого другого защитника города. Этот факт, опять же свидетельствует о том, что для степных варваров критерием, определяющим жизнь цивилизованных жертв, было не вероисповедание, а именно покорность. Ни Чингисхан, ни его наследники вовсе не планировали уничтожать ислам и заменять его культом Тенгри. Более того, тенгрианство легко уживалось с религиями побеждённых народов, хотя ислам ужиться с тенгрианством не смог бы. С точки зрения мусульман, правоверные не могут и не должны жить по законам идолопоклонников и повиноваться языческим правителям, но их мнение степных ханов не интересовало. Для Чингисхана и его наследников мусульмане были лишь одним из многих покорённых народов, а вовсе не какой-то привилегированной общественной группой. Они вместе со своими верованиями имели право на жизнь, но никак не на самоопределение или какое-нибудь особое отношение со стороны степного трона. Вот как характеризует сложившуюся ситуацию отечественный исследователь А. Г. Юрченко: «Ни один из четырёх великих ханов Монгольской империи – Угэдэй, Гуюк, Мунке, Хубилай – не считал, что ислам способен укрепить его власть. Наоборот, они даровали равные возможности представителям всех религий. Аллаху принадлежала только часть территорий, над которыми царствовал Тенгри»¹.

Чингисхан не собирался жить ни в одной из захваченных мусульманских стран и надеялся в скором после победы времени вернуться в Монголию. Зато внук легендарного завоевателя, хан Хулагу (1217–1265 гг.), действуя по аналогии со своим кузеном Батыем, принялся расширять западные границы необъятной империи, выбрав основным направлением своих походов Персию и Месопотамию. В 1252 г. его полчища вторглись в Кухистан и к 1256 г. смогли подавить все очаги сопротивления, возглавляемого как тюркскими эмирами, так и шиитской сектой исмаилитов, прежде наводившей ужас на весь Ближний Восток. Непреступная

¹ Юрченко А. Г. Золотая Орда: между Ясой и Кораном (начало конфликта). Книга-конспект. – Санкт-Петербург : Евразия, 2012. – С. 93.

крепость Аламут, в которой находилась штаб-квартира сектантов, была взята измором, а последний духовный лидер исмаилитов, Рукн-ад-дин Хуршах, попал в плен и год спустя был казнён. При этом Хулагу не высказывал враждебности в адрес мусульман, воюя лишь с теми правителями, которые не желали признавать его власть добровольно. Одним из советников варварского вождя вскоре стал историк-суннит Ала ад-Дин Джувейни, а другим – шиитский богослов Насир ад-Дин ат-Туси. Именно эти люди переименовали ханский титул в более привычное для мусульманского слуха слово «ильхан» и действовали так, будто варварский вождь был одним из тюркских султанов. Со своей стороны, Хулагу, приблизив одновременно суннитского и шиитского интеллектуалов, продемонстрировал, что не понимает и не признаёт разницу между мусульманскими течениями. В 1258 г. он предъявил ультиматум багдадскому халифу и, после того как повелитель правоверных отверг требования степняков, хан взял штурмом Багдад, разграбил город, а с самим халифом безжалостно расправился. Если сунниты надеялись обрести в монгольском хане союзника против шиитов, то они жестоко просчитались. Западный поход Хулагу достиг Сирии, где кочевники нанесли поражение нескольким мусульманским эмирам, чем вызвали восторг как местных христианских правителей из числа армянских и грузинских князей, так и государей-крестоносцев. Когда степняки атаковали эмират Майафарикин в Западной Месопотамии, к ним присоединилась армянские отряды принца Севаты, спешившего отомстить мусульманам за те унижения, которым они подвергали христиан. В частности, эмир Западной Месопотамии по имени Мухаммед аль-Камиль незадолго до монгольского вторжения приказал распять на кресте священника. И теперь армяне сочли ильхана Хулагу мстителем за невинно убиенного христианина, а сам хан не торопился опровергать их надежды. Тем более, что осада крепости эмира оказалась затяжной и сопровождалась горячими схватками между фанатично настроенными мусульманами и степными воинами. Поэтому снабжение и военная помощь со стороны армян оказались Хулагу только на руку. Об отношении к нему восточных христиан, сыгравших роль внутренних варваров исламской цивилизации, свидетельствует летопись

армянского хрониста Вардана, отметившего, что принц Севата погиб при осаде Майафарикина, «оставаясь верным Богу и ильхану»¹. Возможно, армяне считали монголов такими же крестоносцами, какими были французские рыцари за столетие до описываемых событий. Осада Майафарикина завершилась капитуляцией крепости, а голову жестокого эмира аль-Камиля отдельно от тела возили по сирийским городам в назидание мусульманам.

Единственным мусульманским правителем, который сумел дать монголам отпор, стал египетский султан Кутуз, войско которого разгромило авангард монголов в битве при Айн-Джалуте в Палестине (1260 г.) и, тем самым, закрыло степнякам путь в Северную Африку. Хулагу не придал этому сражению большого значения, потому что его власти над покорёнными Персией, Месопотамией и Закавказьем ничего не угрожало.

Так исконно мусульманский регион оказался в руках степных варваров, в своей религиозной политике исходивших из принципов веротерпимости, но правовая система которых базировалось не на шариате, а на нормах Великой Ясы. Захватчики не запрещали мусульманам посещать мечети, но многократно и убедительно дали им понять, что Персия и Ирак больше не являются мусульманскими странами и ничем не отличаются от любых других провинций необъятной империи монголов. Для мусульман, привыкших на своих землях брать с иноверцев джизью (особый налог на вероисповедание), стало шоком, что теперь они сами являются религиозным меньшинством в огромном государстве. Более того, мусульманская идентичность даже в наши дни, во многом, опирается на противопоставление правоверных – неверным, а в XIII в. мусульманам предстояло признать факт: ими правит неверный и в истинную веру переходить не собирается. Разумеется, они пробовали избавиться от такого диктата вооруженной рукой, но все их восстания были подавлены.

Хулагу и его монголы оказались властителями цивилизованных стран с развитой экономикой и сложной инфраструктурой, для обслуживания которой требовалось большое количество гра-

¹ Груссе Р. Степные кочевники, покорившие мир. Под властью Аттилы, Чингисхана, Тамерлана. – Москва : Центрполиграф, 2020. – С. 354.

мотных и добросовестных чиновников. При этом многие арабские и персидские бюрократы наотрез отказывались служить хану, считая такое сотрудничество изменой исламу. Поэтому Хулагу решил использовать тот человеческий и духовный потенциал, который ему предоставляла степная империя, охватывавшая сразу несколько покорённых цивилизаций. Проще говоря, хан обратился к тем ресурсам, которые были ему доступны при условии веротерпимости. В первую очередь Хулагу пригласил из Тибета и Китая большое количество образованных буддистов и доверил им администрирование на мусульманских территориях. Нельзя сказать, что приезд иноверцев-чиновников каким-либо образом изменил баланс населения в мусульманской Персии, однако на какое-то время все важные придворные должности оказались заняты именно выходцами из Китая и Тибета. Они не могли численно вытеснить персов из какой-нибудь области, но стали непроницаемой преградой между ханом и его мусульманскими подданными. «Империя ни в коем случае не навязывала буддизм персам и арабам. Он оставался инородным явлением, неотъемлемой частью имперского порядка на завоёванных территориях. В астральном аспекте насилие, творимое монголами, таило ответную угрозу. Ильханы импортировали в Персию придворный буддизм в качестве защитного ресурса в войне символов. Буддисты при ильханах были барьером на пути всепоглощающего влияния ислама. (...) Духовные запросы кочевой аристократии формировались буддийскими астрологами и монахами. Их влияние казалось безмерным. В 1264 г. вардапет Вардан прибыл ко двору Хулагу для участия в праздновании середины лунного года. Он ни словом не обмолвился о каких-либо монгольских шаманах, но отметил, что старшая жена ильхана – несторианка, а сам Хулагу окружён буддистами»¹.

Вторым шагом хана стало сотрудничество с внутренними варварами исламского мира – религиозными меньшинствами, которые столетиями платили мусульманам джизью и искренне ненавидели своих притеснителей. В администрации Хулагу и его на-

¹ Юрченко А. Г. Элита монгольской империи: время праздников, время казней. – Санкт-Петербург : Евразия, 2012. – С. 249.

следников нашлось немало ответственных должностей для православных и несторианских христиан, а также иудеев. Поскольку Хулагу, как и остальные дети и внуки Чингисхана, был родом из Монголии, то с детских лет был знаком с монголами-несторианами, и христианская символика не внушала ему опасений. Вот как характеризует отношения хана с его христианскими сторонниками немецкий исследователь Б. Шпулер: «Сторонники несторианства могли, естественно, ожидать особых привилегий, поскольку большая часть пришельцев из Центральной Азии являлась их единоверцами. Супруга ильхана Докуз-хатун исповедовала их веру. Сам ильхан нередко участвовал в христианских праздниках и посещал мессы. Он разрешил строительство дворцовой часовни, даровал Церкви пожертвования и выказывал предпочтение к христианам в сравнении с мусульманами. Другие христианские секты – сирийская (или яковиты), армянские монофизиты и в какой-то степени также грузинские православные – также пользовались благосклонностью правителя. Их епархии умножались. Их влияние возрастало, и они получили право на публичные шествия и теперь могли ремонтировать или расширять свои церкви и монастыри, что запрещала строгая исламская практика. Хулагу сам не принял несторианство. Он склонялся совершенно к другому вероучению, которое не смогло укорениться в Западной Азии, но пришло к монголам из Китая, а именно к буддизму. Хотя нет прямых свидетельств, что ильхан официально принял буддизм, известно, что он был расположен к этой религии. Немало буддийских священников (бхикшу) обитало при его дворе»¹.

Принимаемые ханом Хулагу меры по стабилизации внутренней политики в захваченных им цивилизованных землях и регулированию духовной сферы на началах плюрализма были бы хороши, если бы Монгольская империя имела прочную структуру и с годами становилась ещё прочнее. Но в реальности события развивались противоположным образом: связи между улусами стремительно ослабевали, и Хубилай, номинально будучи верховным

¹ Шпулер Б. История мусульманского мира. Век халифов. Монгольский период. – Москва : Центрполиграф, 2020. – С. 179-180.

ханом, сеньором Хулагу и других Чингисидов, фактически превратился в китайского императора, потеряв возможности оказывать реальное влияние на положение дел в Персии, Средней Азии и Поволжье. Политическое единство степной империи незаметно нарушилось, а вскоре и вовсе исчезло. Приходясь друг другу родственниками и говоря на одном языке, потомки Чингисхана больше не признавали иерархической вертикали в отношениях друг с другом. Такая метаморфоза имела плачевные для монгольского владычества результаты. Так, Хулагу вторгся в Персию и Месопотамию во главе полчищ, собранных со всей евразийской степи, включая контингенты даже из дельты Волги. Поэтому ему и сопутствовал успех: разрозненные эмираты и султанаты по отдельности не располагали и десятой частью таких сил. Однако вместе с ослаблением связи «центр – периферия» Хулагу рассорился со своим кузеном Берке, ханом Золотой Орды, и теперь мог рассчитывать только на своё собственное войско, совсем не такое многочисленное как во время походов на Багдад и Майяфарикин. Более того, братья-ханы в своей конфронтации дошли до прямых военных столкновений друг с другом. Берке, проигрывая Хулагу на поле боя, поспешил принять ислам и заключить альянс с Египтом, которым теперь правил султан Бейбарс, в битве при Айн-Джалуте командовавший войском, разбившим монголов¹. Таким образом, теперь баланс сил изменился: вместо универсальной степной империи разрозненному мусульманскому миру противостоял лишь хан, владеющий Персией и Месопотамией, а в уцелевшем исламском мире под влиянием монгольской угрозы начались быстрые консолидационные процессы.

Штурм Багдада монголами и убийство ими халифа в 1258 г. продемонстрировали ближневосточным мусульманам, до чего может довести политическая рознь между ними. Если до гибели халифа тот или иной левантйский эмир мог сотрудничать с крестоносцами и наивно полагать, что его поведение – сущая мелочь, обусловленная интересами момента, то крах халифата Аббасидов показал, к чему такие мелочи приводят. Теперь каждый

¹ Шпулер Б. Золотая Орда. Монголы на Руси. 1223–1502. – Москва : Центрполиграф, 2017. – С. 51.

мусульманский правитель, как ни мала была его власть, полагал, что монголы наступают на ислам и на него лично, а поэтому обороняться от них нужно единым фронтом. Тем более, что один из родственников последнего багдадского халифа сумел бежать в Египет и был тепло принят местным султаном и его мамлюками. Победа при Айн-Джалуте показала, что при должном мастерстве и самоотверженности мусульмане вполне могут разбить и изгнать монголов. Поэтому под знаменем каирского халифа начала формироваться панисламская коалиция, в которой левантийские мусульмане успешно сотрудничали с тюрками и даже с принявшими ислам степняками Поволжья. Важно отметить, что сами мамлюки, египетские гвардейцы, сыгравшие ключевую роль в отражении монгольского нашествия на Палестину, были этническими тюрками из западной части евразийской степи, а в Египет попадали как невольники. Эти воины-рабы отличались от монголов Хулагу лишь своим вероисповеданием, что не мешало им защищать исламский мир вооруженной рукой¹. А с другой стороны фронта, в Месопотамии и Персии, побеждённые и принужденные к покорности мусульмане смотрели на Египет с надеждой. Не все из них прекратили сопротивление – в частности, исмаилитская крепость Гирдекух выдерживала осаду до 1270 г., то есть при жизни Хулагу кочевники так и не смогли её захватить. При этом египетский полководец Бейбарс, герой Айн-Джалута, сменил на престоле султана Кутуза и принялся активно и умело выбивать крестоносцев из их владений в Палестине и Сирии. Поэтому многие иракские и персидские мусульмане обоснованно полагали, что спасение близко: отважный мамлюк, покончив с франками, придёт к ним на помощь. В такой обстановке господство иноверцев-степняков воспринималось мусульманами как неприятное, но временное явление. Тем более, что в начале XII в. господство крестоносцев в Леванте тоже казалось незыблемым, но в середине XIII в. от воинственных, милитаризированных королевств франков практически ничего не осталось. Поэтому многие мусульмане проводили справедливую аналогию между кре-

¹ Зеленов Е. И. Мусульманский Египет. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. – С. 129.

стоносами и монголами: если, несмотря на весь внешний блеск, могущество франков рухнуло, то обязательно рухнет и не в меру веротерпимый ильханат с его антиисламской политикой.

Со своей стороны Хулагу и его наследники могли бы противопоставить духовному единству мусульманских подданных аналогичное единство победителей. Увы, такая мера оказалась возможной только в теории: между христианскими течениями православных, несториан, яковитов и монофизитов было общим лишь то, что все они – не мусульмане. Только на этом основании с ними могли сотрудничать приглашённые ильханом Хулагу буддисты и поддерживаемые ильханом Аргуном иудеи. Тем более, что буддисты в некоторых городах Персии и Закавказья воздвигли свои храмы и пагоды, вызывавшие ненависть мусульман и непонимание христиан. Например, до наших дней сохранились руины буддийского святилища в закавказской области Дашкесан (в современном Азербайджане), где до прихода монголов хана Хулагу эту религию никто не исповедовал. Получается, что победители не имели между собой духовного единства и никак не смогли бы его достичь, а тенгрианство потеряло всякую актуальность в тот момент, когда хан Золотой Орды Берке принял ислам и заключил союз с египетскими мамлюками, то есть добровольно и безнаказанно прервал связь своего улуса с остальной степной империей, превратившейся в название без реального содержания. Если мусульмане – как простонародье, так и образованные слои общества – представляли собой единый сегмент общественно-политической системы ильханата, то грузинские и армянские союзники монголов, сирийские христиане и чиновники-буддисты единым, противостоящим исламу сегментом не являлись. Ситуация усугублялась тем, что многие кочевые вожди, пришедшие в Персию вместе с Хулагу, стремительно превращались в местных аристократов, забывая степные традиции и всё сильнее тяготея к образу жизни знатных персов и арабов. Кроме того, быстро выяснилось, что прибывшие из Китая и Тибета образованные буддисты плохо справляются с бюрократическими обязанностями, так как не понимают ни арабского языка, ни фарси, на которых говорили и вели дела арабы и персы. Поэтому наследники первого ильхана были вынуждены приглашать на прежние должности

уволенных «по религиозным мотивам» чиновников-мусульман и искать компромисс в отношениях с ними.

Любопытный пассаж демонстрирует нам придворная медицина ильханов. И Хулагу, и его наследники избегали пользоваться услугами арабских врачей, предпочитая обращаться к приглашенным индийским йогам. И по странному стечению обстоятельств ни один из этих правителей не прожил дольше пятидесятилетнего возраста: Хулагу умер в возрасте 48 лет, его наследник Абага – в 48 лет, Аргун – в 33 года, Газан – в 33 года. Для сравнения правивший в Китае хан Хубилай никогда не прибегал к услугам йогов и прожил 79 лет. Преодолевший недоверие правителей и прошедший собственное расследование арабский врач обнаружил, что йоги пытались лечить венценосцев ртутными снадобьями практически от всех болезней. В результате такого лечения ильханы закономерно умирали преждевременно¹. Когда лекарь обнародовал результаты своих изысканий, йоги и буддисты сразу же были отстранены от двора, а их место заняли персидские чиновники и арабские врачи.

Таким образом, плавный дрейф режима ильханов в сторону исламизации, перехода в религию и культуру побеждённых становился всё более заметным. Уже наследник Хубилая, ильхан Абага констатировал, что сохранить монгольское правление в мусульманском мире прежним, то есть подчеркнуто светским и веротерпимым, можно лишь одним способом: уничтожением мусульманской государственности во всём мире. Симпатизируя христианам, Абага вёл переговоры с французским королём и Папой Римским о совместном походе против Египта. Под патронажем ильхана в 1281 г. в Багдаде прошёл Собор, на котором тангутский митрополит Марк был избран несторианским патриархом и занял эту должность под именем Мар Ябалаха III. Этот владыка плохо понимал сирийский язык и большую часть своей прежней жизни служил в Северной Китае². Только авторитет ильхана и оказанные им ближневосточным Церквям услуги смог-

¹ Юрченко А. Г. Элита монгольской империи: время праздников, время казней. – Санкт-Петербург : Евразия, 2012. – С. 252-253.

² Груссе Р. Степные кочевники, покорившие мир. Под властью Аттилы, Чингисхана, Тамерлана. – Москва : Центрполиграф, 2020. – С. 362.

ли заставить пёстрое этно-конфессиональное общество христианского Ирака признать своим патриархом столь чуждого иностранца. Но Абага вовсе не был самодуром, он пытался сформировать единый антимусульманский фронт и во главе всех враждебных исламу сил выступить на Египет, последнюю цитадель суннитов. Но этот замысел не удался – слишком уж разнородные силы пытался объединить ильхан, и ни одна из этих сил в Леванте не доминировала. Папа Римский не смог или не захотел устроить новый крестовый поход, а восточные христиане, несмотря на своё привилегированное положение, оставались среди местных мусульман в меньшинстве. Абага сдержал данное самому себе обещание и выступил против мамлюков в одиночестве, но, несмотря на ряд побед в Сирии, прочных результатов в этой кампании не достиг. Легко представить ликование, которое испытали мусульмане от Бухары до Каира, узнав, что мамлюки смогли выстоять, и монголы возвращаются в Месопотамию ни с чем.

При той непреклонности, которую проявляло по отношению к завоевателям мусульманское население ильханата, исламизация и ассимиляция победивших степных варваров оказались неизбежными. Уже после смерти ильхана Абаги монгольский царевич Текудер перешёл в ислам и выступил против наследного принца Аргуна. Приняв имя Ахмед, мятежник даже успел написать письмо с предложением мира мамлюкам, тем самым как бы подав заявку на вступление ильханата в мусульманскую цивилизацию. На тот момент при дворе ещё доминировали несториане и буддисты, и после двухлетней борьбы (1282–1284 гг.) Аргун сумел свергнуть узурпатора, приостановив процесс реисламизации Персии. Сознывая своё бессилие перед объективным историческим процессом, Аргун попытался повторить попытку своего предшественника по уничтожению государства мамлюков и написал письмо с предложением о совместных действиях Папе Гонорию IV, но так и не сумел реанимировать христианско-монгольский союз. Престарелый хан Хубилай прислал в Персию целую депутацию с выражением горячего одобрения антиисламской политики своего родственника, но реальной поддержки не оказал. Между тем, если Текудер смог поднять антимонгольский мятеж, то, следовательно, в высших эшелонах монгольской вла-

сти уже существовала влиятельная мусульманская партия. Если в 1284 г. её попытка перехватить власть не увенчалась успехом, то в 1295 г. всё получилось как нельзя лучше: визирь сумел убедить ильхана Газана принять ислам, что тот и сделал под именем Махмуд. С этого момента режим ильханов в Персии превратился в обычную ближневосточную монархию, подобно другим эмиратам и султанатам.

Зададимся вопросом: почему монголы, декларируя и осуществляя на практике доктрину веротерпимости, да ещё и обладая военным превосходством над мусульманами, не смогли противостоять исламизации? Религия цивилизованного общества буквально втянула варваров в свою паству меньше чем за полвека. И это при том, что на поле боя варварам почти всегда сопутствовал успех. По крайней мере, не ятаганы мамлюков привели в ислам Текудера / Ахмеда и Газана / Махмуда. Ответ прост и кажется наивным: всё дело в непреклонности и бескомпромиссности цивилизованных верующих перед лицом варварских завоевателей. Степняки требовали политической покорности и получили её, но они не претендовали на духовное господство и, возможно, именно поэтому ислам, будучи не столько политическим, сколько религиозным учением, не поколебался. Буддизм и христианство воспринимались ханами в качестве инструментов политического господства наряду с такими понятными методами как террор и военная оккупация. Поэтому в политическом плане варвары одолели цивилизацию, но религиозное мировоззрение лежит гораздо глубже политических институтов и правовых норм. По этой причине, воюя с халифатом и шариатом, ни Хулагу, ни его наследники не смогли повредить исламу. А в перспективе долгосрочного соседства цивилизованное общество, будучи более многочисленным и более развитым, чем его кочевые поработители, попросту очаровало и втянуло в свою орбиту агрессивных, но примитивных чужаков. Не будем забывать, что в отличие от германских конунгов, разорвавших на части Западную Римскую империю, Хулагу привёл в Персию не народ-войско, которым мог бы прогнать местных жителей вместе с их религией, а лишь конгломерат конных дружин, стремившийся господствовать над местными жителями, а не вытеснять их. И в ходе этого господства ислам

занял в духовной жизни завоевателей то место, которое в силу своей эклектической, искусственной природы не могло занять тенгрианство.

Обратим внимание на такую важную деталь религиозной политики монголов в Персии как сотрудничество с религиозными меньшинствами – сознательное поощрение внутренних варваров, агрессивно настроенных по отношению к мусульманской цивилизации. Внешние варвары воспринимали их как своих естественных, но временных союзников, некую «пятую колонну». Хулагу и другие ильханы старались придерживаться линии религиозного плюрализма, не позволяя ни одной из религиозных групп подвластного населения превратиться в политическую силу. Как мы только что видели, эту задачу монголы не смогли выполнить, и мусульмане, позиционировавшие себя именно как религиозно-политическая общность, ассимилировали их в течение нескольких десятилетий. Но как развивались бы события, если бы завоеватели прочно приняли сторону одного из религиозных меньшинств? Попыток создания христианского государства в Персии монголы не делали, но история знает похожий прецедент, произошедший в «тёмные века» на ареале погибшей античной цивилизации.

Для того чтобы исследовать прочный и нерасторжимый конкордат внутренних и внешних варваров в религиозной сфере, мы обратимся к истории королевства вандалов Северной Африке (439–534 гг.). Завоевание германцами североафриканских провинций Западной Римской империи проходило по стандартному для тех дней сценарию: в 429 г. мятежный карфагенский наместник Бонифаций пригласил грабивших иберийские провинции вандалов конунга Гейзериха и их союзников аланов в Африку, надеясь на их помощь против центральной власти. Как и в других аналогичных случаях, расчёт чиновника не оправдался по двум причинам: во-первых, центральная власть была слишком слабой для того, чтобы попытаться пресечь мятеж вооруженной рукой, а, во-вторых, Гейзерих не собирался выполнять указания подлого и недалёкого мятежника. К тому времени, когда вандалы переправились через Гибралтар и достигли Карфагена, Бонифаций успел сбежать, верные ему отряды разошлись по домам, а местное на-

селение, деморализованное постоянными переворотами и произволом властей, не оказало германцам никакого сопротивления. Лишь небольшая крепость Гиппон Регий, гарнизон которой находился под влиянием благочестивого епископа Августина, отказалась открыть ворота варварам, и Гейзериху пришлось осаждать её почти год. Лишь после смерти Августина вандалы смогли овладеть городом, но Гиппон оказался единственным местом, где местные жители вообще пытались противодействовать незваным гостям. В 435 г. римский император Валентиниан III официально признал факт существования вандальского государства в Тунисе, а в 439 г. конунг Гейзерих без объявления войны отобрал у империи Карфаген. В 440-е гг. конунг превратился в короля, запретив созывать тинг и выбирать правителей. Германская и аланская знать сохранила своё привилегированное положение, но лишилась возможности влиять на престолонаследие, что, впрочем, её мало огорчило. Казалось, что теперь развитие молодого варварского государства пойдёт по тому же пути, по которому пошли готы и франки. Однако в дело вмешался религиозный фактор, в Северной Африке имевший оригинальное звучание.

Как и большинство знакомых с христианством германских племён, вандалы исповедовали арианство. Такое теологическое предпочтение было обусловлено политическим мотивом – нежеланием признавать константинопольского патриарха и подчиняться духовной власти, находящейся вне пределов королевства. Для германцев эпохи «тёмных веков» такой подход к христианству был абсолютно нормальным, но религиозный климат в Северной Африке разительно отличался от галльского или итальянского. Проблема заключалась в том, что православная Церковь к приходу варваров так и не сумела монополизировать духовную жизнь африканских провинций. В этих краях широко распространившиеся ростовщичество и помещичье землевладение разоряли ремесленников и крестьян. Жители беспокойного края нуждались в религии, которая бы санкционировала их борьбу за социальную справедливость, и ортодоксальная Церковь в этом вопросе дать требуемого ответа не могла. Православное духовенство сотрудничало с государством, помещиками и ростовщиками, потому что, только поддерживая статус-кво, тот или иной при-

ходской батюшка или настоятель монастыря мог добиться компромисса в конфликте какого-то конкретного помещика с крестьянами или ростовщика с должниками. Разоряемое и бесправное местное население считало такую позицию Церкви соглашательской и благоволило к всевозможным сектантам и еретикам, если те благословляли радикализм. Одним из самых популярных в среде разбойников-циркумцеллионов и берберских сепаратистов христианских течений стал донатизм, основанный в первой половине IV в. нумидийским епископом Донатом. Начавшись как непримиримая вражда к верующим, которые хоть раз в жизни отказывались от христианства, донатизм быстро превратился в благословение для всех, кто считал себя «истинными» христианами, в их борьбе против социальной несправедливости. Ливийский историк М. С. Айюб полагает, что донатизм во второй половине IV в. трансформировался из религиозного в политический фактор, и эта метаморфоза вызвала жесткую реакцию государственной власти: «Идеи терпимости и всепрощения, к которым призывала Римская Церковь, натолкнулись на сильное сопротивление христиан из числа североафриканских берберов. Это сопротивление породило новое направление в христианстве, которое возглавил епископ Донат. Постепенно стало ясно, что берберы нашли в этом движении способ выражения своего протеста против римской власти. (...) После того как правительство выслало вождя антиримского движения Доната в Европу, в Галлию, где он и умер, протест начал принимать насильственные формы»¹. Во время сепаратистского восстания берберов-федератов под руководством князей Фирма и Гильдона (372–375 гг.) донатисты открыто поддерживали мятежников, а еретический епископ Опатий из Тамугади даже благословил князя Гильдона как Божьего слугу². Такая антигосударственная позиция донатистов привела к тому, что в 411 г. на диспуте в Карфагене их учение было осуждено. Эта церковная мера заставила еретиков до подходящей по-

¹ Айюб М. С. Гарама (из истории ливийской цивилизации) // Гарамантида (африканская Атлантида). – Москва : Восточная литература РАН, 1994. – С. 78.

² Диснер Г.-И. Королевство вандалов. – Санкт-Петербург : Евразия, 2002. – С. 41.

ры притихнуть, но их организации вовсе не исчезли, а впоследствии поддержали вандалов как освободителей. Точно такую же позицию заняли и ариане, повсеместно на территории империи осуждаемые и притесняемые, но в германском королевстве увидевшие своего защитника. Немецкий историк Г.-И. Диснер отмечает, что, поскольку варвары не встретили в Северной Африке организованного сопротивления, то большая часть убийств и поджогов, случившихся во время их марша на Карфаген, наверняка была делом рук сектантской и уголовной публики, примкнувшей к вандалам «по убеждениям»: «Как показывают некоторые проповеди Августина, без сомнения, относящиеся к этому периоду, сразу же нашлось множество перебежчиков и коллаборационистов, которые не только радостно приветствовали смену политической власти, но и предавали в руки вандалов богатых и влиятельных граждан, которые затем выкупались за большие деньги. Рабы часто сбегали от своих хозяев и предавали их, надеясь получить свободу и благосостояние. (...) Конечно, на стороне вандалов наряду с многочисленными рабами и колонами сражалось и большинство донатистов и ариан, ожидавших от них прежде всего защиты, а также восстановления своего вероисповедания»¹. Получилось, что, став королём римских провинций в Алжире, Тунисе и Ливии, Гейзерих встретил прочную поддержку внутренних варваров, которые жили и действовали в этих краях задолго до прихода германцев. А Восточная Римская империя, со своей стороны, несколько раз пыталась вандалов из Карфагена выбить, чем не добавила им симпатии к своей государственной религии. Выбирая культурный ориентир для своего королевства, Гейзерих без колебаний решил опираться на ариан и противопоставлять своё общество римскому.

В социально-политическом отношении вандальское королевство мало отличалось от своих европейских аналогов: здесь были и персональное право, и полное освобождение вандалов и аланов от любых налогов и податей, и пиратство, возведённое в ранг внешней политики. А вот в религиозном плане вандальские ко-

¹ Диснер Г.-И. Королевство вандалов. – Санкт-Петербург : Евразия, 2002. – С. 61-62.

роли объявили настоящую войну православной Церкви, позволив арианам занять её место социального института и духовного пастыря. Но именно такого опыта у арианской организации и не было: на протяжении всей своей истории она представляла собой оппозицию православной Церкви, нигде не доминируя. Ариане, конечно же, с увлечением принялись экспроприировать церковные здания и монастырские земли, но они пока совершенно не представляли, как всем этим пользоваться и в чём заключаются их обязанности. Арианские иерархи полагали, что им надлежит, прежде всего, быть полезными короне, но духовенство германского происхождения даже со своими римскими коллегами-еретиками начало знакомство лишь в Африке. Поэтому не могло быть и речь о слаженном функционировании, которым отличалась православная Церковь. Вот как описывает деятельность арианской церковной организации Г.-И. Диснер: «Мы уже видели, что арианская Церковь находилась под определенным влиянием обращенных (римлян – С.С., И.Ч., В.Ч.) и поэтому в ходе общего процесса романизации заимствовала у ортодоксальной Церкви многие её институты. В этом отношении возникло внешнее сходство, к которому ариане приходили из соображений целесообразности и от которого они, тем не менее, резко отказывались или которое они, по меньшей мере, оспаривали. Вместе с латинским языком были позаимствованы многие ритуалы; и всё же по большей части богослужение проводилось на вандальском языке. Арианская иерархия была очень сходна с ортодоксальной: иерархическая лестница ведёт через дьякона, пресвитера и епископа до патриарха; однако наличие у ариан монашества не засвидетельствовано»¹. Также ариане почти не занимались миссионерством, полагая, что главное для них – отвечать религиозным запросам вандалов, а не увеличивать свою паству за счёт иноверцев. Неудивительно, что численного роста арианской общины не происходило, а сами вандалы и аланы, заняв виллы и дворцы римских богачей, совсем не подходили на роль нищей и гонимой паствы, к

¹ Диснер Г.-И. Королевство вандалов. – Санкт-Петербург : Евразия, 2002. – С. 166.

которой привыкли еретики. Они могли покровительствовать Церкви, но не могли и не хотели становиться её частью.

Король Гунерих пытался помочь арианам усилиться, устранив их православных конкурентов. Так, по его приказу в 483 г. весь православный клир был выслан из городов в пустынные внутренние области провинции Проконсульская Африка. От этой депортации пострадало в общей сложности около 5000 священников и монахов, но венценосец оставался непреклонен и даже отправил арестованных православных епископов на подвластный в те дни вандалам остров Корсика, где опальных иерархов заставляли работать на лесоповале. Не довольствуясь только полицейскими мерами, Гунерих в 484 г. созвал в Карфагене Собор, куда пригласил, помимо ариан, православную делегацию и предложил враждующим богословам вступить в диспут. Однако прения не состоялись, так как арианский патриарх Кирилл организовал избегание ортодоксов своей паствой. Собор постановил всем православным к 1 июня 484 г. перейти в арианство.

В результате такой последовательной религиозной политики вандалский король дал понять всему Средиземноморью, что не желает иметь с православием ничего общего. В Восточной Римской империи и королевстве остготов его слышали, и православная Церковь прервала всякие связи с арианским королевством. Очень быстро выяснилось, что образованных ариан слишком мало для того, чтобы выполнять административные обязанности, которые прежде были прерогативой православного духовенства. А поскольку вандалы с самого начала поставили себя в положение господ по отношению к местному населению, то крестьянство, прежде не доверявшее Церкви из-за её дружбы с помещиками, теперь само искало утешения у ссыльных православных священников. Ведь если вандалы неприкрыто паразитировали на туземцах, что было отражено даже в их законодательстве, а ариане поощряли такое положение дел, то православные христиане всегда учили равенству людей перед Богом и по мере сил пытались смягчить социальные противоречия. Константинопольский патриарх мог бы дать вандалам пару советов о том, как добиться лояльности местных жителей, но он не желал ни о чём говорить с еретиками. Византийские купцы тоже старались не по-

сещать Карфаген, чтобы дома не оправдываться в своём знакомстве с арианами.

Нежелание вандалов составить с романскими туземцами единого общества, а с православными христианами – духовного содружества предопределило экономический кризис их государства. Ремесленники и крестьяне боялись своих германских господ, которым персональное право разрешало любое самоуправство. Образованные теологи и инженеры в Африку больше не приезжали, а вандалских студентов в Греции и Италии видеть никто не хотел. Поэтому в начале VI в. вандалы сильно деградировали в экономическом и политическом плане. Если франкский конунг Хлодвиг стремился стать частью античной цивилизации, то вандалы отвергали эту самую цивилизацию и сознательно оставляли своё королевство в состоянии умственного и хозяйственного упадка. Какие бы события ни происходили в христианской ойкумене, вандалов они не касались. В результате такого изоляционизма, когда поборовшая кризис Восточная Римская империя пожелала вернуть наследие Сципиона Африканского, германские захватчики не смогли ей противостоять. Местное население не пожелало сражаться за короля-чужеземца, арианский патриарх при самом горячем желании не мог стать посредником между королём Гейламиром и императором Юстинианом I Великим, ревностным защитником православия, а воевать в условиях африканского побережья германцы не умели. Поэтому византийскому полководцу Флавию Велизарию потребовалось меньше одного года для того, чтобы разгромить войско вандалов, захватить их монарха и триумфально вступить в Карфаген. Вся военная капания длилась с лета 533 г. по весну 534 г. Для сравнения тот же византийский полководец воевал в Италии с остготами больше 12 лет, потому что им на помощь приходили единоверцы-франки, да и духовенство не раз пыталось убедить Велизария решить дело миром.

Итак, мы рассмотрели три стратегии, используя которые варварское общество пытается защититься от религиозной экспансии цивилизации:

- доказано, что варвары, исповедуя традиционное язычество и оберегая его от диалога с универсальной религией, однажды ока-

зываются втянуты в войну с цивилизованными соседями. Им самим эта конфронтация кажется священной войной за веру предков, но союзников в этой войне у варваров быть не может. И как бы ни были храбры и многочисленны варварские воины, цивилизация однажды наносит им поражение и принуждает принять свою религию. Причём, в данном процессе экономические и правовые выгоды от смены веры играют не меньшую роль, чем угроза наказания за неповиновение;

- выявлен такой способ борьбы варваров с доминирующей цивилизованной религиозностью, как искусственное насаждение религиозного плюрализма. Благодаря численному превосходству цивилизованной паствы и её твёрдости в вере такая политика лишь ненадолго отсрочивает духовную ассимиляцию варваров, даже если политическая власть остаётся в их руках;

- раскрыт механизм образования и функционирования союза внутренних и внешних варваров против цивилизованного государства и его религии. Такой альянс может добиться политического успеха, но этой победой он сам себя отделит от цивилизации, взаимодействие с которой могло бы ускорить социально-политическое и духовное развитие варваров. Отгораживаясь от доминирующей в цивилизованном обществе религии, варвары сами себя лишают возможности стать частью какой-либо цивилизации вообще.

Таким образом, любые попытки отгородиться от цивилизованной религиозности приводят варваров к международной изоляции, которая становится причиной их политического краха, даже если на первых порах у них достаточно сил для обороны и нападения.

В данной главе мы рассмотрели особенности духовного соседства цивилизации с внешними варварами и можем сделать следующие выводы:

- цивилизованное общество, даже избегая военной конфронтации с варварами, всегда пытается их интегрировать в орбиту своей культуры или даже ассимилировать;

- попытки трансляции культуры от цивилизации варварам, протекающие в светских формах (например, через образовательные учреждения), заканчиваются неудачей. Варвары охотно за-

имствуют отдельные знания, умения и навыки, предлагаемые цивилизацией, но используют их на благо своего общества, в том числе и против цивилизации-донора;

- созданные цивилизованными обществами универсальные религии оказываются для варваров более предпочтительными, чем традиционные верования, и в долгосрочной перспективе включают варварское общество в ряды своей паствы;

- в процессе приобщения к цивилизованной религии варвары-неофиты заимствуют также политические институты цивилизованного общества, а порой и очаровываются той частью его духовной культуры, которая не имеет прямого отношения к религиозному учению;

- попытки варваров бескомпромиссно отстаивать собственные верования перед лицом религиозной экспансии цивилизации, обречены на поражение, так как в долгосрочной перспективе обрекают варваров на политическую изоляцию.

До сих пор мы рассматривали взаимоотношения варварского и цивилизованного обществ на примерах из древней и средневековой истории. В следующей главе мы обратим внимание на соседство и взаимоотношения этих типов обществ в современном мире.

Глава 4. Варвары наших дней.

4.1. Особенности внутреннего и внешнего варварства в США.

В предыдущих главах мы рассматривали взаимоотношения цивилизованного и варварского обществ, обращаясь к процессам межкультурных взаимодействий, имевших место в прошлом. Но наше исследование будет неполным, если не уделить хотя бы немного внимания аналогичным процессам современности, без сомнения, актуальным для читателей в гораздо большей степени, чем прецеденты из древней и средневековой истории.

Когда мы пытаемся охарактеризовать современную нам эпоху, то чаще всего употребляем термин «глобальный мир», подразумевая под этими словами, что все ныне существующие общества знакомы друг с другом, поддерживают между собой прочные экономические связи и ориентируются (или, по крайней мере, должны ориентироваться) на международные правовые нормы. Предпочтительной для глобального мира политической моделью считается либеральная демократия, хоть нельзя сказать, что она прямо предписывается всем участникам глобального миропорядка. Например, такие конституционные монархии, как Великобритания и Япония, вполне соответствуют международным представлениям о правовом государстве, а в королевствах Аравийского полуострова даже сохраняется абсолютизм. При этом глобализация претендует на распространение во всём мире массовой культуры евро-американского образца, что сопровождается свободной трансляцией не только художественных образов, но и модели высшего образования. Например, английский язык и университетская система знакомы жителям всех стран мира. Нью-Йоркская мода и голливудское кино также имеют множество поклонников на всех континентах. Кажется, будто для всех обществ и культур наконец-то найден общий духовный знаменатель.

На протяжении Нового времени, когда зарождались и набирали силу процессы глобализации, мировое соотношение варварства и цивилизации неоднократно менялось. В XVI–XVIII вв. западные европейцы и их русские соседи, используя подавляющее

превосходство в военных и гражданских технологиях, открыли для себя весь остальной мир и последовательно победили населявшие его общества, не делая разницы между варварскими и цивилизованными народами. В начале XIX в. образ варвара воспринимался как поэтический анахронизм, интересный разве что писателям-романтикам, а население колоний считалось дикарями, то есть грубыми и примитивными, но безопасными существами. Именно к дикарям европейцы относили жителей Западной Африки, продавая их в рабство, североамериканских индейцев, безжалостно спаивая их и сгоняя с земли, а также цивилизованных подданных китайского императора, которым была навязана наркоторговля. Наши предки тоже не отставали, воспринимая коренных жителей Сибири и Алеутских островов едва ли не как человекообразных обезьян. В те же годы в западной и русской политике оформилось филантропическое течение, с точки зрения которого о дикарях следовало заботиться и постепенно приучать их к образу жизни западной цивилизации, считавшейся единственной подлинной. Данный подход доминировал на протяжении всего XIX столетия, но в первой половине XX в. стала очевидна его несостоятельность: научно-технические достижения западно-европейской и русской цивилизаций распространились по всему миру, и тех дикарей, о которых мечтали заботиться филантропы, попросту не осталось. Русско-японская война (1904–1905 гг.) и, особенно, Вторая мировая война наглядно продемонстрировали, что японцы, в течение Нового времени считавшиеся дикарями, вполне могут сражаться против цивилизованных армий и побеждать их, используя те же самые технологии и методы ведения боя, что и их евро-американские противники. В 1950–60-е гг. военные столкновения, сопровождавшие процесс деколонизации, ещё раз подтвердили произошедшую в мире перемену: вчерашние дикари теперь могут себя защитить, говорят на одном с европейцами политико-правовом языке и заинтересованы в равноправном мирном сотрудничестве.

После окончания «холодной войны» многим западным и отечественным исследователям показалось, что возобладал единый мировой порядок, где все общества и культуры разделяют одни и те же интересы и могут жить по одним правилам. Проще говоря,

философы, журналисты и некоторые евро-американские политики решили, будто варвары и дикари стали достоянием истории, а на планете безраздельно водворилась одна-единственная цивилизация, большая часть культурного комплекса которой создана в Западной Европе и Северной Америке, но которая терпима к проявлениям иных культурных традиций. Это мнение существует и поныне, между тем как американский исследователь С. Хантингтон легко и остроумно доказал его ошибочность: «Выдвигаемый аргумент о том, что распространение по всему миру поп-культуры и потребительских товаров олицетворяет триумф западной цивилизации, – это опошление западной культуры. Суть западной цивилизации – это *Magna Carta* (здесь и далее – курсив автора), а не *Magna McDonald's*. Тот факт, что жители не-Запада могут съесть гамбургер, вовсе не подразумевает, что они примут и Хартию. (...) И о чём, в самом деле, говорит миру о Западе то обстоятельство, что его жители идентифицируют свою цивилизацию с газированными напитками, потёртыми штанами и жирной пищей?»¹. Это замечание – очень важный аргумент, подтверждающий, что в современном мире разделение между варварами и цивилизованным обществом никуда не исчезло так же, как в «тёмные века» использование римских клинков и желание поселиться в римских же виллах не превращало франков и бургундов в римлян. В данной главе мы посмотрим, как взаимодействует претендующая на глобальность евро-американская цивилизация с теми, кто занимает по отношению к ней позицию внутренних и внешних варваров, но не говорит этих слов. В данном параграфе сосредоточим внимание на США, которые не без успеха претендуют на роль столицы современного всемирного цивилизованного общества.

На протяжении почти всей своей истории Соединенные Штаты Америки были христианским государством, в котором де юре не существовало государственной религии, но де факто её роль играл протестантизм одного из самых радикальных типов – пуританский. В Тринадцати колониях, со временем превратившихся в

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – Москва : АСТ, 2011. – С. 75-76.

США, никогда не существовало единой церковной организации, но её аналогом было содружество местных конгрегаций (автономных территориальных общин верующих). Разрешая догматические и даже обрядовые различия между конгрегациями, американцы ни на миг не соглашались допустить в свою страну какую-нибудь иную христианскую конфессию¹. Максимальным проявлением терпимости для американцев было данное в XVIII в. жителям Джорджии разрешение исповедовать англиканство и пригласить из-за океана епископа, который всё равно к своей пастве не приехал. С течением времени американский протестантизм менялся, где-то ослабевая, а в чём-то – усиливаясь, но единые для всех конгрегаций трудовая этика и уважение к светской власти оставались неизменными. Во второй половине XIX – начале XX вв., когда в США стали в больших количествах прибывать выходцы из католических Ирландии и Италии, им недвусмысленно давали понять, что они приехали в протестантскую страну, традиции которой придётся уважать, а законы – соблюдать. Тем современным читателям, которые воображают США вековым оплотом свободомыслия, придётся испытать разочарование: веками жители Соединенных Штатов считали себя исключительно протестантами и в быту были очень консервативны. Типичным представителем жителя США считался «WASP» – White Anglo-Saxon Protestant – белый англосаксонский протестант, а вовсе не любой иммигрант, решивший связать свою судьбу с Северной Америкой. Всякий, кто не соответствовал представлениям американцев о достойном человеке, рисковал вообще не въехать в США. Американский историк Д. Бурстин отмечает, что в XVII в. ни один приезжий не мог поселиться в североамериканских колониях, прежде не пройдя собеседования с магистратом: «В 1637 году Генеральная Ассамблея издала указ, запрещающий переселяться в колонии кому бы то ни было, чьи убеждения не будут предварительно одобрены магистратами. (...) Излагая аргументы в пользу этого указа, Джон Уинтроп (основатель Бостона – С.С.,

¹ Сулимов С. И., Черниговских И. В., Черных В. Д. Путь креста. Специфика христианской миссии в Новое время: монография. – Воронеж : Воронежский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2018. – С. 181-187.

И.Ч., В.Ч.) был чётко и категоричен. Итак, налицо община, сложившаяся по добровольному согласию её членов. С какой стати терпеть им у себя опасных людей или людей с опасными идеями?»¹. Именно такой была североамериканская демократия на протяжении большей части своей истории. Основываясь именно на таких идеалах, американцы противостояли англичанам в борьбе за свою независимость, потом считали индейцев дикарями, а ирландских иммигрантов-католиков – варварами. Не будем делать никаких нравственных оценок этой мировоззренческой и политической позиции, потому что она представляет собой свершившийся факт: руководствуясь такими убеждениями, американцы создавали и защищали свою республику, побеждали соседей, осваивали континент и участвовали в мировых войнах. Других американцев в мировой истории не было, и поэтому глупо рассуждать о том, хороши ли эти люди: они такие, какие есть, и другими быть не могут.

Однако во второй половине XX в. американская культура пережила очень серьёзную трансформацию, которую исследователи называют по-разному: от возникновения мощной и разнообразной контркультуры до «сексуальной революции». Причин у контркультурного движения было много, участвовала в нём преимущественно молодёжь, но принадлежащая к самым различным социальным группам, поэтому контркультура 1960–70-х гг. делилась на множество течений самой разной степени нонконформизма и радикализма. Американский исследователь П. Дж. Бьюкенен справедливо отмечает, что идеалы всевозможных хиппи и панков не стали в американском обществе доминирующими, но некоторые идеи контркультуры 1960–70-х гг. не только сохранились до наших дней, но даже стали очень популярны. К числу таких идей исследователь относит отказ от какой-либо объективной истины (и, следовательно, религии) и признание плюрализма в любой сфере, будто то наука, право или сексуальная ориентация. Как очень точно отметил американский исследователь К. Хайатт, в американских мегаполисах сформировалась новая порода лю-

¹ Бурстин Д. Американцы. Колониальный опыт. – Москва : Прогресс, 1993. – С. 15.

дей, имеющая мало общего с прежним американским обществом: «Среди ужаса и хаоса Зла в Мегалополисе зарождается новая порода людей. Они вскормлены смесью старого и нового – высокой технологии и древних верований. Они создают компьютерные программы днём и занимаются магией ночью»¹. Новое поколение само выбирает свою культурную идентичность и относится без пиетета к любой духовной традиции, в том числе и к родной.

Такая точка зрения никоим образом несовместима с традиционно консервативной Америкой, основной идеей которой на протяжении столетий была мысль о Божьей избранности общины верующих. Однако настойчивость, с которой СМИ почти сорок лет привлекали внимание к контркультурной идее множественности истины и этического плюрализма, привела к глубоким мировоззренческим изменениям. П. Дж. Бьюкенен метко называет эти контркультурные идеи «новым Евангелием» и «революционным катехизисом». Вот как он характеризует основную революционную для США идею: «У нового евангелия имеются, безусловно, свои заповеди, а именно: Бога нет, во вселенной не найти абсолютных ценностей, вера в сверхъестественное есть предрассудок. Жизнь начинается здесь и здесь же заканчивается; её цель – наслаждение, доступное в единственном известном нам мире. Каждое общество вырабатывает собственный этический код, у каждого человека есть право выработать аналогичный код для себя самого»². Протестантское христианство, столетиями бывшее духовной основой американского общества, не подвергается гонениям, но объявлено лишь одной из многих точек зрения, ничем не лучше и не хуже других. В частности, преподавание основ христианства в школах или празднование в них христианских праздников теперь строго запрещено, хотя в своей частной жизни школьники и их родители по-прежнему могут посещать церковь. Американская история также была пересмотрена в духе плюрализма. Все её события и герои, как-либо утверждавшие превосходство собственной культуры над другими, автоматически объ-

¹ Блэк С. Д., Хайатт К. С. Вуду в мегалополисе. – Киев : Ника, 1998. – С. 73.

² Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. – Москва : АСТ, 2007. – С. 79.

являются недостойными уважения. Например, основатель США Джордж Вашингтон подвергается критике за то, что был рабовладельцем, а генерал Джордж Армстронг, на протяжении полутора столетий считавшийся примером славной гибели за родину, в новом дискурсе предстаёт как палач индейцев. Может быть, обвинения, выдвигаемые современными американскими публицистами против деятелей прошлого и справедливы, но других героев у североамериканского общества нет. Джордж Вашингтон был именно таким, каким остался в памяти потомков, и теперь у современных американцев есть очень простой выбор: сохранить в родной истории первого президента или сократить историю на одну главу? П. Дж. Бьюкенен с горечью констатирует: «Американцы сегодня уже не так ценят историю и не так почитают её героев. Многие относятся к нашей истории как к славному прошлому, но немало и тех, кто видит в ней одни постыдные события; Колумб, Вашингтон, Джефферсон, Джексон, Линкольн и Ли, герои старой Америки, – все подвергаются осмеянию и нападкам. Для многих сегодня открытие Америки Колумбом и её исследование, равно как и освоение Запада пионерами и ковбоями, – уже не героические свершения, а деяния, которых западному человеку следует стыдиться»¹.

Несмотря на протесты многих консервативно настроенных граждан, американская либеральная общественность приняла решение подвергнуть наследие «отцов-основателей» ревизии, а возможно, и вовсе отказаться от него. Всё это не просто слова и призывы: в последние три десятилетия в США среди политиков стала популярной практика принесения извинений тем народам и племенам, которых американцы когда-либо обижали. Например, в 2003 г. президент Дж. Буш-младший публично извинялся за работорговлю перед делегатами западноафриканских стран, некогда бывших основными поставщиками невольников в Новый Свет. В 2008 г. Сенат США принёс официальные извинения афроамериканцам за узаконенную расовую сегрегацию, действовавшую в США с 1890 по 1964 гг. («законы Джима Кроу»). Перед потомками индейцев Великих равнин, ныне живущими в резер-

¹ Бьюкенен П. Дж. На краю гибели. – Москва : АСТ, 2008. – С. 190.

вациях, извиняются не только политики, а буквально все желающие, которых в современной Америке набралось немало – от студентов и университетской профессуры до либеральных общественных деятелей. Для того чтобы прецеденты прошлого отныне не повторялись, в США даже принят закон о защите прав меньшинств, в просторечии именуемый «законом о ненависти». Согласно ему, физическое или моральное притеснение любого меньшинства – расового, национального, религиозного, сексуального и т.д. – преследуется в уголовном порядке. То есть публичная критика иудаизма или демонстративное неприятие гомосексуалистов уже несколько десятилетий являются в США преступлениями. Без сомнений, Великие равнины и Техас никогда не вошли бы в состав республики, если бы военные и политические деятели прежних времён подчинялись «закону о ненависти».

За всеми этими фактами мы видим бурный рост внутреннего варварства в негласной столице западной цивилизации. Это варварство выражается как в расширении контркультурных течений, фактически уже подменивших собой доминирующую культуру, так и в отвержении тех образцов и ценностей, при опоре на которые создавались и крепили США. Но насколько этот процесс опасен для заокеанской демократии? Думается, не в большей степени, чем был опасен для античного общества образ «благородного дикаря», сознательно создаваемый философами Александрийской школы. Даже незаметное, но действенное вытеснение протестантизма на обочину американской духовной жизни для США не опаснее, чем распространение в Римской империи восточных культов и верований. Этот духовный декаданс можно считать симптомом надлома цивилизации, но никак не фактором, прямо угрожающим её существованию. Однако под действием рассмотренной нами духовной революции активизировались и день ото дня набирают силу настоящие, внешние по отношению к западной цивилизации варвары и уникальная «пятая колонна», состоящая из поистине рукотворных варваров внутренних. Рассмотрим обе эти общности, угрожающие западной цивилизации в её американском варианте, подробнее.

В современных Соединенных Штатах роль внешних варваров играют латиноамериканские иммигранты, большую часть кото-

рых составляют выходцы из Мексики. В самой их миграции в США ничего удивительного или страшного нет, ведь эта страна создавалась мигрантами, начиная с XVII в. Расовые особенности латиноамериканцев, конечно, отличают их от wasp, но и между собой выходцы из Латинской Америки не очень похожи. Так, мигрантов из Южной Америки и стран Карибского бассейна называют «латинос» в виду того, что почти все они являются мулатами, метисами и самбо. А мексиканцев в США называют «чикано», так как они более похожи на европейцев, чем их южноамериканские единоверцы. Последнее слово мы употребили не случайно, так как все американские страны южнее реки Рио-Гранде в преобладающей степени исповедуют католицизм. Но указанные нами два обстоятельства (иная раса и другая религия) сами по себе не делают мигрантов-южан опасными для США, ведь в этой стране с XIX в. живут католики-ирландцы и даже политеисты-китайцы. В населенных китайскими и вьетнамскими мигрантами районах Калифорнии можно увидеть не только яркие ритуальные шествия по случаю языческих праздников, но даже пагоды, и никто из американцев не испытывает никаких опасений на этот счёт. Точно также как приток мексиканских рабочих в юго-западные штаты начался ещё в 1920-е гг., и никаких проблем никому не создал. Более того, американские фермеры очень ценили сезонных рабочих из Мексики, так называемых *брасеро*. Что же изменилось в наши дни? Согласно исследованиям П. Дж. Бьюкенена, в 1970-е гг. совпали два несвязанных между собой демографических фактора: кризис рождаемости в США и взлёт рождаемости в Мексике. В первого фактора в Калифорнии, Аризоне, Техасе и Нью-Мексико к началу 1990-х гг. стала ощущаться серьёзная нехватка рабочих рук, и американское правительство отменило множество ограничений, затруднявших мексиканцам въезд в Соединенные Штаты. Но приток мигрантов не означал, что все они непременно будут работать на американских предприятиях, платить налоги и изучать английский язык. Более того, сам факт их трудоустройства теперь не является обязательным.

Здесь необходимо сделать пояснение для русского читателя. В России внутренние паспорта были введены в 1932 г., а в 1974 г. эти паспорта в обязательном порядке получили поголовно все

граждане страны, независимо от своей национальной и социальной принадлежности. В наши дни на территории России человек без русского или иностранного паспорта не имеет права ни на что: предъявлять паспорт требуется не только для получения каких-нибудь государственных услуг (например, медицинских), но даже для покупки железнодорожного или авиационного билета. Единственным заменителем паспорта может быть лишь удостоверение личности военнослужащего. В США дело обстоит принципиально иным образом. Американские граждане вовсе не обязаны иметь паспорта, а в качестве удостоверения личности используется множество самых различных документов – от водительских прав до страховых свидетельств. Причём, в каждом штате существует собственное законодательство на этот счёт, в частности, во многих штатах действуют так называемые «green-card», предоставляющие своим владельцам все те же права, которые имеют граждане, но к получению гражданства никакого отношения эти «карты» не имеют. Со своей стороны владлец «green-card» обязывается платить взносы и налоги так, как если бы он был гражданином. Однако граждане таких «green-card» не имеют, равно как и далеко не все приезжие располагают ими. Поэтому мигрант, оказавшись в США, вполне может выдать себя за гражданина и получать пособие по безработице или пользоваться услугами бесплатной медицины, и доказать незаконность таких действий чиновникам будет совсем непросто. В стране существует Служба гражданства и иммиграции, но она имеет весьма ограниченные полномочия и не успевает не только проверять, но даже регистрировать нескончаемый поток мигрантов. Тем более, что многие работодатели совсем не против пригласить мигранта-нелегала при условии, что последний согласится на минимальную зарплату (которая в США в разы больше, чем в Мексике). Поэтому чикано воспринимают переезд в США как возможность вполне сносно жить и не быть никому ничего должными. П. Дж. Бьюкенен полагает, что приток мексиканцев через южную границу достигает миллиона человек в год, не считая тех, кто пребывает нелегально. Исследователь предостерегает, что эти люди вовсе не собираются всю жизнь жить и работать в США, для них переезд – лишь временная мера, позволяющая достать денег и пере-

слать их многочисленной родне в Мексику. Многие из таких мигрантов не собираются менять мексиканское гражданство на американское и нередко стараются обзавестись двойным гражданством, чтобы иметь возможность вернуться в Мексику в любой момент. Места компактного расселения мексиканцев в США – будь то сельские поселения или районы мегаполисов – превращаются в огромные перевалочные пункты, где одни жители находятся долго, другие приехали вчера и уедут завтра, но всех их объединяет одна цель – получить в Америке и увезти в Мексику как можно больше денег. И ради достижения такой кратковременной цели чикано не просто не собираются ассимилироваться, но даже не воспринимают других американцев как сограждан или соседей. П. Дж. Бьюкенен отмечает, что чикано агрессивно и непримиримо ставят между собой и США культурный барьер, формируя многочисленные диаспоры, не желающие ни сотрудничать с туземцами-wasp, ни уважать их: «В отличие от иммигрантов столетней давности, которые навсегда прощались с родиной, всходя на борт корабля, мексиканцы хранят верность отчизне, до которой всего несколько часов езды. Миллионы иммигрантов не желают становиться американцами и учить английский язык. Да и с какой стати? Их родина – Мексика. Они приехали сюда работать и, вместо того чтобы ассимилироваться, создают Маленькие Мексики в американских городах, как кубинские иммигранты создали Маленькую Гавану в Майами. Вот только мексиканцев в Штатах сегодня в десять, если не в двадцать раз больше, чем кубинцев. Благодаря испаноязычным радио и телевидению, кинематографу, газетам и журналам, мексиканская диаспора сотворила отдельную культуру и постепенно превращается в нацию внутри нации»¹. При этом, в отличие от других иммигрантских сообществ, мексиканцы действуют очень консолидировано и уже сформировали влиятельное лобби, отстаивающее их интересы на местном уровне. Так, чикано организовано, при поддержке мексиканских консульств в начале 2000-х гг. агитировали против поправок 187 и 227 местной конституции в Калифорнии, запрещающих двуязычное образование в государственных школах

¹ Бьюкенен П. Дж. На краю гибели. – Москва : АСТ, 2008. – С. 165.

штата, а в Аризоне в те же годы они выступили против поправки 200, разрешающей оказывать социальную помощь только гражданам США. В Калифорнии количество иммигрантов уже перешло в качество, так как День Независимости США, традиционно отмечаемый 4 июля, теперь фактически не празднуется жителями Лос-Анджелеса из опасений рассердить чикано, зато мексиканский праздник *Синко де Майо* (5 мая) отмечается массовыми народными гуляниями. Аналогичным образом обстоят дела в Аризоне и Нью-Мексико. В Техасе по просьбам многочисленной иммигрантской общественности уже начались снос памятников солдатам и офицерам армии США, сражавшихся в этом штате во время американо-мексиканской войны (1846–1848 гг.), и установка вместо них статуй ацтекского божества Кецалькоатля¹.

Получается, что для безбедной по мексиканским меркам жизни мигрантам требуется лишь пересечь границу и добраться до ближайших поселений чикано. Ни знания английского языка, ни симпатий к wasp, ни даже приблизительных представлений о том, куда они идут, мигрантам больше не требуется. Они просто идут через границу, зная, что их встретят соотечественники и единоверцы и на родном языке разьяснят, что делать дальше. Фактически это не иммиграция, а вторжение, протекающее как неконтролируемое никем нарушение границы и постепенный, но необратимый захват территорий США мексиканцами. Сам процесс нелегального перехода больших групп чикано через американские приграничные селения, по описанию П. Дж. Бьюкенена, напоминает грабительский набег: «Когда-то сонная американо-мексиканская граница протяженностью две тысячи миль ныне превратилась в арену ежедневных стычек. Ранчо в Аризоне используются под бивуаки тысячами чужаков, которые ломают заборы, травят скот и оставляют за собой по дороге на север длинный мусорный след»². По описанию может показаться, будто мексиканцы собрались грабить фермеров так, как это когда-то делали кочевники, или осесть в сельских районах, изгоняя местных жителей по примеру германцев в римских провинциях эпохи

¹ Бьюкенен П. Дж. На краю гибели. – Москва : АСТ, 2008. – С. 160-161.

² Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. – Москва : АСТ, 2007. – С. 185.

«тёмных веков». Однако это не так: путь мигрантов лежит в те районы больших городов, где фактическая власть принадлежит их соотечественникам. Можно сказать, что их там ждут, именно поэтому попытка американского президента Д. Трампа воздвигнуть стену вдоль границы Техаса с Мексикой, так же бессмысленна, как и строительство Рейнского лимеса древними римлянами. Какую пользу могут принести укрепления, если их ворота широко распахнуты? Ведь помимо нелегальных мигрантов в США прибывает множество мигрантов легальных, каждый из которых спешит пригласить через границу своих многочисленных друзей и родственников. Колючая проволока на берегу Рио-Гранде позволит лишь немного снизить напор нарушителей границы, но уже на следующий день после неудачной попытки они попросту приедут в Хьюстон или Даллас на междугородних автобусах.

Но для чего мексиканцы так стремятся попасть в американские мегаполисы? Чем они собираются там заниматься и как планируют устраивать свою жизнь? Множество мексиканцев поступает так, как это делают добропорядочные иммигранты во всём мире: снимают жильё, устраиваются на работу, со временем получают гражданство и ничем не напоминают окружающим о своём иностранном прошлом за исключением того, что поддерживают отношения с земляками и отмечают свои национальные праздники. Немало американцев мексиканского происхождения сражались на полях битв Второй мировой и Вьетнамской войны и получили награды за это, да и в наши дни в рядах морской пехоты США служит множество чикано. Однако лицом мексиканских общин Калифорнии или Техаса являются не они, и определяют политику разрастающихся землячеств тоже не они. Опираясь на данные Министерства юстиции США, П. Дж. Бьюкенен приводит статистику, каким именно образом мексиканцы и другие латиноамериканские мигранты чаще всего интегрируются в американское общество: «Молодые американцы азиатского происхождения в девять раз чаще белых попадают в банды, а испаноязычные примыкают к шайкам в девятнадцать раз чаще. Тем самым значительная часть испаноязычной молодёжи и бедноты оказывается под влиянием человеконенавистнической и бунтарской субкуль-

туры наркотиков, преступности, презрения к образованию и враждебности к полиции. (...) Во многих иммигрантских сообществах ассимиляция в банды является ассимиляцией в гражданскую культуру. Малыши учатся подавать сигналы и ненавидеть полицию, сообщает «Лос-Анджелес таймс». В Нью-Йорке «каждая школа имеет собственную мексиканскую банду, куда вступают в возрасте 12–14 лет»; так утверждает Эрнесто Вега, 18-летний нелегальный иммигрант¹. Мексиканская организованная преступная группировка «La Еме» держит в страхе жителей Лос-Анджелеса с 1960-х гг., не отстаёт от неё и гангстерский синдикат «Surenos» («Южане»), базирующийся в южной части Калифорнии. При этом число членов этих банд идёт на сотни и тысячи боевиков, находящихся в городах и тюрьмах штата, промышляющих наркоторговлей и заказными убийствами, но пользующихся доверием большинства жителей испаноязычных районов Сан-Диего, Лос-Анджелеса и Сан-Франциско. Характерно, что в качестве символики, наносимой в качестве татуировок на тела боевиков и в виде граффити на стены домов в подконтрольных районах, бандиты используют мексиканский герб (орла со змеей в клюве) и ацтекские религиозные символы². Союзником мексиканских гангстеров нередко выступает другая латиноамериканская преступная группировка – «Mara Salvatrucha», состоящая преимущественно из сальвадорских беженцев и оперирующая одновременно в США, Сальвадоре и Никарагуа. Все эти банды связаны с мексиканскими наркокартелями и играют далеко не последнюю роль в контрабандном ввозе наркотиков в США и торговле ими среди мигрантов и американского населения.

Казалось бы, какое отношение к позиции мексиканских землячеств в Соединенных Штатах имеет международная преступность? Ведь далеко не каждый мексиканский мигрант знает с уголовниками или испытывает к ним симпатии. Разумеется, в США существуют и вполне легальные общественные организации, представляющие политические интересы мексиканских зем-

¹ Бьюкенен П. Дж. На краю гибели. – Москва : АСТ, 2008. – С. 213.

² Lopez J. R. Mafia handed 22 Indictments // Los Angeles Times. – Volume 115, Issue 22. – 1995, May 2, Tuesday. – P. 2.

лячеств, и, как мы сейчас увидим, являющиеся рупором идей, крайне выгодных для «La Eme» и подобных ей организованных преступных сообществ. Одной из самых известных и популярных среди чикано партий является «MEChA» («Movimiento Estudiantil Chicano de Aztlán» – «Студенческое движение чикано за Ацтлан»), возникшее в 1990-е гг. как ассоциация студентов-мексиканцев калифорнийских университетов, а затем превратившаяся в многолюдную организацию, возглавляемую профессиональными политиками мексиканского происхождения. В частности, в начале 2000-х гг. «MEChA» возглавлял Антонио Вилларайгоса, в 1991 г. выставивший свою кандидатуру на выборах мэра Лос-Анджелеса. Партия озвучивает радикальные лозунги, которые неискушенным наблюдателям кажутся призывами отделиться от США и вернуть в состав Мексики штаты, потерянные ею после американо-мексиканской войны (1846–1848 гг.), но в реальности проблема гораздо серьезнее. В своём Манифесте «MEChA» объявляет о создании новой расы, к которой принадлежат мексиканцы: «Мы – бронзовые люди с бронзовыми орудиями! Перед всем миром, перед всей Северной Америкой, перед всеми нашими братьями на бронзовом континенте мы говорим: мы – народ, мы страна истинных пуэбло, мы – ацтлане»¹. Объявляя мексиканцев не только национальной, но и расовой общностью, активисты «Movimiento Estudiantil Chicano de Aztlán» автоматически оказываются под защитой современных американских законов, оберегающих не только от преследования, но даже от критики любые меньшинства. Получается, что мексиканские мигранты могут претендовать на все те же компенсации и льготы, которые в наши дни американское представительство дарует индейским племенам, афроамериканцам, гомосексуалистам и иным меньшинствам, в прежние времена подвергавшимся в США каким-либо ущемлениям. Причём, расовый критерий самоопределения является для чикано наиболее выгодным, так как в Соединенных Штатах долгое время процветал расизм на уровне государственной политики, и в наши дни правительство стремится любым способом искупить «историческую вину» за это. Любой государ-

¹ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. – Москва : АСТ, 2007. – С. 183.

ственный деятель или простой обыватель, высказываясь против «МЕChA», рискует быть обвинённым в расизме или даже попасть под действие «закона о ненависти».

Однако «МЕChA» – это не сепаратистское движение. На отторжение от США юго-западных штатов эта партия не претендует. Она требует лишь признать политическую и правовую автономию районов, занимаемых мексиканскими землячествами. Эта автономия базируется на расовом отличии «ацтлан» от wasp, но за мексиканскими мигрантами должны сохраняться гражданские права США, а тем из чикано, кто этих прав не имеет, «МЕChA» требует поскорее их предоставить. Если представить, что план «МЕChA» сбудется, то по обе стороны американо-мексиканской границы возникнет единая языковая, расовая и этническая общность, имеющая гражданство обоих государств, но пользующаяся исключительно привилегиями граждан США. Легко представить, какие горизонты откроют для мексиканских наркоторговцев прозрачная граница, свободная миграция и политическая автономия испаноязычных районов американских мегаполисов. Как мы уже отмечали выше, в данный момент граница пересекается всеми желающими в обоих направлениях практически без помех, как бы ни пыталось вашингтонское правительство её укрепить, а калифорнийская полиция безуспешно стремится подчинить американским законам мексиканское население Лос-Анджелеса и Сан-Франциско. Если представить, что «МЕChA» добьётся своего, то полиции придётся забыть дорогу в самоуправляющиеся мексиканские районы, а государственная граница станет лишь линией на карте.

На уровне высокой политики от деятельности таких организаций как «МЕChA» выигрывают все. Мексиканское правительство получает возможность выдворять из страны нежелательных или попросту нетрудоустроенных граждан, получать комиссию за денежные переводы от мексиканцев, работающих в США, а мексиканская разведка владеет огромной агентурной сетью в испаноязычных районах американских городов. Представители североамериканского крупного бизнеса тоже считают себя в выигрыше, потому что могут принимать на работу иммигрантов, труд которых дешёв, но далеко не всегда плох. Наркомафия получает фак-

тически никем и ничем не ограниченный рынок сбыта и убежище для тех своих членов, которые попали в поле зрения американских и мексиканских спецслужб (проштрафившийся в США гангстер переезжает в Тихуану, а его разыскиваемый в Мексике коллега перебирается в Лос-Анджелес). Американо-мексиканская граница ведь сохранит своё юридическое действие для всех граждан США и Мексики, которые не принадлежат к «ацтланам» и, следовательно, не входят в расовую, этническую, культурную и политическую самоуправляющуюся общность, раскинувшуюся по обе стороны границы. Американские журналисты даже придумали название для этого фантастического, но с каждым днём всё более реального проекта – «государство Ацтлан». Причём, американские общественные деятели, не говоря уже о федеральных чиновниках, не имеют юридического права этот проект критиковать или запрещать, ведь иначе получится, что они ущемляют расовое меньшинство. Единственная категория населения Соединенных Штатов, которой проект «Ацтлан» прямо угрожает, это американцы-wasp, живущие в Калифорнии и Техасе. Им совсем не по вкусу широкое распространение испанского языка на телевидении и в радиовещании, бурный приток мексиканской шпаны в города и сёла, и настоящее засилье мигрантов на всех рабочих местах, где не требуется высокая квалификация. Однако интересы этих граждан не учитываются правительством точно так же, как в канун «тёмных веков» римские императоры без колебаний переселяли варварских федератов на государственные земли и даже ставили диких воинов на довольствие законопослушных крестьян. И если в конце IV в. н.э. варварские переселенцы, свободно проникавшие через римский лимес и сохранявшие связь с соплеменниками, оставшимися на родине, хотя бы позиционировались как союзники и защитники империи (которые по факту защищали её только от самих себя), то мексиканские мигранты наших дней ничуть не скрывают от wasp своего намерения попросту вытеснить «гринго» с их земель. Активисты иммигрантских землячеств могут обещать американским работодателям знакомство с добросовестными и непритязательными работниками, но они намеренно не замечают американских обывателей, а в ряде случаев попросту выживают их из занимаемых

чикано районов. Нельзя забывать о том, что костяком и неформальной управленческой структурой мексиканских землячеств на юго-западе США являются именно организованные преступные группировки, а вовсе не общественные деятели.

Некоторые американские и европейские публицисты полагают, что со временем культурные различия между современными мексиканцами-иммигрантами и *wasp* сгладятся. Ведь протестантское христианство, не уважаемое католиками-чикано, в США уже почти половину века находится в сфере частной жизни граждан. Почему бы белым и «бронзовым» американцам не найти общий язык на основе потребительской массовой культуры, популярной в США на протяжении всего XX в.? Разве такой её идеал, как влиятельный и весёлый миллионер, может оказаться непонятным или неприемлемым для представителей хоть одного из существующих в мире обществ? Тем более, что популяризация личной жизни голливудских актёров и «звёзд» эстрады, казалось бы, иллюстрируют реалистичность американского жизненного принципа «в богачи из оборванцев». По мнению британского исследователя Р. Осборна, однажды потребительская культура с её изобилием недорогих товаров и простенькими мечтами разбогатеть, чтобы покупать больше, уже справилась со стоящей перед ней задачей интеграции мигрантов в американское общество. Более того, по мнению исследователя, именно для этого она и была создана в начале XX в.: «Тот факт, что магазины любой достаточно крупной улицы Америки имели на своих полках один и тот же набор товаров, вместе с популярной культурой всё активнее способствовал социальной однородности Соединенных Штатов. Благодаря же тому, что эти явления совпали с пиком небританской иммиграции в Америку, реальное многообразие языков и культур обрело опознаваемые черты единой нации. Каждая семья стремилась иметь свой автомобиль Форда, свою швейную машинку Зингера и свой пылесос Гувера. Единообразие американской жизни, поддерживаемое одними и теми же фильмами, музыкой, журналами, газетами и потребительской продукцией, дало американским производителям огромные преимущества и сдела-

ло доступным для граждан Соединенных Штатов изобилие дешевых товаров»¹.

Однако для множества мексиканских пришельцев все эти большие и малые истории потребительского успеха представляют собой пустой звук. Израильский исследователь Ш. Н. Эйзенштадт отметил такую особенность латиноамериканской культуры как чёткое разграничение между духовной и политической жизнью при однозначном доминировании политики. С точки зрения латиноамериканцев, лишь политическое господство является прочным, и для его обоснования вовсе не нужны ни оригинальные идеи, ни талант: «Всё-таки с самого начала в Мексике либо отсутствовал, либо был слабо выражен один элемент, который имел центральное значение в классических революциях. Здесь не было интеллектуального или религиозного инакомыслия и независимых политических организаторов. Даже после институционализации революции самостоятельные политические организаторы (из числа различных политических деятелей) были лишь в очень небольшой степени включены в революционную партию»². Это не значит, что политическая борьба в Мексике и других странах Латинской Америки ведётся при равнодушии большинства населения. Вовсе нет, многочисленные диктаторы, сменяющие друг друга, охотно обращаются к социальной демагогии, озвучивают популистские лозунги и выдают себя за народных вождей, но, добившись сосредоточения политической власти в своих руках, каждый из них копирует своего предшественника, а от вчерашних сторонников отворачивается. Партии здесь де факто существуют как группа поддержки того или иного кандидата в президенты, а вовсе не как поборники той или иной политической идеологии. Поэтому большинство населения раз за разом чувствует себя обманутым и всегда готово включиться в политическую борьбу под радикальными лозунгами, импонирующим людям, интересы которых в который раз игнорируются (на-

¹ Осборн Р. Цивилизация. Полная история Западного мира. – Москва : АСТ, 2018. – С. 596.

² Эйзенштадт Ш. Н. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – Москва : Аспект Пресс, 1999. – С. 350-351.

пример, «грабь награбленное»). А интеллектуальная элита латиноамериканских наций, если только её представители действительно ищут популярности, вынуждена позиционировать себя не только как духовная, но и как политическая сила. Например, одно из антиколониальных восстаний в Мексике, известное как «клич Долорес» (1810–1811 гг.), возглавил католический священник Мигель Идальго, после разгрома выступления казнённый испанцами без всякого снисхождения к его сану. Одним из лидеров кубинских патриотов в их войне за независимость от Испании был поэт и писатель Хосе Марти (1853–1895), не только организовавший антиколониальное восстание, но и лично принимавший участие в боях, в одном из которых и нашёл свою смерть. В XX в. даже такие далёкие от политики люди как художники Хосе Ороско (1883–1949), Диего Ривера (1886–1957) и Альфаро Сикейрос (1898–1974) заявляли о своих симпатиях к социализму и посвящали революционным сюжетам свои фрески и картины, а Ривера даже был близким другом Л. Д. Троцкого¹. Поэтому для представителей латиноамериканской культуры авторитетный уголовник или террорист-радикал, выдающие себя за защитников трудового народа, всегда будут более популярны, чем эгоист-миллионер или чуждый политической жизни эстрадный певец. Именно по этой причине мексиканские мигранты бывают замечены в мародёрстве всякий раз, когда в Лос-Анджелесе или Нью-Йорке происходят массовые беспорядки: разграбление дорогих магазинов и роскошных вилл можно назвать установлением социальной справедливости «в стиле чикано».

Итак, мы установили сходство между заселением мексиканскими мигрантами юго-западных штатов США и переселением германских варваров в пределы Западной Римской империи на рубеже IV-V вв. В обоих случаях имеет место изменение демографического баланса в сторону пришельцев, разный уровень развития принимающего и вторгающегося обществ, а главное – их культурное несходство. Причём, в обоих случаях варвары на-

¹ Миронов В. Б. Народы и личности в истории. Очерки по истории русской и мировой культуры. В 3 т. Т. III. – Москва : Звонница-МГ, 2000. – С. 191-195.

строены по отношению к принимающей цивилизации агрессивно, практически бескомпромиссно.

Однако и в последние годы античности, и в наши дни цивилизации угрожают не только и не столько внешние, сколько внутренние варвары. В частности, если бы единственной проблемой США была массовая нелегальная миграция мексиканцев, то этот вопрос можно было бы решить полицейскими и военными методами. Культурная автономия чикано, с каждым днём приближающаяся к появлению на американской территории легальных самоуправляющихся анклавов, лишь подчёркивает внутреннюю социальную и духовную дезинтеграцию европейской цивилизации в её североамериканском варианте. Например, большинство участников погромов и волнений 2020 г., бесчинствовавшие во многих городах США и глумившиеся над законами и символикой страны, были вовсе не мексиканцами и вообще не иммигрантами. Речь идёт об афроамериканцах, без участия которых в последние несколько десятилетий не обходится ни один расовый или криминальный скандал в США. Культурную специфику этой относительно молодой и очень активной социальной группы мы сейчас рассмотрим.

Буквально с первых лет своей жизни в Новом Свете английские колонисты использовали труд африканских невольников, и в XVIII в. было принято жестокое расовое законодательство, согласно нормам которого любой житель колоний, кроме чистокровных европеоидов, признавался «цветным» и автоматически поражался в правах. К «цветным» относились не только африканские рабы, но и дети, чьи родители принадлежали к разным расам, и даже индейцы. Любые смешанные браки были строжайше запрещены. В северных штатах плантационное хозяйство далеко не всегда приносило прибыль, и поэтому практически с конца XVII в. с колонистами-европейцами бок о бок жили потомки освобождённых африканских невольников. Расовые законы во многом ограничивали права негроидного населения, но первая школа для чернокожих учеников была основана протестантским проповедником Джоном Элиотом в пригороде Бостона ещё в 1689 г. Другое дело, что школьное образование осуществлялось раздельно: белые и чёрные дети не посещали занятия вместе. Точно так-

же как не могло быть и речи о том, чтобы предложить образованному африканцу рабочее место, на которое претендует американец европейского происхождения. В южных штатах, где процветало плантационное земледелие, классическое рабство стало неотъемлемой частью экономики. Невольников продавали и покупали, как скот, телесные наказания в их адрес применялись без ограничений, а освобождение раба хозяином было чрезвычайно затруднено различными юридическими мерами. Впрочем, это не означает, будто плантаторы ежедневно мучили своих рабов. Даже если бы нашёлся слабоумный рабовладелец, желающий по поводу и без повода распускать руки, то его самоуправство остановили бы две фактора. Во-первых, ввоз рабов в североамериканские колонии был затруднён международным законодательством, и если в Вест-Индии существовали круглогодичные невольничьи рынки, то в той же Джорджии покупка привезённого из Африки раба превращалась в весьма хлопотное и дорогостоящее мероприятие. Во-вторых, постоянное нахождение плантатора под одной крышей с несколькими десятками, а то и сотнями рабов делало его очень уязвимым для невольничьего нападения. Поэтому, думается, отношения между реальными плантаторами и их рабами были не более натянутыми, чем аналогичные отношения между русскими помещиками и их крепостными крестьянами. По крайней мере, в критические для государства моменты рабов принимали в армию: во время Войны за независимость США (1775–1783 гг.) чёрнокожие солдаты сражались за обе стороны конфликта – и в рядах британских колониальных войск, и в Континентальной армии. Конечно же, для них существовало множество ограничений: например, не могло быть чернокожих офицеров, а максимальной платой за службу для «цветных» солдат считалась личная свобода. На похожих условиях принимал в свою армию вчерашних рабов Авраам Линкольн во время Гражданской войны (1861–1865 гг.). Если невольники и протестовали против рабства, то делали они это очень вяло: американская история знает только одно восстание рабов против господ – восстание под предводительством Ната Тёрнера (1831 г.), но мятежники были очень малочисленными и вдохновлялись не революционным, а сектантским, хилиастическим учением. Значит, большинство

чернокожих невольников вовсе не считали свою жизнь в рабстве невыносимой, и аболиционисты немало преувеличивали страдания рабов, когда требовали отмены рабства. К тому же, восприятие «цветных» в североамериканском обществе, во многом, изменилось в лучшую сторону после присоединения к США Луизианы (1803 г.). Поскольку территория данного штата более ста лет была французской колонией, то в ней действовал Чёрный кодекс – расовое законодательство, в корне отличающееся от англосаксонского аналога. Несмотря на множество карикатурных и унижительных для рабов норм, оно, в общем и целом, было гораздо более доброжелательным к представителям африканской расы, чем законы США. Например, Чёрный кодекс запрещал владельцам убивать и незаслуженно мучить своих рабов, а также предписывал хозяевам одевать и кормить всех невольников, независимо от их поведения. Состарившихся, потерявших трудоспособность рабов владелец был обязан содержать за свой счёт¹. А главное – Чёрный кодекс, в отличие от расовых законов США, выделял такую расовую и социальную группу как мулаты и не относил их к абстрактным «цветным». Так, мулаты с любой примесью европеоидной крови считались неотчуждаемо свободными, и любые попытки обратить их в рабство приравнивались к похищению человека. В крупнейшем городе Луизианы, Новом Орлеане, проживало множество свободнорождённых мулатов разной степени метисации. Многие из них имели образование и занимались коммерцией, также немалое количество мулатов работало в сфере услуг. Считать их рабами или хотя бы гражданами второго сорта не смог бы ни один заинтересованный в развитии штата американский губернатор. Поэтому ещё в начале XIX в. североамериканская общественность была вынуждена признать за представителями негроидной расы человеческое достоинство и навсегда отказаться от мысли, будто рабство является для африканцев естественным состоянием.

В 1865 г. рабство в США было отменено, и это историческое событие создало для страны очень серьёзную социокультурную

¹ Ингрэм Дж. К. История рабства от древнейших до новых времён. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2011. – С. 188.

проблему. Упраздняя рабовладение, вашингтонское правительство пыталось осуществить два взаимодополняющих проекта помощи бывшим рабам в поисках собственного места в жизни – проект «Реконструкция Юга» и проект «Назад, в Африку». По плану «Реконструкции» бывшие невольники, составлявшие внушительный процент населения южных штатов, должны были занять руководящие административные должности в тех городах и сёлах, где чернокожее население численно преобладало над европеоидным. Но ничего из этого не вышло, так как подавляющее большинство бывших рабов оказались неграмотными и не имели ни малейших представлений о том, как функционируют американские государственные институты. К тому же, белые южане справедливо опасались за свои жизни и собственность, которым в новых условиях угрожало самоуправство многотысячной «цветной» публики. Они сформировали военизированную организацию Ку-клукс-клан, совмещавшую защиту белого населения от хулиганства и грабежа со стороны чернокожих соседей с давлением на активистов-северян, прибывших в южные штаты руководить Реконструкцией. Поэтому правительство было вынуждено отказаться от первоначальных планов передачи власти в бывших рабовладельческих штатах вчерашним рабам. Проект «Назад, в Африку» оказался ещё более утопическим. Ведь практически все чернокожие невольники родились и выросли в США, не знали иного языка, кроме английского, а главное – ни этнически, ни духовно не принадлежали к тем африканским племенам, из которых происходили их далёкие предки. Отечественный исследователь А. Л. Литинский предположил, что, если даже не принимать в расчёт неотделимую от рабства метисацию, вчерашние невольники всё равно были именно афроамериканцами, а не африканцами: «Афроамериканцы – этническая общность, сформировавшаяся в результате ввоза рабов из Африки на территорию США в XVII–XIX вв. В руки работорговцев попадали представители разных народов Западной Африки, говорившие на разных языках и принадлежавшие к разным культурным традициям. В Америке они практически полностью утратили связи с родным континен-

том и переняли язык и культуру своих бывших рабовладельцев»¹. Вернуться в Африку такой афроамериканец не мог, потому что никогда прежде в ней не был, и войти в состав какого-нибудь западноафриканского племени ему было не проще, чем европейцу. Тем более, что фактор метисации, по подсчётам американских антропологов М. Херсковица и У. Дюбуа, проводивших своё исследование в 1930-е гг., также оказался немаловажным: уже в начале XX в. три четверти афроамериканцев были мулатами, а не африканцами². Строго говоря, с Африкой их не объединяло вообще ничего. Поэтому проект «Назад, в Африку» бесславно провалился, несмотря даже на то, что с 1824 г. в Западной Африке существовала Либерея – американская колония, созданная специально как место репатриации бывших рабов. Абсолютное большинство вчерашних невольников, получив свободу, не только не переехало в Либерию, но даже не знало о самом факте её существования. Поэтому двум народам, оба из которых были американцами, пришлось учиться жить вместе, приняв факт соседства как данность.

Начиная с самой отмены рабства, в США действовали строгие законы, касающиеся расовой сегрегации, вошедшие в обиход под разговорным названием «законы Джима Кроу». Они устанавливали раздельное проживание, обучение и даже богослужение для чёрных и белых американцев. Некоторые из этих мер выглядели здраво, как, например, создание школ и колледжей для чернокожих учащихся. Ведь афроамериканцы в течение столетий не учились грамоте, и поэтому к их детям требовался особый, тщательный подход, учитывающий, что родители наверняка не умеют читать и писать. Точно также были дифференцированы больницы, и этому было простое объяснение: большинство афроамериканцев из-за отсутствия образования трудились на низкооплачиваемой работе и попросту не могли позволить себе дорогостоящую медицину, которой пользовались многие европеоидные горожане. Но некоторые сегрегационные меры, предписанные «за-

¹ Литинский А. Л. Формирование этнического самосознания афроамериканцев в XX в. // *Rac Africana: континент и диаспора в поисках себя*. Сб. науч. статей. – Москва : Изд. дом ВШЭ, 2009. – С. 71.

² Там же. С. 73.

конами Джима Кроу», выглядят карикатурно и унинительно. Например, в армии США до середины XX в. не допускалось наличие чернокожих офицеров, хотя на фронтах обеих мировых войн оказались американцы всех цветов кожи. Точно также унинительно выглядел запрет для «цветных» занимать передние места в автобусах, якобы предназначенные только для белых.

При этом следует отметить, что расовая сегрегация не была препятствием для талантливых афроамериканцев, которые стали кумирами для белых современников в спорте и искусстве. Так, чернокожая оперная певица Марион Андерсон (1897–1993) из Филадельфии оказалась настолько популярна, что выступала с гастрольями даже в гитлеровской Германии, а в послевоенные годы стала примой Метрополитен-оперы в Нью-Йорке. Также примером афроамериканского искусства, получившим популярность среди белой аудитории, можно считать музыкальный стиль джаз. Зародившись в бедняцких районах Нового Орлеана, где только и могли поселиться нищие вчерашние рабы, в скором времени джаз проник в ночные клубы, а затем – на популярную эстраду, где его исполняли не только чернокожие, но и европейские, и даже советские музыканты. При этом джаз является именно американским изобретением, а не африканской традицией, получившей новую жизнь на американской почве. Отечественный исследователь В. Б. Миронов однозначно утверждает, что родина известного и популярного во всём мире джаза – именно Новый Орлеан, крупнейший город Луизианы, а не, скажем, Западная Африка: «Джаз пережил разлагающую атмосферу ночных клубов, выйдя возмужавшим и прекрасным из купели сладострастного греха.... Этот негритянский Орфей с несравненным волшебством играл на своей сладкозвучной кифаре. Позже Америка даст миру многих выдающихся музыкантов: в том числе и «короля джаза» Л. Армстронга, Д. Эллингтона, других ярких певцов и исполнителей. Им будут присущи высокий лиризм, изящество, эмоциональность. «В каждом моём звуке – Нью-Орлеан», – говорил

Армстронг. В каждом звуке джаза – частица Америки»¹. То есть, невзирая на расовую сегрегацию, афроамериканцы сделали весомый вклад в культуру США, и этот вклад стал достоянием американцев всех цветов кожи.

Аналогично обстояли дела и в религиозной сфере. Большинство афроамериканцев исповедовали христианство протестантского толка, и установленное законом раздельное богослужение ничего не меняло. Ведь согласно доминировавшему в США конгрегационализму, каждая община верующих имела собственный храм и клир и определяла специфику своей доктрины. Поэтому существование протестантских конгрегаций, паству которых составляли только афроамериканцы, ничем не нарушало общий баланс. Разумеется, среди чернокожих пасторов, подобно своим белым коллегам действующих автономно от любой духовной власти (у американских протестантов церковной иерархии нет и никогда не было), порой встречались мошенники, превращавшие общины верующих в секты и проповедовавшие культ собственной святости. К примеру, таким шарлатаном сектантского типа был Джордж Бейкер (1876–1965 гг.), под видом методистской общины сформировавший секту собственных почитателей и взявший звучный псевдоним «отец Дивайн»². Но ведь аналогичных общин среди американских протестантов европеоидного происхождения было во много раз больше. Сама структура протестантских религиозных организаций в США позволяет различным фанатикам и шарлатанам действовать более нагло, чем в рамках протестантской же англиканской Церкви. Поэтому можно констатировать, что, несмотря на расовую сегрегацию, афроамериканцы в большинстве своём исповедовали конгрегационализм, как и их белые сограждане.

При таком положении дел оставался открытым вопрос: почему сегрегация не отменена? Почему одни американцы ограничи-

¹ Миронов В. Б. Народы и личности в истории. Очерки по истории русской и мировой культур. В 3 т. Т. III. – Москва : Звонница-МГ, 2000. – С. 356.

² Сулимов С. И., Черниговских И. В. Антисистемный потенциал современности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2014. – №3. – С. 141.

вают в правах других, если сами же восхищаются их музыкой и во время войн без колебаний ставят их в строй? В 1960-е гг., когда США оказались охвачены протестами самой различной направленности, этот вопрос встал ребром. Белые студенты протестовали против войны во Вьетнаме, адепты контркультуры – против семейной и трудовой этики, а афроамериканцы – против ущемления в правах, которого они ничем не заслужили. Возглавивший афроамериканское движение за гражданские права чернокожий священник-протестант *Мартин Лютер Кинг (1929–1968 гг.)* справедливо настаивал на том, что эпоха рабства давным-давно завершилась, и теперь в США есть только американцы, а никак не потомки рабов и господ. У граждан Соединенных Штатов общая родина, общая история и общее будущее. Более того, основной приток иммигрантов в XIX–XX вв. в США происходил из стран Европы, а не из Африки. Поэтому афроамериканцы, даже несмотря на низкий образовательный уровень, всё-таки больше адаптированы к американскому образу жизни, чем, к примеру, выходцы из Одессы или Неаполя, месяц назад ступившие на североамериканский берег. С начала 1950-х гг. афроамериканцы, поддерживаемые сочувствующими из числа белых сограждан, повели активную борьбу за предоставление им гражданских прав во всей полноте, что, на их взгляд, должно было выражаться в отмене расовой сегрегации. Огромным их преимуществом перед бунтарями прошлых эпох стал тот факт, что лидер движения за гражданские права, Мартин Лютер Кинг, был протестантским пастором и категорически запрещал своим последователям применять насилие в адрес представителей власти и европеоидных американцев. Вот как описывает технику и достижения этой борьбы британский исследователь Р. Осборн: «В 1954 году Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения взяла под опеку дело жителя Канзаса Оливера Брауна, чьей дочери Линде было отказано в приеме в близлежащую «белую» школу. Дело достигло Верховного суда, который признал сегрегацию государственных школ неконституционной. После этого председатель суда Эрл Уоррен отменил действовавшее на протяжении 60 лет конституционное решение по делу «Плесси против Фергюсона», тем самым поставив вне закона сегрегацию

любых общественных мест и услуг общественного пользования. 1 декабря в городе Монтгомери, штат Алабама, Роза Паркс была арестована за отказ уступить место в автобусе белому мужчине. Когда чёрные под руководством местного баптистского священника Мартина Лютера Кинга устроили автобусной компании бойкот, Верховный суд распорядился, чтобы компания изменила правила. Двойная тактика массовых протестов и юридических инициатив принесла серьёзные результаты»¹. Популярность Кинга, тщательная аргументация его требований и умение координировать действия не только с чернокожими активистами, но и с белыми сторонниками отмены сегрегации привели к долгожданному результату: в 1964 г. Конгресс США пошёл навстречу афроамериканцам и отменил расовую сегрегацию. Последовавшее вскоре за этим убийство Кинга уже ничего не могло изменить.

К сожалению, параллельно с Мартином Лютером Кингом и задолго до начала его деятельности в афроамериканской среде существовало и идейное течение противоположной направленности. Ещё в начале XX в., когда казалось, что расовой сегрегации никогда не будет положен конец, некоторые авторитетные афроамериканские деятели полагали, что бывшим рабам следует не интегрироваться в американское общество, а наоборот – найти какой-то собственный путь культурного развития. Одним из самых известных сторонников культурной обособленности афроамериканцев стал Тимоти Дрю, полагавший, что вчерашним рабам необходимо идентифицировать себя вне категорий, предлагаемых бывшими господами. В поисках культурных ориентиров для такой идентификации он выбрал ислам, предложив своим последователям именовать себя «маврами», ссылаться на своё происхождение от африканских мусульман и никогда не употреблять ассоциировавшиеся с рабством этнонимы «негры» и «цветные». Дрю часто говорил, что африканские и азиатские мусульмане обогатили мировую культуру оригинальными философскими учениями, политическими моделями и литературными стилями, и поэтому быть одним из них – значит, быть носителем великого

¹ Осборн Р. Цивилизация. Полная история Западного мира. – Москва : АСТ, 2018. – С. 709.

наследия. В 1913 г. Тимоти Дрю основал в Нью-Йорке «Американский храм мавританской науки», а самого себя стал именовать «благородный Дрю Али». Вот только с исламом проповедник совсем не был знаком, иначе ему не пришлось бы писать для своих последователей «Святой Коран» (по аналогии с протестантской «Holy Bible»). Но нелегко написать религиозно-философский текст, если у автора не хватает даже самой общей эрудиции. Советский исследователь И. Р. Григулевич красноречиво пересказывает содержание «Святого Корана»: «Содержание нового «Корана» представляло собой набор фантастических рассказов о жизни Иисуса, о превосходстве чёрной расы над белой, о «городе» Египте – столице Африки, о божественном происхождении азиатов и тому подобных измышлений»¹. Выше мы писали о том, что чернокожие американцы в силу расовой сегрегации учились в школах отдельно от своих белых соотечественников, а их родители далеко не всегда располагали деньгами для оплаты всех школьных предметов (в США начала XX в. не существовало бесплатного образования). Поэтому неудивительно, что проповедь Тимоти Дрю нашла отклик у некоторых афроамериканцев. Их не смущал тот факт, что «благородный Али» путает Иисуса Христа с пророком Мухаммеда и Конфуцием, а от своих последователей требует в первую очередь не религиозного благочестия, а ношения фески. Вероятно, для этих людей важнее всего было подчеркнуть своё культурное отличие от американского общества, не переходя к открытой конфронтации, и экзотический восточный головной убор для этого очень хорошо подходил. Разумеется, принадлежность к «маврам» могла дать лишь субъективные приятные переживания, потому что согласно законам о расовой сегрегации «цветные» были поражены в правах независимо от того, называют ли они себя «маврами» или «неграми». Очевидно, что осознавать себя не потомками африканских рабов, а наследниками мусульманской культуры «маврам» было попросту приятно.

¹ Григулевич И. Р. Пророки «новой истины». Очерки о культах и суевериях современного капиталистического мира. – Москва : Политиздат, 1983. – С. 160.

Переломный момент в «чёрном исламе» наступил в 1930-е гг., когда на базе «Американского храма мавританской науки» *Элай Пул (1897–1979 гг.)* основал общественную организацию «Нация ислама». Переименовав себя в Элиа Мухаммеда, Пул настаивал на том, что афроамериканцам необходимо идентифицировать себя с мусульманами, а не со своими европеоидными соотечественниками. В этом отношении проповедник даже хвалил расовые законы США, потому что они не позволяют белым и «цветным» жить вместе, а значит, не позволят «чёрным мусульманам» раствориться среди американцев. В отличие от Мартина Лютера Кинга, Элиа Мухаммед был противником интеграции «цветных» в американское общество и прямо называл политическим режим США врагом «чёрных мусульман». Он полагал, что «чёрные мусульмане» являются в Соединенных Штатах угнетаемым меньшинством, которое постоянно притесняется белыми и теми афроамериканцами, которые смогли интегрироваться в экономическую и социальную жизнь США. И. Р. Григулевич так характеризует позицию «Нации ислама» на 1950-е гг.: «Сторонники Элиа Мухаммеда осуждали расизм, выступали с позиции бескомпромиссной борьбы с истеблишментом. В известной степени им был присущ чёрный расизм, они считали всех белых своими врагами»¹. Правой рукой лидера «Нации ислама» стал *Малкольм Литтл (1925–1965 гг.)*, писавший под псевдонимом Малкольм Икс. Имея богатое уголовное прошлое, Литтл призывал афроамериканцев отомстить за вековые обиды, нанесённые им американцами европеоидного происхождения. В частности, он потешался над требуемой Мартином Лютером Кингом отменой расовой сегрегации, говоря, что после двух столетий рабства афроамериканцам нужна какая-то более весомая компенсация, чем возможность пользоваться одним общественным туалетом с европейцами. Свои отбытые тюремные сроки проповедник объяснял тем, что созданное белыми общество по самой своей сути несправедливо к «цветным». Он многократно предостерегал свою паству от

¹ Григулевич И. Р. Пророки «новой истины». Очерки о культах и суевериях современного капиталистического мира. – Москва : Политиздат, 1983. – С. 163.

каких-либо взаимоотношений с белыми согражданами и требовал от США какой-то неопределенной компенсации за давным-давно запрещенную работорговлю. На взгляд Литтла, теперь настало время для учреждения в стране «расовой сегрегации наоборот», то есть предоставления социальных и правовых привилегий афроамериканцам и поражения в правах белых. Культурного же единства между этими двумя группами населения нет и не должно быть – слишком разные у них исторические пути.

Следует отметить, что проповеди Малкольма Икса имели успех. В частности, его идеи разделял олимпийский чемпион по боксу Кассиус Клей, под влиянием «чёрного ислама» взявший себе псевдоним Мухаммед Али. Литтл и Клей выступали в университетах, читая платные лекции о проблемах сегрегации для всех желающих. Отличительной их чертой от учений Тимоти Дрю и Элая Пула стало радикальное неприятие христианства, которое оба деятеля считали религией исключительно европейской и ссылались на то, что Иисус Христос и Богородица на всех иконах и статуях имеют европеоидную внешность. Ислам казался им идеальным учением для духовной конфронтации с американским обществом. Единственной проблемой оказалось поверхностное знакомство обоих активистов с этой религией. Например, Малкольм Литтл состоял в переписке с деятелями западноафриканской деколонизации, призывал афроамериканцев заимствовать их опыт борьбы с европейцами, но при этом не замечал, что ни один из этих персонажей не является мусульманином. Затем Литтл совершил паломничество в Мекку, где обнаружил, что ислам не признаёт расовых различий. В частности, хадж совершали мусульмане всех цветов кожи, и ко всем им в Мекке было одинаково радушное отношение. Обнаружив, что ортодоксальный ислам не может быть духовным основанием для чёрного расизма, направленного против белых, Литтл вернулся в США, где попытался сформировать из своих последователей светскую националистическую организацию, однако в 1965 г. был застрелен одним из вчерашних товарищей по «Нации ислама». В этом убийстве не было ничего удивительного: под эгидой афроамериканского национализма и реваншизма в 1960-е гг. формировались самые различные военизированные и криминальные группы чернокожих

радикалов – такие как «Чёрные пантеры» («Black Panther Party for Self-Defense») или «Калеки» («Crips»).

Важно отметить, что тот «ислам», который проповедовал Элиа Мухаммед, имеет к ортодоксальному исламу весьма призрачное отношение. Адепты «Нации ислама» вовсе не мусульмане-ригористы, а их «ислам» выполняет исключительно декоративную функцию при попытках самоопределения в религиозной сфере. В нём важно не учение пророка Мухаммеда, а лишь тот факт, что данная религия – не европейская. Параллельно с ним существуют различные неязыческие культы на основе аборигенных африканских верований. А. Л. Литинский констатирует: «Сейчас существуют и группы афроамериканцев, пытающихся возрождать африканские языческие традиции. Они немногочисленны и исходят из идей о том, что чернокожим ныне нужно полностью «очиститься» от всего неафриканского. Такие идеи, например, пропагандируют Х.Мадубути, М. Асанте и М. Каренга»¹. Особым влиянием среди афроамериканцев пользуется синкретический афро-карибский культ вуду, зародившийся на Гаити в XVIII в. и содержащий немало компонентов автохтонного западноафриканского язычества (в особенности, верований племени йоруба). Но для североамериканских адептов вуду – это просто один из способов отвергнуть христианство как религию европейцев. Американский исследователь и популяризатор магии вуду К. Хайатт прямо настаивает на антихристианском характере этого культа: «Американским родителям-христианам придётся смириться с мыслью о том, что их дети могут выбрать для себя африканскую одежду, жертвоприношения, вызывания духов, сексуальные ритуалы и трансовые переживания. В отличие от христианства, учащего лицемерию, религиозная культура йоруба не отделяет духовного от практического, и это качество вуду содержит в себе огромный разрушительный потенциал для «старой» американской религии»². То есть самоопределение в религиозной

¹ Литинский А. Л. Формирование этнического самосознания афроамериканцев в XX в. // *Raх Africana: континент и диаспора в поисках себя*. Сб. науч. статей. – Москва : Изд. дом. ВШЭ, 2009. – С. 77.

² Блэк С. Д., Хайатт К. С. Вуду в мегаполисе. – Киев : Ника, 1998. – С. 81.

сфере, предпринимаемое афроамериканцами, имеет в первую очередь отрицательный характер, так как процесс самоопределения происходит через отвержение европейских духовных ориентиров.

Зададимся вопросом: являлась ли такая реваншистская контр-сегрегация возвращением афроамериканцев к своим культурным истокам? Ни в коем случае. Ведь сам афроамериканский этнос сформировался в США и имеет очень мало общего с Западной Африкой, которая многократно воспевалась лидерами «Нации ислама» как историческая родина их паствы. Афроамериканцы не имеют ничего общего с племенным обществом Африки, не владеют и никогда не владели ни одним из её языков, а многие из них не смогли бы даже показать её на карте. То есть всё их так ревниво преподносимое культурное своеобразие является от начала до конца искусственным, выдуманным с целью получить средство для конфронтации с белыми согражданами. Советско-российская общественная деятельница Лия Голден, не раз встречавшаяся с афроамериканскими националистами, описала своё недоумение следующими словами: «Я была поражена, насколько они (афроамериканцы – С.С., И.Ч., В.Ч.) не знают африканскую историю, в то же время пытаясь принять африканскую культуру, сохранив параллельно блага американского общества. Хотя они страстно желают в первую очередь быть африканцами, а американцами – во вторую, весь их жизненный опыт, образование и манеры – американские в двух-трёх поколениях. Некоторые пытаются одеваться в национальные костюмы, часто смешивая мужскую и женскую одежду, а также виды причёсок. (...) Когда бы я ни говорила на лекциях о древней (и продолжающейся до сих пор) арабской работорговле, которая, по сути, сравнима с трансатлантической, неизбежно я получала ответ: «Но они нам никогда не говорили». Когда я спрашивала, кто это «они», ответом было: «белые». На это я обычно парировала: «Всё это есть в компьютерах и библиотеках. Почему вы сидите и ждёте, когда белый человек расскажет вам об истории и культуре, которые вы

декларируете своими?»¹. Именно Лия Голден смогла со всей чёткостью обнаружить суть афроамериканского национализма: это протест одних американцев против других, а никак не борьба национального или расового меньшинства за культурную автономию. Более того, в то время как американское большинство создавало и поддерживало государственные и социальные институты, радикальное меньшинство лишь протестовало и отказывалось сотрудничать. Проще говоря, это внутренние варвары американского общества, слегка замаскированные расистской и реваншистской риторикой.

До тех пор, пока расовое законодательство действовало, борцы против сегрегации и чёрные радикалы действовали, как тактические союзники. Но вот в 1964 г. сегрегация в США оказалась отменена. Для большинства «цветных» это означало, что теперь им открыты все те же пути на социальную вершину, которыми прежде могли пользоваться только представители европеоидной расы. Настало время для полной интеграции расовых меньшинств в американское общество, время сотрудничества без границ, тем более, что теперь юридически не существовало ни белых, ни «цветных», а были только граждане. Для «Нации ислама» и подобных ей реваншистских организаций, теперь неприкрыто пропагандировавших чёрный расизм, должен был наступить момент заката. Ведь в условиях, когда социальные лифты доступны для всех, афроамериканцам было гораздо предпочтительнее учиться и работать, как их белые сограждане, и получать одинаковые с ними результаты, чем примыкать к радикальным политическим группировкам, которые борются понятно против кого, но неизвестно за что. По логике процесса, в скором времени у Элиа Мухаммеда не должно было остаться паствы. Ведь теперь войти в американское общество на равных с его европеоидными представителями мог любой афроамериканец без всякой борьбы, а конфронтация на выдуманной религиозной основе лишь мешала это сделать. Активисты «Нации ислама», «Чёрных пантер», «Организации афроамериканского единства» и других подобных органи-

¹ Golden L. My Long Journey Home. – Chicago : Third World Press, 2002. – P. 185-186.

заций и партий добровольно обрекают себя на жизнь в трущобах, отказ от сотрудничества с множеством сограждан и постоянное балансирование на грани судебного преследования за разжигание межэтнической розни. Казалось бы, ни один здравомыслящий афроамериканец теперь не имеет оснований для такой позиции.

И в этот самый момент американское правительство совершило роковую ошибку, хоть конгрессмены и вдохновлялись самыми благими намерениями. Проблема заключалась в том, что хоть чёрные американцы и получили равноправие со своими белыми соотечественниками, но низкий уровень образования и профессиональной квалификации, десятилетиями сопровождавший их среду из-за расовой сегрегации, было не так-то просто преодолеть. Поэтому, чтобы афроамериканцы не оказались в состоянии депривации, было решено форсировать процесс их интеграции. Были предложены самые разные вспомогательные меры – от введения льгот и даже квот для чернокожих абитуриентов в колледжах и университетах США до выплаты субсидий и пособий афроамериканцам, которые по каким-либо причинам не могут найти работу. «Законы о ненависти», о которых мы говорили выше, надёжно защищают афроамериканское меньшинство от каких-либо нападков и критики. Но эти предпринятые правительством шаги привели к противоположному результату. Вот как характеризует сложившееся в Соединенных Штатах на сегодняшний день положение отечественный исследователь М. А. Таратута: «С отменой сегрегации покаявшееся белое большинство разумно сочло необходимым помочь чёрному меньшинству подняться по социальной и экономической лестнице. Квоты при приеме на работу, учёбу, пособие, субсидированное жильё, продовольственные талоны, другие виды поддержки, конечно же, были необходимы в первые годы после отмены сегрегации, возможно, в первые десять лет. Но все эти привилегии продержались полвека вплоть до наших дней, постепенно превращаясь из блага в свою противоположность. Привилегии развратили большую часть негритянского населения, воспитав в них психологию потомственной жертвы, вечных получателей заслуженных льгот. Состояние постоянной обиженности рождало убеждение, что общество им должно и всегда недодаёт. Это убеждение постоянно подпитывалось чувст-

вом вины белых. Незатухающая обида одних и чувство вины других работали, как пара сообщающихся сосудов. Впрочем, самые амбициозные воспользовались льготами, чтобы вырваться из нищеты и отсталости. Сегодня примерно 40% афроамериканцев – это средний класс, а также небольшая группа весьма состоятельной публики. Но 60% чёрных так навсегда и застряли в трясине безысходности. Среди получателей пособий по бедности из всех рас чёрные составляют самую большую группу – 39,8%, при их доле в населении страны всего в 13%»¹. Такая излишняя благотворительность со стороны правительства и американцев европеоидного происхождения привела к тому, что афроамериканцам стало экономически выгодно избегать интеграции в американское общество и почаще напоминать о «вековых обидах», за которые им должна быть выплачена компенсация. Неожиданно ни для кого экономически и социально выгодным стал именно реваншизм в стиле Малкольма Литтла, а не одинаковые гражданские права для американцев всех рас, которых добивался Мартин Лютер Кинг.

В результате отмены сегрегации все чернокожие, которые могли и хотели интегрироваться в американское общество, к 1990-м гг. сделали это. Они живут в пригородах, по соседству со своими белыми согражданами и коллегами, чаще всего работают в межрасовых трудовых коллективах и выделяются из общего числа американцев лишь своими личными достоинствами и недостатками. Иначе стали развиваться события в районах компактного проживания афроамериканцев, которые они заняли, переселяясь в города в 1960-е гг. В ту пору многие из них были безграмотны и не имели никакой рабочей специальности, поэтому они быстро заселили центральные районы мегаполисов, откуда белое население перебиралось в пригороды. Этот миграционный процесс получил название «бегства белых», хотя на самом деле в те дни никто ни от кого не убегал, просто невысокие цены на автомобили позволили американцам селиться на любом расстоянии от места работы и городской администрации. Затем в течение

¹ Таратута М. А. Американские абсурды // Международная жизнь: ежемесячный научный журнал. – 2020. – №9. – С. 6.

трёх десятков лет те чернокожие, которые воспользовались возможностями, предоставленными им отменой сегрегации, и правительственной поддержкой, покидали «цветные» районы. Ведь поскольку в 1960-е гг. эти места оказались заняты приезжей беднотой, то и уровень жизни в них стал соответствующим. В наши дни такие районы в шутку называют «гетто», хотя живут в них не евреи, а афроамериканцы, на протяжении нескольких поколений довольствующиеся пособием по безработице и всевозможными правительственными субсидиями. Это именно те люди, которые подпали под очарование реваншистов из «Нации ислама», «Организации афроамериканского единства» и т.д. Они не желают интегрироваться в американское общество, хотя уже на протяжении нескольких поколений живут за его счёт. И, отказываясь от интеграции, эти афроамериканцы нередко демонстрируют презрение к федеральному законодательству. Формально в США невозможно существование самоуправляющихся общин, организованных по расовому критерию, если только речь не идёт об индейских резервациях. За порядком в «цветных» районах по-прежнему надзирает полиция, а преступники предстают перед судом даже в том случае, если объявляют о своём нежелании жить по американским законам. Но в реальности негритянские гетто давно уже самоуправляются, и вся полнота власти в них принадлежит организованным преступным сообществам, формируемым по расовому принципу. В частности, известная в Калифорнии группировка «Калеки» («Crips») проходит в полицейских базах данных не как партия или общественная организация, а как банда, совмещающая заказные убийства и вымогательство с торговлей наркотиками. Поскольку немало обитателей «цветных» районов, не желая соблюдать американские законы, оказываются в тюрьмах, то «Калеки» предлагают им свою протекцию в местах лишения свободы взамен за лояльность на воле. Помимо «Калек», в афроамериканских районах действуют и другие многочисленные и хорошо организованные банды, претендующие на неформальную власть в этих местах и пользующиеся среди жителей гетто немалым авторитетом. Себя такие группировки позиционируют как защитников чернокожего населения от посягательств белых и, особенно, латиноамериканских мигрантов, которые из-за низких дохо-

дов вынуждены селиться по соседству. Вспоминая времена, когда афроамериканцы становились жертвами Ку-клукс-клана и подобных ему организаций, «Калек» и им подобные сравнивают себя с отрядами самообороны «цветных» районов и собирательно называются «чёрные братья» («black brothers») или «племена» («tribes»).

В первой главе нашей работы мы отмечали, что важной чертой варварской культуры является клановость, то есть чёткое разделение всех людей на «своих» и «чужих». Для внешних варваров такой взгляд на мир понятен, ведь они прибыли в чужую страну и никого в ней не знают. А вот внутренние варвары создают для себя такое мировоззрение буквально на пустом месте. Так, жители «цветных» районов, вдохновляющиеся идеями реваншизма и считающие всех белых своими врагами, не желают признавать своих соседей и товарищей виновными и выдавать их полиции, даже если последние действительно совершили преступление. Почти каждая масштабная полицейская операция, проводимая в гетто, приводит к массовым протестам, в ходе которых афроамериканцы требуют, чтобы полиция не смела появляться на «их» территории. Такие манифестации и митинги нередко сопровождаются хулиганством, вандализмом и грабежами. Например, в 1992 г. грубое задержание полицией чернокожего наркомана, спровоцировавшего ДТП, привело к выходу на улицы многотысячных толп, состоящих из жителей местного «цветного» района. Акция протеста быстро переросла в нападения на полицейских и прохожих европеоидной внешности, разграбление магазинов, поджоги автомобилей и предсказуемо закончилась вводом в город войск. Причём, в протестах участвовали латиноамериканские и даже белые активисты, видя в этом возможность безнаказанно мародёрствовать и создать себе имидж бунтарей. Многие журналисты и юристы намеренно освещают такие волнения с точки зрения афроамериканцев, чтобы прослыть либеральными, толерантными и прогрессивными.

Противодействуя негритянским бандам и поддерживающим последних манифестантам, американская полиция нередко вынуждена применять силу. Поскольку многие обитатели гетто бравируют перед товарищами, сопротивляясь полицейским, то ино-

гда стычки заканчиваются гибелью зачинщиков. Пресса и, особенно, блогеры преподносят такие события как необъявленный террор полиции против афроамериканцев, хотя в числе сотрудников полицейских управлений Нью-Йорка и Лос-Анджелеса немало чернокожих. Попытки криминальной полиции проводить операции против «чёрных братьев» интерпретируются широкой публикой как притеснение расовых меньшинств. Так, с 1990-х гг. в США существует общественная организация под названием «Black lives matter» (BLM), то есть «Чёрные жизни важны». Её активисты организуют как протестные акции, так и хорошо подготовленные юридические разбирательства в каждом случае, когда полиция применяет силу против жителей «цветных» районов. Либеральные СМИ охотно сотрудничают с этой организацией, полагая, что тем самым помогают США избавиться от наследия расовой сегрегации.

Между тем, «BLM» – это в первую очередь расистская организация, направленная против американцев европеоидного происхождения, а главное – считающая государство обязанным постоянно содержать чернокожее население и не видящая для США никакой другой исторической задачи. В частности, во время волнений 2020 г., спровоцированных убийством полицией при задержании чернокожего рецидивиста, лидер нью-йоркского отделения «Black lives matter» Хоук Ньюсом высказал своё отношение к государству такими словами: «Если эта страна не даст нам того, чего мы хотим, мы сожжём эту систему и заменим её.... Возможно, я говорю фигурально, а возможно, буквально. Это вопрос интерпретации»¹. Буквально ли или фигурально высказался поборник важности чёрных жизней, гадать не приходится, потому что во время волнений 2020 г. члены «BLM» в некоторых городах снесли памятники Христофору Колумбу, Джорджу Вашингтону и даже Аврааму Линкольну. Политический режим США, несмотря на всю свою необъяснимую щедрость по отношению к далёким потомкам африканских невольников, явно, не устраивает современных афроамериканских радикалов. Но в пы-

¹ Таратута М. А. Американские абсурды // Международная жизнь: ежемесячный научный журнал. – 2020. – №9. – С. 11.

лу борьбы за очередные льготы и пособия они забыли, что у них нет и никогда не было иной родины, кроме Соединенных Штатов. Афроамериканский этнос сформировался именно в этой стране, на лоне именно этой культуры и ни в каком другом обществе существовать попросту не сможет. Достаточно представить, какая незавидная судьба ждёт протестующих и бунтующих жителей гетто, если американское правительство догадается отменить выплаты, пособия и субсидии, на которые они живут. Причём, сам факт этой нескончаемой финансовой и социальной поддержки капризного расового меньшинства выглядит несправедливо по отношению к тем его представителям, которые работают и платят налоги наравне со своими европеоидными согражданами. Получается, что американцы всех цветов кожи трудятся для того, чтобы финансировать немногочисленную, но очень активную прослойку бездельников, которым всегда всего мало и которые хорошо научились лишь выставять себя жертвами исторической несправедливости.

Немаловажную роль в деятельности афроамериканских националистов и расистов играют либерально настроенные СМИ и общественные деятели, которые демонстративно создают этой паразитической и откровенно криминальной публике ореол борцов за свободу непонятно от чего и за права, поправные неизвестно кем. Возможно, многочисленным журналистам, публицистам и общественным деятелям кажется, что таким образом они способствуют установлению в стране гражданского мира. Однако на практике дело обстоит прямо противоположным образом. Хорошо изучивший отношение активистов «BLM» к их белым союзникам М. А. Таратута отметил: «Забавно, что и активисты BLM полагают, что с пользой могут использовать белых леваков. Иногда их откровения прорываются наружу. Недавно, например, активистка Эшли Шэкелфорд заявила, что «белые люди в их движении – в лучшем случае граждане второго сорта. По хорошему они нужны только как живые щиты, как «торпеды» и денежные мешки». «Торпеды» так «торпеды» – левым анархистам из движения «Антифа» было нужно прикрытие BLM и плевать, что о них там думают. Без всякой внятной идеологии эти молодцы тоже настроены против государства и с большой охотой

принимают участие во всех происходящих безобразиях»¹. То есть движение «BLM» существует в правовом поле и избегает полицейского преследования не в последнюю очередь благодаря помощи белых журналистов и активистов, и этих же людей его члены отказываются считать согражданами.

Итак, мы рассмотрели варварство в современных США и выделили следующие его сегменты. Внешние варвары представлены легальными и нелегальными латиноамериканскими иммигрантами, желающими жить на территории Соединенных Штатов за счёт их граждан, но по собственным законам. Внутренними варварами современного североамериканского общества являются афроамериканские националисты и расисты, сознательно расшатывающие порядок, стремящиеся к культурной и даже правовой обособленности, выдвигающие против государства множество надуманных обвинений, но при этом живущие за его счёт. Однако обе эти социальные группы не смогли бы добиться такого исключительного положения в обществе, если бы не поддержка нескольких поколений публицистов, юристов и конгрессменов. В первой главе мы отмечали, что внутреннее варварство становится по-настоящему разрушительным лишь в том случае, когда проникает в правительство. Это не значит, что чернокожий баскетболист в широких штанах или мексиканский гангстер с пакетом марихуаны в кармане баллотируются в Конгресс или законодательные собрания штатов. Просто в рядах политического истеблишмента США есть люди, которым выгодно текущее развитие событий, которые считают внутренних и внешних варваров орудиями своей политики и, тем самым, в противостоянии варварства и цивилизации оказываются на своей собственной стороне.

Американский исследователь П. Дж. Бьюкенен находит среди американских политических течений и группировок подлинного застрельщика и покровителя происходящих в США расовых конфликтов. По мнению исследователя, это неоконсервативное крыло Республиканской партии США, часто сокращенно именуемое «неоконы». П. Дж. Бьюкенен предостерегает, что по сво-

¹ Таратута М. А. Американские абсурды // Международная жизнь: ежемесячный научный журнал. – 2020. – №9. – С. 12.

им устремлениям и ценностям эти люди не имеют ничего общего с традиционной американской политикой, и начало их политической деятельности в середине XX в. было исключительно социалистическим, нетипичным для США. Приведём объемную цитату из работы П. Дж. Бьюкенена, описывающую политический путь неоконсерваторов к вершинам власти: «Первое их поколение составляли экс-троцкисты, социалисты, прочие левые и либералы, поддерживавшие Франклина Рузвельта, Трумэна, Джона Кеннеди и Линдона Джонсона. Когда в 1972 году Макговерн подчинил себе Демократическую партию – под лозунгами сокращения военных расходов и возвращения американских солдат из-за рубежа, – эти либералы «холодной войны» вдруг осознали, что их игнорирует собственная партия. Оказавшись в свободном плавании, они в конце концов прибились к республиканцам и были, что называется, приняты на борт, когда многолетние усилия консерваторов завершились триумфом Рейгана. Иными словами, неоконсерваторы были участниками «революции Макговерна», которая представляла собой политический итог социальных и культурных революций 1960-х годов. Кевин Филипс писал в ту пору, что неоконсерватор будет скорее редактором журнала, чем рабочим на стройке. Сегодня типичный неоконсерватор – исследователь на зарплате в какой-либо общественной организации наподобие АИПТ (Американский институт предпринимательства в области исследования социальной политики – С.С., И.Ч., В.Ч.) или его клонов вроде Центра изучения политики безопасности или Проекта «Новый американский век». (...) Как заметил один остряк, неоконсерваторам куда лучше известно устройство фабрик мысли (think tanks), чем танка «Абрамс». (...) По численности движение неоконсерваторов невелико и не является общенациональным – как говаривали в 1970-е, «сплошные вожди и никаких индейцев»¹. Неоконсервативную идеологию можно считать утопической, популистской или крайне беспринципной. В частности, именно ей больше всего соответствует роль «мирового жандар-

¹ Бьюкенен П. Дж. Правые и не-правые. Как неоконсерваторы заставили нас забыть о рейгановской революции и повлияли на президента Буша. – Москва : АСТ, 2006. – С. 60-61.

ма», играемая США, навязывание псевдодемократических режимов странам «третьего мира» и финансирование из американского бюджета всевозможных постмодернистских движений на других континентах. Во внутренней политике неоконсерваторы придерживаются крайне либеральных взглядов, ратуя за плюрализм во всём и поощряя ревизию традиционных ценностей американской культуры. В частности, «законы против ненависти» являются именно их инициативой. Говоря о том, что неоконсерваторы поддерживают культурный плюрализм в любых его проявлениях, необходимо уточнить, что они не делают разницы между американцами и мигрантами, wasp и афроамериканцами. Именно с их лёгкой руки происходит замещение американского населения юго-западных штатов мексиканским, а льготы для афроамериканцев со временем лишь множатся. Например, тесно связанный с неоконсерваторами президент Дж. Байден с первых дней своего правления поспешил легализовать нелегальных мигрантов из Мексики, тем самым, узаконивая их нахождение на территории США и фактически позволяя им и впредь выдавливать американцев-wasp из Калифорнии, Аризоны и других юго-западных штатов¹.

Будучи интегрированными во властные структуры США и играя немалую роль в формировании американского общественного мнения, неоконсерваторы оказываются той самой «пятой колонной», которая открывает ворота варварам внешним и исподволь поддерживает варваров внутренних. Фактически это и есть внутренние варвары североамериканского общества, пытающиеся использовать политические и социальные проблемы страны в собственных сиюминутных интересах. Такие гешефты вообще характерны для зрелых, упадочных цивилизаций и последствия их хорошо известны. Именно благодаря такой своекорыстной, наделенной полномочиями публике внешние варвары без боя проникают сквозь лимесы и третируют гражданское население слабеющей цивилизации, а внутренние варвары превращают общественное достояние в объект грабежа. Вспомним китайского пол-

¹ Таратута М. А. Американские абсурды // Международная жизнь: ежемесячный научный журнал. – 2020. – №9. – С. 5.

ководца У Саньгуня, без единого выстрела открывшего кочевникам-маньчжурам ворота в Великой стене, и римского наместника Северной Африки Бонифация, пригласившего варваров-вандалов себе на помощь в сепаратистском выступлении. Именно эти люди являются историческими двойниками современных американских неоконсерваторов, потакающих латиноамериканским мигрантам и афроамериканским националистам. Итог будет, вероятнее всего, скорым и предсказуемым.

Итак, в данном параграфе:

- выявлено внешнее по отношению к североамериканскому цивилизованному обществу варварство в лице легальных и нелегальных латиноамериканских иммигрантов, которые заселяют юго-западные штаты, различными методами вытесняют местных жителей, но при этом не интегрируются в американское общество;

- доказано, что латиноамериканцы являются носителями собственной, оригинальной культуры, многие особенности которой не совпадают с североамериканской, и поэтому бесконфликтное сосуществование этих культур вряд ли возможно;

- установлено, что роль внутренних варваров североамериканского общества играют афроамериканские националисты и расисты, под влиянием которых находится население «цветных» районов американских мегаполисов;

- выявлено, что внешние и внутренние варвары в США имеют собственные политические организации, вынашивают далеко идущие планы и фактически пользуются правовой и культурной автономией;

- установлено, что данная ситуация стала возможной, во многом, благодаря проникновению внутренних варваров в органы государственной власти США. Это внутреннее варварство аккумулируется в рядах неоконсервативного движения, постоянно идущего навстречу внешним и внутренним варварам против цивилизованного американского большинства.

В следующем параграфе мы рассмотрим взаимодействие варварства и цивилизации в современной Западной Европе и выявим его специфические черты.

4.2. Специфика современного варварства в Западной

Европе.

В предыдущем параграфе мы рассмотрели взаимодействие евро-американской цивилизации с внутренними и внешними варварами в США. Теперь сосредоточим внимание на западноевропейском сегменте этого цивилизованного общества. Это необходимо, так как в Европе реализуется несколько иной сценарий взаимодействия варварства и цивилизации, нежели в Новом Свете. Общие моменты на обоих ареалах присутствуют, но только лишь потому, что в данной межкультурной коммуникации может быть лишь небольшое число алгоритмов. И если цивилизованная сторона культурного диалога в Северной Америке и Западной Европе, во многом, одинакова, то внешние и внутренние варвары этих континентов заметно различаются, хоть и действуют по одной и той же схеме, безотказно функционирующей в любые эпохи.

Говоря о таких странах Западной Европы как Великобритания, Франция и Нидерланды, необходимо отметить две их специфические черты. Во-первых, в Новое время именно эти державы открыли и завоевали большую часть остального мира, и поэтому в наши дни, когда процесс деколонизации давным-давно завершился, практически всё население Африки и немалой части Азии несёт на себе отпечаток долгого господства европейской культуры. Можно сказать, что для западных европейцев не существует внешних варваров, потому что благодаря своей бурной и блистательной колониальной истории XVII–XIX вв. они успели познакомиться со всеми остальными народами и этносами, а главное – внести в их развитие немалые коррективы. Речь не идёт о порабощении или ассимиляции. К примеру, Россию в военном отношении не смог победить даже альянс Великобритании, Франции и Пьемонта, однако британская литература, парижская мода и итальянская опера чувствуют себя в Москве и Санкт-Петербурге, как дома. И это не говоря о том, что на протяжении Нового времени именно европейские научно-технические достижения были предметом заимствований для всего мира. Процесс деколонизации привёл вчерашние колонии Англии и Франции к

политической независимости, но граждане этих молодых государств прекрасно понимают язык бывших метрополий и зачастую даже учатся в школах по британской или французской образовательным программам. Деколонизация покончила с колониальными империями, но не разрушила экономического единства западного мира, который к середине XX в. охватывал немалую часть земного шара. Поэтому большая часть жителей бывших колоний является по отношению к Западной Европе не внешними, а именно внутренними варварами, даже если они живут у себя на родине и лишь состоят в одних сетевых сообществах с французами или англичанами. Географическое положение и доступность западноевропейских стран для жителей бывших колоний тем более не секрет, что они говорят и пишут на языках бывших метрополий так же легко, как на своих родных диалектах. И теперь, когда больше не существует ни колоний, ни метрополий, ни рабов, ни господ, ничто не удерживает бывших колониальных жителей от переезда в страны Западной Европы. Отечественный исследователь А. В. Головнёв удачно заметил: «Наверное, ни один завоеватель, собираясь в своё время в поход, не задумывался всерьёз о том, что он отворяет ворота в собственную страну. Между тем любая завоевание (колонизация, миграция) несёт в себе эффект бумеранга, потому что прокладывает путь, по которому почти сразу начинается встречное движение (например, в виде пленных), а позднее разворачивается «колонизация метрополии». Эта судьба выпадает на долю всех метрополий, независимо от стиля их экспансии»¹. Западную Европу описанный «эффект бумеранга» настиг во второй половине XX в.

Когда современные исследователи говорят о мигрантах, прибывающих в Европу нескончаемым потоком и постепенно меняющих её культурный и этнографический облик, то почти всегда добавляют, что речь идёт о мусульманах. Между тем, не существует в мире такой страны, жители которой назывались бы «мусульмане», равно как нет и одноимённого народа или племени. Таким образом, в западноевропейском варианте взаимодейст-

¹ Головнёв А. В. Феномен колонизации. – Екатеринбург : УрО РАН, 2015. – С. 536.

вия варваров с цивилизацией, в отличие от североамериканского развития событий, конфессиональный фактор играет очень серьёзную роль. При этом очень важно отметить такой нюанс, что ислам для Западной Европы не является новшеством. В VIII в. арабские завоеватели вторглись на территорию нынешней Франции и долгое время пытались в ней закрепиться, а потом на протяжении почти семи столетий европейцы-католики выбивали их потомков с Пиренейского полуострова. Более того, рыцари почти всех католических стран участвовали как в крестовых походах в Палестину, так и в пиренейской Реконките. Поэтому ещё в Средние века французы, англичане и немцы знали, кто такие мусульмане, и не делали проблемы из соседства с иноверцами. Кроме того, Южной Европе в XVI-XVIII вв. было сильно влияние Османской империи, наследием которого в наши дни является существование в этом регионе мусульманских государств. К таким «анклавам» ортодоксального ислама в Европе можно отнести Албанию и Боснию, но, как отмечают отечественные авторы В. Н. Медведев и С. В. Резник, именно эти государства не создают и никогда не создавали проблем западной христианской цивилизации¹. И, наоборот, те мусульмане, о которых европейские политики говорят в контексте демографических, социальных и криминальных проблем, прибыли в Европу лишь в XX в. и продолжают прибывать сейчас. Эти «мигранты-мусульмане» не являются уроженцами какой-нибудь одной страны или области, нередко их родные языки не совпадают, а создаваемые ими в Европе общины всегда носят интернациональный характер. Например, отечественный исследователь Б. В. Долгов приводит такую этническую структуру мусульманской общины Франции, на 2015 г. состоявшей из 6 млн. человек: 43% – алжирцы, 28% – марокканцы, 11% – тунисцы, 9,3% – представители народов «чёрной» Африки, турки – 8,6%². Обратим внимание, что представители этих наро-

¹ Медведев В. Н., Резник С. В. Радикальный ислам в современной Европе: антисистемы в структуре постмодерна // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.* – 2021. – №46(2). – С. 320.

² Долгов Б. В. Арабо-мусульманская община во Франции. Исламская идентификация и светская демократия (1980 – 2016 годы). – Москва : ЛЕНАНД, 2017. – С. 8.

дов не только не были в прошлом земляками или соотечественниками, но даже принадлежат к различным этносам. Объединяет их лишь вероисповедание. Причём, у себя на родине они вполне могут принадлежать к различным течениям ислама: турки и арабы – сунниты, берберы – хариджиты, а в «чёрной» Африке мусульмане нередко исповедуют двоеверие. Однако в Западной Европе все они идентифицируют себя именно как мусульмане, а не по национальному или региональному критериям. И именно эта новая для европейского общества социально-духовная группа является очень активной, привлекающей к себе с каждым годом всё большее внимание. Рассмотрим причины и специфику появления «новых мусульман» в европейских странах на примере Франции, на территории которой в данный момент находится самая крупная мусульманская община Западной Европы.

Близкое знакомство французов с берберами и арабами Северной Африки началось в 1830-е годы, когда французский экспедиционный корпус в ходе широкомасштабной операции захватил Алжир. Справедливости ради следует признать, что это вторжение было продиктовано не алчностью парижских капиталистов, а самой насущной политической необходимостью. На протяжении XVI – начала XIX вв. Алжир и соседние прибрежные области были оплотом средиземноморского пиратства, и французы наконец-то смогли покончить с этим злом. В дальнейшем Алжир стал французской колонией точно так же, как Тунис и большая часть Марокко, но в 1848 г. алжирцам очень повезло: статус их страны был изменён. Французское правительство превратило Алжир из колонии в заморское владение республики, разделив страну на департаменты по образцу метрополии. Депутаты из Алжира были даже допущены в Национальное Собрание, а в Северную Африку устремились тысячи французских колонистов. На протяжении десятилетий Франция вкладывала в развитие Алжира немалые средства, строя не только такие утилитарные объекты как порты и дороги, но даже университет и театры. В частности, в самом городе Алжир французы построили величественный собор Африканской Богоматери, а район города, где расположен университет, по сей день называется Латинский квартал. Со своей стороны, берберы проявили лояльность к метрополии во время Первой

мировой войны (1914–1918), приняв участие в сражениях на Западном фронте. По сей день французы бережно ухаживают за братскими могилами солдат-мусульман, прибывших на помощь их родине в критический момент Великой войны. С тех самых пор во Франции появилась небольшая арабско-берберская община: не все алжирцы-фронтовики пожелали возвращаться домой, некоторые из них предпочли устроиться работать на предприятия метрополии. Точно также в Алжире к этому времени жило немало французских переселенцев, многие из которых были вовсе не солдатами или полицейскими, а учителями, инженерами и даже земледельцами. Интеллектуальную атмосферу Алжира 1930-х гг. красноречиво характеризует тот факт, что именно в этом городе родился, вырос и написал свои лучшие книги французский философ А. Камю (1913–1960). В годы Второй мировой войны (1939–1945) военные действия велись на алжирской территории, и местное население участвовало в них наравне с войсками правительства Виши, «Сражающейся Франции», союзников и нацистской Германии. А вот в 1950-е гг. начались неизбежные проблемы, так как арабско-берберское население, близко познакомившись с европейскими правовыми идеями, стало требовать независимости.

Антиколониальные восстания случались в Алжире и раньше, но после Второй мировой войны политическая конъюнктура в Европе изменилась. Под влиянием того чудовищного примера, который показали всеми миру немцы, больше никто не мог открыто говорить об имперской политике. В моду вошли призывы к равноправию жителей колоний и метрополий, а любой, кто настаивал на сохранении хоть какой-то сегрегации, автоматически приравнялся к идейному последователю Й. Геббельса. В результате алжирская политическая партия «Фронт национального спасения» (ФНС) смогла поймать удачный момент для сепаратистского мятежа, при помощи провокаций развязав войну за независимость (1954–1962). Разумеется, французские колониальные войска многократно превосходили повстанцев в технике и выучке, кроме того на стороне метрополии сражались формирования арабско-берберских лоялистов, получившие название *харки*. «Фронт национального спасения» и его союзники из числа му-

сульманских радикалов могли противопоставить военной машине Французской республики лишь терроризм и партизанщину, чем они умело пользовались, атакуя городские танцплощадки и рестораны, нападая на французских фермеров и, тем самым, провоцируя администрацию на репрессии против всех алжирцев вообще. В XIX в. такая тактика была проигрышной, так как европейские державы не останавливались перед применением силы и даже геноцидом туземного населения. Но в середине XX в. организаторы подобных операций приравнивались к гитлеровским карателям. Например, в 1957 г. батальон французских парашютистов взял штурмом арабский район Алжира и ликвидировал местную ячейку ФНС в полном составе, но в ходе боя погибло немало мирных жителей, и руководивший операцией генерал Ж. Массю был вскоре отстранен от командования¹. В самой Франции немногочисленные алжирские рабочие устраивали демонстрации в поддержку ФНС, которые французская полиция обоснованно считала выступлениями «пятой колонны» и жестко пресекала. Однако либерально и социалистически настроенное общественное мнение Франции требовало скорейшего прекращения войны, да и представители крупного бизнеса желали видеть в алжирцах покупателей своих товаров, а не военного противника. Поэтому в 1962 г. с согласия президента Шарля де Голля Франция признала независимость Алжира. Разумеется, победившие патриоты уже предвкушали расправу над европейским населением страны и над солдатами подразделений харки, которые в одночасье превратились из лояльных правительству добровольцев в предателей. Поэтому французское правительство организовало массовую репатриацию бывших колонистов и эвакуацию тех арабско-берберских коллаборационистов вместе с их семьями, которые пожелали покинуть Алжир (таковых набралось несколько десятков тысяч).

Казалось, что теперь пути Франции и её бывшей колонии разошлись и никогда больше не встретятся. Однако в игру вступил крупный бизнес, поставленный политическими обстоятельствами

¹ Бьюкенен П. Дж. Правые и не-правые. Как неоконсерваторы заставили нас забыть о рейгановской революции и повлияли на президента Буша. – Москва : АСТ, 2006. – С. 153.

середины XX в. в очень своеобразное положение. Французские рабочие так же, как и их русские и британские коллеги, с конца XIX в. легальными и нелегальными способами боролись за свои права: законы о труде, достойную заработную плату и т.д. В промышленных городах Франции имели немалую силу профсоюзы, а после Второй мировой войны Коммунистическая партия стала влиятельнее, чем когда-либо раньше. Со своей стороны, владельцы крупных фабрично-заводских предприятий с самого начала XX в. приглашали иностранных рабочих, стараясь исподволь заменить ими нелояльных пролетариев-французов. Среди приглашенных гастарбайтеров встречались выходцы из Алжира, Туниса и других французских колоний в Северной Африке, но в те годы они не преобладали в общем потоке иностранной рабочей силы, завозимой промышленниками-буржуа. Французский исследователь Ж. Кепель так описывает характер трудовой миграции первой половины XX в.: «Этот миграционный поток, начавшийся ещё в первые десятилетия XX века, имел своей причиной поиск работы. Европейская промышленность нуждалась в дешёвой рабочей силе, а иммигранты – в живых деньгах, которые они могли привезти на родину. В этой миграции не было ничего специфически «исламского», она не была связана ни с верой, ни с её экспансией: так же поступало христианское население Южной Европы, отправлявшееся на заработки в северные страны»¹. Таким же образом обеспечивали свои предприятия лояльными и недорогими рабочими английские предприниматели, а в годы Второй мировой войны даже Третий рейх импортировал больше миллиона «восточных рабочих». После окончания мировой войны рабочий вопрос во Франции ничуть не сгладился: для ликвидации последствий оккупации требовалось множество рабочих рук, но французские пролетарии полагали, что именно сейчас пора добиться от фабрикантов выполнения всех своих требований. Благодаря популярности Французской Коммунистической партии (ФКП) рабочие пригороды Парижа даже получили название «красный пояс», и жители этих районов больше не хотели работать за гро-

¹ Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма. – Москва : Ладомир, 2004. – С. 193.

ши. Ведь не для этого же совместными усилиями была одержана такая тяжёлая победа над Третьим рейхом? Да и советский опыт наглядно демонстрировал, что развитое индустриальное государство вполне может жить и процветать без капиталистов-промышленников.

В такой обстановке французские предприниматели-фабриканты сделали ставку на массовое привлечение к работе на заводах алжирских беженцев и тех марокканских и тунисских иммигрантов, которые последуют их примеру. Основное внимание уделялось именно алжирцам, так как именно в эти годы в Алжире бушевала война за независимость, и многие арабы и берберы покидали родину из-за банального страха попасть под обстрел. Звёздный час промышленников наступил в 1962 г., когда из независимого Алжира эвакуировались во Францию десятки тысяч бывших харки и членов их семей. Все они нуждались в жилье и работе, а главное – панически боялись депортации обратно в Алжир, где их ждала неминуемая казнь за сотрудничество с колониальными властями. Этих людей можно было селить в общежитиях, мало отличающихся от бараков XIX в., платить им в разы меньше, чем французам, и издеваться над ними, сколько душе угодно. Тем более, что харки ещё на родине присягали Французской республике и теперь, оказавшись в Париже или Страсбурге, искренне пытались интегрироваться во французское общество. Кроме тех алжирцев, что воевали за Францию, владельцы заводов охотно принимали на работу и других выходцев из Северной Африки, если те соглашались на низкую заработную плату. Надо сказать, что арабы и берберы не считали, будто к ним относятся несправедливо, ведь ни рабочих специальностей, ни какой-либо опыта заводской работы у них не было.

Замысел французских капиталистов был прост и по отношению к соотечественникам жесток. Отечественный исследователь В. Р. Арсеньев описывает тот проект коротко и очень ясно: «Европейским предпринимателям были нужны не только здоровые и, как казалось, неприхотливые работники, готовые обеспечивать экономики стран Западной Европы в самых тяжелых и непрестижных сферах за минимальное вознаграждение. Была ещё и задача сорвать классовую борьбу европейских трудящихся, подор-

вать влияние левых партий и сбить революционную волну, особенно остро проявившуюся в 1968–1970 гг. Расчёт делался и на то, что иностранцы охотно и без особых угрызений совести сыграют роль штрейкбрехеров»¹. Для того, чтобы североафриканские иммигранты не объединились со своими французскими коллегами-пролетариями и не подверглись влиянию социалистических идей, владельцы заводов даже селили берберов не в рабочих районах, а в специально отведённых для них кварталах – *бидон-вилях*. В конце 1960-х гг. во Франции был принят закон о воссоединении семей, по которому близкие родственники вынужденных и трудовых иммигрантов смогли беспрепятственно приехать во Францию и поселиться вместе с арабскими и берберскими рабочими. Таким образом, владельцам заводов и их союзникам в парламенте удалось создать на территории Франции арабско-берберские районы, никак не соприкасающиеся с пролетарскими пригородами и, в перспективе, должны заменить последних.

Если оценить проект по замещению рабочих-соотечественников на кажущихся бесправными мигрантов с точки зрения алгоритма взаимодействия зрелой цивилизации с варварством, то всё становится на свои места. Внутренние варвары из сферы крупного бизнеса сорвали естественный процесс отчуждения прозелитов, начавшийся после получения Алжиром независимости, и буквально притащили иноземцев на территорию своей страны. Они хотели лишь одного – нажиться на чужом горе, пополнить свои карманы, обрекая на безработицу соотечественников и земляков. Вряд ли кого-то из этих предпринимателей мучила совесть: в силу трагического для Франции хода Второй мировой войны территория страны на протяжении четырёх лет находилась в оккупации, и богаче всех жили, разумеется, коллаборационисты. Некоторые французы успели усвоить этот страшный урок: главное – вовремя обнаружить возможные выгоды. Нацистская оккупация и режим Виши канули в Лету, но их урок оказался блестяще усвоен бизнесменами, молодость которых пришлась именно на годы той войны. Однако, сколачивая со-

¹ Арсеньев В. Р. Багровые закаты над Европой // Азия и Африка сегодня. – 2006. – №4. – С. 50.

стояния на бесправии и страхе вчерашних харки и разорении своих же соотечественников, французские предприниматели забыли или не захотели вспоминать вторую часть вишистского урока: предателей всегда постигает наказание. Если они надеялись, что арабы и берберы навсегда останутся в неведении относительно своего положения, то бизнесменов ждало разочарование.

В 1968 г. экономический кризис привёл к одновременному протесту французских профсоюзов и студенчества. Цели и методы у сторон были разными, но бунтари из Сорбонны быстро освоили социалистическую риторику и в ходе своих демонстраций впервые приравнивали алжирцев к французам на основании того, что и первые, и вторые являются трудящимися. Например, устроившие манифестацию в Нантере студенты-анархисты озвучивали такие сентенции: «Рабочий! Мало того, рабочий-араб! Во Франции – жертва расизма номер один. Пролетарий из пролетариев, эксплуатируемый в квадрате, из которого выжимают все соки дважды: там, в слаборазвитом отечестве, и здесь, в сверхразвитой экс-колонизаторской стране»¹. Тот факт, что студенческие выступления имели весьма туманное отношение к рабочему вопросу, не сыграл большой роли: в бидонвилях этот прецедент получил известность. Получилось, что французы сами показали мигрантам, как можно бороться за свои права в условиях индустриального мегаполиса.

В 1973 г. из-за колебаний на нефтяном рынке некоторые французские заводы были вынуждены сократить свой штат, и множество выходцев из Северной Африки оказалось без работы. Однако большинство этих людей уже привыкли к жизни в европейских городах, пережились, а их дети родились уже во Франции, то есть стали французскими гражданами по праву рождения. Теперь многочисленные мигранты уже не были нужны буржуа-фабрикантам, однако они вовсе не собирались куда-либо уезжать. Им предстояло решить, с кем или с чем себя идентифи-

¹ Мяло К. Г. Под знаменем бунта. Очерки по истории и психологии молодёжного протеста 1950–1970-х годов. – Москва : Молодая гвардия, 1985. – С. 91.

цировать, коль уж родина предков осталась за Средиземным морем и возврата на неё точно не будет. Говорить о национальном единстве выходцев из Северной Африки тоже не приходится: как мы отмечали выше, их национальный и этнический состав совсем не однороден. Зато всех этих берберов, арабов и сенегальцев объединяла религия, ведь все они принадлежали к тому или иному мусульманскому течению. В осознании конфессиональной общностью своего единства не было ничего плохого, тем более, что аналогичные процессы в эти годы шли в Великобритании и ФРГ, где сформировались сомалийская и турецкая диаспоры. Европейские правительства, в частности, французское, имели много возможностей интегрировать или ассимилировать мусульман, если бы поинтересовались их религией или навязали им свою собственную. Причина, по которой не произошла христианизация диаспор, будет нами рассмотрена в надлежащем месте ниже, а от сотрудничества с собственными мусульманами европейских политиков отвлекла исламская революция в Иране (1978–1979). Свержение светского режима династии Пехлеви шиитскими ригористами и установление в стране фактической теократии настолько напугало французских и немецких полицейских, которые прежде не имели дела с религиозным экстремизмом, что они настояли на приглашении в диаспоры мусульманских теологов из Турции, Египта и Алжира¹. Причём, дипломаты, осуществлявшие эту меру, даже не удосужились проверить, к какому направлению принадлежит тот или иной теолог и какую доктрину он исповедует. Да европейцы и не поняли бы всех этих тонкостей. Они искали духовную няньку для североафриканских диаспор, которая удержит их членов от деятельного сочувствия персидским революционерам. В результате такая нянька обнаружилась быстро: это были проповедники учений, в исламском мире признанных маргинальными (всевозможных радикальных братств, мистически настроенных тарикатов, политико-религиозных ячеек и т.д.). Не имея возможности легально проповедовать на родине, эти организации охотно отправили в Западную Европу своих эмисса-

¹ Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма. – Москва : Ладомир, 2004. – С. 197.

ров. Так в Германии появились филиалы запрещенных в Турции братств Нурджу и Сулейманджи, а во Франции были без проблем приняты представители запрещённых в Алжире тарикатов Муридия и Тиджанийя и пакистанского радикального движения «Таблиг». Все эти течения и общины охотно принялись за проповедь суннитского ислама среди мигрантов-мусульман, но в том виде, в каком они его понимали. Проблема заключалась в том, что в исламском мире с 1924 г. не было законного халифа, и поэтому не существовало чёткого критерия, отделяющего ересь от ортодоксии. Те проповедники, которых в начале XX в. однозначно сочли бы отступниками, на рубеже 1970/80 гг. действовали свободно и опасались лишь преследования со стороны светских властей. А преследовать было за что, ведь в 1960/70 гг. арабские страны Леванта предпринимали активные попытки создать светские политические режимы и вдохновлялись националистическими идеалами. Религиозные ригористы, настаивавшие на возрождении средневековой теократии, были в этих странах совсем неуместны, особенно, если они пытались подчинить политику и право шариату при помощи террора. Таких религиозно-политических организаций в Египте, Сирии, Алжире и Пакистане было немало, и правителям этих стран приходилось бороться с ними. Не всегда эта борьба была удачной: в частности, египетские президенты Г. Насер и А. Садат погибли от рук исламистов.

Но европейские правительства в эти тонкости не вдавались. Для них было главным лишь то, что прибывшие проповедники не являются шиитами и сумеют удержать мусульманские общины французских и немецких городов от симпатий персидским исламистам-революционерам. Со своей стороны французское и немецкое правительства даже оказывали экономическую поддержку оставшимся без работы мусульманам, ставя их на биржевой учёт и выплачивая им пособия. По европейским меркам эта помощь была нищенской, но для людей, буквально вчера приехавших в чужую страну (особенно, для харки, счастливых от того, что вообще спаслись из Алжира) это было значительное подспорье. В такой ситуации, когда европейское государство экономически содержит мусульманские общины, а духовно воспитывают их члены мусульманские же проповедники, неизвестно откуда

приехавшие и какие цели преследующие, выросло первое поколение европейских мусульман. О его специфике следует сказать особо, потому что именно она определила современное соотношение варварства и цивилизации в Западной Европе.

О немецких и британских мусульманских общинах мы поговорим чуть позже, а пока сосредоточимся на становлении французской уммы в её современном виде. С одной стороны, материальный уровень жизни большинства мусульманских семей 1980-х гг. был приблизительно таким же, как у французских пролетариев, которых мусульмане заметно потеснили в этой социальной нише. Но, с другой стороны, духовные ориентиры жителей бидонвелей имели мало общего с традиционными для французских рабочих «свободой, равенством и братством». Западный исследователь Ж. Кепель красноречиво характеризует социальные и духовные особенности мусульманской молодёжи 1980-х гг., то есть родившейся и выросшей во французских бидонвиях: «Это поколение столкнулось с многочисленными социальными трудностями. Доступ на рынок труда был им перекрыты, к тому же нельзя сказать, чтобы они очень блистали успехами в школе. Впервые на европейской земле в этой среде стало происходить становление неимущей городской молодёжи мусульманского вероисповедания. Молодые люди будут более внимательно, нежели их родители, прислушиваться к речам радикальных исламистских активистов. Последние – студенты из стран Магриба, Ближнего Востока, Турции, Индии, Пакистана – находились в том же возрасте, располагали богатым интеллектуальным капиталом, хорошо владели языком и прекрасно знали обычаи и нравы своих стран»¹. Тогда же, в 1988 г. Франция была объявлена исламистскими радикалами частью мусульманского мира, и это известие с радостью подхватили тысячи молодых жителей бидонвелей. Но почему они это сделали? Попробуем раскрыть психологический и культурный алгоритм этого судьбоносного для Европы вывода.

Будучи французскими гражданами по праву рождения, дети алжирских, тунисских, сенегальских и марокканских иммигран-

¹ Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма. – Москва : Ладомир, 2004. – С. 198.

тов с точки зрения французского законодательства не могли претендовать ни на какие льготы, кроме тех, что полагаются обыкновенным безработным. Французскую службу занятости не волновал тот факт, что в своей домашней жизни приезжие мусульмане говорят по-арабски и поэтому их дети плохо понимают французский язык (а, следовательно, плохо учились в школе). Если гражданин не имеет образования и профессиональной квалификации, то государство может предложить ему лишь учёт на бирже труда, подбор низкооплачиваемой вакансии и небольшое пособие по безработице до момента трудоустройства. А поскольку большинство юных «бидонвильцев» не считали французский язык родным, то при равных условиях не могли составить конкуренцию не только местным выпускникам университетам и колледжей, но даже рабочей молодёжи. Перед ними встала та же проблема, что и перед афроамериканцами в США после отмены расовой сегрегации: открыты все дороги, но нет ни навыков, ни особого желания для того, чтобы пойти по одной из них. Некоторые юные мусульмане показали поразительные успехи в учёбе и затем заняли престижные должности, несколько бидонвильских девчат вышли замуж за французов и превратились в уважаемых «мадам», но большинство молодых представителей мусульманских общин сделали классический для европейцев Нового времени вывод, что при капитализме бедным людям живётся плохо. Только этот вывод оказался дополнен иным, никак не связанным с социализмом посылом, ведь это размышления не только ущемленного класса, но и религиозного меньшинства. Именно религиозный мировоззренческий фактор позволил французским мусульманам воспринять своё положение не как классовую несправедливость (и, тем самым, пополнить ряды социалистов), а как притеснение со стороны «неверных». Ведь если Франция – часть исламского мира, то мусульмане имеют в неё приоритетные права по сравнению с иноверцами. Такова мусульманская доктрина, и другой она быть не может, тем более, что прибывшие из Леванта и Магриба сектантские и радикалистские проповедники на рубеже 1970 / 80 гг. намеренно противопоставляли светское государство французов абстрактному, но желательному «государству правоверных».

Как и любые другие французские граждане, мусульмане из бидонвелей могут вести политическую борьбу за свои действительные и мнимые права, и они с радостью воспользовались этой возможностью. С 1990-х гг. во Франции существует множество политических и общественных организаций местных мусульман самой различной направленности и степени активности. Рассмотрим хотя бы те из них, которые обладают влиянием и устойчивой репутацией. Самые многочисленные мусульманские организации Франции, с которыми охотно сотрудничают власти, – Большая Парижская Мечеть (основана в 1922 г.) и Французский Совет Мусульманского Культа. Этнически в них доминируют алжирцы, но обе организации представляют перед французскими властями всю общину верующих и стоят у истоков создания во Франции мусульманских образовательных учреждений. Свою задачу лидеры Мечети и Совета видят в сотрудничестве с государством и постепенной экономической интеграции мусульман в европейское общество с сохранением исламского вероисповедания. Аналогичную позицию занимает Национальная Федерация Мусульман Франции, преследующая те же цели, но состоящая, в основном, из граждан турецкого и марокканского происхождения.

Также существуют и прозападные организации, настаивающие на усвоении мусульманами европейских ценностей. Таковы, например, Движение светских магрибинцев, Движение светских мусульман, Совет мусульман-демократов Франции и т.д. Из этих движений наиболее экстравагантно, но очень уместно выглядит женская ассоциация «*Ni putes ni soumises*»¹ («Не путаны и не подчиненные»), возглавляемая активистской Французской социалистической партии алжирского происхождения Фаделей Амарой. В своих интервью она не раз говорила о том, что ношение чадры и подчиненное положение женщины в семье – пережиток Средних веков, а в XXI в. девушки как во Франции, так и в Алжире вполне могут обойтись без этих архаизмов. Фаделя Амара полагает, что в современном мире для любой девушки, к какой

¹ Долгов Б. В. Арабо-мусульманская община во Франции. Исламская идентификация и светская демократия (1980 – 2016 годы). – Москва : ЛЕНАНД, 2017. – С. 45-46.

бы национальности она не принадлежала, открыты любые образовательные и карьерные горизонты, если только она соизволит приложить усилия, чтобы их достигнуть. Следует отметить, что, невзирая на харизму и высокий личный авторитет руководительницы, данное движение не популярно в бидонвиях. Более того, французские мусульмане иногда устраивают так называемые «убийства чести», расправляясь с теми своими родственницами, которые действительно пытаются воспользоваться плодами европейской эмансипации¹. Разумеется, такие не в меру консервативные отцы и братья сразу же оказываются в тюрьмах, но отношение мусульман к ним скорее сочувственное, чем критическое. Аналогична и судьба Движения светских мусульман, которое в наши дни возглавляет Абденнур Бидар, преподаватель философии из университета Ниццы. В «Манифесте за европейский ислам» (2005 г.) профессор Бидар справедливо утверждает, что мусульмане смогут прижиться в Европе лишь в том случае, если подвергнут свои верования ревизии и реформированию. Его призыв, конечно же, актуален, но сами европейские мусульмане так не считают. Об этом свидетельствует малое число членов Движения светских мусульман.

Если умеренные политические движения не пользуются авторитетом среди жителей бидонвильей, то с радикальными фракциями дело обстоит противоположным образом. Одной из самых ярких, но миролюбивых организаций такого рода является Союз молодых мусульман (СММ), издающий собственный журнал «Таухид» и настаивающий на необходимости сохранения мусульманами собственной культурной оригинальности и религиозной ортодоксии. Данная организация существует с 1987 г. и известна различными вызывающими акциями, которые, однако, совершаются в рамках закона. Например, когда в 1989 г. городские власти Марселя и Лиона не одобрили проект строительства мечетей, «молодые мусульмане» призвали единомышленников совершать

¹ Яшлавский А. Э. Европейские мусульмане: непростые вопросы идентичности // Международная жизнь: ежемесячный научный журнал. – 2017. – №6. – С. 180.

моления публично, прямо на улицах¹. Также активисты Союза молодых мусульман настаивали на ношении никаба (традиционного головного убора) студентками-мусульманками в учебных заведениях, что не приветствуется французскими педагогами.

Однако на пике мусульманского радикализма находятся далеко не «молодые мусульмане», а Партия мусульман Франции и Союз исламских организаций Франции (СИОФ). Отечественный исследователь Б. В. Долгов так характеризует эти фракции: «Часть из них ставит своей целью объединение всех существующих во Франции исламских организаций в единую мусульманскую общину под своим руководством. Для этого течения характерно неприятие европейских ценностей и отказ от интеграции во французское общество. Представители неофундаментализма выдвигают доктрину коммунотаризма, которая предполагает создание в районах компактного проживания мусульман своеобразных зон-коммун, где соблюдаются традиции и законы шариата»². Партия мусульман Франции (ПМФ) вообще представляет собой оригинальное юридическое явление: будучи создана в 1997 г. в Страсбурге (на территории Французской республики), эта организация никогда не была зарегистрирована французскими префектурами, то есть юридически такой партии нет. Однако она не просто существует, но и неустанно требует уравнивания экономических возможностей французов и «мусульман» (как будто это национальность). Например, председатель ПМФ Мухаммед Латреш настаивает на предоставлении молодым мусульманам возможности поступать в самые престижные вузы страны. Зададимся вопросом: разве в 1990-е гг. или в наши дни кто-нибудь мешал каким-либо абитуриентам поступать в Сорбонну? Могут помешать плохо сданные вступительные экзамены или нехватка денег для оплаты обучения, но никаких законов, запрещающих мусульманам учиться в вузах, во Франции нет и никогда не было.

¹ Долгов Б. В. Арабо-мусульманская община во Франции. Исламская идентификация и светская демократия (1980 – 2016 годы). – Москва : ЛЕНАНД, 2017. – С. 23.

² Долгов Б. В. Мусульманская община во Франции: исламская идентичность и светское общество // Азия и Африка сегодня. – 2014. – №12. – С. 30.

Чуть ниже мы увидим, что Франция, наоборот, является самой подходящей страной для работы и учёбы представителей всех конфессий. То есть если в свете этого присмотреться к требованиям Мухаммеда Латреша, то окажется, что он требует для мусульманских абитуриентов не права учиться во французских вузах, а привилегии делать это бесплатно и без вступительных экзаменов, в то время как французские абитуриенты обязаны и сдавать экзамены, и платить за обучение. Внешнеполитических инициатив ПМФ также не чуждается: «В 2003 г. после начала вторжения войск США и их союзников в Ирак ПМФ пыталась совместно с рядом разделявших её позицию организаций отправить в Ирак делегацию в поддержку режима Саддама Хусейна в его борьбе, как заявляла ПМФ, против американской агрессии»¹. Причём, иракский диктатор Саддам Хусейн никогда не был покровителем ислама и, более того, всегда позиционировал себя как светского арабского националиста, а его партия – БААС – долгое время противостояла исламу в любых его проявлениях. Получается, что Партия мусульман Франции готова сотрудничать с кем угодно, лишь бы этот кто-то был противником европейцев. И единомышленники по неприязни к западноевропейской цивилизации у этой партии действительно скоро нашлись в лице исламистских террористических группировок «Аль-Каида» и «Исламское государство Ирака и Леванта» (обе организации запрещены в России). Лидер первой, Усама бен Ладен (1957–2011), считал себя защитником всех мусульман мира, издавал от своего имени фетвы (на что, кстати, не имел ни малейшего канонического права) и признавал мусульманские диаспоры Западной Европы частью исламского мира. Лидер второй организации, Ибрагим Абу Бакр аль-Багдади (1971–2019), провозгласил себя халифом, то есть духовно-политическим лидером всех мусульман-суннитов, а значит, и своих европейских единоверцев тоже.

К чему привела дружба между Партией мусульман Франции и вооружёнными исламистскими группировками Леванта мы узна-

¹ Долгов Б. В. Арабо-мусульманская община во Франции. Исламская идентификация и светская демократия (1980 – 2016 годы). – Москва : ЛЕНАНД, 2017. – С. 41.

ем чуть позже, а пока зададим другой вопрос: удалось ли мусульманским ригористам Франции добиться каких-нибудь заметных результатов? Дело в том, что доктрина коммунотаризма применима во Франции менее чем в любой другой западноевропейской стране. Ведь Французская республика является унитарным государством, базирующемся на гражданском национализме, то есть её полноправным гражданином является любой, родившийся на территории государства, независимо от своей этнической принадлежности и вероисповедания. Обобщенно можно сказать, что французским гражданином является каждый, кто имеет соответствующий документ и живёт по французским законам. Именно такой подход позволил Франции интегрировать и ассимилировать многочисленные феодальные владения, где под управлением местных династий жили малые народности типа окситанцев, гасконцев, провансальцев, нормандцев и т.д. Территория республики с конца XVIII в. разделена на административные единицы по территориальному, а не национальному принципу. Департаменты, из которых состоит государство, называются в соответствии с городами, горами и реками, и никакой этнический или национальный колорит не отражают. Даже расположенная в Южной Америке Французская Гвиана в наши дни считается не колонией, а департаментом, и пользуется не большей автономией, чем, к примеру, Арденны или О-де-Сен. Поэтому существование какой-либо «мусульманской автономной области» или города, в котором разрешено жить только мусульманам, согласно французскому законодательству совершенно невозможно. Однако уже в середине 1990-х гг., благодаря стараниям Союза молодых мусульман и их идейных соратников бидонвили превратились в настоящие этнические гетто, где успело вырасти целое поколение молодёжи, в принципе не социализировавшейся во французских школах. Эти юноши и девушки полностью разделяют идеалы того «реваншистского» ислама, который им предлагают ПМФ, СИОФ и СММ. Они действительно уверены в том, что Франция принадлежит им как её законным гражданам, а этнические французы, в большинстве своём «неверные», почему-то узурпировали все престижные и высокооплачиваемые профессии, должности в органах государственного управления, заседают в

правительстве и притворяются, будто мусульман во Франции нет. Люди именно с такими убеждениями устанавливают свои порядки в бидонвилях, открыто противопоставляя себя этническим французам. Хорошо знакомый с реальной практикой коммунотаризма отечественный автор В. Р. Арсеньев описывает негласно существующие самоуправляющиеся общины французских мусульман и их идеалы так: «Есть целые кварталы в Париже, где много лет уже можно встретиться с «чёрным», «жёлтым» и другими окрасками расизма: немотивированной агрессией по отношению к чужаку (для данного квартала). (...) Если политкорректная Франция говорит об этом как о «культурном многообразии», она просто не желает признавать, что это – другая Франция. Это – не Франция французов, хотя, может быть, и Франция «французских граждан». Однако «французские граждане» второго поколения уже совсем не так лояльно относятся к «Франции французов». Значительная часть из них, выросшая с детства в маленьких сообществах «родин» своих родителей, перенесённых, скажем, в Иль-де-Франс, воспринимают Францию не как мать, но как мачеху. И то, что они чувствуют себя нелюбимым дитём этой самой Франции, это – прежде всего, их беда. Это – следствие того, что обстоятельства позволили родителям сохранить культурную идентичность со своей первой родиной и передать её детям – в том числе и в формах бытового поведения, отличного от поведения собственно этнических французов. Создать такую «другую Францию» на территории собственно Франции – опасная иллюзия, страшная утопия. В конечном счёте она нанесёт удар по самим «бунтующим подросткам». Ибо у них нет другой родины, кроме Франции!»¹. Получается, что автономные мусульманские коммуны на территории Франции, невозможные юридически, давно уже существуют фактически. В качестве примера этой реальной автономии можно привести волнения, осенью 2005 г. прокатившиеся по многим городам Франции. Поводом для них стала гибель двух хулиганов из бидонвиля, которые при попытке убежать от полицейских заперлись в трансформаторной будке и

¹ Арсеньев В. Р. Багровые закаты над Европой // Азия и Африка сегодня. – 2006. – №4. – С. 51.

случайно вызвали короткое замыкание. Юноши погибли, и после этого огромное количество представителей мусульманских диаспор устроили массовые манифестации, быстро переросшие в драки с полицией, поджоги автомобилей, разграбление магазинов и избиение прохожих европейской внешности. С одной стороны, трагическая гибель двух юношей, пусть даже и развязных, не может оставить равнодушным никого. Но, с другой стороны, демонстранты, превратившиеся в погромщиков, выдвигали лишь одно требование властям: прекратить «полицейский расизм». Проще говоря, бунтарей мало интересовало расследование гибели ребят, они настаивали на другом – чтобы полиция не смела задерживать представителей мусульманских диаспор и патрулировать бидонвили. Если бы французские власти хотя бы приняли это требование к рассмотрению, то это поставило бы крест на существовании унитарной Республики и привело бы к возвращению в страну персонального права, которого здесь не было с «тёмных веков». К счастью, в 2005 г. полиции и спешно мобилизованным добровольческим дружинам удалось разогнать демонстрантов, хотя последние успели причинить государственной и частной собственности немалый ущерб. Однако никаких мер против мусульманских диаспор французское правительство не приняло, и даже задержанных за хулиганство, грабежи и нападения на полицейских погромщиков судили по обычным уголовным статьям. То есть массовый бунт жителей бидонвилей никак не был классифицирован, и превентивные меры против его повторения правительство принимать не стало. А если так, то в следующий раз выступление повторится в гораздо большем масштабе.

Важно отметить, что в волнениях 2005 г. ислам не играл определяющей роли. Идейной основой бунта стала такая мировоззренческая черта варваров как клановость (мы рассматривали её в первой главе). Жители бидонвилей, в большинстве своём выходцы из Северной Африки, сочли, что французская полиция своей попыткой задержать местных хулиганов вторглась на «их» территорию и угрожает «их» людям. Не желая выдавать «своих» «чужим», они поднялись против «чужаков», хотя на самом деле чужаки во Франции именно они.

Если оценить социокультурные процессы, происходящие в современной Франции с точки зрения взаимодействия варварского и цивилизованного обществ, то получится вполне узнаваемая картина. Как и в Римской империи второй половины IV в., и в Северном Китае при кризисе династий Хань и Тан, внешние варвары под видом прозелитов заселяют территорию цивилизованного общества и создают самоуправляющиеся анклав. Тот факт, что современные варвары не вторгаются, а легально переезжают, не должен ввести нас в заблуждение. Ведь в начале данной главы мы указали, что за счёт формирования глобальной мировой системы варвары могут выглядеть только как внутренние по отношению к цивилизации. Также важно, что они приезжают не за землёй, с которой хотели бы согнать цивилизованных туземцев, а за деньгами, и с этого ресурса они жителей цивилизованных городов действительно вытесняют, узурпируя целые профессиональные отрасли. Технически это гораздо сложнее, чем вышвырнуть из домов жителей деревни или небольшого города, но пришельцам оказывают поддержку местные предатели в таком количестве, которое даже не снилось Древнему Риму и средневековому Китаю. Ведь каждый грузчик, автомеханик или таксист-мусульманин, устраиваясь на работу во Франции, тем самым, оставляет без работы своего конкурента-француза. А работодатель-француз соглашается не принимать на работу единоверца и соотечественника только потому, что парню из бидонвиля можно меньше платить. При этом в наши дни жители бидонвелей не скрывают своего неприязненного отношения к иноверцам вообще и к французам в частности. Получается, что множество французских работодателей попросту продаёт свою родину и веру за относительно небольшую прибыль. Более того, на протяжении всей второй половины XX в. поток приезжающих во Францию из её бывших колоний арабов и берберов не прекращается, следовательно, мигрантов всё время кто-то зовёт и ждёт. Вряд ли нищие родственники, живущие в бидонвиле, могут принять и трудоустроить нескончаемый поток кузенов и племянников из Алжира и Марокко, если они сами нередко по много месяцев не могут найти работу. Значит, среди французского же истеблишмента существует прочное и деятельное лобби, постоянно рекрутирующее за

границей желающих переехать во Францию и потенциально предоставляющее работу мусульманам, игнорируя французов. До такого не доходили даже римские провинциальные губернаторы времён поздней империи: Бонифаций мог пригласить вандалов в Карфаген, но вандалы всё-таки к моменту знакомства с ним уже кочевали по имперской территории. Французские же аналоги вероломного губернатора ищут своих «вандалов» за морями и буквально уговаривают перебраться на территорию республики.

Возможно, французские власти имели тонкий социально-педагогический расчёт. Ведь прожив некоторое время во Франции, мигранты и их дети увидят, что ассимилироваться во французское общество или, по меньшей мере, сотрудничать с ним гораздо в финансовом плане выгоднее, чем подвергать себя добровольной сегрегации в бидонвиях под знамёнами коммунитаризма. Этот план вполне мог сбыться, если бы Франция на нескольких десятилетиях воздержалась от приёма новых мигрантов и сосредоточилась на ассимиляции потомков алжирских харки. Например, для того, чтобы русские белоэмигранты растворились во французском обществе, потребовалось почти полвека. Однако если французское правительство и имело такой замысел, то реализовывало его крайне странно и непоследовательно, а с 2011 г. он оказался неосуществим.

В 2011 г. по странам Леванта и Северной Африки прокатилась череда революций, больше похожих на перевороты, получивших собирательное название Арабская весна. Множество местных жителей, напуганные перспективой гражданской войны, попросили убежища в странах Евросоюза. Также очень важен тот факт, что в 2011 г. в Ливии рухнул режим диктатора полковника М. Каддафи, который на протяжении нескольких десятилетий пытался создать в стране индустриальную экономику и нуждался в большом количестве рабочих рук. В годы правления М. Каддафи Ливия была настоящим резервуаром, в котором скапливались, находили приют и работу многочисленные беженцы из стран Сахары и «чёрной» Африки, спасавшиеся от перманентных войн и вооружённых конфликтов. Пока в Ливии правил жесткий, но дальновидный диктатор, каждый из этих мигрантов оказывался при деле и ни в какую другую страну переезжать не хотел. Одна-

ко полковник М. Каддафи был свергнут и погиб в ходе одного из столкновений с инсургентами, а многие его сторонники были вынуждены покинуть страну. С тех пор Ливия охвачена вялой, но непрекращающейся гражданской войной и не только не может стать приютом для африканских беженцев, но и сама является источником миграции разорённых войной граждан в Западную Европу. При этом важно отметить, что единожды снявшись с насиженного места, беженцы уже не могут вернуться обратно. Даже в таких относительно благополучных странах, как Мавритания и Египет, освободившиеся рабочие места и даже жилища сразу же занимаются мигрантами из зон боевых действий в Сахаре и «чёрной» Африке, а также жителями сельской местности, по какой-либо причине потерявшими свою землю в деревне. Вот как описывает этот процесс ливийский исследователь М. Грифа: «В результате политики принудительного и добровольного расселения кочевников в 1970-х и 1980-х гг., а также войн в Сахеле и климатических проблем, таких как засуха, появилось два типа миграции. Обедневшие (бывшие) кочевники и торговцы, например, туареги, начали мигрировать на работу на строительстве и на нефтяных месторождениях на юге Алжира и Ливии. Ко второму типу мигрантов относятся тысячи беженцев, поселившихся в городах Ливии, Алжира, Мавритании и Египта, в результате незатихающих войн во всей зоне Сахеля. Миграцию часто молчаливо приветствовали правительства североафриканских стран. Например, в Алжире и Мавритании мигранты, прибывшие из районов южнее Сахары, заполнили местную нехватку рабочей силы и сыграли роль в оживлении малонаселённых районов страны»¹. То есть если ливийцы или египтяне, опасаясь стать жертвой гражданской войны на родине, ищут убежища в Западной Европе, то их жилища и рабочие места почти сразу же занимают туареги и другие беженцы из более опасных районов Африки. Поэтому таким вынужденным мигрантам из Северной Африки и Леванта (например, из Сирии) обязательно нужны гарантии, что западно-европейские страны их примут.

¹ Грифа М. Основные тенденции миграционных процессов в странах Северной Африки // Азия и Африка сегодня. – 2019. – №2. – С. 50.

Европейский Союз сталкивался с проблемами приёма беженцев ещё до начала Арабской весны. В частности, ряд директив, устанавливающих порядок приёма беженцев, был принят ещё в начале XX в. (например, Directive 2003/86/EC on the right to family reunification, гарантирующая мигрантам и беженцам воссоединение их семей после прибытия в европейские страны). Другие директивы были приняты уже после 2011 г. и предназначались специально для беженцев. Например, Directive 2011/95/EC on standards for the qualification of third-country nationals or stateless persons as beneficiaries of international protection, for a uniform status for refugees or for persons eligible for subsidiary protection, and for the content of the protection, and for the content of the protection granted. Согласно этому акту любые беженцы, мигранты и лица без гражданства, оказавшиеся в ЕС, могут претендовать на законный статус и правовую защиту. Более того, приём вынужденных мигрантов из стран Северной Африки и Леванта перестал быть внутренним делом той или иной западноевропейской страны: в 2015 г. были установлены квоты приёма мигрантов для каждого государства. Попытки установить в этом вопросе единый порядок предпринимались и раньше, но именно в 2015 г. это решение удалось навязать всем членам ЕС: теперь все страны-члены Европейского Союза обязаны принимать определенное количество африканских и азиатских мигрантов, каким-то образом их расселять (или перевозить в другие страны ЕС, согласно квотам), а главное – выплачивать беженцам ежемесячное денежное пособие. И пособие это вовсе не символическое: например, в Германии оно составляет более 500 евро, из которых 300 евро выплачиваются на руки, а оставшаяся часть суммы идёт на оплату жилья и питания беженца. Если беженец не находит работу в течение 15 месяцев после прибытия, то ему начинают платить пособие по безработице дополнительно к прежним выплатам, которые, кстати, сохраняются¹.

¹ Медушевский Н. А., Шишкина А. Р. Миграционные процессы современности. Ситуативное явление или глобальный исторический вызов? – Москва : ЛЕНАНД, 2018. – С. 102.

Легко представить, к чему сразу же привела такая политика, которую в силу своей принадлежности к ЕС вынуждены проводить Франция, Германия и другие западноевропейские страны. Если в 1960-е гг., когда во Франции только начинали складываться мусульманские диаспоры, их представители – в основном, бывшие харки – стремились как можно скорее интегрироваться во французское общество и очень опасались депортации в Алжир, где их ждала казнь за предательство, то теперь ситуация изменилась на прямо противоположную. Теперь всевозможные беженцы, мигранты и т.д., наоборот, заинтересованы в том, чтобы выпячивать свою культурную и религиозную чуждость. Ведь пока они не интегрировались в европейское общество или даже не понимают французского языка, у чиновников миграционной службы нет вопросов, почему эти люди не нашли работу. Пока мигрант не освоился в новом месте, совсем неудивительно, что государство поддерживает его материально. И поэтому большинство беженцев намеренно избегают интеграции, ведь они получают неплохие деньги именно за свою чуждость. Причём, многие приезжие не только собираются жить так всю жизнь, но и посылают часть пособий родне, оставшейся на родине. Можно сказать, что быть беженцем в современном ЕС – неплохой источник дохода. А поскольку, перебравшись из Африки во Францию, всё-таки необходимо как-то освоиться, многочисленные мигранты охотно примыкают к мусульманским диаспорам, даже если на родине они не были мусульманами. Например, в странах «чёрной» Африки ислам хоть и известен, но не пользуется большой популярностью, зато мигранты из этого региона нередко позиционируют себя именно в качестве мусульман для того, чтобы обрести друзей среди соседей по бидонвилю. И, разумеется, оказавшись в маргинальной среде диаспоры, быстро знакомясь с её радикальными претензиями на собственную исключительность, мигранты из слаборазвитых, бесконечно воюющих стран начинают задавать тон по части хулиганства, грабежа и наркоторговли. Именно в бидонвиях они усваивают мысль о том, что европеоидные французы – не соотечественники, не соседи и не друзья, а «чужаки» и «неверные».

Помимо колоссальной нагрузки на бюджет европейских стран и расцвета бандитизма, бурный приток африканских и левантских мигрантов повлёк за собой рост паствы проповедников радикального исламизма, свивших гнездо во французских бидонвилях ещё в 1990-е гг. В частности, именно благодаря численному росту в Западной Европе своих приверженцев исламистские террористические организации смогли применить свои жуткие методы в самом сердце Европы так, будто дело происходит где-нибудь в Сирии или Ливии. Если проследить хронику терактов во Франции за последние 10 лет, то можно заметить, что их размах неуклонно растёт: если до недавнего времени, исключая уличные беспорядки, исламисты действовали в одиночку (например, Мухаммед Мера, в 2012 году обстрелявший иудейскую школу в Тулузе), то в январе 2015 г. редакция сатирического журнала «Шарли Эбдо» была атакована уже дуэтом, а в ноябре того же года Париж подвергся настоящему рейду убийц-смертников. При этом некоторые из последних не скрывали, что теракты являются ответом на победы сирийской правительственной армии над исламистами. Казалось бы, какое отношение к родившимся и выросшим во Франции мусульманам имеет гражданская война в Сирии? Но совершившие теракт молодые люди отождествляли себя именно с боевиками действующей на Ближнем Востоке исламистской организации ИГИЛ (запрещена на территории РФ)¹. Причём, немаловажен тот факт, что все перечисленные нами теракты были устроены именно французскими гражданами «арабской национальности и мусульманского вероисповедания». Настоящие мигранты из зоны боевых действий, возможно, убедили их устроить расправу, но сами в руки оружия не брали. Можно сказать, что внешние варвары-исламисты, упоенно разрушающие светские государства в Северной Африке и на Ближнем Востоке, теперь имеют филиал и горячую поддержку со стороны внутренних варваров Франции. Немаловажно и то, что если изначально североафриканские переселенцы во французских городах старались

¹ Сулимов С. И. Межкультурные взаимодействия в формировании антисистем: опыт социально-философского исследования: монография. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2019. – С. 314-315.

стать внутренними варварами, всячески маскируя свою культурную чуждость, изучая французский язык и одеваясь по парижской моде, то теперь их дети, действительно выросшие в Европе, стремятся к обратному: превратить себя в варваров внешних, выдумывая для себя иную культурную принадлежность и отождествляя себя с ближневосточными исламистами (притом, что в Леванте никто из родившихся в бидонвиях парней не был). Возможно, они встречают приехавших под видом беженцев вчерашних боевиков ИГИЛ с распростёртыми объятиями.

Конечно же, далеко не все французские мусульмане вообще интересуются политикой, и ещё меньшее их количество вообще хочется с кем-либо ссориться. Однако усиливающаяся в их среде исламистская пропаганда невольно бросает тень даже на членов Большой Парижской Мечети, потому что французские спецслужбы не всегда замечают разницу между жителями бидонвелей и членами местных банд и террористических организаций¹. Если европейские мусульмане хотят быть единой автономной общностью в культурно чуждом государстве, то этой общности придётся научиться нести ответственность за поведение всех своих членов.

Однако не будем излишне пессимистичными. Ведь мусульман всех течений и направлений, принадлежащих к любым этносам и национальностям, во Франции на 2016 г. было всего лишь 9% (около 6 млн. человек из 67 млн. населения страны). Может быть, многие из них настроены радикально, а кое-кто даже состоит в одной из нелегальных исламистских группировок и имеет огнестрельное оружие. Но угроза ли это для Французской республики? Вряд ли. На самый первый взгляд Франция располагает двумя колоссальными преимуществами перед любыми, даже самыми агрессивными бандами, диаспорами и террористическими организациями.

Первым важнейшим преимуществом западной цивилизации вообще и Франции в частности перед любыми варварами являет-

¹ Черниговских И. В., Черных В. Д. Европейский ислам: захватчик или жертва интриги? // Субъективное и объективное в историческом процессе. Материалы международной научной конференции 21 апреля 2017 года / Отв. редактор Т. Э. Рагозина. – Донецк : ДонНТУ, 2017. – С. 244-250.

ся военный фактор. Французская республика обладает мощными вооруженными силами, имеющими богатый опыт войны в любых условиях, в том числе и вдали от родины, в непривычном климате и среди многочисленного враждебного населения. Например, с 14 июля 2014 г. французы при поддержке НАТО проводят в Сахеле антитеррористическую операцию «Бархан». Вот неполный обзор задействованного республикой военного контингента, приведённый отечественным исследователем В. Р. Филипповым: «Изначально операция предусматривала развёртывание не менее 3 тыс. военнослужащих (сейчас в зоне боевых действий находятся около 4 тыс. французских военных), 20 вертолётов, 6 истребителей «Мираж», 5 беспилотных летательных аппаратов и 200 бронетранспортёров»¹. Противостоят французам отряды «Национального движения за освобождение Азавада» (группировка туарегов-сепаратистов) и малийская террористическая организация «Защитники веры» («Ансар ад-Дин»)», в 2015 г. печально прославившаяся расправой над европейскими туристами в Бамако. Учитывая техническую мощь и уровень подготовки французских военных, трудно сомневаться, что они разгонят банды сахарских повстанцев без серьёзных потерь со своей стороны. Но операция «Бархан» никак не защитит тех французов, которые ежедневно становятся объектом хулиганских выходов и ограблений в Клиши-су-Буа и других бидонвилях. В то время как, условно говоря, западные воины дают внешним варварам очередной урок стратегии и тактики в Африке, варвары внутренние безнаказанно издеваются над западными гражданами у них же дома. Возникает вопрос: что вообще забыли французские войска в Сахеле, если в самой Франции некоторые коммуны уже фактически подверглись афро-азиатской оккупации? Отечественный автор В. Р. Филиппов, на статью которого мы ссылались выше, поясняет цели военного присутствия Франции в Африке: «Энергетический баланс Франции зиждется на работе АЭС, которые производят около 480

¹ Филиппов В. Р. «Плохая новость» для Эммануэля Макрона // Азия и Африка сегодня. – 2020. – №4. – С. 7.

² Фитуни Л. Л., Абрамова И. О. Агрессивные негосударственные участники геостратегического соперничества в «исламской» Африке // Азия и Африка сегодня. – 2014. – №12. – С. 11.

ТВт, т.е. около 75% всей вырабатываемой в стране электроэнергии. (...) Однако в начале XXI в. собственные запасы урановой руды во Франции иссякли полностью. Теперь обеспечение французской ядерной энергетики урановым топливом осуществляется в основном, за счёт поставок из Тропической Африки. Но и здесь в последнее десятилетие возникли серьёзные трудности: всё большую угрозу интересам Франции представляет появление новых игроков на африканских рынках урана, в первую очередь – Китая. (...) Париж вынужден тратить огромные деньги на «миротворческие» операции в регионах, цель которых – защита марионеточных политических лидеров от «внутренних врагов», от контр-элит и сепаратистов, которые тоже желают участвовать в перераспределении доходов от природной ренты»¹. То есть французские вооружённые силы, некогда захватившие половину Африки, в наши дни несут стражу в Сахеле ради интересов промышленности, а если посмотреть шире, то во имя интересов крупного бизнеса. Бесспорно, энергетическая проблема в современном мире обозначена очень остро, но её решение лежит в технической сфере. Просто влиятельные французские предприниматели хотят по-прежнему делать большие деньги на торговле сырьём, и для решения этой задачи привлекают войска, а в то время пока военные сражаются за предпринимателей, последние продолжают заселять Францию выходцами из Африки и Леванта в надежде преумножить свои состояния благодаря мигрантам. Можно сказать, что представители крупного бизнеса продают свою родину за гроши всем, кто может эти гроши им платить. Так, штыки французских солдат продаются африканским диктаторам взамен урановой руды, руда продаётся государству за деньги, благодаря этим деньгам во французские города доставляются мигранты, трудом которых буржуа надеются свои деньги вернуть и преумножить. В это же время рядовые французы вынуждены оплачивать военные операции в зоне Сахеля, возможно, даже участвовать в них лично и бояться выходцев из тех мест у себя же дома. Последний фактор мы упомянули не случайно.

¹ Филиппов В. Р. «Плохая новость» для Эммануэля Макрона // Азия и Африка сегодня. – 2020. – №4. – С. 10.

Ведь боевые действия, которые ведёт французский контингент против туарегов и малийцев, провоцируют исход мирного населения в качестве беженцев из Африки...в Западную Европу. Трудно ждать от людей, переживших ракетно-бомбовый удар французской авиации, лояльности к французскому обществу и скорой интеграции в него. Более вероятно, что они в лучшем случае пополнят списки иммигрантов, живущих на пособие для беженцев, а в худшем – войдут в паству орудующих в бидонвилях исламистских проповедников. Таким образом, мы можем констатировать, что военный потенциал Франции, несмотря на всю свою мощь, не может защитить западную цивилизацию от стремительно теснящих её варваров.

Вторым культурным и политическим фактором, несколько раз спасавшим Западную Европу вообще и Францию в частности от разрушения и поглощения варварами, является христианство. Именно на лоне христианства в его католической версии формировались западные королевства, именно католицизм вдохновил европейцев на бурное развитие искусства, создание науки и освоение мира по обе стороны Атлантики. Именно христианство спасло западные государства от распада во время ударов революционеров, непримиримых к родной культуре внутренних варваров, и благодаря католицизму и его младшему брату, протестантизму, королевства не сошли с исторической сцены, а превратились в республики, в XIX в. сказавшие миру новое слово. Причём, как показала историческая практика, в той борьбе, которую вёл католицизм, защищая свою паству, вооруженная сила не всегда играла определяющую роль. В предыдущей главе мы рассматривали вторжение язычников-викингов во Францию, в ходе которого ярл Хрольв Пешеход нанёс франкам множество поражений, но они не складывали оружия до тех пор, пока однажды им не удалось остановить захватчиков. В дальнейшем же до сведения скандинавов довели, что, невзирая ни на какие потери и трудности, франки-католики не позволят им остаться во Франции, пока викинги остаются язычниками. Стать нормандским герцогом и подданным французского короля Пешеход смог только после того, как торжественно, при множестве свидетелей крестился в католицизм и принёс монарху вассальную присягу.

Французское общество оставалось непримиримым к языческим захватчикам и не желало вступать с ними в культурный диалог до тех пор, пока скандинавы не вошли в его религиозную орбиту и не подтвердили этого вхождения открыто и бесповоротно. Как мы помним, христианизация викингов оказалась непростой и небыстрой, но важен тот факт, что сами они в большинстве своём стремились к ней, потому что иначе на лоне чужой цивилизации им было не удержаться. В предыдущей главе мы обнаружили, что этот алгоритм – общий для всех варваров, вторгающихся в цивилизованные общества и стремящихся там остаться, в том числе и в господствующем положении. Даже такие грозные варварские завоеватели, как ильхан Хулагу, не могли долго противиться религии цивилизованного общества, побеждённого политически, но не духовно. Но для того, чтобы нанести варварам такой неотразимый контрудар, цивилизация должна сама оставаться религиозной и ни в коем случае не отказываться от своих верований. Способна ли на это современная Франция?

Говоря о французском католицизме необходимо разграничить два его уровня – институциональный и повседневный. На институциональном уровне Франция уже больше ста лет показывает миру опыт полного отделения любых религиозных институтов от государства. В 1905 г. глава правительства Эмиль Комб, убеждённый антиклерикал, настоял на принятии закона, которым регулируется французская религиозная жизнь и поныне. Вот как характеризует данный закон Б. В. Долгов: «В соответствии с ним (с законом – С.С., И.Ч., В.Ч.) гарантируется свобода вероисповедания всех конфессий, при этом государство отказывается от финансирования какой-либо из них. Религия определяется как частное дело гражданина, церковные учреждения и священники должны содержаться на средства верующих»¹. С тех пор Французская республика является полностью светским государством, при этом светскость понимается и как философия, и как политико-правовой принцип. Как философское учение, светскость пред-

¹ Долгов Б. В. Арабо-мусульманская община во Франции. Исламская идентификация и светская демократия (1980 – 2016 годы). – Москва : ЛЕНАНД, 2017. – С. 15.

полагает доминирование научных знаний над любыми другими, а демократический режим считает более предпочтительным, чем любой другой, на какие бы славные традиции последний не опирался. Как политико-правовой принцип светскость признаёт легитимным на территории Франции лишь государственное законодательство. Отечественный исследователь А. Э. Яшлавский приводит такой пример действия французских светских законов: «Французские законы предусматривают приоритет светского брака и его полное отделение от религиозных ритуалов, требуя, чтобы пара сочеталась браком в ратуше; свадьбы, проведённые же религиозными деятелями, не только не имеют законной силы, но и технически незаконны, если осуществляются до государственной регистрации брака»¹. Доктрина светскости настаивает на межрелигиозной терпимости: представители любой конфессии могут совершенно свободно исповедовать свои верования до тех пор, пока не нарушают государственные законы. Такая толерантность нередко становится камнем преткновения в отношениях между мусульманами и современными католиками: мусульманин принимает толерантность за возможность свободно (в том числе и прилюдно) совершать молитву и пропагандировать свои верования всем, кто согласится слушать, а французский католик, наоборот, понимает толерантность как возможность быть христианином в частной жизни и не распространяться о своей вере. Справедливости ради отметим, что движение мусульман-индивидуалистов среди иммигрантов тоже есть. Его адепты полагают, что религия является личным делом каждого, и что для совершения ритуалов совсем необязательно посещать мечеть. Однако такой подход среди французских мусульман совсем не популярен. Католики же, наученные антирелигиозными репрессиями революций XVIII-XIX вв., наоборот, считают вполне достаточным и того, что закон позволяет им оставаться христианами в своей домашней жизни и ни перед кем об этом не отчитываться. Поэтому получается, что мусульмане при полном попустительст-

¹ Яшлавский А. Э. Европейские мусульмане: непростые вопросы идентичности // Международная жизнь: ежемесячный научный журнал. – 2017. – №6. – С. 187.

ве светского государства пропагандируют свою религию и ревниво оберегают её от критики, а христиане просто рады возможности иногда посещать церковь и крестить своих детей.

На уровне повседневной жизни религия представляет собой более прочную структуру, чем в политико-правовой плоскости. Ведь невозможно законодательно запретить человеку верить, даже если не позволять ему совершать обряды. Однако и в частной жизни французов позиции католицизма за XX в. изрядно ослабели. Тому было много различных причин: не будем забывать, что Франция является родиной философии Просвещения и революции, на которую равнялись другие европейские страны на протяжении почти ста лет. Свою лепту в кризис католицизма внесла и контркультура 1960-х гг., но, по мнению авторитетных исследователей, главной причиной религиозного кризиса стала неосторожная попытка Ватикана облегчить для паствы обрядовую сторону католичества. Отечественный автор Е. А. Осипов так описывает причины, ослабившие во второй половине XX в. французское христианство: «Кризис католичества во Франции начался в 1960-х годах. Точкой отсчёта послужили не события 1968 года, хотя именно такой версии придерживаются многие исследователи, а скорее решения Второго Ватиканского Собора (1962–1965 гг.), которые привели к значительному изменению литургии в католической Европе. Отмена латинского языка в качестве обязательного для богослужения и смягчение некоторых религиозных запретов сыграли важную роль и повлияли на отношение к Церкви большого количества людей, утратился сакральный характер богослужения. Ничего напрямую не отменяя, решения Второго Ватиканского Собора привели к тому, что главным приоритетом в церковной жизни стало «скрупулезное уважение религиозной свободы каждого верующего». Иными словами, в умах многих верующих религиозная практика перестала быть обязательной для исполнения. Попытка модернизации литургии привела, таким образом, не к привлечению новых людей, а к замет-

ному сокращению количества практикующих католиков»¹. Последствия таких фатальных решений римского понтифика не заставили себя ждать. Так, в 2015 г. только 30% французских детей в возрасте до семи лет крещены, больше половины (53%) практикующих католиков одобряют легализацию аборт, а имя Мария больше не является популярным². Эти данные свидетельствуют о том, что во Франции фактически ничего не осталось от той духовности, которая некогда заставила франкского конунга Хлодвигу отвергнуть язычество, религию своих предков, и принять крещение. Ведь некогда германские и скандинавские варвары, оседая в Галлии / Франции, не смогли игнорировать христианство по двум причинам. Во-первых, Церковь в те годы была неотделима от государства и порой даже брала на себя его функции (особенно это касалось образования и администрирования). А, во-вторых, даже не имея шансов победить в военном противостоянии с пришельцами, христиане оставались неотступно верны своей религии и отказывались сотрудничать с любыми иноверцами. В Новое время вдохновляемая деистической и атеистической просветительской философией революция подрубила эти духовные корни французского католицизма и превратила его лишь в яркую декорацию. Но пришедшая на смену христианскому королевству светская республика оказалась безразлична к своим людям, превратив их в абстрактных «граждан» любого вероисповедания и цвета кожи, тем самым, отдав потомков своих создателей на расправу пришлым чужакам. Данный феномен вполне соответствует общему алгоритму отношения зрелого цивилизованного государства к своим подданным.

И всё же западноевропейская цивилизация в её французской редакции борется за свою жизнь. Эта борьба подобна той, которую вела Западная Римская империя на Каталаунских полях (451 г.), когда по обе стороны поля битвы стояли варвары, некоторые из которых размахивали римскими знамёнами. Однако всё же даже такая борьба не может быть приравнена к безоглядному по-

¹ Осипов Е. А. Франция постхристианская, не правая, не левая // Международная жизнь: ежемесячный научный журнал. – 2020. – №6. – С. 95.

² Там же. С. 94.

раженчеству, которое мы увидим ниже в других странах Западной Европы. Как же пытаются защитить свою цивилизацию современные французы? Выше мы рассматривали мусульманские общественно-политические объединения во Франции. Есть и аналогичные партии и союзы, созданные французами с целью не допустить исламизации их родины. Самой известной такой партией является Национальный фронт, основанный в 1972 г. и до 2000-х гг. представлявший собой ультраправую организацию, которую многие сограждане воспринимали как радикальную. Репутация партии изменилась в 2011 г., когда её возглавила Марин Ле Пен, горячая патриотка с опытом адвокатской работы, сумевшая превратить Национальный фронт в реальную политическую силу. Вот как оценивает имидж партии в наши дни отечественный исследователь А. В. Жидкова: «Одним из лидеров европейских крайне правых выступает французская партия Национальный фронт (НФ), чей нынешний облик неразрывно связан с фигурой Марин Ле Пен, возглавившей партию в январе 2011 г. Личность и деятельность М. Ле Пен вызывает противоречивые оценки французского общества, разделяя его на два лагеря: если для 47% французов лидер НФ остаётся националистическим и крайне правым политиком, то 41%, напротив, называют её представительницей патриотически-настроенных правых, приверженных традиционным ценностям»¹. Такая противоречивая репутация связана с тем, что Марин Ле Пен воздерживается от рассчитанной на массового слушателя риторики, но при этом всегда остаётся в диалоге с соотечественниками. В частности, в 1998 и 2006 гг. она занимала должность депутата регионального совета в департаменте Нор-Па-де-Кале, районе, где проблема мигрантов обозначена не очень остро, зато среди населения преобладают рабочие и шахтёры, которым постоянно угрожает дальнейшая деиндустриализация Франции. Казалось бы, политику, зарабатывающему популярность на обсуждении миграционных проблем, в таком регионе попросту нечего делать. Однако жители департамента по сей день вспоминают Марин Ле Пен как депутата, у которого

¹ Жидкова А. В. Марин Ле Пен: политическая биография // Новая и новейшая история. – 2016. – №3. – С. 181.

всегда есть время для любого посетителя, с которым можно поговорить при встрече на улице и который всегда держит своё слово. В частности, она без колебаний разоблачила финансовые махинации мэра коммуны Эннен-Бомон и, несмотря на возможные последствия для себя лично, добилась суда над коррумпированным чиновником. После этого французские граждане и политики стали воспринимать Марин Ле Пен как человека действия, которому чужды демагогия и позёрство. Под влиянием её харизмы и принципов в Национальный фронт даже переходили члены Французской социалистической партии. При этом лидер Национального фронта придерживается реалистической позиции, не разбрасываясь громкими, но невыполнимыми обещаниями и не пытаясь подвергать французскую историю ревизии. «По её (Марин Ле Пен – С.С., И.Ч., В.Ч.) убеждению, «Национальный фронт является не ультраправой, а народной партией, базирующейся на фундаментальном принципе защиты нации и её граждан. Для реализации этого принципа необходимо «вернуться к будущему и прекратить спорить о войнах минувших дней», «научиться приспособлять идеи НФ к существующей политической системе», «принимать в расчёт современные реалии» и «доказывать свою способность управлять страной»»¹.

Действуя в согласии со своей программой, Марин Ле Пен выступила противником введения французскими властями квот на приём мигрантов, сочтя такое решение безответственным. А поскольку вопрос о квотах обсуждался и решался не на уровне национальных правительств, а от лица всего ЕС, то французский Национальный фронт выступил последовательным противником европейской интеграции и глобализации. Для того, чтобы влиять на принятие решений такого уровня, необходимо иметь представительство в Европарламенте, и этого французским патриотам удалось добиться. «На европейском уровне безусловным успехом Марин Ле Пен стали выборы в Европарламент 2014 г., проходившие на волне роста евроскептицизма. Набрав 24% голосов избирателей, НФ занял первое место среди всех французских пар-

¹ Жидкова А. В. Марин Ле Пен: политическая биография // Новая и новейшая история. – 2016. – №3. – С. 189.

тий и получил 24 места в Европарламенте. Кроме того, в июне 2015 г. М. Ле Пен удалось осуществить свою давнюю идею – сформировать в Европарламенте новую коалицию крайне правых партий, которая получила название «Европа наций и свобод». Создание парламентской группы, куда вошли и такие крупные европейские ультраправые силы, как голландская Партия свободы Г. Вилдерса, австрийская Партия свободы, итальянская Лига Севера и бельгийская партия Фламандский интерес, позволило расширить возможности крайне правых в деле реализации их общих задач: борьбы против иммиграции и противодействия углублению процесса европейской интеграции. Тот факт, что коалицию организовала именно М. Ле Пен, продемонстрировал рост её влияния на политической арене, превращение в одного из лидеров всего европейского ультраправого движения¹. Однако предлагаемая французскими националистами борьба с иммиграцией не имеет ничего общего с популярными некогда в США призывами к погромам или апартеиду. Марин Ле Пен считает своим идеалом не мировое господство или мощь ушедшей в прошлое Французской колониальной империи, а ту самую светскость, которая имеет во Франции силу закона с 1905 г. Так, в одном из интервью она высказала мысль о том, что ислам ничуть не враждебен Франции, пока остаётся личным делом каждого мусульманина, но шариат несовместим со светской республикой².

Каковы же шансы Национального фронта стать правящей партией Франции и претворить свою консервативную программу в жизнь? На президентских выборах 2017 г. Марин Ле Пен проиграла социалисту Эммануэлю Макрону, набрав 42,5% голосов избирателей против 57,5% голосов, отданных за социалистов. Любопытно, какие мотивы движут французами, не поддержавшими свою защитницу? Ведь начиная с 2012 г. кандидаты от мусульманских партий и объединений Франции принимают участие в муниципальных выборах, причём, из 6 тыс. зарегистрированных кандидатов мусульманами являются более 400. Французская

¹ Жидкова А. В. Марин Ле Пен: политическая биография // Новая и новейшая история. – 2016. – №3. – С. 195-196.

² Там же. С. 193.

социалистическая партия и её менее известные левые аналоги охотно принимают в свои ряды этих политиков. Хорошо знакомый со спецификой тех выборов Б. В. Долгов так характеризует ситуацию: «Главными лозунгами данных кандидатов на парламентские места, наряду с решением конкретных проблем выдвигавших их регионов, были «борьба с исламофобией» и отстаивание права мусульман выражать свою конфессиональную принадлежность. Причём, этот факт вряд ли можно определить как стремление к интеграции и восприятию французских цивилизационных ценностей и культуры. Скорее, здесь речь идёт об использовании французских демократических институтов для достижения своих партикуляристских целей»¹. Возникает вопрос: неужели у французского парламента нет более важных проблем, чем «борьба с исламофобией» и «право мусульман выражать свою конфессиональную принадлежность»? Почему люди, которых заботят такие мелочи (мусульман во Франции всего 9% населения), вообще претендуют на депутатские места? Однако, как показывает политическая практика современной Франции, большинство избирателей считают, что именно эти вопросы важны, а защита страны от исламизации – дело второстепенное. Впрочем, Национальный фронт, переименованный в Национальное объединение, собирается с силами для новых президентских выборов, а Марин Ле Пен исполнена присутствия духа и вовсе не обижается на недальновидность и неблагодарность сограждан.

До сего момента мы рассматривали взаимодействие современных варварства и цивилизации только на примере Франции, и у читателя может сложиться обманчивое впечатление, будто в других странах Западной Европы этой проблемы нет. На самом деле такое представление диаметрально противоположно реальному положению дел. Просто во Франции данная проблема не замалчивается, и представители западной цивилизации даже пытаются принять контрмеры, а в некоторых других европейских государствах правительства и гражданское общество притворя-

¹ Долгов Б. В. Арабо-мусульманская община во Франции. Исламская идентификация и светская демократия (1980 – 2016 годы). – Москва : ЛЕНАНД, 2017. – С. 141.

ются, будто такой проблемы у них нет. Но от этого варварское нашествие не становится менее опасным. Рассмотрим взаимодействие культурно чуждых мигрантов и местных жителей в таких странах как Великобритания и Германия.

В Великобритании существуют диаспоры почти всех национальностей, некогда живших в британских колониях. Так, в Лондоне есть индийская, пакистанская, китайская и другие этнокультурные общины, но самой, наверное, броской и активной диаспорой является сомалийская. Первые сомалийские мигранты появились в Англии не вчера, а ещё в конце XIX в., и после этого плавный поток пришельцев из Сомали не прерывался. Этому есть объективные причины. В конце XIX в. англичане охотно нанимали парней из колонии Сомалиленд в качестве матросов на торговый флот, и поэтому сомалийцы, гуляющие по набережным Бристоля или Дувра, никого не удивляли. В 1920-е гг. в этих городах даже существовали портовые пивные, специализировавшиеся на обслуживании матросов-африканцев. Во второй половине XX в. в Соединенное королевство стали приезжать также и сомалийские трудовые мигранты, искавшие работу и охотно бравшиеся за низкооплачиваемый неквалифицированный труд. А в 1980-90-е гг. XX в. произошёл настоящий исход сомалийцев из родных земель, связанный сначала с диктатурой политика-социалиста Сиада Барре, а затем – с гражданской войной после его свержения. Если в 1975 г. в мире насчитывалось около 2 млн. беженцев из Сомали, то в 2001 г. их стало уже 22 млн¹. Причём, большинство из них именно беженцы, претендующие на помощь и пособия, так как у них на родине уже больше 20 лет не утихают военные столкновения и фактически отсутствует центральное правительство. Многие из таких вынужденных мигрантов готовы до бесконечности терять паспорта, менять фамилии и переезжать из одной европейской страны в другую, лишь бы не возвращаться Сомали и не лишаться статуса лица, просящего убежища (и связанных с ним выплат). В Великобритании благодаря специфике ме-

¹ Иванова Л. В. Сомалийская диаспора в Великобритании // *Rac Africa-na: континент и диаспора в поисках себя*. Сб. научных статей. – Москва : Изд. дом ВШЭ, 2009. – С. 279.

стных городов таким беженцам удаётся компактно селиться по этническому принципу, создавая замкнутые, непроницаемые для местного населения общины. В этих диаспорах они стараются жить, «как в Сомали», как можно реже вступая в контакты с англичанами. Важно отметить, что сомалийцы являются наиболее яркими носителями кланового и племенного менталитета даже на фоне других африканских народов. Например, в их глазах наибольшим авторитетом пользуется мнение клановой или племенной сходки, именуемое *хеер* (на языке сомали – *договор*), а вовсе не духовное или светское законодательство. Отечественный исследователь И. П. Коновалов так характеризует этот обычай: «Ведь хеер издавна определяет весь внутренний уклад сомалийского общества: полномочия совета старейшин клана, взаимоотношения с соседями, решение наиболее важных вопросов, например, условия и размеры компенсаций, связанных с кровной местью. В этих обсуждениях участвует всё взрослое население клана или общины. Что же касается писаных законов и юридических норм и даже религиозных установлений (шариат), то для большинства сомалийцев они традиционно менее значимы, чем хеер»¹. Поэтому британские законы и культурные традиции не пользуются в глазах мигрантов авторитетом. Можно предположить, что многие из них даже не интересуются правилами, по которым живут англичане, а чтобы избегать нежелательных конфликтов с туземцами, сомалийцы стараются селиться по соседству друг с другом и работать на маленьких семейных предприятиях земляков.

Однако было бы неверно считать, что сомалийская диаспора живёт в добровольной изоляции. Поскольку на родине сомалийцы исповедуют ислам, то в Великобритании они охотно контактируют с представителями других мусульманских диаспор. Обычай хеер не позволяет сомалийцам налаживать отношения с выходцами из других мусульманских стран, в котором такого обычая может и не быть, поэтому им приходится исламизироваться даже в большей степени, чем это могло бы произойти на их ро-

¹ Коновалов И. П. Исламисты в Сомали // Азия и Африка сегодня. – 2008. – №4. – С. 48.

дине. В частности, все мусульманские диаспоры, не исключая и сомалийскую, придерживаются первенства шариатского суда над светским (британским), а британская юстиция, наоборот, исходит из того, что Соединенное королевство – светское государство. Поэтому мусульманские сообщества, в которых немалый процент членов составляют сомалийцы, представляют собой незаконные, но фактически автономные общины. Вот как описывает их отечественный исследователь Л. В. Иванова: «В некоторых городах Великобритании, например Лейтоне и Бирмингеме, где велика численность мусульманского населения, существуют исламские советы, разрешающие разногласия согласно нормам шариата. Они не вступают в разногласия с системой правосудия Великобритании, однако конфликтующие стороны не всегда учитывают, что решение суда шариата недействительно для британского правосудия, и если спор урегулирован внутри общины, то стороны должны предстать перед светским судом»¹. При этом многие представители эмигрантской сомалийской молодёжи не только исламизируются, но и радикализируются. Для молодых людей ислам – не часть культуры предков, которые были мусульманами, не видя в этом ничего особенного, а возможность обрести идентичность и противопоставить себя британцам, которых сомалийцы совершенно не знают, хоть и живут с ними бок о бок. Этой ситуацией умело пользуется сомалийская террористическая организация «Harakat Shabaab al-Mujahidin» (сокращённо – «Аш-Шабаб», «Молодёжное движение моджахедов»), являющаяся боевым крылом сомалийской же исламистской организации «Союз исламских судов» (СИС). Если СИС пытается вооружённой рукой насаждать шариат в Сомали, подавляя любые проявления народного двоеверия и племенных обычаев, то «Аш-Шабаб» вербует для него рекрутов в мусульманских диаспорах Западной Европы и убеждает эмигрантскую молодёжь жертвовать часть своих денег «на джихад». Более того, активисты «Молодёжного движения моджахедов» в своей деятельности не без успеха поль-

¹ Иванова Л. В. Сомалийская диаспора в Великобритании // *Raq Africa*: континент и диаспора в поисках себя. Сб. научных статей. – Москва : Изд. дом ВШЭ, 2009. – С. 291.

зуются современными технологиями: «Члены группировки пишут музыку в западном стиле, вставляя в неё титры, призывающие к джихаду и вступлению в повстанческие силы. Согласно данным 2010 г., 8 из 10 боевиков «Аш-Шабаб» – несовершеннолетние»¹.

А что же англичане? Неужели, будучи знакомы с сомалийскими мигрантами более века, они не пытаются интегрировать их в своё общество? Пытаются, но результаты таких попыток совсем не вдохновляют. Например, в 1962 г. в Великобритании было создано Англо-Сомалийское общество дружбы, уставные цели которого – укреплять взаимопонимание между сомалийцами и британцами, развивать культурные и общественные отношения. По факту же эта организация существует только на бумаге, и даже её сайт не обновляется². На практике англичане лишь стараются не провоцировать мигрантов-мусульман и в этом стремлении переходят даже границы приличий. Например, во второй половине 2010-х гг. мэры британских городов начали высказываться против яркого проведения рождественских торжеств и даже против традиционных для Англии праздничных ёлок³. Результаты не заставят себя долго ждать, и вряд ли итог такой политики обрадует её инициаторов. Как мы помним из предыдущей главы, однажды датским викингам удалось захватить немалые территории в Британии и создать там автономную Область датского права. Однако Денло в скором времени оказалась в зависимости от королей Уэссекса, а затем и полностью христианизировалась, потому что король Альфред Великий и его наследники не желали вести никаких дел с язычниками. Будучи отрезанными от своей родины Северным морем, скандинавы имели простой выбор: ас-

¹ Фитуни Л. Л., Абрамова И. О. Агрессивные негосударственные участники геостратегического соперничества в «исламской» Африке // Азия и Африка сегодня. – 2014. – №12. – С. 13.

² Иванова Л. В. Сомалийская диаспора в Великобритании // Pax Africa: континент и диаспора в поисках себя. Сб. научных статей. – Москва : Изд. дом ВШЭ, 2009. – С. 287.

³ Медведев В. Н., Резник С. В. Радикальный ислам в современной Европе: антисистемы в структуре постмодерна // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. – 2021. – №46(2). – С. 321.

симиляция или смерть. В наши дни мы можем увидеть, что было бы, если бы англосаксы проявили по отношению к скандинавским переселенцам толерантность. Тем более, что в военном отношении современные мусульманские диаспоры Великобритании существенно уступают хирдам викингов, однако уже добились от англичан гораздо большей автономии, чем некогда жители Денло.

Ещё печальнее положение цивилизации в современной Германии. Здесь сложилась буквально симптоматическая ситуация, ведь Германия в XX в. практически не имела колоний, и ни один народ «третьего мира» по-немецки не говорит. Для восточных мигрантов переезжать в Германию по культурным причинам совсем невыгодно, ведь жителям бывших британских и французских колоний приобщиться к западноевропейской цивилизации гораздо проще именно в своих бывших метрополиях. И всё же с 1960-х гг. в Германии существует небольшая мусульманская община, костяк которой изначально составляли турки-гастарбайтеры, оставшиеся в ФРГ на постоянное жительство. На 2007 г. их число в Германии составляло 2,6 млн. человек, а самым густонаселённым турками считается городок Кройцберг по соседству с Берлином¹. Долгое время никаких проблем не было ни у турок с немцами, ни у немцев с турками, а самой большой неприятностью для турецких граждан Германии оказывалась безработица. Причём, связана она была вовсе не с каким-либо расизмом со стороны немцев, а с тем фактом, что 40% турок, окончивших немецкие школы, затем поступают в профессиональные училища и получают индустриальные специальности, которые не всегда востребованы в современном постиндустриальном обществе. Однако на рубеже XX–XXI вв. турецкая иммигрантская молодёжь начала стремительно исламизироваться, причём, наиболее привлекательными молодые турки считают идеи радикального исламизма. Как удачно охарактеризовала этот процесс немецкая писательница турецкого происхождения Некла Келек, гаста-

¹ Бьюкенен П. Дж. На краю гибели. – Москва : АСТ, 2008. – С. 247.

байтеры превратились в турок, а турки сделали мусульманами¹. В 2005 г. в Германии произошло одно из первых «убийств чести», в ходе которого трое турок расправились со своей сестрой, бросившей мужа. Чуть раньше, в 2001 г. Исламская федерация Берлина добилась разрешения преподавать основы мусульманского вероучения в берлинских школах, после чего сразу же начались инциденты, связанные с появлением на занятиях школьниц-турчанок в чадрах и их отказами посещать уроки физкультуры как несовместимые с женственностью². Любопытно, что в самой Турции такая постановка вопроса невозможна с 1920-х гг., когда в ходе реформ президента Мустафы Кемаля Ататюрка религия была прочно отделена от государства, и даже феска, традиционный головной убор ближневосточных мусульман, попала под запрет. Турция представляет собой светское общество, а современные турки, живущие у себя на родине, не более религиозны, чем любой другой европейский народ. Даже в качестве предмета для ностальгии турки обычно выбирают не Арабский халифат, а Османскую империю, некогда отличавшуюся не духовным, а исключительно политическим могуществом³. В Германии же потомки мигрантов-гастарбайтеров демонстрируют такой мусульманский ригоризм и такие горячие симпатии к радикальному исламизму, которых в Турции не было, наверное, на протяжении последних нескольких столетий. Однако турецкая диаспора в Германии слишком мала для того, чтобы серьёзно повлиять на политический и культурный климат страны. Большинство немцев могли попросту не замечать турецких соседей, а государственная полиция прекрасно справлялась с иммигрантским хулиганством и

¹ Schneider P. The New Berlin Wall // New York Times Magazine. – 2005, Dec. 4. – URL: <https://www.nytimes.com/2005/12/04/magazine/the-new-berlin-wall.html> [Дата обращения: 21.01.2022]

² Бьюкенен П. Дж. На краю гибели. – Москва : АСТ, 2008. – С. 249-250.

³ Жигульская Д. В. Политическая ностальгия в современной Турции // Этнорелигиозный фактор в политических процессах на современном Востоке: сб. материалов международной научно-практической конференции молодых учёных (Москва, ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова, 23 апреля 2021 г.). – Москва : Изд-во Московского ун-та, 2021. – С. 24.

вдохновляемыми исламом акциями неповиновения. Так было до тех пор, пока в ходе Арабской весны к немецким мусульманам не прибыло многочисленное пополнение из охваченной войной Леванта.

Когда в Евросоюзе устанавливались квоты на прием мигрантов, канцлер Германии Ангела Меркель настаивала на том, что ФРГ сможет принять и интегрировать любое количество беженцев из Сирии. Поэтому в 2015 г. в страну действительно прибыл почти миллион сирийских арабов, многие из которых почти сразу же наладили контакты с представителями турецкой диаспоры. Трагические последствия такого альянса дали о себе знать сразу же. Во время рождественских гуляний в Кёльне около тысячи немецких женщин стали жертвами домогательств, изнасилований и грабежей со стороны чрезмерно разгулявшихся мигрантов. Западный исследователь Дж. Хоус так описывает случившееся: «Немецкая культура гостеприимства привела весь мир в изумление, но вскоре стало понятно, что сирийцы, которые бегут от реальной опасности, – это лишь малая толика потока мигрантов. В канун Нового года в Кёльне «мужчины африканской и арабской внешности» (так описывала преступников полиция) учинили массовые грабежи и изнасилования немок, нисколько не опасаясь властей»¹. Казалось бы, какой смысл грабить прохожих в стране массового потребления, где мобильный телефон можно купить за гроши, но украденный мобильник фактически невозможно выгодно продать? С точки зрения здравого смысла, это обычная глупость, но ситуация станет более удручающей, если вспомнить такую черту варварской культуры как сакральное отношение к материальному богатству. Каждый из грабителей-мигрантов будет долго гордиться отнятым у немки мобильным телефоном или предметом дешевой бижутерии, считая его едва ли не боевым трофеем. Тем более, что немецкая полиция оказалась ошеломлена этой выходкой до такой степени, что не приняла своевременных мер, и почти все грабители и насильники смогли избежать суда.

¹ Хоус Дж. Краткая история Германии. – Москва : Азбука-Аттикус, 2018. – С. 248.

Не обошлось и без вмешательства в праздники радикальных исламистов: год спустя во время аналогичных новогодних гуляний в Берлине беженец из Туниса по имени Анис Амри протаранил на угнанном грузовике рождественский базар, убив 11 человек и ранив ещё 56. Хотя террорист сумел скрыться с места происшествия и покинуть Германию, вскоре его смогла выследить итальянская полиция, в перестрелке с которой и оборвалась жизнь исламиста. Анализ биографии Аниса Амри наглядно продемонстрировал, кем являются многие так называемые «беженцы», которых ЕС принимает с распростёртыми объятиями: Амри несколько лет попросту бродяжничал по Италии, попадал в поле зрения полиции за торговлю наркотиками, мошенничество и хулиганство, а когда ему было отказано в статусе беженца, перебрался в Германию и начал процесс получения этого статуса заново. Причём, всё это время мигрант жил на пособия для беженцев, которые по европейским законам выплачиваются с момента подачи прошения о присвоении соответствующего статуса. В Германии этот маргинальный тип был завербован местной ячейкой «Исламского государства Ирака и Леванта» (террористическая организация, запрещённая в РФ) и вскоре совершил берлинский теракт.

Возникает вопрос: почему немцы не пытаются дать отпор распоясавшимся чужакам, которых, несмотря на массовый приток сирийцев, всё равно в разы меньше, чем коренного населения Германии? Казалось бы, одна только кёльнская «рождественская шалость» должна была вызвать, по меньшей мере, погром мусульманских районов. Однако никаких вспышек насилия в адрес мигрантов полиция не зарегистрировала и, более того, среди немцев нашлись волонтёры, желающие помочь чужакам освоиться на новом месте. Ситуация выглядит, по меньшей мере, безумно. Однако именно у такой реакции западного общества есть важные причины. Отечественные исследователи Н. А. Медушевский и А. Р. Шишкина полагают, что общая беззащитность граждан западной цивилизации перед пришельцами из Африки и Леванта обусловлена тремя взаимодополняющими факторами.

Во-первых, европейские правительства занимают двойственную позицию, в ряде случаев практикуя прямой обман своих из-

бирателей. Например, канцлер Германии Ангела Меркель и французский президент Эммануэль Макрон обещали решить «миграционную проблему», но по факту лишь потворствуют прибытию в ЕС новых мигрантов и не принимают никаких мер по ужесточению правил депортации уже имеющихся.

Во-вторых, в современном западноевропейском обществе во второй половине XX в. сложилась так называемая «культура толерантности», целью которой изначально было купировать духовное наследие Второй мировой войны. В качестве одного из её проявлений можно указать запрет называть вещи своими именами и проявлять неприязнь к какой-либо общности. Может быть, в 1950-е гг. такие меры были действительно оправданы для того, чтобы примирить бывших противников из Центральной и Восточной Европы и добиться сотрудничества между ними, но в наши дни вторгшиеся в Западную Европу варвары вовсе не спекулируют на нацистском или социалистическом идейном наследии. В тех случаях, когда они всё же озвучивают свои претензии к европейцам, то пользуются антиколониальной риторикой. С их слов получается, что европейцы, некогда колонизировавшие Африку и Левант, теперь должны загладить свою вину, предоставляя мигрантам из бывших колоний различные преференции. И в этом случае «культура толерантности» автоматически не позволяет европейцам никак оправдываться: ведь, по меньшей мере, грубо открытым текстом говорить, что североафриканские эмиры и негритянские вожди ничего собой не представляли ни в политическом, ни в военном отношении и нередко сами провоцировали вторжения в свои земли.

В-третьих, и эта причина, наверное, самая важная, у западных европейцев сложился «синдром жертвы». Будучи в большинстве своём образованными и законопослушными, как это свойственно гражданам зрелой цивилизации на поздних этапах её развития, они не понимают мотивов поведения пришельцев и пытаются найти рациональное зерно там, где его по определению быть не может. Поскольку правительства и крупные предприниматели потакают представителям мусульманских диаспор и мигрантам, то европейцам начинает казаться, что так и должно быть, что они сами не понимают чего-то важного. Мысль о том, что проблемы с

пришельцами можно решить своими силами, опираясь на численное преимущество и превосходство в технике (например, на огнестрельное оружие в частных руках) им попросту не приходит в голову: в зрелой цивилизации сфера насилия полностью монополизирована государством и его контрагентами в лице частных охранных и военных компаний. Поэтому западные европейцы в любых конфликтах с варварами начинают винить самих себя или, в лучшем случае, сотрудников миграционной службы. Между тем именно эта их мировоззренческая позиция служит мигрантам санкцией к дальнейшим бесчинствам. Н. А. Медушевский характеризует сложившуюся ситуацию кратко и ярко: «Так, зажиточные европейцы, являющиеся носителями высокой социальной и правовой культуры, в 2010-е гг. вступили в фазу активного взаимодействия с представителями азиатских и африканских этнических групп, не обладающих материальными ресурсами, не имеющими образования, мыслящими преимущественно религиозными постулатами. В результате данного столкновения, которое продолжается и сегодня, носители более простой и однозначной культуры (во многом, культуры насилия) проявили инстинктивную агрессию, нацеленную на обозначение своего статуса. В то же время реакция европейского общества была основана на высокоморальных принципах толерантности и сострадания, и как следствие, была воспринята приезжими как слабость и уязвимость»¹. Возможно, римляне последних дней существования империи точно так же пытались найти рациональные мотивы в поведении Одоакра, отобравшего корону у последнего монарха, или в хулиганских выходках вандалов, шутки ради крушивших православные церкви.

В виду описанных нами процессов взаимодействия варварства и цивилизации в Западной Европе возникает закономерный вопрос: не оказал ли миграционный кризис какого-либо влияния на Россию? Поскольку современный мир не без основания называют глобальным, то, конечно же, социально-политические факторы

¹ Медушевский Н. А., Шишкина А. Р. Миграционные процессы современности. Ситуативное явление или глобальный исторический вызов? – Москва : ЛЕНАНД, 2018. – С. 62.

западноевропейского развития не могут действовать для России бесследно, однако их влияние совсем не такое значительное, каким оно могло бы быть в силу территориальной близости России и Европы. К примеру, Россия не входит в ЕС, и поэтому квоты на приём мигрантов не имеют к ней никакого отношения, равно как и принятое в Западной Европе миграционное законодательство. Именно поэтому беженцы из стран Леванта и Северной Африки, напуганные Арабской весной, крайне редко устремляются в Россию, так как здешние меры по поддержке мигрантов незначительны в сравнении с западноевропейскими. Так, материальная поддержка, оказываемая лицу, получившему статус беженца, в 2017 г. составляла около 24 тыс. рублей (около 300 евро), из которых на руки беженец может получить лишь очень малую часть. Единовременная выплата беженцу в связи с присвоением ему этого статуса в 2017 г. составляла 100 рублей (приблизительная цена пачки недорогих сигарет), и ещё 150 рублей, если в семье беженца имеются иждивенцы¹. Жить на пособие и часть получаемых денег отправлять родным, оставшимся дома, мигрант в России попросту не сможет. Это не значит, что в Россию не прибывают мигранты, но эта миграция носит временный, трудовой характер и осуществляется, в основном, из стран СНГ, жители которых вполне сносно владеют русским языком (в отличие от жителей Леванта и Африки). К тому же, российское миграционное законодательство гораздо строже европейского, и депортация нарушающих законы мигрантов не составляет проблемы. Например, в 2015 г. страна приняла 250 тыс. и параллельно с этим выслала 117,5 тыс. мигрантов². Конечно, приток мигрантов из среднеазиатских республик, в большинстве своём исповедующих ислам, не проходит для страны бесследно, но на данный момент в России не существует ни самоуправляющихся мусульманских общин, ни аналога бидонвилей. Возможно, через десяток лет мы в этом отношении догоним Европу, но пока дело обстоит приемлемым образом, а миграционный поток вполне обратим.

¹ Медушевский Н. А., Шишкина А. Р. Миграционные процессы современности. Ситуативное явление или глобальный исторический вызов? – Москва : ЛЕНАНД, 2018. – С. 101.

² Там же. С. 97.

В данном параграфе мы рассмотрели межкультурные взаимодействия варварского и цивилизованного обществ на ареале современной Западной Европы. На этом материале:

- обнаружено, что в США и ЕС действует один и тот же самый алгоритм взаимодействия внутренних и внешних варваров, в перспективе ведущий к ослаблению цивилизации и ущемляющий её исконных граждан;

- установлено, что роль внешних варваров в Западной Европе играют мигранты из бывших колоний, которые по прибытии получают горячую поддержку внутренних варваров из мусульманских общин при попустительстве государственных властей;

- раскрыта такая специфическая черта превращения внутренних западноевропейских варваров во внешних как мусульманский ригоризм. Именно под его влиянием африканские и азиатские мигранты во втором поколении превращаются не в европейцев «иноземного» происхождения, а в маргинальную и радикальную «пятую колонну», противопоставляющую себя принимающему обществу;

- доказано, что религиозный компонент западноевропейской цивилизации в течение Нового времени заметно ослаб и не может выполнять интегративную функцию;

- выявлено, что немалую роль в становлении и криминализации мусульманских диаспор Западной Европы играют принятый европейцами принцип толерантности, запрещающий критиковать представителей иных культур, а также масштабные меры по поддержке мигрантов, позволяющим последним избегать интеграции в европейское общество и при этом вполне сносно жить.

В данной главе мы совершили поверхностный анализ взаимодействия современной западноевропейской цивилизации с внутренними и внешними варварами по обе стороны Атлантики. Наш анализ позволяет сделать следующие выводы:

- в данном взаимодействии роль внешних варваров играют жители бывшей колониальной и полуколониальной периферии западной цивилизации (латиноамериканцы, африканцы), а внутренними варварами являются коммерческие элиты США и ЕС, привлекающие иностранцев в качестве недорогой рабочей силы и

исподволь помогающие им вытеснить местных жителей с рабочих мест;

- внешние варвары в процессе адаптации на новом месте не ассимилируются и не интегрируются в западное общество, а превращаются во внутренних варваров: в частности, стремятся создать на территории цивилизованного государства самоуправляющиеся общины и руководствуются собственными правовыми представлениями;

- североамериканские и западноевропейские варвары имеют различные консолидирующие основания: в Северной Америке это раса, а в Западной Европе – религия;

- процесс усиления варварских диаспор и постепенного превращения их в автономные от цивилизованного общества и враждебные ему общины происходит с молчаливого согласия внутренних варваров из высших эшелонов власти, которые не препятствуют данному процессу и не позволяют этого делать своим цивилизованным соотечественникам.

Рассмотренный нами в данной главе процесс полностью укладывается в схему, очерченную в начале работы и многократно проверенную в разделах, посвященных анализу исторического материала. Следовательно, вероятен лишь один итог: гибель западной цивилизации и постепенное вытеснение её представителей прибывшими варварами. Данное вытеснение необязательно будет сопровождаться целенаправленным геноцидом цивилизованных граждан. Скорее они деградируют в культурном отношении, примут варварские имена, ценности и образ жизни, а их духовные и технические достижения станут объектом вдохновения для иного общества, которое сформируется на руинах нынешнего. К примеру, английский и французский языки будут играть в новом, варварском мире ту роль, которая играла латынь в западном Средневековье.

Заключение

В данной работе мы совершили небольшой экскурс в межкультурные взаимодействия варварского и цивилизованного обществ. Нами было обнаружено, что варварство представляет собой относительное понятие, неравнозначное цивилизации, потому что образ варвара всегда создаётся любознательными представителями общества цивилизованного. На самом же деле варвар – это представитель более примитивного социума, чем тот, к которому принадлежит наблюдатель, и поэтому закономерно внушает цивилизованному человеку опасения. Именно поэтому представления о варварах, созданные представителями различных, неродственных между собой цивилизаций отмечают одни и те же специфические варварские черты, то есть те культурные особенности, которые плохо совместимы с цивилизованной жизнью, но которые, безусловно, на определенном этапе развития культуры свойственны всем народам и племенам.

Несмотря на закономерное недоверие, которое испытывает цивилизованное общество по отношению к своим варварским соседям, последние не представляют для цивилизации опасности. Ведь цивилизация благодаря своим социальным и духовным особенностям постоянно развивается в социальной, политической, духовной и экономической сферах. Её материальные ресурсы по сравнению с варварскими кажутся неисчерпаемыми, организация общества оказывается неизмеримо более эффективной, чем структура и взаимные отношения варварских племён, а цивилизованные воины всегда превосходят варваров вооружением и тактикой. Такая цивилизация является центром притяжения и очарования для варварских соседей: варвары торгуют с ней, сотрудничают, учатся у неё. Причём, превращение варвара в гражданина и верного защитника цивилизованного общества происходит надёжнее всего, когда варварский мир становится объектом прозелитизма одной из универсальных религий, созданных цивилизацией. Недаром неистовые германцы, познакомившись с христианством, стали добрыми католиками, а грозные кочевники, вступив в прочные контакты с китайской и исламской цивилизациями, превратились в правоверных мусульман и благочестивых

буддистов. И, наоборот, попытки очаровать варваров техническими новинками или финансовыми подношениями, нередко предпринимаемые цивилизованными обществами, не приводят к прочным результатам, а лишь знакомят варваров со слабыми местами цивилизации.

Однажды цивилизационное развитие вступает в фазу надлома: те социальные и духовные особенности, которые позволили цивилизованному обществу добиться немалых достижений, по мере своего углубления начинают работать против общества. Именно тогда цивилизация превращается в нечто внешнее по отношению к своим носителям и с течением времени становится всё больше людей, духовно не принадлежащих к ней, хоть и живущих на её ареале. Именно эти внутренние варвары сначала духовно сепарируются от цивилизации, а затем ослабляют её политически и делают беззащитной перед варварами внешними. Мы видели, что ворота неприступных крепостей и пограничных фортов, отделяющие цивилизованный мир от варварского окружения, всегда открываются варварам изнутри, со стороны цивилизации. Можно сказать, что самым страшным врагом цветущей цивилизации является цивилизация зрелая, а внешний варвар не сможет нанести цивилизованному обществу серьёзного вреда до тех пор, пока ему не поможет варвар внутренний.

Описанный нами алгоритм взаимодействия варварского и цивилизованного обществ исправно функционирует на всём протяжении мировой истории, оставаясь непреложным как в античную эпоху, так и в наши дни. Но неужели в общественном развитии всё заранее предопределено, и цивилизованному индивиду остаётся лишь стать фаталистом: видеть надвигающуюся гибель своего общества, размышлять о ней и никак ей не противиться? Такая позиция излишне пессимистична. Ведь общества состоят из людей, и до тех пор, пока отдельно взятый человек остаётся верен своей стране и культуре, цивилизация переживёт любые испытания.

Список использованной литературы

1. Айюб М. С. Гарама (из истории ливийской цивилизации) / М. С. Айюб // Сб. : Гарамантида (африканская Атлантида). – Москва : Изд-во «Восточная литература» РАН, 1994. – С. 20-101.
2. Акунов В. В. Берсерки. Воины-медведи древнего Севера / В. В. Акунов. – Москва : Вече, 2014. – 320 с.
3. Александров Г. В. «Святые» и «дикари»: Взаимоотношения колонистов и коренного населения Новой Англии в XVII веке / Г. В. Александров. – Москва : ЛЕНАНД, 2021. – 280 с.
4. Альфан Л. Великие империи варваров. От Великого переселения народов до тюркских завоеваний XI века / Л. Альфан. – Москва : Вече, 2006. – 416 с.
5. Аноним Г. После Рима. 192-430 по Рождеству Христову. От «солдатских императоров» до Карла Великого / Г. Аноним. – Москва : Acta Diurna, 2019. – Книга первая. – 312 с.
6. Аноним Г. После Рима. 430-800 по Рождеству Христову. От «солдатских императоров» до Карла Великого / Г. Аноним. – Москва : Изд-во Acta Diurna, 2020. – Книга вторая. – 340 с.
7. Аристотель. Политика / Аристотель. – Москва : АСТ, 2010. – 393 с.
8. Арсеньев В. Р. Багровые закаты над Европой / В. Р. Арсеньев // Азия и Африка сегодня. – 2006. – №4. – С. 50-52.
9. Артхашастра или Наука политики / Под ред. В. И. Кальянова. – Москва : Ладомир, 1993. – 793 с.
10. Ахматнуров С. С. Кочевники Евразии: от ариев до Золотой Орды / С. С. Ахматнуров. – Москва : Родина, 2019. – 304 с.
11. Ашрафян К. З. Средневековый город Индии XIII – середины XVIII века (проблемы экономической и социальной истории) / К. З. Ашрафян. – Москва : Наука, 1983. – 231 с.
12. Бабур-наме. Записки Бабура / Под ред. С. А. Азимджановой. – Ташкент : Изд-во Академии наук Узбекской ССР, 1958. – 529 с.
13. Балагушкин Е. Г. Живительный эликсир или опиум для прокаженного? Нетрадиционные религии, секты и культы в современной России / Е. Г. Балагушкин. – Москва : ЛЕНАНД, 2018. – 256 с.

14. *Баласагуни Ю.* Благодатное знание / Ю. Баласагуни. – Изд. 3-е. – Ленинград : Советский писатель, 1990. – 560 с.
15. *Бартелеми Д.* Рыцарство. От древней Германии до Франции XII в. / Д. Бартелеми. – Санкт-Петербург : Евразия, 2012. – 584 с.
16. *Бартольд В. В.* Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве / В. В. Бартольд. Работы по истории ислама и Арабского халифата. – Москва : Восточная литература, 2002. – С. 303-317.
17. *Бартольд В. В.* Греко-бактрийское государство и его распространение на северо-восток / В. В. Бартольд. – Петроград, 1916 : Тип. Императорской Академии Наук. – Отт. : Известия Императорской Академии Наук. – Дарственная надпись. – С. 823-828.
18. *Баялиева Е. Ф.* Правовая ситуация в эпоху Юань / Е. Ф. Баялиева //«Хэй да ши люэ»: источник по истории монголов XIII в. / Отв. ред. А. Ш. Хадырбаев. – Москва : Наука – Восточная литература, 2016. – С. 150-165.
19. *Бейкер Дж.* Юстиниан. Великий законодатель / Дж. Бейкер. – Москва : Центрполиграф, 2004. – 398 с.
20. *Беляев И. Д.* История Полоцка и Северо-Западной Руси / И. Д. Беляев. – Москва : Вече, 2017. – 352 с.
21. *Беляев И. Д.* История Пскова и Псковской земли / И. Д. Беляев. – Москва : Вече, 2016. – 352 с.
22. *Бивен Э.* Династия Птолемеев. История Египта в эпоху эллинизма / Э. Бивен. – Москва : Центрполиграф, 2011. – 447 с.
23. *Бикерман Э.* Государство Селевкидов / Э. Бикерман. – Москва : Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1985. – 264 с.
24. *Блэк С. Д.* Вуду в мегаполисе / С. Д. Блэк, К. С. Хай-атт.– Киев : Ника, 1998. – 176 с.
25. *Богдан А.* Тевтонские рыцари / А. Богдан. – Санкт-Петербург : Евразия, 2008. – 308 с.
26. *Бойс М.* Зороастрийцы / М. Бойс. – Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 1994. – 288 с.
27. *Боксер Ч. Р.* Португальская империя и её владения в XV-XIX веках. От островов Северной Атлантики до легендарной

страны пряностей / Ч. Р. Боксер. – Москва : Центрполиграф, 2019. – 413 с.

28. *Болтунова А. И.* О культе женского божества в Танаисе / А. И. Болтунова // *Античный мир и варвары Евразии.* – Москва : Наука, 1991. – С. 46-49.

29. *Брюно Ж.-Л.* Галлы / Ж.-Л. Брюно. – Москва : Вече, 2011. – 400 с.

30. *Брянцев П. Д.* Литовское государство. От возникновения в XIII веке до союза с Польшей и образования Речи Посполитой и краха под напором России в XIX веке / П. Д. Брянцев. – Москва : Центрполиграф, 2018. – 655 с.

31. *Буданова В. П.* Великое переселение народов. Этнополитический и социальный аспекты / В. П. Буданова, А. А. Горский, И. Е. Ермолова. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2011. – 336 с.

32. *Бурстин Д.* Американцы. Колониальный опыт / Д. Бурстин. – Москва : Прогресс, 1993. – 480 с.

33. *Бьюкенен П. Дж.* На краю гибели / П. Дж. Бьюкенен. – Москва : АСТ, 2008. – 349 с.

34. *Бьюкенен П. Дж.* Правые и не-правые. Как неоконсерваторы заставили нас забыть о рейгановской революции и повлияли на президента Буша / П. Дж. Бьюкенен. – Москва : АСТ, 2006. – 348 с.

35. *Бьюкенен П. Дж.* Смерть Запада / П. Дж. Бьюкенен. – Москва : АСТ, 2007. – 444 с.

36. *Бьюри Дж. Б.* Варвары и Рим. Крушение империи / Дж. Б. Бьюри. – Москва : Центрполиграф, 2013. – 221 с.

37. *Валишевский К.* Исторические романы в IV т. / К. Валишевский. – Воронеж : ФАКТ, 1993. – Том III : Первые Романовы. – 432 с.

38. *Васильев Л. С.* Всеобщая история : в 6 т. / Л. С. Васильев. – Москва : Высшая школа, 2007. – Т. 1. Древний Восток и античность. – 447 с.

39. *Виноградов Ю. А.* Счастливый город в войне. Военная история Ольвии Понтийской (VI в. до н.э. – IV в. н.э.) / Ю. А. Виноградов. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2006. – 256 с.

40. *Виноградов Ю. Г.* Военная история Боспорского царства / Ю. Г. Виноградов, В. А. Горончаровский. – Москва : Ломоносовъ, 2017. – 240 с.
41. *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства / С. В. Волков. – Москва : Центрполиграф, 2001. – 508 с.
42. *Вольфрам Х.* Готы / Х. Вольфрам. – Санкт-Петербург : Ювента, 2003. – 656 с.
43. *Галушко К. Ю.* Всемирная история. Викинги. История завоеваний / К. Ю. Галушко. – Харьков : Клуб Семейного Досуга, 2020. – 320 с.
44. *Головнёв А. В.* Феномен колонизации / А. В. Головнёв. – Екатеринбург : УрО РАН, 2015. – 592 с.
45. *Гране М.* Китайская цивилизация / М. Гране. – Москва : Алгоритм, 2016. – 480 с.
46. *Грёнбек В.* Эпоха викингов. Мир богов и мир людей в мифах северных германцев / В. Грёнбек. – Москва : Центрполиграф, 2019. – 607 с.
47. *Григулевич И. Р.* Пророки «новой истины». Очерки о культах и суевериях современного капиталистического мира / И. Р. Григулевич. – Москва : Политиздат, 1983. – 303 с.
48. *Грифа М.* Основные тенденции миграционных процессов в странах Северной Африки / М. Грифа // Азия и Африка сегодня. – 2019. – №2. – С. 49-52.
49. *Груссе Р.* Степные кочевники, покорившие мир. Под властью Атилы, Чингисхана, Тамерлана / Р. Груссе. – Москва : Центрполиграф, 2020. – 527 с.
50. *Даниленко Г. Э.* Цивилизационное варварство и культурное одичание в эпоху глобализации / Г. Э. Даниленко // Формы культуры и противоречия современного общества. Материалы международной научной конференции 27 апреля 2019 года. – Донецк : ДонНТУ, 2019. – С. 55-59.
51. *Данилова К. Ф.* Над памятью время не властно : [из истории Землянского уезда] / К. Ф. Данилова. – Воронеж : Истоки, 2008. – 198 с.
52. *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории в 7 т. / Г. Дельбрюк. – Москва : Воениздат, 1937. – Т. 2. Германцы. – 400 с.

53. *Демурже А.* Рыцари Христа. Военно-монашеские ордены в Средние века, XI–XVI вв. / А. Демурже. – Санкт-Петербург : Евразия, 2008. – 542 с.
54. *Джилман А.* Сарацины: от древнейших времён до падения Багдада / А. Джилман. – Москва : Вече, 2007. – 352 с.
55. *Джоунс У. Р.* «Варвары» в мировой истории: миф и реальность / У. Р. Джоунс // Cultures. – 1977. – №2. – С. 156-175.
56. *Диллон М.* История кельтских королевств / М. Диллон, Н. К. Чедвик. – Москва : Вече, 2006. – 512 с.
57. *Диснер Г.-И.* Королевство вандалов / Г.-И. Диснер. – Санкт-Петербург : Евразия, 2002. – 224 с.
58. *Дмитриев В. А.* Политическая история Ирана в эпоху ранних Сасанидов / В. А. Дмитриев. – Санкт-Петербург : Наука, 2019. – 186 с.
59. *Добреньков В. И.* Фундаментальная социология в 15 т. / В. И. Добреньков, А. И. Кравченко. – Москва : ИНФРА-М, 2007. – Т. 11. – 1104 с.
60. *Долгов Б. В.* Арабо-мусульманская община во Франции. Исламская идентификация и светская демократия (1980 – 2016 годы) / Б. В. Долгов. – Москва : ЛЕНАНД, 2017. – 160 с.
61. *Долгов Б. В.* Мусульманская община во Франции: исламская идентичность и светское общество / Б. В. Долгов // Азия и Африка сегодня. – 2014. – №12. – С. 27-31.
62. *Дуглас Д. Ч.* Норманны: от завоеваний к достижениям. 1050–1100 гг. / Д. Ч. Дуглас. – Санкт-Петербург : Евразия, 2003. – 416 с.
63. *Дьяков М. Ю.* Крепости земли Воронежской / М. Ю. Дьяков, Л. В. Кригер. – Воронеж : Кварт, 2013. – 296 с.
64. *Жаров С. Н.* Трансцендентное в онтологических структурах философии и науки: монография / С. Н. Жаров. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2006. – 352 с.
65. *Жигульская Д. В.* Политическая ностальгия в современной Турции / Д. В. Жигульская // Этнорелигиозный фактор в политических процессах на современном Востоке: сб. материалов международной научно-практической конференции молодых учёных (Москва, ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова, 23 апреля 2021 г.). – Москва : Изд-во Московского ун-та, 2021. – С. 24-25.

66. *Жидкова А. В.* Марин Ле Пен: политическая биография / А. В. Жидкова // Новая и новейшая история. – 2016. – №3. – С. 181-200.
67. *Житие святого епископа Цезария // Раннехристианские жития галльских святых.* – Санкт-Петербург : Евразия, 2016. – С. 91-178.
68. *Загоровский В. П.* Белгородская черта / В. П. Загоровский. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1969. – 304 с.
69. *Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / Гай Юлия Цезарь.* – Москва : АСТ, 2007. – 750 с.
70. *Зеленев Е. И.* Мусульманский Египет / Е. И. Зеленев. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. – 373 с.
71. *Зелинский Ф. Ф.* Римская империя / Ф. Ф. Зелинский. – Санкт-Петербург : Алетейя, 1999. – 488 с.
72. *Зиньковская И. В.* Варварские государства раннесредневековой Европы: учебное пособие / И. В. Зиньковская. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2015. – 248 с.
73. *Зиньковская И. В.* Королевство Эрманариха: монография / И. В. Зиньковская. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2016. – 308 с.
74. *Иванов С. А.* Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? / С. А. Иванов. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – 376 с.
75. *Иванов Ю. Г.* Камикадзе: пилоты-смертники. Японское самопожертвование во время войны на Тихом океане / Ю. Г. Иванов. – Смоленск : Русич, 2003. – 528 с.
76. *Иванова Л. В.* Сомалийская диаспора в Великобритании / Л. В. Иванова // *Raх Africana*: континент и диаспора в поисках себя. Сб. научных статей. – Москва : Изд. дом ВШЭ, 2009. – С. 278-302.
77. *Ильин Г. Ф.* Древний индийский город Таксила / Г. Ф. Ильин. – Москва : Восточная литература, 1958. – 81 с.

78. *Ингрэм Дж. К.* История рабства от древнейших до новых времён / Дж. К. Ингрэм. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2011. – 344 с.
79. *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства / Ф. Кардини. – Москва : Прогресс, 1987. – 384 с.
80. *Карсавин Л. П.* Монашество в Средние века / Л. П. Карсавин. – Москва : Ломоносовъ, 2013. – 192 с.
81. *Кей Д.* История Индии / Д. Кей. – Москва : Астрель, 2011. – 761 с.
82. *Кепель Ж.* Джихад. Экспансия и закат исламизма / Ж. Кепель. – Москва : Ладомир, 2004. – 468 с.
83. *Керсновский А. А.* История русской армии: 1700–1881 / А. А. Керсновский. – Смоленск : Русич, 2004. – 464 с.
84. *Кифер О.* Сексуальная жизнь в Древнем Риме / О. Кифер. – Москва : Центрполиграф, 2003. – 431 с.
85. *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций в III кн. / В. О. Ключевский. – Москва : Мысль, 1997. – Кн. II. – 584 с.
86. *Кляшторный С. Г.* Степные империи древней Евразии / С. Г. Кляшторный, Д. Г. Савин. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 346 с.
87. *Ковалев С. И.* История Рима / С. И. Ковалев. – Москва : АСТ, 2006. – 864 с.
88. *Коновалов И. П.* Исламисты в Сомали / И. П. Коновалов // Азия и Африка сегодня. – 2008. – №4. – С. 47–51.
89. *Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы / Л. Контлер. – Москва : Весь мир, 2002. – 656 с.
90. *Кошен О.* Малый народ и революция / О. Кошен. – Москва : Айрис-Пресс, 2004. – 296 с.
91. *Крессон У.* Казаки. История «вольных людей» от Запорожской Сечи до коммунистической России. – Москва : Центрполиграф, 2015. – 223 с.
92. *Крюков М. В.* Китайский этнос в Средние века (VII–XIII вв.) / М. В. Крюков [и др.]. – Москва : Наука, 1984. – 325 с.
93. *Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство / К. Н. Леонтьев. – Москва : Академический проект, 2017. – 503 с.

94. *Липкин С. И.* Манас великодушный. Повесть / С. И. Липкин. – Ленинград : Советский писатель, 1947. – 232 с.
95. *Литвинский Б. А.* Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан) в 2 т. / Б. А. Литвинский, И. Р. Пичикян. – Москва : Изд-во «Восточная литература» РАН, 2000. – Т. 1: Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. – 503 с.
96. *Литинский А. Л.* Формирование этнического самосознания афроамериканцев в XX в. / А. Л. Литинский // *Raх Africana: континент и диаспора в поисках себя. Сб. науч. статей.* – Москва : Изд. дом. ВШЭ, 2009. – С. 71-100.
97. *Лоу Р.* Гараманты и транссахарская торговля в античное время / Р. Лоу // Сб. : Гарамантида (африканская Атлантида). – Москва : Изд-во «Восточная литература» РАН, 1994. – С. 140-164.
98. *Лукиан Самосатский.* Скиф, или друг на чужбине / Самосатский Лукиан. Сочинения в 2 т. – Санкт-Петербург : Алетей, 2001. – Т. 1. – С. 66-70.
99. *Лукиан Самосатский.* Собрание богов / Лукиан Самосатский. Сочинения в 2 т. – Санкт-Петербург : Алетей, 2001. – Т. 1. – С. 318-322.
100. Манас. Эпизоды из киргизского народного эпоса / Под ред. С. И. Липкина и Л. М. Пеньковского. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1960. – 311 с.
101. *Маринович Л. П.* Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами / Л. П. Маринович // *Античная цивилизация и варвары.* – Москва : Наука, 2006. – С. 5-29.
102. *Марцеллин Аммиан.* Римская история / Аммиан Марцеллин. – Москва : АСТ, 2005. – 631 с.
103. *Медведев В. Н.* Радикальный ислам в современной Европе: антисистемы в структуре постмодерна / В. Н. Медведев, С. В. Резник // *НОМОТНЕТІКА: Философия. Социология. Право.* – 2021. – №46(2). – С. 319-326.
104. *Медушевский Н. А.* Миграционные процессы современности. Ситуативное явление или глобальный исторический вызов? / Н. А. Медушевский, А. Р. Шишкина. – Москва : ЛЕ-НАНД, 2018. – 168 с.

105. *Менхен-Хельфен О.* История и культура гуннов / О. Менхен-Хельфен. – Москва : Центрполиграф, 2014. – 479 с.
106. *Миронов В. Б.* Народы и личности в истории. Очерки по истории русской и мировой культур. В 3-х т. / В. Б. Миронов. – Москва : Звонница - МГ, 2000. – Т. I. – 640 с.
107. *Миронов В. Б.* Народы и личности в истории. Очерки по истории русской и мировой культур. В 3 т. / В. Б. Миронов. – Москва : Звонница-МГ, 2000. – Т. III. – 704 с.
108. *Мокшин Г. Н.* Из истории года Землянска (вторая половина XVII – начало XX века) / Г. Н. Мокшин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2018. – 256 с.
109. *Моммзен Т.* История Рима. В 5 т. / Т. Моммзен. – Москва : АСТ, 2002. – Т. 5. Кн. 8. Провинции от Цезаря до Диоклетиана. – 749 с.
110. *Мотрошилова Н. В.* Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов / Н. В. Мотрошилова. – Москва : ИФРАН, 2010. – 2-е изд., расширенное и справ. – 480 с.
111. *Мюссе Л.* Варварские нашествия на Европу: германский натиск / Л. Мюссе. – Санкт-Петербург : Евразия, 2006. – 399 с.
112. *Мюссе Л.* Варварские нашествия на Западную Европу: волна вторая / Л. Мюссе. – Санкт-Петербург : Евразия, 2006. – 337 с.
113. *Мяло К. Г.* Под знаменем бунта. Очерки по истории и психологии молодёжного протеста 1950–1970-х годов / К. Г. Мяло. – Москва : Молодая гвардия, 1985. – 287 с.
114. *Нестерова Е. Б.* Монгольская империя – стиль и методы управления и культурная конвергенция / Е. Б. Нестерова // «Хэй да ши люэ»: источник по истории монголов XIII в. / Отв. ред. А. Ш. Хадырбаев. – Москва : Наука – Восточная литература, 2016. – С. 111-133.
115. *О’Лири Д. Л.* Доисламская история арабов. Древние царства сынов Востока / Д. Л. О’Лири. – Москва : Центрполиграф, 2020. – 223 с.
116. *Осборн Р.* Цивилизация. Новая история Западного мира / Р. Осборн. – Москва : АСТ, 2018. – 768 с.

117. *Осипов Е. А.* Франция постхристианская, не правая, не левая / Е. А. Осипов // *Международная жизнь: ежемесячный научный журнал.* – 2020. – №6. – С. 94-101.

118. *Пёльман Р.* История античного коммунизма и социализма / Р. Пёльман. – Санкт-Петербург : Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1910. – 284 с.

119. *Перетятыкин Г. Ф.* Псевдоморфный человек и «смерды направления» в классической русской литературе / Г. Ф. Перетятыкин // *Наука. Искусство. Культура. Реферируемый научный журнал.* – 2014. – Вып. 4. – С. 37-47.

120. *Пирс К.* Воины Китая. Под знаменем небесного дракона. 1500 г. до н.э. – 1840 г. н.э. / К. Пирс. – Москва : Эксмо, 2008. – 248 с.

121. *Плутарх.* Александр / Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Трактаты. Диалоги. Изречения: Сб. – Москва : АСТ, 2004. – С. 360-420.

122. *Плутарх.* Гай Марий / Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Трактаты. Диалоги. Изречения: Сб. – Москва : АСТ, 2004. – С. 202-236.

123. *Плутарх.* О судьбе и доблести Александра / Плутарх. Застольные беседы. – Москва : Эксмо, 2008. – С. 437-470.

124. *Поведская О. К.* Вёшенское восстание / О. К. Поведская // *Слава малой Родины: сборник научных и публицистических работ.* – Воронеж : Воронежский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2016. – С. 123-132.

125. *Поплинский Ю. К.* Из истории этнокультурных контактов Африки и Эгейского мира. Гарамантская проблема / Ю. К. Поплинский. – Москва : Изд-во «Восточная литература» РАН, 1994. – 204 с.

126. *Попов А. А.* Греко-бактрийское царство / А. А. Попов. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008. – 240 с.

127. *Потанин Г. Н.* Сибирь. Монголия. Китай. Тибет. Путешествия длиною в жизнь / Г. Н. Потанин, А. В. Потанина. – Москва : Эксмо, 2019. – 448 с.

128. *Потапов Л. П.* Алтайский шаманизм / Л. П. Потапов. – Ленинград : Наука, 1991. – 320 с.

129. *Пугаченкова Г. А.* Северная Бактрия – Тохаристан. Очерки истории и культуры (Древность и Средневековье) / Г. А. Пугаченкова, Э. В. Ртвеладзе. – Ташкент : Фан, 1990. – 219 с.
130. *Райс Т. Т.* Сельджуки. Кочевники – завоеватели Малой Азии / Т. Т. Райс. – Москва : Центрполиграф, 2004. – 238 с.
131. *Расовский Д. А.* Половцы, торки, печенеги, берендеи / Д. А. Расовский. – Москва : Ломоносовъ, 2020. – 200 с.
132. *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей в 3 т. / Рашид-ад-дин. – Москва : Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 1. Кн. 1. – 221 с.
133. *Ременников А. М.* Борьба племён Северного Причерноморья с Римом в III веке н.э. / А. М. Ременников. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1954. – 147 с.
134. *Римский В. П.* Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма / В. П. Римский. – Белгород : Изд-во Белгородского госуниверситета, 1997. – 199 с.
135. *Рощин М. Ю.* Открытие Гарамантиды / М. Ю. Рощин // Сб. : Гарамантида (африканская Атлантида). – Москва : Изд-во «Восточная литература» РАН, 1994. – С. 5-19.
136. *Рыбаков В. В.* Хроника Адама Бременского и первые христианские миссионеры в Скандинавии / В. В. Рыбаков. – Москва : Языки славянских культур, 2008. – 336 с.
137. *Рыбаков В. М.* Танская бюрократия в 2 ч. / В. М. Рыбаков. – Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2009. – Ч. 1. Генезис и структура. – 512 с.
138. *Савельев Е. П.* Древняя история казачества / Е. П. Савельев. – Москва : Вече, 2004. – 472 с.
139. *Светоний Г. Т.* Жизнь двенадцати цезарей / Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. – Москва : Эксмо, 2006. – С. 13-296.
140. *Святитель Тихон Задонский.* Сокровище духовное, от мира собираемое / Тихон Задонский, святитель. – Задонск : Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, 2010. – 672 с.

141. *Скрынникова Т. Д.* Харизма и власть в эпоху Чингисхана / Т. Д. Скрынникова. – Изд. 2-е. – Санкт-Петербург : Евразия, 2013. – 384 с.

142. *Соловьёв С. М.* Об истории Древней России / С. М. Соловьёв. – Москва : Просвещение, 1992. – 544 с.

143. *Соловьянов Н. И.* Кельтиберы в римской армии на рейнско-германском лимесе / Н. И. Соловьянов, А. А. Батузов // Манускрипт: научно-теоретический и прикладной журнал. – 2020. – №2(13). – С. 60-65.

144. *Соммэр Д. С.* Мораль XXI века / Д. С. Соммэр. – Москва : Кодекс, 2019. – 480 с.

145. *Стриннгольм А.* Походы викингов / А. Стриннгольм. – Москва : АСТ, 2008. – 400 с.

146. *Сулимов С. И.* Межкультурные взаимодействия в формировании антисистем: опыт социально-философского исследования: монография / С. И. Сулимов. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2019. – 365 с.

147. *Сулимов С. И.* Проблема соседства варварского и цивилизованного обществ (на примере древнегреческих черноморских колоний) / С. И. Сулимов // Культура и цивилизация. Научный журнал. – 2021. – Вып. №1(13). – С. 51-57.

148. *Сулимов С. И.* Псевдоморфоза и антисистема в историко-культурном процессе: Галлия и Левант / С. И. Сулимов // Материалы международной научно-практической конференции «Философия и культура в гуманитарном дискурсе», (г. Воронеж, 24-25 апреля 2020 года). – Воронеж : Воронежский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2020. – С. 173-183.

149. *Сулимов С. И.* Антисистемный потенциал современности / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2014. – №3. – С. 136-144.

150. *Сулимов С. И.* В поисках Бога: теистические антисистемы в мировой истории / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских. – Huntsville : Altaspera Publishing & Literary Agency Inc, 2014. – 430 p.

151. *Сулимов С. И.* Колонизация как социально-философский феномен (на примере русского освоения Литвы в

раннее Средневековье) / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // XVII Славянский научный Собор «Урал. Православие. Культура». Мир славянской письменности и культуры в православии, социогуманитарном познании: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Челябинск, Челяб. гос. ин-т культуры, 16-17 мая 2019 г.) – Челябинск : ЧГИК, 2019. – С. 152-158.

152. Сулимов С. И. Культурная картина мира доколумбовой Месоамерики / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // Международный научно-исследовательский журнал. – 2014. – №1 (20): в 4-х ч. – Ч. 4. – С. 109-113.

153. Сулимов С. И. Путь креста. Специфика христианской миссии в Новое время: монография / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских, В. Д. Черных. – Воронеж : Воронежский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2018. – 275 с.

154. Сустель Ж. Повседневная жизнь ацтеков накануне испанского завоевания / Ж. Сустель. – Москва : Молодая гвардия, 2007. – 287 с.

155. Сюаньлин Фан. История династии Цзинь / Фан Сюаньлин // Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. в 4 выпусках. – Москва : Наука, 2012. – Вып. 4: Ди и цяны. – С. 29-162.

156. Сюаньлин Фан. Цзинь-шу / Фан Сюаньлин // Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. в 4 выпусках. – Москва : Наука, 1989. – Вып. 1: Сюнну. – С. 29-162.

157. Таратута М. А. Американские абсурды / М. А. Таратута // Международная жизнь: ежемесячный научный журнал. – 2020. – №9. – С. 4-13.

158. Тацит П. К. Анналы. История / Публий Корнелий Тацит. – Москва : НФ «Пушкинская библиотека», 2005. – 828 с.

159. Тацит П. К. Сочинения в 2-т. / Публий Корнелий Тацит. – Санкт-Петербург : Изд-во Л. Ф. Пантелеева, 1886. – Т. 1. – 380 с.

160. Тессье Ж. Крещение Хлодвиг (25 декабря 496 года?) / Ж. Тессье. – Санкт-Петербург : Евразия, 2019. – 352 с.

161. Todd M. Варвары. Древние германцы. Быт, религия, культура / М. Тодд. – Москва : Центрполиграф, 2005. – 223 с.

162. *Тойнби А. Дж.* Постигание истории / А. Дж. Тойнби. – Москва : Айрис-пресс, 2010. – 640 с.
163. *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре в 2 т. / В. Н. Топоров. – Москва : Гнозис, 1995. – Т. 1: Первый век христианства на Руси. – 875 с.
164. *Треbelлий Поллион.* Божественный Клавдий / Поллион Треbelлий / Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. – Москва : Эксмо, 2006. – С. 836-847.
165. *Трегубова Д. Д.* О религиозной толерантности в Китае в эпоху Юань / Д. Д. Трегубова // «Хэй да ши люэ»: источник по истории монголов XIII в. / Отв. ред. А. Ш. Хадырбаев. – Москва : Наука, 2016. – С. 166-175.
166. *Тымовский М.* История Польши / М. Тымовский, Я. Кеневич, Е. Хользер. – Москва : Весь мир, 2004. – 544 с.
167. *Успенская Е. Н.* Раджпуты: рыцари средневековой Индии / Е. Н. Успенская. – Санкт-Петербург : Евразия, 2000. – 384 с.
168. *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. В 5 т. / Ф. И. Успенский. – Москва : АСТ, 2005. – Т.1. Период I (до 527 г.). Период II (518–610 гг.). – 621 с.
169. *Филиппов В. Р.* «Плохая новость» для Эммануэля Макрона / В. Р. Филиппов // Азия и Африка сегодня. – 2020. – №4. – С. 4-12.
170. *Фитуни Л. Л.* Агрессивные негосударственные участники геостратегического соперничества в «исламской» Африке / Л. Л. Фитуни, И. О. Абрамова // Азия и Африка сегодня. – 2014. – №12. – С. 8-15.
171. *Франкопан П.* Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий / П. Франкопан. – Москва : Эксмо, 2019. – 864 с.
172. *Фуллер Дж.* Вторая мировая война / Дж. Фуллер. – Смоленск : Русич, 2004. – 544 с.
173. *Хаген В. фон.* Ацтеки, майя, инки. Великие царства древней Америки / В. фон Хаген. – Москва : Центрполиграф, 2010. – 539 с.
174. *Хазанов А. М.* Кочевники и внешний мир / А. М. Хазанов. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2008. – 512 с.

175. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – Москва : АСТ, 2011. – 571 с.
176. *Хлевов А. А.* Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII веках / А. А. Хлевов. – Санкт-Петербурге: Евразия, 2002. – 335 с.
177. *Хоус Дж.* Краткая история Германии / Дж. Хоус. – Москва : Азбука-Аттикус, 2018. – 256 с.
178. «Хэй да ши люэ»: источник по истории монголов XIII в. / Отв. ред. А. Ш. Хадырбаев. – Москва : Наука – Восточная литература, 2016. – 254 с.
179. *Цветков С. Э.* Древняя Русь. Эпоха междоусобиц. 1054–1212 / С. Э. Цветков. – Москва : Центрполиграф, 2009. – 527 с.
180. *Черниговских И. В.* Европейский ислам: захватчик или жертва интриги? / И. В. Черниговских, В. Д. Черных // Субъективное и объективное в историческом процессе. Материалы международной научной конференции 21 апреля 2017 года / Отв. редактор Т. Э. Рагозина– Донецк : ДонНТУ, 2017. – С. 244-250.
181. *Черчилль У. С.* Рождение Британии / У. С. Черчилль. – Смоленск : Русич, 2005. – 512 с.
182. *Шан Ян.* Книга правителя области Шан / Ян Шан. – Москва : Рипол-классик, 2018. – 424 с.
183. *Шефов Н. А.* Битвы России / Н. А. Шефов. – Москва : АСТ, 2002. – 704 с.
184. *Широкова Н. С.* Идеализация варваров в античной литературной традиции / Н. С. Широкова // Античный полис: межузовский сборник. – Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1979. – Вып. 5. – С. 124-137.
185. *Шпенглер О.* Закат Европы в 2 т. / О. Шпенглер. – Минск : Поппури, 2009. – Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. – 704 с.
186. *Шпулер Б.* Золотая Орда. Монголы на Руси. 1223–1502 / Б. Шпулер. – Москва : Центрполиграф, 2017. – 415 с.
187. *Шпулер Б.* История мусульманского мира. Век халифов. Монгольский период / Б. Шпулер. – Москва : Центрполиграф, 2020. – 287 с.

188. *Шредер Э.* Народ Мухаммеда / Э. Шредер. – Москва : Центрполиграф, 2008. – 638 с.
189. *Эйзенштадт Ш. Н.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Ш. Н. Эйзенштадт. – Москва : Аспект Пресс, 1999. – 416 с.
190. *Юрченко А. Г.* Золотая Орда: между Ясой и Кораном (начало конфликта). Книга-конспект / А. Г. Юрченко. – Санкт-Петербург : Евразия, 2012. – 368 с.
191. *Юрченко А. Г.* Элита монгольской империи: время праздников, время казней / А. Г. Юрченко. – Санкт-Петербург : Евразия, 2012. – 432 с.
192. *Яшлавский А. Э.* Европейские мусульмане: непростые вопросы идентичности / А. Э. Яшлавский // Международная жизнь: ежемесячный научный журнал. – 2017. – №6. – С. 174-190.

Источники на иностранных языках

193. *Annales Fuldenses sive Annales regni Francorum orientalis / Rec. F. Kurze.* – Hannover, 1891. (Scriptores regnum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae Historicas separatim editi). – Unveranderter Nachdruck, 1993. – 152 p.
194. *Chronicon Roskildense // Scriptores minores historiae Danicae medii aevi / Rec. M. C. Gertz.* – Kobenkavn, 1970. – Vol. 1. – P. 3-33.
195. *Golden L.* My Long Journey Home / L. Golden. – Chicago : Third World Press, 2002. – 215 p.
196. *Lopez J. R.* Mafia handed 22 Indictments / J. R. Lopez // Los Angeles Times. – Volume 115, Issue 22. – 1995, May 2, Tuesday. – P. 2.
197. *Schneider P.* The New Berlin Wall / P. Schneider // New York Times Magazine. – 2005, Dec. 4. – URL: <https://www.nytimes.com/2005/12/04/magazine/the-new-berlin-wall.html> [Дата обращения: 21.01.2022]
198. *Sepulveda J. G.* Tratado sobre las Justas causas de la Guerra contra los indios / J. G. Sepulveda. – Mexico : Fondo de Cultura Economica, 1942. – 175 с.

Для заметок

Научное издание

Сулимов Станислав Игоревич
Черниговских Игорь Васильевич
Черных Владимир Дмитриевич

**ВАРВАРСТВО И ЦИВИЛИЗАЦИЯ:
СПЕЦИФИКА МЕЖКУЛЬТУРНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Монография

Издание публикуется в авторской редакции
и авторском наборе

Подписано в печать 21.02.2022. Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 30,57. Тираж 500 экз. Заказ 26

ООО Издательско-полиграфический центр «Научная книга»
394018, г. Воронеж, ул. Никитинская, 38, оф. 308
Тел.: +7 (473) 200-81-02, 200-81-04
<http://www.n-kniga.ru> E-mail: zakaz@n-kniga.ru

Отпечатано в типографии ООО ИПЦ «Научная книга»
394026, г. Воронеж, Московский пр-т, 11/5
Тел.: +7 (473) 220-57-15, 296-90-83
<http://www.n-kniga.ru> E-mail: typ@n-kniga.ru

Профессор Нелли Васильевна Мотрошилова (1934—2021), основоположник учения о внешнем и внутреннем варварстве

Внешние варвары. Современное изображение из открытых источников

Внутренние варвары. «Взятие Зимнего дворца», художник И. А. Владимиров

*Дикари на фоне цивилизации.
Картина Ж.-Л. Жерома Ферриса «День Благодарения»*

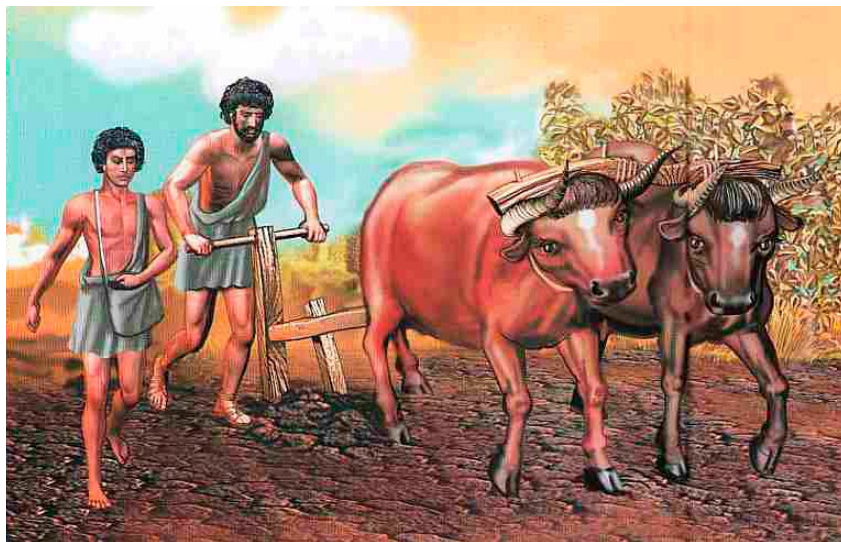
Евразийская степь, ареал обитания древних и средневековых кочевых варваров

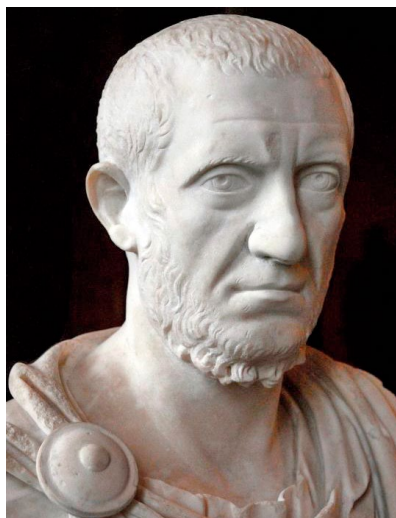
*Германские варвары у себя дома.
Современное изображение из открытых источников*

*Номады евразийской степи в домашней обстановке.
Современное изображение из открытых источников*

*Пахари античной цивилизации.
Современное изображение из открытых источников*

*Публий Корнелий Тацит (56—120),
подробно описавший быт и нравы
варваров-германцев*

Пахари китайской цивилизации. Средневековый китайский рисунок

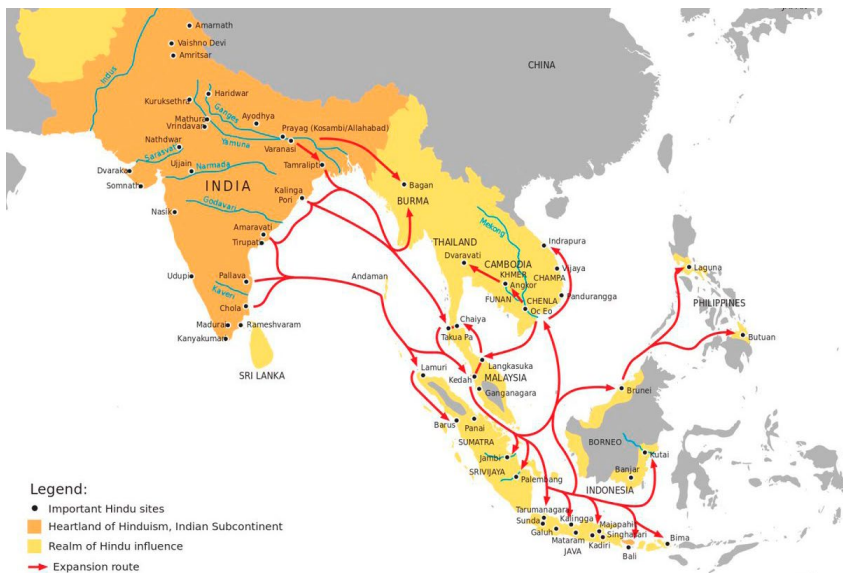
*Чиновники китайской цивилизации.
Средневековый китайский рисунок*

Пахари месоамериканской цивилизации

Пирамида Луны (Теотиуакан). Современный вид

Арьяварта: ареал индийской цивилизации

Римские легионеры. Современное изображение из открытых источников

*Китайские воины-фубин династии Тан.
Современное изображение из открытых источников*

*Германские воины эпохи «тёмных веков».
Кадр из фильма «Король Артур» (2004)*

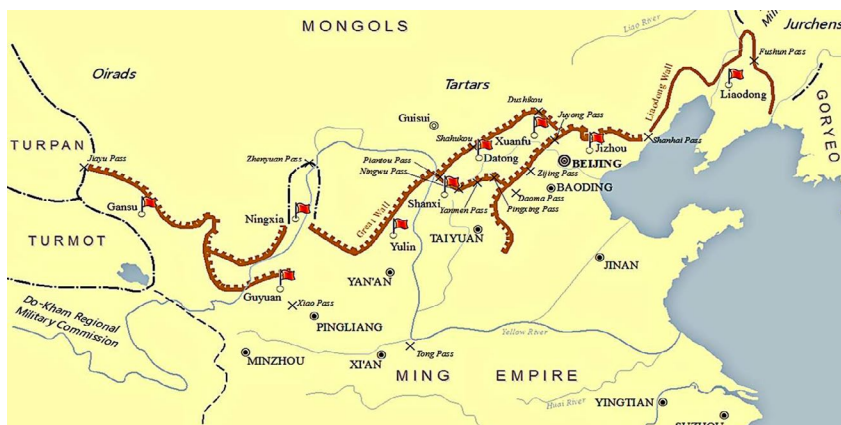
Степной конный лучник. Современная киргизская реконструкция

«Верцингеторикс сдаётся Цезарю». Художник Л. Руайе

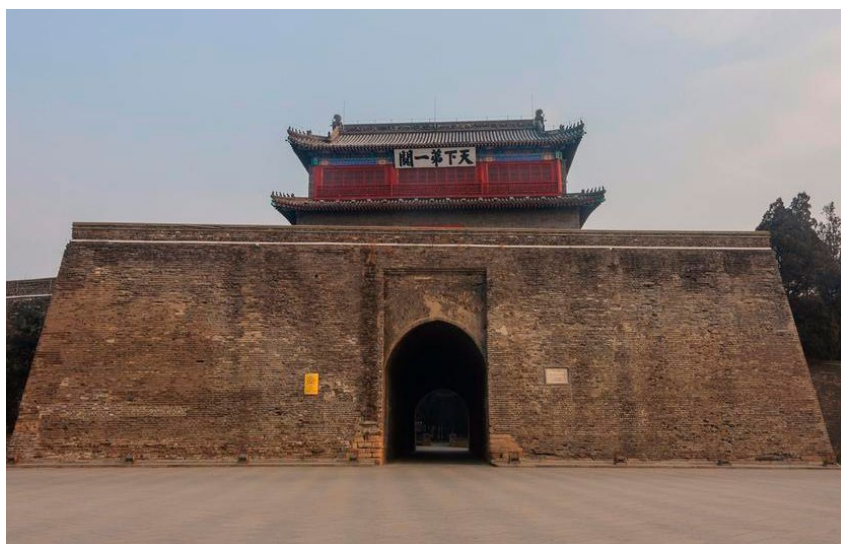
Адрианов вал (британский фрагмент римского лимеса). Современный вид

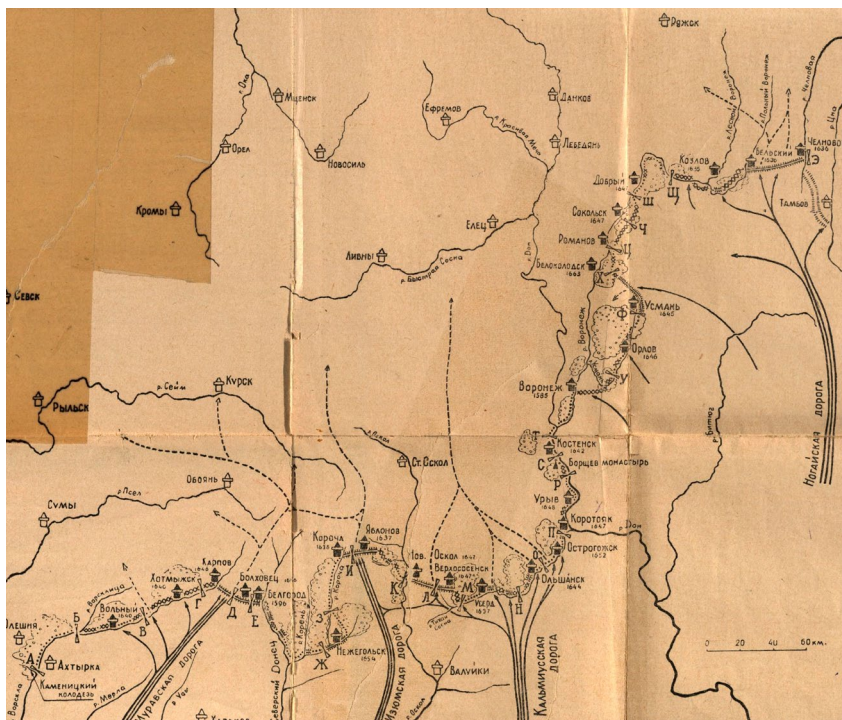
Великая китайская стена в эпоху династии Мин. Современная карта

Великая китайская стена. Современный вид

*Шанхайгуаньская застава, которую в 1644 г. комендант сдал ко-
чевникам без единого выстрела. Современный вид*

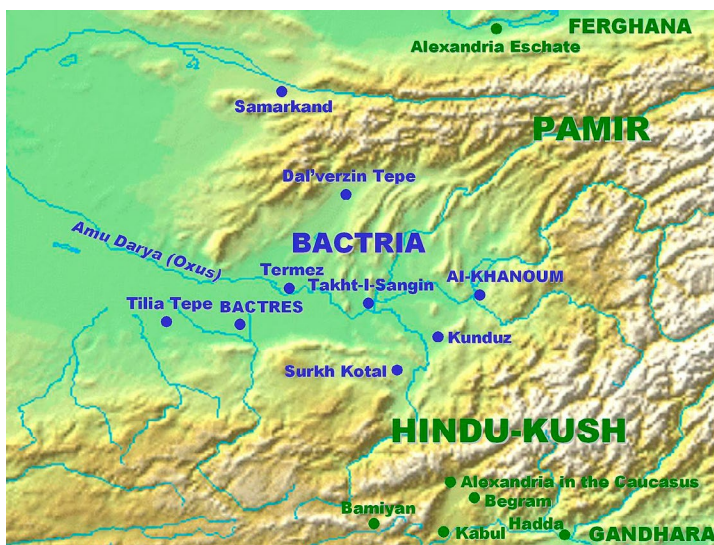
*Белгородская засечная черта.
Карта составлена профессором В. П. Загоровским*

Индийская крепость Читторгарх, которая несмотря на свои укрепления, не выдержала ни одной осады. Современный вид

*Казачи Дона и Запорожся, ставшие союзниками русской короны
вне границ лимеса. «На сичь», художник А. П. Лях*

*Греко-бактрийское царство: неудачный пример навязывания
варварам светской этики и толерантности*

*Святитель Фрументий Аксумский,
креститель Эфиопии*

«Крещение Хлодвиг». Художник Ф.-Л. Дежюинь

*Проповедь святого Ансгария датчанам.
«Миссионер Ансгарий», художник Г. фон Розен*

*Памятник святому Ансгару
в Копенгагене. Современный вид*

*Креститель Норвегии конунг /
король Олаф II Святой*

*Великое княжество Литовское:
последний оплот язычества в Европе*

Литовский князь Кейстут Гедиминович (1297—1382), ревностный защитник язычества

Литовский князь Ягайло Ольгердович (1362—1434), ставший католическим королём Владиславом

*Хан Хулагу и хониям Докуз-хатун, гонители ислама
в Персии и Месопотамии. Персидская миниатюра*

*Фрагмент развалин буддийского храма в Дашкесане
(Азербайджан), построенного по приказу хана Хулагу*

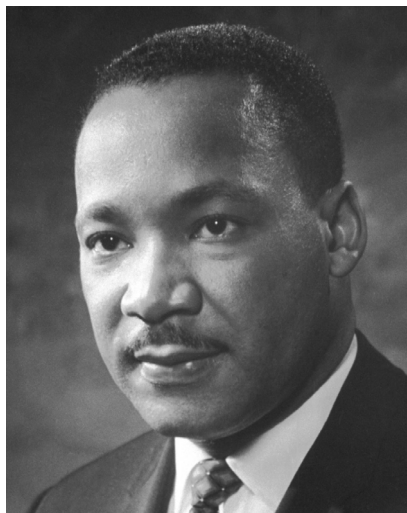
Расовая сегрегация в США. Надпись на табличке «Зал ожидания для негров»

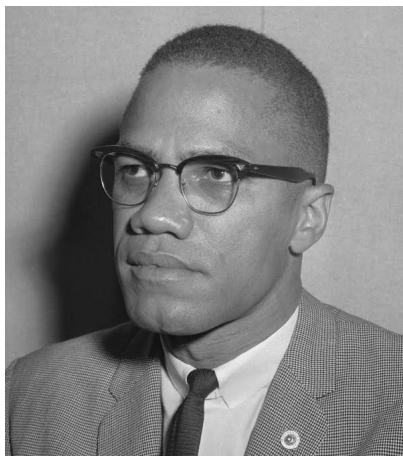
Хоук Ньюсом, один из лидеров движения «Black lives matter»

Групповое фото членов «Храма мавританской науки в Америке», 1928 г.

*Мартин Лютер Кинг
(1929—1968), борец за равные пра-
ва для всех граждан США*

*Малкольм Литтл (1925—1965), боль-
ше известный как Малкольм Икс,
сторонник учреждения в США ра-
совой сегрегации, направлен-
ной против белых американцев*

Главные бенефициары борьбы с расизмом в США

Харки: алжирский доброволец французских колониальных войск. Его главной мечтой была эвакуация во Францию, если Алжир получит независимость

Марин Ле Пен уже много лет возглавляет «Национальный фронт» и противостоит исламизации Франции

Потомки харки не довольны президентом Франции Эммануэлем Макроном

ISBN: 978-5-4446-1657-4

9 785444 616574